

1923–1929

Ольга
Берггольц
Мой дневник

1923
1929

22 декабря 1923 года! Ну, наверное, ты и сейчас часть своего детства дивным. Ведь чуть полгода не века, шутка ли сказать! Ну, я помню все, но только как можно коротко. Господь устроил так, что мама поехала в деревню; спустя неделю туда прибыли и мы с Муссой. Ах, что за чудное, незабвенное лето провели мы! Долго-долго будут храниться в моей памяти те дивные места, лица, все те события, которые мы пережили там, а жили мы очень и очень весело. 19. III. 1923. В этой сиротной тетрадке, день за днем буду я вести запись моей жизни.... Ничего не должно быть скрыто от тебя, мой друг дневник, — я поделилась с тобою малейшей радостью и горестью..... 1924. 24 июля. Египет. «Мои мальчики». Сегодня мой именины! Я проснулась рано-рано и не могла уснуть уже, а только дремала урывками. Скоро встала мама и начала стирать. Она разбудила Мусю, и обе они начали стирать и что-то делать. Я знала, что это они из-за меня так рано встали, мне было очень приятно, но вместе с тем и стыдно чего-то. Я задремала, а когда проснулась, то савошь прозрачную саванеску увидела, как мама, Муся и Анята стирали: месили тесто, защищывали пирожки, смеялись и шутили. Неизъяснимая любовь залила мою душу. Эти милые, любящие меня люди старались для меня и из-за меня.. 1925. Какой хорошенький новенький у меня дневничок — (правда, из краденой бумаги), но ничего. Завтра поеду в «Юный пролетарий». Поместят или нет мои стихи? Если поместят, то, конечно, заплатят деньги... Нет!.. Никогда! Ни за какие деньги не буду писать специально для журналов. Писать из-за денег и на заказ — значит — не уважать себя! Дневник. Ольга Берггольц. 1926. Смелей, человек, и будь горд! Не ты виноват. Кому повею печаль мою? Я не хочу подчиняться темной силе, принимающей вид тарангула. Будет явней человек, счастливый и гордый. 1926. Только что хотела писать тогда о многом-многом, как пришел Борьна, езда удалось спасти тетрадку. Теперь уж и не помню, о чем хотела писать. У Ахматовой на той неделе была. Господи, какая ослепая, обаятельная женщина!

Ольга
Берггольц
Мой дневник

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Ольга Берггольц

Мой дневник
1923–1929

 КУЧКОВО
ПОЛЕ

Москва
2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос–рус)6
Б48

**Редакционный совет Российского государственного
архива литературы и искусства**

*Т. М. Гурьева (председатель), Л. М. Бабаева, Л. Н. Водрова, Е. В. Бронникова, А. Л. Евстигнеева,
Т. Л. Латыпова, М. А. Рашковская, Н. А. Стрижкова, Е. Ю. Филькина*

**Ответственный составитель
Н. А. Стрижкова**

**Научный редактор
Н. А. Проворова**

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проекты № 16-04-16160; № 09-04-00173а

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

Изображения для издания предоставлены Российским государственным
архивом литературы и искусства

Берггольц О. Ф.

Б48 Мой дневник. Т. 1: 1923–1929 / составление, текстологическая подготовка, подбор иллюстраций
Н. А. Стрижковой; вступительные статьи Т. М. Гурьевой, Н. А. Стрижковой; комментарии, указате-
ли О. В. Быстровой, Н. А. Стрижковой. — М.: Кучково поле, 2016. — 768 с.: 16 л. ил.

ISBN 978-5-9950-0581-0

О. Ф. Берггольц (1910–1975) — поэтесса, «Ленинградская Мадонна», чьи вдохновенные, трагиче-
ские стихи звучали в унисон с эпохой, их знала и любила вся страна. Но подлинная история ее
жизни открывается только сейчас с публикацией дневников, которые она вела на протяжении
всей своей жизни, с 1923 по 1971 год. Они хранятся в составе ее личного фонда в Российском госу-
дарственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Долгие годы эти тетради (74 ед. хр.) находи-
лись на закрытом хранении, сначала по распоряжению государства, затем по воле наследников.

Первая книга многотомного издания, в которую вошли ранние дневники 1923–1929 годов, от-
крывает полнотекстовую научную публикацию всего корпуса хранящихся в РГАЛИ дневников
О. Ф. Берггольц в хронологической последовательности. Текст записей воспроизводится полно-
стью по автографам. Издание снабжено научно-справочным аппаратом, комментариями, стать-
ями, фотографиями и факсимильными изображениями документов из личного фонда О. Ф. Берг-
гольц в РГАЛИ

ISBN 978-5-9950-0581-0

© Российский государственный архив литературы и искусства, 2016
© Берггольц О. Ф. (наследники), текст дневников, 2016
© Гурьева Т. М., вступительная статья, 2016
© Быстрова О. В., комментарии, 2016
© Стрижкова Н. А., составление, текстологическая подготовка,
комментарии, вступительная статья, подбор иллюстраций, 2016
© ООО «Кучково поле», макет, оформление, 2016

К истории архива Ольги Берггольц

Архивы как зеркало отражают жизнь и судьбу их владельцев. Чем сложнее и трагичнее судьба человека, тем запутаннее и драматичнее история его архива. За спасение рукописей порой приходится расплачиваться слишком дорогой ценой — свободой и даже жизнью... История дневников Ольги Берггольц как часть истории ее творческого архива отражает атмосферу подозрительности и страха, в которой люди сталинской эпохи продолжали жить, стараясь сохранить свое достоинство и творческую независимость. И вся эта история до сих пор окружена недосказанностью и двусмысленными толкованиями. Тогда как на самом деле все события строго документированы, собраны и хранятся в делопроизводстве РГАЛИ.

Когда в декабре 1975 г. в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР появилась Мария Федоровна Берггольц, его сотрудники были крайне удивлены: к этому времени в Ленинграде уже существовал свой городской архив литературы и искусства. Тем не менее она просила срочно прислать в Ленинград сотрудников ЦГАЛИ для составления описи архива ее сестры¹. Архив принадлежал Ольге Федоровне Берггольц.

В кратчайший срок эта работа была проделана. Для этого уже 6 января 1976 г. в Ленинград была командирована старший научный сотрудник архива Н. А. Петропавловская для составления описи². Что же явилось причиной того, что Мария Федоровна доверила эту работу именно московским архивистам? Стало известно, что такая ситуация возникла из-за конфликта между наследницей и Комиссией по литературному наследию О. Ф. Берггольц. Дело в том, что вскоре после смерти Ольги Федоровны часть архива была без ведома Марии Федоровны изъята из квартиры и перевезена в опечатанном виде в Ленинградский архив литературы и искусства. Главную «опасность», по мнению Комиссии по литературному наследию, представ-

ляли дневники автора. В КГБ было давно известно о содержании этих тетрадей, они тщательно изучались еще в 1938 г. после ареста их автора.

Из письма Н. А. Петропавловской Н. Б. Волковой от 11 января 1976 г.:

«8 января в четверг состоялось заседание комиссии по наследию О. Берггольц, на котором мы с Сиротинской³ были, о котором она Вам, вероятно, уже рассказала. Этому заседанию, первому по счету, предшествовала длительная тяжба М. Ф. (Марии Федоровны. — Т. Г.) с комиссией по поводу того, что, во-первых, комиссия отказывалась предоставить людей для разборки архива на дому и требовала его переправки в мешках в одно из ленинградских хранилищ и, во-вторых, комиссия без ведома М. Ф. изъяла дневники и еще какие-то материалы и отправила их в ЛГАЛИ. Возник конфликт, в результате которого был визит М. Ф. к нам с просьбой выслать специалиста с обещанием передать архив в РГАЛИ.

9/1 состоялось вскрытие квартиры, на которое явился оргсекретарь Союза⁴ и заявил, что комиссия слагает с себя ответственность за судьбу архива Берггольц и передает все функции М. Ф. Думаю, что этот шаг является либо средством давления на нее, либо комиссия хочет отмежеваться от своих явно незаконных действий — изъятия дневников и попустительства в разграблении вещей О. Берггольц ее домработницей. Так или иначе, контакты с комиссией пока прерваны, а мы (я и сотрудница Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, близкий друг О. Ф. и М. Ф., приглашенная на правах помощника с разрешения нотариуса) приступили к работе»⁵.

Об этих обстоятельствах Н. Б. Волкова сообщила начальнику Главного архивного управления при Совете министров СССР Ф. И. Долгиху 8 января 1976 г., уточнив, что 39 тетрадей-дневников были переданы на временное хранение Комиссией по литературному наследию О. Ф. Берггольц без ведома и вопреки желанию наследницы, и теперь они недоступны для составления описи всего архива⁶. Более подробно об этом говорится в рабочем дневнике Н. А. Петропавловской:

«13 января... С утра поехала к Блинову⁷ выяснять ситуацию и изложить вопрос о необходимости включения дневников в общую опись. А. М. Блинов согласился со мной, что опись должна быть единой, но сказал, что, поскольку дневники были сданы на хранение СП без его согласия, он их выдать не может, даже для описи внутри архива. Я ознакомилась с актом

передачи дневников О. Б., которые были приняты без описи, по счету. Однако он сказал, что проконсультируется с Управлением СП, и просил заготовить отношение от нот[ариальной] конторы.

К 12 ч. приехала на квартиру О. Б. для продолжения разборки архива. М. Ф. звонила члену комиссии по наследию Хренкову, долго и бурно требовала возвращения дневников, в изъятии которых он участвовал. Затем я взяла трубку и объяснила ему, что речь идет не о возвращении, а о переоформлении их на хранение от имени М. Ф., пересчете их и включении их в опись... Он сказал, что дневники содержат криминальные вещи и в государственных интересах не допускать к ним никого. Он сообщил также, что действия СП были одобрены обкомом и КГБ»⁸.

Так называемая сдаточная опись была составлена и заверена Н. А. Петропавловской, главным библиографом Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина М. Машковой, нотариусом Г. Юровой 19 января 1976 г. Из этой описи очевидно, что на момент ее составления в квартире находились 33 тетради-дневники (1933–1960 гг.)⁹, указывалось также, что 39 тетрадей находятся на временном хранении в ЛГАЛИ.

В свою очередь Ленинградская писательская организация обратилась 6 февраля 1976 г. с письмом за подписью первого секретаря Правления А. Н. Чепурова в Совет министров РСФСР с просьбой дать указание передать все материалы литературного наследства в Архив литературы и искусства, ленинградский адрес архива: Ленинград, ул. Воинова, д. 54¹⁰. При этом не учли одного — характер и твердость Марии Федоровны. Она во что бы то ни стало решила отстоять свои права. И надо отдать должное целеустремленности Марии Федоровны: многочисленные обращения в городскую прокуратуру и нотариальную контору дали свои результаты. Во всяком случае, архивные руководители вынуждены были этот сложный вопрос решать на основании ст. 92 ГК РСФСР о праве законного наследника распоряжаться своим имуществом. В письме заместителя начальника Главархива СССР А. С. Малитикова в Главархив РСФСР говорится о невозможности приостановки передачи законной наследницей архива О. Берггольц в ЦГАЛИ в соответствии с заключенным договором¹¹.

Но на этом борьба не закончилась, а только вошла в новую фазу. Каждая из сторон предпринимала очередные шаги, и теперь предполагалось выкупить у законной наследницы ее права в пользу государства. Но вначале Марии Федоровне было отказано в получении свидетельства о наследстве. Вслед за этим последовали ее решительные действия.

«Правительственная телеграмма

Председателю Совета Министров РСФСР товарищу Соломенцеву Михаилу Сергеевичу

От Берггольц Марии Федоровны

Моя сестра поэт Ольга Федоровна Берггольц скончалась 13 ноября 1975 г тчк Я ее единственный наследник тчк сейчас по истечении законного полугодия мне отказано нотариусом Первой нотариальной конторы г. Ленинграда Михайловым И. Ф. выдаче мне наследственного удостоверения двоеточие предложено исключить из него право на литературный архив моей сестры тчк Нотариус Михайлов устно мотивирует такое грубое нарушение закона своим ожиданием звонка о решении по неизвестному мне письму якобы направленному Совету Министров РСФСР о выкупе у меня прав на архив зпт поэтому я и обращаюсь к вам тчк Архив сестры я бережно собрала подвергла описи и сдала на временное хранение в Ленинградский государственный архив литературы и искусства зпт с тем чтобы вступив в права наследства и пополнив состав архива собранными за полугодие ценными материалами своевременно сдать его в целом на постоянное хранение тчк Закон предоставляет мне право выбора постоянного хранилища и я это право хочу использовать тчк всю жизнь я тесно связана с творчеством сестры ее замыслами зпт намерена совместно с комиссией по наследию в которой я состою собрать ее посмертную книгу тчк кроме того мои наследники два сына внук молодые люди и когда будут открыты материалы архива которые сейчас должны быть на закрытом хранении тире это будет их достоянием тчк Поэтому считаю выкуп моих прав для себя неприемлемым если такой вопрос действительно стоит тире пока это только предположение нотариуса прошу вас Михаил Сергеевич вмешаться в это дело и помочь мне немедленно получить свидетельство о праве на наследство по закону включающее архив тчк [адрес, телефон. — Т. Г.] с глубоким уважением Мария Берггольц. Приписка: Направлена группой писем Совмина РСФСР в Минюст РСФСР 21 мая 1976 г Направлена в отдел юстиции Ленгорисполкома. 25 мая 1976¹²».

Одновременно М. Ф. Берггольц направила жалобу в Смольнинский районный народный суд г. Ленинграда (в пор. ст. 245 ГПК РСФСР).

«13 ноября 1975 г умерла Берггольц Ольга Федоровна. Я, Берггольц Мария Федоровна, являюсь единственной наследницей умершей. 24 ноября

1975 г. мною было подано заявление в Первую гос. нотариальную контору г. Ленинграда о принятии наследства, оставшегося после умершей. Однако, несмотря на то, что установленный законом срок для выдачи свидетельства о праве на наследство истек, ст. нотариус Михайлов И. Ф. отказал мне в выдаче свидетельства о праве на наследство на все имущество, оставшееся после смерти наследодателя. В частности, нотариус отказывается выдать свидетельство о праве на наследство рукописей наследодателя. Отказ этот не основан на требованиях закона и не содержит какой бы то ни было мотивировки. Он противоречит и действиям нотариальной конторы, произведенным в порядке обеспечения принятия наследства. Так, нотариусом т. Юровой была произведена опись всего имущества, оставшегося после умершей, и в эту опись были включены и рукописи, сданные мною добровольно в Ленинградский государственный архив литературы и искусства (ЛГАЛИ).

При таком положении нотариус обязан выдать свидетельство о праве на наследство на все имущество, в том числе и на рукописи, хранящиеся в ЛГАЛИ.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 532, 557, 553 ГК РСФСР, ст. ст. 271, 273 ГК РСФСР,

ПРОШУ:

обязать нотариуса выдать мне свидетельство о праве на наследство на все имущество, перечисленное в описи, в том числе и на рукописи, хранящиеся в ЛГАЛИ.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

1. Копия наст. жалобы.
2. Марка госпошлины 30 коп.
3. Отказ нотариуса.
4. Опись.
5. Главархив — письмо. 27 мая 1976 г.»¹³.

Позиция Союза писателей РСФСР была изложена в письме от 28 мая 1976 г. председателем правления союза С. В. Михалкова заместителю председателя Совета министров РСФСР В. И. Кочемасову.

«Уважаемый Вячеслав Иванович!

14 декабря¹⁴ 1975 года в Ленинграде скончалась выдающаяся советская поэтесса Ольга Федоровна Берггольц. В ее архиве содержится ряд документов, представляющих большую литературную и общественную зна-

чимость, — в том числе неопубликованные произведения, дневники, записные книжки, переписка с Пастернаком, Солженицыным, Ахматовой, Шостаковичем, Горьким, Твардовским, Маршакom, Лидией Чуковской и другими.

В соответствии со ст. 501 ГК РСФСР секретариат правления Союза писателей РСФСР просит Совет министров РСФСР вынести решение о выкупе архивными организациями части материалов архива О. Ф. Берггольц, согласно оценке экспертной комиссии.

В случае передачи указанных материалов наследнице поэтессы М. Ф. Берггольц не исключается возможность их использования как в ущерб автору, так и государству. Учитывая, что 14 мая с. г. М. Ф. Берггольц вступила в права наследства, вопрос о выкупе части архива требует незамедлительного решения.

С уважением, председатель Правления Союза писателей РСФСР Сергей Михалков»¹⁵.

К этому письму было приложено заключение комиссии, созданной постановлением Секретариата Правления СП РСФСР (протокол № 9 § 15 от 26 мая 1976 г.), в котором говорится, что комиссия, «познакомившись в Ленинградском государственном архиве литературы и искусства с сданным ему на временное хранение архивом писательницы О. Ф. Берггольц, пришла к заключению, что в интересах доброго имени писательницы и чтобы не нанести ущерба государству, закрыть часть архива О. Ф. Берггольц и выкупить ее государством у наследницы — М. Ф. Берггольц.

Целесообразно выкупить следующие документы:

1. Записные книжки, тетради (описи №№ 1 и 2, пп. 3,35)
 2. Дневники на период с 1934 по 1971 г. (опись № 2 пп. С 13 по 31)
 3. Письма (опись № 2 пп. 33 и 34)
 4. Дневники (опись № 3 пп. С 19 по 34)
 5. Черновые записи — 5 папок (опись № 1 п. 4)
 6. Письма к О. Ф. Берггольц и письма О. Ф. Берггольц (опись № 1 пп. 6 и 7)
- Члены комиссии П. Кочурин, М. Колосов, Д. Хренков»¹⁶.

Понятно, что после этого отношения с ленинградскими властями были вконец испорчены. 12 июля 1976 г. между ЦГАЛИ СССР и М. Ф. Берггольц было заключено соглашение, по которому архив взял на себя все виды работ, включая транспортировку в Москву всех находящихся в ЛГАЛИ ма-

териалов архива¹⁷. 13 июля 1976 г. Н. Б. Волкова обратилась к начальнику Главархива СССР с просьбой о содействии в передаче архива О. Берггольц из ЛГАЛИ в установленном порядке в соответствии с заявлением наследницы и соглашением между ней и ЦГАЛИ¹⁸. Вскоре эта работа была организована, о чем свидетельствуют письма начальника Главархива РСФСР Н. И. Иванова в Архивное управление Леноблгорисполкома Т. С. Копыховой (копия Н. Б. Волковой) об организации передачи архива в ЦГАЛИ. Ответственность за сохранность документов и содержащихся в них сведений во время оформления для передачи представителю фельд-связи возлагалась лично на директора ЛГАЛИ А. М. Блинова. В письмах от 5 и 12 августа 1976 г. директора ЛГАЛИ А. М. Блинова в ЦГАЛИ сообщалось о высылке личного архива О. Берггольц, «упакованного и опечатанного в 39 связках и 2 чемоданах общим весом 176 кг». В письме также говорится, что «в связи с тем, что архив (ЛГАЛИ. — Т. Г.) принимал эти материалы на временное хранение в связках и папках, опечатанных Государственной нотариальной конторой № 1 Ленинграда, подокументный просмотр их не проводился»²⁰.

12 августа Н. Б. Волкова подтвердила получение архива фельдъегерской почтой в аналогичном количестве и составе²¹. Об этом же докладывал начальник Главархива РСФСР Н. И. Иванов в Совет министров РСФСР 2 августа 1976 г. и в Главархив СССР 18 августа 1976 г., обращая особое внимание руководства на то, «что в этот перечень включены документы, которые, по мнению правления Союза писателей РСФСР (т. Михалков), в случае передачи их наследнице поэтессы М. Ф. Берггольц или другим частным лицам, могут быть использованы как в ущерб автору, так и государству»²².

Мы специально так подробно останавливаемся на этом потому, что именно такой порядок перемещения стал причиной очередного конфликта с Марией Федоровной. Она утверждала, что подготовка материалов архива к перемещению была произведена без ее предварительного осмотра, а о том, что архив уже в Москве, она узнала только из телеграммы ЦГАЛИ²³. Тревога и подозрительность Марии Федоровны можно было объяснить исчезновением в ленинградской квартире трех тетрадей дневника. С этими тетрадями была связана целая история. Во время очередной поездки Ольги Федоровны и ее мужа Г. П. Макогоненко на дачу в 1949 г. они заметили (или им обоим показалось), что их преследует черный автомобиль. Не удивительно, что они в ужасе пытались любым способом избавиться от опасных документов.

Из дневников О. Ф. Берггольц: *«В день отъезда Юра прибежал из издательства дико взволнованный и сказал, чтобы я уничтожила всякие черновики, кое-какие книжонки из “трофейных” и дневники... мы поехали,*

ощущение погони не покидало меня... Обернувшись, увидела мертвенные фары, прямо идущие на нас, обернулась на какой-то раз и вдруг вижу, что это луна, обломок луны, низко стоящий над самой дорогой...»²⁴

На следующий день после мнимой погони дневники были прибиты к внутренней стороне дачной скамейки и навсегда приобрели эту отметку. Именно эти тетради Ольга Федоровна особенно берегла: хранила отдельно в закрытом ящике письменного стола или прибывала к обратной стороне кресла.

После смерти сестры Мария Федоровна тщетно пыталась найти их в квартире, но они неожиданно были обнаружены в Москве в опечатанных связках и чемоданах, но в изуродованном виде²⁵. Со слов Марии Федоровны, именно во время подготовки к транспортировке в Москву пакеты могли быть вскрыты и из трех тетрадей варварским образом вырваны почти все листы. Это были дневниковые записи 1938–1941 гг. и 1949 г. Их содержание восстановить невозможно. Но это было окончательно установлено только в октябре 1976 г., после того как комиссия по разбору и проверке архива (В. К. Зонтиков, М. В. Малшкова, Н. А. Петропавловская, М. В. Моисеева, включая, конечно, и М. Ф. Берггольц) смогла приступить к работе. В сентябре Мария Федоровна была занята хлопотами, «связанными с передачей кабинета и вещей в Пушкинский Дом для экспозиции, судебным делом о наследстве» (письмо М. Ф. Берггольц Н. Б. Волковой от 3 сентября 1976 г.)²⁶.

Акт о принятии архива был подписан 9 декабря 1976 г. В нем говорится, что при вскрытии 17 мешков с архивными материалами О. Ф. Берггольц все печати оказались целыми. Однако при просмотре содержимого мешков было установлено, что в двух случаях печати раскрошились, а в двух пакетах содержимое можно достать, не нарушая печати²⁷.

Обострение ситуации возникло на стадии переговоров о покупке архива. Так, в письме от 28 июля 1978 г. Мария Федоровна еще раз подчеркнула, что упаковка материалов в ЛГАЛИ проходила в ее отсутствие, и только скрупулезная работа группы по разборке материалов дала свои неожиданные результаты:

«В последний день нашей работы в декабре я обнаружила совместно с проверявшими наличие черновых записей, тт. Н. А. Петропавловской и В. К. Зонтиковым, ДВА ДНЕВНИКА, при описи в квартире моей сестры не обнаруженных производившими опись, хотя мы тщательно ИСКАЛИ ТРИ ТЕТРАДИ ДНЕВНИКОВ, с отличительным признаком: прибиты гвоз-

дем, именно две из этих трех тетрадей были обнаружены в пакете, в который можно было попасть, не нарушая печати.

При дальнейшем разборе (сейчас, в июне 1978 года) обнаружена и третья тетрадь ДНЕВНИКА — в пакете “рукописный”.

Три тетради изуродованы, почти уничтожены: в одной из них (общая тол. серого цвета) осталось ТРИ листа, остальные грубо вырваны, в другой (общ. коричневая) осталось несколько больше, в третьей (тоже серая общая) сняты все, кроме одной, записи, отмеченные рукой Ольги Берггольц на обложке как наиболее значительные.

В процессе работы возникают и другие “неожиданности”, я отметила наиболее значительные, другие здесь не буду перечислять, но все они требуют, чтобы их зафиксировали. Проверка и уточнение описи еще не доведены до конца.

Возникает недоумение: стоило ли подписывать акт приема архива от ЛГАЛИ? Не столько потому, что не была еще проведена проверка описи, НО И ПОТОМУ, ЧТО ЛГАЛИ — ЯВЛЯЯСЬ ВРЕМЕННЫМ ХРАНИТЕЛЕМ, А НЕ СООБСТВЕННИКОМ АРХИВА, НЕ ИМЕЛ ПРАВА ПЕРЕДАВАТЬ АРХИВ БЕЗ НАСЛЕДНИКА, А У ЦГАЛИ НЕ БЫЛО ОСНОВАНИЙ ЗАКРЕПЛЯТЬ ЭТОТ АКТ БЕЗ НАСЛЕДНИКА»²⁸.

Вслед за этим по просьбе Марии Федоровны и ЦГАЛИ Г. П. Макогоненко и М. В. Машковой были даны письменные свидетельства, в которых подробно излагается все, что было им известно о дневниках Ольги Федоровны. Приводим эти тексты полностью.

«В ЦГАЛИ от доктора пед. наук, ст. научн. сотрудника Гос. Публичной б-ки М. В. Машковой

Заявление от 28 мая 1978 г.

Подтверждаю, что при описи архива О. Ф. Берггольц в январе 1976 г. не было обнаружено нескольких дневниковых тетрадей с отличительным признаком — пробиты гвоздем, хотя мы с М. Ф. Берггольц их тщательно искали. Эти тетради О. Ф. Берггольц особенно ценила и берегла»²⁹.

«Г. Макогоненко:

Уважаемая Мария Федоровна!

Вы просили меня сообщить, что мне известно о дневниках Ольги Берггольц. Выполняю Вашу просьбу. Мне известно, что в письменном столе своем она хранила все свои дневники за многие годы. Знал со слов Ольги Федоровны, что было много тетрадей. Три из них мне приходилось дер-

жать в руках — это толстые общие тетради в сером и коричневом переплетах. Ольга Федоровна в пятидесятые годы, готовя вторую часть книги “Дневные звезды”, читала мне из этих тетрадей записи, которые она хотела использовать в книге. Записи касались жизни Ольги Федоровны в 1938, 1939, 1940 и 1941 годах.

В последний раз я видел эти тетради где-то в 1975 или 1976 годах (описка: О. Берггольц умерла в 1975 г — Т. Г.), когда во время моих посещений Ольги Федоровны она вновь обращалась к планам “Дневных звезд” и читала новые варианты записей из этих же тетрадей.

Отличительная внешняя особенность этих тетрадей — на них сохранился след от гвоздя, которым они были в свое время прибиты к деревянной лавке. В 70-е годы тетради эти хранились по-прежнему в ящиках письменного стола — я видел, как Ольга Федоровна вынимала их оттуда. По словам Д. Хренкова, Ольга Федоровна и ему читала записи именно из этих тетрадей. Из Ваших слов, Мария Федоровна, мне известно, что этих трех тетрадей, пробитых гвоздем, в числе сданных дневников О. Берггольц в архив — не оказалось. Следовательно, они были украдены из ящиков письменного стола до того, как они были переданы в архив. 15 августа 1978 г.»³⁰.

Окончательно архив О. Ф. Берггольц был приобретен в государственную собственность в начале 1985 г., о чем свидетельствуют договор и приложение, в котором оговаривались условия доступа к архивным документам и особые права наследников. Таким образом, все дневниковые тетради за исключением нескольких юношеских тетрадей³¹, которые находятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Ф. 870)³², оказались вместе с полным творческим и личным архивом О. Ф. Берггольц в Москве — в ЦГАЛИ СССР³³. В связи с рекомендациями Секретариата Союза писателей и указаниями Главного архивного управления решено было поместить дневники на закрытое хранение. Что же так пугало чиновников в этих тетрадях? Ответ хранится на страницах самих дневников, которые О. Ф. Берггольц вела с девизом «Абсолютная честность и правда»³⁴. Сегодня мы уже можем открыть их и прочитать эту книгу, книгу «радости и скорби».

Т. М. Горьева

- ¹ Заявление Марии Федоровны от 4 января 1976 г. в ЦГАЛИ с просьбой прислать сотрудника для составления охранительной материальной описи всех материалов для последующей передачи в ЦГАЛИ // РГАЛИ. Дело фонда № 2888 (О. Ф. Берггольц). С. 1.
- ² Направление в Нотариальную контору № 1 // Там же. С. 2.
- ³ И. П. Сиротинская (1932–2011) — заместитель директора ЦГАЛИ СССР.
- ⁴ Речь идет о писателе В. Н. Кукушкине (1908–1997), оргсекретаре Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР.
- ⁵ РГАЛИ. Дело фонда № 2888. С. 6–7.
- ⁶ Там же. С. 5.
- ⁷ А. М. Блинов — директор ЛГАЛИ.
- ⁸ РГАЛИ. Дело фонда № 2888. С. 17–18.
- ⁹ Там же. С. 27–29.
- ¹⁰ Там же. С. 87.
- ¹¹ Там же. С. 88.
- ¹² Там же. С. 91.
- ¹³ Там же. С. 93.
- ¹⁴ Так в тексте. Ошибочно указана дата смерти вместо 13 ноября 1975 г.
- ¹⁵ РГАЛИ. Дело фонда № 2888. С. 92.
- ¹⁶ Там же. С. 89.
- ¹⁷ Там же. С. 23.
- ¹⁸ Там же. С. 24.
- ¹⁹ Там же. С. 25.
- ²⁰ Там же. С. 26.
- ²¹ Там же. С. 32.
- ²² Там же. С. 94–95.
- ²³ Фототелеграмма М. Ф. Берггольц 18 августа 1976 г. // Там же. С. 34.
- ²⁴ РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 367. Л. 28об. Запись 31 октября 1949 г.
- ²⁵ РГАЛИ. Дело фонда № 2888 (О. Ф. Берггольц). С. 5, 11–13.
- ²⁶ Там же. С. 36–37.
- ²⁷ Там же. С. 38.
- ²⁸ Там же. С. 39–41.
- ²⁹ Там же. С. 54.
- ³⁰ Там же. С. 53.
- ³¹ См. об этом: Берггольц О. Ф. Дневниковые тетради 1923 г. / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. А. Прозоровой // «Так хочется мир обнять»: О. Ф. Берггольц. Исследования и публикации: К 100-летию со дня рождения. СПб., 2011. С. 125–202; Прозорова Н. А. Документально-мемуарная проза О. Ф. Берггольц: Парадигмы становления творческой личности: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2013.
- ³² Дневники были переданы в ИРЛИ одним из наследников, сыном Марии Федоровны Ф. В. Янчиным. См. об этом: Царькова Т. С. О формировании личного фонда О. Ф. Берггольц в Пушкинском Доме // «Так хочется мир обнять»... С. 110–124.
- ³³ Подробная аннотация состава и содержания личного фонда О. Ф. Берггольц см.: Российский государственный архив литературы и искусства: Путеводитель. М., 2004. Вып. 8. С. 43–47; электронный каталог на сайте РГАЛИ: <http://www.rgali.ru>
- ³⁴ РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 327. Л. 2.

**«Увидеть все живым, живым во плоти и противоречии...»:
Дневники Ольги Берггольц. 1923–1929 гг.**

«Смеем ли желать? Я не знаю, смею или нет, но я желаю этого. Чтоб над моими книгами, мыслями, над моим обликом — женщины, человека, творца — бились бы, изучали бы, радовались или горевали...» — эти слова Ольга Берггольц написала в возрасте 18 лет в своем дневнике¹, который стал Главной книгой ее жизни. Именно такое определение она сама дала в автобиографической повести «Дневные звезды»: *«Писатель пишет свою Главную книгу непрерывно, иногда с самого детства. Чаще всего это дневник...»*² С публикаций дневниковых тетрадей началось новое прочтение биографии О.Ф.Берггольц, которое во многом разрушает существовавший долгие годы хрестоматийный героический образ советской поэтессы. Подлинная трагическая история жизни писалась ею самой день за днем в дневниках в течение почти пятидесяти лет с девизом *«Абсолютная — (абсолютная!) честность и правда»*.

Дневниковые записи, охватывающие период с 1923 по 1971 г., сохранились за все годы. Основной корпус дневников поэтессы хранится в составе личного фонда О.Ф.Берггольц в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 304–378). Это 74 единицы хранения, и они представляют собой ученические и общие тетради, блокноты, отдельные листы, обороты официальных бланков учреждений.

Первые тетради отроческих дневников хранятся также в фонде О.Ф.Берггольц в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ РАН. Ф. 870)³. Это две тетради за 1923 г., три тетради за 1924 г., «дневник юности» за период с 3 декабря 1928 по 11 апреля 1930 г.

(с припиской от 17 октября 1931 г.). Хронологически они частично совпадают с тетрадами, хранящимися в РГАЛИ.

Все дневниковые записи можно разделить согласно общей исторической хронологии и периодам жизни автора на следующие периоды: дневники отрочества и юности (1923–1929), дневники 1930-х гг., записи периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и дневники послевоенного периода жизни поэтессы (1946–1971).

Дневники Ольги Берггольц — это выстраданное свидетельство открытого самоанализа и поиска справедливости. Она верила и заблуждалась, сомневалась и спорила, разочаровывалась и страдала, выносила на публичный суд свою жизнь, сверяя верность своих взглядов и суждений с мнением близкого окружения и общим голосом эпохи, одновременно и противопоставляя свою точку зрения общепринятой. На страницах этих тетрадей, вместивших целую жизнь, вся правда о времени террора и ужасах войны, о заблуждениях поколения и личных трагических ошибках. Дневники Берггольц являются беспрецедентным документом «обжигающей правды» о времени и о себе. Именно поэтому после смерти поэтессы ее архив был закрыт более 30 лет, сначала по решению Совета министров РСФСР с формулировкой «чтобы не нанести ущерб государству и доброму имени О. Берггольц», а затем по воле наследников⁴. Работа по изучению ее архива началась только в 2009 г. после официального разрешения законных наследников.

Несколько лет при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) шла научная и текстологическая работа. В настоящий момент весь корпус дневников О. Ф. Берггольц подготовлен к публикации. Первыми были изданы дневники периода Великой Отечественной войны. Они вышли в свет в 2015 г. в издательстве «Вита-Нова» (С.-Петербург)⁵ как специальный издательский проект к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Это издание стало первой полной научной публикацией всех дневниковых записей поэтессы военного времени.

Опубликован также полный текст ранних дневников за 1923–1924 и 1928–1930 гг., хранящихся в РО ИРЛИ РАН⁶.

Отдельные записи за 1939–1942 и 1949 гг. с купюрами были опубликованы сестрой поэтессы М. Ф. Берггольц в журналах «Звезда», «Знамя» и в альманахе «Апрель» в 1990–1991 гг.⁷ Затем они были включены в сборник «Ольга. Запретный дневник», опубликованный в 2010 г.⁸ Выдержки из дневников 1936 г. публиковались в сборнике документов «Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР»⁹. Отрывок из дневника 1941 г. опубликован в журнале «Отечественные архивы»¹⁰.

Настоящее издание — «Ольга Берггольц “Мой дневник. 1923–1929”» (согласно авторскому названию дневниковых тетрадей) открывает полнотекстовую научную публикацию хранящихся в РГАЛИ дневников О. Ф. Берггольц в хронологической последовательности. Это первая книга из четырехтомного издания всех дневников, включая и переиздание записей военного времени, которое будет выходить каждый год согласно издательскому плану.

В издание включены дневники за период с 24 января 1923 по 7 июля 1928 г. и записи на отдельном листе о дочери Ирине, датированные с 20 марта по 14 мая 1929 г. Первая запись сделана школьницей 13 лет, а в 1928 г. это уже начинающая поэтесса и журналист, жена молодого поэта Бориса Корнилова и мать их общей дочери Ирины.

Одной из главных составляющих ранних дневников О. Ф. Берггольц является отражение в них продуманного, выстраданного в споре с самой собой мировоззрения. Несмотря на то что первые тетради представляют собой классический девичий дневник, в них уже формулируется главный принцип, которому она будет следовать всю жизнь: *«Ничего не должно быть скрыто от тебя, мой друг, дневник, — я поделюсь с тобою малейшей радостью и горестью.....»* (с. 43; запись 19 марта 1923 г.; подчеркивание О. Ф. Берггольц; здесь и далее в тексте указаны страницы настоящего издания).

Первые записи ведутся неуверенным детским почерком с дореволюционной орфографией, описаны семейный уклад, традиции. Отец — заводской врач Федор Христофорович Берггольц, мать — Мария Тимофеевна (урожд. Грустилина), младшая сестра — Мария (Муська), бабушка и дедушка, няня Авдотья. В доме в рабочем районе за Невской заставой всегда отмечали церковные праздники, именины, дети вместе с взрослыми по воскресеньям ходили на службы и соблюдали пост; на лето снимали дом в деревне. Этот период жизни Ольга Берггольц позднее описала в автобиографии¹¹ и художественно осмыслила в повести «Дневные звезды»¹². Годы детства и юности поэтессы подробно проанализированы по ее отроческим дневникам, хранящимся в РО ИРЛИ РАН, в монографии Н. А. Прозоровой «Ольга Берггольц. Начало (по ранним дневникам)»¹³.

Советская действительность начала 1920-х гг. не сразу вошла в дом Ольги Берггольц. Юношеские тетради отражают сложный процесс перехода на новое сознание. Она искренне и глубоко переживала мучительный выбор между религиозной христианской моралью и идеей коммунизма.

Несмотря на юный возраст, христианство для Ольги не было просто красочной обрядовостью — это основа ее мировоззрения и мировосприятия.

«Я нашла то слово; теперь я готова. Это слово — любовь, любовь... Любовь — великое слово: когда я повторяю его, — я возношусь на небо...» <...> Хочется любить весь мир, все, все, все. Да я и люблю сейчас весь мир и все, все люблю... Боже, душа разрывается... Христос — Воскресе! Весь мир!! «Бог великий, нескончаемый!»» (с. 47, 56; записи 18 марта и 7 апреля 1923 г.).

Такой искренний порыв детской души отражают и первые стихи, записанные на страницах дневников:

*Дай, чтоб вечно мне так верилось,
Чтоб любила я всегда...
Бог великий, нескончаемый,
Как горит моя душа...*

Но очень скоро стало понятно, что ее лирика не звучит в унисон окружающей действительности. На пионерских субботниках пели уже другие песни, из окон дома было видно красное знамя, воздвигнутое на крыше чугунного завода, по Невскому проспекту проходили демонстрации рабочих, распевавших «Интернационал». Сама Ольга Берггольц писала в автобиографии: «О как стали тяжки мне бабушки, дедушки и тетушки... Ваши домики и скверики, беседки и палисадники — какой тюрьмой они мне показались! Заветной мечтой матери было, чтобы мы — я и сестра, — вырастая, становились все больше похожими на “тургеневских барышень”»¹⁴. Но она захотела быть как все, вместе со своим поколением служить делу Революции: «...радостное чувство поднималось в душах многих, и чувствовалось, что эти алые знамена, эти грязные рабочие, “Интернационал” — родное, знакомое, близкое...» (с. 84; запись 6 ноября 1923 г.).

Единство и братство и в Церкви, и в комсомоле, во что верить, что выбрать как идейную основу жизни? Компромиссное решение было принято: «...что, в сущности, представляет собою коммунизм? Это учение Христа, т.е. исполнение его заветов, но с отрицанием его самого. И, по-моему, в Р<оссийской>К<оммунистической> П<артии> более правды, чем в монашеской общине. И меня влечет к нему, и я буду коммунисткой! <...> Христос — великий коммунист, это был человек, правда, идеальный, но не бог» (с. 97, 123; записи 24 января и 15 апреля 1924 г.).

Со свойственной ее сердцу пылкостью она отдалась «новой вере»:

*Ищите красоту не только у природы,
Не только в струях ласковых, живых,*

*Ищите красоту в туманной мгле завода,
Ищите красоту в ревуших мастерских.
Ищите красоту в косматых гривах дыма...*

Наряду с присущей дневниковому жанру интимностью, в дневниках Берггольц присутствует элемент публичного высказывания. Дневник читают учителя, родственники, подруги. В нем много чужих помет, записок, внетекстовых элементов — рисунков, карикатур. Из чего следует, что целью ведения дневника было не только самонаблюдение, а зачастую самовыражение, обращение к другому, к аудитории, как способ самоопределения и самоутверждения. В дневниках сдвигается грань между личным и публичным. Текст — одновременно интимные высказывания и один из путей взаимодействия с реальностью, способ заявить о своих взглядах и получить отклик.

Кроме современной ей аудитории Берггольц обращается и к будущему читателю. Несмотря на то что она высказывает сомнения, могут ли ее дневники быть интересны потомству, одновременно она обозначает их ценность для истории, а значит и для последующего прочтения невидимой аудиторией: *«Конечно, это опять будет род дневника, не предназначенный для потомства или опубликования; однако в нем я постараюсь уделять больше места обобщениям и переживаниям внешнего, не только узко субъективного, мира. Как-то надо фиксировать происходящее, стараясь уяснить его, оценить и т.д. Конечно, забредать в слишком густые дебри умствований и философий пока не стоит, но опять-таки не потомству, а мне — интересно будет впоследствии вспомнить взгляды и сомнения теперешних дней. Конечно, я известная “прослойка», и с этой стороны небезынтересно будет оглянуться на лицо этой “прослойки”* (с. 549; запись 7 июля 1928 г.).

Ее первые стихи публиковались в молодежных газетах и журналах «Юный пролетарий», «Резец», «Ленинские искры» и др. 22 октября 1925 г. она мечтает: *«Заявлю о себе миру. Стихи в “Юном пролетарии” — 1-ый шаг. Потом поступю в “Смену”. Хочу, чтоб моя поэзия стала боевой, жаркой»* (с. 229).

На заседание литературной группы «Смена» Ольга Берггольц впервые пришла 28 октября 1925 г. «Смена» была организована в 1924 г. по инициативе поэта В.М.Саянова. Занятия группы проходили сначала в редакции журнала «Юный пролетарий», затем — в Домпросвете на Мойке, а позже — в Доме печати на Фонтанке. В состав группы входили И.Авраменко, А.Гитович, М.Глухов, Г.Гор, В.Заколдаев, Ю.Звонарев, Б.Корнилов, Д.Левонев

ский, Б. Лихарев, С. Михайлов, М. Останин, Н. Петров, Л. Рахманов, Н. Теплов и др. Группа «Смена» «возникла сначала как литературное объединение при комсомольской газете “Смена”, затем была литературной группой ЛАППа (Ленинградская ассоциация пролетарских писателей)»¹⁵. Ко времени поступления Берггольц в группу стал обновляться и ее состав; ее членами стали в основном юнкоры, рабфаковцы и студенты¹⁶. Берггольц писала: «В литгруппу “Смена” приходила разная молодежь: ребята и девчата с предприятий, порой едва владеющие правописанием, но слагающие стихи; были журналисты, студенты, многие — комсомольцы, одетые с тогдашней естественно-аскетичной простотой — в юнштурмовках, в косоворотках, в толстовках, все очень молодые и все — прямолинейно беспощадные друг к другу, потому что были беззаветно, бесстрашно, я бы сказала — яростно влюблены в поэзию, и прежде всего, в советскую, в современную нам поэзию»¹⁷. На программу «Смены» оказали влияние взгляды ее руководителей, которые широко понимали литературный процесс, допуская влияние различных направлений поэзии друг на друга¹⁸. Берггольц записывала в дневнике: «Вчера читала сборник программ, деклараций и т.д. “от символизма до октября”. Интересно!. Сначала символизм увлек. Даже подумывала о “неосимволизме”, о возрождении традиций символизма на современной основе». Круг чтения юной поэтессы, который виден из дневниковых записей, позволял сделать ей правильный вывод: «Вообще нельзя школу без мирозерцания создать...» (с. 464; запись 4 июня 1927 г).

Интерес к истории литературы, в том числе и современной, вызывали не только занятия в литгруппе, но и занятия на Высших государственных курсах искусствознания (ВГКИ) при Государственном институте истории искусств (ГИИИ), в который Берггольц поступила в 1926 г. Она посещала лекции Б. М. Энгельгардта, Б. В. Казанского, В. Б. Томашевского, В. Б. Шкловского и др. В институте проходили поэтические вечера, где она читала свои стихи. Берггольц не без удовольствия отмечала в дневнике: «В Ин<ститу>те носят со мной, как куры с яйцами: талантливая, умная, обаятельная!..» (с. 402; запись 28 ноября 1926 г.). В этом же году ее приняли в кандидаты в Комсомол, она окончила среднюю школу, сразу же пошла работать курьером в «Красную газету» и продолжала писать стихи.

В декабре 1927 г. журнал «Резец» опубликовал подборку материалов о «Смене» в связи с отмечавшимся трехлетним юбилеем литературной группы. Журнал открывался статьей руководителя литгруппы В. П. Дружина «Трехлетие “Смены”» с фотографией группы, на которой среди участников была и Берггольц.

В 1928 г. литгруппой был подготовлен альманах «Кадры», в который было включено стихотворение Берггольц «Астраханская селедка»¹⁹. В своем критическом обзоре Р. Д. Мессер, литературовед и супруга В. П. Друзина, отметила «свежие интонации» и «интересный ритмический рисунок» стихотворения молодой поэтессы²⁰. Но именно этот альманах послужил поводом для начавшихся идеологических нападков на группу со стороны ЛАПП. В отношении группы были выдвинуты обвинения в формализме. Однако многие «сменовцы», как и Берггольц, были студентами ГИИИ и учились у представителей формального метода. И в дискуссии, навязанной им со стороны ЛАПП, они пытались объяснить свою позицию: «“Смена” — не что иное, как молодежная, в большинстве своем комсомольская группа. Большинство из этих комсомольцев ушли из производства в университет. Что же тут страшного? <...> То обстоятельство, что “Смена” больше всего обращает внимание на форму, больше всего внимания обращает на литературное достояние, которое нам осталось от прошлых лет, это только нужно приветствовать»²¹.

После всех идеологических споров между руководством группы «Смена», организационно принадлежащей ЛАПП, и руководством Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) в 1929 г. Берггольц была исключена из состава «Смены» с обвинениями в непролетарском происхождении и увлечении акмеизмом. В апрельском номере журнала «Резец» Р. Д. Мессер указывала: «...написанное стихотворение... “Академик” О. Берггольц — выглядит, как типичные акмеистические стихи в широком смысле слова, как увлечение экзотикой далеких времен и мест без того философского осознания этих тем, какое свойственно пролетарскому поэту»²².

Вскоре было объявлено и о самоликвидации литгруппы «Смена» по причине того, что «участники группы ратовали за культуру вообще, что неминуемо стирало классовый характер литературного творчества»²³. Спустя годы участник литературной группы А. И. Гитович чуть иначе будет говорить об этой истории: «...мы сами уже переросли “Смену”... это была лаборатория, учебный класс»²⁴.

В дневниках Ольга Берггольц много размышляет о литературе и поэзии, пытается выбрать близкое ее мировоззрению направление, выработать свой слог и стиль.

На одном из заседаний литгруппы «Смена» в феврале 1926 г. Берггольц познакомилась со своим будущим мужем Б. П. Корниловым. Первая запись о нем в дневнике появилась 26 февраля:

*«Дни-мальчишки, вы ушли, хорошие,
Мне оставили одни слова,
И во сне я рыженькую лошадь
В губы мягкие расцеловал...»*

Хорошие стихи! Это нашего литгрупповца, Корнилова...» (с. 26). Строчки этого стихотворения она многократно цитирует в контексте своих дневниковых записей 1926–1927 гг. Влюбленность возникла не сразу, Берггольц была увлечена другим литгрупповцем — Геннадием Громом. Но имя Корнилова все чаще стало появляться на страницах дневника, а 18 августа 1926 г. она написала: *«Что, если бы Борька К<орнилов> полюбил меня по-настоящему — крепко-крепко, горячо и на всю жизнь?.. Я... я б тоже, наверно, полюбила б его...»* (с. 343). В автобиографии она так вспоминала это знакомство: *«В литгруппе “Смена” в меня влюбился один молодой поэт, Борис К. Он был некрасив, невысок ростом, малокультурен, но стихийно, органически талантлив... <...> Был он очень настойчив, ревнив чудовищно, через год примерно после первого объяснения я стала его женой»²⁵.*

Берггольц была очарована Корниловым и его стихами. Выйдя за него замуж, она поначалу воспринималась в литературных кругах как жена молодого, но уже известного поэта, от чего очень страдала, пыталась вырваться из-под этого влияния и обрести свой голос. Даже после развода, позднее, в 1933 г., Берггольц признавалась себе: *«Я стою на глубоком отшибе от плеяды признанных — Корнилов, Прокофьев, Гитович и др.»²⁶*. Годы замужества были трудными²⁷: вместе с мужем и дочерью Ириной они жили у ее родителей, она училась в ГИИИ, писала стихи и пыталась публиковать их. Кроме вопросов семейного быта и творчества Берггольц стремилась постигать жизнь во всех ее проявлениях. Часть записей — это дневник расцветающей женственности, откровенных размышлений над вопросами сексуальности, взаимоотношений в браке и свободной любви, материнства и женской самореализации.

В июне 1930 г. О. Ф. Берггольц рассталась с Б. П. Корниловым (официальный развод был оформлен в марте 1932 г.). Но всю оставшуюся жизнь она помнила, кто был ее первым мужем. По отношению к нему Берггольц всегда была честна — и когда говорила о его талантливости, и когда обвиняла его в нежелании учиться и работать, и когда приводила доводы, что он губит свой талант. Корнилов был арестован 20 марта 1937 г. и расстрелян 20 февраля 1938 г. по обвинению в участии в троцкистско-зиновьевской организации²⁸. Берггольц тогда публично признавала его арест правильным,

но после своего ареста, выйдя из тюрьмы, написала в 1939 г. стихотворение, посвященное первому мужу: «О да, я иная, совсем уж иная!..» А спустя годы, в 1957 г., по инициативе Ольги Берггольц приговор в отношении Корнилова будет отменен и его дело будет прекращено за отсутствием состава преступления. Она напишет в предисловии к сборнику его стихов: «...у него самостоятельный, самобытный, ясный свой голос...»²⁹

Знакомство с двумя абсолютно разными поэтами — А.А.Ахматовой и Н.С.Тихоновым — позволило ей снова взглянуть на себя как на творца стихов. В дневнике 1929 г., хранящемся в РО ИРЛИ РАН, есть записи об этих переломных моментах в ее судьбе. 12 апреля 1929 г. она писала: «Тихонов» сказал, что из меня выйдет большой поэт, если я освобожусь от поэтической тени Корнилова»³⁰. И буквально через день она пишет о признании Анны Ахматовой: «Гворя о стихах Борьки и твая их, она сказала “но в них нет какого-то взлета, головокруженья, который я люблю в ваших стихах”»³¹. Эти слова Берггольц воспринимала как благословение идти своим путем в литературу.

К моменту окончания университета в 1930 г. Ольга Берггольц выпускает три детские книги: «Турман» (Л.: ГИЗ, 1930), «Запруда» (М.; Л.: ГИЗ, 1930) и «Зима — лето — попугай» (Л.: ГИЗ, 1930). Она ясно представляет свой путь — она будет журналистом.

При подготовке дневников О.Ф.Берггольц к публикации Редакционным советом РГАЛИ было принято принципиальное решение об их научном издании без каких-либо изъятий и сокращений, с максимальной передачей всех особенностей рукописи.

Рукопись ранних дневников публикуется по автографам, хранящимся в РГАЛИ в фонде О.Ф.Берггольц (24 единицы хранения). Первая тетрадь представляет собой разлинованную конторскую тетрадь без обложки, на титульном листе которой дано название — «Мой дневник». Остальные дневники выполнены в школьных и общих тетрадях с такими названиями на обложках, как «Мой дневник», «Дневник Ляли Берггольц», «Дневник Берггольц». Обложки и форзацы тетрадей исписаны стихотворными цитатами, афоризмами, черновыми набросками собственных поэтических сочинений. У четырех тетрадей утрачены обложки. В некоторых тетрадях отмечается утрата листов. Часть записей выполнена на отдельных листах.

Первые дневниковые тетради велись детским почерком, с элементами дореволюционной орфографии. Записи были выполнены синими или фиолетовыми чернилами и простым карандашом. В тексте приводятся первые экспериментальные стихи Ольги Берггольц, встречаются фразы и цитаты на французском, латинском, немецком языках с ошибками. Вклеены письма и записки подругам и одноклассницам. Помимо авторского текста есть записи и комментарии в тексте и на полях, принадлежащие ее подругам — Валентине Балдиной, Валентине Бычковой, учителю Ивану Александровичу, неустановленным лицам.

В структуру дневниковых записей включены и нетекстовые элементы: зашифрованные автором записи в виде знаков на придуманном языке (см., например, с. XXI, XXVI вклейки), таблицы школьного расписания, множество рисунков, выполненных чернилами, простым и цветными карандашами, — это автопортреты, карикатуры на подруг и учителей, изображения животных, а также чертежи, схемы, геометрические фигуры и математические расчеты.

При передаче текста дневников были использованы принципы и методы отечественной археографии, закрепленные в «Правилах издания исторических источников в СССР» (М., 1990), а также разработаны особые приемы передачи текста, учитывающие своеобразие дневниковой прозы и отражающие авторские стилистические и лингвистические особенности ведения таких записей.

Авторское обозначение датировок было сохранено. Запись о годе вынесена перед публикуемым блоком дневниковых записей, относящихся к этому периоду. Отсутствующие в рукописи авторские даты восстановлены согласно контексту и обозначены в угловых скобках. О. Ф. Берггольц вела дневник одновременно в разных тетрадах. Вследствие этого в дневниковых записях в отдельных тетрадах возникает анахронизм. Так, например, записи дневника за 1925 г., датированные 23, 24 и 31 марта, одновременно выполнены в разных тетрадах, записи 25 и 30 марта, 10 апреля и с 25 марта по 10 апреля 1926 г. выполнены на пустых листах дневника за 1925 г. При публикации дневниковые записи передаются в хронологическом порядке с пояснениями в постраничных сносках. Записи, относящиеся к более позднему хронологическому периоду, но поясняющие или комментирующие предыдущие записи и по смыслу связанные с текстом, сохранены в этом же фрагменте, но выделены курсивом как записи-вставки. Другие вставки в текст дневника (варианты стихотворных строк, написанные сверху основной строки или под ней, приписки на полях и др.) также выделены курсивом. Записи, сделанные соавторами Берггольц (подругами,

учителями, родственниками и др.), воспроизведены с помощью более мелкого шрифта и отмечены постраничной сноской с обязательным указанием лица, сделавшего запись.

Все дневниковые записи, вошедшие в состав первого тома, приведены в соответствие с нормами современной орфографии и пунктуации, за исключением особо оговариваемых случаев. Сохранены авторские словообразования и особенности написания отдельных слов, связанные со стилем и изменением мировоззрения автора. Такие особенности одновременно передают своеобразие речевой манеры и характерны для той эпохи, когда правила орфографической реформы 1917–1918 гг. еще не устоялись. Например, не всегда со строчной буквы пишутся слова «Бог», «Господи», «Пасха», «Воскресенье» и др. Сохраняется написание таких слов, как «взади», «имянины», «семячки» и др. При публикации также не было унифицировано различное написание одних и тех же слов в разных частях дневника (например: «чорный» / «черный»; «жолтый» / «желтый» и т. д.). Некоторые примеры авторского словообразования поясняются в комментариях в постраничных сносках: «Так в рукописи». Авторское написание было сохранено при передаче художественных текстов и чужой речи. Сохранены некоторые примеры своеобразия пунктуации, которые позволяют передать эмоциональное состояние автора (многоточие вместо троеточия, множество восклицательных и вопросительных знаков). Специально не оговаривается исправление явных опечаток и орфографических ошибок. Таким образом, при текстологической подготовке рукописей отражена динамика развития текста дневника, его история. Благодаря этому читатель может проследить изменения в эмоциональном состоянии автора дневника, а также выявить определенные закономерности процесса перехода на новую орфографию.

При публикации дневниковых записей были приняты следующие обозначения. Вычеркнутые автором слова и фразы были восстановлены в квадратных скобках. Сохранены авторские пометы фигурными скобками. Слова, ошибочно пропущенные или не дописанные автором, восстановлены в угловых скобках. В угловые скобки также заключены редакторские конъектуры, в том числе и указания на обрывы дневниковых записей. Восстановленные публикаторами части отдельных фраз, текст которых был прочитан предположительно, обозначены с помощью угловых скобок и знака вопроса. Особо отмечены слова, написанные автором неразборчиво, с указанием их соответствующего числа (например: <1 сл. нрзб>, <2 сл. нрзб> и т. д.). Зачеркнутое автором неразборчиво на-

писанное слово обозначено следующим образом — [**<1 сл. нрзб>**], а зачеркнутая неразборчиво написанная строчка — [**<1 строчка нрзб>**]. Инициалы упоминаемых в тексте персоналий по возможности также раскрывались в угловых скобках, за исключением тех случаев, где установить упоминаемое лицо не удалось.

Выделенные в тексте рукописи слова или фразы, подчеркнутые одной линией, обозначены аналогичным образом без каких-либо редакторских объяснений; слова или фразы, подчеркнутые двумя линиями, передаются с помощью полужирного шрифта; слова или фразы, подчеркнутые в рукописи волнистой линией, обозначены с помощью полужирного курсива.

Авторские примечания к тексту, обозначенные звездочками, приведены сразу после абзаца, в котором были упомянуты. Перевод иностранных слов приводится в постраничных текстологических сносках и поясняется, если это необходимо, в комментариях к дневникам. В случае неточного цитирования автором текста на иностранном языке в подстрочных постраничных сносках указано: «**Так в рукописи**», а также указан точный вариант этого текста и его русский перевод.

Содержащиеся в рукописи дневников авторские рисунки кратко описаны в угловых скобках, например: **<Рис.: Берггольц на портфеле.>**; если у рисунка есть авторское название, оно воспроизводится сразу за описанием. Аналогично оформлено описание авторских чертежей, схем, некоторых математических расчетов, ребусов и т.д.

Издание дневников снабжено вводными статьями, научным и текстологическим комментариями, именованным указателем, а также иллюстрациями. Источником информации о многих упоминаемых в дневнике родственниках семьи Берггольц стала составленная М. Ю. Лебединским развернутая родословная «**От пращуров моих**», размещенная в сети Интернет³². При составлении комментариев были использованы документы О. Ф. Берггольц как из ее личного фонда (черновики ее литературных произведений, переписка, материалы к биографии, документы родственников), так и из других фондов, хранящихся в РГАЛИ, Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Москва), Институте мировой литературы имени А.М.Горького РАН (Москва), а также неопубликованные материалы из семейного архива Лебединских и опубликованные ранние дневники Берггольц, хранящиеся в РО ИРЛИ РАН (С.-Петербург).

При составлении научного комментария авторы столкнулись с проблемой отсутствия сведений о некоторых упоминаемых в дневнике персоналиях (соседи, одноклассники, школьные учителя, однокурсники, знакомые).

Имена, фамилии, инициалы лиц, сведений о которых найти не удалось, в комментарии к дневникам не включены.

Корпус иллюстраций включает фотографии и биографические документы из личного фонда О. Ф. Берггольц в РГАЛИ. Факсимильно воспроизводятся страницы дневника с рисунками в тексте.

Редакционный совет глубоко признателен за помощь в подготовке данного издания сотрудникам РГАЛИ Н. И. Симбиревой, З. К. Водопьяновой, Т. В. Домрачевой, Г. Ю. Дрезгуновой, Е. А. Кучеренко, Л. А. Ивановой, А. А. Ларину, М. А. Мельниченко, А. И. Орлову-Сокольскому.

Особую благодарность Редакционный совет выражает В. М. Лебединскому, наследнику О. Ф. Берггольц, любезно давшему разрешение на изучение ее архива и полную научную публикацию дневников.

Н. А. Стрижкова

¹ Запись 16 сентября 1928 г.; см.: Наст. изд. С. 588.

² Берггольц О. Встреча. Дневные звезды. М., 2000. С. 32.

³ Подробнее об архиве см.: Царькова Т. С. О формировании личного фонда О. Ф. Берггольц в Пушкинском Доме // «Так хочется мир обнять»: О. Ф. Берггольц. Исследования и публикации: К 100-летию со дня рождения. СПб., 2011. С. 110–124.

⁴ Подробнее об этом см. статью Т. М. Горяевой «К истории архива Ольги Берггольц» (Наст. изд. С. 5–15).

⁵ Берггольц О. Ф. Блокадный дневник 1941–1945 гг. СПб., 2015.

⁶ Берггольц О. Ф. Дневниковые тетради 1923 г. / Вступ. ст., подгот. текста и ком-

мент Н. А. Прозоровой // «Так хочется мир обнять»... С. 125–201; «Я хочу жизни — много, много...»: Дневник О. Ф. Берггольц 1928–1930 годов: К юбилею О. Ф. Берггольц / Публ. Н. А. Прозоровой // Русская литература. 2010. № 2. С. 135–177; то же в кн.: Борис Корнилов: «Я буду жить до старости, до славы...». СПб., 2012. С. 271–342; Берггольц О. Ф. Отроческие дневники 1924 г. / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб., 2013. С. 633–714.

⁷ Звезда. 1990. № 5–6; Знамя. 1991. № 3; Апрель. 1991. Вып. IV.

⁸ Ольга. Запретный дневник. СПб., 2010. С. 27–155.

⁹ Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР: Докумен-

ты и комментарии. Т. 1: 1925 — июнь 1941. М., 2010. С. 535–541.

¹⁰ «Надо выжить и написать обо всем этом книгу»: Из блокадного дневника О. Ф. Берггольц 1941 г. / Публ. Н. А. Стрижковой // Отечественные архивы. 2014. № 1. С. 101–118.

¹¹ Берггольц О. Ф. Собрание сочинений: в 3 т. Л., 1988. Т. 1. С. 32–45; Л., 1990. Т. 3. С. 478–496.

¹² Берггольц О. Дневные звезды. Л., 1971; Она же. Встреча. Дневные звезда. М., 2000.

¹³ Прозорова Н. А. Ольга Берггольц. Начало (по ранним дневникам). СПб., 2014.

¹⁴ Берггольц О. Ф. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. С. 34.

¹⁵ Берггольц О. Продолжение жизни // Корнилов Б. Избранная лирика. [Предисл. О. Берггольц]. Л., 1978. С. 8.

¹⁶ Подробнее об этом см.: Друзин В. Трехлетие «Смены» // Резец. 1927. № 48. С. 1.

¹⁷ Берггольц О. Продолжение жизни // Корнилов Б. Избранная лирика. С. 12.

¹⁸ Стоит отметить и то, что в отличие от других литературных групп и объединений города «Смена» никогда не замыкалась в узких рамках только одной группы, не скрывала своего интереса к работе разных литературных направлений, других литературных групп, таких, например, как «Резец», «Стройка» и др. Именно 1927–1928 гг. являются временем знакомства и общения О. Ф. Берггольц с такими представителями этих групп, как Г. Е. Гурбачев, А. А. Тверяк, Б. И. Соловьев, В. А. Соловьев и др. (группа «Стройка»), З. Н. Александрова, А. А. Прокофьев и др. (группа «Резец»).

¹⁹ Берггольц О. Астраханская селедка // Кадры: Сборник литературной группы «Смена». Л., 1928. С. 36.

²⁰ Мессер Р. Альманах «Кадры» // Резец. 1927. № 48. С. 12.

²¹ Цит. по изд.: «Я хочу жизни — много, много...». С. 139.

²² Мессер Р. Группа «Смена» // Резец. 1929. № 14. С. 15.

²³ Резец. 1929. № 52. С. 3.

²⁴ Цит. по: Хренков Д. Виссарион Саянов. Путь поэта. Л., 1972. С. 47.

²⁵ Берггольц О. Ф. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. С. 483.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 340. Л. 3.

²⁷ Подробнее об отношениях О. Ф. Берггольц и Б. П. Корнилова см.: Прозорова Н. А. О. Берггольц и Б. Корнилов: К истории личных и творческих отношений в 1929 г... // «Так хочется мир обнять...» С. 65–78; «Я хочу жизни — много, много...». С. 135–177 (дневник охватывает период с 3 декабря 1928 по 11 апреля 1930 г. и дает представление о семейной жизни Берггольц).

²⁸ Подробнее см.: «Причина смерти расстрел». Материалы из следственного дела Бориса Корнилова // Борис Корнилов: «Я буду жить до старости, до славы...». С. 77–82.

²⁹ Корнилов Б. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 11.

³⁰ «Я хочу жизни — много, много...». С. 162.

³¹ Там же.

³² См.: <http://www.eunet.lv/cgi-bin/win/history/lebedinskij/rodber1.txt>

ГОД

1923

Мой дневник

24 Января 1923 года!!! I основной кл<асс>.

Ну, наконец-то я собралась снова вести дневник. Ведь чуть полгода не вела, шутка ли сказать! Ну, я опишу все, но только как можно короче. Господь устроил-таки, что мама поехала в деревню; спустя неделю туда прибыли и мы с Муськой. Ах, что за чудное, незабвенное лето провели мы! Долго-долго будут храниться в моей памяти те дивные места, лица, все те события, которые мы пережили там, а жили мы очень и очень весело. Опишу несколько случаев: однажды, ловя рыбу на крохотной речке Олененке, Муся провалилась в нее по пояс и вся вымокла; в другой раз на этой же самой речке я, полоща чулки, поскользнулась и зачерпнула полные штаны воды, а сидевшая тут же на «лавинке» Муся так захохотала, что упустила чулок. Однажды вечером мы кормили баранов из корзинки, и мне пришла в голову блестящая мысль надеть овце на голову корзину, что мы немедленно исполнили. Овца металась по хлеву, как бешеная, попугала всех овец — вот-то было дельце... В довершение всего, я в бане о притолоку разбила лоб и умудрилась одновременно рассадить нос и прокусить язык; ну а о величине шишки на лбу я умолчу: да-а, «было дело под “Плавищем”». Домой мы вернулись с папой, мама осталась в деревне и вернулась домой порозовевшая, полная, но теперь опять похудела! В школу мы ходили более аккуратно, чем в прошлом году. Рождество мы провели весело — как никогда. Были у многих в гостях, и у нас был даже костюмированный вечер. Да... а в первый день Рождества мы ходили к И<вану> А<фанасьевичу> рано утром со звездой и славили Христа. Но кро-

ме этого (это я придумала), мы на собранные деньги спекли кулич, а я написала поздравление, на котором В<алентина> У<стюхина> и Г<ерасимова> нарисовали картиночки, и все это ему поднесли. Он был очень растроган и поцеловал меня, сказав «Спасибо, Ляля». (Он даже прослезился, когда я читала, и чуть не заплакал, поцеловал он и Лилию Егорову, и больше никого.) Но все были довольны, что он был доволен, и ушли очень радостные. Надо сознаться, пели скверно сначала, но потом пели хорошо. Интересно знать, рассказал ли он об этом другим учителям, а? Ах, нет, это надо обязательно занести; вот что. На генеральной репетиции он посадил меня на колени и сказал так слово в слово: «Вот, Ляля, после долгого размышления я пришел к убеждению, что самый ленивый, дурной и непослушный класс — это II осн<овной>, а самый хороший, прилежный, дружный — это I основной! Да!» А каково? Что II основной, хорошо? (Некоторые из II осн<овного> слышали это.) Когда я это передала «нашим» — они завизжали от восторга и еще лучше себя ведем (хотя... даже... я, сегодня — за уроком... и... и... тому подобное). На праздниках мы три раза были в театре и у нас в школе был праздник, где я играла в... 3 пьесах зараз. Ах, что ж это я? Я забыла написать, что мою пьесу «Анюта у гномов» ставили у нас в школе, и она имела большой триумф. Почти все учителя приехали посмотреть мою пьесу. Да и сыграли ее хорошо. А теперь ее ставят в двух местах, и, о ужас, противная Рабовенко не отдает мне ее! «Тата» сердится!

Теперь запишу некоторые факты: Феодосий Титович вышел замуж, фу, поженился, на Нонне Александровне, и бедняжка Д<митрий> В<асильевич> ходил, говорят, как в воду опущенный (интересно, почему в воду, а не в молоко?).

Я с классом нахожусь в тесных связях, а особенно с Валею Устюхиной и Нюрой Герасимовой, и мне кажется, что меня любят, хотя «некие субъекты» говорят, что все (?) надо мной насмеются за глаза. Я лично этому поверить не могу и не хочу, а если это окажется правдой, ну... тогда все они сотканы из лицемерия. С Балдинами мы снова подружились; а Сережа скоро умрет, бедный, у него скоротечная чахотка. Как ужасно это! Как я рада, что я не умираю, а живу. Я так люблю жить и хочу жить долго, долго,... как Вечный Жид. По родному у нас новый учитель, Иван Иванович; низенький, волосы ежом, глазки маленькие, бегают как мышата, а вообще, хорошая личность и хороший учитель. На меня он смотрит как-то... так.

Называет меня «нашим поэтом», сказал как-то, что я могу быть «его помощницей» в советах, что прочитать. Мне это, надо сознаться, лестно, но все-таки я буду держаться в рамках и не зазнаваться. Со мной он занимается отдельно...

И. В. из 1-го номера тоже скоро умрет: у него рак лица (губы). Он умрет голодной смертью: вот ужас!...

Хочу основать «лигу самообразования». Да и Валя и Нюра тоже об этом мечтают, и Вале Бычковой эта мысль ужасно нравится.

Я теперь в Вале Б<ычковой?> немного разочаровалась: в школе она прямо-таки идеальна, ну а на деле... тпру... Мечтает о каком-то Андрееве, не то Сальвинчуке или как его. Все-таки мне еще кажется, что у нее глубокая натура. Посмотрим. Но пора кончить; сегодня мне скучно что-то, да и дома — что-то сгущается атмосфера. Мамочка, кажется, на меня сердится. Я не знаю отчего. Ох, боюсь... Да, а что бы мне ей подарить, ведь скоро ее именины. Надо подумать.

[25] 26 января [четверг]. Пятница.

Думала, что смогу сесть вчера за дневник, да не успела. Вчера было <пропущено слово?> «Татьяны». Тася тоже была именинница, ну, а мне ни слова. Забывает она меня, забывает. Но зато я вчера с Мусей была у Уваровых. Весело было до невероятия! И на аэроплане катались, и разные шутки выкидывали, и танцевали, а угощение было — ну!... Уж я ела, ела, до того что... чуть не лопнула!

А сегодня Д<митрий> В<асильевич> приехал; я пошла в канцелярию «за картой». Стою, дожидаясь дежурных, вдруг слышу за дверью бас «Геры» — (Елена Павловна) и Д<митрий> В<асильевич> входят. «Здравствуйте, Д<митрий> В<асильевич!» — приседаю. «А, Лялечка, здравствуй» и... чмок меня в лоб! А? Слышите? Понимаете? Ведь Д<митрий> В<асильевич> — «Посейдон» (это уж II раз; он на вечере на одном меня... поцеловал). Во мне взыграло «ретивое». Я что-то пробормотала и сунула ему в руку рамку, которую для него вышивала, а сама — шмыг за дверь, открыла щелочку, гляжу: развернул, вынул, а что дальше, не видала, потому что убежала. На большой перемене все время с «ним» (точно в романе, с «ним»). Все время сидела и болтала языком без устали. О рамке — ни слова: очевидно, не понравилась; жаль!.. Письмо получил; я очень рада...

А что сегодня «Гермес» (сиречь Александр Иванович) выдумал: хотел сегодня работу, когда назначил завтра, а, каков? Ну, ничего, обошлось: «Парнас» возмутился. Завтра работа. Ух!!... Божь! Ну, за прошедшую работу — «5» и «очень хорошо» и «вполне толково» получила; хочу и за эту работу «5+» или по крайней мере «5» — обязательно. *Получила.*

Ах, а мечта о «Лиге» сбывается. Мама разрешила, и ей очень понравилась эта мысль. Превосходно! А завтра поедем на фарфоровую выставку — хорошо!.. Ну, покойной ночи... Помогите Господь написать завтра работу хорошо!

27 января. Суббота.

Были на фарфоровом заводе — на выставке. Очень хорошо было. В музее тоже были; конечно, не то, что теперь, совсем другое.

Вазы шикарные, прелесты! Но большее впечатление на меня произвели фарфоровые цветы — работы Иванова, и их история, даже намереваюсь когда-нибудь написать их в повесть. Я редко видала на своем веку прекрасней что-нибудь этих фарфоровых цветов. (В мыслях намечается план повести; думаю заглавие такое: «Фарфоровые цветы». Да!)

Скучно до невероятия. Завтра у меня собираются девочки, только уныние охватило меня: о чем мы будем там говорить, и так уроков много. Но, может быть, это мне сегодня так скучно, а завтра опять воодушевлюсь.

Кроме того, у нас в «Лиге» будет проходить закон Божий. За мою мысль меня сегодня качали, что чуть душу не выкачали. Так вот какие дела... Ах, работу — всю написала, да не вполне собой, т. е. своей работой, довольна осталась. Ну,... может быть, «5» даст. А в среду по физике работа, а в четверг мне, Вале Б<ычковой> и Лиле Егоровой резюме представлять. Экая противная Афина (Ив<ан> Ив<анович>). И так работы много.... ..

28 января. Воскресенье.

...Сегодня у меня собиралась «Лига»; не все пришли, ну а несколько девочек были. Разобрали и прочли «Бежин луг». Хорошая вещь! Как далеко мне, чтобы написать что-нибудь подобное! А весело у меня было!

И дело сделали, и похохотали до упаду и до икоты! А мама на меня сердится! Ох, тяжело мне, тяжело, когда она сердится на меня! Точно воз чего-нибудь на душу положат! Даже тяжелее, чем когда «нудку» получишь! А я знаю, что ей подарить, ей и папе! Ей — салфетку, а папе — «Ангел над гробом» или «Каменный ангел». Попробую сейчас.... .. Помогите мне Бог! Нет!... Ничего не выходит! Получается глупо и бестолково!

Муза! Ангел ясноокий!
 Где ты скрылась от меня?
 Муза! Друг ты мой далекий!
 Поцелуй, прид[и]я, меня!
 [И перо из ру<к>]
 Поцелуем и улыбкой
 Оживи мою печаль!
 Я томлюся, я скучаю,
 И тебе меня не жаль!
 Ты примчися с вдохновеньем,
 С рифмой звучной прилети;
 Беззаботным, сладким пеньем
 Уголок мой оживи!
 И перо [в] мое возьми ты,
 И тетрадь мою возьми.
 И слова и звуки песни
 [В ней] Поскорее запиши!

31-го января.

{Как раз Нюре Г<ерасимовой> рождение было}

В те два дня ничего особенного не случилось: жизнь шла обычным порядком, и ничего не нарушило последнего. Но зато сегодня после уроков у нас был «банкет» в честь нашего «кружка». Великолепно было! И Ф<еодосий> Т<итович> пришел; было даже и пиво. Потом, когда мы все поели, мы стали под собственную музыку танцевать, а я танцевала с Сеппаром (в 1-ый раз в моей жизни танцевала с мальчиком). И все это не так страшно, как я воображала. А вечером у Вали Б<ычковой> собирались и очень много наделали, — даже очень много! И все были довольны; а 3 мальчика у нас в кружке состоят.

12 февраля.

Здорово! Столько дней не писала: было лень, надо сознаться, да и некогда. Опишу, как сумею.

Мамины и именины «прочих» прошли. Было весело! Были у нас Валя У<стюхина> и Нюра Г<ерасимова>, а у Муси — ее Сима. Время провели весело, — ели семечки до того, что у меня до сей поры болит язык. А в субботу у тети Мани бал!! Был — с мороженым!!!! Я танцевала, Силы Небесные, с настоящим взрослым кавалером, да-а-а! Там был дядя Володя и поразил меня следующим: у него в кинематографе в городе будут какие-то детские сеансы, и он меня туда приглашал говорить свои стихи. Спрашивается? — Как отнеслась я к этому? Я согласилась, мама и папа тоже позволили, а я... рада ли? Не скажу, чтобы это было мне по сердцу, что-то скребет на душе, смутно что-то предчувствую...

Поделилась этим со своими друзьями (друзьями ли? ну, да, друзьями, что я усомнилась), итак, я поделилась этой новостью с Валей и Нюрой, это им понравилось, говорят, конечно, это очень хорошо и т. д. Ах, я бы тоже [казалас<ь>] хотела, чтобы это казалось хорошим совершенно, а что-то.... Ну, увидим, что-то будет...

А сегодня И<ван> А<фанасьевич> — Зевс — именинник был. Узнали мы об этом только в четверг, т. е. в день Мусиных именин, и потому денег набрали 45 милл<ионов> да 10 м<иллионов> заняли у Ф<еодосия> Т<итовича> и еще 5 м<иллионов> должны Лилиной. Всего в 59 м<иллионов> обошелся наш подарок — прекрасная, большая корзина с фруктами. {Собственно говоря, ничего не говоря, я 1-я дала мысль о корзине.} И я сочинила короткое, но сильное [произве<дение>] поздравление, а Валя, или, как мы ее зовем, Вуся, нарисовала прелестную картину. В общем все было мило, просто и... хорошо. Ив<ан> был растроган и поцеловал меня (одну, слышите, вы, а) [ну, да, не стоит хвалиться]¹ и сказал речь, но я не хочу ее [о] приводить здесь. А когда мы несли наш подарок вниз по лестнице, «старшие» высыпали на лестницу. Я с торжеством видела, как вытянулись их лица и с какой завистью они глядели на наш превосходный подарок. Я показала им нос!. Что, Марусенька С., что вы взяли? Ведь «маленькие», как вы нас называете, лучше сделали по-

¹ Предложение со слова «ну...» до слова «...хвалится» взято О. Ф. Берггольц в квадратные скобки. — Здесь и далее примечания составителя.

дарочек, и он во сто раз лучше ваших чахоточных цветочков в напудренном горшочке, а? Как вы полагаете, а? ха, ха, ха, хи, хи, хи, хо, хы, хы, хы! Ну, пока что — все. Жди меня завтра, дневничок — дурачок!

Р. S. Мамуся говорит, что это нехорошо, что я так злобствую, ну а... а... а, что ж, я сделаю, если я рада, что мы верх взяли.

Ой, тарариратарарах,
 Пляшут козы на горах,
 Пляшут козы на горах
 В лакированных лаптях,
 Ах, какая я глупая, а такая большая!

17-го февраля. Суббота.

Ну, ничего, что я много пропустила! Ничего особенного не случилось за эти 4 дня: жизнь текла спокойно, разве за исключением вчерашнего дня. Нас вчера распустили, и вчера были именины Нюси, <как> <что> мы были у нее в гостях: мы там бесились, играли в жмурки до плачевного инцидента с буржуйкой, а потом разыгрывали тут же сочиненную пьесу про графа. И вообще играли в «театр». Неизгладимое впечатление произвело на меня пение Нюры, которая пела «зидовский», немецкий и французский романсы так, что мы не удержались от смеха на месте. Домой пришли поздно.

Сегодня день прошел так же серо, как и всегда, но нет, сейчас мама ушла вниз к Грустилиным, там, вероятно, «идет драма», как мы называем все печальное. Да!

Ужасная забота овладевает мною: приближается пасха... и... и... надо готовить подарки! О, Господи! Откуда мы возьмем столько ниток и времени, а главное — ниток!! И материалу! Маме не нравится рисунок, она хочет, чтобы я выучилась вязать фриволитэ, но Боже Всемогущий! Неужели же я успею связать ей накидку на подушки из фриволитэ? Ведь мы будем в школе также заниматься, и я хочу из физики получить хорошо!! И потом нам надо денег, денег и денег на все, а мне уже и так стыдно, я столько за это время получила денег от моих родителей! Придется, вероятно, отложить попечение о всех подарках, да и только! Ох, грехи, грехи! Ну, дела! Что я буду делать! «Вот тебе и клюква».

P. S. № 1. От дум да волнений у меня на сердце что камень лежит!

P. S. № 2. В понедельник спросят по биологии и будет работа по физике.

Ой, ой, ой, ой, ой, боюсь!

P. S. № 3. А завтра воскресенье.

<Рис.: рожица в слезах.> Я плачу. Мое лицо.

18-го февраль. Воскресенье.

Сегодня прощенное воскресенье, а у нас вовсе нехорошо дома! Мама сердится! Ох! Ничего не могу больше писать, тяжело на душе!

<Рис.: расстроенная рожица.>

19 февраля. Понедельник.

О подарках — отложу, вероятно, попечение: некогда, да и нет денег.

Хочу по физике «хорошо» в этой трети получить.

Обязательно.

P. S. А сегодня первый день великого поста.

22-го февраля.

Боже, какой ужас!! Какой ужас! Дядя Петя отравился! Намеренно! Намеренно... Сейчас Павлик прибежал и зовет папу!!! Ах, я догадываюсь из-за чего! Бедный, несчастный! Ах, я потрясена до глубины души! Дай Бог, чтобы это все хорошо обошлось! А И. В. из 1-го номера УМЕР.

И тетя Маша плачет. Я ничего не могу писать, кроме того, что написала сейчас!

Через 2 часа.

Из отрывков разговоров, из наблюдений я многое вывела и составила об этом собственное мнение (я ведь много чего понимаю и знаю — чего и 16-летняя девушка не понимала бы. И зачем мама сказала, «что это спяна»? Я же хорошо знаю, что не из-за этого). О, этот случай смял мне душу, больно-больно мне! Зачем? Почему? И как это, в сущности, велико и в то же время мелочно!... Но нет,

должно быть, чересчур он страдал, если он, мужчина, решился сделать это! Но... все-таки..., в глубине души я презираю тех людей — самоубийц! Но бедный дядя Петя! Как жалко мне его, до глубины души жалко! Милый, добрый, хороший, добрый, родной!!! Зачем ты сделал это? Какое чувство, что побудило тебя покуситься на самоубийство, на отравление? Бедный! Если бы я могла взять на себя хоть часть того, что ты переносишь, чтобы жизнь показалась тебе лучше и прекрасней, чтоб и в мыслях у тебя не было мысли о самоубийстве.....

«Как разрушается наш мир!» — сказала я, когда услышала это! Так невольно и горячо вырвалось у меня это выражение! И это правда! Все умирают — все разрушается!.. А из-за чего это? Из-за чего это? Почему это происходит? Господи, Ты всемогущ! Зачем же Ты не образумил его!!!??

23-го февраля. [Суббота]. Пятница.

Ничего с дядей Петей не случилось.

26-го февраля. Понедельник.

Я ничего не могла дописать, т. к. было некогда: ходила за лекарством, а потом была у Вали У<стюхиной> на именинах. С У<стюхиной> и Г<ерасимовой> я, кажется, хорошо сдружилась. Но все-таки... лучше подруг, чем Балдины, нам не найти! После была у Вали на именинах, но так как пришла поздно, то мне ничего не осталось: все съели.

А в школе между тем идут ужасные катавасии: во-1-ых, открылось, кто украл пальто у Фоминой! Это вышло так: известно, что Гуря К. — миллионер; но все-таки, несмотря на это, он остался во 2 парал<лельном> классе. Но и оттуда его выключили, но несправедливо, а благодаря Таське П-ой. «Тогда он поклялся отомстить» и отомстил, а именно: доказал, что у нее шапка сшита из того пальто, которое пропало, и их — вон!

[Ф] Марта 7. Понедельник.

Ох, ох, ох! Ну, дела! Сколько же я пропустила.

Марта 8-го. Четверг

Ох, боже! Что я за дура! Ведь сейчас я себя чуть-чуть не погубила: чуть не выжгла себе глаз! Вот как это было: на столике у папы стояла желтая небольшая капсулка с коричневой жидкостью. Сегодня, когда все сидели в столовой, — я была в его комнате и вертела в руках несчастную капсулку, и вдруг мне пришла самая дикая мысль: «Поставлю капсулку на буржуйку (буржуйка же тут топилась). Жидкость будет подниматься, а так как там есть воздух, то он будет сжиматься».

Задумано — сделано. Я поставила капсулу на плиту и стала смотреть. Она накаливалась, и уж воздуху стало совсем мало, как вошла мама. Я схватила капсулку с буржуйки, и она была ужасно горячая; мама заметила мое движение и взяла капсулу из моих рук. Она начала говорить и бранить меня, и, боже, что я узнала: «в этой капсулке была какая-то жидкость, и если бы она лопнула, то газы от нее выжгли бы мне глаза и наполнили всю комнату удушливыми, ужасными газами!» Господи! Клянусь, что не войду, т. е. не трону ничего в папиной комнате! Ах, какая я дура, а такая большая!.. Ах, не буду, не буду!.. (А у дяди Пети родилась девочка! Ниной, м<ожет> б<ыть>, назовут.)

Март 9-го.

А Димка ко мне совсем охладел!

И<ван> А<фанасьевич> сказал, что он вовсе не так уж занят, а он мне сказал: «Я на большую перемену не могу приходить: я всегда занят!» А сам книги читает и чайники полощет в канцелярии. Ну, ладно! Хотя я все-таки его очень-очень люблю {больше всех, как Мусю} за его доброту и характер, а все-таки... Вот назло возьму и буду «обожать дядю Сашу», т. е. Александра Ивановича — «Гермеса».

(Через час размышляя)

Нет, все-таки Димочка — дуся, прелесть, добрый, милый...

Подарено мамочкой 19/26. I. 1923 г.¹
19. III. 1923. Петроград.

В этой скромной тетрадке, день за днем буду я вести записи моей жизни...

Ничего не должно быть скрыто от тебя, мой друг, дневник, — я поделюсь с тобою малейшей радостью и горестью.....

Ляля Берггольц²

9 марта. Пятница.

...Сейчас я могу писать и запишу все, что могу, а то потом не будет время. Сегодня после уроков оставалась: сидела в библиотеке и выписывала из Энциклопедического словаря все, что нужно было. Кстати: на пасхе у нас будет в школе «Лермонтовская выставка», и меня выбрали заведывающей³ отделом: «Портреты Лермонтова и его современников». Очень трудно мне! Боюсь, как бы не провалить свой отдел! Ну, постараюсь! Главное: набрать побольше портретов Лермонтова самого, а другие — нашла почти все.... А ведь скоро Пасха — скоро весна. Милая весна! Как хочу, как страстно жду я ее... Опять буду я вставать с зарею, гулять по саду, по двору — всюду! А может быть, мы поедем опять на дачу! Дай Бог! Да, кстати: кажется, за нас надо платить... Неужели же мы не будем учиться?.....

10 марта. Суббота.

Поздно уже: половина двенадцатого. Все спят; мама с папой ушли в театр, только мы с Мусей сидим в столовой и читаем: я читала «Князя Серебряного», а она — «Задушевное Слово». Сейчас лягу спать, только сначала запишу сюда про проведенный день. Сегодня, вместо 6, было только два урока, и мы, воспользовавшись этим, пошли к Лиле Егоровой кататься с горы. Дом Лили помещается во дворе завода, и это очень хорошо... Мы сначала основательно покатались с большой и с маленькой горы, а потом пошли путешествовать по за-

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц на обороте обложки тетради.

² Записи рукой О. Ф. Берггольц на форзаце тетради, на обороте форзаца — математические расчеты.

³ Так в рукописи.

воду. (Кстати, у нее были: я, Валя У<стюхина> и Юра Зексель, который тут же живет, и Нюра Г<ерасимова>, и Нюра Пугина.) Где только мы не были! И в заброшенной оранжерее, и в сторожке, и на берегу Невы и всюду, всюду... Было ужасно-ужасно весело!

Случилось несколько приключений, как то: Зексель забрался в бак и стал там распевать, а мы тем временем удрали и спрятались. Катаясь и играя в «разбойники», все извалялись ужасно. Но, несмотря на это, было все-таки ужасно весело! Потом, наконец, образумились; Юра пошел домой, а мы, девочки, отправились к Лиле на квартиру — взять свои книги и обсушиться. Пока вытрехали валенки, причесывались и т. д., Лиля играла на рояле, а потом я попробовала мел<о>декламировать, но у меня ничего не выходило. Придя домой, застала всех обедающими и на вопрос мамы, где была, ответила: «К Лиле зашла», а она ничего не ответила. Не знаю, плохо ли я поступила, но ведь я же не соврала? Ну, сейчас лягу спать.....

12 марта. [В] Понедельник.

Вчера никаким образом не могла дорваться до тебя, мой дневничок. Вчера... вот что было вчера: мы встали очень поздно и поздно справились. До обеда я читала увлекательную повесть: «Товарищество “Неболет”», а после обеда пошли гулять. Гуляли долго (до пяти часов), и было очень весело, да, кстати, и погода была чудная: небо голубело, точно бирюзовый купол, снег был посыпан золотыми блестками, было очень тепло, и воробьи, чувствуя приближение весны, радостно чирикали. Придя домой, мы сразу же принялись за бумажные цветы и наделали вместе с мамой уже 16 штук чудных, хорошеньких цветов различного цвета и формы. Сегодня, до сего часа гуляли; погода опять великолепная. Но дело обошлось не совсем благополучно: я насквозь промочила валенки, благодаря тому, что опрокинула на них ведро с водою. Сейчас вот кончу запись, выучу все эти противнейшие теоремы и буду опять помогать мамурочке делать цветы. Она принялась за это дело нешуточно, надеясь выиграть денег на их продаже. Так-то так, да не больно мне что-то верится, что мы с них выручим. Ну, посмотрим, а теперь примусь-ка за геометрию... {«провал ее побери вместе с... Александром Андреевичем»}! (по 10<-й> обр<атной> теореме) ха-ха-ха...

P. S. А у Балдиных не сегодня-завтра умрет Сережа.....

14 марта. Среда. {В школе}

Господи! Сердце во мне страшно замирает... Я спокойно сидеть не могу! Ведь сейчас физика, и меня, наверно, спросят. А<нна?> Е<фимовна?> уже взошла на кафедру... Господи, помилуй!... Не спросили. Противная Филька — дура!!!

(Урок истории). Спрашивают Валью Быгкову; отвечает очень хорошо... Ай!... получила «5-», а я тогда получила «5»... А Лиля Е<горова> опять зовет к себе. Я очень хочу пойти к ней, но не знаю, хорошо ли это будет?

16-ого марта. Пятница.

...Сейчас я только что пришла со школы: переодев ноги, насквозь мокрые, я пошла к Балдиным. Там сидели мама и Муся — одни. Все ушли хоронить Сережу, а Е<лена> П<авловна> попросила маму посидеть, посторожить квартиру; она (мама) там все хорошо убрала.... ..

...Сережа умер [14] 13 марта, рано утром... Тихо угас он, точно солнышко закатилось вечером. О<тец> Александр исповедал его, начал причащать, и как только принял он причастие, — тихо стал отходить. Ни стонов, ни мучений. Как жил — тихо, мирно, почти безгрешно, так и умер... Вечная ему память, вечный покой... Странно!? Мне было его очень жаль, но я не плакала. И зачем? Чтобы люди видели, как я его жалею? Но ведь лучше сохранить это в душе... Зато Е<лена> П<авловна>, бабушка его и все остальные женщины очень плакали... Глядя на них, нельзя подумать, чтобы их слезы были неискренни над гробом Сергея. Я, Муся и мамочка сделали ему венок и его положили вокруг его головы.... Я ему {еще до его смерти} посвятила стихотворение.... Сегодня к ним пойдем на поминки. Милый дневник, я сегодня ничего не буду больше записывать в Тебя, мне будет очень некогда: буду учить историю {завтра работа}, придет Лиля Е<горова> — тоже историю учить со мной. Ну, до свиданья, пока...

P. S. А все-таки «нет худа без добра»! Смерть Сережи очень сблизила нас с Валей и Клавдией Балдиными.

8 часов того же дня. До сего часу я учила историю с Лилей Е<горовой>. Я-то все почти знаю, кроме II-ой греко-персидской войны, ну а Лиля 3 и 4 вопроса ни в зуб. Бедняга! У нее до этой поры не было книги по истории, — ну, я ей дала Ковалевского... На поминках

у Сережи не был[а]и, потому что приехала Т<атьяна> А<лександровна> с Шуриком из Углича. Шурик возмужал, окреп. Стал сильный, не справиться с ним. Но [б] шалун — еще больше. А развитый, умный мальчик! Я его все время расспрашивала о Гарюньке, о его делах... Уехали только в 5, нет, в 6 часов и на поминки не попали. Ну, ничего! Сейчас опять буду учить историю: хочу во что бы то ни стало написать работу на «5(+)! Сейчас пришла Валя...

Суббота 17-го марта.

...Работы, слава Богу, не было. Впрочем, мне нечего было бояться: я все хорошо знаю, ну, а в пятницу еще лучше: получше выучу. Сегодня был И<ван> И<ванович>. Я читала свой доклад: «Сон» Лермонтова. Когда я кончила, все молчали. «Ну, что же вы, скажите, как доклад Берггольц?» — спросил И<ван> И<ванович>. «Очень хороший» — было ответом, и снова молчание. «Вас зачаровало сочинение Берггольц? — сказал И<ван> И<ванович>, — своим стилем, переложением и другими качествами? Да, сознаюсь, все это отлично, великолепно! Прямо — чудесно! Но, может быть, это только внешнее, а внутреннее совсем нехорошо? Ну, как вы думаете, Петров?» — обратился И<ван> И<ванович> к Петрову. Но тот отвечал что как с той, так и с другой стороны все очень хорошо, а Валя Б<ычкова> подтвердила: «Тут нет недостатков, все прелестно у нее». И<ван> И<ванович> улыбнулся и, кивнув головой, сказал: «Да, это так. Я с вами согласен; но вот что, Берггольц: у вас там сказано также, что мертвому человеку снится девушка, а ей, наоборот, он. Но вы выразили это место узко, а я вам сейчас поясню. Понимаете, здесь происходит двойственный сон». И он начал объяснять, да так дивно говорил, что весь класс, и я тем более, [в]заслушались. Да, он редкий, дивный учитель. В понедельник будет работа по физике и по биологии, в четверг, вероятно, Е<лена> П<авловна> принесет диктовки, и в четверг же будет работа по родному на тургеневские произведения, в пятницу — работа по истории, а в субботу я буду, наверное, читать новый доклад на тему «Песнь о Соколе» М. Горького. Вообще, работы в эту неделю будет немало, и я хочу все сделать по крайней мере на «хорошо». По истории хочу — «5(+)», по биологии и по физике — «хор<ошо>», по родному (классная раб<ота>) «Весьма уд<овлетворительно>», а за доклад — такое же одобрение, как сегодня.

Не знаю, оправдаются ли мои надежды, но я буду стараться всю, а особенно по физике. Ну, так как завтра воскресенье (кстати: может быть, мы поедем завтра к Т<атьяне?> А<лександровне?>), примусь сейчас за рисунки на Пасхальные поздравления Александру Ивановичу и другим... А ведь И<вану> И<вановичу> надо бы послать поздравление: ведь он со мной отдельно занимается, на меня больше всех внимания обращает (конечно, кроме Вали Б<ычковой>: он ею..... увлекается! Ну, собственно говоря, это я просто так). Да, да, конечно, пошлю.

Решено. Ну сейчас примусь за работу.

P. S. Мы, наверное, завтра не поедем. Да и не надо: мне много уроков... а впрочем, очень хочется туда поехать... Нет, лучше уроки выучить! А нельзя ли это соединить вместе?...

18-го марта. Суббота.

«Я хочу подняться вверх! Я хочу покинуть людей и мир. Хочу к голубому небу... Хочу... Но не могу сделать этого. Я поднялась душевно над людьми, я готова к полету. Но земное давит меня... В небо».

Прошел год....

«Я нашла то слово; теперь я готова. Это слово — любовь, любовь... Любовь — великое слово: когда я повторяю его, — я возношусь на небо... Но душой, а я хочу и телом и душой! [А] Но земное давит меня, а я хочу к небу... Я кидаю город и иду на волю в леса, в поля... Я одна, одинока, далека от людей. Я... полечу в небо... в небо». И еще год минул.

«Я хочу подняться вверх! А люди не пускают... Людям завидно, что я прозрела. Любовь, любовь! Но я не лечу душой в небо от этого слова! Оно: звук! Нет, не то, не то! Где оно?»

Пять лет прошло. «Я хочу в небо! Я уж совсем не земной человек: я одна, в лесу, без всего... Но что-то давит меня. Я сорвала все земные одежды.... Я нага, — но не могу подняться над миром, — в небо. Где то слово, великое слово? Я ищу, ищу его!»

И еще 10 лет.... минуло.

«Я нашла, нашла великое слово. Я улетаю в небо! Прощай, земля! Я... в небо, в небо; улетаю в небо. Слово найдено, — великое слово: это слово — смерть!»....

Того же дня.

Ура, мы едем в город к Т<атьяне?> А<лександровне?>. Мы с Мусей в восхищении. Но некогда мне писать! Сейчас мама меня будет причесывать.

19-го марта, понедельник.

Вчера были у К. А. (Т<атьяна?> А<лександровна?> живет вместе с ней). Что ж, было довольно весело; «Макака» — прелестный мальчуган. Умный, развитой, вежливый и очень хорошенький. Мы там играли в прятки, — было очень весело: прятались в столы, в шкапы и т.д... Но все-таки всю жизнь мою до 27<-го> отравил А<лександр> А<ндре-евич>. Представь себе, дневник, он пришел и клятвенно по[т]дтвердил, что Юпитер вышел из своей орбиты и летит на нашу землю. Это выдумали ученые и даже знают, где именно столкнется с Землей Юпитер: в великом Океане. 25 числа этого месяца будет уже заметно влияние этого столкновения, а 27-го нашей бедной Земле будет — капут. Откровенно признаюсь, что это известие на меня подействовало самым удручающим образом: у меня в уме живо нарисовались картины всемирного разрушения: все горит, все рушится; люди, звери, природа объаты паническим ужасом. А с неба надвигается черная громада! И весь этот ужас должен совершиться через каких-то 8, 7 дней?! Я очень боюсь, но, несмотря на то, что «какая-то печаль мне кивиряет дюшу и белы свет нэ мил в моих глазах»*, мне немного смешно: уж не выдумали ли все это большевики, чтобы дать понять обывателям, что под этой аллегорией следует понять их гибель?... Ну, да, я думаю, что ничего не будет и через 9 дней наступит не конец света, а шикарная весна. Конечно!

*) Из жидовской оперы.

Профессоры-ученые так заврались, что пустили эту небылицу в свет, а дураки (и я с ними вместе) поверили. Ха-ха-ха! Ю-питер летит на Пи-тер, гара-та, — та, — та, — та, — та, — та! (На мотив «Цыпленок — жареный».) Хи!

«Как хороши, как свежи были розы».

Весной душистою в саду ее густом...

Я плакал... Я рыдал. Из глаз струились слезы...

В ее саду, над розовым кустом...

Уж то прошло; не помню лиц я милых,

И розы отцвели, и дева умерла...
 И умер я; и [(снова)] жил... А время проходило,
 И жизнь струей холодной текла.
 «Как хороши, как свежи были розы»...
 Где это я слышал? Когда, когда? Забыл.
 Умчалось все вдаль; но пробудило грезы
 [О] С давних, чудных слов, что в сердце сохранил...

Преглупое стихотворение! Никуда не годится. Потрясти,
 да на помойку снести.

Нет... смысл есть.
 <Рис.: женщина в шляпе.>
 («Макака»-папа).
 В папиной шляпе.
 Худо. 1 —
 Ой, как худо.
 <Рис.: цветок.>

20-го марта. Вторник.

У-ужасно некогда! Надо делать план и через 2 часа идти на собрание: беда, ведь завтра работа по истории и принесут работы по биологии и физике.

Без 10 двенадцать.

21 марта. Среда.

Ура, ура, ура и тысячу раз ура! По физике одной из всего [(тела)], то есть класса — «хорошо». И по биологии — «хорошо». Можно надеяться, что в четверти будет по физике — хор<ошо>.... ..

Все было бы хорошо и спокойно у меня на душе, да смущает [«проклятая»] Лермонтовская выставка. Ведь задавил меня Ивашка, прости его [г]Бсподы! Ну, кто мне нарисует хорошие, большие портреты Лермонтова во всех его видах, и «откудова» я узнаю, сколько художников и какие рисовали портрет Лермонтова. Я хотела бы отказаться, да нельзя: дело к концу подходит, да и скомпрометирую себя в глазах Ивашки. Остановка — за портретами Лермонтова; остальное почти уже окончено. Сотрудники-то у меня есть, целых 7 человек,

да не знаю, удовлетворят ли его портреты, которые они нарисуют? Если удовлетворят — то дело в шляпе, и я буду спокойна... Сказать правду, дело это меня вовсе не интересует, ни капли, и я отказывалась, да не хочет он, ничего не поделаешь. Ах, Господи, Господи, насколько хорошо и отрадно было мне, когда я, против чаяния, получила «хор<ошо>» по физике, настолько тяжело и скверно теперь; я чуть сейчас не реву... Противный Ивашка!

Хоть я его и люблю, а в эти дни — прямо-таки ненавижу, можно сказать. И ведь что больше всего досадно: у Кальниной — дела ни на йоту, она только строит планы, а он ее хвалит; восторгается Валею У<стюхиной>: план у нее великолепен, но что она уже сделала? М. С. и Т. П. уже 5-ое собрание отказываются делать доклад, т. к. они еще ничего не сделали, а он их уговаривает, упрашивает, чуть не молит. У Пугиной, правда, дело хорошо идет, а он ей доставит обязательно самые старинные издания сочинений Лерм<о>н<то>ва>... А мне?... дал бумаги и ограничился; правда, я в «музее» нашла оч<ень> много нужных портретов, но ведь в музее все все берут. На вопросы: где мне найти копию с оригиналов — отвечает: «Уж это твое дело!». Противный Ивашка. Однако уже 11 часов 30 минут. Пора спать: неравен¹ час — нагрянет мама... [Б]Господи, добрый, помоги мне в выставке, прошу тебя! Ох, как мне нехорошо, ой, ой, ой... Ну, с Богом...

22-ого марта. Четверг (5 часов).

Ах, как мне сейчас худо! Как мне сейчас тяжело, горько и обидно. Не от того, что худые отметки получила, не от того, что дело по выставке не подвигается; нет! Я сегодня по немецкому — «5» получила, больше всех в классе, по алгебре — «уд<овлетворительно>» и за работу по родному думаю, что «хорошо» будет. Сегодня будут сотрудники портреты рисовать, дело шибко идет. Нет, мне больно и тяжело из-за истории, которая у нас произошла сейчас дома. Вот как это случилось: но прежде расскажу все предыдущее. Мама говорит, что Муся ко мне льнет: не нахожу! Правда, мы с ней очень дружны, хотя мама говорит, что мы с ней грыземся, как кошка с собакой. Но уже с давнего времени Муся стала нетерпима. Орет, ругается на меня, что

¹ Так в рукописи.

мне обиднее всего, ногами топает, кулаками стучит, ругается. Ведь я все-таки ее старшая сестра, она на меня топать ни в каком случае не может да и не смеет. Я маме несколько раз жаловалась (что бы мама ни говорила, я ей жаловалась: ведь если бы я кому-нибудь говорила, врала бы, а то тебе, дневник, что мне тебе врать. Ведь я пишу не с мыслию, что она (мама) прочитает это, ничуть). Я все-таки, хоть и жаловалась, терпела, ну а сегодня — не смогла: я взяла несколько обрезков цветной бумаги и стала размахивать ею в воздухе, намотав на пальцы. Муська ругалась и говорила, чтобы не трогала, — мама употребит их в дело, но из этих обрезков абсолютно ничего нельзя было сделать. Я их обратно положила, ну, да что распространяться? Вышло так, что Муся вырвала у меня из рук другие цветные обрезки, а я... а я... я ударила ее по лицу! Это нехорошо, но я вышла из себя: что, в самом деле? Она надо мной не смеет издеваться и обращаться, как с собачонкой какой! Когда мама узнала, что я сделала, она очень рассердилась и начала мне делать выговор и обещала поставить в угол на 2 часа. Что ж, пускай! Я плакала и сказала ей все, но она, разумеется, не поняла, и когда я ей говорила, как поступала Муся, она говорила: «Ты сама ее портишь, надо жаловаться мне!». Господи! Ты видишь же, я ей сколько раз говорила. Ну, вышло после этого так, что я почти одна виновата... Если разобраться беспристрастно, то выходит, что не совсем-то так, ну, ладно... В углу еще надо стоять целых два часа; мама ничего не говорит, а самой туда лезть для чего же?... А я еще забочусь так о Муське: что подружки вкусенького дадут — [иногда] ей даю; с радостью (с большей, чем она сама) встречаю ее хорошую отметку и печалюсь худой. Я из-за нее на «рожон» чуть ли с учителями не лезу: что случится, сейчас разумею — разьясню. О подарке забочусь, а она-то? Ну, ну ее...

P. S. Если мама спросит: «Ляля, ты раскаиваешься в своем поступке?», я ей отвечу: «Ни капли: я не считаю себя очень виноватой». Ну, конечно, я это только пишу, а на деле — не так будет: вероятно, совру, скажу — «раскаиваюсь». Эх, ма!

P. S. Впрочем, почему же не раскаяться: ведь я ударила Мусю по лицу, — я все же виновата? Виновата!

Ах, как мне хочется маминой ласки! Сейчас подойду к ней, скажу: «Мамочка, милая! Прости меня!» Моя добрая мамочка простила! Ах, моя хорошая, славная мамуся, как горячо, как беспредельно люблю я тебя!!!

23-го марта. Пятница.

Ох, я спать хочу! Ну, сегодня по географии — «уд<овлетворительно>». Весь класс, точно сговорясь, — ни в зуб. И больше «уд<овлетворительно>» — никто не ответил.

Федя (Фэ-то какое написала) очень строго спрашивал: и все старое, чего я не знала; эх-ма! А весна приближается... подходит! Бегут по дороге грязно-мутные ручьи, в которых купаются повеселевшие воробьи и галки; обнажились мостки и обсохли совсем. Небо похоже на бирюзу, и... никакого Юпитера, кроме прелестной двурогой луны по вечерам, не видно в этом голубом пространстве. Почки набухают, снег тает; прощай, зима, здравствуй, весна!!!!!!!!!!!! Фу, устала восклицательные знаки ставить! Ну, покойной ночи!!!!

24-го марта. Суббота.

Чувствую страшную усталость; происшествий много, но бегло запишу самое главное. По работе по русской — «хор<ошо>», отметка, которую И<ван> И<ванович> = «5». По рисованию — «уд<овлетворительно>»; это меня возмущает: отвратительный «римский гусь» Э<дмунд> А<дамович>! Я всю эту четверть так старалась, а он «уд<овлетворительно>»! Зато и Вале Б<ычковой?> — «уд<овлетворительно>». По геометрии, алгебре, французскому, немецкому — «хор<ошо>», а по родному — «хор<ошо>» / «хор<ошо>». Кроме того, вот какой сегодня инцидент случился в классе. Приходит на 2-ой урок русского языка И<ван> И<ванович> и только что вызвал Алексееву, как обращается ко мне: «Берггольц, задайте вопрос Алексеевой». Вскочила я, как взбалмошная; ничего не могла придумать и задала: «Что ей больше всего понравилось в “Детстве и Отрочестве”?» Все зашипели: «Ой, Ляля, какой трудный, как не стыдно». Но Алексеева на него хорошо ответила. После урока меня девочки окружили и запищали на разные голоса: «Ляля, ты хочешь выхвалиться своими знаниями и развитием! И<ван> И<ванович> и без того знает, что ты I по родному! А это очень нехорошо по отношению к Алексеевой. Ляля, ты уже высказываешь» и т. д. Позвольте... разве это трудный вопрос? Разве даже такая слабая ученица, как Алексеева, не может уяснить себе, что ей понравилось и что нет? Не по-ни-маю! За что же девчонки на меня так накинулись?? [Дуры] Ната Гужбовская была в пятницу именинница и теперь в воскресенье зовет нас в гости и очень просит прийти, но мама не пускает.

В театр дали билет бесплатный — тоже мама не пускает! Ну, пускай! Мною овладела странная апатия. Ну, ладно, не пойду, так что ж? Сделаю уроки, напишу, почитаю. И воскресенье пройдет, как и всегда.

А ведь скоро страстная суббота.... тьфу, неделя. Следующая неделя — вербная, а потом страстная.... В субботу (в ту) распустят и аттестаты выдадут. Быстро, как сон, промелькнут две недели и наступит... Пасха!...

Мои мечты

На вербной неделе, наверное, поедем в город «на вербу». Если до того времени продадим цветы, мама даст по 5 мил<лионов>; я что-нибудь куплю на вербе... Надо придумать, какой бы Мусеньке сделать подарок. Потом наступит «страстная». В церкви будет уныло и скучно: священники оденут черные ризы; я на «страстной» буду говеть. Не буду ничего скоромного есть, а ночью... тсс... тише: это тайна! К Пасхе, наверно, все высохнет, и, может быть, робко проглянет изумрудная травка... К великому четвергу свечи уже куплены. Я сделаю себе фонарик с протыканными краями и, когда пойдем домой, понесу свечу в нем. Будет темно и тихо; по улице пойдут люди «с огоньками». Ах, огоньки, огоньки! Как я любила смотреть на вашу светлую вереницу, когда была «маленькой»!... Помню: тихий вечер; в квартире уютно, тихо... Все ушли, кроме меня да бабушки. Она читает 12 евангелий, а я бесцельно слоняюсь по комнатам, прислушиваясь к редким ударам колокола и с замиранием сердца и нетерпением жду «огоньков». Скоро ли они появятся? Но вот после 12-ти ударов раздался трезвон и спустя короткое время мелькнул один «огонек», другой, третий. Бабушка, — кричу я, — бабушка! Уже «с огоньками» пошли. И я, маленькая, смешная, прижимаюсь к стеклу и гляжу, гляжу на «огоньки», а сердце во мне сладко замирает..... В пятницу я и Муся будем исповедоваться, а в субботу — причащаться! Потом пойдем к заутрене; будет темно, грязно, таинственно.... хорошо! А-а-х, хорошо будет! Жутко, страшно и радостно становится мне при мысли о Пасхе! Скорее бы она приходила...

Все тихо спало; уснули люди, замолкли звери... Лес дремлет чутко, река уснула, лишь только тихо весна приближалась да полночь с нею к часам кралась...

И вот, подкрались! Часы пробили 12 гулко, весна махнула жезлом волшебным, и вмиг проснулось все то, что спало. Лес шепчет

сказку весенней ночи, река тихонько о берег плещет, и в небе ясном зажглися звезды, и месяц вышел и улыбнулся. Проснулись люди, что крепко спали, и улыбнулись весне и ночи, и прозвучало: «ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!»

Ну, на сегодня довольно: пора спать. Ну и «бегло» записала.

26-ого марта. Понедельник.

Вчера было очень весело у Наты. Мама пустила к Нате против чаяния, и мы там бесились и веселились от души. Вкусный был и чай; все наелись до отвала. Потом по-разному играли; не обошлось без приключений. Переставляя вазочку на стол, я разломилла ее пополам; я была в ужасе, но меня быстро успокоили, сказав, что у них еще 3 штуки таких же. Пришли домой поздно, позднее, чем велела мама, но, слава Богу, ее не было дома и папы тоже: нас провожали. (Ах, господи, я сейчас пишу, а голова у меня на части ломается: Муська читает так как-то монотонно, у меня такое чувство, как будто бы я сижу в бочке, а там где-то раздается ее голос. Вообще, у меня уже давно болит голова, кости головы и волос нельзя потянуть.) Сегодня в школе поссорилась с Валею У<стюхиной> и Нюрой Г<ерасимовой>. Вышло из-за того, что: они у меня все по-немецки скатали, и Е<лена> П<авловна> их очень хвалила. Я написала про это Вале Б<ычковой>, а когда они спросили, о чем мы переписывались, Валя Б<ычкова> сказала, о чем. И вот они на меня за это очень рассердились; хорошая благодарность, нечего сказать. Вообще я этим двум субъектам много помогаю в ученье, очень много. А они еще смеют сердиться на меня. Еще смеет Валя У<стюхина>, раздувая ноздри и с вызывающим видом, требовать от меня мое «Детство и Отрочество». Ей это нужно для выставки, а мне для ученья; книга лежала у нее две недели, что она тогда делала? Я им в их выставке помогала хоть немного, а они мне — ничего; да, действительно,

Как покупаю клюкву я,
То все мне братья и друзья,
И я до тех им пор мила,
Покуда списывать дала...

Ну а чуть лишь не по шерсти гладишь — уж и братьев и сестер нет. Ну, впрочем, это меня не так волнует; гораздо более волнует меня несчастная выставка! И зачем это Ивашка придумал; только людей зря мучить! А вот плюну на все и ладно. Ох, ох, ох! Ну, была не была! Что будет — то будет! Дела еще пропасть! Мама взяла заказ на цветы, — работать много надо будет; уроков — куча; да еще Муське хотела к пасхе игру нарисовать! Голова так и <Далее обрыв текста.>

На пасхе придет к нам, а сейчас ей очень некогда. В 10 часов пришла с собрания; ну, слава тебе, господи! Дело, кажется, налаживается — мне найдены хорошие сотрудники из 3-его класса. «Эдмунда» — будет поправлять. Да! Сегодня — первая неделя страстной. Сегодня — ночь испытаний, и как мне не хочется спать, я должна <Далее следует запись на придуманном О. Ф. Бергтольц языке в виде знаков.> Это — мой шрифт, изобретенный — «на всякий случай». Мамуська еще, пожалуй, если прочтет, то подумает что-нибудь худое, а тут ничего худого нет. Кстати, шарада: «Мое первое то, — что бывает в ульях; второе — место в Сибири — бывает серебряный, медный и, т. е. и — союз, а все целое — человек, помогающий мне и другим».

Ответ. Сот + рудник + и.

Сотрудники.

[9] 4-го [февраля], апреля, вторник.

Случай, достойный записи в дневник: Сегодня я и Муська убирались в шкафах своих (в горке и в ящиках). Так как в горке было сыро от нашей уборки, то мы решили там «протопить буржуйку». «Буржуйка» — это бомба, которая <Далее обрыв текста.>

5-ого [февраля] апреля. Четверг.

Не успела тогда ничего записать, крестный спать погнался. Не могла эти два дня ничего записывать, абсолютно время не было. Дела с Лермонтовской выставкой подвигаются быстро вперед. Ах, скоро Пасха! Вот-то хорошо будет! Ну и отъедемся же мы на славу! Ведь мы всю эту неделю постничали, не грех и поесть на пасхе хорошо, правда, дети мои? Окорок купили — 35 фунтов, а на кулич муку — крупчатка, желтая, вся по крупинке рассыпается.

<Рис.: девочка в шляпе и с письмом в руке.>

Это я нарисовала и раскрасила. Ничего, только рожа худая.

P. S. Перечитывая дневник, прочла там про Юпитер. Ха-ха-ха!
 Хи-хи-хи-хы! Хо-хо-хо! Га-га-га! Ну и длинный же нос показали мы
 «г<осподи>ну» Юпитеру! Гы-га-гу!

<Рис.: планета Юпитер и человечек.>

А.а.

дв. Душа

«Юпитер», Ив<ан> Аф<анасьевич>.

«Юпитер и его четыре спутника летят на землю».

А<лександр> И<ванович> д<ядя> Саша.

Ф<еодосий> Т<итович> Федя

Земля — кто бы это был?

Оч<ень> хор<ошо>. Стт.

Ивашечка — бяшечка, таракашечка, милашечка — и я его
 очень любяшечка и на Пасху открытку ему посылашечка, потому
 что он очень добряшечка... начинай сначала, где торчала — мо-ча-ла.

Суббота, 7 [февраля] апреля. 2 часа ночи.

«Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и мертвым
 во гробех живот даровав».

Христос Воскресе, дневник...

Только что пришли от заутрени... В душе — хаос светлых ощу-
 щений... Хочется любить весь мир, все, все, все. Да я и люблю сейчас
 весь мир и все, все люблю... Боже, душа разрывается... Христос — Вос-
 кресе! Весь мир!!

«Бог, великий, нескончаемый!

Дай мне силы всех любить...

Дай мне имя твое светлое

Никогда не позабыть....

Дай, чтоб вечно мне так верилось,

Чтоб любила я всегда...

Бог, великий, нескончаемый,

Как горит моя душа....

4 часа, постель.

А завтра — Пасха! Будем христосоваться... пойдём с визитами... нам всего надарят. Ух!!... Хорррошо... Все в доме поголовно спит, «окромя» меня. Сейчас я выбежала на двор; небо — голубой купол со звездами. Восходит красная луна... Я послала горячий поцелуй всему миру и сказала «Христос Воскресе!». Теперь — спать... Завтра все запишу, как и что и все прочее.

11-го среда! [февраля] *апреля*.

Нет, жалкие лгуны,
 Напрасно вы кричите,
 Что Бога не было, что не воскрес Христос!
 Вы этим в сердце нам лишь веру укрепите,
 Прошедшую сквозь дымку горьких слез!
 Нет, развратители погубленной России,
 Вам не свершить того, что не потерпит мир.
 Вам веру не сломить, и идола разврата
 Вы не смогли — и не восставите кумир!
 Желаете добра вы страждущим рабочим?
 Пустые то слова! И смысл их пустой!
 Зачем от матери, любящей страстно Бога,
 Вы отрываете детей ее родных?
 Зачем же юношей и девушек невинных
 Вы сбили с чистого и верного пути?
 Не просвещение, нет! Вы сеятели злобы,
 Порока, гибели... Всех топчите в грязи...

По случаю антирелигиозных мероприятий большевиков.

Пасха прошла скучновато. Хотя нам, правда, подарили чудесные подарки. Сейчас скажу: бабушка — по чудесной шкатулке {мне китайскую, с ключиком}, а там: по палитре в 6 красок, {правда, плохих}, кусок душистого мыла, перо {очень> хорошее}, карандаш {«фабера»}, платок, маленькие ножницы, красный крестик с картинкой внутри и по полплитки шоколада. Мама — шикарные, шелковые голубые ленточки, да раньше дала по «десятке». Папа — «десятку» пополам, но мы отдали ее маме. (Дядя) Павлюк —

по большой плитке шоколада; тетя Маня — по 2 лимона и по рабочей корзиночке {обещано}. Ну, пока пойду в школу на собрание: ведь в пятницу — выставка. Да, а в Фомину неделю с дядей Сашей поедем в Эрмитаж.

Суббота 14-ого [февр<аля>] апреля.

Сегодня было что-то! {А вчера Феодосий> Титович> меня... 3 раза поцеловал: и письмо дошло}. Димочка при[шел]ехал из деревни, письмо получил и меня тоже чмокнул. Валя {Балдина} уверяет меня, что я после этого просияла, как медная сковорода, смазанная маслом. Что же, возможно! Странное дело? Почему же не просиять, спрашиваю я вас? Ну, едем дальше. Когда Д<митрий> В<асильевич> репетировал «Хаджи Абрека» на сцене, я взяла у М. С. зеркальце и наводила на него зайчика. Дима очень смешно морщился, «хымкал» и грозил то одним, то другим пальцем, и мне было на него очень «любно». После репетиции стали расходиться домой; Мусюка спрятала Валино пальто, а она {Валя} раскудаhtалась, как курица, потерявшая яйцо, и бросилась бежать в одном платье, как будто бы домой. Когда все разъяснилось, Валя очень рассердилась и пошла одна. Мне стало тяжело: я не люблю ссор вообще и с Балдиными в особенности. Мы к ним как-то привыкли, и я уверена, что они к нам тоже. (А между тем с ними у меня, о боже мой, накипает ссора: я изорвала их «Записки охотника», а это у них чужая.)

Но насколько мне мрачно было дома, настолько развеселилась я в школе. У Иваши хотя болела нога, но он все-таки был веселый и с юмором рассказывал, как он ушиб ногу. Было очень весело, и этому, как по мне судить, способствовало то, что отдел мой кончен, и лишь надо доделать кое-какие пустяки.

Лиля Е<горова> и Валя У<стюхина> тоже были там. Они пошли в библиотеку, темную и страшную вечером, зажгли там огонь {красный, помещ<енный> за шкапами в углу} и стали звонить в люстру. Я — так, так, и трак!... их и заперла. Они долго стучали, а Иваша смеялся, и все тоже, а я, зачинщица, не отставала, надо думать! Наконец, когда «плененные отроковицы» были выпущены и взамен того, втолкнули меня в библиотеку, я, слыша их хохот и «гу-гу-го» Иваши, решила их напугать и залезла в самый-самый дальний угол библиотеки за шкаф и притаилась там, подавляя хохот. «Лялечка!» —

кричали мне смеющиеся голоса из канцелярии: «Лялечка, хорошо ты себя чувствуешь? Ляля, позвони!». Я чуть не хохотала, но твердо решила их «пугнуть» хорошенько. Наконец, встревоженные моим долгим молчанием, они пошли в библиотеку и стали с хохотом искать, но, нигде не видя, позвали Серафиму Михайловну {тетю Иваши} и стали снова искать меня. Мало-помалу все, кто сидел в канцелярии из детей, пришли и стали меня искать-поискивать. «Да где же она?» «В самом деле, куда Лялька спряталась?» «Все шкапы пустые!» — заявила Устюхина. «И полки тоже!» — отвечали ей. «Уж не выбежала ли она, когда мы затворяли дверь?» — недоумевала Лиля Е<горова>. «Ну, да! Ведь мы у двери стояли». Пришел, наконец, Ивашечка; и случайно Лиля Е<горова> наткнулась на меня. Хохоту и визгу было в достаточной дозе... А потом в «наказанье» меня на мягком «ассирийском» диване мяли, как тесто. Я с трудом от них отбилась и потом заперла их опять в библиотеке, с Сер<афимой> Мих<айловной> вдобавок. Было уютно, тепло; Ивана Афанасьевича — директора — не было, а был только И<ван> А<фанасьевич> — добрый отец....

15-ого апреля. {А не февраля}. Воскресен<ье>.

Этот поступок мамочки заставил меня призадуматься. Дело было так: впрочем, не стоит распространяться, а проще: бабушка ни за что оскорбила маму, назвав ее лгуньей и чуть ли не воровкой!? Она говорила, что мама будто бы носит все от нас потихоньку к Грустилиным, что только защищает их, и очень на нее кричала и называла «свиньей». Мне было больно за мамочку. Она же {мама} не кричала, но защищалась. Кончив ругню, бабушка, надутая, села за библию, а мама, вымывшись, пошла в комнату помолиться. Ну, подумала я, теперь все кончено и бабушка с мамой нескоро помирятся... Помолившись, мама из своей комнаты пришла в бабушкину комнату и... что же?.. Со светлым, свежим лицом подходит к бабушке, обнимает и целует ее и говорит: «Простите, мама! Виновата перед вами, — каюсь!» Мама, она ни в чем же <не> виновата? Бабушка же с кислой миной отвечает: «Бог вас простит, а мне не за что!»....

Пораженная, я побежала за мамой в кухню и спросила ее тихо: «Мамусечка, тебе тяжело было смириться и первой подойти к ней с прощением?», «Очень тяжело!» — просто отвечала мамочка...

Моя славная, кроткая мама! Какой пример показала ты мне сегодня! О, я буду стараться подражать тебе и хоть немного походить на тебя!...

20-го апреля. Пятница.

По случаю ледохода.

Медленно льдины купались
В вешней, холодной воде.
Нехотя, грустно прощались
С белой зимою оне.
Лили прозрачные слезы,
Тесной собравшись гурьбой:
«Где вы, о, зимние грезы?
Где ты, о зимний покой?
Ах, для чего прилетела
С песней веселой весна?»
Бурно река зашумела,
Сбросила льдины она!
Звонко весна засмеялась,
Ей отозвался ручей;
Льдины друг к другу прижались,
Прочь понеслись скорей.
В царство седого Мороза
Белой примчались толпой
И закричали сквозь слезы:
«Здравствуй, наш север родной!

Эпиграмма.

Хоть ты веришь всем приметам
И гаданья[м] очень любишь [доверяешь],
Все же «Пушкинской Татьяной»,
Верь мне, тетя, ты не будешь.

Вечером.

Приезжала тетя Полина из больницы душевнобольных.... ..
Бедная, о, бедная тетя.

Сегодня за репетицией я рассердила Д<митрия> В<асильевича> своими шалостями, но потом попросила прощения и только что хотела читать данную мне Д<митрием> В<асильевичем> «Ветку Палестины», как пришла Поля и сказала, что приехала тетя Полина и мама нас зовет домой. В первую минуту я до того испугалась, что не могла говорить, т. е. попросить Д<митрия> В<асильевича> отпустить меня спокойным голосом. (Однако я сама не знаю, о чем пишу: голова — точно в тисках; шутка сказать, вчера из-за Лермонтовской (пфу) выставки до 5 часов сидела! А оказалось, что отложили еще на неделю!! Свинство!)

Буду кратка: тетя Полина — телесно находится в очень хорошем... положении: пополнела, видная стала, только 4 передних зубов нет, да волосы короткие, а душевно, {морально} —... Но она почти здорова! Она лишь не может усвоить себе теперешние порядки — все эти лимоны, комсомолы и др. Милая, как обрадовалась она нам! Как целовала, обнимала, даже плакала от радости. О, Боже, великий Боже!! Я хочу вылить все на бумагу — и не могу! Моя душа полна самых разнородных ощущений; жалости и бесконечной любви к моей бедной тете! О, что значат мои огорчения в сравнении с ее страданиями!? Боже, ты добр и многомилостив, зачем ты так устроил?

Этот день (или вернее половина дня) очень на меня сильно подействовал... Боже, за что все?

Воскресенье 22 апреля.

Ох! В голове на темени место одно так болит..

А вчера сочинила «Каменного Ангела» — всего. Мама и папа говорили, что очень хорошо.

Сейчас мама с папой уехали в Александринку на «Маскарад».

Понедельник 23 апреля.

И чего это у меня болит горло? Это не ангина, — это у меня часто бывает; а неприятная штука. Пришла Иосса; со мной на парте сидит. Приятное и в... то же время неприятное соседство: люблю сидеть одна. С Лилей Е<горовой>, Ньюрами П<угиной> и Г<ерасимовой>, Лидой Г<риневской> — поругалась. {И Валею У<стюхиной>}. У Ив<ана> Аф<анасьевича> была; хорошо было, и Ивашечка, наш папуся школьный, такой

ласковый был. Дело моего отдела подвигается и скоро кончится. Нет, как я была глупа, говоря, что выставка меня несколько не интересует! Наоборот! Сколько нового, полезного и хорошего узнала и узнаю еще я через нее, чего бы мне ни школа, ни частные уроки не дали... Ну, о текущих событиях завтра запишу: крестный гонит спать...

{Геометрию не сделала: на сердце что кошки скребут. Мама! Прочитай это, ты скажешь, что я «обманываю ваше доверие», но ничуть, ничуть... Ох, Боже!}.

[7]24-ого апреля. Пятница.

Ну, слава Богу! Кажется, в воскресенье будет открытие выставки. А интересно будет! Я прямо сгораю от нетерпения. Во вторник ездила с мамочкой в город за сапогами! Хорошо в городе: улицы чистые, всюду расставлены неуклюжие вывески, ай, пфу, афиши! Но нет, не хотела бы я быть в городе! Подальше бы от этих нищих, этой борьбы за существование, этого эгоизма. Но что я пишу? Разве эгоизм только в городе? Разве не розлит эгоизм во всей природе, во всем [з] мире? И не есть ли эгоист — цветок, старающийся расти; бабочка, порхающая на солнце; медведь, нападающий на более слабого зверя и, наконец, человека? Не эгоистка ли я, мама и другие, и не борются ли абсолютно все за свое существование?... Даже весна борется с зимой, даже сорная трава заглушает рожь, чтобы расти самой...

Мамуся сказала, что дневник служит и полезен оттого, что можно разбираться самой в себе. Мне стыдно: столько время веду (в этом году) дневник, и не одного серьезного раздумья! (или нет... 2, 3 есть). Вот теперь я и буду обозревать свой день. Я сегодня,... когда ходила за булками бабушке, утаила лимон и купила на него шоколаду! Мне надо было бы принести сдачи 6 р<ублей>, а я принесла 5, соврав, что булки стоят 2 р<рубля> 50 к<опеек>. Мне поверили... Боже! Прости меня! Кроме того, я наложила на себя «эпитимию» (не мучения, конечно; мама мне разъяснила, что это худо). Это значит, что я должна завтра быть не грубой ни с кем и не сказать ни разу «дура»... Постараюсь! Что-то выйdet?! Хм.

P. S. Но как мне жалко милого, доброго дедушку, доверившегося мне! Ведь я... все равно что украли. Родной, добрый, дорогой, прости меня! Не буду! Нет, я сегодня не довольна собою... Родная мамочка, будь мне примером, мой ангел!

28-ого апреля, суббота.

Ох, мне так некогда, так некогда... Сегодня будем приготавливаться к выставке: завтра открытие.

6 мая, воскресенье.

Боже мой, как мне хочется пойти к Лиле Егоровой на именины! Зачем меня мама не пускает? Она говорит: «Я все 3 года вам говорила об аккуратности! Вы меня не слушались, я вас теперь и наказываю». Ох! Лучше бы она выдрала меня! За что она лишает меня так многого? Ведь она же и в театры ездила много, и вчера в кинематограф ходила! Ведь она же понимает! Ведь ее мама, когда она была маленькой, часто пускала! Лучше бы уж, когда я что-нибудь неаккуратное сделала, тогда бы и наказывала, а не теперь, за все за прошлое! Я сейчас просила ее, умоляла, плакала, обещала быть аккуратной, а она говорит: «Когда будешь, тогда и пуцу!» Так ведь это нескоро! Мне важно сегодня! Мне хочется сегодня... Мама, мама! Ты говоришь, что тебе тоже тяжело, но мне во сто крат тяжелее... Мне так хочется, так хочется, так хочется! Я же буду хорошей!

Я буду стараться, увидишь! Пусти меня, мамочка, дорогая, родная, добрая, пусти... Я так хочу, так хочу... хочу!..

Ой, всю бумагу слезами закапала... Мне так тяжело...

Из нашего класса много девочек пойдут... Одна я останусь дома. Ах, Господи...

[9] 8-ого мая. Среда.

Ой, зачем я так неаккуратна к моему дорогому дневнику? Не буду, не буду! К Лиле Егоровой мама в тот день не пустила. Ну, ничего, я постараюсь себя вести хорошо, авось мама пустит к Тамаре Иосса... А завтра в 7 часов — собрание всех бывших заведующих отделами. Вероятно, будет открытие историко-литературно-художественного — Лермонтовского кружка. Уй, хорошо! Опять будем работать под руководством И<вана> А<фанасьевича> и «старой обезьяны» {впр<очем>, хорошего человека} Эдмунд<а> Адамовича.

Страшно и хорошо. Я буду принимать в нем горячее участие, благо мама и папчик-лапчик позволили.

А сегодня мы с Мусей строили планы, как проведем мои именины: иллюминацию в саду устроим, подруг позовем, вернисаж закажем... Ой, скорей бы! Вот я сейчас поставлю столько число ноликов, сколько осталось до моих именин, и каждый день буду по одному вычеркивать <Далее ряд зачеркнутых нулей.>

Гаданье <Далее запись на придуманном О. Ф. Берггольц языке в виде знаков.> Не исполняется желание.

<Рис.: абстрактные изображения, рожица.>

Где погибали корабли.

Загадочные картины.

Шарады

Кол — бас — на — я {Колбасная}

Чай — на — я {Чайная}

Я — май — ка

Сот — рудник

Мир — он — мирон

1[3]4 мая. Вторник.

Над ручьем, где [ветки лозы] *все березы*

Нежно ветками сплелись,

Как-то утром, знойным летом,

На лугу расцвел нарцисс.

Снежно-белый и душистый,

Он гляделся на себя.

А зефир, к нему ласкаясь,

Все шептал: «Люблю тебя!

О, нарцисс, как ты прекрасен,

Как невинен и душист.

Ты как небо свеж и ясен,

Как ручей прозрачный чист..

Полюби меня, дружочек —

Так, как я люблю тебя!

Я спою тебе все песни,

И все сказки расскажу!»

Но головкою качая,

Отвечал печально он:

«Не могу любить другого,
Я в себя уже влюблен.
День и два [промчатся мимо] *пройдут тихонько,*
И промчится жизнь моя...
И в слезах, печальный, бледный,
Я завяну у ручья.
От любви к себе великой (безмерной)
Я зачахну, как тростник»...
[С грустью скрылся ветерочек,
И, сказав то] *так сказал и над водою*
Вновь головкою поник...
Улетел зефир печальный
И уснул [в листьях берез] *в тиши лесной...*
А нарцисс остался [белый... снова] снова
Любоваться [вновь] над водой.
Ничего вокруг не видя,
Погрузившись в себя...
Стал он чахнуть [от] постепенно,
У [гремуче] *спокойного* ручья.
Но однажды луч проворный
Его лаской оживил.
Он — [пр] поднял свой венчик белый,
Оглянулся и застыл.
Рядом с ним прекрасный, [белый] *чистый*
[Вырос лотос]
И невинный, как [родник] *ручей,*
[Рос] Белый лотос рос тихонько,
Красотой блистя своей...
[Сердце ее было полно лишь
мук и презренья.
Долго, напрасно пред ней чувства
любви я молил.
Смехом холодным встречала она
все мученья,
Не было в сердце огня, что нам Амур
Приносил.
С верой в душе я покинул ее не
Надолго,

Тронулся в долгий я путь в замок
волшебной Любви.
Светоч чудесный, сердца зажигающий
Страстью
Я захотел попросить, чтобы] <Далее обрыв текста.>

Прости, мой милый дневник, за то, что я долго не писала; вкратце расскажу все. Вчера была у Тамары И<оссы> на именинах; было довольно скучно.

Сегодня была работа.

19-ого мая, суббота.

Ах, как я долго не писала. Ну, можно ли быть такой безалаберной. С сегодняшнего дня буду вести запись аккуратно. Записывать нечего; ах, да. Я решила исправиться: хочу вести сознательную жизнь. Хочу быть доброй, послушной, слушаться маму и всех. Я недавно прочитала свои старые дневники. Боже мой! Я была меньше, а мыслила и была глубже натурой. Какой любовью к мамочке и ко всем дышат те строчки. Что мой ТЕПЕРЕШНИЙ дневник по сравнению с тем? Пусто, глупо, бессодержательно. Правда, я совершенно откровенна тут, но эта-то откровенность меня и пугает: неужели же я такая в душе? О нет, нет! Я постараюсь, я буду [еще] лучше. Бог поможет мне, я верю. Теперь, когда мне захочется сгрубить кому-нибудь, я буду вспоминать эти строки и сдерживать себя. Я хочу быть другом моей милой мамочки; я буду брать с нее пример и постараюсь исправиться. С Димочкой я теперь совсем не разговариваю, не сижу на переменах; с моей милой зоренькой Тасей тоже очень, очень вижу редко, но я ни капли не разлюбила ее. Ах, я и не написала: у нас при школе открылся «Литературно-художественный кружок им. Лермонтова». Я состою его «действительным» членом и даже в должности секретаренка. У нас после выпуска, т. е. когда нас распустят, будет вечер Островского, и меня выбрали играть Липочку. Но боюсь, что мама не позволит. Потом, при открытии учебного сезона, у нас будет выставка — «Русская сказка», и мне дали отдел: «Следы мифологии в русской сказке». Я своим отделом — довольнона и постараюсь отныне горячо приняться за работу и не скулить, как тогда.

Потом мы учредили с Вале́й, Мусе́й и мной особую интимную «лигу маленьких человечков». Наша задача состоит в том, чтобы делать добрые дела. Я предложу еще быть, стараться безусловно хорошими, но знаю уже, что мое предложение будет отвергнуто нашими «гордыми» Вале́й и Мусе́й. А впрочем, попробую их убедить.

23-ого мая. Среда.

Дела — по горло. Впрочем, надо записать самое главное. Кружок начал свою работу быстро и решительно, конечно, так и должно было быть, если сам Юпитер снизошел до нас. Нас будут учить там музыке, декламации и всему другому. Будем делать экскурсии, ездить по мере надобности в театры. Действительным членам кружка можно бывать всюду бесплатно. Работа дружно соединяет нас, и учителей, и наставников. Сейчас, после выпуска, будет праздник Островского. Я играю там Липочку, но, кажется, мама не хочет позволять: ну, ничего, как-нибудь упрошу ее. Потом будет открыта выставка под названием «Русская сказка». Я выбрана заведующей отделом «Следы мифологии в сказках». Я отделом довольна. Потом нас на этой неделе, нас, членов кружка, повезут в «Юный зритель» на вещь Островского. Но вот, что меня смущает: папа с мамой хотят, чтобы я снесла туда свою пьесу и спросила мнения о ней. Зачем? О, нет, ни за что, ни за что! Это мне так неловко, так тяжело, я прямо не могу выразить, как худо... Мама говорит, что она меня, вероятно, и в театр не пустит: плохо [тебя] себя веду. Господи!? Почему это? Мне так хочется, я так стараюсь, и ничего не выходит! Почему мама говорит, что я очень огрубела и... обнаглела? Я не хочу, не хочу. О, Бог! Помоги мне... Но я думаю, что ее тактика не права, и она... ну, не знаю, как сказать... не понимает немного. «Добро вкореняется добром, а зло — злом» — вот мое убеждение. Но мама говорит, что добром в меня ничего не вкоренишь, — неужели? Боже, я начинаю сомневаться, кто же я в самом деле? Неужели мое сердце закрыто доброму! Нет, я чувствую, что нет. Если бы это было так, то ничто, что говорила мама, не вкоренилось бы в меня. А ведь все положительные стороны, которые я имею в своем характере, все это труды преимущественно мамы. Она делала это — «словом». Теперь мы испортились!.. Она хочет действовать на нас наказанием. Она говорит, что это нас исправит. Исправит ли?? (Я не берусь судить ее поступки, но лишь

рассуждаю обо всем.) [Что] После лишения удовольствия что останется в сердце? — ожесточение. Правда, будет стараться, но для чего? Для материальных выгод. Но от этого страдает моральная сторона: «старается из-за того, чтобы получить удовольствие, чтобы не быть наказанному; с внешней стороны поведение хорошее, а с внутренней, душевной? Нет, из-за страха наказания лучшие чувства отступают вглубь. Нет личного, чистого сознания». Не то будет, если пустят, простят: «Это сохранится в душе; тут логика такова. Сделали удовольствие, должно отплатить тем же. Старается ради чувства, сознательно». Я это не отношу прямо к себе: я люблю мою маму, мою мамусю — абсолютно всегда. Даже тогда, когда она не верит в мои слезы и уверения быть хорошей; даже тогда, когда она сердится на меня и меня наказывает... Я ее люблю как жизнь, как искусство, как красоту... , она была и будет моей святыней! Я не лгу, о, нет, я не лгу.... Кого я люблю — того люблю; кто мне антипатичен — тот антипатичен. Я люблю Тасю, люблю ее как родную и не намерена ни перед кем скрывать этого... А что добро действует даже и на меня, то это ярко видно из следующего факта: как-то, давно, еще в 21 году, я наговорила маме грубостей и потом, раскаиваясь, стала плакать, и моя мамочка привлекла меня к себе и сказала нежно-нежно: «Дружочек мой!»

И этого я не забыла... Это заставляет меня сдерживаться во многих случаях, и когда мама не довольна мною, в моей душе больно-больно прозвучит: «Дружочек мой!» И я раскаиваюсь и плачу, но, мама, моя добрая, славная, бесконечно добрая, неужели же и вправду не веришь ни моим слезам, ни мне?.... Пора ложиться спать. Завтра обязательно надо встать часов в ... 5, 4, для «работы маленьких человечков». В 4 часа. Слышишь, Ляля? (это я всегда себе в голову вдолблю, когда надо встать, и встану всегда в назначенное время).

24-ого мая четверг

Милый Танюк! Сейчас получила от Лиды замечание, что я долго тебе не пишу. Не сердись, мой любанчик! Мне сейчас очень некогда. Но я тебя ни капли не разлюбила и не разлюблю никогда, моего доброго друга. Прости меня, Танечка, я не буду никогда больше так долго молчать. Славная моя, поправляйся скорее и приходи к нам:

тогда я тебе все, все подробно расскажу. Приходи или в Троицу, или в Духов день, я и все будем тебе очень рады. Знаешь, Тасюк, у Балдных скоро, очень скоро умрет их отец. Мне их очень жалко, и я прощаю их маме, которая говорит, что «мы испортили и портим ее детей»!?? Я же сознаю, что это ложь и неправда, и поэтому мне даже жаль ее, и я не обращаю внимания на это. А вот наша Муся худая какая стала, злая, грубая. Я не знаю, почему это так. Я стараюсь ей прощать, чтобы дать почувствовать, что она не права, но она не понимает. Знаешь, Тасенька, хоть бы ты на нее постаралась подействовать, не говоря, что я это тебе сказала. Ну, пока, прощай, моя зоренька; приходи и поправляйся. Я тебя люблю [люблю] и не забываю. Твоя гор<ячо> люб<ящая> «дочка» Ляля. Напиши мне что-нибудь по поводу моего дневника сюда же. Только, извини, выражайся попроще. И напиши побольше. Целую тебя.

«Милая Лялечка. Каково было удивление, приехав домой усталая, после непрерывного¹ 6-тичасового труда, увидела у себя на столе твою тетрадь. Да, детка, большие надежды можно возлагать на таких детей, как ты, конечно, если прежде времени они не станут сознавать действительную свою индивидуальность и злоупотреблять последней. Знаешь, что мне кажется, я как уже редко видящий тебя человек и познакомившийся с твоими поступками <с> помощью твоего дневника наблюдаю в тебе наряду с той естественностью и искренностью твоих работ как в кружках, так и на арене школьной жизни и уроков некоторую своеобразную самодовольность и сознание своего превосходства в окружающей среде. Лялечка, детка, не хочу я сказать этими словами противоположность тех мнений о тебе, нет. Но хочу подчеркнуть, что не отдавайся со своею пылкой душою на все приветствия. Ты превосходно знаешь свои положительные зачатки, а потому, лелея и живя для них, ты не обращай внимания на сладкие речи, преподносимые иногда даже врачами. Старайся, поскольку в тебе есть критический дух будущего истинно интеллигентного человека, подмечать и узнавать, как под масками, различных людей, так и поступки, совершаемые тобою, оправдывающие теми или другими сложившимися условиями. Неоднократно в твоём дневнике это подмечается, как-то даже написано в стихе “Как покупаю клюкву я...” Конечно, это очень мелкий признак на доказательство. Но верить для того, чтобы

¹ Так в рукописи.

помочь нуждающимся, кому-нибудь в чем-нибудь, конечно, надо всегда предложить все, что можешь не только с материальной стороны, но и моральной. Последний поступок я считаю благороднее, и последний даст, может быть, через большой промежуток времени сойти со сцены первым.

Ну, напишу же как-нибудь я тебе побольше, а сейчас ложусь спать, завтра, вернее, уже сегодня вставать в 5 часов утра и заниматься, а сегодня совершенно не спала, а легла только в 8 и до 10 и в 12 уже была в институте.

Твоя Тася»¹

26-ого мая. Суббота (В школе)

Тянет «Иваныч» уныло и медленно.

Как хитрый палач...

Господи! Сейчас работа. Во мне все трепещет....!

Сейчас я на кладбище, сегодня родительская, и я зашла на него поклониться могилкам. Ах, как хорошо тут: деревья зазеленели — птички перекликаются... чудо. Грустное, элегическое настроение всегда охватывает меня, а сегодня что-то в особенности. Сейчас мне пришлось наблюдать умирительную, интересную сцену. Около «моего» креста, где под стеклом [поме] написан Распятый Христос и перед ним укреплена лампада, в которой мы зажигали свечи, стоял о<тец> Вячеслав, а около него седой, могучего сложения, но уже одряхлевший старик с завязанным [взгля] глазом. О<тец> Вячеслав говорил: «Для чего нам дана жизнь: для того, чтобы прославлять господа». Отслужив панихиду, батюшка пошел дальше, а старик долго плакал и молился.

Июня 6. Вторник.

И зачем, зачем обижают так мою мамочку! Разве правы они? И, главное, бабушка: мама работает, нет, не даром ест и пьет она: она всех нас обшивает. Ее труд не легче, чем их... Зачем оскорбляет ее даже... папа? Милая, бедная, дорогая-дорогая мамочка! Неужели же нельзя верить даже людям, горячо мною любимым? Неужели до того бли-

¹ Запись рукой Татьяны Козловой.

зоруки они, что не видят, что делают, кого оскорбляют. Да нет, не может этого быть! Но почему же тогда? Чем объяснить это? Боже, просвети их разум! Боже!

О, какие [вы] все люди [недалекие] жестокие,
 Есть ли [чувства] жалость и слезы у [вас] них?
 Есть ли чувства и мысли глубокие?
 Они любят ли братьев своих...
 Нет! Как камни суровые, хладные,
 Мыслят только о хлебе они,
 До приятного, сытного [пошлого] жадные,
 Наслаждаются, тайно, одни.
 Эгоисты! Бездушные! Пошлые!
 Что пробудит в вас бледную кровь?
 Матерьяльное благо,... не прошлое,
 Не искусство, не тень, не любовь...
 Всех вы ниже, глупее считаете.
 ...И ее... в страшной злобе своей
 [Ее грязью] Грязью жизни и дрязг покрываете.
 И за что?! Что в ней сердце светлей.
 Вы — ее, идеальную, чистую,
 Как роса, как цветок полевой,
 Вы клеймите молвою нечистою
 И упреками в жизни худой!..
 [Вы] Как страдать вы ее заставляете
 И как горько и много рыдать...
 Но она, несмотря на страдания,
 Всех умеет любить и прощать.
 Это гордое воли смирение,
 Это вам снисхожденье, прощение,
 Это — подвиг великой любви...
 Как жалки вы, [как] все мелочно-грязные,
 Перед нею — [<2 сл. нрзб>] прекрасной всегда.
 Между нею и вами — расселина,
 Не заполнить ее никогда!!

Это худое стихотворение, но мне хочется выразить чувства, волнующие меня. Конечно, тут я безусловно утрирую и преувеличиваю недостатки моих родных. Но если смотреть в общем смысле, то выходит-то так. Бедная мама моя! Она горько плакала и говорила, что ее никто не любит.

Не упрекай, не плачь, родная!
 [Пусть жизнь тебя]
 Пускай не любят вокруг тебя,
 [И осуждают]
 Не понимая, осуждают,
 Кидают пошлостью в тебя.
 Нет! Есть два маленьких сердечка,
 Им не забыть твоих забот.
 И ласок нежных и страданья,
 Что ты за них перенесла.

7-ого июня. Четверг.

Писать нечего; день прошел однообразно. Скоро поедем в деревню! Ах, хорошо! Я при одной мысли замираю от восторга!! Слава богу!!!

16-ого июня. Суббота.

Хотела записать лекцию, которую сегодня читал А<лександр> И<ванович>, но не могу. Нет, это выше сил моих! Ну, за что мама не разговаривает со мной! За что не позволяет подойти к ней, обнять, поцеловать? Да, я виновата, я нагрубила тогда, но вот уже 3 дня стараюсь! Я и носки папе много пар зачینیла хорошо и во всем другом старалась. Я же старалась, я старалась. А мама 3 дня ничего не говорит ни со мной, ни с Мусей. Муся — ничего, говорит: «Я не виновата, я первая не подойду» и т. д. Она не права. Она — паршивая дрянь после этого. Она не смеет называть маму «истеричкой» и т. д. Ведь я же не только не называю, я ничего такого и не думаю. А я не называю...

Я стараюсь... Ах, мама, мама, я же люблю тебя. Я, мамочка, страдаю. Я, мама, моя мама, мама, ведь мне же так тяжело. Я же стараюсь и буду стараться. Я буду, только приласкай меня, ну, мамочка...

<Рис.: девочка с тарелкой и бидоном, в бороде и усах.>

Очень худо.

<Рис.: голова девочки в шапке.>

<Рис.: девочка с косой и мужчина на коленях перед девочкой.>

И<ван?> И<ванович?> делает В<але?> Б<ычковой?>...

<Арифметические расчеты, уравнения.>

Мистер Фукс

<Рис.: Мужчина сидит за столом.> И<ван?> И<ванович?>

№ 3 1923

Мой дневник

(дер<евня> Плавищи)¹

27 августа. Понедельник.

Вчера никоим образом не могла записать о событиях дня. Но зато в сегодняшний день запишу о<бо> всем, включая прошедшую ночь. «Праздник св. Тихона».

1) Праздничный день.

С раннего утра начались у нас в избе хлопоты; мама стала стряпать, а мы — прибираться и готовить в церковь. Впрочем, это не церковь, а часовня во имя св. Тихона. Мама поставила в печку утюги, чтобы выгладить нам платья. Я ужасно торопилась, чем раздражала маму. Т<етья> Дуня выгладила, наконец, нам платья, мы оделись и пошли. Ясное солнышко светило на безоблачном небе. Я и Муся шли вперед, играя в свою неизменную игру, а т<етья> Дуня с Колей взади.

Войдя в деревню Оленино, мы не направились прямо в церковь, а к т<ете> Дуниным знакомым, потому что батюшка еще не приехал. Там нас угостили яблоками; просидев там с четверть часа, мы отправились к часовне. Но теперь я должна описать месторасположение часовни. Недалеко от дер<евни> Оленино возвышается высокий холм, поросший высокими-высокими темными соснами. Сосны такие важные, старые, молчаливые, гордые; насупились, молчат

¹ Записи рукой О. Ф. Берггольц на обложке тетради.

и молча подымаются вверх. Только разве изредка пошепчутся с ветром да между собой и опять молчат. Хранят тайну. Этот холм — не простой холм, а могила первого русского князя — Рюрика. Это было доказано раскопками. Дедка Ампадист очень интересно про это рассказывает. На этом-то знаменитом холме или кургане, все равно, и находится часовня св. Тихона. Раз в год бывает там служба, а остальное время часовня стоит совсем одинокая. Около кургана плещется большое озеро... Я люблю ходить на курган: невольно охватывает тебя торжественное, немного жуткое чувство. Но возвращусь к началу. К кургану так и валили люди. Дряхлые и сильные, ближние и дальние, — все спешили к молебну. Некоторые приехали на двуколках, пфу, одноколках. Мы вошли [на] в часовню и встали на перед¹, около малюсенького оконца: ввиду того, что окна были очень малы, в часовне был полумрак, но это еще более усугубляло непонятную таинственность. Служил старенький священник: молитвы говорил скоро, невнятно; пел какой-то господин с постной физикой, на которой была написана покорность судьбе. Более известные, общие молитвы пели все, кто был в часовне. Пели — унисон, но нельзя сказать, чтобы хорошо. Однако все пели с чувством и верой; их соединяло одно, и люди чувствовали себя братьями....

Приложились к иконам, батюшка покропил святой водой, многие женщины взяли воды в захваченные в часовню сосуды, — и вышли из храма. Молебен кончился; «який»-то мужичок, с истой, неторопливой бородкой, звонил в единственный колокольчик, повешенный у часовни. Лицо мужичка было важное и строгое.

Мы с тетей Дуней забежали вперед перед иконами и пошли, пригнувшись к земле, ожидали, когда пройдут над нами с образами. Почти весь народ делал то же самое. Подойдя под иконы, мы вместе с крестным ходом направились в поле: там должен был служить молебен, и скот сгоняли в поле. (Св. Тихон считается покровителем скота.) Молодые девушки несли образ св. Тихона, человек с постной физикой — чашку, в которой была налита святая вода, и с кропильником. Коровы и телята жалобно мычали, лошади ржали и топали копытами. Прослужив краткий молебен, девушки с иконой пошли вокруг стада, а батюшка шел за ними и кропил деревенских «кормилиц» св<ятой> водой. После этого направи-

¹ Так в рукописи.

лись по деревне — «по избам». Мы, т. е. мы и тетя Дуня, пошли домой, чтобы там встретить священника дома. Совсем около Оленино нас встретила мамуся. Она была очень хороша в своем белом платице; это мамино платье я очень люблю, особенно потому, что кушак его вышивала я. Итак, мы пришли домой. Мы с мамой, т. е. я и тетя Дуня остались поджидать на улице батюшку, а Муся с Анютой остались дома. Стоя на улице, я наблюдала за происходившим. Как было известно, мужики нагнали несметное количество самогону, и теперь, исключая двух туберкулезных больных, вся мужская половина деревни Плавищи была — «готова». Гостей наехала — «сила», пьяны все были не в меру, — вообще все было настроено, как следует, и обещало «интересное», если не «веселое» гулянье. Стоя около мамы, я наблюдала интересные сценки: вот из деревни Лекалово пришли два брата, с алыми носами, уже на «веселых ногах». Один из них, подобно нахохлившемуся, собирающемуся драться воробью, ходит и ищет случая, к чему бы придраться. Вот Николай Кукушкин ходит с такими мрачными взглядами, точно решается на что-то ужасное. Но, однако, он показал себя и с хорошей стороны. Какой-то мужик, гость Мишиных, стал неимоверно ругаться и ломаться. Николай подошел, снял шапку и сказал: «Образ идет!» Петр Мишин, ведущий мужика, тоже снял свою; тогда пьяница стащил свой картуз и угомонился. Но едва поравнялись они с иконой, как ломотный мужичок [за]хотел ругнуться. «Да тише ты! Вишь, образ!» — опять сказал Николай. Пьяный примолк, и его куда-то увели... После обеда к нам зашел с иконой батюшка, отслужил коротенький молебен и ушел. Потом мы стали играть в «козла». Играли долго; после, уже ввечеру, пришла тетя Дуня и рассказала, что гулянье было «очень» даже «веселое». Дрались до того, что одного человека чуть не убили. Одни пришли с ножами; Ванька Косичев (тот, похожий на воробья) у-ужасно дрался; его связали, бросили во двор (двор — коровник), он там весь измазался в.... навозе. Вообще, было очень весело. Странные понятия у этих деревенских. Человека убьют, — а веселились! И какой демон выдумал водку?

«Веселая ночь»

У нас в доме был пьяный — Иван с Чернецка. Вел он себя — безобразно! Врал, матюгался, кричал безобразные вещи, ломался. Его мама очень испугалась, и когда стали ложиться спать, она привя-

зала дверную ручку к ножке кровати, на которой спала <етя> Дуня с Колей. У нас ночевала Анюта и спала со мной. Напротив, в старой заколоченной избе, принадлежащей какому-то крестьянину, устраивали «вечерок». Туда собирались девушки, парни, чтобы петь, танцевать и разговаривать. Туда уже собирались, раздавался звонкий смех и шутки, а наряду с этим — пьяные выкрики и руга[т]нь мужиков. Ночь была тихая, прохладная, словно хрустальная. Месяц обливал своим ярким светом изобки; небо было прозрачно. Кастриулька ярко сияла; вообще, было чудесно. Святой Тихон точно хотел порадовать людей своей добротой, а глупые люди не поняли этого: громко раздавались ругательство и крики, как бы наперекор волшебной красоте ночи. Мы все сидели около открытых окон и слушали пенье, раздававшееся из заколоченной избы. Грустно лилось оно, хватало за душу своими тоскливыми нотками, летело в безбрежное небо, разносилось по окрестностям. Они говорили о грусти, о печальной участи крестьянских девушек, и много-много слышалось в этих простых, нехитрых песнях. Наслушались мы и разошлись по кроватям. Ночь провели «очень весело». Под окнами орали пьяные, и мы поминутно соскакивали с постели и смотрели, что случилось. Оказалось, что пьяные ворвались в избу, где был вечерок, разбили лампу, всех выгнали на улицу, и... вечерок кончился. Но самое смешное было в следующем: гостья наших хозяев, возвращаясь домой с вечерка, влезла к нам в окно, т. к. двери были заперты. Потом пошла в ту избу, но дверь оказалась запертой. Когда ей объяснили, она очень засмеялась и сказала: «Пьяный стал бы дверь открывать, — кровать бы в сени и вытащил». Все очень этому смеялись.

Суббота. [8] 9 сентября.

Опять как много пропустила! Но до дневника ли тут! Не сегодня-завтра уедем, может быть; это время мы провели нельзя сказать что хорошо: редко выглядывает солнышко, небо омрачено тучами. «Поет брусника, стали дни холоднее, и от птичьего крика в сердце только грустнее». Падают листья; природа одевается в траурный наряд: умирают цветы. О, как скоро, как скоро пронеслось лето! Действительно, мы ходили за брусникой, но тогда еще она была зеленая, и мы набрали очень немного. Я нарвала Димочке букет, думала, что простоят до отъезда, но ягоды стали кислые, и мама их съела.

Ну, я думаю, что мне удастся еще ему набрать хороший-хороший букет. Милый — милый Димитрий Васильевич! Как долго я его не видала и как соскучилась!!

Мы были в болоте за брусникой, мама там промочила ноги и потом захворала. Слава Богу, вовремя обратили внимание, а то бы кончилось печально. Я так боялась за нее, но когда все обошлось, я ужасно рада. По кружку нашему я усиленно работаю: записываю сказки, песни. У меня уж почти все готово, — только дедки Ампади-ста ничего нет. Но я завтра к нему пойду. Я думаю, что моя работа будет одобрена. Сегодня случился интересный и трагикомический случай: мы стали чокаться яйцами, загадывая, чье скорее разобьется, да как чокнулись, что Мусино яйцо разлетелось вдребезги и облило все окружающее. Я хохотала сквозь слезы, а потом все хохотали... Что, приедет завтра кто-нибудь или нет? Дай Бог, чтобы приехали. Я соскучилась, да и за занятия боюсь! Дождик все время идет; на сердце такая грусть, такая тоска!

[9]10 сентября. Воскресенье.

«Итоги прошедшего лета»

Сегодня Воскресенье, день относительно свободный. Правда, когда зажгут лампу, я собираюсь пописать свои сказки. Итак, мне пришла мысль подвести итоги проведенного лета. Если мы мало пользовались воздухом, так как лето было дождливое и худое, то отъедались вовсю. Трудно сказать, я одна в вечер выпивала 5, 6 и всегда уж 4. Я очень потолстела, грудь моя развивается; мама и Муся тоже поправились, только я больше всех. Кроме того, это лето не прошло бесследно, как то: я вела дневник, хотя, правда, не вполне аккуратно, но все-таки в моем дневнике порядочно интересных описаний проведенного лета. Это даст мне возможность в долгие зимние вечера вспоминать весело проведенное лето. Потом я записывала и записала порядочно и верно. Более всего я рада, что мне удалось верно схватить новгородский говор, и, исключая сказки Алены, написанные по беглым заметкам, остальные записаны дословно. Лето проводили весело и хорошо: ходили в леса, за ягодами и грибами. Иг-рали без усталости в «чижик», «попок», если дни были солнечные или не дождливые, и до упаду и до слез — в «козла» по вечерам. Одно худо, что ничего не привезем в Питер: грибов почти нет, и потом

очень затрудняли сбор грибов дожди. Болота очень поднялись, — а этот год брусника растет только в болотах. Одно утешенье осталось — привезти чаю — «земляничного». Ну, кажется, все: итак, итог вполне благоприятный: одно жаль, что ничего нового я не создала. Мама зовет играть в «козла».

[20] 19 сентября. [Четверг] Среда. В Петрограде.

«От деревни Пластиши до Питера»

Мы сидели и занимались, как вдруг мама воскликнула: «Боже мой, Павлик!» С дикими воплями мы бросились к окнам. Действительно, д<ядя> Павля стоял посередине дороги и оглядывался, ища нашу избу. С тем же диким визгом бросились мы на улицу и втащили его в избу. На другой день мы уже уезжали. Сутолока и суматоха начались с вечера. Мама собирала и укладывала все, мы торопились с нашими уроками, — словом, переполох поднялся не маленький. Спала я в белье, завернувшись в одеяло около д<яди> Павли, а утром встала чуть свет, еще до коров, и началась настоящая сумятица. Мама стряпала, потом все уложила, я торопилась с завтраком. Пришла Анютка и, сидя на скамье, печально смотрела на это все своими большими голубыми глазами. После чая мы оделись, завязали вещи и были готовы. В последний раз я поглядела на милую «Барскую Ниву», поля и речку и тут же в каком-то экстазе прошептала: «Милые, дорогие, хорошие, леса, речка, луга! Я уезжаю от вас в шумный, серый город... Я не увижу вас, может быть, долгие-долгие годы, но даю вам слово, что я не забуду вас, вашей чарующей красоты... Благодарю вас за то счастье и радость, которую вы мне дали!»

Серая, грязная дорога... Лес молчаливый и серый по бокам... Мы трясемся в телеге по этой дороге, мы едем в Торбино... Тяжкие думы, как тучи, давят меня... Вспоминается, как прощались с нами все... Жалко, жалко стало мне Анютку при прощанье... Ее глаза наполнились слезами, когда она поцеловала меня в последний раз. Я тоже чуть-чуть не плакала... Небо, чистое с утра, хмурилось, собираясь зарыдать... Я вспомнила, как скрылась деревня за поворотом дороги, и мне сделалось еще тяжелее... Прощай, радость!

...Чук-чук-чук, чук-чук-чук, чук-чук-чук, стучают колеса по рельсам... Полутемно в женском вагоне; тихо... Слава Богу, через несколько часов мы будем в Питере. Доехали до Торбино благопо-

лучно, да не совсем. Лошаденке было тяжело тащить воз, поэтому я и Муся много шли, мама тоже. По дороге потеряли макинтош и козынку, пришлось ворочаться назад... Слава Богу, нашли. Но не так было дело с другими вещами: потеряли мамин хороший, очень даже, шерстяной платок, пальтушку и краюху хлеба. О потерях узнали только тогда, когда приехали на станцию и стали снимать вещи с телеги. Мама ужасно жалела о платке, а я так чуть не плакала. Прждав на вокзале 4 или 5 часов, мы уселись в вагон и поехали. Мне так хотелось спать, что я положительно валилась спать, но спать нельзя было. Муся спала на лавке, которую ей уступила одна старуха, а я и мама [пор]бодрствовали. Приехали на вокзал — «Фарфоровский» пост в 4 часа утра. Мама осталась на вокзале с вещами, а мы с дядей Павликом пошли домой. Город спал: алела на востоке заря; сердце мое болезненно ныло, — чувствовалось ощущение чего-то нового. Я думала, что сейчас уж просыпается деревня: медленно идет пастух, играя в рожок; тихо, нехотя поднимается туман, покидая ночное ложе; робко чирикают проснувшиеся птички... Сыро, холодно, прозрачно... И мне так захотелось обратно, так остро-мучительно ныла душа... Вот, — думала я, — вот и кончились красные дни... Домой пришли, — все спали еще. Несмотря на тоску, было радостно немного: опять в «своем» доме, все на местах, — хорошо. Увиделась с родными, — дядя Володя приехал из Углича. Радостное чувство сменило грустное. «Всякие новости». В тот же день пошла в школу. Поступило 3 новеньких. Одна из них — Оля Смит — мне очень понравилась. Все в школе по-старому, только... Но это, вероятно, не правда. Да, в первый день увидела Д<митрия> В<асильевича>. Как я обрадовалась! Одно худо, что огромный, дивный, красивый букет, который я взяла моему милому Димочке, совершенно осыпался! А какой красивый был! — Прелесть! Накануне отъезда вечером мы с Мусей набрали его.... Да, а кружок ничуть не работал: я этим немного изумлена, но и обрадована... Я привезла много чего из сказок да еще Дунины запишу; я хочу поработать как можно больше, чтобы другие глядели на меня как на действительно «действительного члена», а особенно наши руководители. Да, когда поспеют яблоки, я, может быть, снесу пяток Д<митрию> В<асильевичу>. Только не оскорбит ли это его? Но мне так хочется выразить свою признательность. С Валею Бычковой я очень сошлась, она все время говорит мне, что я — ее духовная подруга, что я одна из всего класса удовлетворяю запросам ее души,

но какая-то неискренность, чудится мне, звучит в ее словах. Может быть, мне это только чудится, а может, и нет. Но на этот раз довольно; бабушка «гонит» спать...

20 сентября. Четверг.

День прошел не вполне обыкновенно. На уроке родного языка я рассказывала сказку про «волка, медного зуба», но только что начала и сказала немного, как прозвонил звонок. Но всем очень понравилось, и Ив<ан> Ал<ександрович?> потом говорил об этом в канцелярии. Слава Богу, что труды мои не пропали. Ах! Поскорее бы все входило в свою колею и начались кружковые занятия. Опять будет так весело и занятно! Закипит работа, и мы узнаем так много нового и интересного! А потом будем учиться музыке, посещать интересные лекции, — ах! Даже дух захватывает от радостного предчувствия. А что случилось сегодня на дворе: у Балдиных с той стороны закрылась дверь и они туда едва попали. Завтра отдам Д<митрию> В<асильевичу> свой дневник прочитать; мне стыдно, что он прочтет все, что про него написала. Наивно и... глупо... сентиментально¹.

2[0]3 сентября 1924.

С каким удовольствием читаю я эти строки! Как переношусь в деревню. Как ясно все вижу! Целый год и 3 дня прошло с тех пор. Все по-старому, только я теперь ученица уж не 2 основного, а 3-его класса. Уж теперь я в душе ярая комсомолка.

<Знаки, ребус.>

Милое прошлое!

Берггольц.

31 октября. Среда.

«Открытие кружка»

Сегодня в 1 раз в этом году, после довольно долгого промежутка времени, состоялось собрание нашего милого Литературно-художественного кружка. Назначено оно было в 7 часов, но некоторые

¹ Предложение «Наивно и... глупо... сентиментально» выделено лигатурой.

явились гораздо раньше семи и занимались каждый своим делом. Кто танцевал в темно-таинственном зале, под вальс, играемый на старом, точно кашляющем рояле, кто, собравшись группами, беседовал, а кто слонялся просто так. Наконец, пришел Ив<ан> Аф<анасьевич> — наш руководитель и главный организатор кружка, вместе с другими руководителями — Ал<ександром> Ив<ановичем> и Эдм<ундом> Адам<овичем>. И собрание началось. Немного опоздав, пришел и Дм<итрий> Вас<ильевич>, но это ничему не помешало. Первым делом выбрали президиум — состоящий из [двух] *трех* лиц: председателя — Миша Иванов, из IV кл<асса>, тов<арища> председателя и секретаря, Валю Бычкову. Настроение царило веселое, радостное, даже смешливое, и Ив<ану> Аф<анасьевичу> приходилось даже делать замечание... Но выборы президиума и остальные мелкие вопросы, а главным вопросом являлся вопрос о праздновании 6-ой годовщины Октябрьской революции, и к нему-то мы и обратились. Определенно пока еще ничего не вывели, но намерения выясняются. Во-первых, будет постановка пьесы, какой — еще неизвестно; во-вторых, сольная декламация и сольные номера из пения, а также и хор. Потом еще решили, что У. Лихецкая будет играть на скрипке. После собрания тов<арищ> председателя поделилась своими записями из каникулярных работ...

Собрание кончилось.

Все начали расходиться, унося в своей душе теплое и приятное чувство. Думалось: «Вот опять мы все вместе, опять сплотились дружной семьей, опять приступили к дружной и интересной работе!»...

И отрадное чувство охватывало всех, и верилось в хорошее...

Опять мы собрались в тесный кружок,
 Под знамя труда и науки!
 Пойдемте ж, товарищи, бодро вперед,
 Друг другу дав сильные руки...
 Пойдемте дорогою честной, прямой
 Под храма могучего своды...
 Нас жизнь не заглушит своею грозой,
 Мы верим в добро и свободу!...

1 ноября. Четверг

Сегодня, оставшись после уроков, ученики вместе с Дм<итрием> Вас<ильевичем> решали, какие пьесы ставить в день празднования. Их было три: «Бабья деревня», «Прежде и теперь» и «Правонарушители». Все их прочитали по очереди. Но ни «Бабья деревня», ни «Правонарушители» — никому не понравились. После прочтения каждой поднимался шум и гам, кто кричал: «не надо, куда ее!», кто вслух горячо рассуждал с соседями, кто говорил, что — «хорошая». Но остановились на «Прежде и теперь», в конце концов. Правда, эта пьеса не вполне отвечала эстетическим запросам школьников, любящим пьесы с завязкой и развязкой, имеющие обстановку и яркие типы, а в этой пьесе не было этих качеств, она была прямо агитационного характера. Но раз лучшей не было, то приходилось мириться и с этой. И мы помирились! Стали назначать действующих лиц. Смеху, шуму и гаму прибавилось еще более к полному отчаянию Дм<итрия> Вас<ильевича>. Всякий назначал кандидата, стараясь перекричать друг друга. Не обошлось, конечно, и без колкостей, отпускаемых в чью-нибудь сторону, но уж это так водится, даже положено так на таких бурных собраниях. Наконец, всем назначили роли и стихотворения (т. е. тем, кандидатура которых была выставлена), и ученики начали расходиться, унося различные чувства: кто радость и удовольствие, кто недовольство, а кто даже и злость. Но все с одинаковым нетерпением и любопытством ждали праздника в нашей школе.

В тот же день состоялась лекция по легкой атлетике.

У нас в школе открылся еще новый кружок, — гимнастический. Вообще, жизнь нашей школы становится все интереснее и интереснее, благодаря, конечно, нашим энергичным и добрым преподавателям.

5 ноября. Понедельник.

«Веселые хлопоты».

Сегодня было очень интересно. Дело в том, что завтра ученики II-ой ступени пойдут в театр «Вену», а сегодня певчие нашего хора ходили на Обуховский завод — петь.

Некоторые не хотели идти, и на этой почве были даже некоторые недоразумения. Однако все уладилось, и певчие, более или

менее спокойные, ушли из школы около 1 часу (было только 3 урока) под предводительством нескольких преподавателей. Тут Ив<ан> Аф<анасьевич> позвал Валю Бычкову и еще нескольких учеников, чтобы приладить к шестам знамя, нарисованное по проекту Эдм<унда> Адам<овича>. За эти три дня работа по торжествам для праздника Революции: девочки и мальчики, хорошо рисующие, — рисуют плакаты на стены, причем из нашего класса — В<алентина> Устюхина, поющие соло — каждый день остаются на спевки, организационная работа кипит.

Вдруг после ухода девочек прибежали из класса «Д» ученики и с взволнованными лицами объявили, что у одного ученика пропало 5 миллиардов. Ан<на?> Еф<имовна?>, их классная наставница, пошла искать деньги с ними, но поиски оказались бесполезны: денег не нашли!

На репетицию пьесы и стихов велели явиться в 6 часов, а некоторые ушли, а другие, подвизавшиеся на поприще орга[зан]низационной помощи, — остались. Они сначала хотели ехать «на ту сторону» за елками, но потом раздумали: слишком темно, сыро и далеко было, а «на той стороне» было положительное болото. Поэтому организаторы набрали листьев осенних и, сплетя из них гирлянды, украсили зало. Вышло очень оригинально и стильно. Заведывала всем этим В<аля> Бычкова, и распорядилась всем очень хорошо и умело (ей поручил Ив<ан> Аф<анасьевич>), но у нее явились недоброжелатели в виде учениц IV и III классов, которые наговорили много обидных вещей.

Эти организаторы проработали от 9 ч. 30 мин., т. е. с времени прихода в школу, и до 9 часов! Наконец, приехал Д<митрий> В<асильевич>, и репетиция началась. Сначала играли «Прежде и теперь». Представляли ничего, но, не зная ролей, некоторые сбивались. Мнение многих сходилось на том, что Н<юра> Герасимова (IV кл<асс>) и Модзалевский (III) играют хорошо.

Потом декламировали стихотворения, а ученики незанятые отправились в верхнюю, большую залу, и под хрипло-кашляющий рояль весело отплясывали вальс, па д'эспань и тустеп!

Даже танцевали девочки с мальчиками, и Алек<сандр> Анд<реевич>, учитель геометрии, веселый и живой, отплясывал, как умел, с Н<юрой> Герасимовой. Организаторы, окончив плести и вешать гирлянды, тоже отдавали должное богине Терпсихоре. Танцевали до тех пор, пока Дм<итрий> Вас<ильевич> не объявил, что пора расходиться.

Живо расставили скамейки, прибрали лестницы, подмели сор и, накинув верхнюю одежду, со смехом, шутками, веселой стайкой выпорхнули на улицу, мокрую и грязную.

Назойливо моросил унылый, осенний дождик, лукаво подмигивали подслеповатые уличные фонари, визгливые, блестящие трамваи важно бежали по рельсам. Люди спешили по домам; мы все разошлись в разные стороны и, браня дождь и погоду, толкая с попутчиками о завтрашнем дне, хлюпали по лужам и грязи и бежали домой.

6-ого ноября. Вторник.

Сегодня ходили в «Вену». Нам велено было прийти без книг в школу, как и всегда, к половине десятого. Стекались, как и всегда, со всех сторон заставы ученики, но на этот раз веселые, довольные и любопытные. У многих на груди горели, точно яркие огоньки, — красные бантики.

В школе царило непривычное оживление. Говорили, шушукались, смеялись и то и дело бегали узнавать, скоро ли пойдём... Наконец, после довольно долгих сборов, выстроились в правильные ряды и двинулись вперед с пением «Интернационала». Впереди с красным шелковым знаменем шли ученики, выбранные в знаменосцы, а за ними шли остальные. Вместе с учениками пошли Соф<ья> Ил<ьинична>, Нин<а> Феод<оровна>, Влад<имир> Уст<инович> и Дм<итрий> Вяч<еславович>. Бодро шагая наравне с учащимися, они поддерживали нарушающийся иногда порядок и следили, чтобы ученики шли ровно и хорошо. По дороге к нашей школе присоединились еще и другие школы, и фабзаучи. Все школы имели свои знамена, но наше знамя было лучше и больше всех. Плавно колыхалось, точно плыло оно над толпой учеников, и немного жутко было смотреть на него, гордое, красное и большое.

Шли мы мимо заводов, а из окон высовывались серые, грязные рабочие, махали нам руками и шапками, кричали «ура». Дружным и оглушительным «ура» отвечивали все, дружно приветствовали их, этих неземных вершителей великого дела. И хоть хмурилось заплаканное небо, хоть грязно было кругом, но радостное чувство поднималось в душах многих, и чувствовалось, что эти алые знамена, эти грязные рабочие, «Интернационал» — родное, знакомое, близкое...

...В театре «Революционная эстрада» (бывш^{ая} «Вена») было не особенно весело. Представляли наш советский быт и, откровенно говоря, неважно. Может быть, отрывок из «Парижской Коммуны» имел больше влияние на детей, если бы играли лучше. Хоровая декламация почти никому не понравилась, танцы имели больше сторонников, а игра струнного оркестра была лучшим номером того утра...

...В театре перед началом спектакля состоялся митинг в честь 6-ой годовщины Октябрьской революции. Было сказано много речей, но какая из них была лучшая, трудно судить: все они были более или менее однообразны. Провозглашали «ура» за тов. Ленина, — пели все «Интернационал»... Домой шли в таком же порядке, как и в театр. Впечатления осталось очень мало или почти совсем не осталось. Опять шли мимо заводов и пустырей, по грязной дороге. Тихо катилась Нева, отражая в себе каменные громады города, и улыбалась своими струями веселым школьникам...

7-ого ноября. Среда.

«На демонстрации»

Промозглое, седое утро. На улицах царит необычное оживление: алые флаги украшают дома; фабрики украшены зелеными елками и красной материей; не слышно привычного гула трамваев, моторов, не гудят гудки: все спешат в «город». К школе то и дело подходят все новые и новые толпы учеников, громко переговаривающихся между собой; у многих — красные бантики. Пока собирались и строились в ряды, пока все уладилось и ученики двинулись вперед, прошло не очень много времени.

Опять, с пением неизменного «Интернационала», стройными и бодрими рядами двинулись школьники в «город», немилосердно меся грязь; опять гордо и победоносно развевалось алое знамя... Шли долго, долго; по дороге примыкали другие школы, и пестрая, шумная толпа становилась еще шумнее и пестрее, словно в одну реку вливались другие ручьи и реки; все новые и новые знамена начинали реять в воздухе, точно где-то, в середине учащихся, вспыхивал огонь и, раздвинув их массу, вырывался в воздух и реял спокойно и гордо. Наконец, взошли на Аничковский мост. Сердца многих забились восторженно и гулко: всюду-всюду виднелось море

людских голов, над которыми, в свою очередь, носились ярко-красные знамена.

Музыка играла и гремела; гремела толпа, поя «Интернационал»... Но вскоре пошел дождик, мокрый, липкий осенний дождик, испортивший собою настроение многих учеников... Пришли на площадь Урицкого, бывш<ую> Дворцовую, и тут-то и начался самый интересный момент нашей демонстрации. Мимо проезжали автомобили — грузовики, с установленными на них колоссальными игрушками. Была, например, такая игрушка: был сделан громадный рабочий, который молотом бил по осиновому колу, вбитому в гроб. Проходили мимо карикатурно-смешные Юденич, Колчак и другие вожди белых, с которыми воевала Сов<етская> Республика; в автомобиле разные петрушки, клоуны, одетые в буржуев; были устроены коммунисты, грозившие кулаками буржуям. Вообще, это времяпровождение на площ<ади> Урицкого имело больше успеха, чем в «Вене». До этой демонстрации говорили, что будет показан радиомонограф, который слышно на 15 верст кругом, но его не показывали. Через некоторое время, под звуки опять того же «Интернационала», школьники двинулись обратно, переговариваясь между собой о виденных новинках. Многие были довольны, но некоторые жалели испорченных сапог, и все хотели есть...

Где-то вдалеке грохотали пушки, приветствуя 6-ую годовщину Революции.

8-ого ноября. Четверг.

«Наш школьный праздник»

Тщательно прибрав залу, приготовив сцену и, кстати, прорепетировав пьесу, ученики ушли домой, с тем, чтобы явиться сюда опять к 5 часам. В 6 было предположено начать спектакль. Но многие, а большинство (и особенно) из III класса были не довольны, что танцы кончатся только в 12 часов, что приглашенных не будет и после спектакля самим ученикам надо будет убираться. Но все-таки многие шли, побарывая свое недовольство...

К шести часам школа начала оживляться; на лестнице гудели «маленькие», «ашки», «бешки», которых решено было допустить; ученики, занятые в спектакле, торопливо пробирались среди «маленьких», скидывали в «раздевалке» пальто и бежали наверх,

кто гримироваться, кто репетировать. Все почти были завиты, наряжены, а старшие ученики даже напудрены. Дим<итрий> Вас<ильевич> был имянинник, и в другое время его и покачали, но сейчас все были очень возбуждены. Ал<ександр> Анд<реевич>, игравший председателя, был очень весел и все время шутил; Н<ина> Ф<еодоровна> и Соф<ья> Ил<ьинична> гримировали учеников, и под их ловкими пальцами с помощью грима юные личики ребят превращались в пожилые и старые.

Наконец, гримироваться и переодеваться [за]кончили, и артисты ушли за сцену, все разместились на своих местах, звонок прозвонил 3 раза, Сам. Алек. сказал речь, посвященную Октябрьскому торжеству, и после краткого предисловия Ив<ана> Аф<анасьевича> — «занавес взвился».

Вот она, страшная минута!

Трепещущая, взволнованная, взошла <Далее обрыв текста.>

ГОД

1924

1924
Мой
 Дневник
 О. Берггольц¹

1924 год. Расписание уроков II ос<новной>.

1. Понедельник

1.
2.
3.
4.
5.
6.

2. Вторник

1.
2.
3.
4.
5.
6.

3. Среда

1. История
2. Физика
3. Французский
4. Геометрия
5. Химия
6.

4. Четверг

1. Рисование
2. Рисование
3. История
4. Биология
5. Родной
6. Немецкий

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц на обложке тетради.

5. Пятница	6. Суббота
1.	1 —
2.	2. Геометрия
3.	3. Физика
4.	4. Родной
5.	
6.	

197₁/24

Мой псевдоним
[Революция]
Карманьола

27 декабря. 9 января.

Рождество проходит. Скучно. А сегодня день особенно гнусный, несмотря на то, что 3 день Рождес<тва>. Ни признака чувства в душе, ни приятного, ни религиозного. В школе тоже «того». Обижает отношение девчонок. Впрочем, что же обижаться, они так всегда.

Домой пришла разбитая и усталая. Вообще все эти дни у меня — страшный гнет на душе, и праздник не в праздник.

А дома — тоже неприятности: сегодня, когда пришла к нам Валька Балдина, мы, съев фунт семечек и поиграв в нашу игру, мы начали играть в жмурки. Весело было нам, но веселье наше было недолго. Я задела спиной горшок, стоящий на окне с цветком, и, о, ужас! Горшок полетел на пол, разбился на мелкие дребезги, и земля высыпалась на чистый паркет. Мы застыли от ужаса. Крестный, страшно рассерженный (у него были и кроме того неприятности), вскочил, прибежал и отодрал за волосы меня, Муську и Вальку. Та ревела ужасно от обиды, и, несмотря на то, что Кока, отойдя, извинился перед нею, она решила никогда не приходить к нам; мне ее очень жаль, да и жаль того, что она не будет ходить к нам. Божью скандала с Ел<еной> Пав<ловной>. Ах, зачем дедушка так погорячился. Ну, отойдет и она и, может быть, будет ходить. Мне этого *очень* охота.

Магическая таблица

5	4	3	2	1	Всем, кто задумает число, то я угадаю.
16	8	4	2	1	
17	9	5	3	3	
18	10	6	6	5	
19	11	7	7	7	
			10	9	
20	12	12	11	11	
21	13	13	14	13	
22	14	14	15	15	
23	15	15	18	17	
24	24	20	19	19	
25	25	21	22	21	
26	26	22	23	23	
27	27	23	26	25	
28	28	28	27	27	
29	29	29	30	29	
30	30	30	31	31	
31	31	31			

10-го января. Четверг.

Приехала из деревни Валя Бычкова. Господи! Как я ей обрадовалась, точно 3 года не видала. Не успели еще поговорить обо всем. А Пугина зовет всех девочек к себе, но мне ни полслова. Конечно, обидно. Но, наплевать.

Сейчас Анна Ивановна, увидя меня в канцелярии, позвала к себе и сказала, чтобы я взяла с собой побольше стихов, своих, и она вместе со мной и с Валею Б<ычков>ой поедет в гости. Предводитель дворянства устраивает праздник, с представлением, и там будет елка. Праздник этот детский, в возрасте от 10 <до> 16 лет. От 5 ч<асов> и до 7, и в крайнем случае, самое большое, до 10. Она, т. е. Анна Ивановна, может нас проводить, или мы останемся у ней ночевать у нее. Ну, конечно, лучше ехать домой, а все-таки мне больше хочется остаться у нее. Неужели же мама не пустит!? Вот будет обидно.

Ведь я никуда еще не ходила, не ездила. Но нет, мамочка моя добрая, она не захочет сделать мне такого огорчения. Там будет и епископ нынешний. Но что-то мне подсказывает, что мамочка пустит. После 4 урока пойду домой упрашивать мамочку и одеваться. Возьму с собой сапоги, вычищу или туфли у Вали Б<алди>ной попрошу. Синее платье одену. Охота завиться, ну да мама не даст. Ах, только бы пустила. Валу Б<ычкову> отпустили, наверное, и меня пустят.

$50 + 50 = 100$ мин<ут> = 60 м<инут> = 1 ч<ас> 40 м<инут>.

Я возьму вот какие:

1. «Первые колокола».
2. «Туманное». 3. «Блестящим инеем одета». «Лилия» (?). Сказка — «Царевна Снежинка» (?) или драма 4. «Царевна — Снежинка».

5. «Старый сад».

Ура, ура! Еду.

Деревенская пословица

«Сумиха не дахе родная сестра».

Э<той>

Зв<езды радостно>

Ночью тихой и морозной,

[Снега],

Все снега ярче блистают.

Этой ночью, цепenea,

Спят деревья сном прекрасным

И...

11 января. Пятница.

«Странная елка и странный праздник»

Как я уже приписала, мама с первого слова пустила меня и, согласно с папой, дала мне 1 мил<лион>. Счастливая, радостная, предвзвительно пообедав, я захватила стихи и побежала в школу. Там, встретив А<нну> И<вановну>, я вместе с ней зашла за Валею Б<ычковой> и поехали. Перед самым домом их нас с Валею охватило какое-то неприятное гнетущее чувство. Валя очень расстроилась и хотела даже ехать обратно, но Ан<на> Ив<ановна> уговорила ее остаться. Мы прошли через 3 комнаты в четвертую и остановились, немного пораженные, ущипнув и пожав друг другу руки: на полу,

на коврах и подушках сидели ребята, перед пустым пространством, посреди которого стояло кресло, покрытое красной материей; в углу за ребятами стояла небольшая кушетка, предназначавшаяся для владыки, как я узнала потом. Около стены приютилась чахлая елка, на которой висела цепь и несколько грубых бонбоньерок. Ребята шумели и разговаривали, в ожидании начала спектакля. Мы спрашиваем А<нну> И<вановну>, что все это значит, но она ничего не отвечала. Ждали долго. Владыко так и не приехал, и начали без него. Стройно пропели «Рождество» и «Дева Днесь» и начали представлять. Первым № шла пьеса — «Царь Ирод». Ребята играли скверно, но — несмотря на это, чувствовалось что-то такое семейное, дружное. После этой пьесы я прочитала свои стихи — «Туманное» и «Первые колокола». Шепот изумления пробежал по «зале», и, как потом говорили, что если бы можно было похлопать, то похлопали бы. Бледный священник ласково на меня глядел и спросил, как зовут. У меня и у Вали настроение поднялось, и мы уже с интересом, правда, критическим, просматривали остальные пьесы. Ребята путались, сбивались. Но это-то и было интересно. Вдруг приехал владыко. Все поднялись и стройно пропели «Исполать, деспота». После окончания пьес я прочитала, по желанию Сергея Александровича, молодого курсиста, и других, — «У скорбящей» и сказала небольшую речь, поднося владыке от имени всех большую просфорку. Он два раза благословил [его] меня и, поцеловав в лоб, сказал, чтобы я продолжала писать, между тем, как многим говорит, чтобы они перестали. После пьес и угощения мы уехали... Я и Валя уносили светлое, отрадное чувство и как бы вырвались из этой серой жизни, побывав там. И мне казалось, что в мою душу вошел опять Христос.

Измучен[а]ный, больн[а]ой, истерзан[а]мый годами,
Тяжелый рок я с ропотом несу.
И веры не было... И осмеел безумный
И веру, и Христа, и Бога моего...
И вот однажды я пришел, усталый,
Туда, где царствует любовь.
Уверовал в Христа я снова и заплакал,
И в душу грешную вошел мо[ю]й светлый Бог..

22 января. Вторник.

Сегодня мама сердилась на меня, я плакала. Мне очень тяжело сегодня... Нездоровится. В воскресенье звала к себе Нина А., — мама не пустит, вероятно, — «за худое поведение». А мне так хочется: ведь за Рождество нигде не была; хоть один раз поедem и повеселимся (она звала с Мусей). Неужели мама не пустит???? Я буду стараться вести себя хорошо и Мусе скажу. Пустит!!?

Мне в воскресенье читать на литературной секции рассказ своего сочинения. Мне он нравится, я уже сочинила его. Потом пойдem с Раменской и Мусей туда, прямо с собрания, — на обед, — Нина звала. Она и бумаги обещалась дать. О, неужели же мама не пустит?? Я хотела сегодня порассуждать сама с собою, да ничего на ум нейдет: зачем моя мамусенька на меня сердится. Милая! Прости!!

Тоска

Ручей ворочает
Камни огромные,
Камни [же] все ропщут,
С [шу] глухим мучением,
Ночь опускается,
Совы летают,
Встают привидения,
Демон является,
Очи сверкают.
Кто-то все бродит
Стопой проворною...
Молния борется
С тучею черною.

Сейчас пришла Ел<ена> Пав<ловна> и объявила: «Тов<арищ> Ленин приказал долго жить»; и все обрадовались. Но я не обрадовалась: мне жаль Ленина. Почему? Не знаю. Но, мне страшно признаться, мне кажется, что я схожусь с ним во взглядах. Ой! Спи с миром, Вл<адимир> Ильич! Ты умер 9-ого января, на своем посту.

Как захочут папа и мама, когда узнают или прочтут это. Ну, пусть. Назовут «комсомолкой». Ха-ха-ха!

24-го января. Четверг.

Сегодня в школе был митинг по случаю смерти Ильича. Я читала свое стихотворение по случаю его смерти, которое сочинила 22<-го>. Произвела громадный фурор: все списывали, восторгались и А<лександрю?> И<вановичу?>, даже и И<вану> А<фанасьевичу> очень понравилось.

Право, я начинаю все больше и больше симпатизировать идейным коммунистам; что, в сущности, представляет собою коммунизм? Это учение Христа, т. е. исполнение его заветов, но с отрицанием его самого. И, по-моему, в Р<оссийской>К<оммунистической> П<артии> более правды, чем в монашеской общине. И меня влечет к нему, и я буду коммунисткой! Да! Может быть, я и не запишусь в партию, но в жизни я буду идейной коммунисткой... Вот, как религия? Я на сильном переломе: я разуверилась почти что в Христианах, а Бог? — он так далеко... Если есть Бог, зачем он не поможет мне и другим; да, он наказует. Но ведь он добрый, терпеливый, милостивый, а наказует. Рай? Но ведь это не доказано... Нет, я вообще ничего не буду говорить. Не понимаю. Да, христиане! Вот они — слова пустые. Хотя бы наша бабушка. Она молится, исповедуется, а первая сплетница. За что она обижает сейчас нашу дорогую мамочку, Она — верующая в Бога! Я творю дурные дела, но я не говорю, что я христианка. Дрянь они!

О, не плачь! Твои горькие слезы,
Как смола, мне спадают на грудь.
Поцелуй и ласки мороза
Не забудь, не забудь, не забудь...

О, типы! Сидят сейчас, ругаются, сплетничают, выхваляют свои достоинства. Так и хочется им крикнуть: «Ах, вы! Презренные!»

Да и вообще я им теперь говорю дерзости под именем шуток. Хочется им отомстить. Дряням.

26, суббота. Января.

Сейчас только пришла. Но все по порядку. Сегодня страшный мороз; вдруг пришла тетя Маша-сторожиха. Говорит, что Иван Афанасьевич экстренно вызывает меня в школу. Я порядочно взволновалась и побежала в школу. Со мной пошел и папа. Придя в школу, узнала,

зачем: обшивать черным знамя, чтобы завтра идти на демонстрацию. «Ну». Папа и Ив<ан> Аф<анасьевич> велели идти домой. Я пошла, а папа отправился к сапожнику. Около почти самого угла начал загораться дом; я остановилась, поглядеть, как вдруг ко мне подбежала женщина. «Барышня! Вы не заняты?» — спросила она. «Н-н-ет!» «Тогда сбегайте на угол Прогонного, в квартиру № 3, скажите там женщине, что у их в квартире что-то загорелось! Я не могу, у меня ребенок в доме!» С минуту поколебавшись, я бросилась бежать в дом тот, на уг<лу> Прогон<ного>. Я бежала очень быстро и, запыхавшись, вбежала в 3 этаж и начала стучаться в дверь; но сколько я ни стучалась, ответа не было; наконец, я нашла записку, где было написано, что ее нет. Но, по счастью, пожара не было.

29-го января. Вторник.

Сегодня получила от того бледного монаха свои стихи и образок какой-то Божьей Матери, написанный на шелке и одним краем прикрепленный к открытке, пустой. На другой стороне надпись: «Пречистая Матерь Божия да сохранит тебя чистой и невинной среди искушений жизни!» И еще изречение из евангелия, дата и подпись. Милый! Как взволновало меня его послание. Он верит, он думает, что я чисто и свято верю! О, если бы я могла оправдать его доверия. Но что же это в самом деле? Получается какая-то ложь, лицемерие! Нет, не хочу, не хочу. Да, я, в сущности, не то верю, не то нет. О, чем это кончится? В какую сторону? Нет, хочу, чтобы к Богу. Помоги мне, Боже, найти истинный путь.

Сердце мое нечисто: потеряла, нет, у меня утащили в классе баночку туши, — выписала другую. Боюсь, Ив<ан> Аф<анасьевич> будет злиться. С журналом дела плохи: все Уст<юхина> и Герасимова портят! Чертята! А сегодня, в довершение всех бед — раздавила стекло в витрине, в музее! Эх, ты, доля, моя доля!! Резолюция; в долгой нерешительности решила: папе и маме подарить: или коврик из кружков, или подушку на диван. Мусе — деревянную штучку с «камфетами». Деньги есть — 1000 р<ублей>. А для подушки — нема гарусу али нитяток. Впрочем, «все в милости Бога!».

4 февраля. Понедельник.

Я люблю Валю Бычкову, очень люблю! Она — странная девочка: она со всеми передружились из нашего класса: и с Ольгой Смит, и с Бобчинским и Добчинским, и с Лидой Г<риневской>, и Егоровой, и Пунькой, и со мной. Мне она во многом призналась и открыла некоторые тайны, называя своим лучшим другом. Но теперь она как-то сдружилась с Лелькой Евстигнеевой, — девицей 16 лет — толстой и порядком представленной — артисткой. Ходят, рассуждают о коммунизме, целуются, пишут друг другу записки. Я бешусь ужасно и ревную Вальку к Е<встигнеевой>! Я сегодня послала ей укорительное письмо, она опять уверяла меня в своей любви. Но я не могу так: или я одна, или одна Лелька. Да. Я что-нибудь сделаю и от ревности, и от самолюбия: я возвращу себе мою Валеньку!

Моя Тасенька давно уже вышла замуж! Мне ее очень жаль, и я от души желаю ей счастья. Сегодня была работа по алгебре: боюсь! Дома все обстоит благополучно: Мусе подарка не купила еще, а маме и папе вышиваем подушку. Саня Уварова вышла замуж, и притом с романом: я напишу об этом, когда будет время.

Я теперь живу больше созерцательной жизнью. Идя по улице, я наблюдаю за окружающим, но многое вызывает в душе моей желчь и недоверие. Иногда приходят мучительные мысли о религии, о цели жизни, о своем ничтожестве, о глупости людей, и в голове как гвоздь сидит. Нового ничего не пишу, за исключением нескольких стихов. Мне обидно: я зря буду писать! Все, все уже описано, воспето, осмеяно и т. д. О чем же мне строчить?

О прелести таинственных свиданий,
О прошлых днях, мученьях и страданиях...
Одно осталось мне — лишь
едко посмеяться
Да над людьми издеваться.

<Рис.: цветок.>

Вопросы
Кто новое создаст?
Когда расстанемся мы с суетою
сует? Кто новое создаст?

Кто приподнимет завесу?
 Приподнимет ту черную завесу
 нашего бытия? Кто приподнимет завесу?
 Кто скажет?
 Сколько звезд в небе, и капель в море, и минут в вечности.
 Кто скажет?
 Неужели никто? Никогда?
 И кто отвечает: «Да!»
 (Не колышется желтое пламя,
 и на черных, тяжелых завесах
 не дрожат золотые драконы).

5 февраля. Вторник.

В школе. Как худо стала обращаться со мной Валя; она как-то пренебрегает мной. Ну, наплевать! Не подойду ни к ним, ни к кому. И к Вале тоже: пусть якшается с Л<елькой> Е<встигнеевой>. Увидим, долго ли она с ней продружит. Пусть! Ладно. Кроме официального разговора — ничего.

6-ого. Среда.

Все-то на меня мама сердится, и не удастся мне с ней побеседовать задумчиво и рассказать то, что накопилось. Дневник ей не хочу давать и не даю. Я это время все жду чего-то, а чего, сама не знаю. Да. Скоро ли то настанет? О, моя мамочка!

7 [С] Четверг. Февраль.

Ничего особенного. Было собрание.

8-ого. Пятница. Февраль.

Сейчас у папы были гости; имянинки. Пьют пиво или, вернее, пили пиво. Я читала им свои произведения. Хвалили. Восхищались. Разбирали. Дядя Шура, расчувствовавшийся от пива и от стихов, подарил денег. Были 3 папиных сослуживца. Д<окто?>р Христиановский, человек с 3 парами глаз, старичок, мне очень понравился. Он все вре-

мя пил чай стакан за стаканом. Один какой-то, птичья морда, меня поцеловал. Да, рано у меня появляются «поклонники»!!! Меня это не очень-то трогает. С ними я рассуждаю о себе как о совершенно постороннем человеке. Разошлись в 10 часов. Ведь это было не sprawление, а «просто так», а настоящие именины, т. е. справлять именины по-настоящему будут 12. Глупая вещь именины! Очень глупая.

9 февраля. Суббота. 3 часа ночи.

Сегодня были у тети Мани на именинах. Но вопреки прошлым именинам, мне было вовсе не весело: какой-то скептицизм закрался [на] в мою душу: я глядела, наблюдала, и многое вызывало в моей душе яд и насмешку; вот Уварыч с сальным выражением лица тянет из бокала пиво; вот дядя Георгий ходит с кособокой колбой и тяжело вздыхает, замечая, как она быстро пустеет. Сама именинница бегаёт бледная, усталая, торопится, угощает. Самое хорошее, что мне понравилось, — это молодая пара Козловых. Они так влюблены друг в друга, так друг за другом ухаживают, что, глядя на них, невольно хочется верить, что они будут жить всегда так. За столом мы, т. е. я и Муся, все время хихикали, наблюдая за окружающим. Дядя Павлик был все время скучен, и когда все сидели за столом, он заиграл вальс. Когда его томные звуки влетели в столовую и ударились о стаканы, мне захотелось плакать: я думала, зачем они пьют? Как далеко они от этих звуков, и слезы сдавили горло. Я попила потихоньку пива, и у меня сильно, но приятно кружилась голова. Мороженое было очень вкусное, я потом еще стащила порядочно. После ужина были танцы, и со мной танцевал В. Банером. Мне было очень стыдно: я никак не могу привыкнуть танцевать с мужчинами. Когда стал плясать пьяный Уварыч, я опять чуть не заплакала от какой-то неведомой обиды... Надо ложиться спать. Завтра к 12 на собрание литсекции. Скучно, скучно!

Воскресенье, 10-ого февраля.

Сегодня, когда я пошла на чердак перед собранием, снимать передники и платья, в самом углу, у окна, я увидела всего покрытого пылью, без головы — моего друга детства, большого папочного медведя, на колесах и с палкой. Если нагнуть голову медведю, то он громко

начинал рычать. Я нагнула ему остаток головы, и он громко, точно жалобно зарычал, я нагнула еще и еще, жадно вслушиваясь в его рев. Воспоминания волной обрушились на меня. Я вспомнила себя совсем, совсем маленькой, в красном помазейном платъице, с короткими рукавчиками. Я катаю этого самого медведя, совсем нового, по темному коридору, нагибаю ему голову, он рычит, и мне так весело, так приятно. Я гляжу в окошко, все покрыто паутиной, и удивляюсь, почему в солнечном луче так много разноцветных пылинки и что это такое. Я стараюсь поймать эти пылинки, подставляю под луч мишку, всовываю в [него] луч руку и гляжу, как ее тень (руки) отражается на полу. Я ловлю этот разноцветный луч в подол, огорчаюсь, что его там нет; вбегаю в луч, машу и прыгаю там, а потом отбегу и смотрю, как весело заплясали там пылинки. Идет тетя Лиза, я везу на нее мишку и рычу вместе с ним: «у... у...». Она делает вид, что испугалась, и я, довольная, снова бегу играть с золотым лучом. Счастливое, счастливое, невозвратное время. Где ты? Куда улетело? Неужели умчалось вместе с тем золотистым лучом, исчезло навсегда? Неужели не пляшут в тебе веселые, блестящие пылинки?... Стараюсь не запачкать белье, я нежно поцеловала старого, пыльного, дорогого мишку...

11-ого февраля. В школе. Понедельник.

Я решила: никакого общения — дружественного, с девчонками из нашего класса. Они не хотят меня знать, и мне наплевать на них. Клянусь, я во всем буду идти против класса: сговорятся не писать работы, — нарочно напишу на «хор<ошо>», сговорятся не приходить — приду. Меня называют выскочкой, подлизой — что же, пусть это будет правда. Назло, назло!!!

Читаю доклад. И<ван> И<ванович> хочет со мной «пикироваться». Он называет меня «Лялечкой», одну из всей школы, по имени? Ха-ха-ха!

Правда, он — хороший.

Того же дня 12 ч<асов> веч<ера>.

Так как И<ван> А<фанасьевич> завтра именинник, то все ему готовят подарки, и Г класс тоже готовит ему подарок.

Не стоит дописывать.

18-ого февраля. Понедельник.

Тогда не хотела писать; прошли и именины Ив<ана> Аф<анасьевича>, и папа справил свои, на которых я была немного пьяна (что скрывать?). И все это покрылось бесцветной, серой пеленой, все прошло... Ни вкуса о пище, ничего. Кроме воспоминания, правда, не очень хорошего. Я записана в читальню, там со мной очень хорошо обращаются.

19-ого февраля. Вторник.

Моя милая Мусёнька захворала. Мне ее ужасно жаль. Они, т. е. мама с папой, хотят опять ехать в деревню; у Муси легкие не в порядке, да и мама очень похудела. Она хочет, чтобы Муся уехала ранней весной, и экзамены ей попросят сдать раньше.

Ах, лето; весна скоро наступит. Опять я, опять буду рано вставать, по утрам. Я жду ее со страстным нетерпением.

Дела по выставке идут, а с девочками я рассорилась.

[20]21-го февраля. Четверг.

Мне тяжело, мне больно. Собравши усилия,

Я в мрачную душу не бога зову...

О, демон, слети на пылающих
крыльях.

Вина мне! Вина дай! Я вновь
оживу.

Вина не простого, но с дьявольской кровью,
Но с адским и жгучим проклятым огнем...

Будь проклят весь мир с его страшной любовью!

Ни счастья, ни бога, ни радости в нем!

Я долго звал бога! Но бог не внимает.

О, демон, дай адскую чашу полней.

[Я стон и проклятья]

Пусть стон и проклятья потопятся в ней.

[И] Пусть скорбное сердце мое запылает.

22 февраля. Пятница. В школе.

Писать нечего; вчера мама, бабушка и Дуня рассорились, и бабушка дуется, воображает себя больной, обиженной и т. д. О, как я ненавижу ее и Авдотью! Я мщу бабушке, таская у нее иногда сахар или курагу совместно с Мусей. У нее много, — нам она не дает, а в припадке добро[ж]детели пошлет какой-нибудь дальней родственнице Лельке, расчувствовавшись, что она все время молчит и скромная. Или в сумерки заберется на кровать и ест потихоньку, со смиренным выражением лица. Она читает Евангелие, плачет над «Записками институтки», следит за лампадочками, причащается раз 10 в году, и между тем? Сплетничает, осуждает и т. д. Ну, мы и таскаем, ей убытку нет. Ясно, мы делаем худо, но... Нет, нет, оправдываться нечего! Нехорошо; впрочем, мы берем свое у родной бабушки.

Боже, какой визг и гам в классе! Ужас! Но мне не до смеха: боюсь немецкого; книги нет, купить не могу. <Рис. на тексте: голова девочки.> Завтра пойдем на именины к тете Вале, а в воскресенье к Вале Балдиной. Мне ужасно хочется, чтоб Валя и Клавдя поехали с нами в деревню. А может, Валя и поедет... Я хочу, чтоб в меня кто-нибудь влюбился, не знаю почему. Мне иногда хочется веселья, бала, вина, но все-таки в душе пока злоба, скептицизм и... Нет, уже не люблю всех без исключения! Нет, я некоторых ненавижу. Я злая, злая, я чувствую это, могу исправить, но не хочу. Ради кого и чего я буду смиряться? Бог? Где? Завтра В<аля> Бычкова и В<аля> Устюхина хотят справлять именины в музее: я возьму и утащу, т. е. спрячу, ключ от него. Ха-ха-ха! Посмотрим, что будет!! Это зло, зло, гадко. О-о!!!

Вечер.

Я сейчас пришла из читальни. Мне там предлагают устроить у них литературный кружок, ну хоть раз в месяц. Что ж, я программу составила уж мысленно, только заручиться согласием мамы.

23 февраля. [Пят] Суббота.

Сегодня, млея еще в объятьях сна и видя острый блестящий кинжал, я услышала свистящий шепот бабушки. «Лялька, вставай! Отец вчера пришел вдрызг пьяный. Уж крестенький сердился-сердился». Отец пьяный! О! Я соскочила и пошла, одевшись, к маме. Мать бледная, с измученным лицом шагала по комнате. «Мама, мама! —

вскричала я. — Правда, что папа вчера был вдрызг пьяный? Мне бабушка сказала». «Ничуть, — вырвалось у нее. — Ложь это, ложь! Ах! Они все лгут, сплетничают, и мои дети им верят!? Боже!» Я бросилась к ней и охватила ее: «Мама, мама, я твоя, я твоя, я никому не верю!» «О! Ляля! Я хочу красоты, красоты, — говорила мама горячо, с рыданием вырывая слова, — я здесь не живу, а прозябаю!» Она склонилась на мою голову и мучительно, беззвучно зарыдала. Жалко покривился рот... Собрались морщины на лице... Я тоже заплакала. Мы опустились на диван, обняв друг друга, и сидели так, плача... «И дети, дети даже меня не понимают», — говорила мама... Что я могла сказать? Да, действительно, мы часто ее обижаем; я дала клятву, да, дала клятву, дать ей хоть каплю красоты.

Не Богу я клялась, а ей — моему богу. И буду стараться сдерживать мою клятву. Потом мама показала мне свой дневник, где писала о своих разбитых мечтах. Злые слезы опять обожгли мне щеки. Мой бог, моя чудная мать, клянусь, я буду тебе служить. Люди! Жалкие, проклятые люди! Вы состарили меня, вы оскорбили мою мать, люди, я вас проклинаяю, ненавижу!! Да! Я ненавижу вас! Всех!!! Всех.

В школе.

Да, А<нна> И<вановна> правильно сейчас сказала: «Ведь ты молодая старуха! Брось ты все эти кружки, доклады, прыгай, бегай, играй, — состариться успеешь. Бери свое, покамест ты мала. Ты уж и теперь книжница стала, а вырастешь, совсем будешь сморчок короткохвостый: из-за чего ты все пишешь? За минутную похвалу? И только!» Да, она права; 100 раз права, бедная я!

24 февраля. Воскресенье.

«Красные знамена»

«Мы гордые, красные знамена! Мы созданы из крови и огня, мы созданы из воинственных кликов и лозунгов, из стонов муки и стонов радости, из грохота пад[ения]ающих тронов и рева пушек... Если в середине бурливой рабочей массы вспыхивал огонь негодования, благородной мести — он вырывался наружу и гордо веял над всеми, — это были мы, Красные Знамена.

Мы подобны солнцу, ибо [потому что] как солнце оживляет [день] мир своим огнем, так и мы, Красные Знамена, оживляем народ и придаем ему бодрость. [И все заволнуется].

Мы подобны огню, пламени, мы палим и нежем нестерпимым пламенем свободы, но наш огонь вечен, неугасим. [Мы подобны опию; ибо] *кто* раз увидит наши алые крылья, тот пойдет за нами. Мы — кошмар, красный кошмар для палачей и владык — мы налетим на них, задавим, погребем под нашими крыльями, спалим огнем. Мы — [вырванные] *пылкие* сердца, трепещущие сердца рабочих, [алые знамена, собранные в одно] — *в алые знамена*.

Мы символ вечной свободы, вечной правды и гордости!!

Одни мы свободны всегда, одни мы всегда независимы, мы, Красные Знамена!»

«Валины именины»

«Многоуважаемая именинница! Дорогая именинница! Позвольте поздравить Вас с днем Вашего многоуважаемого Ангела», — с мрачным видом наступая на Валю с книжечкой, которую мы ей купили в подарок.

В школе. 25 февраля. Понедельник.

Ой, как гнусно у меня на душе! Как гнусно!

Вчера прочитала роман Гончарова «Обрыв». Я была в упоении от него... Какая роскошь красок, как надолго запечатлятся в моей душе все минуты обрыва, чарующая Вера, бабушка, Райский. Типы яркие, как вспышка молний. И это не «Лесной бродяга», не «Шерлок Холмс», но как это захватывающе интересно!!! Я вчера ходила, как в чаду, не в силах оторваться от того мира. О, я чуть не заплакала, когда захлопнулась обложка. Мне так хотелось, чтобы милый, дорогой Райский женился на дивной Vere, и я в первый раз заплакала над этой книгой. Я задрожала, когда прочитала фразу: «Боже, прости ей за то, что она обернулась!» О-о-о! Но я не поняла? У Vere будет ребенок? Да? Неужели ее невинность нарушена. Кажется, что да! Но зачем, зачем! Вера, милая, дивная!!

Захлопнута книга... Разрушены грезы...

Я слушаю голос души...

Там рдеют улыбки и капают слезы.

О, книги, как вы хороши.

Я вижу прелестную, милую Веру,

Улыбку ее и глаза...

Ты читала комедии Мольера? «Мнимый больной». Крайне сальная комедия! Наш Гоголь неизмеримо выше его. На недостижимой высоте! Типы, сцены и т. д. А Мольер? Червяк! Ни типов, ничего... Дрянь. К чему эти глупейшие интермедии?

А «Ася» — читала? Мне Вера гораздо нравится больше, чем Ася. Знаешь, я рассорилась с нашими сливками, т. е. лучшими ученицами. Они — пустышки. Знаешь, я очень грубая и резкая к людям и к соученикам в особенности.

Сейчас пришла на собрание Лит<ературной> секции. И<ван> А<фанасьевич> сердился на то, что я не выпускаю в свет журнал. Я очень люблю И<вана> А<фанасьевича>, но это не мешает мне определить его личность: он порядочный эгоист, злопамятный, но человек добрый и хороший, и я все-таки его люблю. И<ван> А<фанасьевич> любит подъязвить, уколоть, я это на себе испытала.

Заметки на собрании

Лит<ературной> секции.

Боже! Ничего не готово ни у кого! Ну и штука. Хороши же все.... .. Придется, вероятно, мне отдуваться. Бедный Ив<ан> Аф<анасьевич>. Как мне его жаль. Волкова! Жаль Ив<ана> Аф<анасьевича>. Ой! Сердце замирает!

Мне кажется, он этими наивными собраниями отчасти наполняет свою жизнь. Пожалуй, он больше нашего любит их. И ему больно видеть нашу поразительную халатность. О, бедный Ив<ан> Аф<анасьевич>¹.

Правда, правда, он <Далее обрыв текста.>

Сегодня видел я 3 воза

Сосновых, чудных, белых дров.

[А] И я, дрожащий от мороза,

Послал две пары грубых слов.

Спросив коробочку «Зефира»,

В сердцах табачника ругнул.

Потом пошел, забыв <1 сл. нрзб>,

К стеклу кондитерской прильнул.

Там торты дивные лежали.

¹ Запись сделана рукой неустановленного лица.

[И] Пирожные торчали в ряд.
 И в животе затосковало
 Я был, о, боже, небогат.
 И с злобой я пошел в пивную
 И, взяв в кредит бокал пивца,
 В нем потопил тоску глухую.
 Эх, лянци, дранци, гоп-са-са!

Видишь, Ляля, он любит, дорожит этими минутами, чтобы заполнить пустоту нашего собрания, он читает нам, делится с нами [ве] впечатлением от нравившейся ему самой вещи. Неправда ли вещь свежая, красочная?... Прелесть...¹

26 февраля. Вторник.

Вызывали по географии — «уд<овлетворительно>». Эх! Отвечала плохо. Учебника нету; ничего не знала. Ничего. Помирилась с Валею Бычковой, заключила с ней и Лидой Г<риневской> «триумвират!» Ох, этот триумвират! Ничего не получится, я уверена в этом. Ну, ладно. Я все-таки люблю Лиду и Валью и не переставала любить их, хотя и мстила. Они говорят, что им [мне] *меня* жаль стало. Если из жалости — то мерси, не хочу; но посмотрим.

Вот наше письмо.

Я: Милая Валя и Лиденек! Я очень рада, что мы помирились. Тяжело мне было; но я ни тебя, ни Лиду не разлюбила. А тех девчонок и теперь ненавижу: но теперь не надо надоедать друг другу лишними речами, клятвами, поцелуями и т. д. Будем знать то, что знаем? Да. А то скоро надоедим друг другу и. и. и.

Валя: Лялька! Любимая девочка! Ты меня не разлюбила. Как я безумно рада! А я так боялась. Слава Богу, что ты не забыла меня, дорогая моя дурочка. Валя. «Триумвират» снова сошелся. Да.

Лидя: Лялечка! Как я рада, наш триумвират возобновится. Лидя.

27/V 24 г Гнусно и подло.

Ну, увидим. Однако я буду начеку и заставлю их уважать себя. О! Мамочка была права, говоря, что меня пальцем помянут, я и пойду.

¹ Запись сделана рукой неустановленного лица.

Но я их люблю. *Теперь ничуть.*

Урок родного языка.

Ха-ха-ха! Сейчас на уроке Петров вертел в руках какую-то бумажку; Ив<ан> Ив<анович> сказал с пафосом: «Петров, дайте мне эту бумажку (Петров отдает.) Благодарю вас. (Пряча в карман.) Я на этой бумажке [на] буду записывать, кто и когда должен делать отчеты!» Петров вымолвил с ядом: «Я могу вам целую тетрадь подарить!» — «Подарите!» Петров вынимает чистую тетрадь и подает ему. Ив<ан> Ив<анович> встает, подходит к моей парте и, кладя великолепным жестом ее под нос, говорит: «Вот, Лялечка, я вам дарю!» «А... э... я», — крикнула «Лялечка» и ничего более. Н-до.

<Рис.: тушканчик.> Я.

Адрес Тани:

Александровская площадь (напротив А<лексан>д<рин>ского театра) дом 5/7, кв<артира> 1. Т. Козлова.

27-ого февраля. Среда.

Сейчас мама рассердилась на меня, из-за чего, неважно! Но мне больно! Мама! Мама...

В храме

Строгие лики глядят,

Нежно курятся кадило.

С робкой мольбою стоят

Все, кого [кого] горе забыло.

Просят о лучшем они,

Просят одежды и хлеба.

Тускло мерцают огни,

Скрыто лазурное небо.

Жаждут все вышних подмог,

— Молодость, старость и хилость.

Где ты, о, радостный Бог!

Где твоя вышняя милость?

Меня серьезно беспокоит Муся — вдруг она останется на 2 год; они с мамой хотят ехать до Пасхи. А занятия?

29-ого февраля. Пятница. В школе.

Ну и хорошая штука сейчас вышла. Девчонки, т. е. Нюра Герасимова, в старой черновой книжке написала стих, крайне несерьезный и нецензурный, где говорилось о Пугиной, как она «вышивала и в штанишки наклала» и т. д. А мальчишки подхватили эту книгу и, спрятавшись за роялем в зале, и стали читать вслух всем другим мальчишкам из других классов. Все хохотали и теперь дразнят всех так девчонок, и другие тоже. Им стыдно невыносимо, а особенно Н<юре> Герасимовой, которая сейчас заперлась в музее и плачет. Я очень рада, что я в этом не участвовала! Что бы подумали.

Вчера Ив<ан> Аф<анасьевич> на меня сердился и сделал строгий выговор за мое поведение. Правда, надо остепениться. Я буду пай.

Былина

Писали мы работу

До 7-ого поту.

А Ал<ексан>др Ив<анович> похаживает

И усы свои поглаживает,

Он в носу поковыряет

И шпаргалку отбирает.

А ученики трепещут,

У них щеки так и блещут,

Книгу тихо вынимают

Ничего они не знают...

У них сердца надрываются,

А Ал<ексан>др Ив<анович> улыбается.

Кто уж тихо скрадывает слезы.

Удивительные метаморфозы.

Эх, ты, поэт Овидий,

Всех-то ты разобидел!

Многоуважаемый Гораций,

Как бы нам с тобою не завраться!!!

Эх вы, Нероны, Адрианы, Сенеки,

Из-за вас несчастные мы человеки.

А ты, Нерва,

Прямой стерва.

Из газеты 29-го февраля.

«Пробуждающийся восток.

Кровопролитные бои в Индии.

Английская рабочая печать сообщает о кровопролитных боях между индийскими националистами и английскими войсками. Доступ к раненым индусам воспрещен. Сестры милосердия, ухаживающие за ранеными, арестованы. В гор<од> Джаито, где произошли бои, въезд закрыт. Кровавая трагедия вызвала небывалое возмущение во всей стране. Повсюду собираются вооруженные отряды индусов, готовящиеся к общему выступлению. Английские власти производят массовые аресты и терроризируют население».

[Плач <?> индуса.

Ганди <?> с тихим ропотом вечно <1 сл. нрзб>]

...И мы восстали... Кровь струилась

Из наших ран, огнем горя...

Священной кровью напоились

Священный лотос и земля.

С глухим роптаньем лобызали

Тела немые Ганга вод[а]ы...

И зори красные пылали

Огнем незыблемой свободы...

[Мы] Нам было тяжело, мы желали

Быть вечным пламенем свободы,

И шли... и стойко умирали.]

1 марта. Суббота.

Чудной остров

Плыли по капризному морю 2 человека; и плыли они к чудному острову, где ожидает их счастье. Так говорили деды. Долго плыли; и сто лет и еще 100 лет. И не хотел один из них верить, и горячо верил другой. И еще 3 сто лет плыли. И сказал 1, которому сомнение ослепило очи: «Нет острова! Поеду я домой, — море неизмеримо еще», — и поехал назад. Но едва только скрылся его товарищ, как поднялась буря. Стало его лодку бросать из стороны в сторону, и вдруг увидел он остров: сияющий, зеленый... Простер он руки, выронил весла, как две волны налетели на него и увлекли в бездну. А товарищ и сейчас плавает по морю — и не найти ему чудного острова! Почему?

«Проклятой ангел»

Ангелам лучезарным, живущим в раю, Бог отгадал мировую загадку, сказал под великой тайной, как и для чего создана вселенная и люди. Но ангел, проклятый Богом за грехи, захотел отомстить Ему. И пошел ангел, мрачными лучами сияющий, с огнем сомнения к людям, лишь пьющим да едящим, и, капая на них смолою огненной, шептал: «Отгадай, зачем ты живешь?» А другому: «Зачем мир создан?» И третьим: «А есть ли Бог?» Заметались люди; заволновались люди жалкие, глупые. Жгла их смола ангела мрачного, хотели загадки чудные отгадать, да чем больше искали они разгадок, тем сильнее палило их смоляное пламя. Так и не отгадали... и не отгадывают, и не отгадают. И радуется проклятой ангел.

«Не зажигай огня»

Когда таинственно в гостиной полутемной,
И меркнет свет синеющего дня.

[И слышен вальс]

И печка топится, и вальс несется томный,
— Не зажигай огня.

Когда в часовенке, [старой и забытой], *забытой, безмятежной,*
Лампада светится, чаруя и маня,

И вянущих цветов чуть слышен запах нежный:

— Не зажигай огня.

[С таинственной]

Ты с тайных грез сорвешь огнем все маски,

Оставь пока, не торопись, не тронь.

Не рушь [огнем] стыдливо-дремлющую сказку

— Не зажигай огонь.

Глупо

3 марта. Воскресенье.

Я ложусь сейчас спать; в гостиной. Гостиная! Как много воспоминаний связано у меня с ней! Это небольшая комната, с старыми, сырыми обоями, с тусклыми, никогда не освобождающимися от желтых пятен, трюмо с горкой, уставленной всякими безделушками, и с красной плюшевой мебелью, состоящей из 4 стульев, кресла и дивана: другое давно вынесено на чердак и лежит там в пыли

и паутине, — подточили ее черви. Да качающееся кресло, да цветы в высоких корзинах и на окнах, на которые бабушка изливает нещадно воду из оконных бутылок. И еще образ Богоматери, с вечно печальной улыбкой и глазами... О, многое, многое нахлынуло на меня сейчас. Гостиная! Как часто молилась я перед этим образом! Как горячо молилась! Как горячо верила! А еще утра весны, — розовые, ясные утра. Помню, проснешься часов в 5 утра. Сердце бьет часто-часто; за окном еще не слышно ни стука телег, разве одна какая-нибудь ранняя телега загромыхает по камням, да пройдет человек, спеша куда-нибудь. Сядешь в одной рубашке на открытое окно, вдыхаешь свежий воздух и глядишь, как загорается зоря. Ясно на душе; пойдешь, оденешь платье и на улицу... А рядом с ним встает другое воспоминание — когда я этот год приехала из деревни.

Ключевский. Ковале[в]нский.

5-ого [февраля] марта. Среда. 12 часов > ночи.

Как ужасно, тяжело у меня на душе! Ив<ан> Аф<анасьевич> сегодня рассердился на меня за журнал, обиделся на Литсекцию за ее невнимание к нему и... и... не шутя отказался ото всего: от кружка, секции, выставки. Когда мы стояли с потупленными головами перед ним, потом вышли и почти все разревелись в голос. Я, Пунька, Лиля, В<аля> Бычкова плакали и от стыда, и от обиды, и от жалости к Ив<ану> Аф<анасьевичу>.

$\frac{28}{V}$ /24. И<ван>А<фанасьевич> любит эффэктничать.

Завтра утром все идем к нему с прощением. Этот журнал я исправлю, а другой к тому четвергу должен быть готовым.

Ох!!! Скорей бы мама с Мусей уезжали: мама вся извелась... Я — прямо дрянь!! Он — Бог! Бог! Где ты? Его нет. Он — ничто.

6-ого четверг. [Фев] Март.

Ура, ура! Ив<ан> Аф<анасьевич> простил нас! Милый, добрый, как я рада. Да, завтра дам Мише И<ванову?> надписать следующие журналы — 3 штуки, и рисовать дам.

Хороший карандаш.

7 марта. Пятница.

О, Зевес! Завтра спрос по геометрии и работа по алгебре. Я знаю, что засыплюсь на алгебре; Филя — чорт! Я только алгебры и боюсь. А завтра работа. А сегодня собрание. Когда учить!!!?

Молитва учеников.

Великий Боже, спаси в пути

И нашу Филю ты укроти.

Нам всем приходит уж карачуй,

Пошли ей, Боже, большой типун.

Я пред тобою всю выю гну,

Да не поставит нам завтра «ну».

[И пусть]

Пусть для развития ученикам

Фетисов сказку расскажет нам.

И пусть в забвенье своих забот

А<лександр?> И<ванович?> не смотрит [наших] худых работ.

Учитель милый, подъяв власа,

Пусть с ромбом пляшет он гопсаса.

[Гомотетия],

О [пусть] милый Боже, прибавь нам +,

Пусть у Алеши вдруг

Станет флюс.

Воскресенье. 9-ого марта.

Удивительно, что это со мной! Вчера такое гадкое настроение было, а сегодня еще хуже. Все дела из рук валятся! О, Господи! Тяжко, больно, и гнусь на душе непролазная, грязь вязучая. Места не нахожу. А сегодня приедет из города Шурик с Гариком. А гнусь, гнусь.

Я лежу, полна тоскливой муки,

Черной, вязкой, липкой, как смола.

Копошата вкруг тоскливо звуки,

Темнота[я] немая ожила.

Кто-то давит, кто-то бурно дышит,

Кто-то бродит страшною стопой,

Под полом скребутся жутко мыши,

Я одна с проклятою тоской.
Кто-то руки мне связал и ноги,
И дыханием так жжет и так палит.
Нет, оставь; и так уж слишком много
Грудь моя тоскует и болит.

Таинственно лампада угасает,
[То вспыхнет, то замрет; как тихо все кругом.
Но кто же здесь так горестно рыдает,
Один, один пред меркнувшим огнем.
Зачем же ты пришла? Чего тебе здесь надо?
Иль гибнет счастье, как девушки мечта.
Не плачь! Вот погоди, загасится лампада,
И будет вокруг немая темнота.
Уйди, пока лампада догорает,]
Тогда уж будет некому молиться.
О, жертва бедная и жалкая, тебе
Останется одно: с слезами покориться
Проклятой бабе — горестной судьбе.

[В храме строгом, мраморном,
В дремлющей тиши
Эти розы алые
Дивно хороши...

Пред Венерой каменной,
Яркие, как кровь,
Говорят, что пламенна,
Хороша любовь.
Говорят, прекрасные,
Об обмане грез
Слушает, бесстрастная,
Нежный лепет роз].

[Ах, как глупо и бутафорно. Чуть-чуть ожила, но скучно, скучно.]

Сейчас гуляли по улице с Клавдией Балдиной; вот поистине человек, достойный чтобы ему открыться. Нет, Валя Бычкова не то.

Она пустышка порядочная, Валя... Мы говорили долго и много — и вставал глупый вопрос — зачем. Обе мы поверили друг другу наши сомнения. Ах, тяжело мне, тяжело Клавде от этих сомнений!! С мамой я не могу так говорить, хотя люблю ее. [Я] Она не поймет меня, т. е. так, как хочу я. Она станет сердиться за мое неверие, сомнение, — ее нельзя перебить, она рассердится; нельзя с ней не согласиться, она обидится и будет грустная. Я не могу с ней говорить; у нее очень старые взгляды.

Но все же мне хочется, чтоб мой ангел, моя мама, моя горячо, безбрежно любимая мама прижала бы меня к своей груди, приласкала бы и сказала мне: «Усни! Забудь. Ты рано стала старухой. Усни у меня!» Мама, моя мама.

10-ого. Понедельник. Март.

Сегодня многие из нашей школы пошли в «Вену». Пошла и Муська, пользуясь тем, что мама уехала в город, а Дуня и бабушка, после долгой драмы, отпустили ее. Это долгая история, но дело в том, что мама обвиняла меня, говоря, что я наглая и подлая, что од
<Далее обрыв текста.> Словом, мне очень тяжело! Господи, господи, за что ты так делаешь! О! Если бы мама и Муся поскорее уезжали. Маме становится жить невыносимо. Я тоже извелась, только не показываю никому; и работы в школе много, а дома, дома... Ух! Милая мама! Приласкай меня сейчас! Слышишь, мне больно; я страдаю. Страдаю!!

14-го марта. Пятница.

Была по алгебре работа. Я на ней волновалась ужасно и редела даже. Ой! Неужели мне 3 будет, ну, или слабо! Вот ужас-то! О, Господи!!!

$\frac{28}{V} / 24.$ Нечего к нему взывать.
Я боюсь, боюсь, боюсь.

15-го марта. Суббота.

Ура! По геометрии — «хор<ошо>». Даже не спрашивал! Да здоровствует «хор<ошо>».

1) Геометрия. Хор<ошо>	8) История хор<ошо>
2) Химия хор<ошо>	9) Биология
3) Физика уд<овлетворительно>	10) География уд<овлетворительно>
4) Родной хор<ошо>	11) Рисование хор<ошо>
5) Алгебра уд<овлетворительно>	12) Пение - // -
6) Французский хор<ошо>	13) Физическое развитие - // -
7) Немецкий хор<ошо>	

Расписание

Понедельник	Вторник
Алгебра	Пение
История	История
Химия	География
Родной	Родной
Родной	Биология
Физика	География
Среда	Четверг
История	Рисование
Физика	Рисование
Французский	Биология
Геометрия	История
Немецкий	Родной язык
Физическое развитие	Французский язык
Пятница	Суббота
География	Химия
Алгебра	Геометрия
Немецкий	Физика
Пение	Родной язык

<Рис.: ученики на уроке.>

Ну и штука. Кажется, в 3 <раз?> по физике — «уд<овлетворительно>»! А, господи! Если я спущусь, то папа ни за что не даст мне участвовать в кружке. Ой-ой! Ну, как тут не сделаться истеричкой. За геометрией тряслась, как в лихорадке, даже все заметили. Вчера за работой тоже, а сегодня за физикой.

17-го марта. [Вт] Понедельн<ик>.

Муська мне недавно рассказывала о «Красных дьяволятах», и я была да и есть под сильным впечатлением. Уж второй день хожу, как в бреду, представляются картины, типы; это с одного рассказа. Представляю, что было бы со мной, если б я видала эту драму. Но мне **безумно** хочется ее увидеть. Если ее будут ставить еще у нас — непременно пойду. А тут еще подходит день Парижской Коммуны, — воспоминания о баррикадах, коммунарах... Мне самой очень хочется увидеть и испытать все это. Обидно, что не была ни в Вене, ни на баррикадах, ни на войне, — и из-за этого крайне тяжелое настроение.

Так и хочется на баррикады! Хочется алых знамен, грохота пушек, криков победы — «vive la commune!»¹ И обидно, горько — обидно, что не была, не помню, что была на баррикадах. А может быть, и была. Да, была, была! Я верю в переселение душ, — т. е. верю и не верю. Но из-за этого — гнуснейшее настроение.

Хочется грома снарядов,
Рокота, рева громил,
Алых, кровавых знамен (флагов),
Ярко-пурпурных, пламенных,
И сама не знаю, почему,
Хочется идти на баррикады.
И страдать, и побеждать, и видеть кровь,
И помогать, и ликовать, и плакать.
И хочется карманьолы,
И блестяще-кровавой марсельезы.
Бурно волнуется грудь,
Хочу идти с массаами в ногу.

¹ Да здравствует коммуна (фр.).

18-го марта. Вторник.

Сегодня День Парижской Коммуны. Господи, какие счастливые коммунары! Как бы мне хотелось быть на их месте. В школе, по этому случаю, был праздник: очень мне понравилось у нас в школе и еще более захотелось быть федералистом и драться на баррикадах, и я мучительно завидовала коммунарам. Почему — это?

Сейчас перечитывала старые дневники. Хорошо воскресить в уме старое. Читала про мечты о пасхе и сверяла свое тогдашнее настроение в ожидании Пасхи с теперешним: ну, совсем не то. Никакого жгучего ожидания ни Пасхи, ни даже очень весны. Как-то безразлично. Зато явилось новое, но мучительное. Но «деревенские» дневники возбудили целую массу отрадных воспоминаний. И жаль их стало, этих солнечных, брызжущих дней. Повяло лесами; зашумели деревья, зашептались. Тихие травы, задумчивые, — зашелетели. Быстрая речка пробежала, улыбнулась и скрылась. А зоря все потухала, потухала... и загасла... И поднялся туман... И спустилась ночь... А на чердаке у нас валяется букет фарфоровых цветов, — разбитый, грязный букет. С этим букетом мама ездила с визитами на 2 день свадьбы. А теперь он разбитый; пауки паутину свою раскинули. Мыши бегают. Ветер свистит. Холодно... Жутко... Одиноко... Бедные цветы, фарфоровые цветы. Бедная мамочка.

На чердаке, паутиной покрытые,
 Движимы ветром порой,
 Цветы одинокие, цветы позабытые,
 Частью поломаны, частью разбитые,
 Брошены грубой рукой...
 [Снятся им брошенным,] Видятся [им] брошенным им, сновидения...
 Ветер, врываясь в окно,
 Крошит цветы позабытые,
 Крошит цветы с озлоблением...
 Жизнь промелькнула вперед, как видение...
 Счастье разбито давно...
 [Счастье?!]
 И позабыто оно.

1 час ночи.

Какая тоска, какая тоска на душе! Так и обнял бы, да некого! Поцеловала бы, да некого! И расплакалась бы! Некому и никому не высказать мне тоску свою... Ах! На баррикады, на баррикады. Мамы и папы нет. Плакать, плакать! На баррикады хочу. А многие, прочитав, скажут: «Глупо!» Господи, как тяжело, как ноет душа. Тяжко! Неужели это предчувствие. О, как хочется слез. Как тяжко. Как больно. Как гнусно на душе...

В школе 19-ого марта.

Жгучее желание идти на баррикады не оставило меня. В музее я видела шпагу, так бы и подралась ею за коммуны. А у Муси в 3 <раз?> — слабо по арифметике. Ну!!! Будет дело дома. А она, бедняжка, хиреет все. Сегодня кровью харкнула. А в голове все вертится да вертится один мотив. Петь хочу, да нету голосу...

«Карманьола»

Мадам Вьето могла грозить
Нас всех в Париже перебить,
Но дело сорвалось у ней
Все из-за наших пушкарей.

Припев

Отпляшем карманьолу
Под гром пальбы.

— // —

Отпляшем карманьолу
Под пушечный гром.

Господин Вьето упрям,
Он обещал быть верен нам,
Но клятвам изменил своим.
За то его не пощадим.

Припев

Антуанетта в тот же час
Тут опрокинуть хочет нас.
Но дело вышло так у ней,
Что мы свернули шею ей.

Припев

Я песен, я песен хочу,
И звонкого, громкого хохота.
И <Далее обрыв текста.>

20-го четверг. В школе.

Уф! Только что (вот до чего что) дописала свою инсценировку. Устала, но зато очень довольна. Вчера была в кинематографе — ничего, пьеса понравилась... Ах! Я хочу быть или авиаторшей, или революционным деятелем. Мама сказала и говорит, что быть авиатором она мне никогда не позволит. Вот еще! Это, я знаю, мое призвание. Да, я буду женщиной-авиатором. Только там, в этой дали, нет ни злобы, ничего. Да, я поступлю в школу воздухоплавания и буду летчицей. Поэзия хороша, но небо лучше... Впрочем, то другое хорошо. Но в поэзии я разочаровалась довольно-таки: все одно и то же. Все одно! Летчицей или революционеркой! Не такой, как коммунисты, заседающие на обедах, — а активной! Нет, авиация — не налетное, это мое давнишнее увлечение с весны того года. Я люблю авиацию.

На 30<-e>

Геометрия — повт<орить?>

Физика — сила

<Далее текст на придуманном языке в виде знаков.>

<Рис.: геометрические фигуры.>

<Рис.: перевернутые рожицы.>

А Дыр

<Арифметические расчеты.>
 Очень жаль, что нет занятий.
 Зря пришел сейчас опять я
 И иду домой
 С разочарованной душой.

За сим следуют подписи. <Далее обрыв текста.>
 Таня. Папа. Няня. Ляля Берггольц. Ляля и портфель.
 Умерла бабушка... Умерла... Нет ее. Нет. Нет..
 Лиля, у большевиков идет где-то заседание, как поступить
 с контр-революционерами учениками. Т. е. кто не был в Рождество.
 1030 руб<лей>.

Отчет

Кого я буду звать:
 Е<горова> Л<иля>.
 Г<риневская> Л<ида>.
 В<аля> Б<ыгчкова>.
 И. В.
 Г<ерасимова> Н<юра>.
 Н<юра> П<угина>?

<Рис.: лица.>

<Рис.: лица.> Пробуждение. Сон.

<Рис.> автопортрет.

<Рис.: девочка на портфеле.> На портфеле. Ляля катается
 с горки на портфеле.

Химия
Берггольц¹

Начала 15 апреля 1924 года.

Кончила 19 мая 1924 года.

Итого вела 1 месяц 4 дня².

15-ого апреля. Вторник.

Вчера без спросу ходила, заняв 15 коп<еек> у Д<митрия> В<асильевича>, в «Вену» на «Северные волки». Нет, не понравилось. Зря «согрешила» да и деньги затратила. «Овод», которого я прочитала в воскресенье, произвел на меня громаднейшее впечатление. Правда, «Обрыв» тоже захватил меня, но «Овод» крепко засел в моей душе. Вопросы о религии еще более укрепились, т. е. я абсолютно не верю в Бога! Бог — это создание самого народа, людей. Нет, «не бог создал людей, а люди Бога». Как «Овод», я сокрушила в своем сердце Бога... но не Христа. Нет, Христос не бог: Христос — великий коммунист, это был человек, правда, идеальный, но не бог. Вот благодаря этому я и не знаю, идти мне на исповедь или нет? Если идти, не веря, то что же это будет? Идти и сказать, что не верю в Бога, — нелепо! Придется идти просто так, по обычаю, наврать, т. е. не сказать самого главного, чтобы успокоить бабу и Авдотью, а также отца и деда. Ясно, если я не пойду, моя крестная взбеленится, чуть не проклянет меня, скажут маме, вообще, хлопот не оберешься!! Как мне неохота лгать, ах, как неохота. Ехать с А<нной> И<вановной> в то общество, где была и на Рождестве, читать свои стихи, говорить «Христос Воскресе», «Воистину Воскресе», дарить яйца, 3-жды целоваться, ах, как дико, как глупо!!!! Идти на «12 евангелий», к «плащанице», к «светлой заутрене» не намереваюсь, а если и пойду, то только ради интереса и чтоб не волновать домашних. Ясно, эти страницы никогда не будут показаны маме. Моя кроткая, моя милая мамочка не должна знать этого: слишком тяжело будет ей, что ее Ляля не верит в Бога. Ей, глубоко верующей! Моя нежная! Моя славная! Мой нежный лотос! Мамочка! Не осуждай меня слишком сильно! Мне

¹ Записи рукой О. Ф. Берггольц на обложке тетради.

² Записи рукой О. Ф. Берггольц на форзаце тетради.

больно и так! Мне скучно без мамы. Знакомая «гнусь» охватывает меня. Ненависть охватывает меня; я ненавижу сейчас всех девчонок, Раменскую, поганую Раменскую — «тещу», вечно списывающую у меня. Какая гадкая стала я! «Бог» ли меня наказывает... Дряни — девчонки!!! Никогда, никому не дам своих тетрадок. За что?

Дома, вечером. Гнусно. Жаль «Овода», хочется мамы... Все из рук валится. Неважно уроки знаю... Историю, геометрию и все другое знаю, а физику — нет. Повторю историю.

Сегодня что? Да! 16 апреля. [Пят] *Среда*.

Ужасно скучно! Не знаю (хорошо) немецкого и притворяюсь, что болят зубы, — это гнусно. А<нна> И<вановна> вчера сказала: «Попросись у своих родных на день в Петергоф»; стоит это недорого, 78 коп<еек> туда и обратно. Мне ужасно охота, только, наверное, не отпустят!! — «Ноги промочишь, под поезд попадешь, заразишься», — зря!! Знаю уж! Все-таки попрошусь. Сегодня задобрю бабу, деда, отца — напишу письмо к Лилиной. Итак: «Многоуважаемая Лилина. Я — ученица 117 сов<етской> ед<иной> тр<удовой> школы, учусь во II осн<овном> кл<ассе> II ст<упени>, довольно хорошо. Недавно прочитала 3 №№ журнала «Воробей», отредактированного Вами, и он мне очень понравился. Я очень хочу в нем сотрудничать; я пишу стихи, рассказы и посылаю вам на пробу несколько моих произведений. Кроме того, я могу написать рассказ или повесть на заданную вами тему. Будьте добры, ответьте мне или в журнале, или, если можете, на такой адрес: (Адрес). Зовут меня Ляля Берггольц, мне 13 лет, (19/V. Письмо я изорвала) а в журнале на ЛБ-ц».

Не думаю, чтобы были результаты, ну, чтобы успокоить отца, напишу.

18-го апреля [че]. Пятница.

Вчера папа пришел пьяный и сразу же завалился спать. Поэтому я не могла поехать ни к дяде Володе, ни в обсерваторию. Он спал, а я не хотела его будить, а без спросу не могла. «Девочка ты моя милая!» — нежно сказал папа, когда проспался. Ну ладно, уж «на праздниках» погуляю. Сегодня надо написать маме письмо, ах, да, еще о Байроне. Сегодня останусь с Бычковой доклад пи-

сать о Байроне. Скоро выставка. Скоро будет и «учебная выставка». Я хочу, чтобы мои работы и тетради все были на выставке. Это себялюбиво, но мои родные увидят, что я не хуже и в школе работаю, чем в кружках. На каникулах буду усиленно восстанавливать школьный дневник, который запустила с декабря. Приведу в порядок и откажусь и от дневника, и от редакторства: надоело. О, дневник, дневник! Он висит надо мной, как дамоклов меч. А тут еще на 3 день «Пасхи» в школу не пойду. Наплевать! Отдыхать буду.

Я эти дни сочиняла. Сочинила 6 штук стихов. — 1 — совсем личное, 2 — слабо и малопонятно, а остальные [3] 4 мне ужасно нравятся. Может быть, они и скверны, но лично мне очень нравятся, хотя это себялюбиво. Нет, я чувствую, они ничего. Придет папочка — прочитаю ему. Написала нашим в деревню письмо. А сейчас в ваторе сидела — вот испугалась: коты сводили любовные шашни и дико орали от страсти, а я думала, что это старуху душат, и прибежала вся дрожа. Бывают же такие фокусы. У нас все спят, хотя нет 11 часов. Надо Лилиной письмо переписать.

19 апреля Суббота.

Что надо сделать на каникулах:

По школе: Геометрия: начертить построение касательных, сегменты, геометрич<еского> места — и т. д.

Физика — какой-нибудь прибор, чертеж аэростата. Тетрадь.

Алгебра: Чертеж по уравнениям, [2] уравнение 2 способами.

География: тетрадь — все, диаграмма. И тетрадь большую.

История — ничего (Родословная)

Языки — ничего. По нем<ецкому> стих<отворение>.

23-го апреля, среда.

Ух! Как много случаев. Во 1<-ых>, 20-го апреля я с дедом ездила в костел, где была совершенно пришиблена, изумлена и очарована органом. Он мне дал покататься на каруселях 10 коп<еек>, но карусели оказались дороже, и качели тоже, и я купила мороженого, конечно, наврав всем, что каталась. Дед купил мне вафлю, коврижку на вербе, зашел в Пассаж и потом к Семену, и под конец, купив бабушке соленых сушек, приехали домой. В тот же день, вечером, Е<лена> П<ав-

ловна> Балдина запретила мне ходить к ним в квартиру, чем вызвала скандал от своих дочерей. О, недалекая, глупая, дрянная Е<лена> П<авловна>! Придет время, когда ты, сволочь, сама меня к себе позовешь и тогда, гадина, ты услышишь от меня нечто неприятное. Да, прокля! Во 2-<ы>х, в понедельник приехал мамин хозяин. У Муси болели глаза. Я прочитала [ее] мамино письмо к папе, она просила денег. Отец был крайне раздражен, написал резкое и жесткое письмо, тоже прочитанное мною, но потом разорвал и заменил его более мягким. Мама просила бабушку тоже прислать ей некоторые вещи; она писала: «мама, я ничего сейчас не могу прислать, сама сижу без денег, но я вам пришлю земляничного варенья, обязательно пришлю, только пришлите мне следующее...» Отец добыл откуда-то денег, чего-то купил и послал им. Я на деньги, раздобытые правдой и неправдой, купила маме преизящную открыточку ценой в 25 к<опеек>, а Муське шоколадное яичко — 15 коп<еек>. Потом бабушка дала простое яичко, награвированное, по моему настоянию, мои голубенькие хорошие ленточки — 2 аршина, крючки, кисть, краски, и все это уложили в особую коробочку; да бабушка дала еще туда 20 коп<еек> сер<ебром>. И отдали Ив<ану> Як<овлевич>. Я со строгим требованием отдать не ранее как в 1 день «Пасхи». Я думаю, это их несколько порадует. О! Какую бурю поднял[о] этот приезд в моей душе! (Ив<ан> Як<овлевич?> уехал вчера в 10 час<ов> веч<ера>. Я прибежала с собрания, высуня¹ язык, на котором я была председателем и которое с треском провалила.) Моя милая, моя дорогая мать! Как жалка она сейчас, она, гордая, независимая, самолюбивая! Мама! Моя мама! Ты моя мама, моя добрая, моя дивная мама! Я недостойна тебя, я, гнусная, слабовольная, глубоко гнусная, проклятая девчонка. Как сейчас я презираю, ненавижу себя, о клянусь несуществующим, глупым Богом, я себя сейчас ненавижу. Мама! К тебе! Скорей к тебе, к моей маме, маме! Милой... нежной... мой бог... мама... мама моя! Мама!!! Я хочу без конца повторять слово, одно только слово — мама. Мама! Мамочка! Дорогая робкая мамочка! Мама! Мамуся! Мамочка! Моя, моя, моя мама!

К чорту в жопу все юбилеи кружка, школьная выставка, отчет о работе. Отчет! О, дьяволы всего мира! Бычкова отказывается... дела запущены... дневник... отчетная работа... Пушкинский вечер... Треть... Все это ужасные преграды к поездке. Отказаться бы... но это,

¹ Так в рукописи.

это невозможно... Журнал!!! О, черт! Явись хоть ты, помоги мне. Мне сейчас охота орать, валяться, рвать... Что я сейчас и сделаю, а потом напишу остальное. Ну, отлегло чуть-чуть. Сегодня узнали от Ив<ана> Аф<анасьевиича> о том, как живет Ив<ан?> Ив<анович?>: больной туберкулезом, он живет на 30 руб<лей> со старой матерью и безработной сестрой. Отварная картошка считается у него отличным (довольно редким) блюдом... Туберкулезный, почти умирающий.... .. Это произвело на меня гнет... Я сказала девочкам, что пошлем ему анонимную посылку к «празднику» через Ив<ана?> Алекс<андровича?>. Это всем очень понравилось, и все Ив<ана?> Ив<ановича?> ужасно жалеют. Завтра, под предлогом «в церковь», пойду в школу. Там уж будет Лилька Егорова, и Ив<ан?> Ал<ександрович?>. Мы поговорим с ним, потом я пойду к Устюхиной и Герасимовой и скажу об этом. Ах, только бы удалось, и я буду почти счастлива. Дома все приняли живейшее участие, обещали всего дать... Только бы он принял. Дома меня все любят и балуют, покупают туфли, купили ленточки, широкие и дивного василькового цвета. Но я хочу скорей к маме. Они идут к моим волосам. В голове вшей нету, кажется, ни одной.

28 апреля. Понедель<ник>.

Как же! «Пасха». Говела с презрением к самой себе. И ничуть не верила в Бога! Ничуть. Мне надарили денег: папа — 1, да и другие остальные на 85 коп<еек> сер<ебром>, из которых у меня осталось 40 и 1 руб<ль>. Белое платье, которое мне сшили, очень ко мне идет, и я в нем довольно хорошенькая и кажусь выше.

Я себе очень в нем нравлюсь. В 1-ый день была в «Ревэстраде» — цирк. Было хорошо. С ребятами Грустилинскими была. А сегодня приехали Степановы, Гарик и Шура, ходила с ними и Балдиными в «Ревэстраду» на кино — «Летающий автомобиль». Ничего. Из автомобиля пошли к Степановым, т<ете> Мане. Ели. Возились. Лазили на чердак. Пили. Играли в карты. Потом я их проводила и пошла к т<ете> Тасе — она имянинница. Хохотали. Пили чай.

Ив<ану?> Ив<ановичу?> отослали. Отвез брат Лили Егоровой — сказал: «От учеников 117 шк<олы>». Ив<ана?> Ив<ановича?> не было дома, его мать-старуха [дала] взяла. Я сделала 1 шаг к воспитанию Шурки и Гари. Рассказывала им про царя и Ленина, загораясь и вся трепеща сама, даже как бы не для них говорила. Успешно. Шурка

уж любит Ленина, тогда как ранее «не признавал» его, а Гарька, любивший его (это удивительно), еще более его полюбил. Это хорошо. Но завтра надо сдавать всю работу по отделу, а у меня еще не готово 4 рисунка и 1 диаграмма. Ну, сдам, что есть. А тяжело как-то. Что-то мои мама и Мурочка. Получили ли ту коробочку? То-то радости будет. Папа, оказывается, послал им 2 бутылки вина, печенья, конфет, колбасы. Это хорошо.

В пятницу поедem к Степановым. На целый день и с ночевкой. Надо чего-нибудь мальчишкам купить, благо деньги есть. Милые! Как я люблю их, не меньше, чем Грустилинских. Я ничего ровно не делаю. С Балдиной — помирилась, сама попросила прощения, вчера. Горе мое, я очень незлопамятная. Пойду <спать?>.

Что сегодня. Ах! 1 мая четверг. Надо моим в деревню отослать письмо... Давно уж не писала, ай, нехорошо. Напишу сегодня, и в понедельник пошлем. Милые мои! Мамочка. На «3 день» была в гостях у Макса. Ничего хорошего, кроме еды. Правда, танцы были, ну и пиво. Я от скуки наблюдала и насмеялась. Говорила стихи; меня хвалили. Ну, да это меня мало трогает — я привыкла.

Купила Гаре и Шуре по ружью и по коробке пистонов. Ничего, ружьишки, дрянные и дорогие. Ну, им хорошо. Одно сломала, завтра дядя Шура будет припаивать. Ах, только бы починил. Папа скучный, злой. Милый мой папочка! Родной! Приехала т<етя> Полина — душевнобольная. Ну, пойдет «внизу» кутерьма! Какая я скверная стала. Как я себя ненавижу. О, как жаль, что я не могу высказаться откровенно папе. Гнусно! Лилиной письмо написала, отошлю в понедельник. Хочу в газету тиснуть стих «Мы». Думаю, пойдет. Завтра едем. Скорей бы завтра.

7 мая. Среда. В школе.

Ездила к Степановым. Хорошо было. На школьный концерт не попала я и остальная шестерка, И<вана> А<фанасьевича> не пустили; чорт! Ну, мы не пошли. И Ив<ан> Аф<анасьевич> сказал Сер<афиме> Мих<айловне>, а она нам, что этим поступком мы сильно возвысились в его глазах. Что ж и это недурно. С И<ваном> И<вановичем> все устроилось, он не знает, кто, но очень благодарен и растроган, но также и смущен, Ф<еодосию> Т<итовичу> мы открылись, и он нас благодарил и просил не показывать виду. И<ван> И<ванович> принял. Я очень рада.

Пятница 9-ого мая. В школе.

Получила письмо из деревни. Зовут. Ох, как мне хочется туда. Я злюсь сейчас, считаю себя несчастной, чего-то тяжело в груди... О проклятье. Хочется бала. Ах, да скоро бал 3 и 4 кл<ассов>, и наш класс, верно, будет. Я хочу быть на нем... Мне скоро 14 лет... 14 лет! 14 лет. 14 лет... 14 лет, мне, 14?!!! Прочитала 2 тома «Жизнь Тарханова», Чирикова. Дивная книга. Прелесть. И еще «Обыкновенную историю». Фу! Не ожидала... Впрочем, так и всегда бывает. Ничего не пишу. Не пишутся стихи, а рассказы некогда... Надо кончать одну работу, да и за Пушкина. Сегодня схожу в библиотеку. Скорей бы к ним. Скучно.

Характера

Суббота 10 мая. В школе.

Работа по химии прошла благополучно — «хор<ошо>». Как-то по физике. 17 мая — тоже «хор<ошо>».

Понедельник 12 мая.

3 дня тому назад в ящике папиного письменного стола я увидела овальную голубую эмалевую фотку, женскую, конечно. Она 3 дня лежала там, потом он, очевидно, унес ее. Что это? Почему? Зачем?

Среда. 14 мая.

Сижу на уроке геометрии и страдаю. Ничего не понимаю и от души проклиная геометрию... Думать о каких-то окружностях, хордах, пнях — невыносимо. Где они, эти проклятые центры, секущие? Зачем нас мучают ими. Все равно мне никогда не пригодятся. Ох, проклятая геометрия! Все равно ты никогда никого не заставишь логично рассуждать. Вот так штука! Неужели по немецкому работа — ничего.

17 мая. Суббота.

Вчера мне минуло 14 лет. Дядя Толя подарил мне полтинник цельный серебром <Рис.: крут, в центре — звезда.>, а крестная 60 сер<ебром>, — 2 по 15 и 4 по 10. 1 р<убль> 10 к<опеек> всего; бабушка убрала к себе 60 коп<еек>, 50 я отвоевала, думаю отвоевать и 60; я их тратить

не буду, а спрячу в хорошенькую коробочку, из-под конфет¹, половину которых мне подарил папа, а половину съел сам. Бабушка подарила мне рубашку и штаны с кружевами, шила тетя Полина. Кроме того, 4 соленых сушки, которые мы ей купили в посту, яблоко, большое и румяное, и 1 куражину. Милая бабуся! Я простила ей ее несправедливости и «залюбила» ее. Мне сшили хорошенькую шелковую шляпку, она мне нравится и ко мне идет, но мне как-то стыдно носить ее и стыдно иметь <в> 14 лет.

19 мая. Понедельник.

Вчера мне было что-то не по себе. После обеда уснула, мне чего-то было тошно, болел живот, верно, от свинины. Потом пришла Клавдия, мы читали мои старые дневники, я и смеялась, и было грустно. Какая я была эксцентричная, мечтательная! Я хотела <?> своими стихами. Правда, это и сейчас моя дикая мечта, но мои мечты приняли сейчас более правдоподобный характер. Я хочу в деревне оборудовать хорошую школу, клуб, библиотеку да научить их правильному образу жизни. Это я хочу сделать в тех деревнях, где я жила. О, прокли девчонки! В субботу написали И<вану?> И<вановичу?> письмо и мне ничего не сказали. — Выскочить захотели — без меня. Я все больше и больше в них разочаровывалась, не исключая и Вальки Бычковой. Пустышки! И я увидела, что я им нужна постольку, поскольку нужна им моя помощь или книга. Да ну их к чорту в определенное место! У меня есть два друга, или подруги, во всяком случае более подруг, это Оля Волкова и Клавдя Балдина. Я их очень люблю. Оля уж взрослая, ей 17 лет, она уж любила, страдала, конечно, не по Чарскому, она очень хорошая, глубокая девушка, и я ее глубоко уважаю. <Чертеж.> Клавдю я тоже люблю, но перед Ольгой чуть-чуть преклоняюсь за ее страдания. Вообще, эти два друга, Клавдя и Ольга, мною любимы и отвечают мне тем же и полнейшим доверием. Завтра едем в Эрмитаж, а оттуда заедем к Ивану Ивановичу. Я перепишу некоторые стихи и снесу ему — он просил. Милый И<ван> И<ванович>. Заняла у Ф<еодосия> Т<итовича> 20 коп<еек>, для того, чтобы купить Лильке Егоровой фиалки, что имела глупость пообещать ей, — а она каждый день приставала ко мне. <Чертеж.>

¹ Так в рукописи.

В плоском зеркале [от] изображение светящейся точки будет находиться за зеркалом на том же самом расстоянии, на каком светящаяся точка находится перед зеркалом.

62.000.000 муш. с $\frac{1}{2}$

63,000,000, $\frac{1}{10}$

II пер. 131.000.000.

61000 000 м.

70,000 000.

Мужу 20 лет

в 3

жене 60

мин<ус> 40

– 2

п<люс> 80

<Чертеж: две пересекающиеся окружности, в центре окружностей цифры.>

<Между 20 мая и 23 июля.>¹

<Обрыв текста.> Приветливо улыбаются, а от них, как лучи, отходят морщины. Щеки у дедушки красные; седые, не очень узенькие бачки переходят в длинную, окладистую, совершенно седую бороду; усы у него длинные и тоже совсем седые. Невозможно представить себе лицо дедушки тому, кто не видал его! Столько доброты, детской простоты и солидности видно в его лице! [Столько] Как каждая морщинка его, добрые глаза, борода — все светится доброй простотой. Так и хочется сказать ему словами Тургенева: Дедушка! Да ведь вы цены себе не знаете!.. В этом старике живет высокая, большая душа; например, когда Григорий, его сын, умер от чахотки, то он пошел к вдове Григория, оставшейся с тремя детьми. Сын его, Алексей, очень злился, что дед пошел не к нему, но дедушка отвечал: «Ты и жона твоя молоды, ребенок у вас один, да нянька, а Саша одна с тремя детьми.

¹ Записи выполнены на отдельных листах. Листы с началом записей утрачены.

Мой долг, значит, их поднять!» Да, дедушка Анемподист — редкий человек. Пришли мы домой поздно и сейчас ляжем спать.

23 июля. Понедельник.

День прошел хорошо, сегодня мы ходили за [имян] земляникой, в густую траву на горушку. Ах, какой азарт находит, когда собираешь ягоды! Они, лукавые, так и краснеют сквозь сочную зелень, точно дразнят вас. Раздвигаете траву руками и видите несколько сочных, спелых и больших земляничин. Восторг охватывает тебя и кричишь: «Мама, Муся, поглядите-ка, какие я ягоды-то нашла!» Бежишь, показываешь маме и сестре и бережно кладешь в кружку. А то заметишь место с ягодами и, бежа (?) к нему, говоришь остальным: «Не ходите, не ходите ко мне, я сама все оберу!» Хорошо, ах, как хорошо, когда лежишь в траве: наверху колышутся метелочки и разные цветы, уютно и сыро так. Я лежу, а сама гляжу в траву... вон... вон, как огоньки, мелькают яркие ягодки... Сейчас же ползешь к ним, срываешь, и гордое чувство овладевает тобой. Иногда найдешь несколько «цариц», как называем мы особенно спелые ягоды, срываешь их прямо на ветках и несешь мамочке... Да! В будущем нас ожидает много таких дней...

24 июля. Вторник.

«Мои именины»

Сегодня мои именины! Я проснулась рано-рано и не могла уснуть уже, а только дремала урывками. Скоро встала мама и начала стряпать. Она разбудила Мусю, и обе они начали стряпать и что-то делать. Я знала, что это они из-за меня так рано встали, мне было очень приятно, но вместе с тем и стыдно чего-то. Я задремала, а когда проснулась, то сквозь прозрачную занавеску увидела, как мама, Муся и Анюта стряпали: месили тесто, защипывали пирожки, смеялись и шутили. Неизъяснимая любовь залила мою душу. Эти милые, любящие меня люди старались для меня и из-за меня. Мне так хотелось вскочить из кровати, обнять их и расцеловать, но я продолжала лежать и улыбаться чему-то. Потом они кончили с тестом и пошли в кухню; Муся сбивала яйца мне на печенье. Чтобы не мешать всем, так как я и так уже рассыпала толченый сахар, я ушла в поле и начала собирать ягоды моей Мусёнке. Я проходила порядоч-

но времени, а когда вернулась, то все было готово. Я принесла полную пясть и отдала Мусе. Потом мы сели обедать.

3 августа. Пятница.

Боже мой, как много я пропустила! Почти 2 недели. Это нехорошо. С сегодняшнего дня опять буду аккуратно вести дневник. Эту неделю мы провели хорошо. Ходили в лес за ягодами, черника поспела, земляника в самом цвету, т. е. ее очень много, но грибов еще нет или очень мало. По вечерам дудили молоко и играли в «козла». Только дождик, противный, все время льет, гулять и играть на воздухе больше не позволяет. Сегодня я занималась с мамой по-французски. Моя дорогусенька имеет душу, которая стремится познавать все новое и новое. Ей больно от того, что она не знает языков, и вот она начала заниматься со мной по-французски. Я чувствую какую-то виноватость перед ней и необъяснимую нежность, уважение. Дай Бог, чтобы это не прошло даром. Но я думаю, что результаты будут: ведь выучила же я Муську по-французски и по-немецки, почему же не выучить маму? Я думаю, что Бог нам поможет...

5-ого августа. Суббота.

Слава Богу, день сегодня был без дождя. Встав рано утром, я отправилась в Ленино, чтобы узнать, нет ли от папы вестей, т. к. приехала одна невскозаставская. Но от него ничего не было. Придя домой и напившись чаю, мы отправились в лес за ягодами. С нами пошел и Игорь: мы с ним познакомились. Хорошо было в лесу. Только «сикачи»* кусались. Мы набрали полную корзину. [1 сл. нрзб] Я хочу возобновить игру в «индейцев». Думаю, что будет интересно и весело, тем более что здесь такой простор и воля. Однако с Игорем, вероятно, ничего не выйдет: он — мямля немного. Надо бы, чтоб и Анютка была индейцем, только жаль, что она часто занята... Впрочем, если с Игорем и Анюткой ничего не выйдет, мы с Мусей можем играть и одни... Однако сегодняшний день я не могу назвать хорошим совсем: сейчас мамусенька на нас очень сердилась за то, что мы заигрались в «чижика» и не сделали уроков.

* Муравьи.

[«Всякая всячина»]

Ах! Эти уроки висят над нами, как Дамоклов меч! И какие это учителя, право: надавали уроков, а не думают, что из-за этого уж у нас выходят неприятности!..

Мама на нас рассердилась из-за этого! Она сейчас оттолкнула меня, когда я подошла к ней с поцелуем. Она говорит, что она хочет нас ласкать, но не ласкает... Да! Она стала холоднее к нам! Боже мой! До чего мы дошли, довели ее! Она не верит мне, что я люблю ее, что я ее безумно люблю... Она не верит; она охладела к нам, которых так любила! Она говорит, что я плюю на ее слова, не слушаю ее. Это верно? Господи! Я буду стараться, помоги мне! О как мне сейчас тяжело...

Я люблю тебя, как солнце, я люблю тебя как небо.

Как природу, как искусство, а

Ты не веришь... Что мне делать.

Я готова быть уродкой, быть

последним человеком,

Чтобы ты имела счастье.

Ты не веришь: что мне делать.

[Я го] Я лишу себя свободы, светлой радости и воли,

Чтобы ты была свободна.

Ты не веришь? Что мне делать?

Обездоливает

2 дев

2 дес¹

Того же дня.

Ночь как дыра в какую-то бездну. Все спят, там и пойти в уборную *sa pôt de nuis*² нельзя. Я пошла кругом. Темно, моя голова болевается, вдруг — трах!... и что-то впилося в горло, больно так; я скорей отхватила что-то жесткое, небольшое и отбросила. Потом что-то забилось около головы, касаясь головы. Я побежала скорей домой, горло поцарапано; верно, летучая мышь... Брр...

¹ Записи рукой О. Ф. Берггольц на форзаце тетради.

² Так в рукописи; правильно: *son pôt de nuit* — ее ночной горшок (фр.).

22-го августа. Пятница.

Брр... Уж скоро 10 час<ов>. За окном целая адская симфония, ветер ревет, небо изрыгает злые слезы... Ух, страшно... Дождик царапает стекло... Мы сидим за столом все, — «j'écrites "Post-scriptum de ma vie"»¹. Деньги прислал папа, велит выезжать...

12 ч<асов>. Все уже спят, я одна сижу. Странно шумит ветер: так, как будто кто-то со вздохами ворочается, то ходит, то просто так шумит. В окна царапается бузина, точно чье-то лицо... Ах! Люблю я эти бури... Точно не живешь тогда. Вот лягу сейчас, будет так уютно в постели, и буду слушать шум ветра... Одно меня сильно беспокоит: маме худо с сердцем...

Воскресенье. 23 <августа>.

Настроение самое мрачное... О, господи, как тяжело. Ребята воют на все лады: «Гулять, есть!» Мама что-то прихворнула, нервничает, сердится. Взясась просматривать наши тетради и нашла, что лето прошло даром, что ни по-немецки, ни по-французски, ни по-русски ничего не сделано, что Муся провалит экзамен... и, конечно, в этом много виновата я. Зачем не говорила ей, когда Муся не слушалась меня в уроках. Но тогда все уроки только бы и проходили в жалобах, криках, слезах, и мама ежечасно расстраивалась бы. Нет, этого я не желаю! Пусть я одна уж расстраиваюсь, и то, я уверена, что если бы мама приняла участие, она лишь ожесточила против себя Муську. Бог знает, чего мне стоят эти уроки. Во мне все кипит ключом, и я с трудом сдерживаюсь, а если иногда и прорывается, я ее чуть ударю или что, она выходит из-за стола, и я ее с полчаса ищу потом, с ядом в душе, смиряюсь и прошу прощенье. Но сказать маме нельзя, ведь я неправа, я ее ударила! А что меня довело до этого, она не так серьезно смотрит. Муська торгуется из-за лишней строчки, задачи и т. д., §. Ну я надеюсь, что после сегодняшнего дня она поймет, меня пожалеет и маму нашу. Только бы она сдала экзамен и перешла в «Д» класс, и я буду удовлетворена. Господи! Даю обет выучить утрен<ние> и вечерн<ие> молитвы и три недели не есть яблоков. Буду сейчас перепис<ывать> для Гриневской стихи; надеюсь, что ничего нового не скажет, а ограничится банальным словом.

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

¹ «Я пишу "Постскриптум моей жизни"» (фр.).

2[3]4-ого августа.

Дядя Сережа прислал тете Вале такое ласковое письмо: говорит, приезжайте, квартиру отделал, электричество провел, сладкого запас, ягод. Больно мне стало: почему папа наш не написал нам такого письма?..

2[4]6-го августа.

Осень наступает! Банальные слова, а сколько в них смысла! Однако тот, кто своими глазами не видал наступления осени, не думайте, что только наступает пора пожелтения листьев; что кругом разливается какое-то тихое томленье, что небо становится глубоким и серым, нет, наступает еще какое-то особенное чувство. Появляется какое-то робкое неудовлетворение, какая-то тихая грусть, нежная тоска и еще какое-то чувство, недоуменное сожаление. О чем? О потерянном ли лете, о том ли, что так тихо кругом и улетели птицы? Я люблю эту таинственную пору осенних мечтаний. Хочется идти без конца, без края по этой дороге, вдыхать какой-то особенный осенний воздух. Все кругом притихло... Мне кажется, как будто кто-то говорит: «Да... да». Какое наслаждение опереться на изгороду¹ у дороги и блуждать взором по расстилающимся перед глазами видам. Вблизи зеленые поля, сжатое поле с приунывшими снопами, серые риги; потом начинается кудрявый лес; дальше, дальше лес все темнеет, темнеет; кое-где проглянет лысина — деревня, или сизый дымок поднимается. А дальше совсем ничего не видно, одни синие сплошные леса...

Оторвешься, вздохнешь, что-то сосет внутри... И броситься куда-то хочешь... Ах, мне вспоминается прелестный стих А<нны?> И<вановны?>.

Кому мне поведать о жизни усталой,
Кто поймет мои грустные сны.

27 августа.

Как мне охота в Питер поскорей, но уж скоро поедем. О, j'ai beaucoup des affaires! J'écrire «Post-scriptoum de ma vie»², занимаюсь с Мусей, le

¹ Так в рукописи.

² Так в рукописи; правильно: О, j'ai beaucoup d'affaires! J'écris «Post-scriptum de ma vie». — У меня много дел. Я пишу «Постскриптум моей жизни» (фр.).

tout jour¹, а за рассказы для журналов еще не принималась! Жаль, мало времени для французского! Геометрию, историю кончили; ботанику скоро кончим. Родной или несчастный родной! Арифметика — как бельмо на глазу! Погань! Я еще для кружка ничего не написала, все некогда. Написала хорошенькое стих<отворение> «Призраки». Завтра праздник, буду писать весь день.

30 <августа>, что ль.

Это все так скоро! Я не могу опомниться; Муся не то сломала, не то вывихнула руку, боль страшная. Лежит, плачет, о, Боже! Внутри у меня все перевернулось. Боже, бедная Муся! Она такая бледненькая, ей так больно... Я охотно взяла <бы> на себя ее часть, бóльшую часть ее страданий... И вдруг [проис] приходит письмо и повестка. Письмо от дяди Сережи — ждет тетю Валю немедленно в воскресенье; повестка нам от папы. Завтра утром едем. Мусе руку невозможно больно... Она кричит, лежа! Мама сразу осунулась, похудела... Она говорит: «Только бы, дай Бог, не потерять самообладание дорогой!» Господи! Господи! Если ты есть, помоги нам. Я в отчаянии... Что, за что это? За что страдает Муся, мама. Ясно, она останется на 2 год. О! Знали бы учителя, поняли бы, какие муки из-за всего этого. А дома неприятности, нытье, упреки. Не поймут ведь они, не поймут!!! Папа... неужели же он будет вспоминать о рисунках, о французском!!

Мама, конечно, истомленная, не сможет получать заработок; опять пойдут вечные упреки! Опять, моя дорогая, изведется... Если Муся не перейдет... нет, клянусь Лениным, она перейдет! Я ее буду подготавливать, я скажу в школе, я думаю, в школе поймут... Я хочу иметь заработок... Чтобы весной мама и Муся могли уехать в Крым, куда-нибудь! Глупые мечты... О нет, нет, я буду стараться... Хоть немножко... Как тяжело жить... В школу ничего не написала... А дневник несчастный с 6 декабря 23 года не веден... Я решительно теряю голову... Да Голинский выразил желание подарить маме 3 NONO, где есть «P<ost> S<criptum> de ma vie». Завтра понесу ему книги, а эти три оставлю, чтоб не вздумал идти на попятный.

¹ Так в рукописи; правильно: toute la journée — весь день (фр.).

Песни

Поеде кровочка венчаца
 Стану на запяточки,
 Давай-ко вышитой платочек,
 Голубы перчаточки.
 Забава спит, а я томею,
 Разбудить ево не смею.
 Под окошечком стучу,
 Разбудить ево хочу.
 Поедешь, кровочка, венчаца,
 Забеги со мной прощаца.
 Ты думушку мою
 Положь в загривушку коню.
 Не пыли дружок дорожку,
 Я сама иду, пылю. Хоурйты
 Не носи белу рубашку,
 Я и так тебя люблю.
 Дорогой ты мой, забава,
 Вергисся, как колесо.
 Вперед ко мне, потом к подружке,
 Думаешь и хорошо...

Знаменат<ельный> день перед успеньем?
 Гм... гм...

Двор. Ладно, пусть нехорошо... О, бедная Мусичка.
 <Математические расчеты.>

Купи-ка, татенька, на платье
 Глубова в полосу.
 Забава сядет на колешки
 Веретечком по носу.
 Скоко хошь, батько, работай,
 Тут и дом не наживешь.
 Свою силушку положишь
 И заплачешь вон пойдешь.
 Давай подруженька, водица,
 Обе сиротинушки.

Покроем беленьки платочки,
 [Обе сиротинушки...]
 Сходим на могилушки.

1 сентября. Понедельник.

Началось! Началось... Но по порядку. Всю дорогу тряслись. Муську рвало, приехали на станцию, Муся стонет, ребята ревут. Началась возня с билетами, накупили груды билетов, плацкартов, заплатили за все 28 руб<лей>, заняли у Ив<ана> Григор<ьевича?>, надсмотрщица, 2 рубля. Поезд, протелеграфировали, вышел. И. Е. поместил нас на конце перрона, 6 вещей. Поезд подошел; И. Е. взял Мусю на руки, побежали все к вагонам, я осталась одна; сижу, волнуюсь; темно. Там, в темноте, далеко, кричат что-то... Вот уж ударили 2 раза... Боже! Вот уж 3 раз! Свисток... Поезд трогается... «Ы... ы... ы» вырываются у меня крики; меня колотит... Никого нет... поезд исчезает... Темно, ни души... Я одна. О, только бы со мной ничего не случилось; идти не могу... — «Ляля!» «Тетя Валя!» «Ляля, они... уехали... Ребята, мама... Муся, биле-ты у меня». «О... о...» «Ну, я сейчас протелефонирую». Тетя Валя убегает куда-то во тьму... Я опять одна, дрожмя дрожу, не за себя, что мама, измученная, с больною Мусей, с ребятами, вероятно, ревущими. Руки, ноги, зубы, все пляшет, не могу совладать с собой. Идет тетя. «Их ссадят в Вишере, мы поедем с почтовым, в 4 часа»... Кутаемся в одеяло... обеих колотит... «Да что случилось?» «Да кондуктор не пустил; говорит, все переполнено; да можно бы было, но человек дрянь»... «Да как же давали плацкарты, раз нет мест»? «А ну их, чертей!» 28 рублей!! Что-то они? Сидим на перроне, дрожим; у меня от волнения начинает кружиться голова; чудятся морды... Поезд подходит; только бы сесть! Поезд стоит 5 минут. Бежим к поезду... «Здесь спальный, мест нет!» — говорит толстый кондуктор. «Но поезд уйдет... дети... они без билетов... и... сломанная рука... у нас плацкарты...» — задыхается тетя Валя... Кое-как уломав его, влезаем... Поезд трогается; И. Е. на лету бросает последние вещи. Толстый кондуктор входит в наше положение: «главный разрешил остаться в коридоре и взять их в Вишере»... Вздохнули свободнее; только бы их в Вишере поймать.

2 сентября.

Продолжаю, но буду кратка. В Вишере их не нашли; оказалось, решили доехать до Л<енин>града. Доехали мы до Октябрьского вокзала; выгрузились, никого не нашли. Тетя Валя уехала [с ними] домой, я сидела одна с вещами. Так завидно было смотреть, как идут веселые все, довольные. Наконец, через 1½ часа приехали Павлик, тети Валя и Полина (душевнобольная) и мама. Оказалось, что папа автомобилем не встретил, телеграмма не пришла... Мама говорила с ним по телефону, он не выслал ничего, сказал «бери извозчика». Она звонила ему (деньги заплатила какая-то дама!!) в 10½, а домой он пришел в 7 вечера, на взводе. Мама спала, и папа в это время вправил Мусе руку, у нее был вывих. Муся ужасно кричала, но маму мы разбудили, когда ей уже вправили... Маме и мне было очень больно и обидно на папу; он, мало того, сейчас же ушел куда-то. Дома разыгрался скандал; все обвиняли в чем-то маму, ругали всю нашу семью... Злые, злые... Сегодня папа крайне невесел, задумчив... Мама говорит, что все обошлось благополучно, папа ничего резкого не сказал, было хорошо... У Таси Козловой — ребенок, девочка.. Папа разрешил мне записаться в комсомол, мама говорит: «Приглядиись, пойми и потом уж решай». Сегодня была в школе. Ф<еодосий> Т<итович> такой хороший, сразу повеяло чем-то родным, добрым, ласковым... Милый Ф<еодосий> Т<итович>. Добрый! Экзамены скоро у Муси, но я их не боюсь, мы хорошо все прошли. Занятия — 8-ого.

Мама приняла морфию... Зачем... вчера...

3-его сентября.

На двор к нам пришли 2-ое слепых и их вожатый: 1 старик с лицом Толстого, другой — мальчишка с испитым лицом, третий — просто малокровный идиот с мешком... О, как они пели! Это было какое-то вытье, вопли, стоны, безобразные, как нищета, нудная, как их жизнь... «Ми-и-ко-оо-лу-у-у-угоднии, — ика! Хре-есьянска-а-ава! И незваных молоден-чииков! В церко-овные кни-иги! Заа-пишу-ут!» В нутре¹ у меня все перевернулось... Я почувствовала себя униженной, эгоисткой, когда они ушли гуськом...

¹ Так в рукописи.

Сейчас, внезапно меня что-то озарило, и я за один присест написала гимн. Отправлю его на конкурс, думаю, что будет «признан».

Л. Берггольц.

Алгебра

1924 год — 1925 год

III кл<асс> II ст<упень?>¹

[Классные занятия]

6-го сентября. Суббота.

Сегодня ходила с Мусей в школу, но экзамена не было, Алды Ксе-ноф<онтовны?> не было. Пошли к Э<дмунду> А<дамовичу>, сказать, что его жене, т. е. М. А., надо идти в школу, экзаменовать ребят, 9-ого сего. По дороге встретили Нью Герасимову. Обрадовались, расцеловались, умилились, чуть не прослезились. Миляга Нью! Потом по дороге зашли к Вале У<стюхиной>; посидели, поговорили, она рассказала про «Пюню» (сеновал), я про то, как мы прибыли сюда с 24 приключениями. Милые ребята... Когда пришли к Эдм<унду> Ад<амовичу>, он нам отворил дверь в très² красивом «безбилъе», с извинениями ускакал в комнату одеться, а нам сказал: «Проходите прямо». Я, поняв его слова в буквальном смысле, открыла дверь, прямо передо мной, и попала... в... в «кабинет уединенья!» Сдерживаясь, чтобы <не> расхохотаться, прошли в залу. Там к нам вышел Эдмунд< > А<дамович> с извинениями. Передав что надо, мы стали «калякать». Оказалось, что всю серию рисунков «Конек-Горбунок» и еще какие-то рисунки — украли на выставке в Губоно... Нда! Однако... Эдмунд< > А<дамович> — очень огорчен и отказывается от ведения кружка... Спросил про журнал; что журнал? «Завял, не успев расцвести, на<ш> журнал. Завял! Завял! Увы, скандал!» Потом [мы] были у Нью. Читали и много смеялись старым запискам и письмам. Звала их к себе завтра, не знаю, придут ли. Надо справить «прощальное воскресенье», «отвальную». Сегодня приедет Валька Балдина.

¹ Записи рукой О. Ф. Берггольц на обложке тетради.

² Очень (фр.).

9-го вторник. Сентябрь.

Приехала Клавдия. Ей неохота поступать в интернат, куда отправляют ее, в 3 кл<асс>. В городок Сангали, а Вальку в Елизаветино, тоже в интернат. Валька, видимо, довольна, как же! Институтка, интернатка! О, чарщина! Говорят, что лето провели весело; был легкий flirt avec des jeune[s] homme[s], nequim Serge'm¹, чего я не одобряю. Хотя Clavdia a le 18 anes². Но Вальке непростительно, в ее 15 лет. Она воображала, что Serge a l'aimé, c'est drôle!³ Глупо. Муська выдержала французск<ий>, немецкий, родной, историю. Я Клавде ужасно обрадовалась, она мне тоже, осталась при прежних взглядах, также хочет быть коммунисткой... Я очень радуюсь, что в Китае революция; это, безусловно, [наш] наши играют важную роль. Что если бы Китай примкнул к нам! А? Как бы на это посмотрела Антанта? А япошки, неблагодарные свиньи, хотят отнять Сахалин... Фига с маслом! «Руки прочь от советского Сахалина!»

Муське завтра рождение, а подарить нечего; мне жаль.

10-го сентября.

Бабушка подарила нам туфельки и хорошие подтяжки. Я очень люблю наш чердак: я там из старой мебели устроила себе уголок около окна; в старую корчагу запасу яблоков... Чердак — тень прошлого. Сладкие и горькие воспоминания пробуждает он в моей душе; это частичка моей жизни... Вот столик, за которым мы обедали, «когда были маленькие». А теперь он мне не доходит до пояса; вот умывальник, с откидной чашкой, уютными полочками и т. д. Вот германская каска, которую папа привез с войны в 1915 году; а вот весь поломанный, разбитый букет фарфоровых цветов; с ним мама ездила с визитами на 2 день свадьбы. Эти кровати, в <Далее часть листа оторвана.>... теперь; а раньше я <...> мне свободно. Все это <...> грустное задумчивое <...> на полу в пыли, н <...> старых игрушек облом<ки>.

¹ Легкий флирт с молодыми людьми (фр.), неким Сергеем (запись латиницей).

² Так в рукописи; правильно: à 18 ans — Клавдии 18 лет (фр.).

³ Что Серж ее любит, это смешно! (фр.).

Чердак...

Я вновь с тобой, мой мол<...>

Чердак задумчивый, исп<...>

Толпятся вещи старые в<...>

Печальной и строгою толп<ою>

Все паутины в сон по<...>

Чуть дремлет[ь] на полу<...>

Чердак навеял детские <...>

Чердак рассказывает старую <...>

Вот позабытая наивная кро<ватка>

Решетки сняты, сдвинута она.

Я в ней спала так беззаботно-сладко,

Теперь не ведаю спокойного я сна.

А вот разбитые фарфоровые розы,

Эмблема свергнутой, растоптанной любви,

<...> [разбиты жизни]

<...> о камень жизни грезы жизни

<...> душа от жизненной

<...> книг, обломки от игрушек

<...> и пыль, и тишина

<...> смутившуюся душу

<...> чем забытого уж сна...

<...> тый призрак детских лет

<...> ли, я плачу об утрате...

<...> ий чердак: «Их нет... их больше нет,

<П>рошлому ты не найдешь возврата!»

<16 сентября>. Вторник.

<...> все экзамены, и потому ма<ма> <решила> сделать нам удовольствие <...> дишь город. Нам дали по 1 рублю, и мы в воскресенье поехали в город. Сначала зашли к Степановым. Только что стали подниматься по лестнице, как нам навстречу попала Татьяна Александровна с Шуриком и Гариком. Они шли гулять. Мы пошли с ними. Мы шли на Елагин остров; шли мы по удивительно красивым местам. Я даже не берусь описывать величие Невы, до того прекрасна эта гордая река! Но дома отдыха, дорога, и Малая и Большая Невки — замечательны. Я никогда не думала, что в Ленинграде есть та-

кие красивые места! Мы попали, нечаянно, негаданно, на «праздник Текстильщика». Было очень весело! Полное представление народного праздника. Где сидят, поют, гуляют. Ни одного пьяного, никакого безобразия... Подъезжают автомобили с пионерами, комсомольцами, шутики, смех. Мне было завидно глядеть на комсомольцев и др... «Когда-то я буду комсомолкой!» Был кинематограф, правда, плохой, но какие ракеты, какие фейерверки! Это было что-то сказочное. Целые сонмы искр, огня, света... Мы визжали, как 3-х годовалые, прыгали смеялись, радовались... И кругом все радовалось и жило. В груди у меня прыгал фейерверк и пело: «Пролетарский праздник! Пролетарский праздник! Пионеры! Комсомольцы! Вы видите меня!? Слышите?» В довершение всего мы все четверо с тумбы свалились на невинно лежащего взади человека, который нас великодушно простил. Домой пришли в 11 часов. Поужинали подгорелыми макаронами и легли спать: в одной комнате, но на разных кроватях. Пока «большие» [обе] ужинали и разговаривали в кухне, мы успели нахототаться, рассказывала я сказки про мертвецов. Мальчишки и Муся отчасти все время отчаянно *perdeli* и *portili vosdoux*. Как было не смеяться, когда слышишь «Гарька, убери свою рорсоу, я спать хочу, а она круглая, как шар, мешает!» Шурка захотел в уборную, но по дороге у него свалились штаны, он прибежал обратно. Да другой день все время играли в крокет. Жилили отчаянно. Приехали домой в 8 часов... Ну, надо идти ужинать..

Я скоро буду комсомолкой!!!!

Да здравствует КИМ!!!!!!

20-го сентября. Суббота.

Начали учиться. Соединили 2 кл<асса>. Класс большой, пестрый. Есть 2-е новеньких. В субботу поеду в Сестрорецк. Надо скоро подавать заявление в комсу, в Слуцкий коллектив. Сердце замирает от радости, что скоро я буду комсомолкой!! Комсомол! К.И.М! Какие дивные слова. И<ван?> И<ванович?> не будет у нас преподавать. Это страшно жалко! Я в отчаянии.

23-го сентября.

Я согласна идти на промышленно-технический цикл, хоть хочу на педагогический. Сегодня буря. Ив<ан?> Ал<ександрович?> и Сашуля хо-

рошо преподают. Сегодня ужасный ветер. Мне чего-то неохота писать
дневник.

25-ого сентября.

Телефон Поли 530-71.

Бабушка и внучка

(Посвящ<ается> всем бабушкам, у которых внучки комсо-
молки).

Бабка старая кряхтела,

Начала вздыхать.

Она Машу не хотела

В комсомол пускать.

У нее заботы много,

Внучку охранять:

«Позабудешь, Маша, Бога,

Станешь ты гулять».

Но Машутка не внимала;

Что тут рассуждать?

В комсомолки записалась

И пошла писать.

Маша в клубе, в коллективе,

Первый делегат.

Маше лекция — не диво

И учебник — брат.

Агитирует за смычку,

В «Красную» строчит.

Ей работа ведь привычка — сердце веселит.

Бабка Маше удивлялась,

Бог не наказал!

А девчонка засмеялась,

Этакий скандал!

Маша Богу не подвластна

И не верит в «рай».

Рождество — Октябрь Красный,

Пасха — первый светлый май.

Бабка, старая ворчунья,

Охает, ворчит,
 Что угодников резвунья
 Вовсе не почтит.
 [Но безбожная Машутка]
 А для Маши только шутки
 Образа, венец...
 Бабка чует — предрассудкам
 Наступил конец.
 И тихонечко вздыхая,
 Грести полна,
 «Каб была я молодая»...
 Думает она...

27-го сентября.

«Ну и денек!»

Да, ну и денек. Началось с того, что не успели мы сесть за парты, как вкатилась Филька и задала нам по алгебре... письменную работу. Мы все очумели, а когда Филька скрылась, начали деятельно списывать друг у друга. А всего и задания — длинный, но не трудный пример и корень, с 12-значным числом. Все это я отлично знала, но, дура такая, чего-то «тряслась». «Теща» — Нинка визжит, Ньюка и Валька хрюкают, да и кругом все хрюканье стоит, что я смешалась и начала списывать тоже. Глупо, тем более пример пустяшный. Пунька и все, т. е. Лидка и Валька, такие эгоисты, не дают списывать. Особенно Пунька, такая хрычовка, верещит, как... даже сравнения не нахожу. И получила у меня работа прегнусная: ни заглавия, ни фамилии, решение наверху, условие внизу, X узнан, а Z, Y и V так выписаны... Тфу, какая я щелочь... На химии новый учитель поддал жару. Сразу видно, что скептик, мордашка такая ехидная. Ну, да химию я знала немного. Однако не желала, чтоб он меня вызвал. Ньюнка же все кулаки отсидела. А на пении вот-то уж хулиганство было: В. Г. брюхо себе отрастил, таким буржуем глядит. Станет что-нибудь на доске писать, отвернется задом к классу, мальчишки заорут, завизжат, запоют страшным голосом. Он повернется, скажет: «Закройте рты, господа». — Замолчат. Отвернется — опять то же. И так три раза. Наконец он бросил мел и ушел. Вот гнусные мальчишки! Психопаты! Особенно этот Мицкевич, Яскевич, Петров и др. Да и Булыгов тоже хорош. Выкатит бур-

калы, как утопленник. И все перемены в ваторе проводит, — «уборный мужик». Думаю, что будет баламутить наших девочек. Когда все ушли, я, Ньюка и Валя остались и пели все те песни, которые были в инсценировке. Пели мы очень хорошо и красиво. Грустно мне стало. Опять захотелось прошлого... А домой шли по Смоленскому. Вспомнились классы Д, I... часто мы ходили по *этому* проспекту. А дома меня ждала бабушка, с каждым днем становится все невыносимее. Вообще у меня дома целая куча неприятностей, часто сердится мама, [ete] elle es maintenant pridirčiva et často ne spravedliva¹. Папы целыми днями нет дома, приходит пообедать, а вечером в 12 ч<асов> часто пьяный. Дед визжит, бабушка шипит, а денег нет... Меня это угнетает до не знаю чего. Всеми силами придумываю, как бы получить заработок. Напишу в газету, только навряд ли что получится. Не надеюсь... Но попробую. Елки мне совсем не охота. Вообще в данную минуту мне абсолютно ничего не хочется. Одно огромное желанье — поскорей записаться в комсу. Хочу к Октябрю быть комсомолкой. Ах! Как все глупо... Завтра поеду к Оле Волковой... Бедная, милая Оля...

30 октября².

Новый учитель трудистории, коммунист, очень красивый. Сегодня пришел к нам 1-ый раз, по поводу его были горячие обсуждения. Мне он очень понравился. Но дело не в том. После уроков пошла к Ольге; ее нет дома. Жиличка, красноносая хитрая на вид баба, встретила меня нелюбезно. Я прошла в Ольгину комнату, сказав, что напишу записку. Написав, я подумала, что лучше взять мои вещи, поэтому открыла ящик, взяла свои дневники и только что стала задвигать ящик, как вдруг выскакивает хозяйка и начинает говорить, что... но что писать? Словом, она начала оскорблять меня, говоря, что меня можно воровкой назвать, что она меня не выпустит, что Ольга на нее ругается, что у нее все пропадает и т. д. Я стала было возражать, но потом слезы сдавили мне горло, и я, с трудом сдерживаясь, положила обратно. До чего гнусны люди! Я очень дорожу дневниками и боюсь, что потеряю их. Туда я, разумеется, не пойду, а пошлю записку. Я так удручена, что об остальном напишу завтра.

¹ Она сейчас (фр.) придиричива и часто несправедлива (запись латиницей).

² Вероятно, ошибка в датировке. Правильно: 30 сентября.

1 октября.

Завтра поедem к одной жидовке, приглашала меня сотрудничать в нарождающемся журнале. Что ж, попробуем. Но выйдет ли что? Надеюсь. Там бывает Лилина, Щепкина-Куперник. Это поможет составить карьеру. А через Т. А. познакомлюсь с Коллонтай.

Я восхищаюсь Коллонтай, как коммунисткой (и Лилиной), но кроме того, она может мне помочь при моем поступлении в В.У.З.

3 <октября>. Пятница.

В 6 час<ов> утра бабушке стало очень худо. Я соскочила с кровати, разбуженная ее стонами. Она стояла над чашкой, и ее рвало. Я предложила разбудить папу и маму, дед говорит — не надо. Потом через некоторое время вижу, идет папа, стали греть керосинку, и я уснула. Сейчас 9 ч<асов>, бабушке очень худо; и больную руку сама два раза подняла, а правая кажется парализованной. О, что будет, если ее опять разобьет паралич? Если она будет прикована. А вдруг умрет? Ой, ой, ой!!

6-ого <октября>.

Неохота писать ничего. И как ездили к жидовке, и все; дедка растратил 86 рублей казенных. Настроение семьи отчаянное... Ничего не хочу. Хочу умереть.... Провалиться в какую-нибудь бездонную яму...¹
[Что ты спишь]

Мне хочется ласки; мне хочется сказки,
Но ласки безумней! А сказки грустней.
Но ласки, но ласки безумней, безумней, безумней... А сказки грустней.

Крестный *матюгнул* маму. Гнусно! Моя мамочка! За что ты так страдаешь! И все эта бабушка! Хоть бы она умерла скорей.

<Рис.: геометрические фигуры, окружности, квадрат и т. п.>

<Чертежи и алгебраические примеры.>

¹ Запись со слов «Неохота писать...» и до слов «...бездонную яму...» выделена О. Ф. Берггольц рамкой.

И в шепоте ремней, и в грохоте станков.
 В железе¹ пурпурном, под молотом дробимом,
 В огне печей, и в стуке *стоне* **молотков**.
 [Ищите красоту *песнь* в заводском вольном шуме.
 И коль везде найдете красоту.
 Вам жизнь покажется уж не такой угрюмой.
 Ищите красоту в ревущих дымных трубах].
 Ищите красоту не только у природы,
 Не только в струях, ласковых, живых,
 Ищите красоту в туманной мгле завода,
 Ищите красоту в ревущих мастерских.
 Ищите красоту в [трубы] косматых гривах дыма,

«Блаженный»

Вот, ребята, я старик уж, кажется, что надо и в церковь ходить, [а вот я] и святых почитать, а вот я не верю ни в юродивых, ни в святых прочей категории. Особенно в блаженных. Да. Был у нас в деревне такой один человек, Ручка Блаженный. «Ручка» его потому звали, что у него рука одна была вот на остолько короче другой. Ну вот, значит, [заболело у меня брюхо] [мужика], и, конечно, [я себя разумею] пойте [пойдет этот мужик] я к Ручке. Потому докторов нет, а [фельдшер] пьяница. И, конечно, с курой, маслом и прочими приношениями. Придешь ты к нему, а он принял это все, потом говорит *сумрачно*: «Разоблачай брюхо» и, табаку понюхавши, чихнул. Разоблачил[шь] [ты] я это брюхо; он подошел, пощелкал, пощупал, головой качнул так многозначительно и говорит: «[Стой] Надо было святой водичкой помыть». «Это, — отвечаю, — делала моя баба, [гражданин] ваше блаженство!» [И он] чтоб ему на том свете икалось, взял тогда громадный горшок, нагрел его да на брюхо мне и одел. Горшок так и прирос... Испужался я пуще прежнего, перекрестился. А блаженный смотрит так пронизательно и говорит значительным голосом: «Не снимай горшок, пока сам не отвалится. Да я [слышал у вас уточки жирные... Д] у вас меду много. [Этот] год. Принеси в горшочке-то». Ругнул я его про себя, ничего не сказал, пошел домой. Иду по деревне, а на брюхе у меня горшок болтается, чтоб ему ни дна, ни покрышки.

¹ Слово «железе» обведено О. Ф. Берггольц кругом.

Ну, говорит если это не помогло, тогда надо особо действовать; с молитвами да с наговорами. [Это, говорит, непременно] ведьмово дело. [Можя у тебя в брюхе] да затряслись у меня поджилки, а он <Далее обрыв текста.>

Addajio

Когда осыпятся червонные березы
 У нас в забытом, плачущем саду,
 Тогда в душе моей проснутся слезы,
 Тогда к тебе, усталый, я приду.
 Приду к тебе, забытый и несчастный,
 Тебя с слезами буду я молить:
 Ах! Этим днем, осенним и ненастным,
 Хочу весеннюю поэму оживить.
 Прости меня... Но помнишь ли, весной,
 В влюбленном, опьяняющем бреду
 Сидели мы, счастливые, с тобою
 У нас в веселом, радостном саду.
 В твоих глазах так много было ласки,
 Так хорошо весной тебя любить.
 Ах! Этим днем хочу я снова сказки,
 Хочу весеннюю поэму оживить.

Я намереваюсь послать в газету стихи:

Над Россией поднимается
 [Все сердца трепещут в нетерпение:]
 Это — приближенье Октября.

<Рис.: вертикальные волнистые линии, цифры.>

530-71

Поля

597-87-107 шк<ола> 186 детск<ий> дом

Мои герои

Аркадий	Тигрия
Александр Македонский	Кап<итан> Немо
Арсений	Лэлла-Лис
Антрацит	Бриллиантина
Леопард	Юдифь
Эхо	Марк-Ледяное-Сердце
Сказка	Фата-Моргана (Цар<ица> авиации)
Вовка	Роберт-Дьявол
Мурка	Зара
Мишка	Влад<имир> Георг<иевич> Боске
	Верка Вера Алекс. и Ниночка
Дора	Катя Кошкоконова
Селина	Михаил
Мальвина	Наполеон
Хивря	Черная маска
Сон и его дочь	Мэри-куколка
Ганнеле (Нелли)	Нина-Львиное-Сердце
Эля (Лидия)	Даниэль
Холерина и ее муж	Мать и отец Шуры
Рахиль (колдунья)	Настас<ья> Тимофеевна
Новые	
Царство забвенья	Мечеслав
Хрустальное царство	Искусство и его царство
(Институт)	(Анархистка?)
Георгий Николаевич	
Ксая	Белая роза и черная
Прометей	Нина
Поэма	
Ксения Данадзе	
Эсфирь	

Игра Муськи и Вальки однообразна, таинственна и... наивна. Я, когда играю, создаю мечты, для меня игра — панорама и подготовка к буд<ущему> лит<ературному> труду. Я догадываюсь, но ничего не сделаю. Пусть Н<ина?> сама меня по<ймет>.

9 декабря.

Хлопотали с Полей о II № стенгазеты. Организуется М.О.П.Р. обязательный и неперенный член его. Агитирую в газете за М.О.П.Р, завтра спрошу у Гри-гри и скажу у нас в классе. Работать так работать. В библиотеке тоже навязали, черти, стенгазету. Неохота, ну да ладно, неловко отказать. Дом — форменное болото. Бабушка и Дуня наподобие цепных собак; крестный — мракобес какой-то. Жалко мне его. Мама работает, а результата нет, — куда деваются деньги... Тяжело...

<Рис. на листе поверх записей: лицо.>

10 <декабря>.

В МОПР записалась.

11 <декабря>.

Смущена моя душа... После занятий Марксистского кружка пошла к Поле, стали обедать. За обедом она как-то нервно хохотала и говорила, что в голове у нее комок, а в груди что-то хочет разорваться и замирает... Несла чушь, а за столом в ее комнате еще больше хохотала, потом стала плакать оттого, что боялась сойти с ума. Когда она вытиралась в полотенце, всхлипывая и хохоча, — мне стало страшно и дико. Сначала я думала, что она притворяется, а потом мне стало страшно, так страшно. Я сидела молча, и везде притаилось молчание. Поля потом ушла, стала одеваться; и спрашивала меня: «Лялька, что со мной было? Я ровно ничего не помню!» Мне казалось, что она притворяется, и сейчас кажется. Она говорила: «Знаешь, у меня в голове точно комок какой-то стал, и мне показалось, что я схожу с ума». Потом мы с ней шли, и она говорила о том, как ей иногда случается такое. Мне было тяжело, жалко Полю... Потом, подумав, я вот что думаю. Конечно, Поля нервная, но все-

таки она, верно, себя распускает, — она как комсомолка должна себя сдерживать. Потом это самовнушение тоже. Она боится старости и смерти, тяжелые мысли мучают ее уже больше года, а такое истеричное состояние около 2-х недель. Скажу ей это завтра — эта мысль меня мучает. Дома хотела поделиться с мамой, но она сделала мне кучу упреков по поводу того, что у нас все разбросано в ящиках (у Муси, у меня все в порядке), что целая куча дел, что, уходя, мы ничего не убираем. Ох, как это скучно. Но решено. У нас была стирка, надо все переглядеть; белье все мое возьму к себе — решительно и бесповоротно. Также и папины носки, хоть от них осталось одно тряпье.

<Цифры и рисунки на полях.>

Сем. Павл.

Вл.

Сар.

Фед.

Мамочка работает, у нее болит бок. Мне жалко ее, так жалко. Папа — эгоист. Деньги почти целиком употребляет для себя, маме не дает ничего.

Надо съездить к доктору Морозову. У нас в школе начинается культурно-просветительная работа — смычка с рабочими. Я взяла В. Гюго к 23 апреля. Успею! С газетой дела идут успешно. К понедельнику хотим выпустить № 2 обязательно. Буду завтра, в субботу и в воскресенье печатать. Сплю и вижу комсомол, хочу в комсомол, думаю о нем... К.И.М.!! С Клавдей мои отношения натянутые. Она, видите ли, — «разочаровалась» в моей дружбе, в дружбе вообще, хочет быть независимой... Фразерка она, пустая и глупая, как пробка. Она и Валька Бычкова — вот две достойные подружки. Обе пустые, рабы слов, ведут пустую, бессодержательную жизнь. Как далека я от них. В<алю> Быч<кову> я глубоко презираю, над Клавдой смеюсь: актерка!! Правда, она добрая и все, но пустая. Я решила без всех, одна, написать в «Новый Робинзон». Решено.

«Красные дни»

А А А

Лесная поляна. Хижина. Речка.

Некрасовский вечер. Сломанная рука. Отъезд. «Умер Ильич!» Стих «Наша песня». На смерть Ленина. Но это не к сезону. «Комсомолец — Шурка».

12 <декабря>.

Сейчас химия... Ох, ух, ах, их, их! Ах-ах-ах! Страшно, и болит брюхо... Не спросил. Бычкова отвечала плохо.

13 <декабря>.

Завтра не удастся вывесить газету, — не все напечатано, — жаль. Ну, во вторник обязательно. Хорошая у нас газета... У нас с мамой есть план, на Рождество уехать в деревню. Прислали письмо, зовут, Люся благодарит за то, что подготовила в II кл<асс>. Поехали бы с Полей, мама взяла бы ее, она ее любит. Надо им письмо написать.

16 <декабря>.

Газета висит; про наших мальчишек пропечатано, — они злятся и хотят меня пропечатать. Ну, про меня нечего писать. Знаешь, я хочу себя так вести, чтобы ко мне не могли подцепиться. Да и придраться не к чему. Да.

Знаешь, их, верно, потому Доброхимом прозвали, потому что они, верно, [<1 сл. нрзб>] когда-нибудь.

20 декабря, 1924 г. 6 ч<асов> ½.

Бабушка умерла.

Да, умерла и не проснется больше никогда. Никогда... ни-ког-да... Страшно... Холодно. Милая, родная, далекая, прости меня... За все прегрешения вольные и невольные... не могу... Ох, не верится... Дико... Сейчас там читает монашка гнетно. Жаль коку. Он обнял меня и заплакал. Захныкал. Папа пришел сейчас... Потрясен. Ведь за пять минут до смерти говорила.

24 <декабря>.

Схоронили ее; вчера. Мир твоему праху, моя дорогая, моя милая бабушка... Ты много любила... Прости меня... О, прости меня... За все... Глухое отчаяние. Слезы отхлынули, и меня наполняет какая-то тяжкая пустота. Чувствую, что со смертью бабушки что-то ушло... Да, детство мое отлетело. О, бабушка... Дорогая... Милая... Никогда, никогда

я ее не увижу. Хочется плакать... Но слез нет. Неохота писать о том, как проводились эти дни.. Я знаю лишь то, что мне тяжело, что нет бабушки... Нет бабушки... Моей милой бабушки. Умерла и не дождалась моего выпуска... Ничего в голову не лезет..

30 <декабря>.

<Выписки из учебника истории.>

Революция 1905

<p>I В конце 1904 г Гапон организует с разрешения М.В.Д. «Общество фаб<рично>-зав<одских> рабоч<их>» в Петербурге. 2 (19) 1905 Сдача Порт-Артура.</p>	<p>I. [Соб.] Неудачная война с Япон<ией>, начавш<аяся> в фев<але> 1904 года.</p>
<p>II 1905 г 16 (3) забастовка на Путиловском заводе, к 20 превратившаяся во всеобщ<ее> составление петиции к Николаю II о нуждах рабочих.</p>	
<p>3) 22 (9) Января шествие рабочих к Зим<нему> дворцу. Расстрел (убито 1216 человек), ранено более 5000). Большевики издают под назв<анием> газету «Вперед» (РС.-Д.Р.П.).</p>	
<p>4) Перекатные забастовки по всей России в течение февраля, марта, как протест против расстрела Петербургского пролетариата.</p>	<p>Колянский <?> — Алексева 25 марта при Мукдене рус<ской> армии <Рис.: вертикальные волнистые линии.></p>
<p>V. Столкновение раб<очих> фабрики Паас с конными постами. Убийство раб<очего> Алексева.</p>	
<p>6. Май; III съезд РС.-Д.Р.П. в Лондоне / Резолюция о вооруженном восстании / Майские демонстрации. /</p>	<p>27 мая. Гибель русского флота при Цусиме.</p>

<p>7. Июнь вооруженная борьба / Гражд^{анская} война / в Одессе, Лодзи восстание матросов на брон^{еносце} «Князь Потемкин». Баку.</p>	
<p>VIII. Август 2 тактики, с^{оциал}-д^{емократов} в демок^{ратической} революции Ленина. IX. Сентябрь. Митинги во всех высш^{их} уч^{ебных} заведен^{иях}. X. Октябрь. 1905 г. В Москве забастовки типографов, булочники. С 20 железнодорожников. Московская забастовка превращается во все^{российскую}. Разгром 2000 имений в чернозем^{ной} полосе. В <u>Петербурге</u> 26 возник совет рабочих депутатов. /562/. Предс^{едатель} Хрусталиев-Носарь. Товпред Троцкий, Яновский. Просущ^{ествовал} до 16 дек^{абря}, 50 дней.</p>	<p>Правит^{ельство} делает незнач^{ительные} уступки. Манифест о совеща^{тельной} думе. Начало пер^{еговоров} с Японией. 5 сентября Портсмутский мир. а) Рабочая печать (газеты) б) Проведение 8-ч^{асового} рабочего дня. в) Призыв брать из правительс^{твенных} касс деньги / финансовый указ /.</p>
<p>XI. К (29) 16 октября всероссийская забастовка.</p>	<p>30/17 Октября Манифест Николая II о даровании свобод и привлечении в издание законов выборных представителей от населения. Погромы в город^е, устраиваемые черной сотней при поддержке правительства.</p>
<p>XII. Ноябрь. Восстание во флоте: 1) Кронштадт 2) Севастополь. (Потемкин, Очаков)</p>	
<p>XIII. Декабрь Разгром Петр^{оградского} Совета рабоч^{их} деп^{утатов} / 16 дек^{абря} // 19–22 <декабря> Вооруженное восстание в Москве. Красная Пресня.</p>	<p>31 д^{екабря} (<190>5) – 1 янв^{аря} 1906 г. Подавление Москов^{ского} восстания Дубасовым.</p>

Ломают тучи...
 Стирают молний
 Могучие, могучие
 Серые волны...

С<ергею?> Г<ригорьеву?>
 Я хочу с тобою мчаться по волнам,
 По бурливым,
 Белогривым,
 Шепотливым,
 По разгульным, по раздольным,
 Вольным, вольным,
 Шепчущим, ропчущим,
 По косматым,
 Волосатым.

По [играющим], капризным, по играющим волнам.
 Пусть челнок наш качает, качает,
 Нам с тобою не страшно ничуть...
 Вот волна на корму набегаёт,
 Наш челнок высоко поднимает,
 На другую волну кидает
 И убегает...
 Затая свою влажную жуть...
 Продолжает таинственный путь...
 [<3 сл. нрзб>]
 Волн много, много; миллионы, орды...
 Взметнулись в небо главами? Белыми.
 Такие вольные! Такие гордые!
 Такие смелые!

Открытие
 Счет баланса
 Д. Счет кап<итала> К. Д. Сч<ет>. Баланс К.

I обязат.	Актив. I Чист<ый> кап<итал>.	Пассив	Актив
Закрытие I Актив II Чист<ый> кап<итал>.	Обязат.	Актив	Пассив

Белые
 Странные
 Робкие
 И слад<кие>
 Белые
 Ах, мчаться, мчаться под бури крики
 Все вдаль по волнам, собирая силы...
 Жить чудной сказкой... красиво-дикой
 С тобою, милый...

Очи черные,
 Очи страстные,
 Очи жгучие
 И прекрасные.
 Как люблю я вас,
 Как боюсь я вас,
 Очи черные,
 Очи страстные,
 Знать, увидел я вас
 В недобрый час,
 очи черные, очи стр<астные>
 <Далее обрыв текста.>
 Нет, не верю
 Белые ночи,
 Пугливые очи,
 Нежные речи.
 Как вас люби<л>
 Ольга Сергей
 Сергей

Сергей	Сергей
Ольга	Сергей
Вячеслав	Сергей

Меня не любишь, — я это знаю!

ГОД

1925

12/II.

Я не знаю, почему я так ненавижу немецкий. Прямо терпеть не могу. Не знаю, пустит ли меня мама к солдатам. Дома атмосфера кошмарная. Мама все время говорит о том, что я стала резкая, грубая, нетерпимая, что комсомол (!?) отнимает меня у нее, что он сможет прекратить «все это», пойдет в школу, «поговорит» с педагогами, «оторвет» меня «ото всего». Она говорит, что я зазналась и т. д. Ее долгие разговоры вызывают во мне глухое раздражение. Я по большей части или молчу, или скажу что-нибудь резкое. Хочется крикнуть, что все это не так, что мама не понимает меня. Я пробовала объяснить, но мама говорит: «Оставь, Ляля, я остаюсь при своем убеждении». Я теперь замкнулась, никому ничего не говорю, ни маме, ни папе. Папа меня от себя отталкивает холодностью, раздражает и доводит до бешенства «языками». Я теперь думаю, сочиняю про себя. Почему я перестала говорить про авиацию — вовсе не потому, что охладела к ней: они смеются, не верят, что ж говорить.

О<льга> П. говорит о линейной организации. Говорит — утром мужики пойдут рубить лес. Я вижу перед собой лес и утро, и мне так грустно.

О<льга> В<олкова> прислала записку, просит прийти к ней....
Милая Оля...

13 <февраля>. Пятница.

Еду к солдатам. Мама пустила, но хочет ехать сама... Конечно, этого нельзя. Я рада, что еду, буду читать лекцию «Каменный век». Гип-гип ура! Будет 36 туманных картин.

14 <февраля>.

Вчера к солдатам не ездила, а ездила с П<олиной> В<ласовой> в «рай» на собрание по стенгазетам. Мы с ней одни были девочки, все остальные были мальчишки. Между ними один мне ужасно понравился, я даже в него влюбилась. Я не знаю ни его имени, ни фамилии, не знаю даже, от какой он школы, но он мне так понравился, так понравился... По-моему, его зовут Боря. Он такой хорошенький, лет 15–16 на вид. По-моему, его зовут Боря. Как бы я хотела, чтоб он влюбился в меня. Но нет, этому не бывать... Какая я дура... Потом зашли к А<нне> И<вановне>, пили у нее чай, она с нами говорила. В вагоне дурила, а из головы не выходит Боря... И сегодня тоже... Хочу, чтобы была хорошенькая шляпка и приличное пальто. Поеду в рай, повезу газету на цензуру, может быть, увижу Борю. Хочу ему понравиться хоть немножечко... С нашими мальчишками не разговариваю, они взяли у меня мою тетрадь со стихами, прочитали, написали глупости. Ладно, я с ними не буду ни разговаривать, ни шутить — пусть... Сказала. Вчера, когда были у А<нны> И<вановны>, в ящик для писем к Ф<еодосию> Т<итовичу> опустили записку: «Прощай, я ухожу, довольна». Вот-то смешно. Ах, Боря, Боря, я все о нем думаю... А вдруг..

У меня сейчас полный упадок сил... Пришла домой какая-то усталая: по химии была работа, потом бесилась все время, о «Боре» думала, а дома сюрпризики: Авдотья плюнулась на маму, мама расстроенная; [<2 сл. нрзб>] она говорила мне об этом. Я ни слова не сказала: возникла в душе тупая боль, грязь поднялась. Я ничего не сказала маме: ни сочувствия, ничего. Слова завязли, а избитыми фразами не хотелось. Мама потом упрекала меня в бесчувствии и говорила, что «мои чувства к ней погасли, что она не будет их подогревать; ну ладно, у меня хоть одна Муська осталась, а ты иди и вместе с Авдотьей оплевывай меня». Я не гладила сегодня, все белье выгладила она мне. Стыдно до слез. Когда она это говорила, я тоже ничего не сказала, но мне было так тяжело, даже гнусно (давнишнее выражение!). Слез не было, хоть плакать и хотелось. Сейчас опять с мамой поспорила. Как тяжело... Мама говорит: «Ты так беззаботна, равнодушна!» Если б она знала, что у меня в душе: какое-то тупое равнодушие, какая-то муть серая... Не знаю, с чем сравнить свое состояние. Я ничего не хочу: хочу ничего не чувствовать, уснуть... уснуть...

Догорают мои огни
 Среди ночи в степи глухой,
 И толпятся безликие дни,
 Точно призраков серый рой.
 Было лето, осень, зима,
 И наступит опять весна.
 Я боюсь, что проклятая тьма
 Навсегда поглотит меня.
 Время будет мучительно течь
 В хороводе забывчивых дней...
 И мне вновь никогда не зажечь
 Путеводных, призывных огней...
 И в степи, с гадюкой тоской,
 Будем мы там совсем одни.
 Среди ночи в степи глухой
 Догорают мои огни...
 Чуть мерцают мои огни...

15/II.

Я чувствую, что опять подходит весна. Весна! Весна подходит. Я думаю об О<льге> В<олковой>, снова хочу ее видеть, хочу читать «Овода», а на уме все вертится тот мотив... Помню «Жизнь Тарханова»... И так хочу увидеть О<льгу> В<олкову>. Оля! Милая! Как хочу к тебе... Чего-то хочется, как-то грустно, раздражение охватывает.

18-2-25.

Нечего писать. Вызвали Г.

Работа по отделу.

В долгие зимние вечера, за пряжей, вытягивая нитку, девушка вытягивала с ней длинную строчку песни.

«Не одна во поле дороженька пролегала»... Но вот с развитием промышленности жизнь пошла более ускоренным темпом, и среди ритмического грохота машин родилась песня с особым, ускоренным, похожим на темп машин ритмом — фабричная частушка.

(Исследование)

Заброшенная в деревни, она приняла особый оттенок, в ней появились более задушевные тона, частушка украсилась цветами, обычаями и т. д.

Где поется частушка.

У качелей. Посиделки. В лесу. На гулянке. На бульваре, у реки; картинки с эпиграф<ом>.

О чем говорит частушка.

(Сюжеты)

Плакат.

Любовь — разлука, ревность, рассердился, несправедливость, нарекание, славушка, сестрина любовь, неверное венчание и т. д.

Общественная жизнь в частушках.

19/II.

Решительно, Власова злит меня. Мне на нее не только досадно, я ее презираю. Сейчас обращаюсь к ней: «Поля, будем ленинский уголок?», а она: «Дура ты или нет! Сегодня же нельзя», — закричала... Ну, я ей не позволю над собой командовать. И с газетой тоже волокитничает, тащи ее за рога, [надрывайтесь] надрывайтесь, а еще «ответственный редактор!». Посмотрела бы я, что она стала бы делать, если бы я ушла из редколлегии. Мне кажется, что Власова принадлежит к сорту тех людей, которые, ничего не делая, создают себе славу «активных», «умниц» и т. д. Дура сама.

Вчера прочитала «Голод» Семенова. Тяжелая вещь; захотелось хлеба, стало тяжело, что мама слабая и больная и т. д. Папа пришел поздно, ему все приготовила. «Залюбила» всех. Завтра или сегодня пойду опять в библиотеку. И остро-скучно стало без бабушки. Я думаю, что Марков или Мицкевич влюблены в меня немного. Смешно, а интересно.

20 <февраля>.

Меня злит П<олина> В<ласова>. Вот, из-за нее не вышла сегодня газета, а еще комсомолка. Надо все-таки писнуть в газету:

На востоке всходит ясное светило,

Угнетенные, молитесь на него...

На востоке всходит ясное светило –
 Верьте в силу чудодейную его.
 Может быть, пройдут недели, годы.
 Мир воспрянет от лучей его.
 Угнетенные, то «светлый диск свободы»,
 Угнетенные, молитесь на него.
 Ждет Буржуй, нахмутив злобно брови,
 [Солнца свет]
 Света этого боится он давно.
 Угнетенные! Оно из вашей крови
 И из ваших кликов создано...

Ленин. Задачи комсомола.

Нужно для укрепления власти учиться. Учиться коммунизму. Как? –

– Сознательная дисциплина. (Старая школа, учение Маркса). Строительство коммунистического общества. Коммунистическая мораль. Классовая борьба. Борьба против собственности и эксплуататоров.

(В газете — Ликвидация безграмотности. Педагоги должны откликнуться.)

24 <февраля>.

Еще не распечатали ящик. Полька меня бесит. Психопатка. Я теперь как-то слилась, сроднилась с Соввластью, со всеми ее организациями. Болезненно, нет, чутко и нежно люблю ее, вместе с ней радуюсь, негодую, боюсь. Жажду поступить в Комсу, чтобы работать, работать. 23-го... ну, да, вчера, был доклад о Красной армии. Хорошо говорил. Внутри у меня все кипело и рвалось, а руки были ледяные. Когда он кончил, я встала, и сразу пропал страх: сказала, что надо оживить культшефство и т. д. Докладчик захолопал, и все тоже, а если бы они знали, как искренно я это сказала!!! Газета засела, нет, завтра же хоть поссорюсь с Власовой, а настою на своем. Пусть уходит из редакции — лучше будет. Хорошо бы в редакцию было Сережу Григорьева — деловой. Учю физику — завтра работа.

27-II-25.

Неужели папа с мамой не видят, что я совсем больна... Господи! Как они, «чуткие» родители, не догадываются, что они мучают, нервнируют, изводят меня своим нытьем о «непостоянности», о «грубости» (!?) и т. д. без конца, без края. Когда же кончится это вечное нытье. Они «беспокоятся». Ну, я понимаю, беспокоятся, они милые, милые за это, но зачем они говорят, что — «оторвут меня ото всего». Они, видите ли, считают громадным снисхождением то, что «позволяют мне участвовать в общественной жизни»... Гм. Неужели они не могут догадаться, что это одно, что это свет и тепло в моей жизни. Ведь они жили... Во что же они хотят обратить мою жизнь?...

Какая я эгоистка, все думаю о себе, а о маме... Мама, мама моя милая. Я хочу освещать твою жизнь, но зачем все так... глупо, дико.

Как болит голова. В уши так и стреляет. Не пойду просить йоду.

1. Март.

Сейчас подралась и в пух разругалась с Авдотьей. Она меня стукнула о жаровню головой, а я бросилась на нее с кулака<ми>. В общем, очень подрались и поругались. Она редела, а я едва сдерживаюсь. На душе гнусь, папы нет 2-ой день. Чего Авдотья ревет, точно я во всем виновата, а виноваты-то она и Муська — злили меня все время. Жаль и не жаль Дуньку... Хрюкает там, жаль себя. Нос в красных прыщиках, гадость.

2-3-25.

Едем в Рай, едем в Рай. Мамы нет дома, слава Богу, если ее не будет, а то будут драмы. Может быть, увижу Борю...

3 <марта>.

Сижу и страдаю на бухгалтерии. Потом спишу. Мама сказала: докажи, что ты хочешь в Комсомол. Делай все дома. Ну, ладно, буду делать; надо сшить и сделать себе все, чтобы потом ничего не делать:

Сшить кофточку.
 Поправить юбку.
 Штаны дошить.
 Косоворотку сделать.
 Приду в 3. Ну, до 4 проболтаюсь зря. До 5½ ч<асов> шить.

4-3-25.

Бори не было...

8-3-25.

Скоро у нас в школе будет КСМ... Как я счастлива... Все свои силы, всю жизнь отдам Комсомолу... Я все мечтаю... Как я хочу быть красивой... Рассорилась с М<ицкевичем> и М<арковы>м. Противные. Надоели. Завтра не взгляну на них и все время не буду разговаривать. Как я хочу быть хорошенькой... Ложусь спать и буду мечтать. Как я люблю мечтать.

<Рис.: чертеж и утенок.> Формула Мольвейде. (Черт<еж> та-кой же.)

10-3-25.

«На баррикады!.. На баррикады!!!»
 «Звучит повсюду призыв могучий...»
 «Погибло все, разбиты коммунары,
 Но мысли их в грядущем оживут».

11-3-25.

Вот смешно сегодня было!

Сегодня — снег, вьюга — как я рада. Я пошла к Поле Власовой, а там целые сугробы; я шагнула и провалилась по самое горло в... колодец, слегка занесенный снегом... Чувствуя, что [я] проваливаюсь все дальше, я крикнула женщине, которая разгребала тут же

снег: «Помогите, я в колодец провалилась!» И она вытащила меня. Я чуть не оставила там калошу моего «дядюшки»: когда я уходила, я по нечаянности одела его галошу.

А потом шли с ней (с П<олей> В<ласовой>) и бузили. Например: впереди нас шла тетка, я подхожу к ней и, давзязь, говорю: «Дяденька...» (она пучит на меня глаза; я давлюсь от хохота)... «“дяденька”, сколько время?» (Она, улыбаясь, смотрит: взади фыркает Польшка.) Я тоже фыркаю: «Ах, простите, вы тетенька». Потом П<оля> В<ласова> говорит огромному дядьке: «Здравствуйте, тетенька...», а старой старушечки: «Девочка, где проспект Володарского*»... Ах, как это смешно, Иван Александрович! Как мне по временам хочется бузить, баловать-ся, вообще «распространяться», как говорит Заборовский...

(* мы шли по нему)

12-3-25.

У нас болеет дедушка — «кока» наш. Старенький он: 73 года... (Ведь он умрет раньше, чем я...) Вот в чем ужас... Умрет... Ему 73 года, а он ходит в 7 часов на работу и работает 8-9 часов. Как я люблю его.

13-3-25.

Иван Александрович!! А я про вас что-то знаю.

16-3-25.

Если б вы знали, Иван Алекс<андрович>, как вы мне больно сделали, когда сообщили печальную вещь о том, что преподаватели говорят, что я «распустилась» и т. д. Мне вовсе не досадно, что обо мне перестали «говорить» на совете; я учусь, может быть, не так «блестяще», как в Д и I классе, но я знаю, что учусь хорошо. Если у меня нет отметок — сплошных «хор<ошо>», то... я не знаю, почему. Но я знаю, что я все усваиваю и понимаю, и если чего не пойму, то добьюсь уж, что пойму.

Мне и дома говорят, что я огрубела, распустилась, ну, дома есть основания, но вот педагоги!!!... Я смутно (м<ожет>, неверно) догадываюсь; почему: ведь я за большевиков, а Ф<еодосий> Т<итович>,

Д<митрий> В<асильевич> и многие не так что бы что¹. И вот им это не нравится.

Это неверно².

И потом, педагоги думают: «Лялька, верно, презирает за то, что мы не коммунисты, а из буржуазных семейств»... Если они так думают, то как это глупо! Нет, это неверно! Если я сделаю какую-нибудь резкость или что, то ведь я не нарочно! Я горячо люблю всех учителей! Очень! И Ф<еодосия> Т<итовича>, и Д<митрия> В<асильевича>, Ив<ана> Аф<анасьевича>, и вас, Ив<ан> Ал<ександрович>, и [фи] Анну Ефимовну, и всех, всех! А когда я **стала хотеть**³ в комсомол, во мне произошла большая перемена: к каждому человеку, к каждому дому, к каждой вещи у меня появилось особое чувство: «Ведь это наше, эсэсэровское, ведь это частичка С.С.Р. Ведь Ф<еодосий> Т<итович>, Ив<ан> Аф<анасьевич> — ведь это строители будущего, это наши милые, милые учителя!» Как я любила всех! Как-то умилилась, всем хотелось сказать что-нибудь теплое, хорошее, доброе, даже [попу] Дим<итрию> Вячеславичу на шею броситься...

Я думаю, учителя разлюбили меня... Это тяжело мне, ведь я их люблю, всех. Вот почему И<ван> Аф<анасьевич> так всегда теперь холоден со мной, сдержан, и все. Я сразу заметила это! Я очень люблю Ив<ана> Аф<анасьевича>, и он меня любил, а вот теперь нет. Он со мной иначе, холоднее, чем с Бычковой и со всеми девчонками из б<ывшего> П осн<овного>. Да ведь они подлизы! Как они разговаривают с ним, наивничают. Я [ревную] И<вана> Аф<анасьевича> к ним, но ничего не говорю и не скажу... и перед И<ваном> Аф<анасьевичем> не ломаюсь.

Это глупо⁴.

Иван Александрович! Скажите ему, или нет, никому ничего не говорите, — глупости.

Я всегда вижу, как вы читаете дневники, у вас есть одна улыбка, такая насмешливая, ироническая, — я не люблю ее. Я думаю,

¹ По правому полю напротив фразы «не так чтобы что» помета: «?», сделанная, предположительно, учителем Иваном Александровичем.

² Запись по левому полю, сделанная, предположительно, учителем Иваном Александровичем.

³ Фраза «стала хотеть» подчеркнута волнистой линией, предположительно, учителем Иваном Александровичем.

⁴ Запись по левому полю, сделанная, предположительно, учителем Иваном Александровичем.

что, когда вы прочитаете весь этот сумбур, вы тоже так улыбнетесь. Не надо, Иван Александрович! Верьте мне, я всегда пишу искренне и правду. Сейчас вышло из всего, что [я] написала, — [что] будто бы я оправдываюсь, стараюсь возвысить себя, но это — ничего подобного!¹ И если вы не поверите, я никогда вам не буду писать ничего такого. Ах, какое у меня сегодня ужасное настроение...

Ну вот, залила борщом тетрадку, фу как нехорошо².

Смотрела, как репетировали мою и Полину пьеску — «Пугачевщина». Все-таки³ ничего, да, И<ван> А<лександрович>? На сцене все-таки⁴ мои вещи ставили! 2 раза — «Анюта у гномов», 2 раза — «Вечер сказки» и «Пугачевщину» теперь, хотя она и Полины тоже.

Ах, как мне жаль, что И<ван> Аф<анасьевич> так переменялся ко мне! Ему, наверно, противная крыса — Серафима напела, она меня не любит, и я ее... ух, ненавижу!

<Рис.: маленькая фигура человечка без рук.>

<Рис.: женщина, держащая кошку за хвост вниз головой.>

С<ерафима?> М<ихайловна?>

<Рис.: женский профиль, на голове — запись, состоящая из слов «газета, уроки, комсомол, <3 сл. нрзб>, неприятности, В. Гюго, выставка».> Мой череп.

<Рис.: фигурка девочки, у которой в правой руке портфель, а в левой — тубус.> Это я.

Как во даалеече, далечее, вооо чиистоом поле...

<Рис.: зачеркнутые ноты.>

19-3-25.

Сегодня с Полей> В<ласовой> ездили в Рай... Но там ничего не было, — вот волокитчики! Мы зато были на кладбище и видели, как с музыкой хоронили какого-то агронома Рассыпного. Говорили речи, мне было страшно и тяжело... Старик один, как слепой, говорил речь, волно-

¹ Слова «это — ничего подобного» подчеркнуты волнистой линией, предположительно, учителем Иваном Александровичем.

² На листе жирные пятна.

³ Слово «все-таки» подчеркнуто волнистой линией, предположительно, учителем Иваном Александровичем.

⁴ Слово «все-таки» подчеркнуто волнистой линией, предположительно, учителем Иваном Александровичем.

вался, заикался... Гроб был, как у бабушки. Я думала, что вот я умру... Умру, значит!¹... Будет собрание марксистского кружка... Вдруг войдет кто-нибудь, поговорит с вами и уйдет, а вы скажете: «Ляля Берггольц умерла...» — Потом меня будут хоронить... Издадут, может быть, газету в мою память. На могиле скажут речи. Ай!! Как страшно стало... нет, этого не будет...

<Рис.: крест на могиле.>

Я ужасно люблю своих двух двоюродных маленьких сестреноч!

Иван Александрович! Какой вы милый за то, что любите своего сынишку! Как я вас люблю за это...

21-3-25.

Но тебя я всю жизнь помнить буду

Ведь могу только раз я любить...

Я тебя никогда не забуду

И мечтой о тебе буду жить!!

22-3-5.

Прочитала «Когда мы, мертвецы, пробуждаемся». Не то не поняла, не то поняла... Страшная вещь. И странная... Очень интересно Коган, про литературу в З<ападной> Европе². Мне очень хочется почитать Зола, Гауптмана, Метерлинка и др. «Какие люди умные!» — думаю я иногда и горжусь, что я человек... Сегодня поссорилась с мамой. Она не велела играть в снежки, а я стала. Глупо, что не велела. Это очень весело и здорово.

Ах, Иван Александрович! Весна идет! Как я рада! Как я люблю весну... Весна, весна!

¹ Слово «значит» подчеркнуто волнистой линией, предположительно, учителем Иваном Александровичем.

² Предложение «Очень интересно... в З<ападной> Европе» подчеркнуто волнистой линией и по левому полю около этого предложения помета «?», предположительно, учителем Иваном Александровичем.

23-3-25.

[Март. По ночам завывают коты,
 Ветер чуть тепленький дует,
 Среди грязи, навоза, стремятся ручьи
 Извощик¹ клянет мостовую,
 Кобылу несчастную, потную бьет,
 Куры несутся, петух же поет..
 Поэты вздыхают, поют про любовь.
 Конечно, здесь рифма — волнуется кровь]².

Мой дневник23-III 1925³

[Опять начинаю вести свой дневник. Ох! Если б мне 30 копеек, 30 копеек, они бы] осчастливили меня! Я должна В. К. — 15 и В. В. — 10, и ох, пуговиц не купила. Нет, это ужасно... Вчера, нет, в субботу, подставила Л. Е. ножку, она упала, серьезно ушибла руку, я страдала не меньше ее. О, Господи, что я за несчастная... 30 коп<еек>, 30 к<опеек>, ради всего 30 копеек. Возьму завтра у Поли, она своя. Ох, тяжело... Цвет лица — прямо зараза. Прыщики пошли, верно, от Верки Ильян, не буду с ней тереться лицом, хотя я люблю ее. Надо в среду по географии работу сдавать, в четверг по бухгалтерии работа, а у меня она запущена. Ну... я начинаю распускаться. Довольно. Пора быть сознательной. Итак, эта последняя «бешеная неделя». С долгами расплачусь, бухгалтерию в образцовый порядок и начну размеренную, нормальную жизнь. Пора!! Ох, где бы мне денег свистнуть, а?... Кроме того, постараюсь быть «сдержаннее сдержанного» в школе: я уж становлюсь большой, шутка сказать, предпоследний класс;... ну и наплевать; нет, впрочем, надо... утихомириться, быть нормальной. А<ркадий?> говорит мне, что я ему нравлюсь; ну и наплевать, а он мне не особенно... Боря, миленький, я его до сих пор

¹ Так в рукописи.² Стихотворение выделено лигатурой по левому полю, предположительно, учителем Иваном Александровичем.³ Запись выполнена в другой тетради. На обложке тетради записано рукой О. Ф. Берггольц: «Мой дневник».

не видала... Милый... Скорей бы весна... Весна!.. О, 30 копеек, 30 копеек!.. Хожу в союзную школу. Рада. Попала в «Красную <газету>». Хочу писнуть... Буду без папы и без мамы, на своей риск. О, 30 копеек!!! Проклятые.

24-3-25.

Иван Александрович, вы просили меня написать что-нибудь цельное... Ну, что я буду писать, ума не приложу. Я сегодня в каком-то странном настроении. Приближается весна; я помню прошедшую весну: я просыпалась часов в 5-6; бегу в сад; в саду так росисто; яблони все в цвету, такие милые кривые яблони... Я забираюсь на самую макушку дерева, качаюсь там. Потом лезу на галдарейку, оттуда на крышу маленького домика; крыша такая покатая, скользкая, мокрая от росы, и так приятно карабкаться по ней, прелесть; с крыши маленького домика лезу на крышу галдарейки. С нее далеко и хорошо видно, как встает солнце, видно трубы, Неву. Люблю лазить по крышам. Иногда я уходила на кладбище, бродила там. Ах, Иван Александрович, вы уж... гмм, ну, не молодой и уж не чувствуете, верно, прелесть весеннего утра¹ и черемухи, и сирени, и яблонных² цветов! Но это так мило! Когда будет весна, я принесу вам веточку цветущей яблони...

Ни черта не принесу вам! Вот! Фига!³

Я слыхала, как вы говорили, Ал<ександр> Ан<дреевич>, что визг трамвая вам приятней песни соловья... Мне показалось, что вы притворяетесь. Как можно не любить цветов или любить больше их уличную грязь города?! Ведь они такие милые, цветы!.. Если бы вы видели, когда цветет ромашка, львиный зев, гвоздика — какие красивые поля тогда. Они каждую неделю меняются: то белые, то красные, то синие от колокольчиков. И васильки тоже. Ляжешь иногда в траву, глядишь на небо — хорошо!!! А что может быть лучше леса! Я мечтаю, что у меня есть под сосной хижина и там много запасов: орехов, ягод и т. д. Моя хижина не далеко от речки, в которой так хорошо купаться в жару. Вы любите купаться? Я — очень, очень. Люблю

¹ Фраза «гмм, ну, не молодой, и уж не чувствуете, верно, прелесть весеннего утра» подчеркнута волнистой линией, выделена лигатурой по левому полю с пометой «?», предположительно, учителем Иваном Александровичем.

² Так в рукописи.

³ Запись рукой О. Ф. Берггольц по левому полю.

заткнуть уши и нос и тонуть. Страшно, приятно. Как жаль будет, если мы этот год не поедem в «Глушино»!!! Если мы поедem, я устрою себе такую хижину и никому не скажу. Ну вот вам три страницы...

Ой-ой-ой. 104¹

Я просил написать нечто цельное, имея в виду «не лиризм»².

24 <марта>³.

В Ш<кольный> У<ченный> С<овет> выбрали Г<ерасимову>, Н<екрасову?> и С<ергея?>. Выставляли мою кандидатуру, да Ф<еодосий> Т<итович> не хотел. Он очень хотел Бычкову, ну, да она не прошла — все против нее. Он ка-ак злился! Противный!

25-III-25.

С удовольствием работаю по Обломову. Читаю про него что только можно. Обдумываю, как буду говорить; очень с удовольствием буду делать сводку. Хочу сказать хорошо, хочу заинтересовать учеников. Ах, противная бухгалтерия, не выходит ничего, завтра надо списать у тещи. И геологию надо делать, неохота отрываться от Обломова. А Добролюбов — ну, вроде дурака, но не совсем⁴.

Сегодня «доброхимик» говорил о тех ужасах, в которых будет протекать будущая война. Но это же изверги! Где же люди? Ведь если бы все люди, вот так ясно, как я, представили себе весь ужас, то они разбили бы все баллоны с газами, все, все. Как это все ясно доказывает, что нет никакого бога, что бог — глупость, вздор, ерунда... Всем этим — противогаз любовь. Но, Господи, какие глупые люди... Как они не могут понять всей суетности — война, убийство... И вот, мне приснилось, т. е. представилось: лед, лед и лед. Земля умирает... Все разрушено... Нет ни Парижа, ни Нью-Йорка, ни Лондона, ни Москвы... Все погибло... Ни день, ни ночь — какой-то серый мрак... Люди стол-

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц в левом углу по нижнему полю.

² Запись сделана в правом углу по правому полю, предположительно, учителем Иваном Александровичем.

³ Запись выполнена в другой тетради.

⁴ Фраза «Добролюбов — ну, вроде дурака, но не совсем» подчеркнута волнистой линией, предположительно, учителем Иваном Александровичем; по правому полю около этого предложения стоит его же помета «?».

пились в кучку, жмутся друг к другу... Им холодно... Чувств не осталось; жить, жить, наслаждаться жизнью, ее красотой, всяким ее движением... Земля и люди умирают... Звезды такие холодные... Холодно... О, если б знать о близкой гибели... Люди жмутся друг к другу.

27-го марта.

«У меня есть улыбка одна,
Так, движенье чуть видное губ»... (Ахматова)¹

28 марта.

Не было печали — ... накачали... Ох! Голова трещит... Навязали мне это председательство; не иначе как уморить хотят... А потом будут с пышностью хоронить, и с оркестром... великорусским, благо при школе есть. Эх, люди! Сыграют там «Разлуку» или «Умер, бедняга». А тут еще неприятная история вышла... Ох, какая... ох, тошно мое лихо! Не буду я, Ив<ан> Ал<ександрович>, оставлять поля. Все равно ничего не пишете. Я такая злая, такая злая и такая несчастная теперь. Ох... что подумает Ф<еодосий> Т<итович>. Какая я дура....

30 марта...

Какие чудные звезды... Когда я гляжу на них, я точно не живу. Они такие чудные, такие дивные, что я не нахожу слов для их описания... Какой ужасно-ничтожной чувствуешь себя со всеми своими помыслами перед ночным небом: Земля — только комочек грязи, а люди — пылинки... И ведь у них есть мысли, думы, тревоги; за чем-то убивают друг друга, эксплуатируют... Я благоговею, трепещу перед небом... Иногда как огненной стрелой пронзит мысль: ведь все это вертится, кружится, летит куда-то, все стремится... Тогда я вся замираю, становится страшно. Как мало знают люди!

Ведь где-то там, во тьме, рождаются и умирают звезды, создаются новые миры и рушатся старые... Все вертится, кружится, летит... Ух!!!!

¹ Запись сделана в другой тетради (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 313).

31 <марта>.

Гнуснейшее настроение...

31 марта¹.

Власова — как леший или цепная собака, злится, воображает, а еще комсомолка.

Вечер. Была в союзной школе. Т<оварищ> Осипов похвалил меня, вообще выделил перед всеми. В школе выбрали предом Лермонтовского кружка. Стараюсь нести это ярко безропотно. Скоро запишусь в комсомол — я так рада. Завтра поеду в «Резец», что-то будет: хочу успеха. Дома тяжело... Нужда. Ох, нехорошо, пыльно у нас дома... Все-таки я несу борьбу с ним... Кажется, чуть-чуть влюблена в С<ергея> Г<ригорьева>. Или нет? Нет, конечно, просто он мне очень нравится, и я ему, кажется. А. Р. — противный; «Христос» — рвотный порошок. Он здорово привязывается ко мне, старается помириться; шалишь, брат. Ну, что-то завтра будет.

5-го <апреля>.

Что я становлюсь все нервнее — это факт. Сейчас кока сказал: «Ох, детушки, скоро умру я», и меня стало колотить почти так же, как тогда, когда маме было худо. У меня много накопилось чего, но Авдотья сейчас орет, лягу спать, потом как-нибудь. Тяжело, страшно. Ох, как мне тяжело...

10-IV.

Я влюблена в С<ергея> Г<ригорьева>. Это факт.

13 апреля.

Иван Александрович!!! Сказать вам или нет?.. Нет... Скажу... [<2-я строчка нрзб>]²

Напишите здесь. Хорошо? [Нет, не]

Иван Александрович! А когда вы были в моем классе, вы влюблялись?? Я думаю, что да. Ну, конечно, да. Когда я была на «Баг-

¹ Запись выполнена в другой тетради (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 314).

² Запись сделана простым карандашом, строчка стерта ластиком.

дадском Воре» и читала Куприна — «Суламифь», — мне было как-то... странно. Куприна читаю с увлечением. Лучше всего — «Молох», «Яма», «Поединок» и т. д. Ну, ладно же.

Иван Александрович! В следующий раз вы удивитесь моему дневнику.

В следующий раз дайте изложение, рассказ без лиризма или рассуждения. 21-IV-25¹.

15-го — IV.

Мой милый Сережа! Как я люблю его! Как люблю... Я хочу узнать, любит ли он меня? Что я ему нравлюсь, я это знаю, но я хочу большего. Я посвятила ему 2 стиха. «Песня о фиалках» и «Гадание». Оба милые, нежные, душистые. Я сама это чувствую. В<аря> Н<екрасова> показала ему — «песню». Я сначала не хотела этого, но теперь рада. Я боюсь, что он станет смеяться. Меня злит, что ему нравится В<аля?> Б<ычкова?>. Она — противная, хоть я ей все говорю... О, Сережа, мой милый, хороший...

И<ван> Аф<анасьевич> стал хорошо ко мне относиться. Все педагоги — милые. С П<олей> В<ласовой> поспорила насчет одной заметки — про педагогов. У меня настроение — адское. Так ноет душа, места себе не нахожу. Хожу, как «чумовая», как В<аря> Н<екрасова> говорит. Сережа, милый...

«Отгадай мне, ромашка, он любит или нет?»

16-го <апреля>.

Я люблю, люблю, люблю Сережу! П<оля> В<ласова> говорит, что он никогда не заинтересуется мной, не полюбит. О, как я его ревную к В<але?> Б<ычковой?>! Она говорит, что он любит таких, как В<аля?> Б<ычкова?>... О, господи... Какой дивный сон я видела про него сегодня... Как я хочу, чтобы он превратился в действительность... Какая я дура. Ну, конечно, этого не будет никогда, никогда... О-о-о!!!... Я так мучаюсь, ужасно, все делаю через силу. Поеду сегодня в «Юный пролетарий». Что будет, не знаю. Меня сейчас ничто не интересует, кроме С<ергея> Г<ригорьева>.

¹ Запись сделана в нижнем правом углу, предположительно, учителем Иваном Александровичем.

17-ого <апреля>.

Ездила туда, рассказ взяли, в пятницу дадут ответ. Говорят, что там платят 75 коп<еек> за строчку. Не верю, хоть по гривеннику, и то было бы хорошо. Шла по городу, было очень приятно. Каблуки так и стучали, и все время мечтала о Сергее. Ах, как я мечтаю о том сладком, хорошем мгновении, когда он скажет, что он тоже любит меня.. Но это только мечты! Неужели же этого никогда не будет?? Была с Л. А. в храме Воскресенья. Как там хорошо, и поют прекрасно. Потом зашла в «Резец» — Лаврухина там не было. Как хорошо там, в «Красной газете», — прелесть. (1789). Когда вырасту, обязательно буду сотрудником или редактором. Ох, если поместят, вот-то будет счастье. Как я хочу иметь заработок, хоть маленький. Мне надо денег Мне надо: хорошенькие фиалки, сарафан, надо сняться; надо бы сандалии. Ох, Сережа, Сережа, неужели же ты уж «гуляешь», неужели интересуешься толстой В<алей> Б<ычковой>? Да, надо семян для цветов купить. Настроение очень грустное.

<Рис.: голова клоуна в колпаке, голова клоуна в парике.>

21 <апреля>.

В 1-ый день Пасхи была у П<оли> В<ласовой>?. У них был скандал, и с П<олей>? была истерика. Я одна была с ней, почти сумасшедшей, 3 часа. Что я испытала, ух. Потом пришла К. А., а Муську я послала за В. В. Б. Он пришел, стал что-то делать с ней, тут за нами прибежала В<аля> Б<ычков>а, и мы пошли домой. Дома на меня напустились, я всем грубила, потом ревела; и со мной чуть не было худо. Сейчас пишу на уроке истории. Чорт возьми, я распускаюсь, и этому надо положить конец. Выгучу к пятнице «назубок» всю историю, приведу в порядок бухгалтерию, и все будет в порядке. Значит, так: в четверг — доклад — Обломов. К пятнице — историю и поеду в «Смену», к субботе — бухгалтерию. Сережу люблю по-прежнему.

22-ого апреля.

Вчера в союзной Г<ригорьев> не сел со мною, как всегда, рядом, а сел взад. Меня точно кипятком обварили. Ясно, он меня намеренно избегает. Почему? Неприятна ли я ему или он меня презирает?? Вернее всего последнее; и, вдобавок, он помирился с В<алей> Б<ычковой>, прово-

жал ее, говорил о христосовании... о... о! Это уж ужас... Я бешено ревную С<ергея> к В<але> Б<ычковой>. Я уж ни на что не надеюсь.. Ясно, он презирает, пренебрегает мною. Ну.. и я поведу другую тактику! Буду веселой, развязной, простой в его присутствии, остроумной; блесну своей оригинальностью, яркостью, только вы<й>дет ли что у меня?? Сей-час декламировала сама себе все стихи, посвященные «ему», и, дура, снова окрылилась надеждой. Глупой надеждой. Вот, думаю, это все он делает с расчетом, чтобы выпытать, узнать навверное. А потом скажет: «Ляля, милая, как я тебя измучил; но верь, я любил тебя, всегда». И как я буду счастлива. Это верно, надо поменьше обращать внимания, чтоб он поскорее забыл «Фиалки», ну чтоб заинтересовался мной... Но ведь это мечта, химера. Этого не будет никогда. Это сказка, чудная звездная сказка, юная, смелая, гордая наивная сказка...

<В нижнем правом углу наклейка с надписью:> ГРИГОРЬЕВ
СЕРГЕЙ.

А что, если она превратится в жизнь?.. Вот его автограф, его я стащила... О, милый, милый, как я люблю его. Что, если когда-нибудь на страницах моего дневника появится: Сказка превратилась в жизнь... Сердце замирает от радостного страха. Ну, чего хорошего нашел мой хороший Сережа в В<але> Б<ычковой>? Ведь она не очень умная, подлиза, лицемерная, пустая девчонка. У нее интересное личико, она умеет кокетничать, но неужели же все в этом? Она не любит С<ергея> Г<ригорьева>, а он перед ней унижается. Почему он не любит меня; ведь я никого еще не любила, ни с кем из мальчишек не целовалась, ничего, ведь это моя первая наивная любовь. Милый Сережа, если бы ты все это знал, ты не глядел бы на меня так презрительно. Тяжело невероятно... А тут еще Блоха залезла ко мне в портфель и прочитала, кажется, записки. Фу, чорт... Нос красный, противный... Волосы потоншали — «С горести печали русые секутся»... Когда это произойдет (я надеюсь, как это ни смешно), я ему все покажу... Ах нет, этого не будет. О, проклятая харя свинья В<аля?> Б<ычкова?>... Как я ее **ненавижу!** Никакие мысли, кроме как о Сергее, не лезут в мою противную башку; а надо учить историю...

24 <апреля>.

Была в «Смене» и в «Ленинских искрах». Приняли материал, велют писать, буду ездить в кружок поэтов. В «Резце» ни чорта не вы-

шло. А какие милые товарищи в «Смене»! На «ты» говорят, такие славные. Миляги!! И так, я буду печататься; а будут ли мне платить? Но я все отдала бы за Сережину любовь... Милый мой, хороший... Дома кошмар, ад. Мама нервная, бледная, больная. Папа пьет, не приносит денег. Дед осунулся, у него все болит живот... Авдотья — противной жабой. «Кока скоро умрет», — думала я; а как же без коки? И как-то так ясно представилось, что как пусто и темно будет без коки, что мурашки забегали по спине... Умрет кока. Его не будет, никогда, никогда. Ни-ког-да! Его я уж не буду видеть. Как страшно... Да как же это так??..

Работаю в школе, активно, но через силу. Ох, если бы мне зарабатывать...

27 <апреля>.

Нет, я не только влюблена в Сергея, я люблю его. Да, да, да... Ходила или, вернее, ездила в кружок поэтов, в Севпечать. Там почти все молодежь, есть умные и хорошие, но мой Сережа лучше, или нет, не лучше, но я его люблю лучше.

Мой Сережа... Мой милый Сережа...

28 апреля.

Кого-то нет, кого-то нет,
Кого-то жаль, кого-то жаль,
К кому-то сердце рвется жаль...
Я вам скажу один секрет,
Один секрет, один секрет,
Кого люблю, того здесь нет.

Люблю, люблю моего Сережу..

Сегодняшний день объяснит мне все. Сядет — значит, есть надежда, не сядет — нет. Ну...

Я дура, и он дурак.

<Между 28 апреля и 29 июня>¹.

<...> Это было что-то ужасное. Я боялась плакать, а то бы со мной стала истерика. Авдотья уличала маму в воровстве... Ох, как мне тяжело было, какая была гнусная, мещанская ссора!! Но это драма... У меня как клубок накатил на грудь. И перед глазами встала непроницаемая завеса...

Вечер.

Опять свалилась в реку и вымокла вдрызг.. Так и надо, не картинничай, не садись на сухие гнилые ветки, над рекой. Ха-ха-ха. Миша Г<олинский?> — пионер. Молодец. Ура. Сегодня были 2 девочки из деревни, я их пропагандировала. Ничего, успешно. В деревне обязательно надо привить «Ленинские искры». Они необходимы. А то в школе у них нет ни книг, ни фига, а шефов тоже нет. Учительницы настроены консервативно. Нет не только пионер-ядра, но ребята не знают даже, что такое пионеры (!!!)

Изба-читальня закрыта на 1½ м<есяца>. Избач уехал на курсы. Экая досада! Ну, а в деревне еще царствуют и взятки, и произвол, и эксплуатация в совхозе. Я об этом обязательно скажу Бергману, в Совхозе вместо денег выдают: сметками (!), сахаром и пр. ерундой. Крестьяне выбрали в ВИК или Сельс<овет> Голинского (б<ывшего> помещика), а из ВИК взяли и назначили другого. Ну, пусть, помещик и все там такое, но почему произвол? Зачем нарушают власть крестьян? Да, Ленин был прав, говоря, это правит<ельственный> аппарат у нас дореформ<енный>.

29 июня.

Тфу, пропасть! Пропал мячик, и нигде нет. Я готова реветь от злости! Неужели же не найду!

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.> Враки!

Как бы сделать так, чтоб мама не видала мой дневник? А то она делает разные намеки!! Смешно. Буду искать мячик.

¹ Из тетради вырваны листы; часть текста утрачена.

30 июня. 1925 год.

Мячик принесла Нюшка, дочь фельдшера. Господи! Да что ж это? Маме теперь сводит ноги... Ох, я измучилась... Нет, надо разделить-ся осенью! Проклятье Авдотье! Сейчас идем в лавку и к Голинским. Приду — напишу, как мы вчера тушили пожар. Ну, тушили клизмой.

2 июля! Уже июль.

Ой, голова болит что-то: зацепила веткой, и очень больно. Ну, пройдет.

Бабушка за меня заступается и нападает на Муську, когда мама бранит меня. Из-за этого мама меня обижает, волнуется, и все такое, а мне обидно, противно, досадно на всех: на маму, на бабушку, на себя. Надо бы написать письмо Вале Бычковой. Покамест в деревне скучно, ягод и грибов нет. Делать нечего. Зря не взяла с собой французского учебника. Прыщики на носу продолжают появляться; веснушек — очень много. Господи, как я хочу к осени похорошеть — ужасно! Надо, чтоб препали все веснушки, прыщики, хорошо, если б появилось «то», тогда бы кровь очистилась и лицо тоже. Я буду делать гимнастику, хочу, чтоб к концу лета развилась грудь, стала красивой и пышной; ужасно некрасиво быть безгрудой, как, например, мои тетки. Брр... Хочу обязательно стать хорошенькой. И буду! Буду, буду. <Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Не может быть!

А как здесь красиво! Как я люблю быть одна, наслаждаться красотой природы, леса, впивать эту красоту, отыскивать ее, упиваться ею! Хочу написать в «Н<овый> Робинзон» заметку о лесе. Только хорошую, чтоб ее поместили. Пока же ничего в голову не лезет, никаких стихов. Видела во сне два раза Сережу. Но не таким, как обыкновенно видела всегда — милым, нежным, а какой он на самом деле: холодный,... противный (!). Он, в самом деле, был со мной наигранно холоден... Верно, из-за фиалок. А то из-за того, что я — противная, неинтересная. А вот осенью. Мы вам покажем, Сергей Александрович!

3 июля.

По-моему, я должна написать об этом. И напишу, и ничего не скажу маме. Да. А то как прошлый год — узда... В каком году мы живем?

Конечно, в 1925 году, и у нас не дореволюционная Россия, а СССР и власть Советов. Но этого, кажется, не хочет признавать господин завхоз совхоза «Матвейково» (ст<анция> Торбино), коммунист (такой-то). Он обращается с крестьянами, как с подневольными; за свою работу в совхозе они не получают денег. Предприимчивый завхоз часть (только часть) платы выплачивает крестьянам... снетками (!), сахаром и другими ненужными вещами, когда в деревне нужнее всего — деньги. Так поступать с крестьянским пролетариатом нельзя, господин «коммунист»! А то еще: забрал у горшечника, обремененного большой семьей, товару на 20 рублей, причем при покупке был крайне любезен, а денег теперь не отдает. Горшечник напрасно ходил 6 верст туда и обратно несколько раз — любезный завхоз отвечал сурово: «Нет денег». Такую же штуку он проделал с селькооперативом, только здесь сумма была покрупнее — 200 рублей. А из-за этого описали имущество членов правления кооператива, при ревизии. Вот какие штучки выкидывает завхоз. Неудивительно, что такие господа сеют среди крестьян недоверие к коммунистам. Но где же Рабкрин? Почему его око не заглянет сюда? Пора приструнить или сменить зарвавшегося завхоза. Он должен помнить, что крестьяне теперь не те, что были 8 лет тому назад, что теперь у нас — Рабоче-крестьянская власть. Я хочу послать заметку в подобном духе в одну из газет, которую получает Заручевская изба-читальня. О другом — после, пока пойду помогать полоть Люсе. Мама и бабушка ворчат, Муся кукуется! Тфу!

4 июля.

Люблю я вечера! Красота как будто затаилась, но выступает ярче. Какой-то невыразимой грустью пронизан вечер, как дорогая ткань нитками. С одной стороны, где закатилось солнце, — розово, с другой — голубо. Там, где голубо, трепыхают зарницы. Какой милый, красивый вечер июля. И самой хочется быть такой же стройной, красивой и гулять с ним и смотреть на зарницу.

Красавица — зарница,
Чуть-чуть подняв ресницы,
Явилась,
Мигнула,

Улыбнулась
И скрылась...
Огнекрылые птицы ночи.
Улыбки далекой грозы...
Трепетные... Взгляды.

6 июля.

Проснулась в 6 часов, не спалось. Пошла на Мищуковские <?> сопки; наелась земляники. Так хорошо было, небо было безоблачное, синее, и вверху заливались невидимые жаворонки. Тфу! Мне надоело, что бабушка ворчит все время, как... тфу! Нападает на Муську, мама раздражается ежесекундно... Что за адская мука. О-о! Как я несчастна.

7 июля.

Про коммуниста в «Матвейкове» наврали. Правда, есть недочеты, но не в такой мере. А не поймешь крестьян: одни так говорят, другие эдак. Но темнота... темнота!... Ух. Завтра обязательно напишу в газету «Ленинские искры». В «Смену» надо бы, но я, к сожалению, имею связь здесь с ребятами, а не с молодежью. Ребят много, слушают с удовольствием. Крестьяне запуганы. Вера в Бога непоколебимая. Завтра же напишу про все: про то, что закрывается в «Зорьке» школа, и про все.

9 июля.

«Где нужен свет “Ленин<ских> иск<р>”»

Деревня Заручевье затонула среди лесов — 16 верст от станции. Когда я приехала, ребята не знали, что такое пионеры! Ни пионерядра, ни ячейки Р.Л.К.С.М. нет, [было] единственный культурный центр — изба-читальня. [Я пробовала беседовать с ни.] А между тем [деревенскими] деревенские [девочками] ребята интересуются книгами — каждый раз ходят в избу-читальню, — «только книги там дают какие-то непонятные, [книги] ничего не понимаем мы...» Но и изба-читальня закрыта до 1 августа, п<о>т<ому> <что> избач уехал на курсы. Никаких детских газет и журналов нет; есть еще 4-хклассная школа, — «только худая: книг нет, карандашей, тетрадей, бумаги...

2 года по одной и той же учимся книге». О пионерах и комсомоле нам ничего не говорят в школе. В школе частые случаи мелких краж. «А што ешо за пионэра такая», — спросили они на мой вопрос, есть ли у них пионеры.

Все ребята верят в Бога — «эвон церква-то, покрасили ею ноича; кабы Бога не было, и церкви не было б». Но между тем, когда я читала им журнал «Пионер», рассказывала про пионеров, их жизнь и обычаи, они проявляли живой интерес и любознательность. Кругом [нет побл] тоже нет ни пионер-ядра, ни Р.Л.К.С.М. Таких уголков в России множество, и в каждом из них необходим свет «Ленинских искр».

А в [некоторых] многих деревнях нет даже школ и избы-читальни. О стенгазете не имеют понятия...

Трибады <?>

У нас, в Новгородской губернии, на Валдайских <Далее обрыв текста.>

10 июля.

Сейчас мы с Люсей ехали на «Сергее», хорошо было ехать по уснувшему лесу. Потом слезли и пошли домой. На ихнем клевере паслись чужие лошади. Люся поймала «Копчика», и мы поехали на ней. Не хорошо было ехать; лошадь потом не хотела поворачивать обратно, артачилась. Прочитала Вербицкой «Моему читателю». Понравилась. Стилль сладковатый. Но ничего. Написала заметку в «Л<енинские> ис<кры>». Завтра напишу красивую заметку в «Н<овый> Роб<инзон>». Да, завтра пол и голову мыть, а в воскресенье пойдём в Заполек <?>. Приходила милая Анюшка, тетя Катя, Саша. Не забыли, милые, милые. И не так мне дороги их масло, яички, черника, как то, что не забыли, ценят.

11 июля.

Я видела во сне Сережу. Милый! Хороший! Противный! У нас в саду розы — прелестные, нежные, розовые розы. Очень душистый, сладкий аромат. Я хочу один кустик увезти в Ленинград. Я буду работать с сеном и думаю, что И<ван> Я<ковлевич> позволит. Я посажу ее в саду у нас...

12 июля.

[В в Э.П.К...]

13 июля.

Вчера были в Запольи. Много купались, гуляли. Лазили на обрыв, туда, где гнездятся стрижи, и ласкали вытащенных из нор птенчиков. Я упивалась красотой холмов. Я любила всех. Мы собирали какие-то красивые цветы. Я теперь хорошо плаваю.

15 июля.

Отослала корреспонденцию в «Н<овый> Робинз<он>» и «Ленинские искры». Думаю, что пойдет. Теперь уже сенокос, я второй [го] день помогаю. Устаю немножко. Сейчас гребли сено около сопок. Небо серое, настоящее северное, березки, болото, холмы — навевают какое-то оцепенение. Стоять бы и остановившимися глазами смотреть на милый ржаной пейзаж. Желтеющая рожь... лес... такой милый, наивный, прелесть. Я стояла и, оцепенев, не мигая, смотрела. Вдруг оттуда, из-за леса, слышно шипение поезда и его свист. И мне стало так тоскливо, так захотелось в Ленинград! Вот, говорят, в Ленинграде что-то делается. Говорят о войне. О войне! Война! Ведь это ужас, если война. Только что встали на ноги... Вот, теперь к крестьянам.... .. Но, по-моему, как можно скорее надо встать к крестьянам лицом. Ясли! Школы! Богательни! Больницы.. Амбулатории. И все как можно скорее. Да, электричество, электрификация. Все слишком медленно, все слишком на словах. А то, война! Газы, это ужас. Я думаю: что если б мне велели убить изобретателя газов — о, я убила бы! Я убила бы его с наслаждением! Если бы все, вот так ясно, во всей его низости и пакости могли охватить — что за дикость, что за... глупость — война... А какая она будет ужасная. Я вчера в кровати охватила голову и хотела ныть и стонать от боли, от обиды за людей. Мама рассказывала, как она ездила разыскивать папу, и меня трясло мелкой дрожью. Жуть! А как они любили друг друга! А теперь... — «Облетели цветы, догорели огни, и в кадиле потух фимиам!» Нет, я всегда буду любить юной любовью. Свободной! Без брака... Сейчас люблю Сергея. Я немножко похорошела. Надо, чтоб не было веснушек, чтоб потемнели брови... и бюст... хороший бюст... Мечтаю о жизни в Ленинграде. Хочу быть интересной, умной, буду читать.

Уж скошены цветистые,
Веселые луга.
И на полях душистые
Поставлены стога.
Ромашки белострелые
Свалились полосой.
Рука их загорела
Снесла вчера косой...
Вчера зарницы прыгали,
(Зарницы в тучах прыгали)
Кромсая синеву.
И терно<?> косы жигали,
Впиваяся в траву.
Косою серебристою
Взмахну разок-другой,
Гей ты, трава росистая,
Простись-ка с сырой ты с землей...
Косой махаю вольно я,
Нечто меня согнешь?
Кругом поля раздольные,
Да лес... Да шепчет рожь...
У этого ж хозяина
Служил до Октября...
Как мучился, как маялся,
Знавала лишь зоря...
И руки уж не гнутся-то,
Устанешь так порой.
Хозяин был крутой...
А после Революции
Совсем другой *хозяин стал...* Другой...
Косу точку — разносится
Стальной далеко звон...
Хозяин не заносится.
Батрак теперь силен!..
Закат вдали алеется,
Позолотил луга.
Уньлыми темнеются
Старухами стога.

22 июля.

Все настроение отравляет мне эта проклятая воркотня. Вечно! Вечно! Мать никогда еще не была такая! Почти каждый пустяк вызывает ее раздражение, кучу упреков, воспоминаний, примеров («Милка, Лелька»... «Дон-Кихот»...) Нет, она никогда в жизни не сможет быть мне товарищем, никогда. Она достаточно мелочна. И не проста... А бабушка! О, ужас...

25 июля.

О, какой сон мне снился сегодня... Я никогда не просыпалась бы, если б то было можно... Я видала Сергея; и будто бы он и С. и Д<има?> Б. Мы где-то сидели, что-то слушали, и я страдала оттого, что С<ергей> не любит меня. Потом мы стали прощаться, и я крепко сжала руку Д<име?> Б. И вдруг он потянул меня к себе и, прижав, горячо целуя в висок, зашептал: «Ляля! Я люблю тебя... Люблю... Ты моя девочка,.. ты моя ласточка...» И это уж не Д<има?> Б., а С<ергей>. О, как жарко поцеловал он меня... Как горячо шептал... Как я была счастлива! А потом он увлек меня в другую комнату, мы сели на диван, и он сказал: «Ты знаешь? Ивану все известно!» — «А...» — замерла я...

О, зачем это был лишь сон. Только сон...

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Как я затосковала о Сергее... Милый мой. Дорогой, любимый Сережа! Ты и не знаешь, наверное, как я люблю тебя... Зачем ты не отзовешься!..

О, мне необходимо стать хорошенькой! Не-об-хо-димо! Ведь мы будем учиться вместе в партшколе... О, скорее бы в Ленинград... К Сергею. Мне надо: хороший цвет лица; темные ресницы и брови. Развитой бюст. Мне надо мысль в лице и нежность в глазах, нужно грацию и мягкость в манерах. Всего этого у меня нет. Но мне НАДО иметь это! И я буду добиваться...

Какая я была дура! 1926-III-13.

((((Заклинание))))

В синем небе одинокая звезда

И дрожит, как серебристая слеза.

В синем небе легких тучек борозда...

А вдали грохочет грозная гроза...
 У меня в мыслях палящий зной...
 Грозовые отблески в груди...
 Ненаглядный! Мой любимый... Милый мой...
 Заклинаю тебя звездами — приди...
 Заклинаю светом сказочной слезы;
 Тайной, что владеет эта высь...
 Полюби меня! Ответь на мой призыв,
 Отзовись.
 Отзовись!
 Отзовись!....

Я весь сегодняшний день полна воспоминаниями о Сереже. Милый... Союзная школа... Он смешит меня... Он говорит о своих глазах... О, гадость, гадость Валя Б<ычкова?>! Зачем ты такая хорошенькая...

А денег от отца все нет...

А Муська больная. Бабушка (вот хорошо) хочет уезжать!

А сирень? Я дура, дура, а С<ергей> не пришел. О, как он должен презирать меня. За фиалки... Я дура... «Ты моя девочка! Моя ласточка».

О-о-о-о-о-о-о!!!

Страшно скучаю о Верке, Клавде, Поле и о всех, о всех!.. Иду на сено...

А о В<але?> Б<ычковой?> — нет.

Да? 14 сентября 1925. В.Б.¹

27 июля.

Года два тому назад я озаглавила бы сегодняшний день — «на жатве» и начала бы писать длинным и красивым — «литературным» слогом, с удовольствием думая о том, как будут читать мой дневник Ф<еодосий> Т<итович> или Д<митрий> В<асильевич>. Но теперь не то. (Ах, какой круглый литературный слог!)

Да, сегодня я была на жатве и нажала 8 снопов, почти суслон. Жала с удовольствием, только еще худо жну да серп тупой; а потом, как приятно было <смотреть> на И<вана> Я<ковлевича> —

¹ Запись сделана, предположительно, Валентиной Бычковой.

люблю я его! Хороший человек. Было приятно от сознания, что моя работа продуктивна и я хоть немножко, но помогаю. Сегодня я нажала 8 снопов, но послезавтра нажну 2 суслона. Мечтаю о жатве овса — он низкий и прямой, а рожь густая и в ней комочки. Вечером, когда я жала, мама сидела и говорила, чтоб я заносила красивым жестом рожь над головой. Мне было неприятно почему-то... Ведь работа — не рисовка, а с другой стороны — так удобнее, как она говорит. В субботу, в деревне, как глоток живой воды выпила. С повесткой и<з> «Л<енинских> искр» получила №, стала около Шутова избы девочке читать, подошел рыжий крестьянин с ребенком на руках и стал жадно слушать.

— Что, новая газета?

— Да, — сказала я.

— Ой, дайте-ка, — и жадно взял и, махая ею, пошел к какой-то избе, крича: «Почитайте-ка газетенку новую»... И стоял у провары<?>, слушал, как тот бубнил под нос. Милый рыжий мужичок!.. Милый кусочек пробуждающейся деревни. А вот и второй кусочек: тот, кто читал, вынес мне ворох журналов «Прожектор» и (!!!) «Безбожник». Я взяла 6 № «Прожектора». И еще кусочек нового — кооператив и его приказчица.

Глоток живой воды — И<ван> Я<ковлевич>. Он любит астрономию, он признает, что Сов<етская> власть — хорошая власть, он верит в светлое будущее и не любит попов.

28 <июля>.

Вчера мама плакала, говорила, что я нетерпима, худо отношусь к ней. Я сама замечаю, что стала раздражительная, злая... Этому много содействует бабка... О, тетя Тася! Ты была права отчасти... Я с трудом перевариваю бабушку. Ее манеру есть, говорить, ворчать! Мамочка, милая. Ну а зачем ты становишься такой ворчливой!.. Ведь я люблю тебя... люблю! 11 р<ублей> 25 уже должны. Получила 2 повестки — деньги и посылку. Едем в Торбино. Уф, какое тяжелое состояние у меня теперь. «Как ево, это... в етим... настой» — брррр... ненавижу... О-о-о! Р-р-р. 22 р<убля>. 6 р<ублей>. Злюсь. Страдаю. Думаю о С<ергее>? .. Зачем у м. н. б.

Муся больна...

29 <июля>.

Мне кажется, что я не буду плакать, если умрет бабушка. Я ее ненавижу. Я прихожу в состояние самой отчаянной хандры. Мама опять начинает терзать меня Комсомолом и моим... «хамством». Но если она упряма, то я ее дочь, и ее упрямство во мне еще в большей мере. Скучаю без Поли. Не с кем поговорить.

30 июля.

Ездили третьего дня в Торбино и получили 28 р<ублей>. Папа советует моего «Батрака» послать в журнал. По дороге купались в озере — замечательно. Я хорошо плаваю на спине. А сколько там лилий! Что за роскошь лилии. Это белая сказка озера. Они маленькие, но такие бело-серебристые с ярко-золотой серединкой...

Мама вывалилась из телеги. Приехали поздно... Уже месяц блестел. Дома волновались, что поздно. Бабушка выстирала все мои грязные платья и белье. Но вместо благодарности я злилась: ведь она унизила меня!!! Я же не просила... Завтра пойду рано-рано за малиной. Надо пойти поглядеть на звезды. Люблю их; как серединки у лилий. Хочу быть любимой!...

31 <июля>.

<Запись на придуманном языке в виде знаков>

Или С<ергей?> Г<ригорьев?>... <3 сл. нрзб>

2 августа.

Ну... с чего начать? Я получила № «Л<енинских> искр», и там напечатана моя заметка. Приказчица (милая, она славная, люблю ее) читала ее крестьянам. Они соглашались, видимо, хотя молчали. И приказчица говорит: «Неужели же помощь будет?» — «Будет», — говорю и надеюсь. Послала стихотворение — «Урожай», думаю, что пойдет. Газету дала почитать деревенским, ну, теперь необходимо помочь. Приеду к Бергману и скажу ему: «Ждут помощи. Если хотите подписчиков — вот, помогайте». Познакомилась с Зоей Степановой, избач уехал, оставил Зое полномочия на избучитальню. Зоя мне очень понравилась. У нее ход мыслей такой же, как и у меня: любит Соввласть, боится за нее, стра-

дает за ее ошибки, восторгается и надеется на нее. Она мне очень понравилась. Славная активная девушка — делегатка в женотдел. Мы хотим сегодня убрать избу-читальню, устроить все там и кое-что сделать: напр<имер>, 31 августа — юбилей «Ленинских искр», 1–6–IX — междунар<одная> дет<ская> неделя. Сегодня поговорим с нею подробнее, обо всем. Снесу несколько книг из библиотечных, потом откуплю и №№ «Лен<инских> искр». Надо у Соколова №№ «Прожектора» отжилить для избы... Только бы мама не препятствовала! Да, и «Бегемот» снесу, есть неск<олько> №№ ... Получили письмо из Ленинграда — мои цветы цветут! Цветут, мои цветы. Значит, мое желание исполнится... У тети Вали нянька худая, вот бы к ней Анюту! И Анюте хорошо, и тете Вале... Напишу ей сегодня... И всем напишу письма... Мои цветы цветут. О, лишь бы похорошеть мне... Отдаю в избу-читальню:

Ленин как человек, Лилина — 5

О В<ладимире> И<льиче>, Крупской. 10

Карпинский. Прол<етарский> вождь кр<естьянства>. 5

1-ое Мая — мое + -

Наш учит<ель> Ленин. Лилина — 10/1030 к<опеек>.

Задача Союз<а> Мол<одежи> +

Программа + 10

5 №№ «Лен<инских> искр».

7 №№ «Бегемота».

Наука умеет много штук.

Я очень хочу, чтоб Анюта служила у т<ети> Вали; мы бы ее всюду сводили. Я буду хлопотать. Сейчас пойду в избу. Надо сейчас идти в избу. Надо написать: тетям, И<вану> А<фанасьевичу>, В. Б<алдиной> и К<лавдии> Б<алдиной>...

4 <августа>, что ли...

Ну и ночь! Луница огромная превращает траву в бриллианты! А тучи, точно бугры или валы, по краям освещены луной, темные, — зловещие, обложили синее небо... Звезды мерцают редко... Деревья черные, шумят. Выбежала на дорогу — страшно, и почувствовала себя маленькой, как букашка... Приветливо мерцают окошечки нашего хуторка. Я хотела бы быть такой, как эта открытка. «Весна». Туман. Я хотела послать ее С<ергею>... Только бы одеваться получше, а то опять замарашкой, ведь в IV классе...

6 августа.

Тфу! Принималась за то и за другое — все ничего не идет. Поссорилась с мамой — плакали. Из-за пустяка. Мама расстраивается уже заранее из-за квартиры в Ленинграде! Ох, предчувствую, что будет катавасия... Тфу, мама хочет читать мое письмо. Это меня оскорбляет и корбит, это гадко с ее стороны — контролировать меня. Она разорвала его! О!

7 августа.

Нет, я — ленинка, и у меня есть сила воли! Я переделаюсь к лучшему. Вчера маме было худо из-за истории с письмом. Она не совсем права, но она ведь нервная... Она долго говорила со мной, о родных, о всем, и у меня душа становилась чистой, как вода очищалась от мути... Да, надо построить красивую жизнь — новый быт... Лишь бы уладить с Авдотьей... Да... А наши тетки лучше, чем Степановы. Это правда, они разлюбят нас, если мы не изменимся. И я изменюсь. Я Ленинка, а ведь Ленин ненавидел мещанство и грязь... Вчера много думала о всех учителях, жила воспоминаньями. Хочу возобновить школьный дневник и, когда буду уходить из школы, подарю И<вану> А<фана-насьевичу> или Ф<еодосию> Т<итовичу>.

Значит, надо написать о:

2. выставке «Русская [песня] сказка»

1. {Как ездили к солдатам с постановкой «Русская сказка».

Наш кружок работает.}

3. Обманул И<ван?> А<фанастьяевич?>.

4. Концерт «Рус<ская> ск<азка>».

5. Смерть Э<дмунда> А<дамовича>

6. Ш<кольный> У<ченый> С<овет>

7. Газета, ее возникновение и история.

8. Перевыборы в кружок «Л<итературно->Х<удожественный>».

9. Марксистский кружок «Ленинс<кие> дни».

10. Оркестр.

11. Работа кружка.

12. О пугачевщине.

13. Живая газета и 25 окт<ября>.

14. Русская песня и работа по ней.

15. Дух нашей школы. Смычка. Мопр.

16. Газета.
17. Уклон.
18. 18 марта.
19. 1-ое мая (хот. IV кл. вечеринку).
20. Катавасия в IV кл<ассе>.
21. Фото. Нов<ый> през<идент> кружка. Распад.
22. [Педагоги]. День просвещения.
23. Выставка и провал «Песни».

Кое-что хочу написать здесь, а потом переписать в Ле<нин>граде. Зря не взяла его с собою! Здесь есть книга — «Семейные вечера», там разные игры и фокусы, буду переписывать... Надо денег: на чашку Мусе, хочу подарить, потом посылку и в избу-читальню надо. Маме книгу. Хочу на свои книги ко дню рождения купить. Хочу писать и буду.

[9] 8 августа. Самое страшное.

Вечер. Лампа горит, печка топится. А что вчера вечером было! Вот, сидим мы, Гансидты спать ложатся, И<вана> Я<ковлевича> нет, в Бородине. Вдруг собаки залаяли, нам показалось, что кто-то ходит. Потом затихли и стали с чем-то возиться, точно кость грызут. — «Дал кто-нибудь». Мы насторожились. У Муськи глаза — круглыми плоскими. И вдруг слышим... — дергают дверь,... раз... два... Муська — в комнату И<ды> И<вановны> и замирающим голосом: «И<да> И<вановна>! К нам кто-то крадется!..» И<да> И<вановна> юбку накинула и пришла... Стоит на пороге прихожей, расширила свои чудные голубые глаза. Прислушиваемся... Глухая возня за дверью... «Ну, что, если воры, — говорит мама, — скажем, возьмите все, оставьте только жизни...» «Да нас-то что, они за баранами во двор пойдут, мясо к празднику надо», — говорит Ида Ив<ановна>. Мне жутко, но я храбрюсь: «Воры придут, я на них из горшка поганого плесну...» А возня за дверью продолжается... Жуткая... Тайная!.. Окна черные... «Дверь-то у меня на ключ не заперта — замок сломался», — шепчет мама... «Загасите огонь», — ворчит бабушка, засыпая...

— А ружье И<вана> Я<ковлевича> заряжено?

— Заряжено, да никто стрелять не умеет.

Муська дрожит...

— А не расхрабриться ли нам, да не посмотреть, что «он» бросил собакам?

— Да, давайте...

Идем с лампой, как в поход... Страшно... Но вот дверь распахнута. И лампа освещает: Маркиз запутался в уде и старается освободиться от нее... Он при виде нас подымает голову, такую глупую, милую, в глазах его радость, он вьется, виляет хвостом и гремит удой... Вот и все страшное. Освобождает его от уды Муся, у которой глаза уже меньше плошек... Мы хохочем, как безумные.

— Несите ружье...

— Жизнь оставьте...

Маркизу выносят горбушку... Бабушка ворчит: «Ну что ржете?» А мы... хохочем, до коллик...

9 <августа>.

Сегодня водила лошадь в Веребье, за 3 версты. Верхом. Сначала поехали с Мусей, да свалились. Ну, а потом ехала тихо, пробовала рысью, да не идет — трясет. Видала у Г<ансмигтов> — портреты красавиц и мучительно завидовала... Поцеловалась с Зоей — милая Зоя...

А вот про это обязательно напишу в газету. В «Красную». И все хорошенько разузнаю и Зою попрошу.

* Изба строится новая, живут в одной кухне; сама старенькая, сморщенная;... «молодца»-сына. «сад. 2 коровы и лошади».

— Ну, как живете?...

— Да ничего, вот Советская Власть обижает...

— Советская Власть?..

— Да... Вот, этот год 82 рубля заплатили, — 40 за ссуду да 42 налогу. Весь заплатили. Денег вот нет, вчера за 5 копеек все село объехала...

— А откуда деньги брали? Хлеб, молоко, что ли?

— И-и, милая, хлеба едва до весны хватило, — да вот молодцы дрова пилили, да ходить-то не в чем, так вот один застудился, слег. А самый старшой, — в Красной армии служить ушел, да вот 5 лет как ни слуху, ни духу... ?

— А где же больной?

— А вот он: в соломенной хижине лежит молодой, лет 20, на соломе...

- Что с тобой, голубчик? Что у тебя болит?
- Да все болит... И грудь, и спина, и ноги... По ногам пот, и лихорадит к [ночи] вечеру... Ослабел весь. Кашляю и мокрота с красным...
- А в больницу ездил?..
- Возили мы его; осматривал доктор. В Веребье возили...
- Ну и что ж он сказал?
- Да ничего не сказал. Ничего не сказал и не прописал ничего. Ну, мы его оставили в больнице, а доктор и не подошел, и ничего не сделал в 2 дня... Полежал он 2 дня да и уехал... Да и многие так там. Женщину с нарывом в горле, так к ней 3 дня не подходили...

*) Это все надо проверить.

«А у нас в Ленинграде, — проносится в голове, — такой рабочий с ревматизмом и началом чахотки был бы в лучших больницах, пользовался бы самым тщательным уходом или был бы в доме отдыха или санатории, а не на соломе... Впрочем, и крестьян отправляют на курорты,... да 10 мест на Новгородскую губернию... А вот в соседних деревнях еще 2 больных туберкулезом, я знаю, таких, которым лечение необходимо. А в Новгородской-то губернии — сотня деревень... Что же должны чувствовать эти больные, читая в газетах о великолепных рабочих больницах и дом<ах> отдыха, где рабочие нагуливают 15 фунтов. И что еще должны чувствовать они, читая, что на «починку ростральных колонн отпущено 40 000 рублей».

А что можно было бы сделать на эти 40 000 в деревне?...

Товарищи рабочие! Это не вымысел, а голая правда! Это одно из темных пятен на фоне просветлевающей деревни... Его надо смыть, но вы сами понимаете, что даже самым красноречивым потоком слов его не смоешь!...

Да, и это письмо я пошлю, только сначала все разузнаю и пошлю. Может, не так страшен чорт, как его намалевала... мама, хотя бы про завхоза взять. Хотя там, правда, очень задерживают плату... Да, пошлю, и с письмом к редактору... Ох, не скоро солнце встанет...

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Сколько звезд сегодня! Юпитер, как огромный ясный огонь. Все небо дрожит и переливается, как драгоценная бриллиантовая одежда...

Ночь открыла голубые очи,
 Ночь проснулась в трепете зарниц...
 И запутались звезды — слезы ночи
 В [нежном] нежном бархате задумчивых ресниц.
 Ночь стряхнуть их прочь с ресниц хотела...
 Звезды ясные испуганно
И испуганно мерцали и дрожали...
 А русалка из кустов смотрела,
 Как в воде со звоном исчезали...
 Разгадать она старалась, косы [тихо]
 Расплетая темные, густые, —
 — Эти звезды: ночи тихой слезы
 Или лилий серединки золотые...

Нет, не то! Глупое или почти глупое стихотворение... А я хочу сочинить [мою] звездам гимн, но такой... Звездный.

За окном — как будто кто-то стреляет.

<12 августа>.

Сегодня... 12-ое Августа. Среда... Мама уехала в половине 4-ого в Торбино. Уехала и говорит, что с каким-то худым предчувствием... Боится, чтоб чего-нибудь не случилось. И я боюсь за нее... Получили повестку на 20, кто-то прислал? Хорошо, если отец. А стих «Батрак» так и не послала, а сейчас, верно, уж поздно. Впрочем, пошлю... Да не примут — уверена... Надо идти на сено, а лень... Щемит сердце, и настроение скверное...

Бабушка ворчит и еще больше подмывает меня... Зачем я не поехала? Говорит, что я вся в батюшку, такая же беззаботная... Дура! Знала бы она, что со мной творится... Быть хочется... плакать... не быть...

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.> Ну, верно!

Ага!

<Рис.: мужской профиль.>

Тоскую о Сергее. Сережа... Милый Сережа... Хороший... Мой дорогой Сережа! Жаль, нет карт, я разложила бы пасьянс, научилась...

Мамы еще нет... А уж темно! Ох... Муська захворала. Слабенькая она у нас. Вдруг 17–16 лет умрет? А как же я. Нет, страшно... Не буду думать... Они будут жить, и мама, и Муся...

Хорошо на свете жить
 Девушке здоровой...
 Комсомолка я лесная,
 Комсомольская весна я...

17-го августа.

Бабушка уехала в субботу. Слава богу! Мама и Люся поехали ее провожать и встречать тетю Варю с Люсенькой... Да вот, что-то все нет... 2 ночи уж без мамочки... Страшно, и за нее боюсь. Сердце слабое у нее. Была больна вчера и в пятницу, жар был 39... Теперь ничего... Думаю о Сереже... Милый мой... Я гадаю, и выходит: свиданья ждет. Сегодня жала — 5 бабок... Сегодня я не хорошенькая, на носу прыщики... Я ведь в гаданье не верю — но утопающий и за соломинку хватается...

17/X/1925. Дура 1926–13–3. Ужасная.

И эту ночь нет мамы! 3-тью ночь!! Ну, те 2 ночи они говорили, что проведут на станции, а эту почему? Может быть, [мама] т<етя> Варя приедет завтра... О, как я волнуюсь... Если завтра, часам к 5 — мамы не будет, я пойду хоть до Торбина... Да и лошадь надо... Господи, как я боюсь за маму... Как я мучительно тоскую без нее... Милая... Светлая! Родная мамочка!!!

19-го августа.

Приехала тетя Варя и привезла с собою частичку мути и грязи, которая кипит у нас в Ленинграде... Говорила о нахальной Рыбкиной и о нашей семейной жизни. Дед ослаб, похудел, видимо, опустился... М<ария> Н<иколаевна> — наша тетя Маня орудует вовсю, — окручивает деда, как дурака. При ее посредстве дед продал Л. У. макинтош за 8 рубл<ей>, из которого отец хотел шить пальто. Отец был очень расстроен (Авдотья за валерианкой вниз ходила!), с дедом поругался... Потом макинтош взяли обратно... М<ария> Н<иколаевна> с [дя] Г<ригорием> Г<ригорьевичем> катались 2 недели на парохо-

де по Волге, Павел путешествует, приоделся... А денег деду не могут дать... Открыли сундук, хотели продать бабкины полотна (которые она нам «на приданое» оставила), а там нет ничего... Часы отцовы золотые не отдают... Гады... Гниды эти Степановы... Вот, это все так, как ступишь по илистому дну речки ногой, и поползет безобразная, серая муть... Муть! О, какая муть! Душно! Она давит, эта муть... Она засасывает... Мне так представляется эта муть — обывательская, серая муть. [Она] тащит отца, эта тина... Он чувствует себя плохо в мути, она давит его... О, как мало цветов, как мало прозрачной воды в этом мутном, грязном болоте... Деда тоже засасывает муть... Они борются, захлебываются, им лезет в уши, в рот, в глаза эта мутная, вонючая жижа... Карабкаются, тяжело дышат, а кругом муть... И мать тоже. Но Авдотья, М<ария> Н<иколаевна> — вот им и Г<ригорию> Г<ригорьевичу> — им хорошо в грязи... Они и муть... Они плещутся в ней, как утки... Они — муть... Они давно захлебнулись в ней и живут мутью, тиной... И мама из последних сил выбивается из мути... О, эта проклятая муть... Надо бороться. Надо взойти на кочку и другим подать руку... Нужно дойти до чистой воды и вымыться в ней от приставшей грязи... С одной стороны муть, а с другой — мечты и идеальные стремления... А муть захлестывает. О звезды, о чистые дети неба, вы слышите мою мольбу... О, звезды, приласкайте меня... Пишу и хочу рыдать... Пишу и захлебываюсь мукой... Жаль деда, отца, маму... себя... Ведь они умрут, умрут... Но и звезды же умирают... Ничто в мире не пропадает, но и не появляется вновь... Мутно... А мама скрипит «ложись спать»... Знала бы она... Милая моя мама... Ведь ты умрешь... А я нет... И я умру? Странно, странно... А-а, если бы можно было кричать на бумаге... Холоден и немощ<ен> бледный наш язык... Если б можно было бы записывать мысли! Нет, я не талантлива, а то бы я сумела вылить это в стихах... лягу спать... Мутно... Сережа, милый, ах, гадкий, ты не знаешь, ты не сочувствуешь мне, а я люблю тебя, нет, ненавижу. О, если б можно закричать... А мама ведь ничего не знает...

20 <августа>, что ли.

Ну и распроклятый чорт К. В.! Ведь из-за него я весь август не буду получать газет! Зараза... Надо бы стихи в «<Ленинские> искры» послать, — не выходят... О, чорт..

23 августа.

Через воскресенье поедem в Ленин<град>. Через 2 недели! Как скоро... В пятницу приедет дядя Шура... О, через воскресенье.

Напишу сейчас письмо И<вану> А<фанасьевичу>. Обещала, а не написала. И в «Смену», и в «Ленинские искры»... Скоро в Ленинград... Увижу Сережу. Каково-то будет наше свиданье... Соскучилась по нем. Милый, мой любимый! Мой дорогой Сергей!.. Люблю тебя! Соскучилась по школе, по преподавателям...

27 августа и 28 августа.

Приехал дядя Шура... Вчера прочитала первую книгу «Ключи счастья» Вербицкой. Она затронула чувства, которые я долго не хотела написать. И я [написала] напишу сейчас. Я хочу быть любимой... Да! Хочу быть нежно и верно, страстно любимой. Иногда мне хочется прижаться, целовать кого-нибудь с закрытыми глазами. Я хочу быть любимой и любить сама... Я не знаю, люблю ли я Сережку? Я хочу быть любимой моей мечтой — Аркадием... Я хочу гулять с ним, когда звездные ночи, и прижаться, дрожать от счастья и холода. Не говорить, а чувствовать... Хочу проснуться днем на сеновале, розовой и свежей, потянуться и увидеть над собою милое лицо... Обнять, — «милый!» Говорить о книгах, о жизни, о всем — в клубе, в музеях... Любить и быть любимой... Да, вечной любви нет, — можно искренно любить много раз... «Цельные натуры» не «разбрасываются». А что такое «цельная натура»? Разве не всякая натура цельная, по-своему? Дико!!

Любовь — половое чувство. Нет! В любви есть доля мистицизма, сантиментов, нежности... Нет, любовь не только «это»... Я не могу и не хочу этому верить! Я хочу быть красивой, ну хоть интересной. Но мне, в конце концов, самой это надоело. Я как идиотка. Ведь ничто не изменит меня, и формы лица останутся все те же. Мне только надо хороший цвет лица. Ну,

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.> Мне надо, чтоб глаза и лицо мое были выразительны. А этого можно достичь, если перестать думать о своей «красоте». Надо быть личностью, яркой и красивой... Я не хочу быть будничной. Да, надо жить красиво и красиво умереть. И жить для своих страстей. Только я не согласна, что для себя надо жертвовать всем, — нет... О, жизнь это великое счастье. Надо жить и наслаждаться каждой минутой мо-

лодости, счастьем, солнцем... О, какое счастье, что я молодая! А ведь через 10 лет мне будет 25 лет! Ну, еще через де-ся-ть! Ух, как интересно жить! Я буду жить! Учиться, читать! Наслаждаться красотой.. Я буду много и горячо работать, в Комсомоле, только плодотворно, чтоб видно было мою работу. Буду писать, путешествовать с мамой. Буду любить и буду любима!...

Дядя привез с собой запах... редакции «Ленинских искр»!! О, я по ним соскучилась. Послала в «Л<енинские> И<скры>» стих — неважный... Думаю, что поместят... И в «Нов<ый> Робинзон».

Сочинила несколько стихов — красивых и звучных, — конечно, обрабатывать надо, сама чувствую недостатки. Сами являлись слова, образы, рифмы, размеры. И было тепло и хорошо, и прыгало сердце...

1-е сентября.

Неужели же мне не удастся дочитать «Ключи счастья»! Нет, этого не должно быть, да, я хочу дочитать ее. Мама ко мне нехорошо относится последние дни. К Амподисту надо идти. Были в воскресенье в Норонове — очень хорошо было. О другом после, хочу спать...

[4]5-ого сентября.

Настроение такое поганое... Тфу!!.. «Ключи счастья» почти дочитала. Сейчас дочитала 5 книгу. Вся была под обаянием и как будто отгородилась от мира прозрачной стеной. В душе (души нет, я от обезьяны) еще звучали слова, образá... И хотелось целовать мамочку, такую милую и смешную в очках... И все настроение сбили. Пустяки ведь: мама дня 3 тому назад взяла у меня мой любимый чернильный карандаш, которым я здесь всегда пишу. Я отчетливо помню, как я мокрыми руками доставала ей его... А теперь она отрицает это... Я бешусь и злюсь... Да, это было вчера... или нет... Но карандаш мой у нее, или мне очень сильно изменяет память. Т<етя> Варя кричит фистулой, что мы ей не даем читать, что мы — «типичные истерички» и что ни в пионеры, ни в комсомол не примут... «В тебя пошли, если мы истерички» — жжет мне губы, как ядом, но я не скажу ей этого. Это грязь и мелочь, выше которой надо стоять. Однако, т<етя> Варя, говорящая о буржуазных привычках и коммунистических приемах, мне подчас смешна: «А чем отличается коммунизм

от социализма?» — хочется крикнуть мне, и я знаю, она не ответит... Я «люблю» ее, но сейчас — ненавижу... Истеричка! Истеричка! Мама за последние дни ко мне относится худо. А с тетей та же картина, что и с бабушкой. Кто ее просит защищать меня!? Да? Кто просит?! Ведь они, это говенные благодетели, делают мои отношения с матерью безобразными. Она думает, что я им жалуюсь, язвит: «бедная Ляля» и т. д. Она приводит меня в бешенство. Но что бесспорно — она относится к Мусе гораздо лучше меня. Больше внимания, заботы, покровительство, защита и т. д. и т. д... Пусть это оттого, что Муся больная, слабая, младшая, — но факт остается фактом... Люблю ли я Мусю... Я равнодушна сейчас... Она ведь очень хороша... Такие гордые красивые брови, огромные глаза и ресницы, — «как звезды»... большой рот, прямой упрямый нос, чудный цвет лица, хорошие волосы... Я люблю ее за красоту и как сестру. Но не уважаю как личность... Это тетя Т<ася> № 2. Хотя она еще ребенок. Но маму я люблю... Очень. Хотя она мне никогда не будет товарищем. Таким, чтоб с ним можно было спорить, говорить, ничего не боясь и не скрывая. Я не люблю говорить долго с мамой. Она как-то искажает смысл моих фраз и делает выводы, которые мне и во сне не снились. Переводит на личную почву; обижается, перебивает, а то выскажет и мне не даст говорить: «Я остаюсь при своем убеждении...» И всегда в конце споров обзовет меня дурой. Я себя веду не лучше, может быть... В середине мною овладевает гнусь. Я соглашаюсь, чтоб поскорей кончить. Нет, если б все, все говорить ей! — «Я влюблена в С<ергея>!» — «Я бучила за уроком, и меня чуть не выставили». «Мама, я никогда не выйду замуж, но буду любить и жить, как хочу...» — «Мама, ты глупо поступила...» Говорить бы все, все и не слышать в ответ... получасовых нотаций!... Да, как товарищу... И другу... О, будет ли она моим другом?.. Ведь она умрет, и я буду жалеть, буду вспоминать и упрекать себя за каждый миг горя, которого я ей дала, за каждый миг, проведенный не с ней... Нет, это будет! Я люблю ее, я покажу ей этот дневник... Пусть потом сердится.. О! А что я пишу о бабушке? Ведь это ее мать... Но я ничего не изменю... Пусть она видит меня такой, как я и есть... Папу я люблю, и мне больно за него: фат — жжет мне губы слово... «Бездушная кокётка в желтых баретках». Любит ли он нас? А старость подходит к нему. Ему 43 года и только через 7 лет будет 50. Уже 50!!! Через 7 лет мне будет 22 года... Только 22!! Как мало!? Как много! А ведь у нас скоро умрет дед... Да, скоро! А-а-а! Скоро!.. С отцом я никогда, верно,

не буду ни другом, ни товарищем. Мы — как чужие. У него свой мир, у меня свой, но я люблю, люблю его...

Мама видит во мне только дочь. Навряд ли более? Есть ли ей дело и считается ли она со мной как с личностью?.. А может, я ошибаюсь...

Да, «Ключи счастья» дали толчок. Я как будто выросла... Да, любовь должна быть светлой, радостной, как отдых, как наслаждение... И душу отдавать любви нельзя, иначе это рабство... Как? — не отдаваться любви? — я думаю, я полюблю, — я отдам все, и душу, и все мысли, и все... Это цепи, это рабство. «Женщины любят эти цепи»... Да. Любовь — одно, желание — другое... Не знаю... Одно — любить Мечту, любить не человека, а то, что я про него думаю. Так я любила Сергея. То, что он нем выдумала сама. Да полно, любила ли? Сходила с ума — помню, писала сентиментальные (нежные!) стихи, глупила... Мне смешно теперь. Часто со дна подымалось: «Ты влюблена в мечту», но я гнала прочь все от себя... Как все было глупо! Я злюсь иногда и готова по приезду разорвать всю эту ерунду... (а вдруг папа все прочел... брр...). Хотела написать — что не думаю о «первом свидании» — только это была бы ложь... Думаю, но не так, как раньше. Скоро в Ленинград — рада и не рада. Все время дождь. А иногда противна зелень — эти декоративные кусты. Но все это в скобках. Мне нравится Ян Штейнбах — очень. Не — Гаральд, Нелидов, Нильс. Нет, — Гаральд нравится. Нелидов — пошловат-туповат. Нильс — бессодержателен, — нет, но... не нравится. Маня — тип. Яркий, сильный. Она мне НЕ нравится. (Оставляю лист.)

Я устала, хочу спать, об ост<альном> после. На детнеделе ничего не устроили. Нет возможности. Пойду в воскресенье к Амподисту, В. П. Голинская обещала дать много песен, старинных и т. д. Они милые, и В. П. и Е. П. А Мишка — тфу, говенный пионер! Таких бы потрясти да на помойку снести. Сразу видно дворянчика... Пасквиль.

6 сент<ября>.

Дядя Шура уезжает, в среду, и мы поедем.

8 сент<ября>.

Последний аккорд. Посв<ящен> С<ергею> Г<ригорьеву>

Прошла, как звездный сон, любовь моя,
 Утратили цветы и блеск и красоту.
 Нет, не тебя!.. Нет, не тебя любила я,
 В тебе любила я свою Мечту.
 О нет, не ты, не бледный жалкий ты
 Мне волновал мечтою чудной кровью.
 В тебе любила я свои мечты,
 В тебе любила я свою любовь...
 Твое лицо закрыла темнота,
 И звезды лаской не заблещут вновь!
 Прости, моя прекрасная мечта!
 Прощай, моя весенняя любовь!...

Типичная ерунда 1926. III. 3

9-ое <сентября>, кажется...

Завтра едем. На 3-х подводах. «Ключи счастья» дочитаны... Как много нового внесла она в мою жизнь и понятия! Я с гордостью думаю, что у нас есть охрана материнства и младенчества. И много другого.

«Ключи счастья» — премерзкая слюнявая книга, сантиментальная и нежизненная. 1926—III—13.

12 сент<ября>.

Вот мы и в Л<енин>граде. Началось... Началась ненормальная, ужасная жизнь. Весь лоб у меня покрыт прыщиками — т<ебя> Варя говорит, что это нервное — немудрено!.. О, как больно разочароваться в деде. Он мечется, больной, но какой нечуткий, какой... И папа... Как он отупел, каким мохом поросла его грудь... Мне так жалко маму... Ну... Нет, я не буду писать, — все равно, я знаю все.

Ляля, смотри проще на жизнь, на окружающих тебя людей. Ведь люди — человеки имеют недостатки, но все же не требуй от них многого. Я знаю, как тяжело разочаровываться, но ты не отчаивайся. Вся эта драма, тяжелая жизненная драма, для тебя (и меня) хороший урок. В.В.¹

¹ Запись сделана, предположительно, Валентиной Балдиной.

Ляля! Надейся на лучшую жизнь! Я твердо верю, что при усилении можно многого добиться. А нам с тобой надо так много, так много. Я так же, как и ты, никогда не удовлетвовалась бы мелочной, бесцельной жизнью заурядной девушки. Я хочу большего, гораздо большего! Но что выйдет из моего желания — неизвестно. Я вполне понимаю твою муку — быть свидетельницей семейных сцен и т. д. Эта муть — ужасная гадкая муть. Она отравляет жизнь, но все же, по-моему, ты неправа по отношению к своей матери. Ляля, пойми, что ей тяжелее, чем тебе. Ей труднее жить! Ты должна жалеть ее! О, если бы у меня была мать!

Но у меня ее нет. Конечно, зато у меня есть бабушка! Она для меня сейчас ВСЕ. Ляля, ты должна относиться к матери лучше. Старайся меньше раздражаться и больше заботиться о ней. Главное — слушайся ее. Твоя мать — редкая женщина. В. Б.¹

16 сентября.

Я видела его. Сергея... Милый!.. Нет, я не люблю его... Гадость. Он влюблен в Валю Бычкову. Был Виктор, наш дальний родственник-коммунист. Как живой воды хлебнула... Он ред<актор> газеты «Полярная звезда». Он хороший.

Я любила тебя эти дни, Виктор, а ты и не знал... Я была хорошенькая... Но это в скобках. Он... ничего, интересный; идейный, активный. Любит музыку и понимает ее, как тонкий знаток, хорошо играет на балалайке. Он беспристрастен. Поэт, и его стихи звучны. Веселый, милый. Он будил во мне темные чувства. Мне хотелось... всего. Но я должна это сказать... А вчера:

Лесной р<айон>н Зубчанинов пер<еулок> дом № 22 кв. 3.

Я проводила друга...
В душе отголоски страдания...
Он живет за Полярным кругом,
Где живет Северное Сияние...

Сейчас он мне противен как мужчина. А вчера мне было скучно, когда он уехал... Я его уважаю. И люблю. Он хороший. Но не

¹ Запись сделана, предположительно, Валентиной Бычковой.

«сантима» и не «леденец», как говорит д<ядя> Шура. Увижу ли я его? Сергей подурнел, кажется... Дура я. Пора бросить всю эту дохлятину. Иногда у меня бывает... странное настроение.

А мама надеется, что ей закроют дверь... О, бедная, милая мамочка. Я утешаю ее, ободряю, а сама знаю все наперед... Ведь она — психически больна. Ясно. Это — психо. Живем, как на би-вуаке... Завтра в школу. Надо записаться в К.С.М. Хочу. Стремлюсь. Я записываюсь в завод им. Ленина (там — Сергей). Противнейший.

19 сентября.

Вот уж начались занятия. Сажу за столом, в препротивном классе. Хочу принести себе парту. Все девочки выглядят взрослыми, с прическами и в длинных платьях. Я — прежняя. Громадная жажда учиться... Страстно хочу работать. Уже обдумываю газету, статьи. Зарегистрировалась в партшколу. Будет ли ходить в нее С<ергей>... Обязательно хочу работать по ликбезу. И заработаю (мо<жет> быть?). И так хочу, — ведь я дам знания, поделюсь моим знанием с другими — исполню завет Ленина. Буду, буду, буду!..

Во вторник поеду в Севпечать узнать обо всем. Надежды мало... А дома?! Неужели же дед не согласится? Ненавижу Авдотью, бабушку, Никитичну...

Написала несколько стихов. Скучаю о Викторе.

Я не интересная. Да и наплевать. Для кого? С<ергея> нет... Цвет лица хороший, волосы вымыты. Но С<ергея> нет. С<ергея> нет.....

20 <сентября>.

Читала Писарева о Пушкине... Бедный, жалкий «маленький» Пушкин... Писарев прав, это факт. Сказать по правде, Пушкин мне мало нравился, а теперь почти совсем развенчан. Конечно, он дал сдвиг. Заслуги его... большие. Но... но Писарев прав. Вот, например, его стих: «Поэт на лире вдохновенной...» Красота. Да, при новом строе она должна сделаться общим достоянием, а не достоянием [общего] одного. Надо так, чтобы она пропитала все фибры пролетарской жизни, пролетарского быта... Чтоб все ее чувствовали, понимали. Чтоб она была во всем, везде... И я хочу быть проводником этой красоты... Хочу

дать ее людям, новую, чистую, но без примеси буржуазного духа... Пролетарскую... Хочу увековечить Ленина, Октябрь... Нет, я не рвусь к похвалам, рукоплесканиям... Я хочу это сделать ради людей... Конечно, хочется, чтоб угнетенные говорили: вот это наш друг.. Та, которая вела нас к освобождению, к красоте... Да, я умру... Но часть моего труда останется в коллективе, а высшее в мире — это коллектив. Я, когда вырасту большая, поеду на пропаганду в Индию... Это моя мечта...

1925-X-04. Но как это исполнить. Мне хорошо сейчас.

Саломея... Так страстно изогнута. Полное неги лицо, полное желанья и страсти тело... Нега. Восточная. О, что за прелесть статуэт-ка! Стоит, полуприслонившись к обломку колонны, изнемогая от желанья и неги... А ночью отдастся...

Гнусно, что где-то внизу — на дне души — самолюбование. «Вот какая я — ... глубокая!» Тфу, тфу, гадость, зачем это чувство...

Я вышла урод-уродом на фотографии. Неужели я такая... Брр... Свиньи глазки... (Но такие грустные — это правда.) Старообразное лицо... Нет, я не такая. У меня свежее личико (по вечерам нос — как зоря). Золотые шелковые волосá, после бани такие золотые... Глазки, глазки — маленькие!.. Ну, похудею — будут большие...

21 <сентября>.

Что за гадость бухгалтерия... Как я ее ненавижу!.. Всей душой. Никогда не буду бухгалтером. О<льга?> П. объясняет что-то про капитал... Слушаю напряженно и ни фига не понимаю... Деньги, капитал. При коммунизме их не будет. Актив, пассив — гнусная мерзость...

Мы живем, как в кошмаре... Дед слабнет, слабнет.. Верно, умрет скоро. Авдотья пристаёт с деньгами, и дед хочет дать ей вексель на папино имя. Ав<дотья> хочет все [объясн<ить>] описать. Если А<вдотья> опишет машинку, то у мамы пропадет последний заработок. Она ищет работы, но не находит. Она, как нервнoбольная, да она и есть нервнoбольная: все ее волнует, она расстраивается из-за всего, преувеличивает малейшие невзгоды, всего боится. Говорит: «Я боюсь, что что-нибудь выкину». Или: «Ничего не скажу, уйду от вас, буду жить, пока не успокоюсь». О, как я боюсь этого... Боюсь... вдруг убьет Авдотью, а потом сойдет с ума... (Мысль таилась где-то глубоко... как я ее высказала?.. Такую дикость.) А то уйдет, запьет... А то — разрыв сердца... Умрет мама. Мама! Слышите, я кричу! Проклятые буквы не умеют кричать...

Как мне хочется рано утром проснуться. Да. Таким розовым, свежим утром, росистым и солнечным... «Это был сон! — скажу я... — Утро! Милое... Какие гадкие сны я видела! Как тяжело мне было... Но это сон»... Нет, это не сон, хотя я часто думаю, что сплю. Зачем не сон? За что все это? Разве я чем-нибудь провинилась перед жизнью? Ведь я люблю ее! Ведь я рвусь к ней! Я хочу жить, а не живу — прозябаю. Хочу юности, а кто-то портит, ломает мне ее... Жизнь, зачем ты гримасничаешь? Ведь я люблю тебя! Дай мне юности, жизнь, дай мне радости... Я чувствую в себе так много сил для борьбы, для радости и любви и творчества. У меня столько сил, я чувствую... Я знаю, я полна огня... Для чего же я должна размениваться на эту мещанскую, дряблую драму? Никто... Ни И<ван> Аф<анасьевич>, ни подруги не знают, что перед ними жалкий человек, бедный, прибитый... Который хочет солнечных ласок и красоты... Который хочет плакать... Который хочет жить. Ведь молодость раз, один раз только... Боюсь за маму... А ведь как они любили друг друга... Я сильно кусала губы, а слезы сами капали, когда мама говорила о том, как они любили друг друга... Где эта любовь?.. Мне больно... мне стыдно...

<Рис.: профиль девочки с косой.>

Я презираю отца! Жалкий человек! И все-таки я люблю его... как отца..... ..

29 <сентября>.

Вчера была на «Знаке Зорро». Как хорош Дуглас Фербенкс! Какой он стройный, какие у него ноги... Я думала: вот человек, страстный, гибкий и подвижный. («Хороший самец»; вру, какой цинизм...) Он умеет любить, умеет брать. Какое наслаждение ему отжаться. Какова его личная жизнь? Любит ли он кого-нибудь. Вот если б он увидел меня... И одну меня полюбил: нежно, пылко, страстно. Меня, незаметную, некрасивую девочку... Я люблю тебя, Фербенкс. Я хочу тебя. Ты не знаешь этого. Но я люблю тебя... Желанный! Чудный... Буду мечтать... У Дугласа есть жена... Мери... Какая я дура... Я хочу поехать в Индию... поднять там восстание. Потом в Америку. Я там увижу Дугласа. Я его буду любить, и он меня будет любить. Типичный буржуа... Что же?!.. Он — мужчина, да еще какой. А у мамы сердечные припадки.. Дед в больнице, ему лучше. Отец 2 раза приходил пьяный. Он дал мне 1 р<убль>, потом еще 1, и 65 коп<еек>, и мама 50. Я купила:

Назаренко 1 р<убль> 282 р<убля> 65
 Вольфсон 50 — 3 р<убля> 10
 Тетр<ади> 11 шт<ук> 441 _____
 2 тетр<ади> толст<ые> 242 р<убля> 10
 Одн<а> толст<ая> 25 _____ 15 к<опеек> потр<ебовалось>
 2 р<убля> 61
 Зоология 1 р<убль> 603 р<убля>
 Франц<узский язык> 1 р<убль> 20
 Стангинс 801 р<убль> 50 к<опеек>
 немецк<ий язык>.
 Глубков 1 р<убль> 50
 Евген<ий> Макс. 2 р<убля>
 6 р<ублей>
 У меня есть еще 1 р<убль>.

«Мечты!» — сказала В<аля?> Б<алдина?>. Но я хочу привести их в исполнение! Да! Я буду бороться за свои мечты... Вчера вечером в т<ете> вариной шапочке я была очень хорошенькая. А сейчас — заспанная... По ликбезу заниматься не буду. Видела И. И. Противный. Когда будет идти «Робин Гуд», обязательно пойду... Хочется уехать в золотой парк или на берег Невы, ходить, думать и мечтать... Я так и хочу сделать. Мама одну не пустит, придется так уехать. Мама нервн<обольная>, это факт... «Бедные люди» меня потрясли... «Рожденны<е> бурей» — хорошая книга. «Война и мир» — интересно. Д<има?> Б. — хорош. У меня настроение, как осенние листья. О другом после...

5-го октября.

Мечтаю и мечтаю о Фербенксе... Милый Дугласик!.. В толстовке я ничего выгляжу, только нос в пятнышках! Сегодня пойду подавать заявление в комсомол. Только я хочу там работать, а не прозябать, как П<оля> В<ласова>. Поля совсем скрутилась... Ненормальная какая-то. Дружу с Клавдей. Нет, она не любит Глеба. Разве так любят? Нет! Я чую, что это не любовь? У нее будет еще любовь, огромная, блестящая... А это... не то. Пойду на «Робин Гуда». Дома неопределенное. Была больна. Сейчас кашель, насморк... Тфу.

Утро помещика.

Взгляды Нехл<юдова> на образование, на причины материальной и духовной бедности крестьян, на крепостное право; его характеристику.

Отношение крестьян к Нехлюдову и их взгляды на него.
 Крестьянские типы; сравнение их с тургеневск<ими>.
 Отношение автора к Нехл<юдову>.
 Общий тон повести.

Заявление

В кол<лектив> Р.Л.К.С.М
 при Невском заводе
 им. Ленина

Прошу принять меня в члены Комсомола при вашем заводе,
 т. к. я очень хочу работать в комсомоле и учиться коммунизму, как
 завещал нам Ленин.

Учащаяся 117 школы II ст<упени>
 IV кл<асса> Ольга Берггольц.

И утес великан, все, что думал Степан,
 Все тому смельчаку перескажет...

К чему физика? К чему магнитный меридиан?.. Где-то там,
 на Волге есть утес... Обросший диким мохом. Тот, про который мы сей-
 час пели... Можно было бы, я весь день это пела, прижавшись к пле-
 чу золотой Вари...

Все тому смельчаку перескажет...

Я буду этим смельчаком...

Что это А<нна> Е<фимовна> сейчас сказала...

6-го окт<ября>.

Как снег на голову приехала Анютка.

8 окт<ября>.

А я все-таки увижу «Робин Гуда»! Увижу, увижу и увижу! Раз я сказа-
 ла. В воскресенье или в понедельник!!! Да! Да! Да-а-а!

9-ого октября.

Какое счастье, что я умею так мечтать! Если бы знал Фербенкс, как в далекой Советской России мечтает о нем некрасивая, маленькая девочка. Как знойны — по-сахаровскому знойны ее мечты... Какой жгучей страстью веет от них. По-степному раздольные, дерзкие до бешенства. Да, я дерзка в мечтах!!! Сегодня на алгебре говорили о числах, стремящихся в бесконечность, и они представлялись мне такими грустными, печальными. Вчера на космографии, когда говорили о звездах, — хотелось теплой ночью лежать в поле и глядеть на звезды — только степь и звезды; глядеть на них — не отрываясь, не мигая, чувствовать, как они надвигаются, подходят все ближе и ближе, как синий дым неба охватывает и уносит тебя... И чувствовать, как сейчас, в беседе души с звездами ты лучше, чище и величье всех на земле. Чувствовать, как все мелко, как все мгновенно перед бездонно-синим небом... (А не маниловщина ли это? Не сантименты ли? Нет, нет!!) Вчера, уже засыпая, в голове толпились образы, строфы и т. д. Напишу потом.

11 <октября>.

Еду на «Робин Гуда»! Ура. Была у Поли В<ласовой>. Милая моя Полюшка, люблю тебя!!! Она говорит, что я пошло влюблена в Дугласа... Надо разобраться в этом... Нет! [Запуталась] Буду ходить в партшколу. Да уи иес. Во вторник выйдет газета, я с любовью работаю над ней.

12! <октября>.

Да нет, разве всю жизнь, всю жизнь так?? Серенькая, узенькая, с небольшими бурями, с бледными радостями, с мизерной работой, с коротенькой, чахлой любовью к незначительному человеку! Да нет же, нет! Нет, нет и нет! 100 раз нет! 1000 раз нет! Миллион! Я не соглашусь так, ни за что! Я хочу много бороться и работать! Много счастья и радости! Хочу любить до безумия — «не жалкого, не слабого, а того, кто ураганно смел!» «Того, кто будет грудь и плечи по-степному знойно целовать...» Хочу, чтоб меня любили так, как любит меня в моих мечтах Дуглас... Дуглас! Дуглас... Как он улыбается! Как он улыбается... Если б он так мне улыбнулся!.. Если б это произошло, я все бы бросила и пошла за ним. В огонь, в воду, в бездну, на смерть... Дуглас, за-

чем я не Мери Пикфорд. Зачем я не любима тобою... Нет, мои мечты не пошлы!.. Нет, они — единственное утешение мое... Люблю тебя, Дуглас! Люблю тебя, мечта моя!.. А ты и не знаешь... Люблю тебя!.. Хочу твоих ласок...

И такая маленькая-маленькая жизнь... И такие дерзкие мечты. Игры, фокусы и забавы.

Фокусы и опыты, самодельные приборы.

Плавающая бумажная рыбка. <Рис.: рыбка.>

А — в центре в А — прованское масло.

Самодвижущиеся спички. <Рис.: пять спичек, разложенных веером.>

в а — воду лить, распрямятся.

Подвес без ниток.

Нитки посолить неск<олько> раз и высушить. Подвесить что-нибудь и зажечь. Будет висеть в воздухе. Нитяную сетку просоленную, положить в нее скорлупу и зажечь — сетка сгорит, скорлупа висит.

Дополнительные цвета.

Красный — зеленый. Синька — оранж<евый>. Желтый — фиолет<овый>. Фиол<етовый> — красн<ый>, жел<тый> и син<ий>.

Русские горы.

Промасленную бумагу, вавилонистой лентой, и пускать капли воды.

<Рис.: горы.>

Спичка верхом на ноже.

Вынуть монету, не прикасаясь к ней руками, из воды...

<Рис.: рюмка.> На дно — маленькую в 10 коп<еек>, на нее в 20 к<опеек>. И сильно дуть на верхнюю; нижняя вылетит, а верхняя останется на месте. Большая рюмка с широким дном.

Вскипятить воду в бум<ажной> коробке.

<Рис.: бумажная коробка, висящая на нитке, под ней свеча.>

Стеариновый ландыш. Капать со стеариновой свечи в воду.

<Рис.: ветка ландыша.>

Белая бумага из чернил.

Насыпать в чернила канифолеву порошка. Опустить один лист, он почернеет, потом как будто долить чернил, но в бутылке будет канифоль, другой будет белый... <Рис.: листы бумаги, часть которых заштрихована.>

Волшебное кольцо.

<Чертеж: круги, прямоугольник, два шара.> Двигатель
Корпус, двигатель, дно, труба, крыша, трубы <перпендикулярно> к плоск<ост>и.

Чортик. 2 свечи — 2 тени. 1 свеча — красное стекло — 2 тень бледно-зеленое.

Трехцветная звезда.

<Рис.: коробка с прорезями-звездами, под ней две свечи.>

А — толст<ый> картон. К пламени правой свечи кусок зеленого стекла. Тогда звезда получается цветная, в середине белая, — верхние концы то красные, то зеленые.

Неутомимые танцоры.

А — пробковый круж<ок>. h1 и h2 — иголки крест-накрест. С — пробковые пластинки. а — кусочки камфоры. <Рис.: круг, обозначенный буквой а, отходящие от него в разные стороны прямые линии, на конце линий заштрихованные прямоугольники.>

В А — на иголке — двух танцоров и в таз с водой, но без малейшего жиру и чтоб руки не потные. Будет вертеться дня 3–4. Камфору приклеить сургучом.

Колумбово яйцо.

Скорлупа, в ней песок, дырку заклеим. Будет стоять везде.

Ванька-встанька.

<Рис.: игрушка «Ванька-встанька».> Дробинки приклеить сургучом, будет стоять везде на тупом конце. Верх — как человечек.

Мыльные пузыри.

В тепловатой воде (15°–20°) распустить кусок марсельского (испанское, белое) мыла, как можно погуще. Процедить через кисею. На 3 части (по весу) прибавить 2 части чистого глицерина. Снять пленку и закупорить в бутылку и поставить в темное место. Вода — дистиллиров<анная>.

Пузыри держатся очень долго.

Люстра из пузырей.

Толстый кружок из картошки.

<Чертеж.> Не! Хрюкай.

Замораживание мыльных пузырей.
Круговые качели.

Фокусы

<Чертеж.>

Вода — хамелеон. 1 часть серовика или сажевидной магнетизии и 3 части очищенной селитры, все это варить в горшке, до тех пор, пока не обратится в густую сел<итру>. Для того чтобы узнать, готова ли она, надо взять на проволоку чуть-чуть и поглядеть, если вода позеленеет, то значит — готово. Снять, остудить, расколоть на мел<кие> кус<очки> и убрать и закупорить. На графин воды — достаточно с горошины. Вода будет менять свои цвета.

Яйцо в кольце.

Положить яйцо в крепкий уксус. Оно пройдет через кольцо.

Симпатические чернила.

Для фиолетового — лимонный сок.

Разделить монету пополам.

Жолт<ый> — суш<еный> ноготь в укс<усе>.

<Рис.: перевернутая пробка.> Пробка — серный цвет и зажечь.

Представить людей арапами.

Стереть голланд<ской> сажи с деревян<ным> маслом и сделать свечу и зажечь.

Сделать всех без голов.

Аврипигмент растереть на деревянном масле, хорошенько вскипятить в закупоренном горшке и зажечь в темной комнате.

В дырочки, сделанные в яблоке, налить ртути и залепить воском. Яблоко само будет кататься.

Страшные лица.

В винном спирту распустить соли шафрана, и обмочить в нем большой кусок материи, и зажечь. Лицо будет зеленое, а щеки и губы — малиновые.

Фокус, чтоб слова появились на руке. (Руку намазать мылом.)
Дым папиросы в стакане.

<Рис.: стакан, накрытый листом бумаги, в стакане две горошины, по бокам стакана надпись: H_2SO_4 и H_2N .>

<1.> Цветные цыплята.

Вымазать яйца дерев<янным> маслом. Когда засохнет, окрасить произв<ольными> цветами, **потом** опять маслом.

2. Украшения на елку.

Движущиеся звезды.

С 2-х сторон цветная или золотистая. 2 верш<ка> шир<иной> и 5–6 верш<ков> длин<ой>. 15–20 складок. Перевязать и сделать круг. Разрезать до а, а по сплошным отогнуть. На елке вешать на аршин от свечей, они будут вращаться.

<Рис.: два круга с рисунком внутри.>

Подсвечники.

<Рис.: подсвечники.>

В селитряной кислоте смочить нитку и высушить, сначала промыть.

Серебряное яйцо.

Закоптить яйцо и опустить в холодную воду.

Кораблик.

<Рис.: яйцо на проволочных стойках, под ним емкость с кипящей водой, рядом — спиртовка.>

Пустое яйцо.

2 — вода.

h — проволочные стойки.

3 — скорлупа с ватой, пропит<анной> спирт<ом>.

— руль — лодка из папки, покр<ытой> клеем.

Паровая вертушка:

<Рис.: закрытая колба, внутри колбы огонь.>

2 наперстка, 2 скорлупы, проволока.

<Рис.: два наперстка, над ними — два яйца, соединенные проволокой, между ними бутылки с пробкой.>

Приборы: (см. далее) Водяной двигатель + Барометр.

Пантограф.

Составление бенгал<ьских> огней:

Красный:

Бертолет<ова> соль: 63 части

Серн<ый> цвет (серы) 21 часть

Мел 16 част<ей>.

Зеленый:

Селитряно-кислый барит: 60 ч<астей>.

Бертолетова соль 16 ч<астей>.

Серный цвет 24 <части>.

Белый:

Селитра 8 ч<астей>.

Сера 4 ч<асти>.

Антимоний 1 ч<асть>.

Синий:

Прост<ой> серы 1 ф<унт>.

Берт<олетовой?> серы $3\frac{3}{4}$ ф<унта>.

Углек<ислой> меди $\frac{3}{4}$

Жжен<ого> квасц<а>. $\frac{3}{4}$

Игры

«Рассыпья» — как на Лермон<товской> выст<авке>.

«Кондуктор». «Поехали-поехали»...

«Буквы или слоги».

«Задуманное слово»: н<а>пр<имер>, лошадь, но я не говорю играющим, а спрашиваю, на что похоже задуман<ное> слово. А — на огурец. В — на мудреца. Я спрашиваю — почему, кто не сумел ответить — платит фант.

«Глухие и немые»: четн<ое> число игр<ающих>. А говорит соседу В. «обморок». В. изображает. Его сосед слева передает следующему, как понял. Тот изображает... и т. д.

«Синонимы».

«Звени, звени, колокольчик».

«Пух летит!»

«Жмурка с палочкой».

«Чепуха». Каждый выбирает фразу: «В котле...», «С кашей...», «Идол...». Ему предлагают фразу, и он всегда должен отвечать на нее своей и не смеяться.

Пр<имер>. Где ваше любимое место?

От<вет>. В скотном дворе...

«Подсудимый».

Судьи говорят, в чем обвиняют они подсудимого, — президенту, и он говорит подсудимому, который должен говорить, кто его в этом обвиняет.

«Мнение», на длинных бумажках. Но имя неизвестно.

Характер. Поведение. Ума. Чем занима^ется. Что делал вчера. Где он это делал? Когда? Что из этого вышло? Кого он любит? Кто в него влюблен? Чего он боится? Какие за ним недостатки? Сколь^{ко} лет? О ком или о чем он сейчас думает? Что он желал? Что ненавидит? Что любит?

Карты.

Пасьянсы: «Мельница».

<Рис.: четыре карты.> 4 карты

<С> 6 пачек снимаются двойки и кладутся на тузы, потом — тройки и так до королей. Верхние карты пачек перекладываются на другие, меньшие на большие, но по мастям; когда уже нечего перекладывать, то складывают пачки, не тасуя, и нижнюю пачку кладут на верхнюю. И играют, пока не выйдет. (1 полн^{ая} кол^{ода}.)

«Черные-красные». (2 полн^{ые} колод^ы)

<Рис.: восемь карт.>

Сначала выбираются все 8 тузов и кладутся в ряд. Под тузами — ряд в 8 карт. Из 8 кладут на тузы те, которые подходят по мастям. Пробелы дополняются из колоды. Если в 8 нет на тузы подходящих, то мечут колоду на стороне и кладут подходящие на тузы и на 8 под тузами. Но на 8 кладут на черные красные и наоборот. Кроме того, из 8, с одной пачки, можно перекладывать на другую, подготавливая их для тузов. Если сразу пасьянс не вышел, то можно колоду прометать еще раз.

«Сердце — сердцу весть подает» +

(2 чел^ов^ек^а и 2 полн^{ые} кол^{од}ы)

Пасьянс Анны Алексеевны. 32 кар^ты.

(4 разномасти, одинак^{овой} масти и через одну скид^{ыва}ть до 2 раз.)

«Три смерти».

14 октября.

Мечтаю и думаю о Дугласе... Я упиваюсь своими мечтами.

17 окт<ября>.

Шью пальто, ничего. Шапку-пилотку, может быть, купят. Хочу пилотку. Вышел № 1 стенгаз<еты>. Ничего, довольно складная.

Надо еще французскую купить. Рубь у меня есть. Обязательно употреблю на удовольствия. А может быть, куплю чулки. Нет, пойду на Доротти Вэрнон. Насморк — нос красный.

Влюблена в Дугласа и мечтаю, мечтаю о нем. Надо сшить юбку и кофточку. Мама относится ко мне скверно. Очень раздражительная, несправедливая подчас и придирчива. Мне очень-очень бывает тяжело и серо. «Война и мир» очень интересно... И разве вся жизнь так? Нет!!!

Дуглас Фербенкс.

Нехлюдов — помещик-крепостник, но он не злостный [крепостник], а крепостник по убеждениям. Он думает, что благополучие крестьян, [как] экономическое, [так и духовное] зависит оттого, что они ленятся, что помещики не «заботятся о них». Ему думается, что если он станет помогать им, что если он даст денег на корову Чурису, а Юхванке на хлеб, то облегчит их нужду, что если крестьяне поселятся в построенных им домах и станут работать «не ленясь», то хозяйство поправится. «Крестьянское и мое тоже». Он не может понять, что [разлагающее] крепостное хозяйство разлагается, что его уже возродить нельзя. Его оскорбляет отношение к нему крестьян: многие крестьяне смотрят на это как на барскую затею, которая мало им чем поможет. Нехлюдов для них не друг, помощник и советник, а барин, правда, «добрый барин», — но уж в них с веками вкоренилось понятие о барине.

<Математическое уравнение.>

<Чертеж: куб.>

Нехлюдов искренен в своем порыве помочь мужикам. В нем есть какое-то детское [прямодуш<ие>] добродушие и прямодушие, мальчишеская застенчивость и юный жар. Он искренне хочет помочь мужику, ему тяжелы их нищета и невежество. Не он виноват, что ничего не выходит, а то общество, которое создало и воспитало крепостное право. «Утро помещика» — глубоко художественно. Нет там, как

у Бальмонта, изысканно художественных слов и утонченных сравнений. Но вот — картина, когда Нехлюдов, играя на клавикордах, — мечтает об ямщицкой жизни — да ведь Бальмонт пасует перед ней!..

19 октября.

Уроков-уроков, умереть...

К завтрашнему дню надо:
обществоведение выучить.

Тригонометрию

Родной <язык> дочитать и написать. Вчера вечером была очень хорошенькая. Надо сделать... ба, забыла, что надо сделать?.. Ах, да, дневник из спертой бумаги, новый... Дуглас Фербенкс... Сегодня на собрание в 7, когда все успею? Да еще, на физкультуру, с 4–6. Красный угол сделать... В коллектив сходить... Печатать... Ну, все кругом пошло...

Варя, давай запишемся в комсомол при ф<абри>ке Ногина. А? А то — у Ногина учимся, у Ленина в коллективе? Ладно? А, Варя? Ладно?¹

Ляля, ты спишь, что ли. Ведь уже с неделю говорят, что у нас в школе будет свой комсомол².

Хочу из Ленинского завода перейти в Ногина. Еще не вызывали, — а хочу работать. Приду сегодня и скажу...: «Товарищи, хочу работы, для чего волокита??» Да...

Историч<еские> взгляды Толстого.

Последовательные ступени развит<ия> [взгляд на Бога?]

Пьера.

а) С какими общественными полит<ическими> взглядами приехал Пьер из-за границы, под какими влияниями создались эти взгляды?

б) Какое влияние оказало на Пьера неожид<анное> получение богатства, его женитьба и дуэль?

в) Что дало Пьеру масонство? Почему он поступил в масоны, почему он его оставил, и прошло ли для него бесследно сближение с масонами?

¹ Запись со слов «Варя, давай...» и до слов «А, Варя? Ладно?» сделана на отдельном блокнотном листе.

² Запись сделана на обороте отдельного блокнотного листа, предположительно, В. Некрасовой.

г) Влияние на Пьера войны (настроение окружающих, сцены после битвы, отношение к Наполеону, пожар).

д) Что дала Пьеру встреча с Каратаевым: выяснить главные черты Каратаева; какие черты в Каратаеве являются идеалом для Пьера? Какие воззрения Каратаева дали повод к выработке Пьеру новых взглядов?

е) Общественные взгляды Пьера в конце романа.

ж) Выяснить главные свойства натуры Пьера. Эпил<ог>. I ч<асть> 16 гл<ава>.

Пьер — выход дворянина из своего круга по убеждениям.

Ист<орические> взгляды Толс<того>.

Том III, часть I гл<ава> I.

<часть> II <глава> I

<часть> III <глава> I — II — V

<Рис.: конус, с шариком сверху.>

Дуглас Фербенкс Дуглас Фербенкс Дуглас Фербенкс Дуглас

<Математические расчеты.>

Смотря на Восток в 8 ч<асов> вечера, зачертить на листике бумаги расположение ярких звезд.

О Луне. 31 октября.

<Рис.: месяц и луна в трех фазах.>

<Рис.: чертеж.>

В рассказе «Три смерти» Толстой рисует [жер] смерть от чихотки окруженной заботами и любовью барыни, смерть от той же болезни заброшенного старика-ямщика и смерть дерева.

Торг<овый> капитал в Восточ<ной> Евр<опе>. 17–18 <века>

1. Расширит<ельные> тенденции московск<ого> торг<ового> капитала.

Кто меня любит и кто ненавидит.

1. Любят немногие, ненавидят — никто.

[Знаешь, мне страшно худо... Ужас. Я думаю, что скоро должно быть «то». Речь идет о пубертатном периоде? Понимаешь? Я едва сижу... Не говори никому. Что, у меня худой вид?]

<Рис.: девочка с перевязанной щекой и с книгой под мышкой возле двери с надписью «Новый гнус (?)».>

Системы итальянская и американская.

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

<Далее обрывочные записи.>

«Крейцера соната».

Гейне, Метерлинк, Ибсен.

Музыка Глюка

Адам Бид Байрон

Эллиот

«Мельница на Флоссе»

Говард

Мюрже — Богема

Гете «Wahlverwandschaft»

Бebelь «Женщина и социализм»

«Город желтого дьявола» Горь<кий>

«Кенильворт» В. Скотт

«Линия» Эдгара По

Родной

2 общ<ествоведения>.

Геом<етрия>.

Геогр<афия>.

Гр<ажданский> кодекс.

Корова —

Лошадь —

Мячик —

Люс<ин> альбомч<ик>.

тетр<ади>.

Пряничк<и>

1 б<анка> чернил.

Конфет<ы>

Журн<алы>

чашку

Ложку

Цукат

Лимонные или апельсинные корки несколько раз обварить, чтоб не горчили, потом положить в холодную воду и прокипятить и варить в 2-х сиропах до прозрачности.

Нам вчера
 У костра
 Говорил вожатый:
 — Эй, ребята,
 Жать рожь
 — Даешь!
 Урожай богатый!
 Уж с румяного утра
 Детвора
 На ржаных полях:
 Солнце золотом ласкает,
 брызгами играет
 На серпах.

<Чертеж и уравнения.>

Небо пело... Небо ликовало,
 И была бесстыдно яркая заря,
 Небо в ... иступлении.
 Вечер превратив в костер — орало,
 Что сожжет, что все спалит, горя,
 Стала золотом плавленным,
 [Все] И огнем поющим озарило заводь,
 [Небо клокотало, небо билось...]
 И кругом живой кипящей лавой
 Мир испуганный *поющ<ий>* залило...
 Небо пело... Небо трепетало...
 Небо было — золотая кровь,
 А потом бессильно угасало,
 Умирало, как забытая любовь.
 Я ландыши увядшие
 В лесу вчера нашла,
 Как звездочки, упавшие
 С небесного чела.
 Под веяньем весеннего
 Душистого крыла
 Их роща вдохновенная
 Неслышно родила.

Какая розочка душистая
 [На] В саду у нас цветет...
 Какая миленькая девочка
 На хуторе живет.

Л.Н.Ц.Р.	Дими[т]р[и]й
	Вален[ти]на
Сергей	В{а}с[ил]ий
Оль[г]а [Л]уиза	[Л]у[и]з[а]

[Л]еня

М ½	Л.Н.Ц.Р.
Л. 1 ½	Пелаге[я]
Л-сд. М. сартир 1.12	[Я]ков
М—Л —	[Пелагея]
	Ан[на]
	Ив[ан]
	П[ела]гея
	А[ле]ксандр

2 шест<ерки> — любит
 2 сем<ерки> — не любит
 2 восьм<ерки> — ревнует
 2 девят<ки> — сомнев<ается>
 2 десят<ки> — свид<ания> ждет
 2 валет<а> — смеется
 2 дам<ы> — невест счит<ает>
 2 кор<оля> — поцелует
 2 туза — тужит

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Анна
 Димитрий

Голуби под банею,
 Я гуляла с Ванею.

Голубь под рогожею,
Я хожу с Сережею.

—

Наплету-ка я рогожек
С шелку голубого.
Одного люблю Сережку,
Не люблю другога!

—

Поищу пойду фиалок
Может, есть забытые...
Жалко, жалко, жалко, жалко
Мне мечты разбитые...
Хороший карандаш¹.
Небеса в красках палевых
Догорают безмолвно...
И лепечут печально,
Тихо плещутся волны...
В небе вечером лебеди...
То вечерние лебеди,
Золотые, трепещутся...
И в замолкнувших заводах
С тихим клеткотом плещутся.
В златоморе заката
Раствориться б душою,
Потонуть без возврата,
Стать, как он, золотою.
Небеса в красках палевых,
[Догорают печально.]
В переливах хрустальных,
И, как [роза] листья, опалые,
Стали мысли печальны.

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>
Да!

¹ Запись сделана рукой неустановленного лица.

Д.Н.Ц.Р

Сер[г]ей

Оль[г]а

Мих[а]и[л]

О[л]ьг[а]

Е[л]иза[ве]т[а]

[М]их[аи]л Вячес[ла]в Вяч[е]с[лав]

[Ма]р[и]я О[л]ьг[а]

Писарев

Достоевский

Война и Мир

Анна Каренина

Пролет<арские> поэты

Шекспир.

Табель-календарь

	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь
Воскресенье	[5121926]	[291623]30 7142128		
Понедельник	[6132027]	[3101724]	[1] 8152229	
Вторник	[7142128]	[4111825]	[2] 9162330	
Среда	[18152229]	[5121926]	[3] 101724	
Четверг	[29162330]	[6132027]	[4] 111825	
Пятница	[310172431]	[7142128]	[5] 121926	
Суббота	[4111825]	1 [81522]29	6132027	
Отметки:				

<Цифры.>

Адреса: Ленинград:Вали Б<ычковой?>:Ленинград, Шлиссельбургский, дом 4,
кв. 11.Ив<ан> Ал<ександрович>:

Просп<ект> 25 Октября, дом 158, кв. 11 (?)

Поли:

Новопроегонный, дом 1, кв.

Поли Пруст:

4-ая Советская, дом 29, кв. 5 или 11.

«Нов<ый> Робинзон».

Социалистическая, 14.

«Ленинские искры».

Пр<оспект> 25 Окт<ября>, дом 1.

Нюрки Г<ерасимовой?>:

Смоленский, дом 30.

<Рис.: профиль Зорро.>

20 октября.

Какой хорошенький новенький у меня дневничок — (правда, из краденной бумаги), но ничего. Завтра поеду в «Юный пролетарий». Поместят или нет мои стихи? <Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Если поместят, то, конечно, заплатят деньги. Это хорошо было бы. Сказать или не сказать родителям? Если сказать папе, так он отдыху не даст — замучит и совсем перестанет деньги давать на книги и на все. В школе дела много. Надо Октябрьский № стенгаза готовить... Буду в Октябрьскую годовщину выступать. Вчера, когда ждала собрания — в классе, говорила с Димой Б. Он глубже и сложнее, чем я думала. Говорили обо всем, и между нами как будто бы протянулись тонкие невидимые нити, мы как-то сблизились. Нет, он хороший, он мне нравится... Неужели мои стихи не примут? Примут, примут, хочу. Примут... 5 руб<лей>.

22 <октября>.

В понедельник поеду в редакцию за ответом. В «Ком<сомольской> деревне», наверное, примут. А если все 3 стиха напечатать в «Юном пролетарии», рублей 4–5 получу. Вчера так глупо и бестолково растратила рубль. Так жалко было денег. Ну, ладно, 1 раз в году можно... Мечтаю и мечтаю о Дугл<асе>. Сама — ничего.

Мама не в меру раздражительна... Тяжело. Нет, так не будет. Выбьюсь из этой грязи. Заявлю о себе миру. Стихи в «Юном пролетарии» — 1-ый шаг. Потом постучусь в «Смену». Хочу, чтоб моя поэзия стала боевой, жаркой... Хочу бороться, работать, но как это сделать? Да? Как!?

Когда глядела сегодня в глаза Вали Б<ычковой?>, было хорошо, и даже голова кружилась. Какие у нее прелестные глаза! Какие темно-бархатные ресницы. Прелестно. И я натолкнула ее на мысль идти в киноартистки! После школы она пойдет в кино... Теперь ее жизнь <Далее обрыв текста.>

28 <октября>.

Может быть, Дуглас будет в Ленинграде... Если он будет... если он будет... о, моя дерзкая, глупая голова, чего ты необразишь! Так много-много женщин любят его... А я, чем я отличаюсь... Неинтересная, обыкновенная... Разве он знает, что мятется у меня внутри? А-а, страшно, страшно... Как, он никогда не узнает об этом... Обо мне. Как же так. Страшно, как люди одиноки в мире...

Была в Литгруппе. Очень хорошо...

2 ч<аса> ночи.

У меня такое состояние, что если умереть, то пусть... Вот сейчас лягу спать, в 8 часов Анютка будет грубо толкать и будить меня... А я хочу спать, спать, 2, 3 дня, 4 месяца, год, пока не пройдет эта тяжесть, пока я <не> смирюсь с жалкой долей ничтожного человека, с моей ролью в мире, пока не пройдет мое глубокое увлечение Дугласом, пока мама не станет нормальна и <не> перестанет принимать морфий, пока муть нашей гнусной жизни не исчезнет, словом, пока не начнется новая жизнь... А пока спать, спать... Газета к Октябрю... Октябрь... Спектакль. Все это надо, да, надо, только мне ничего неохота делать... Алгебра, доклад по космографии... мимо, мимо... Так тяжело, такое настроение, как грязная лужа... Что мне до всего этого... Как это все чуждо... А мама пьет морфий... Кому бы поплакаться детскими слезами... А-а!.. У меня есть спирта на рюмку! Ну, вот, и великолепно... Ой, гнусно... Ну, да что... Нет, нет, гнусно... Все гнусно... Мне кажется, я не живу... Тряпка я... ну и что ж?.. А когда же начнется эта новая жизнь... Да!? Когда я буду жить... Кто ж это так сделал, что одни талантливы, известны всему миру, а другие сгорают и некуда применить сил... Чем я хуже Мери Пикфорд. А, Мери, счастливая Мери, жена Дугласа. Что-то они сейчас делают? Сейчас у них полдень... Как странно...

Берггольц.

Дневник.

Эх, кабы на цветы да не морозы.

И зимой бы цветы зацвели¹

9-го декабря.

Сейчас спрашивали по бухгалтерии. Поставила себе в книжечку — «?». Может быть, в трети «слабо» или «неуд^{овлетворительно}» будет... Да мне что? Наплевать на бухгалтерию, а вот отец и мама вопить будут; скажут — вот твоя общественная работа, к чему привела. Это верно. Зарвалась я. Вот рассчитаем: газета — раз. Лит^{ературно}-худ^{ожественный} кружок — два. Еженед^{ельно} 2 часа; репетиции теперь, в пьесе играю! Да в 2-х даже... Марксистский — это 3. Еженед^{ельно} 2 часа. Партшкола — 4; 2 часа. Биокружок — 2 ч^{аса}. Итого 8 ч^{асов} на кружки. На репетиции — 5 ч^{асов}. Итого 13 часов. Уж в клуб и библиотеку я не хожу. Из библиотеки при клубе потеряла книгу. Да еще 1905 год — в комиссии. Значит, газета, инсценировка, собрание материалов... тут минуты, часы, дни...

Нет, решено; больше этого не будет. Кончится эта треть, и берусь за дело... Куплю себе новые тетради, все подгоню.

Надо купить:	
	по тригоном ^{етрии} 4
есть, веду «ничего»	-//- геометр ^{ии} 4
вся кончилась	-//- физике 4
нет	-//- коммерч ^{ескому} вычислен ^{ию} 4
нет	-//- истории 4
нет	-//- партшколе. 4=25 к ^{опеек} .

Историю я учу (я очень ее люблю), но вот Великую английскую револ^{юцию} плохо знаю; да и вообще все сделаю. Так вообще я занимаюсь ничего... Но... надо лучше. Кроме того, надо еще купить:

¹ Записи рукой О. Ф. Берггольц на обложке тетради

толстую тетрадь —	25 к<опеек>.
еще толст<ую> тетр<адь>	15
блокнот	10
карандаш	55
	25
Ну, всего на 1 р<убль> 30 к<опеек>	

Примут или нет мой стих в «Бегемоте»? Рассказ приняли в «Л<енинские> и<скры>», сказали, что заплатят. Рубля 3–4, получу, верно. А хорошо, если б 5!.. Тогда б и чулки были бы, и костюм для спорта, и пирожные, и кино или театр.

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

А долгов у меня!

МОПР —	5
М<олодежный?> С<оюз?> —	10
Кооп<ератив?>	5
За булку	5

Да, положение не из хороших!..

Денег нет, время нет, 25 коп<еек>! О! О! а дома!.. Мама стала нервная, часто несправедливо придирается... Муська — наглая. Анютка все делает, — мне от этого тяжело... К завтрашнему дню надо: про Раскольниковца написать — раз. Биологию повторить — два... Сейчас ни о ком почти не мечтаю... О Дугласе лишь для того, что скучно... Никого не люблю. Хочу написать и напечатать книгу к 1-ому мая — для крестьян о 1-ом мая.

В голове — хорошая поэмка об индуске; торопиться не буду. Если выйдет хорошо — пошлю в «Работницу и крестьянку». Но для журналов и газет специально — я писать не буду. Если есть талант, то его загубить не должно... Я давно бы подала заявление в К.С.М., да проклятый дядя Сережа тянет с рекомендацией. О-о-ой, дела-то... Когда же все кончится, чорт возьми!.. Все эти дырки, заплатки, чулки, штаны!.... .. Скорей бы, скорей бы!.. Жить хочется, а эти дырки и заплатки душат!..

10-го декабря.

Деду худо... Папа говорит, что он скоро умрет. Как же так? Умрет... Уйдет из жизни любимый, милый... И никогда, никогда не увижу я его. Исчезнет... Уйдет... Как бабушка.... «Ведь он старик... Старики и должны умирать... Это неизбежно», — говорю я себе... Но больно, больно и страшно.

«Преступление и наказание» очень сильно повлияли на меня... А теория Раскольникова — прямо потрясла... Да!... «Да! Тварь ли я дрожащая или право имеющая?» — спрашиваю я себя. И хотя не хочу этого, но нет, надо сознаться, что я — тварь дрожащая... вошь... Гордости во мне нет... Вот такой гордости, которая очищает и поднимает. Раскольников прав, во всем прав. Он хорошо сделал, что убил старуху... Но не вынес... Струсил, замучился омерзением. Не посмел СМЕТЬ. Перешагнуть через кровь. А теория-то его права... Я согласна с ней.

А я? Тварь ли я дрожащая? Вошь ли я? Посмела бы я, осмелилась ли для спасения республики, например, не умереть на баррикадах, а вот убить... Не Муссолини, ни кого другого, а вот... гаденькую старушонку... Нет, не то... Для республики — это эстетично. Нет, для себя. Как Раскольников... Нет, осмелилась бы. А потом, как он. Как тварь дрожащая... Да, я настолько тварь дрожащая, что и меньшего, обыденного не посмею... Обыденного. Ну, да, я вошь. «Если задаю себе вопрос — вошь ли я — значит, я уже вошь»... А я не хочу! Не хочу быть вошью... Хочу иметь право сметь. Нет, не убийство... Ну, да и убийство. Все это страшно... Только я не хочу быть тварью... дрожащей... вошью... Нужно быть гордой, гордой и смелой, чтоб потом право иметь — сметь... Вот... клятву себе даю... буду!... Настанет миг, когда скажу себе: я не вошь... не тварь дрожащая...

6 ч<асов>.

Обществ<е>дение, обществоведение 3 (1)

Немецкий, тригонометрия 2 (1).

Алгебра — физика.

Сначала — тригонометрию.

14-го была вчера в Т.Ю.Зе. Ох и хорошо же было... Самой мне захотелось написать пьесу, чтоб ее поставили в Т.Ю.Зе. Я буду писать в стенгазету Т.Ю.За... Я стараюсь разобратся, — что говорит во мне?

Тщеславие или что иное... Но что же иное? Конечно, тщеславие... Но сюжета для пьесы я не могу придумать. Вот и доказательство моего бессилия. Истинный писатель или поэт всегда тему найдет... Ну, инсценирую что-нибудь... Тема придет... А надумывать ее — нехорошо. Ну, что бы инсценировать:

Если «Оливер Твист»
или «Принц и нищий»?

Ну да, конечно, по бухгалтерии будет «неуд<овлетворитель-
но>»... Тфу, как гадко!.. Но я ненавижу ее, проклятую бухгалтерию... Впрочем, я сама виновата... Поленилась сделать последнюю работу... Ну, и у всех в классе неверно.

16 — среда. XII.

Я хочу — поля: широкого-широкого русского — «раздольице чисто поле развернулось»... Былинки сухие, трава, да небо полукруглое сероватоголубое... Хочу широкого-широкого поля...

Сейчас читала целый час русские былины и песни... Ох и красота ж!!! Как много поэзии, простоты, какой-то густоты, — такие полные, звучные... Точно отпила какого-то густого, вкуснейшего напитка. Отдохнула как-то... Ни политики, ни борьбы, ни конденсаторов... Совсем в другой мир ушла... «Эх, кабы на цветы да не морозы, и зимой бы цветы зацвели». Вставали картины — такие яркие, как живые: самой хотелось быть этой стройной, русоволосой, румяной девушкой, которая ночью испуленно шепчет: «впивайся, тоска, въедайся, тоска, в грудь ему, разрастись, разродись по всем жилам... Плачет тоска, рыдает тоска, белого света дожидается. Чтоб не мог он ни пить, ни есть, ни спать, ни быть!..»

И хочу, чтоб любил меня «чернобровенькой» «удалой разбойничек»... [<5 строчек нрзб>] и вот хочу я ночи... Майской, безлунной... Чтоб речка была в тумане, и лилии от тумана влажные, и небо ночное такое, серое... Выйду я из комнаты, коса русая до полу, щеки пылают... Выйду, обопрусь грудью на плетень — ждать буду... Вот он скачет, лихой разбойничек. По нем давно виселицы тоскуют, все на сто верст его боятся — а он меня любит... Он — чернобровый, и волосы у него кудрявые, и конь под ним [белый] черный, косматый. Вот охватит он меня, прижмет к груди богатырской — целовать будет... И в степь увезет на косматом коне, у которого грива до земли,

и в ней репейник... В степи ночь будет, и конь будет ехать тихо-тихо по степи. А он... целовать меня будет, ласкать меня будет — грубо, страстно ласкать... У него руки мускулистые, и грудь широкая... как у Дугласа. Только он не Дуг<лас>. А то еще хочу (до страсти) — коня... Белее снега. Тонкого, красивейшего, и чтоб грива длинная, кудрявая, как пена, и длинный, пышный хвост... Хочу лететь на нем по степи, быстрее, чем ветер... Чтоб конь летел, закинув голову, гордо выкидывая стройные ноги, чтоб грива пенилась и трепалась по ветру, и был откинут развевающийся хвост... Чтоб по спине у меня бились косы и вился, как дымка, легкий шарф, а лицо обдавало б свежим воздухом. Небо, голубое — серое, степь, степь... Летишь как вихрь — без цели, без цели — вперед... Хочу степи... ши-ро-кой — широкой...

17-го декабря.

Сижу в «Ленинский искрах». Жду Бермана. То-то скажет... Хорошо, если тот пойдет и этот примут, да в «Спартаке» бы приняли. Тогда хорошо было б!.. Ура!.. Мой рассказ идет в этом № !..

20-го декабря...

Сегодня год бабушке... Была в церкви. Чем-то затхлым, далеким и тяжелым пахнуло на меня. А на кладбище снег девственно-бел и весь искрился под радостными, ярко-желтыми лучами солнца.. Такой белый снег, и такие милые, робкие желтые лучи!.. Было тяжело, когда над могилой гундосил поп; «для чего?» — думалось... Вспоминается, как год тому назад было больно и страшно. А теперь... нет!.. Было тяжело именно оттого, что ненужно все это: служба, крест, слезы М<арии> Н<иколаевны>... Нет, я никогда не видела таких желтых, робких лучей... Там хорошо кататься на лыжах.

...«Мертвый в гробе мирно спи,
Жизнью пользуйся живущий!»...

Я не хотела бы ни жить, ни умереть так, как наша бабушка. Пусть будет мучительная, но не бессмысленная, гадкая смерть... Пусть мои последние минуты будут красивы!.. Я хочу умереть за что-

нибудь красивое, гордое... Бабушка описалась, когда умирала. Какая мерзость!.. И неужели и я...

...Дома холодно, неуютно... Мама редко дома — на службе, папа тоже... Мама почти все время раздражается, кричит... Ласки ее я не вижу. Папа пристаёт: «Пиши, пиши, зарабатывай деньги!» — Мне это противно. Нет!.. Никогда! Ни за какие деньги не буду писать специально для журналов. Писать из-за денег и на заказ — значит — не уважать себя!

В школе дела не лучше: в комсомол не могу записаться из-за рекомендации, газета стоит, с наукой — того... Наверно, по бухгалтерии «неуд<овлетворительно>» будет — ну, да на нее-то начхать, а вот физика, алгебра! Ведь учу, учу и люблю физику! По алгебре тоже стараюсь... Ох, боюсь... С классом поссорились, нет, какие они идиоты!.. Разве я кричала, что не надо работы? Нет! Если я начала писать первая, но не для того, чтоб подавать? Эта Бычкова — дрянь и гадость! Фу, как я их всех терпеть не могу! А у Ив<ана> Ал<ександровича> очень красивый рот: полные губы, красивые линии, жаль что... (фу!) лупятся.

...Мне всё и все надоело... Я только хочу музыки... Много-много хорошей музыки... Целого моря аккордов и звуков... Хочу, хочу! Хочу потонуть в них, затеряться, потерять самое себя, забыть о мире... Я ведь до сих пор не слыхала хорошей музыки... Душа властно требует звуков... Мне кажется, что я обновлюсь, услыша ее!..

Пусть тебе, Ляля, волшебные сказки,
Скорби житейские прочь отгоняют.... ..
Пусть не туманятся ясные глазки...
Грести слез никогда не роняют...

Это писал мне Д<митрий> В<асильевич> в «Д» классе. Какая ирония — эти стихи... Да, только и остались сказки. Да мечты. Только....

*Пусть над тобою, всегда безмятежной,
Не разразятся жестокие бури...
«Верю, останешься радостной, нежной,
Чистой и ясной, как солнце лазури»...*

Глупый, глупый Дмитрий Васильевич! Ха-ха-ха!.. Радостной, нежной... чистой и ясной, как солнце лазури...

21-го <декабря>.

«Царь Голод!» «Царь Голод»... Да что же такое?.. Ведь это! Это... нечеловеческое что-то... Вчера мне было страшно, когда я его прочла. Нет, не страшно... Ужасно... Более чем ужасно... Нет, этого не объяснишь... А я, какая я дура... пыталась показать это девчонкам. Им! Конечно, им все равно... Мерзкие! Тупые... «Царь Голод»...

Я ни о чем не могу и думать. О, милый, великий Леонид Андреев... Целую ноги твои... Преклоняюсь пред тобой... Ты выше А. Толстого, Пушкина... Они мимо проходили, а ты, а тебя рванули за сердце, ты... Ни Фет, ни Майков не достойны твоей пяты... Они мимо прошли, они пели о цветах и солнце, когда голодали... Ты не прошел... Хвала тебе! Хвала тебе! Правда, и Пушкин писал, но ты лучше его... в миллион! В тысячи миллионов раз...

Вечер.

По бухгалтерии — сдала. По алгебре 7 заданий — вполне «уд<овлетворительно>». А по физике за работу — «слабо»!.. О, ведь я учу! Учу и люблю физику! Но в трети — «уд<овлетворительно>» будет... Да ведь все это тлен — отметки-то... Завтра за деньгами поеду... А этот рассказ — «Бабушка и внучка». Вот! этот рассказ она приносила Берману! не пойдет... Ну, и наплевать!.. Сколько-то получу? Рублей 3? 5? 10?... Ух, страшно... А жаль, завтра в партшколу не придется идти! Дядька-гад Сергей все не несет рекомендацию!.. Ох, завтра по алгебре 8, 9 и 10 сдавать... 8 и 9 сдам, а за 10 не ручаюсь... Ни фига не выходит...

Буду читать «Сашка Жегулев»... Ох!

22-го <декабря>.

«Сашка Жегулев» прочитан. Ох, как хорошо пишет Андреев! Надо еще прочитать его Анагэму, Иуду... Когда я читала «Пан» Гамсуна (это хорошая книга, только я не понимаю любви между Гланом и Эдвардой), хорошая книга! Мне хотелось, чтоб меня любил Глан... У Кнута хороши описания, — пахнет лесом. А у Андреева — нет, у Андреева в 100 раз лучше... Как-то живей встает лес... И я хочу, чтоб меня любил Саша!... Какой хороший Саша!... Как я люблю его. Как

хочу походить на него!!! А ведь это все правда, и то время, тоже верно! Так и должно быть, и вот — «за окном сразу начиналась Россия»... За окном в нашем доме начинается, нет, не Россия (и не город даже), а улица... А вот в Глушине — там сразу начиналась Россия. Русь. И когда смотреть с пригорка — тоже видишь, — да, это начинается с самого этого места Россия. Потом — дорога; читала, и мне захотелось дороги. Вспомнила, как хотелось идти всегда вперед по лесным тропинкам, как хорошо было и хотелось без конца идти по дороге. А потом — это время, революция, бунты, поджоги... Как ярко там все!.. И Саша, Саша, чудный Саша!.. Как мне все противны: и Ив<ан> Ал<ександрович>, и Варя Некрасова, и все, все!.. Вдруг получу 10 рублей. А сейчас Сашуля верно сказал: как ни унижают роль интеллигенции в революции, а все-таки она очень велика... Правда!!!

Какой у Ив<ана> Ал<ександровича> красивый рот! Мне не хотелось смеяться, а я поглядела и улыбнулась... Если б он был красивый и мягкий... А сам И<ван> А<лександрович> — нет, не красив. Ф. Ю. — прелестный старикашка! Всегда у него в классе весело, и геометрия даже интересна! Куплю себе тетрадей, всего. Пирожное съем: надо же! Но зря деньги не буду тратить!

Я дура; нет, у Ив<ана> Ал<ександровича> рот — гадкий, и сам он гадкий... **Лебезятников...**

<Математические расчеты.>

Этот от самоуб<ийства>	
Витамин	Нет, не всегда
Анабиоз	Рыбы — боятся смерти.
Старик 140 лет	Бабаб
Бессмертн<ые> частички	Выраст<ают> в зрел<ом?> организм<е?>.
Души нет...	Как пол<овые> клетки умирают?
Летаргия.	

<Математические примеры.>

Берггольц
Дневник.
IV кл<асс>.

Мне хочется ласки, мне хочется сказки,
Но ласки безумней, а сказки грустней.
Мне хочется... ЛАСКИ.
Мне хочется сказки!!

Мне хочется музыки... звуков!

Кому повем печаль мою?

Кому же? Кому повем мою тоску?

Будет новый человек счастливый и гордый.

Кому повем печаль мою?..

Ко-му же?? Кому?¹

Как гордо:

«И все это — во мне, и все это мое»,

«и все это — Я».

И все это — я... Да...

Мне вспоминается дорога в больницу. Снег, синь, мертвые вагоны.

И он, кроткий, белый, славный... Милый мой!..

Миром управляют

Глод и любовь!²

23-го декабря. Среда.

Вот... умер дедушка... Умер! Умер... Странно... Я все время как в каком-то провале, пустом и нестерпимо белом... Оттуда как вынырнет сознание, остро занает, заушает и станет проваливаться сердце... Провалится, и опять внутри как черный пустой мешок, и только внизу что-то ноет... Ох, как холодно было дедушке, когда его мыли в мертвецкой... Он вздыхал, руки были белые и дряблые, а живот надулся, и так безобразно выпирал пупок... Дедушка!.. Дедушка!..

¹ Со слов «Берггольц Дневник» записи рукой О. Ф. Берггольц на обложке тетради.

² Со слов «Как гордо...» записи рукой О. Ф. Берггольц на форзаце тетради.

В мертвецкую его принесли на койке, и после него осталось вонючее, черное пятно... На носилках было много таких пятен... Мыл его грязный, лохматый мужичонко, у которого были тупые глаза, как полукруги... У меня так пусто внутри... Ни жалости, ничего... Даже страшно. А на панихиде плакала... Дедушку, живого дедушку, отпевал гнусный о<тец> Владимир.. Не будет его..., милого, седого дедушки, дедушки... Милый мой... Седенький мой!.. Дедушка, родимый, крестенький мой. А внутри сейчас пусто-пусто...

Я помню, как я приехала к нему, он лежал в Урицкой больнице — он так мне обрадовался, — сказал так весело и ласково: «Здравствуй, Лялюшка, здравствуй!» И рубль мне дал... Я шла тогда на «Робин Гуда»... А теперь он лежит, бледный, строгий и холодный. И от него уже чуть-чуть пахнет... И никогда-никогда он мне не скажет: «Здравствуй, Лялюшка, здравствуй»... Лялюшка... Лялюшка. Он один и звал меня так: «Лялюшка»... Баба-кока ругалась, обвиняла всех, что он не дома умер... А ведь это правда... один, один умер... Ох, какие еще драмы (мещанские драмы) разыграются у нас... А дедушки, дедушки... не вернуть его... Милый... милый...

26 <декабря>. Суббота.

Завтра гвоздями заколотят крышку гроба, и все... И все... Да, и все... Завтра, если деньги будут, вместо поминок пойду на «Великое, вечное». Ведь гнусно, гнусно.. Ничего же этого не надо: ни котлет, ни киселя, ни попов. А как много денег.. Да что деньги?... Мне кажется, что теперь можно тратить сколько угодно и не жалеть время: время остановилось, и деньги потеряли счет.. Была в оранжерее за цветами для дедушки: там есть белые-белые цветы, похожие на больших бабочек... Такие белые и похожи на бабочек... Первый заработок пошел на что!! Завтра... Завтра... Завтра я уйду. Будет ящик пива. Будет 70 человек гостей, попы... Будут жрать, жрать все, что теперь готовит тетя Маня... Отец и вчера был пьян, и сегодня. А дедушка — лежит один, и там холодно, холодно, и на высоких стеблях белые звезды хризантем. Я все в пустых провалах... Ах, плакать нужно, сидеть около него нужно, кричать и терзаться. А я списываю логарифмы и думала, когда везде ходила, о Ляле-снегурочке, о белом коне, о ледяной горе, такой высокой, как труба. Я мчусь на маленьких санках. Мою талию охватывает Д<има?> Б. Мы молоды, хороши, сердце замирает, и, летя

со сказочной быстротой, мы целуемся. Целуемся... Не любя, а так. Оттого, что ветер целует лица, оттого, что гора высока. Оттого, что... Нет, зачем, зачем я об этом мечтала и видела так это перед собой! Почему сейчас я как ничего не чувствую?.. Я боюсь, что отец запьет! А ведь я сильнее его: в себе все ношу... Я плачу, но редко и скупно. Ах, я хотела б плакать до обморока. Ушло мое детство. Он меня очень любил, дедушка-то... Нет, зачем я так пишу. Так пишу, как сочиняю... Какая я гнусная. Дедушка, дедушка... Теперь все, все должно пойти по-новому. И я, я буду мертва?! Нет!..

Когда я умру, за какое-нибудь большое и великое дело, я хотела бы, чтоб над моей могилой поставили длинную, тонкую хрустальную пирамиду... Пусть внутри. Как, как...

Зачем я все перечитываю!... Я же люблю его!!!

29 <декабря>.

Схоронили... Жизнь берет свои права... Но дединька, крестненький, милый, разве я забуду тебя!.. А уж ходить в больницу я не буду; как-то четко запечатлелась мне дорога туда, вагоны; а дедушка был такой белый и кроткий... Нет дедушки... и не будет...

Треть — ужасная. Но я решительно хочу исправиться. Следующая треть будет хорошая...

А в субботу ждет «Фауст». Ой, как я хочу, как хочу... Неужели мама не пустит?.. Ой, как страстно хочу!.. Музыка, музыка будет... Ой, хочу, хочу... Фауст... Ведь это мечта моя.. Пустит! Должна пустить.

Вспоминаю весну, и яблони, и сирень, и мою «любовь». Нет, зачем кавычки? Ведь я же любила Сережу? Любила... Хочется весны и молочных-голубых ночей... Хочу любить кого-нибудь, и чтоб меня любили, и быть нежной и хорошенькой... Эта весна была хорошая-хорошая... Голубая...

30-го декабря.

На «Фауста» я не еду, зато иду на «Евгения Онегина»... О, нет, мама непустила меня... Я иду сама, сама!.. В пятницу услышу музыку, пение, много-много звуков... Столько звуков... О-о!.. Как я счастлива!.. Скверно, что обманываю маму... Но она не понимает меня, она сама

виновата, 40 дней!! 40 дней никуда не ходить, 40 дней не слышать музыки!.. Нет! Как она понять не может.

Сейчас пойду за билетами... Вьюга, снег режет лицо, как иголки, и идти мне далеко... Ух, дале-еко... Но я пойду, пойду, обязательно, хоть бы вьюга была еще хуже... Я хочу музыки... Сейчас — час холода, мучений, а в пятницу, в пятницу... А-а-ах!!!!

Сходила. Получила. И не боюсь... Худо! — сказал Ф<еодосий> Т<итович>... Нет! Разве я настолько дрожащая тварь, что не смогу даже этого сделать?.. Зачем я буду лишать себя наслаждения, насиловать себя, из-за чего?.. Раз мне запрещают — я сопротивляюсь, я не хочу смириться и «обманываю» и иду. И тут нет ничего худого, но этого «им» не понять.

Я измучилась... Я измучилась... Была расплата с Авдотьей, были какие-то перебранки насчет ключей... Была истерика с мамой из-за того оскорбления, которое ей сделал папа... В пятницу... в пятницу. В пятницу будет так много-много музыки... Читала Вересаева — о Достоевском. Ну разве вот тут уложить все, что «взвихрилось» внутри? Разве скажешь? Читала и тонула, и карабкалась в чернильных волнах, и умирала, и воскресала. Колебались устои... верила, сомневалась и опять не верила... Ведь вот наш скандал, который был 2 часа назад. Ведь капля, одна сотая капля страданий всех... Как это пошло и глупо; жизнь, такая,... похожая на студень, серый такой?.. Жизнь и капоты, ключи, оскорбления... Смерть... Дед умер... Разве скажешь?.. Выльешь? Нет!.. Нет!.. Будет новый человек, счастливый и гордый! Хорошо! «Будет новый человек, счастливый и гордый»... счастливый и гордый... Как?.. Когда?.. Будет, он будет, я знаю! «Будет новый человек, счастливый и гордый»...

Так много, так много всего в душе, так огромно, ярко и сильно. А выльешь на бумагу — будет бледно, чахло... Нет, я все запомню...

«Смелей, человек, и будь горд»...

«Будет новый человек — счастливый и гордый»... Эта фраза внутри — на все лады... А что, если впереди одни пауки... Если одни только пауки в будущем? Что тогда?.. Как я рада, что я молодая!.. Я не в силах подчиняться темной силе, принимающей вид тарантула...

О, жизнь не проста, как я думала... На одной политэкономии не отъедешь... Нет, нет ее, этой темной силы... А если есть??..

Хорошо ли страдать, чтоб страданиями и борьбой моей унавожить кому-то будущую гармонию... Хорошо ли это? Надо ли это? Надо ли?

Ведь я и в комсомол из-за этого иду!.. Надо ли? Почему это все так запуталось?... А если «мне за “это” не будет ни любви, ни будущей жизни, ни признания за мной подвига» — что тогда?.. Нет, лучше спать лечь...

В «интеллигентщину» впадаю. Да нет же. Правда все это!!!

...Новый человек, счастливый и гордый, не будет мучиться этими вопросами. Надо Некрасовой дать все прочесть...

А-а!.. А ведь «человек проклят». Но кем? Когда!? Нет, ерунда это... Новый человек тот будет, кто ни мучиться, ни рассуждать так не будет.

Будет новый человек, счастливый и гордый..

Меня дрожь берет, и я холодею, и к горлу подкатывает ком, и я вся как-то проникаюсь радостью, гордостью и сожалением к себе, когда говорю это:

«Будет новый человек, счастливый и гордый!»...

Будет! Будет!..

Как жаль себя...

«Будет новый человек, счастливый и гордый» Достоевский.

Смелее, человек, и будь горд!

Все должны прежде всего на свете жизнь полюбить..

Голотурия. Самая странная вещь, похожая на человеческую душу.

«Страдание есть, виновных нет»...

А ведь правда. Что, если правда?!

Леонид Анд<реев> — [Гвоздовская] Герасимова.

Мишура

Рассказы (Аверченко)} Ильин

Нет, нет, нет, дедушки нет!

«Кино»

Получена кинофильма «2 моряка». Пойдет через год, потому что еще не делали съемки.

«Бесы». «Подполье».

«Подросток». «Анна Каренина».

«Идиот»

«Братья Карамазовы»

«Униженные и оскорбленные»

«Преступ<ление> и наказание» +

«Бедные люди» +

ГОД

1926

Смелей, человек, и будь горд: не ты виноват.

Дневник

Ольга Берггольц.

1926

Кому повем печаль мою?

Я не хочу подчиняться темной силе, принимающей вид тарантула.

Будет новый человек, счастливый и гордый¹.

Варя, две недели мы не будем ходить в школу! Представь себе, какой это ужас!..²

4-го [Д]января, 1926 года.

Когда не было тетради, о так многом хотелось писать, а теперь чего-то не о чем... Была на «Евгении Онегине». Хорошо было... но я почему-то ждала большего. Как хорош Печковский Ленский... Я мечтаю о нем... мечтаю о себе, о бале, о пенье и веселье... А ведь дедушка умер... Но странно, я не могу смириться с этой мыслью: привыкла, что его нет дома, все кажется, что он в больнице, что я пойду туда, и опять будет снег, синь, 3 трубы, мертвые паровозы... Опять ощущаю, как тепло и светло в больнице, как горят уши, нос, а в щеках ворочаются 2 червячка... И дед, белый, милый, кроткий... Отчего мне не скучно до ужаса? Отчего все — похороны и он, мертвый, как будто ушло из головы, и не представляется ничего, кроме как я ходила за цветами, и к Г. И., и мечтала о горе вышиною с трубу... Нет, сейчас все опять...

¹ Записи рукой О. Ф. Берггольц на обложке тетради.

² Запись со слова «Варя...» и до слов «это ужас!..» сделана на отдельном листе.

Мама кричала и ударила меня по голове за то, что [она] я спросила ее, какую же гадость ей может сделать Авдотья... Она уехала, чуть не в истерике. Я выкурила 3 папиросы, и у меня идет кругом голова... Все-таки пойду сейчас в библиотеку. Мама, мамочка моя... Как мне все надоело! Почему же я еще хочу жить?.. Жаль, что молодость проходит в таком аду... Мамочка моя!!

5-ого <января>.

Я прямо задыхаюсь! Мы сейчас звонили по телефону, баловались и, наконец, позвонили к какому-то Бор<ису> Влад<имировичу> Рубинштейну, № тел. 198–18. Б<ориса> В<ладимировича> не было дома, а был его приятель, или кто там, вообще мужчина... Между мною и им произошел такой разговор:

Я. Б<орис> В<ладимирович> дома?

Он. Нет. А что?

Я. Ж-ааль. Ну тогда передайте ему горячий, пламенный привет!

Он. От кого же?

Я. От Ниночки...

Он. Чорт возьми, я ему завидую!

Я. Завидуете? Ну я и вам тоже посылаю привет...

Он. «И вам тоже»... Это выходит кисло-сладко...

Я... Я к вам приеду через 2 часа. Обязательно.

Ну и все... Потом стала к нему звонить и баловаться Нюрка. В конце концов, он соединил нас с... берлинской филармонией (!!!), и мы слышали чудную вещь на скрипках, потом речь из Англии, и еще мы слышали арии из опер «Аида» и «Севильский цирюльник»!! В конце мы во всем признались, но, кажется, он нам не очень поверил... Господи, какой-то он? Молодой? Красивый? Старый? Пожилой? Безобразный? Прыщавый? Нет, я думаю, что он молодой, интересный... Как я хочу его увидеть!.. Ужас! Мы будем опять 8-ого звонить к нему... Это так интересно и завлекает меня!.. Зачем я некрасива? Мечтаю о Печковском... Узнать бы его телефон. В<аря?> Н<екрасова?> — противная... Всем я им — чужая. Какой-то он?..

14<-й> съезд РКП меня волнует, треплет — прямо не знаю как... Да нет, не опишешь того, что я переживаю!.. Пока я на стороне Зиновьева и ленинградцев... Но надо в нем хорошо-хорошо разобраться... Лягу спать... Об остальном — завтра. Боюсь за маму...

Господи, для чего жить? Зря все... 2 часа ночи... Только подумать: каждый удар маятника уходит в вечность, и из вечности его никогда не вернуть... Ничего из вечности, из прошлого не воротишь. Хочу видеть сны...

7-ого января.

Если мама так будет изводить себя Авдотьей, тетей Маней и их подлостями, то очень вероятно, что к весне ее не будет... Ну можно ли, можно ли доводить себя до такого состояния? Ведь это как психоз: ложка помята — Авдотья; ветки из камелии сломаны — Авдотья... И т. д. без конца... Никуда уходить не велит, чтоб глядеть за ней, — все боится, что А<вдотья> ей «подлость сделает»... Денег кругом должны, всего продаем... Все по-новому переставлять будем — наша комната — спальня. Василий хотел взять ту кв<артиру> № 6, и пускай бы взял, я не рада, если она останется за нами... Правда, мы в 4-х, а он с ребенком в одной комнате... Гнусно, подло... В голове планов, мыслей много. Попаду под минуту, напишу, и будет хорошо... Если в «Спартаке» напечатают, вот хорошо было бы. Рублей 7 дадут... Тогда 2 на оперу. А в воскресенье обязательно пойду на «Багдадского вора»... на Дугласа... И опять без памяти буду любить его...

Папа сказал, что «мамы на 2 недели хватит»... Возможно... Он заставляет меня писать из-за денег... Но у меня не выйдет ничего!.. И потом, ну, получу 10, 15 р<ублей>, разве они помогут? Разве спасут маму... Отец все время дома... Скучный, унылый... Мама мнительна, раздражительна... Поля — дура... А хочется жить, любить, хочется красоты и гармонии. Жаль молодости. Завтра буду, буду писать... А если мама умрет?... Какие все мы несчастные!.. Жизнь! Ты должна вознаградить нас, меня! Проклятая! Гнусная! С остервенением плюю в твое лицо! Вот! Вот! Вот!.. Не боюсь! Ненавижу тебя! Но жить буду!..

Я не хочу подчиняться темной силе, принимающей вид тарангула!!!

Караташ...

10-го <января>.

Дуглас! Дерзкая мечта моя!.. Дуглас! Дикая моя сказка!!! Страстная греза моя...

....А если б он приехал в Л<енин>град, ну, и вдруг бы заметил, полюбил или захотел бы меня — о, я бы все бросила, я пошла, я пошла бы!

Как мне надоела наша «семейная» жизнь. Мама все время ругается и за каждым пустяком придирается, обещается «никуда не пускать», «исколотить», «дать в морду» и т. д. Где та милая, нежная мама? Мамочка, где ты?.. Ведь я люблю тебя... Я сдерживаюсь. А папа каждый день пристает ко мне: написала что-нибудь? Пиши, пиши, зарабатывай... О, неужели его так устроят 5–7 р<ублей>, которые я заработаю? Мне мерзко — это насилие!.. Но я не хочу отдавать ему мои деньги! Я хочу, чорт возьми, жить, а не киснуть в этом аду... Я хочу музыки, хочу красоты; хочу новую шапочку, как у К<лавдии> Б<алдиной>, и она ко мне идет. Хочу кожаную куртку. Хочу съездить в «Пикадилли» на «3 мушкетера» (там Дуглас!), и там дивная музыка...

Хочу выписывать журналы и ездить в музеи и в театры... Мама говорит, что не будет пускать меня никуда за мое «наглое» поведение... Ну и пусть не пускает! Я не буду спрашивать, а буду сама, потихоньку, обманом везде ходить... А то не дожدهшься ее позволения! Это худо, ну и пусть... Это гнусно... Но Уальд говорит, что самый гнусный тот человек, который хороший, и Андреев говорит это... Это парадокс, а моя-то жизнь что? Я не хочу после кусать локти, жалея о глупо потраченных днях!.. Я хочу быть счастливой, и если кто-то другой портит мне жизнь, то я буду насильно счастлива... А ради денег специально не буду писать...

Со среды занятия... Слава Богу...

Дуглас мой, Дуглас. Приди ко мне в эту ночь...

Я видела мерзкий сон... И у меня бывают премерзкие мысли. Я не хочу... А это не разврат? Или возраст?... Неужели мои мечты про Дугласа — пошлые... И сама я пошлая? Нет, нет!.. Хорошо, что я перед собой никогда не лгу...

Беру кусок жизни бедной и грубой и творю из нее сладостную легенду, ибо я — поэт.

Беспредельна и абсолютна лишь греза...

Нет, мне не нравится О. Уальд, и не буду читать его... Нежизненный, парадоксальный и позер... Ну, как это так: человек совершил убийство и упивается оперой... Глупо и невероятно...

Там бубна звон. Гитары стоны.
И там в кибитке!..

11 <января>.

Папа в сердце сказал мне сегодня: паразиты, присосались. Смешно...
Ведь я не просила его о моем рождении...

12 <января>.

Читаю «Анну Каренину», то место, где про весну и лес... Господи, как хорошо! Как я хочу весны и леса — сырого, голубого, полного кликами любви... Как хочу!..

15-го <января>.

Вчера такая тоска была, что в голову лезли мысли о... смерти...

18-ого <января>.

А почему бы не написать Дугласу письмо?.. Это пусть было бы дорого, но он узнал бы, узнал, одну только минутку, ну, хоть полминутки подумал бы обо мне... 5–10 минут подержал бы мое письмо в руках... И главное, если он и посмеется, и скорчит ироническую мину, но он узнал бы, подумал... Одну минутку, одну минутку хотя!.. Как я завидую Мери! Какая она счастливая, какая счастливая... Дугласу 43 года... ну это совсем немного... Он мне в отцы годится! Господи, моему отцу 42, а ему 43... Но у него классические мускулы и стройные, сильные ноги... Нет, это глупо, что я подумала об этом! Во-первых, не знаю <Далее обрыв текста.>

18-ого <января>.

Еду в многие редакции завтра. Одно стихотворение поместили в «Ленинских искрах». Может быть, дадут рубль. Хорошо, если б хоть в 2-х поместили. Все бы рублей 10 было. А пишу я так оттого, что всю меня дергает и трясет. Все идут скандалы с Авдотьей... Мама, господи, зачем она так! Ведь правда, доведет всех до чего-ни-

будь, сама того не хотя!.. Хороша жизнь или гнусна?... Стоит жить или нет?...

20-го <января>.

Как кошмар какой-то!!! Мама говорит: «Если я не убью Авдотью, то она меня погубит»... Она ссорится с папой. Это страшные ссоры, во время которых я дрожу и боюсь, что отец ударит маму... Зачем мама не хочет потерпеть,... ведь уедет же Авдотья. Немножко потерпеть, не изводить себя и отца... Мы все видим страшные, кошмарные сны, полные зловещих предзнаменований.

23 <января>.

...Видела во сне, что Дуглас умер!.. Разве он умрет когда-нибудь?... Поеду в «Работницу и крестьянку». Верно, не поместят...

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Неужели?

Я б хотела, чтоб меня полюбил Д<има> Б. А, впрочем, мне все равно... Его нет сегодня в классе... У него красивые, но глупые глаза... Как я могла любить Сергея Гр<игорьева>? Какой противный!.. Фу! То ли дело Дуг<лас>... Дуг<лас>! Дуг<лас>! Он хороший, добрый... Зачем ему 43 г<ода>.

Завтра еду в «Маскарад». В доме все перестановили¹. Стало лучше... Я как институтка, насчет Дуг<лас>а. Ну, что ж я поделаю. Скоро весна... Скоро весна....

Из жизни бледной и случайной
создам я
трепет без конца!

24 <января>.

Поля не достала билетов. Я взяла 80 к<опеек> из своих 1 р<убля> 50 и поехала слушать Ситторда... Но, увы!.. Не хватало 20 коп<еек>... Пошла на «Кабинет восковых фигур» — 60 к<опеек>. Было хорошо... И музыка была хорошая...

¹ Так в рукописи.

Конечно, дома я наврала. Как это гнусно. В сл<едующее> воскресенье навру, что на экскурсию, а поеду на «Страсти» Баха.

26-ого <января>.

Была на «Розите»... Что это за чудо!.. Как дивно... Дома папа говорит о том, как скверно, что мои стихи не поместили, тусклые лампочки... Господи! Наплевать, что не поместили... Лампочки вот зря такие тусклые. А у Мери Пикфорд и у Дугласа во всех фильмах — протест...

«Гадкий королишко!» Милая Мери! Хорошо-то, Господи, как хорошо!..

Папа злой... Недоволен, что не поместили... Да, ну... Как это досадно... В воскресенье будет мно-ого музыки... Мно-ого! А в субботу у нас концерт!... Я жду его... Буду весела, буду танцевать и завтра поеду в лес за елками. Какие завтра уроки? О! 2 бухгалтерии. Гадость, зараза!.. И физика, кажется. Мерзкая физика!.. Не знаю ее... У меня еще есть 80 к<опеек>, 50 — на Баха и 30 — на Пикфорд. Зачем я уродка?.. Зачем я уродка!!? Почему одним так много, а мне... А мне что?.. лягу и буду мечтать, мечтать. Нос красный и в пупырьках.

OOOOOOOO

Я хочу любить кого-нибудь... Хочу глядеть на синий снег и думать про него... Вспомнить что-нибудь про него хорошее и прошептать: «милый!» Хочу любить, хочу любить! Но кого?... Кого мне полюбить?..

Я буду везде-везде путешествовать!! Больше всего я хочу в Крым, в Италию, в Испанию... Итальянцы так красивы!.. Там так много солнца! Там море, виноград и солнце, солнце... Море солнца!!! Хочу в Швейцарию, к голубым горам, где воздух кристально чист и снега белы... Хочу видеть древние статуи, храмы и в голубом море плыть в лодке, одной, одной. В Париж и во Францию я не хочу. В Англию тоже и в Германию... Но больше всего я хочу в Индию... Индия! Сказочная страна. Нет, никогда этого не будет, и зря мечтаю!.. А почему не будет? Нет, я хочу, чтоб было! Хочу! Хочу!.. Я лягу сейчас спать и хочу спать так долго, как можно... Ехать мне завтра в лес или за билетом?

27 <января>.

Еду за билетами.

Получу или нет? Получу или нет? Получу, получу, должна получить! Во что бы то ни стало.

1-го <февраля>.

Увы, тогда я не получила. Но сегодня еду за билетами на «Черевички» и в капеллу. Про капеллу не скажу, а вот насчет «Черевичек»? Обманывать или говорить правду? Зачем же обманывать?.. Скажу, что билет достала Власова... Опять мама будет вспоминать старые проступки... Ну, нет, надоело врать... Не поехала. На концерте было скучно и невесело. И Димка, и все мне противно... О! Скорей бы мчалась эта неделя!!! Во время ее приведу все мои дела в порядок... Да, а то зашьюсь.

1-ое. Переписать всю геометрию и тригонометрию.

Не позднее пятницы.

Завести тетради по:

1. Геометр<ии>.	Французск<ий>+алгебра +
2. Тригоном<етрии>.	Немецк<ий>+космогр<афия> +
3. Биологии	физика +
4. Коммерч<ескому>
вычисл<ению>	20 коп<еек>.

Да, я совсем распустилась...

Немецкий весь сделать...

Ох, распустилась.....

Да, космографию всю переписать. Завтра возьму ее у В<али?> Б<ычковой?>. Нет, нет, все приведу в порядок... А 50 к<опеек> прожрала сегодня... Дрянь я...

7-ого <февраля>.

Через час еду в Капеллу, а вечером иду на «Риголетто». Обманом, конечно... Брр... Но музыки, музыки сегодня будет столько, что можно будет захлебнуться в ней!

У тети Мани было прегнусно!.. Конечно, было много всего и вкусно, но общество — кошмарное... И ведь хорошие, в сущности, люди. Противно было...

1. Броненосец Потемкин +
2. Розита +
3. Кабинет <восковых> фигур +

4. Камергер его велич<ества> +
5. Доротти Вернон +
6. Коллежск<ий> регистр<атор> +
7. Робин Гуд +
8. Знак Зорро +
9. Иветта +
10. Багдадск<ий> вор +
11. Тайна маяка +
12. Наполеон Газ +
 - С черного хода –
 - Медвежья свадьба –
 - Великое – вечное +
- Л. А-лд. Уварова – 496–20 Школа 606–24
- Г<осподи>н «Х» 198–18
- Капелла 593–60 Мойка, 20
- Пр<оспект> 25 Окт<ября> 23
- Кубуч 141–78
- Поля 133–69
- Мама 503–06
- «Лен<инские> иск<ры>». 685–25.

Дневник, О. Берггольц¹

10-го февраля. 1926 год.

Ромейко. Товарищ Ромейко... Как он нравится мне, наш Ромейко, руковод<итель> партшколы. Он похож на человека из хорошего, красивого рассказа о весне, о любви... И какая певучая фамилия: Ромейко... Вспоминается Малороссия, лето... Он мне очень-очень нравится.

Уперлась в стену жадным взором,
[А в классе пыльно и шумят.

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц на обложке тетради.

И где-то там далеко море,
 И чайки белые летят.
 Песок от солнца раскаленный,
 И воздух солнцем напоен...
 А море, в качке упоенной...]

11-го <февраля>.

Была на «Медвежьей свадьбе». Как хорошо!.. Я даже ничего не могу сказать. Эггерт — прелесть... Дугласу далеко до него...

Шемет. Шемет.

16 <февраля>.

Спина болит. Приезжал Виктор... Только почему мой дневник здесь? Ведь я положила его под матрас... Неужели это мама нашла, да и тот дневник тоже?.. Ой, боюсь. Сегодня в партшколу, и увижу Ромейко...

18-го <февраля>.

Хорошо! На улице 1– выше 0, воробьи надрываются... Я рада, я рада... О, счастье, я еду на «Реквием» Моцарта. Я флиртую с В. Яск<евичем?>, с Д<имой> Б., мне хорошо на душе... Скоро получу из редакций деньги... Одно беспокоит — мама... Весна, я боюсь тебя, из-за мамы... Я не буду ее теперь обманывать... Мамочка моя, худенькая, миленькая, у тебя уж много седых волос... А я молода, у меня рыже-золотые волосы и красивый рот и губы... Я не хороша,

И все смотрел я на червонные дали,
 И все хотелось о чем-то петь,
 А они, кружась, исчезали,
 Чтоб потом без меня догореть...
 И все я ехал по седой просельной,
 И мне на кудри ложилась седая пыль.
 Полосы красной зори тянулись сквозь ельник.
 Я не знал, где сказка, где быть...
 По дороге трусила, ушами прядя, кобылка,
 А колеса как будто боялись греметь.

В небе белые тучи колыхались ковыльно,
Мне хотелось о чем-то петь.

но по временам бываю очень хорошенькой. Хорошо, что на улице
воробьи и липучий снег.. Пойду гулять...

Посв<ящается> Анютке.

У Машутки губы [точно] словно вишни...

— «Девка, дай разок поцеловать», —

Лезет Колька... Отмахнулась... «Ишь ты!

Полно, парень... Брось-ка баловать!»

А [сама] пошла и [встала] у забора...

Маша вечером стояла у забора,

[Золотилась на дороге пыль,

Даль оделась в синие узоры,]

[В небе обла]

[Был закат..] В зорю [с сл. нрзб<>] врезалась ель...

И сплелись в багряные узоры

Облака — пушистая кудель...

Вертит Маша жита колкий колос,

— Колют руку жесткие усы...

В аккурат-то кудри у Николки,

Как во поле пышные овсы!!!

[Скоро жать... Уж рожь везде желтеет...

Где ж она влюбилась в Николаху?..]

Ух, идет... поет... узнала голос...

Эхо вторит песням молодца...

Уронила Маша на земь колос —

— Колькин рот так близко от лица.

Засмеялся... — «Ждешь?» «Чего хочешь?»

Так стою... Еще тебя бы ждать...»

Близко губы... Хочешь аль [иль] не хочешь,

И пришлось не раз поцеловать...

...Из-за леса скалит месяц зубы,

Поседело жито от росы

Побелело поле от росы...

«Ах, у Маши словно [точно] вишни губы,

Ах, у Коли кудри, что [как] овсы»...

II-18-26.

О! Билет на «Реквием» есть... Через 10 дн<ей> я еду.. Господи, какое счастье. Завтра анонимно пошлю В. Я<скевичу?> открытку. Что-то будет?.. Однако и за алгебру пора...

[2.40.] [7.80.] [7.30.]

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

[10]. 20-го <февраля>.

Была на Литгруппе... Хорошо, что надо... Ребята все симпатичные, а Гор — особенно. **Очень** симпатичный и... девчат любит.. Вид немного шпанский, ну да ничего, — хорошенький. То стихотворение, что назади, — приняли в «Раб<отницу> и крестьянку»... В 5 № пойдет... И еще пошлю — про хлев... В сл<едующий> вторник или пятницу буду читать. С Яск<евичем?> немного пересолила, ну, да наплевать, и Д<има> и Я<скевич?> мне одинаково безразличны... Гор — мне нравится, и Ромейко... Хочу написать рассказ «Воши». Так?

22-ое <февраля>.

Гнусь на меня на бухгалтерии нападает такая, что простыми словами описать невозможно! Еще 4-3 м<есяца?> бухгалтерии... Да ведь это пытка, которой нет достойного наименования...

Завтра в Литгруппу... Хорошо... Может быть, увижу Гора, это тоже хорошо, потому что он мне нравится. На лице прыщики — это скверно... С В. Я<скевичем?> больше не переписываюсь, ну, и хорошо... В классе атмосфера тяжелая — все пыхтят и ни фига не понимают.

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Ну чем я занимаюсь!? Надо ресконтро составлять, а почему я знаю, куда относить Стуклю и Герасимову — в подотчетные лица или в ... ж<оп>у. О<льга> П. что-то лепетала... Дура старая...

Немецкий. Тощица в кубе... Может быть, после школы поступлю на медицинский — широкий факультет, хороший... Сейчас гимнастика — вот это не лишнее!.. Я в шароварах — очень хорошо, и ноги довольно приличные...

1. Девушка в комсомоле.
2. -//- в школе.

3. Женское движение.
4. Девушка или женщина раньше и теперь.
5. [девушка] Женщина и Октябрь.
6. Гимназистки, институтки и «советские школьницы».
7. Как раньше учили девушек...
8. На помощь матерям.
9. Пионерка.
10. Девушка и религия.
11. Девушка дома.
12. Низвержение самодержавия.
13. Ленин и жен<ское> движение.
14. Женщины и революция.
15. Крестьянка и кр<стьянская> девушка, ее участие в н<о-вой> жизни, в сельском хозяйстве.

Нюра, хорошо! Хо-ро-шо! Мне так радостно, мне кажется, что все похоже на весну... Я хочу танцевать, обниматься, целовать-целовать кого-то до боли!..

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Ну и ладно.

24 <февраля>.

Вчера была на ВАППе. Видела Либединского, Саянова, Киршона и др... Ведь все это большие, настоящие писатели! Либединский симпатичный, лицо характерное... Киршон очень красивый, горячий; по-мо-ему, у него большой внутренний жар, он страстный... В ВАППе раскол. Я поняла почти все, что они [мне] говорили, в чем тут дело... Но показалось (быть может, от глупости моей), что они хотят всех подравнять под один уровень... Надо почитать нов<ый> № «Нов<ого> мира». Говорят, что там буржуазная литература чистейшей воды. Я согласна с Чумандриным и Киршоном. Принять их в федерацию, чтоб отобрать левых попугачиков.

25 <февраля>.

Ох, как мне худо... Знобит, болит голова, поясница как не моя... Надо алгебру делать, а я буквально не могу. О-ох, худо... Завтра на обществоведении сделаю. Тот ли это Гор: 165-07. Анатолий Загородный, 22.

Адрес Печковского: Театральная, 2 (два). Если не захвораю, завтра поеду за деньгами, в Литгруппу, буду читать...

Мама тоже совсем больна, а поехала... Ох, мама, мама... Боюсь я за тебя, милая ты моя... Нет, я должна не хворать, а то не попаду на «Ре<к>вием»... «Реквием»!.. Я услышу «Реквием». О, счастье... Алгебра, о проклятая... Легла бы спать, да как мама... Получу 4 р<убля> — мало!!

26 <февраля>.

Нет, чорт с тригонометрией! Не могу — охватила какая-то странная апатия ко всему! Завтра на «Реквием»... Нет, зачем я в день получи-ки потратила 1 р<убль> 70 к<опеек>? Какая я дрянь; нет, это последний раз...

Однако:

+ физика — надо все выучить. +?

алгебра — начать 13 задание.

+ тригон<ометрия> подучить (не учу) и переписать геом<етрию>

+ Биология — нап<исать?> про кровообращение.

+ и все подчитать... О-ох, плохо преподает А. Н. Про «В хлеву» сказала — «большая потуга на новое». Дура!

Общ<ествоведение> доклад ко вторнику. Туго читается...

Родной <язык>. 12 писателей. Свят, свят, свят!...

А гр<ажданский> кодекс? И одной ноздрей не нюхала.

Итак, за дело...

Скоро пойдет новый фильм с Дугласом... Я ни о ком пока не мечтаю...

Дни-мальчишки, вы ушли, хорошие,

Мне оставили одни слова,

И во сне я рыженькую лошадь

В губы мягкие расцеловал...

Хорошие стихи! Это нашего литгрупповца, Корнилова... Дни, мальчишки, вы ушли, хорошие!...

28 <февраля>.

Была на «Реквиеме». Хорошо... Какая величественная музыка...
<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

1-го марта.

Мне худо-худо... А вечером надо ехать за бюллетенем. Как бы не захворать... Мне хочется только спать и на все наплевать.

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Поеду на концерт Голубовской. Там будет Шуман, Лист, а на «Индийскую гробницу» не пойду...

РЕСКОНТРО на 1926 г

Март

Мои долги на с<ей>/ч<ас?> 1 р<убль>.

Сч<ет> В. Т. Коцюбинского.

II	Счету Л<яли> Бергг<ольц>	1		18-I	Сч<ет> Л<яли> Берггол<ьц> Счет Л<яли> Бергг<ольц> Дал на 8 и<ю>л<я> //-// грам<вай> Счет Л<яли> Б<ерггольц>	1	40 20
						1	
	Счету Л<яли> Б<ерггольц>	Сч<ет>	5	булок	Счет Л<яли> Б<ерггольц> //-//		20 5

ЛИЧНЫЙ СЧЕТ

Д<ебит>

К<редит>

Ст<а- тья> 1.	Счету В. Т. Коцюбинского () Взяла в долг после пок<упки> бил<ета>. -//- на пок<упку> билета (18-ого) -//- трамвай (январь)	1	[6]40 20	Счет редакции «Кр<асный> галстук». Имею получить за рассказ. Счет ред<акции> «Юн<ый> пролет<арий> им<ею> пол<учить> за ст<ихотворение>. Счет В. Т. Коцюбинского Уплатила долга часть Счет «Ленинских искр» Счет булок отд<ала> долг Счет В. Т. Коцюбинского Счет Орлова	[4]5 1 5 1 8
2	<u>Счету</u> булок Брала в долг булки	1	60 20		7 13
3.	<u>Счету</u> Орлова (брала на трамв<ай>). Счету булок. Взяла в долг Счету В. Т. Коцюбин- ского -//- булок Итого за февраль м<есяц> Сальдо в м<есячный?> / п<латеж?>. Неоплач<енные> долги. Баланс	1 3 3 1 7	8 10 5 03 10 13 [неоп]	На практических заняти- ях по делопроизводству я глупею и сатанею... О. П. говорит, что я не развита в этом отношении: вели- колепно! В одно из заня- тий я перекушу О. П. гор- ло.	60-В. Т. 25 85 90

Ха-ха-ха! Вот первое практическое применение моих позна-
ний по бухгалтерии... О, проклятье ей... И все-таки неверно!..

Механизм дыхания, дыхательные мышцы Алвеолы. <Рис.:
гортань.>

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

В. Т. <Коцюбинскому?> — 1 р<убль> 60

булки _____ 30 _____ 1 р<убль>

1 р<убль> 90 к<опеек>

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

О. Берггольц

Кому повем печаль мою?

Город Ленинград

Геннадий Гор 18 лет Гор

Ленинград, Ленинград, мой любимый¹

7-го марта.

Послезавтра в Литгруппу... О, скорей бы «послезавтра»... Я нравлюсь Гору, я знаю... О, если бы... если бы! он полюбил меня... Он брал меня под руку, он ударял со мной по рукам, что мы поцелуемся... Глупый! Если б он был немного посмелее, о, я б поцеловала его, так бы поцеловала, чтоб он не забыл!.. Влюблена ли я? Не знаю... Право, не знаю... Увлечена, верней, и... не совсем хорошо... Если б я была хорошенькой! Им нравятся мои волосы, Гор говорит, что у меня красивый рот... О, милый мой ротик! Надо смазать тебя глицерином, чтоб ты был еще краснее и не трескался бы.

Гор... Красивая фамилия... Хентов признается мне в любви, нарочно, разумеется... Все со мной по-товарищески, хорошо... Я во вторник прочитаю «Машу», «В хлеву» и, может быть, «Простыни»... Это глупости, не одной наружностью жив человек...

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Нет, не хочу!

Была в Русском музее... Господи, как хорошо, какие краски... Что это за чудо — «Ночь на Днепре», «Корабельная роща», «Баба в сарафане», Врубель!.. Нет, не один раз нужно побывать там, чтобы по-настоящему впитать в себя все эти краски... Буду звать наших ребят в музей, литгрупповских...

¹ Записи рукой О. Ф. Берггольц на обложке тетради.

...А 17-го, в 9 часов вечера я услышу дивную музыку: «Серенаду» Чайковского и Стравинского — «Весна священная»... «Весна!» О, я буду о много<м> думать, когда буду слушать ее!..

В среду пойду на «чортово колесо». Я была бы почти счастлива, если б мама не была больна... А у нее идет процесс, она худеет, кашляет, хиреет... Ей надо переменить образ жизни, нужно питаться, а весной уехать из Ленинграда... Но разве хоть что-нибудь из этого делается. Она изводится из-за Авдотьи; папа может выгнать ее, но почему же он этого не делает?.. Эгоист, ему лень!.. Он говорит ей так грубо, так мерзко... Он уже не любит ее... А она?.. А ведь любили, и целовались, и дурачились, что навсегда. Нет, почему он не удалит Авдотью, ведь видит, как это убивает маму... Противный! Эх, на мамином месте я плюнула бы и на папу, и на Авдотью, а она вот не может... Работает, старается...

Мамочка, милая моя, как мне стыдно за то, что ты работаешь, хочешь на этой неделе все сшить для нас... Как мне стыдно, что я пойду на «Весну священную», на «чортово колесо», а ты никуда, никуда... Мне не хочется обманывать ее... О, как мне стыдно, что я увлекаюсь Гором, что, может быть, нравлюсь ему, а вы — ты и отец, уже не любите друг друга...

Мамочка, прости меня за то, что я хочу быть счастлива, за то, что у меня твои губы, за то, что у меня молодое, хотя худое пока — тело, что я хочу поцелуев Гора, музыки и ярких красок!..

...Я хотела бы в прозрачной роще
Обнимать притихшую сосну...

Во вторник увижу Гора... Что-то будет?

9-го марта. Вторник.

«Какая ручонка тоненькая», — сказал Гор и взял мою руку повыше кисти... Ну... о чем писать?.. Гор открыто говорит, что я ему нравлюсь, и на вопрос Антоновского — «что, влюбился?» — отвечал: «Пока нет еще»... Ну, влюбится... А я?.. Право, не знаю... Кажется, и да, и нет... Он говорит, что возьмет долг, — значит, поцелует... Глупый, я согласна, ну, будь посмелее...

Я хорошенькая пока, а на Литгруппе щеки горят ярким заревом...

Хорошо сегодня было...

А дома!.. Эх, дома... Если б не мама, худенькая, больная, раздражительная, — о, я была бы счастлива!.. Мамочка моя хорошая, как я хочу, чтоб ты была счастлива... Ну, и что ж, мне приятно прикасаться близко к Гору, приятно, что он вертит кисти моего пояса, взял меня за руку... Это, может быть, худо, но мне нравится!.. Фу, какие гадкие Димка Б., Яскевич...

С Корниловым подралась... В пятницу в Литгруппу, в воскресенье на Конференцию... Пустят ли?

28-го пойду на Бетховена и маме хочу взять билет...

11-ое <марта>.

Завтра в Литгруппу. Увижу Гора. Буду читать...

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Если он меня поцелует, я не буду раскаиваться — ничуть, ничуть!... Он, верно, и не думает про меня... А я — дура.

12 <марта>.

Сегодня в Литгруппу. У нас в квартире адский холод, и я синяя, а нос как черный... Но в Литгруппе будет жарко, и я буду хорошенькая... Я в синенькой рубашке, и у меня заметно выделяется небольшой, стройный бюст, и я тоненькая и стройная...

Господи, когда это кончится!.. О, проклятая Авдотья, когда она выедет?! А мать? До чего она опошлится и опустится в этой грязи?.. Формы, галоши, щиблеты, сечки... Какая гнусность, какая мерзость... Ох, этот проклятый демон Авдотья!.. Мама больна ей, у нас ежедневные скандалы. Она всю жизнь портит нам.

Вечером...

Мне тоскливо-тоскливо сейчас... Гору понравилась моя «Маша»... На Литгруппе я была хорошенькая, только под конец нос зажегся, так сказать... Проклятый мой нос... Корнилов — дурак... Гор посмотрел на меня ласково, когда здоровались, но руки не дал.. Читал рассказ — хороший, но есть места — очень сальные, прямо отвращение... Сальный он, и Корнилов сальный, вот Хентов — хороший паренек. Как Гор любит говорить про уборные и прочую гадость... Какой он неприятный, когда смеется... Ну, чего я в нем нашла хорошего? Дура я...

В воскресенье я увижу его, а вот во вторник — не знаю... Совру, что Литгруппу перенесли на среду, и поеду в филармонию... Или правду сказать? Жаль пропускать занятие... В воскресенье на конференцию днем — нужно быть хорошенькой... Дура я, мелкобуржуазная какая-то... Гор нос вытирает пальцами и смотрит на них потом. Он не говорил ни о чем со мной; — у них неприятности с Белицким. Да что я — влюбилась? Ну и зря, что по пятницам будут ходить из «Раб<очей> и крестьянки»... Читать или не читать «Простыни». Стыдновато, да ведь это мещанский стыд... Скоро в школу, а я еще ничего не сделала... А все-таки Гор защищал мое стихотворение, и ему опять сказали: «Да что ты, влюбился?» Да нет, я влюбилась, это факт, но я *не хочу!* А вот Александрова — прелесть!.. Ей всего 18 лет, а уж замужем! Наплевать на Гора... Если во вторник не пойду — позвоню по телефону — заинтригую их всех, а Гора особенно...

13 <марта>, суббота 12 час<ов> дня.

Нет, неужели же во вторник — пропускать занятия, и с воскресенья до пятницы (4 дня!) не видеть Гора... Да что в нем особенно? Ни фига... Вот, чорт возьми, неужели влюбилась? Так хотелось влюбиться, а теперь — нет... Да что ж опять любить без ответа — платонической любовью — скучно, нудно... Нет, во вторник не поеду... Тоскливо, нудно, тяжело... Зачем он сальный? Зачем ни о чем не говорили с ним — хотя нельзя было... Зачем мне скучно?.. Чорт, чорт, чорт, скучно-оо-оо!.. Милый билетик, в среду, через 3 дня поеду в филармонию «Весна священная»... Хорошо бы на Бетховена 28-го...

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

«Глупое сердце, о чем ты печалишься?»

Дура я...

Посмотрела я в окошко,
 На дворе стоит весна...
 Ты не думай, ягодина,
 Я не очень влюблена!..
 Выду, выду я на речку
 Да на волны погляжу:
 Ты целуй, забава, крепче,
 Пока около сажу!

Брови черные, густые
 У забавы моего...
 Да слова его пустые,
 Забывать надо его...
 Я напрасно похвалилась,
 Позабыть тебя решилась!
 Легче камень оживить,
 Чем тебя мне позабыть!..
 Я иду-иду по лесенке,
 По лесенке крутой...
 Не любите, девки, старых,
 От них пахнет кислотой! Ха-ха-ха!

А ведь у Гора брови черные, густые — так бы и поцеловал!...
 6 часов вечера.

Тоска, тоска, тоска... Чего-то хочется, а чего, не знаю... Плакать —
 не охота; Господи, как тоскливо... День проходит, ничего не сделала...
 Пою... Если б был красивый голос, а то...

Погода странная; была вьюга, потом солнце на снегу, ка-
 кое-то робкое, неуверенное... Сейчас опять снег, и стучит заслонка
 в трубе, и между рам пищит жалобно... Во вторник не поеду... поеду...
 нет, не поеду. Завтра увижу, ехать или нет...

9 час<ов>.

Прошло. Если Гор меня не любит, так ведь и я его не люблю,
 о чем же тосковать? Только как-то щиплет сердце, но тоска прошла.

Читала старый летний дневник. Какая дура была...

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

11 ч<асов>.

Что-то завтра будет?.. Как-то встречу с Гором? Впрочем, мне
 все равно... Нет, что я лгу, не все равно, а... Я дура.

1 час ночи.

Да! Что-то будет... Только бы не был красный нос...

Может быть, Дуглас приедет в Л<енин>град... Мне все равно...
 А что я говорила: «полюблю не жалкого, не слабого, а того, кто ура-
 ганно смел»... А Гор жалкий и слабый... Не смелый... Эх, я!.. Да, нет,
 я же не люблю его.. А сейчас чего же... пишу?.. Ну, с чего я взяла, что
 он переменялся ко мне? Дура я. Завтра увижу его. Ложусь спать.
 Во сне его видела, только как-то странно. Гор — сальный...

15-го <марта>.

Ничего не было особенного... А во вторник обязательно поеду... Нет, я не люблю его...

17-го <марта>...

Ну, да, я его не люблю, а ведь чуть было не влюбилась. Вчера видела; подсел около, дотрагивался до колен (фу!), переглядывались... Он опять пришел позновато... Все мальчишки за мной стреляют, особенно Борька Корнилов. Все они нахальные и сальные. И Гр тоже. Он показал мне фразу в книге Бабеля — «когда мы молодые, мы все думаем на женщин» и сказал — «я на тебя думаю»... Дурак... Если б он был посмелее...

18-го <марта>.

Зачем все надо делать? Подтирать за псом, стряпать. Вчера была на «Весне священной»... О! Неужели же я не услышу ее больше?... Я — нет, я ничего не могу сказать.. Это было что-то сверхъестественное. Я чуть не плакала, чуть не орала, когда были «игра умыкания» и шествие старейшего-мудрейшего, выплясывание земли... Нет, никакими словами не выразишь того, что я чувствовала, и что за дивная была эта музыка... Она за все меня вознаградила... Стряпня, пес, и все это стирают звуки... А мне хотелось бы сидеть, вспоминать их и грустить, тосковать о чем-то огромном, мятежном и диком...

Завтра в Литгруппу. Что-то будет относительно Гора... Впрочем, мне теперь все равно...

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Гр Гр Гр Гр

Завтра в школу, ничего не сделано... Совсем ничего. Хотя бы деньги поскорее получить... Приду — надо переписать «Трактор» и «Ходя»... Во вторник буду читать «Простыни». Идем с мамой на «Парижскую Коммуну»... «Весна священная»... как хорошо было.

19-го <марта>.

Сегодня еду. А сейчас иду в школу... Рада. Как давно всех не видала!.. Ну, с понедельника примусь за уроки как следует... К пятнице дого-

ню алгебру, к четвергу — литературу, или я не комсомолка. Сегодня узнаю, когда же на приемочную в Райком. Как долго тянут наши растяпы. Как я рада, что сегодня в Литгруппу!.. Ну, пора идти...

Муся хотела позвонить в Литгруппу сегодня и заинтриговать Гора, когда я там буду, до занятий. Что-то будет?..

Что же приманчивей? Купол ли звездный,
Пропась ли, полная сном?

Конечно, пропась, полная сном.

А я, как сон, давно предсказанный,
Приветствовал и стыд, и час.
И ночь своей тафтой развязанной
Покрыла вдохновенно нас...

Это мне всегда выходит, когда я задумаю, любит ли меня Гор? Впрочем, мне все равно.

Ночь, 2 часа>.

Гора не было. Борька Корнилов тоже очень симпатичный... Во вторник, наверно, будет... Все ко мне очень хорошо относятся... Когда увижу его во вторник, спрошу — отчего не был, и вообще... Жаль, что его не было... Жаль... Дядя Димки Б. провожал меня. Дома ругаются... Скорей бы вторник... Буду, буду читать «Простыни»!.. <Про> «Простыни» Борька К<орнилов> сказал, такая [стра] молоденькая и так художественно поцелуи описывает... Они никто, наверно, не верят, что я ни разу никого не целовала. Если б Гор был смелее... о, я б его поцеловала... Так бы поцеловала... так бы...

20-го <марта>.

Ну, вот, я и в школе... Мне скучно, скучно... Все, а особенно мальчишки — прегадкие... Сейчас практические... О, мука из мук... Я даже буду гордиться, если мне будет «неуд» по практике... Дома еще хуже... Отец [хотел] все время ходил с моим портфелем и носил в нем бумаги. Сегодня, когда он спал, взяла портфель, а бумаги положила на самое видное место — на трюмо... Он не нашел бумаг (!!!), взбесился, ругался и т. д. Теперь будет каша... Господи... Я понюхала эфиру,

и теперь у меня настроение апатичное, безразличное... Так тоскливо... Скорей бы все уходило, я осталась бы одна. Пописала бы, хочется писать. Как все надоело... Зачем у меня такие маленькие глаза?..

Дни-мальчишки, вы идете, милые,
Оставляете одни слова...

Корнилов очень хороший... Гор — лучше...

21-го <марта>.

Послезавтра в Литгруппу. Сегодня буду обязательно делать русский и физику. Послезавтра буду читать «Простыни». Борька К<орнилов> опять что-нибудь будет говорить... Ну, пусть его.

Четверть девятого. Сажусь за уроки... Чорт возьми!.. Нет тетрадок ни по алгебре, ни по физике и не найти нигде... О, дья-явол, тоска какая... Где они?..

Слава богу, нашла. Принимаюсь...

22-го <марта>.

О-ох... бухгалтерия... Зззаррразза... Ура! Заметка о Палевском проспекте напечатана в «Лен<инских> искрах». Значит, завтра получаем. У Анютки будет душистое мыло, алая лента и жучок с камешками — это я ей подарю за ее услуги мне. У меня будет «Саломея», быть может, Бетховен, Станчинский и чулки. Наверно, рублей 5 дадут... На большее не надеюсь... А вдруг.. 10 рублей дадут... Ха-ха-ха, какая я дура!.. Хватила. Завтра свезу Берману «Ходю» в «Красный Галстук». Завтра (я пишу об этом 10-ый раз) буду читать «Простыни»... Я волнуясь... Я больше всего боюсь двусмысленностей со стороны мальчишек... Только бы быть хорошенькой...

Ура! Самые дерзкие мечты сбылись... Мне дают... десять рублей...

I Физика +
II Обществовед<ение> +
I Алгебра... +
I Индукция +
II Тепловые действия тока +

III Электролиз. +

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

О, дивное чудо! 5... нет... 7 отдам маме... а 3 себе. Если в «Юном <пролетарии>» дадут 10, то будет 20 — есть кожаная тужурка...

Как подумаю о том, что завтра в Литгруппу и буду читать «Простыни» — сердце так и замрет. Я должна быть хорошенькой!!.. Завтра — по физике работа, — хорошо подготовилась. А вот алгебру как — не знаю...

А вдруг Гора опять не будет?

23 <марта>.

Сегодня еду.

Сегодня буду сдавать алгебру... Боюсь. И за физику боюсь. Шпаргалки, т. е. по всем почти вопросам дома написала работы, а вот не знаю, как заменить.

Если задачи — худо. Лампочку, Кирхгофа, гальванопластикку — не боюсь; а другого и давно...

У меня состояние какое-то смутное, сердце замирает, екает... Даже живот болит. Скорей бы физика и потом алгебра... Насчет Гора я совершенно спокойна. Ну, не любит, не влюблен — и великолепно... Ведь и я не влюблена.

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Гор

Гор

Гор

Гор

24 марта.

«Простыни» не читала потому, что опоздал Гор, а я хочу, чтоб он послушал... «Между нами ничего не было»... Вовсе он не такой красивый, как я думала. Он сидел рядом со мной, и так близко было его лицо от моего... Мне хотелось обнять его и целовать... Я вот себя не понимаю, я не люблю его, а целовать его мне хочется-хочется... У него рот очень красивый. Я была хорошенькая, я знаю... вот, он ничего не говорил со мной, а я совершенно спокойна. Совсем спокойна...

Нет, ведь если б еще немножко — я влюбилась бы.... А сейчас? Нет, я не влюблена. У Корнилова очень хорошие стихи. И сам он хороший... Вчера какой-то дядька сказал, что лирика не нужна, а я ответила, что самые нужные сейчас стихи — это лирика и особенно про любовь... Лирика и любовь нужны сейчас всем, а особенно рабочей молодежи. Стихи про машины надоели. Все говорили, смеясь: «правильно! правильно!» А Корнилов крикнул: «руку, товарищ Берггольц!» Он провожал меня под руку... В пятницу буду <Далее обрыв текста.>¹

«...Дни-мальчишки, вы ушли,
Хорошие,
Мне оставили одни слова...»

Корнилов.

Дни-мальчишки, вас не отпущу я,
Вас заставлю сказку рассказать...
Вот возьму
И крепко поцелую
Дорогие черные глаза!..
...Дни-мальчишки, вас не отпущу я;
— Нужно много милому сказать...
И не раз, а [много] сто раз поцелую
Дорогие черные глаза...

Л.

Ваши песни выкую я звонко,
И не капли вам не возвращу...
Звонким смехом обовью колонки
И повсюду радость расплещу².

Варя, как тебе кажется, я люблю Гора или нет?³.. Нет, не любишь⁴. Почему ты так думаешь?... Если бы любила, не спрашивала. Тебе просто он нравится, он на тебя действует чем-то... Варька, не ври,

¹ Запись со слов «я совершенно...» и до слов «В пятницу буду» сделана на отдельном листе.

² Стихи записаны на отдельном листе.

³ Запись со слов «Варя» и до слов «это было...» сделана рукой О. Ф. Берггольц на отдельном листе.

⁴ Запись со слов «Нет, не любишь» и до слов «...действует чем-то...» сделана, предположительно, Варварой Некрасовой.

я его... люблю. Я сама не знаю... Я все время как на острие каком. Сейчас мне кажется, что не люблю... Но если б еще, еще немножечко, то я влюблюсь.. Так влюблюсь, <Далее обрыв текста.>

Варя, [<2 сл. нрзб>] <цело>вались креп<ко> [<4 сл. нрзб>]
[Леля, <4 сл. нрзб>]. Варя, это было <Далее обрыв текста.>

Дневник Берггольц¹.

25-го марта.

Написала стихотворение «Зеленые зори» — мне нравится, что-то скажут в Литгруппе.

26-го марта.

Настроение гнусное-прегнусное. Так весело было решать алгебру, вдруг вспомнила, что случилось утром, и такое зло взяло!.. Написала стихотворение... Эмоциональное, про любовь, про ночные мечты девушки. Матери прочитала, понравилось... Она сказала отцу, я прочитала ему утром сегодня, он потом сказал маме, что-то такое про гормоны... Глупо, зря. Я сама знала это, что он так скажет, и не хотела читать... Конечно, ведь это правда. Конечно, здесь мое настроение. И скрывать нечего. Но... зачем, зачем так. Не в возрасте... Тфу, тфу, какое зло меня берет!... И еще зло берет оттого, что много прыщиков... Фу, зараза!.. А надо в Литгруппу ехать...

Чорт, чорт, чорт!! Еще неприятность!! Моих стихов нет в 6 № «Юного пролетария»!!! Виноват Хентов — какая он зараза... Надо узнать сегодня. Я злая, злая... Фу, чорт! О, как я зла... Сейчас буду 13-ое задание сдавать... 12 сдала. За физику — не боюсь... Нет, почему не поместили!? Черти!

¹ Запись О. Ф. Берггольц на обложке тетради.

26-III-25. Вечер¹.

Варя, Варя, неужели я влюбилась?! Как это хорошо, т. е. я хочу сказать, — как это худо!.. Знаешь, сегодня Гор не говорил со мной, не сидел, ничего — не почему-нибудь, а потому что опоздал... Но знаешь, у меня такое глупое настроение было: мне хотелось тыкать всем в спину, и я отгаскала за волосы Хентова, потом Белицкому, полностью и важному (он большой), за пояс толстовки, на зад, заткнула мимозу и хохотала до слез... А то было так тоскливо, тоскли-иво, Варя!.. Завидно оттого, что Островский (там один) охватил Гора и сидел в обнимку. Знаешь, мне хотелось обнять его и чтоб он обнял — он такой ми-илый был. Варя, может, ты будешь презирать меня, но я скажу, потому что надо тебе сказать....

Варя, я думала о том, что как хорошо было бы целовать его, чтоб он обнял меня, знаешь, ему идет синяя рубашка, он стройный!.. Варька, ведь это худо, что я хотела его поцелуев? Нет, это хорошо! Хорошо, Варя... Нет, Варя, я его не люблю... Это я раздуваю все, думаю, воображаю, а на самом деле — нет... Варя, мне, знаешь, он нравится, он все время чесался — то ногу, то плечо, то руку. Потом, зачем сальничает... И, главное, зачем он такой несмелый! Хотя... что ему во мне!.. Я нехорошенькая, неинтересная, ничего... А что тогда, так это просто так было... Варя, неужели же это было только «просто так»?!! Знаешь, Аня — (кот<орая> у нас в Литгруппе) говорит, что я ему нравлюсь... Нет, Варя, а что если я... взаправду влюбилась?.. Я не хочу. Или хочу?.. Хотела ведь!.. Опять без ответа, опять быть дурой...

Знаешь, Варька... Какое меня зло берет... Гор вовсе неинтересный... Варя, напиши что-нибудь... Варюша, а что, если б он полюбил меня? Если б был смелым, Варя...

Я ведь глупая!

Ляля...

27-го <марта>.

Я, кажется, влюбилась в Гора... Только этого не доставало...

Вечер.

Была у О<ли> В<олковой?>. Милая... Поговорили.

¹ Лист с этой записью вклеен в тетрадь; датировка года ошибочна.

Она хотела мне голубой берет подарить — идет ко мне ужасно хорошо...

Сейчас насчет Гора совсем спокойна... Это вчера письмо Варе написала сгоряча... Потом взяла у нее... Она милая... У нас дома денег нет, и мама из моих 10 берет, говорит, потом отдам... Ну, я так и знала... Получу 1-го, она 7-го, за неделю вся десятка ухнет, и хоть мама говорит, что отдаст и еще прибавит, только знаю я, как она отдает...

Чорт возьми, ничего-то сделать нельзя... Завтра едем в Филармонию... И Анютка завтра уезжает... Жалко ее, привыкла к ней... «Ходя» идет в след<ующем> № «Ленинских Искр»... В понедельник к Белицкому в «Смену» еду... Фу, чорт, до чего жаль деньги отдавать маме... Опять ничего не куплю... Если бы на нее, я б все отдала, только бы поправлялась, а то на хозяйство! Фу, зараза!..

30-го <марта>.

Была у Белицкого в «Смене», он «Простыни» назвал рискованным стихотворением... «Трактор» и читать не стал, дурак, а эти стихотворения Берман нашел лучшими. Снесу «Трактор» в «Резец», может быть, примут. В четверг получу деньги, и 15-го тоже, и, может, «В хлеву» в «Смене» поместят... Мама купит тужурку и берет, ко мне идет... 15-го получу за «Ходю» — на сарафан... Туфли уж к выпуску... Да, из «Ходи» на «Соловья» — Стравинского рубль урву. На уме много сюжетов, но не пишется, и я не тороплюсь...

Отец говорит — не дам свои стихи — вот чудак-то! Сегодня еду в Литгруппу. Насморк, нос ломит, голова болит, веснушки есть, но малозаметно. И чего я с ума сходила? Сейчас — спокойна и ничего не люблю... Ломит нос...

1-го апреля, четверг

На Литгруппе было хорошо. Ходили на Литвечер, в Юсуповский дворец. Как там хорошо, богато... Только я не хотела бы там жить, уж очень богато... Шли цепью по Невскому, хохотали, бежали, мальчишки даже пели... В общем, была такая ватага, что «приличные люди» — с удивлением на нас глядели... По Мойке шла с Гором, он опять вспоминал про «дела». Я сказала — «слаб»... Потом вообще

барахлили... С Корниловым поругалась. Аня — прелесть!.. Я хотела, чтоб Гор сел рядом со мной, — она устроила. Я ее к себе позову... Гор сказал — пиши прозу... Сейчас пишу рассказ — кажется, ничего выходит... Буду читать... Завтра буду читать стихи... Гора не люблю. Что-то завтра будет...

Деньги получу 7-ого... Вот анафема! Дома ни копейки...

2-ого апреля...

Подтянулась по всем направлениям. Алгебру сдала теперь на «вп<олне> уд<овлетворительно>» и сдала 14-ое заданий, 15-ое уже сделала. По физике — «вп<олне> уд<овлетворительно>».

Вот к завтраму бухгалтерию доделать бы и биологию обязательно. Ко вторнику литературу и обществоведение... Сашуля — дурак, думает, что я про монополию не знаю.

3-его апреля.

Ты прости, что рука дрожала,
 Что была она
 холодна,
 Но когда я твою пожала,
 Ты ведь чувствовал, что весна?

Когда вчера в Литгруппе перегорели пробки и электричество потухло, мы все пели; мне было тоскливо-тоскливо, хотелось плакать... Я стала у двери, хотела одеваться, идти домой, да и нос разгорелся... Пашка Хентов упрашивал не уходить, подошел Гор... Мы говорили, я сказала, что мне скучно... И вдруг я почувствовала, что Гор взял меня за талию и прижал слегка к себе... Я нашла его руку и пожала... Крепко пожала. Потом я прыгала через 3 ступеньки на лестнице, Пашка бежал за мной; мне хотелось кричать и плакать... По Невскому бежала, и... я не могу описать свое настроение... Я и сейчас как пьяная... Как нескоро вторник... 2 дня еще...

Хвалили стих, очень... Гор говорит, что он еврей... Это еще лучше... В этом № пойдут, кажется, мои стихи... Я влюбилась, кажется.

Ты прости, что рука дрожала,
 Что была она
 холодна...

В воскресенье еду на вечер...
 Там и Ромейко будет... Ну, что Ромейко...
 Скорей бы вторник!
 12 ч<асов> ночи.

О, скорей бы вторник... Как же это случилось? Как во сне все...
 Он понял, может быть, и это хорошо; почему мужчина, а не девушка
 должен первый говорить о своей любви?.. Он обнял меня за талию
 и прижал к себе, а я пожалала его руку... Милый мой!.... ..

«Ходя» напечатан, в среду получу деньги... Что, если 20 р<уб-
 лей> дадут?.. По моим расчетам — 20... Приоденусь... Маме бы надо...
 И все бы отдала, да и не пожалела бы, только бы поправилась...
 А ведь знаю, что все деньги на меня пойдут... В «Резец» во вторник
 поеду. А сарафан? А туфли? А мама? Нет, мама важнее всего, ей пи-
 таться надо...

Я ему руку пожалала... Крепко... Нашла — за своей спиной и по-
 жала, а лица его не видала.

Ты прости, что была несмелой,
 — Но меня не пугала мгла...
 Ведь я ласок твоих хотела...
 Поцелуев твоих ждала...
 И недаром рука дрожала
 [<4 сл. нрзб>]
 — Я была (да и есть) голодна...
 Пусть вчера я только поняла —
 Но еще впереди — весна!..

А если это «просто так»...
Гор. Нет, не верю, не хочу верить. Гор.

4-го апреля.

Сижу на практических в учетно-произв<одственной> конторе. Го-
 лова болит, шум от счетов, спину ломит... По три раза просчиты-

ваю итог — и всегда получаю разницу... О, мука... Я хорошенькая сейчас, прыщиков нет... Хоть бы и завтра не было... Ведь завтра — в Литгруппу!...

5-го <апреля>.

Да, еще несколько часов, и я буду в Литгруппе... Надо не показывать виду и быть проще и естественней... А вдруг его не будет? Нет, он будет. Господи, что-то будет?..

Как хорошо было на вечере у студентов, какой Ромейко прелесть...

Лицо ничего, гладкое...

Валя Б<алдина?> полюбила их жильца Васю. Она пришла, обняла его за шею и сказала, что любит его... Почему же я не могу сделать так с Гором? Почему не могу даже написать ему?

Но, впрочем, я еще не настолько люблю его... Но если полюблю сильно-сильно, неужели и тогда молчать и ждать его?.. Глупая слабость!..

Ура, по всему уклону «уд<овлетворительно>».

Но, беда, требуют 9 книг из библиотеки... У меня всего 7, а Зелинского и «В тупике» — нет, да они и не у меня... О, что мне делать?..

Вечер.

Его не было... его не было! Гора не было!.. Меня это злит!.. Но сейчас такое состояние, что и тоска берет, — и все равно... Если б он полюбил меня!.. Если б поцеловал и был смелее... Нет, если он еврей, то кровь у него семитическая, быстро окисляется, ну и вот... Вспоминаю его лицо, и он кажется мне таким близким, милым... Милый... В пятницу ты, наверно, будешь... Милый... Но острой тоски сейчас нет. Завтра за деньгами. Сколько-то дадут? Что, если б было 2 червонца, — то-то лафа!

32

38

256

96

12 р<ублей> 16

До пятницы еще так далеко!.. Получу рублей 18... И то хлеб...

7-ого <апреля>.

О, чорт, дьявол, сатана! Я получу деньги только 26!... Господи, я готова рычать от ярости.

Мы у тети Вали покупаем пальто — непромокаемое, английское. Мама говорит — за 15 рублей. Я получу 26-ого, неужели мама не купит на свои, она 60 получила, а я потом отдам ей. 15 на пальто, 3 на берет. А с сарафаном придется распрощаться...

8-го <апреля>.

Завтра — пятница... Что будет?..

9-го <апреля>.

Пятница. Еще 4 часа, и я еду... Читать или не читать новые стихи? Один посвятила Гору. Глупо это. А помнишь, как прошлый год С<ергею> Г<ригорьеву> все стихи посвящала? Дура!.. Нет, я просто так написала, на самом деле — нет!! Я спокойна. Нет, не люблю его, просто во мне самолюбие и... физиология говорит. Скорей бы приодеться!..

10-го <апреля>.

Нет, зачем я вчера струсилась!? Дура, трусиха!! Немного бы смелости, ловкости, и то, чего я так хотела, могло бы исполниться... Его долго-долго не было... Сначала у меня было превосходное настроение, но когда Зина Александрова сказала, что, наверно, он не придет, я стала нервничать и открывала дверь на каждый звонок... Не буду говорить о том, как дурачилась с Хентовым, Корниловым и Коссовым... Когда уже читали, пришел Гор. Меня как кто в сердце подтолкнул... Я сидела между Аней и Коссовым. Вдруг [Аня] Зина вызвала меня в коридор, и там был Гор: он смотрел на меня как-то особенно. Зина там говорила о создании детгруппы, ну и все такое, а он стоял от меня так близко... Потом (я сильно сомневалась) — пошла пить в темный угол к умывальнику. И Гор пошел. Мальчишки кричали: «Поцелуй ее» и все в таком роде. Он что-то про это отшучивался, но как-то ненатурально... Я стала пить, вода брызнула мне в лицо... Он не пускал меня, но я ушла... О, как глупо, как глупо я сде-

лала! И вообще, зачем вертелась, как карась на сковороде, когда он как-то особенно глядел на меня... Я не довольна, что вела себя с ним так... Во вторник буду смелее... Буду прямо смотреть ему в глаза, говорить с ним...

Дала на просмотр «Огородную». Там так: «Посв<ящается> [Г<ору>]». Зачем я зачеркнула букву Г? Чумандрин сказал при Горе: «Хорошенькая ты девка!», а Коссов: «Славная ты девчонка, Берггольц»... Поеду во вторник; а в пятницу буду читать и одену открытую голубую кофточку... Я в ней выгляжу прелестно... Цвет кожи у меня нежный, белый. Плечи и руки — худые, но ничего... Или в новой ехать?.. Наплевать, поеду в открытой...

Станчинский 9 глава

Вольфсон 92–96 § 72, § 73

—//— политэкономия гл<ава> № 11

1. Брюсов + (3) Чехов +
2. Бальмонт — (2) Куприн +
3. Блок — (4) Короленко +
4. Бунин + (1) Некрасов +
5. Горький + (1) Успенский +
6. Достоевский — (1) <1 сл. нрзб>

Бальмонт

Блок

Достоевский

Машина. Грамма. Динамо-машина постоянного тока.

<Чертеж.> Концы катушек соединены, и пол<учается> непрерыв<ая> часть.

<Чертеж.>

Вот и кончена тетрадка, вся наполненная Гором, Гором, Гором... Ну и пусть!.. Он очень милый, Гор... Если б он полюбил меня...

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Смелей, человек, и будь горд,
Эх, кабы на цветы, да не морозы!..
 Дневник
 О. Берггольц¹

11-го апреля. Воскресенье.

Послезавтра — в литгруппу. Будет ли там Гор?.. Тетя Тася гадала — и выходит, что он всецело около меня, думает, любит, тоскует. Конечно, это все суеверие и ерунда, но как-то приятно... А вдруг это в самом деле так?.. О-о-о-о-о-!..

В пятницу поеду в открытой кофточке... Послезавтра со мной поедут Валька Б<ычкова?> и Варя. Сегодня приходили ко мне и у мамы в полутемной комнате, на диване, сидели и говорили... Я лежала у Вари на груди, щеки у нас горели, мы говорили о Горе, о любви. Валя не влюблена — это странно. Когда я встала с дивана и поглядела в окно, то увидела, как огромная звезда соскользнула с неба и, словно путаясь в ветвях березы, исчезла, оставив на мгновение бледный след... Я успела шепнуть мое желанье — чтоб Гор полюбил меня!.. Это смешно, ну и пусть...

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Я думаю о нем... Куда мне поступать: на медицинский или в университет, на литературный?.. {В университете — Гор; он будет на 2-ом курсе, я — на первом...} Но Гор — неважно... Я не хочу быть только учителем или журналистом, нет, я хочу многого-многого, всего, хочу, чтоб все обо мне знали...

16 мая мне будет 16 лет!!..

12-го <апреля>.

Моих стихов опять нет в «Юн<ом> прол<етарии>». Это меня начинает бесить и оскорблять. Что они, в самом деле, за нос водят меня, что ли?.. Ну, не буду больше ничего говорить... Что, свет клином на «Юном пролетарии» сошелся? Пошлю в «Смену», в Московский журнал... Что, если напечатают?.. Вот тогда и утру нос нашим чертям...

¹ Записи рукой О. Ф. Берггольц на обложке тетради.

Так тоскливо, и такое зло берет... Муська нагличает, говно за Дарлингом не убирает, мама сердится, изводится, нервничает, кричит на меня...

На дворе совсем-совсем зима!..

Мне хочется кричать, бить стекла или жаловаться кому-нибудь глупыми и жалкими словами... Сказать, что дома — тяжело, что мама едва жива, психически больна Авдотьей... Сказать, что мне обидно, что не поместили стихов, и что Гор ведь тогда говорил — «все усилия приложу», а на самом деле это не так...

И, наверно, ничуть-ничуть он не любит меня... И все это просто так, от скуки, от нечего делать. Просто, наверно, нравлюсь я ему немного, ну, отчего же не побаловаться немного с девчонкой?.. Помани ее чуть-чуть пальцем, прижми, польсти, она растает и влюбится, а ему лестно... Извините, товарищ Гор!.. Не на такую напали.., т. е. на такую, уж нечего скрывать, что я растаяла, но я не хочу быть такой... Вот завтра буду с ним холоднее, чем всегда и со всеми... Пусть почувствует, что мне все его ухищрения ничуть не ценны... Да, буду... Ой, нет, зря я все это пишу... А что, если он завтра не придет в Дом печати? И зачем это именно там устраивается собрание, такую даль?..

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Сегодня же примусь за переписку... Предкам ничего не скажу. Отец до чертиков надоел со своим: «пиши, зарабатывай!..» Пошлю: «В хлеву», «Весна», «Апрель», ну и еще... еще... увижу, что... «Ходя». Одно или 2 напечатают, и то ладно... Гад этот Хентов...

Какая мерзленькая осень,
Хоть на дворе стоит весна...

«Белье»... «Трактор» — эти попытаюсь в «Резец»...
Мама худо чего-то... Ой, боюсь за нее!..

13-го <апреля>. Вторник...

13-ое. Число коварное... Валька и Варя не едут... Варю не пускает «мама»... Нет, как-никак я завоевала себе больше свободы, чем Варя...

Будет он там сегодня или нет?.. Ехать мне с прической или с косами?.. Нет, поеду лучше с косами... Там

Дыр-бул-щур
 Убещур
 Скул
 Вы — скобу,
 Р л оз...

Заумные стихи, заумь...
 Заклятье смехом...

А ведь я понимаю эти стихи, иногда хочется кричать что-то бессмысленное; ведь наши слова такие жалкие, застывшие... Это верно...

Господа поэты,
 Неужели не наскучили
 Пажы,
 Дворцы,
 Любовь,
 Сирени куст вам.
 Если
 Такие, как вы,
 Творцы, —

§ 72, § 73... По Вольфсону.

Мне наплевать на всякое искусство.
 Лучше лавочку открыть,
 Пойду на биржу.
 Тугими бумажниками растопырю бока,
 Пьяной песней
 Душу выражу
 В кабинете кабака...

Это неправда, что Маяковский говорит... Чем Есенин писал хуже Маяковского? А писал про любовь, про деревню, коров. И более близок к массам, чем Маяковский.

Он будет, наверно.... Я мечтаю... Но буду смела, буду прямо смотреть ему в глаза...

Боюсь за физику... Не напишу... Ну... Задала то, что знала, и <Далее обрыв текста.>

14 апреля...

Мы целовались... Крепко-крепко... Страстно, горячо...

Я сегодня как пьяная... Как пьяная. Это было так: мы теперь будем заниматься в Юсуповском дворце...

Наша комната рядом с Мавританской комнатой... Встретились как-то холодно... Бузила с Корниловым... Потом я, Юлька и Анька бежали, кувыркались на широких тахтах через голову в полутемной Мавританской комнате..... Я разгорелась и была прехорошенькой... Потом пришел Гр, мы кувыркались и бузили... Потом он и Корнилов стали ловить меня, долго ловили, наконец, поймали, и я очутилась в объятьях Гора... Корнилов смотрел и говорил: «Ну, что за пара» и т. д... Потом я вырвалась, и мы сели с Анькой в самом темном углу на угловую тахту...¹ Подошел Гр и сел близко, прижавшись ко мне... Минуты 3 сидели и говорили о такой ерунде... И вдруг Аня встает и идет «за платком». (О, милая, умная, прелестная Аня!.. Как я люблю ее за это!!!!)

Остались одни... Гр смотрел на меня... — «А долг?»... Я что-то сказала бессмысленное... Он охватил меня, мы упали назад, и он впился в мои губы... И я ответила на его поцелуй, мы поцеловались... .. Я вскочила и убежала, он хотел удержать меня, но я ушла... Потом, по выражению Ани, у меня был «русалочий» вид... Мы поцеловались горячо-горячо, крепко... Ух!.. Как вспоминаю, так начинаю лепетать что-то глупое... И у Вари, у Ани, у Вальки Бал<диной> было «точно так»... Нет, ничуть!.. Так было у меня одной!.. Да... так... вот так он охватил меня.... .. Весь вечер потом у меня были алые губы... А я, кажется, не люблю его... А если это он «просто так?» Нет, не верю!..

14 мая. Сегодня ровно [ден] месяц с того дня... Сегодня еду туда, сегодня люблю его... Этот день, месяц тому назад, был лучший из всех... Весна...

15-го <апреля>.

Что бы сказала на это Таня Козлова? Она такая, такая добродетельная! Она говорит, что один раз ее поцеловал человек, влюбленный в нее, в щеку, и ей было очень неприятно... Ой, как мне жалко было ее, когда я сидела у нее... Вместо тонкой, нежной девушки — женщина с расплывшимися формами, подурнела, а глаза большие, голубо-

¹ Пометы по правому верхнему полю: «623-19».

синие и грустные... Она такая грустная-печальная, что мне было тяжело около нее...

Дни-мальчишки, вас не отпущу я,
Вас заставлю сказку рассказать:
Вот возьму и крепко поцелую
Дорогие черные глаза!...

Ой... как же это было?.. Мы целовались...

Дни-мальчишки, вас [нет] не отпущу я...
— Нужно много милому сказать...
И не раз, а много поцелую
Дорогие ч[о]ерные глаза.

16 апреля.

Сегодня в Литгруппу... На улице холодно... Ехать мне в синей рубашке или в новой кофточке... Новая кофточка идет ко мне, с открытым воротом, и так мило просвечивают розовые плечи и руки. В одну косу, чуть подвитой — очень хорошо! Только боюсь, холодно будет — посинею...

Что-то будет... Буду читать. Надо намекнуть, что скоро Пасха — можно христосоваться!... Надо быть смелее. Чую, за стихи покроют... Ладно, пускай!... А если в рубашке — можно кувыркаться. Сердце замирает... И!...

Нет, наверно, сегодня между нами ничего не будет.... .. Ну, да, вероятно, ничего не будет.... ..

Куплю иммортелей... 5 копеек. Конечно... Нужно быть смелой и ловкой... День серенький. Зачем?

Как я боюсь, что это было зря, «просто так».

17-го <апреля>.

Во вторник я обязательно не поеду... Не поеду, ни за что, ни за что, ни за что... Он был, но, как я и ожидала, ничего особенного не было... Он провалил немецкий зачет, и как мне было обидно и неприятно за него... Господи, чего же я хочу?.. Ведь обстановка была совсем

не благоприятная. Занимались мы совсем не в той комнате, а в той, где рояль, пустой и неудобной... Сначала пришли в ту комнату, и Гор сел рядом со мной... Подошел Корнилов, он охватил меня за плечи и сказал: «Корнилов, возьми ее в обработку». Зачем?.. Зачем он так сказал, противный?.. Ну, и все... Потом сидели, я на одном конце стола, он на другом... И весь вечер было тоскливо... Ничего не читала...

А Корнилов говорил, что он знает 2 вещи, и все время говорил: «О, я что-то знаю... 2 вещи!... Ай-я-яй; вот подожди, что через месяц будет...» — и все в таком роде. Что он знает?.. Неужели Гор растрепал?.. Зря! Надо спросить его в пятницу серьезно... Ругали его за стихи отчаянно... Он, наверно, не уважает меня... Наплевать! Нет, зачем, зачем я не еду во вторник? С какой стати?.. Зачем осуждаю себя на такую муку? Да мука ли это? Люблю ли я его?.. Вот, когда он поцеловал меня, казалось, что не люблю... А теперь, кажется, люблю до безумия... Видно, правда, что «чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей...».

Я хочу, чтоб он целовал меня еще, еще и еще!.. Горячей, чем тогда...

Я не поеду во вторник!.. О, я не поеду! А что если и в пятницу из-за отделки не придется... 5 дней его не видеть!..

х х х ж /

Суб<бота> Воск<ресенье> Пон<едельник> Вт<орник> Ср<еда> /
Четв<ерг>.

Ну, это еще не так много. Но все-таки я не поеду, не поеду, не поеду... И до той субботы не открою дневника!.. Неужели выдержать не смогу и, как вор, убегу во вторник от себя в литгруппу. Во вторник пойду в кино... Выдержу, выдержу!.. Нет, еще раз открою дневник в среду... Я сказала Ане, что если не приеду (да я и не приеду), чтоб она передала ему привет, а в среду позвонила бы мне, чтоб сказать, что было... Вчера Гор казался мне не красивым..... Когда шла в школу сегодня — день — роскошный... Солнце, лужи, весна. А настроение — кошмарное...

18-IV.

Затаю тяжелую обиду,
Никому ее не расскажу...

Эх, туда б,
 Где никого не видно,
 Во ржаную, пряную межу...
 Рожь колышет колкими усами,
 Шепчет рожь
 Высоко над лицом...
 Буду плакать милыми слезами,
 Одиноким, глупым дергачом...
 Скоро зори
 В облаках потухнут...
 По-ночному зазвучит [зазвучат овсы] овес...
 Мне не жалко, что лицо распухло,
 Мне не стыдно неумных слез....
 Ведь во ржи
 Никто меня не видит,
 Не заглянут в пряную межу..
 Затаила горькую обиду,
 Никому ее не расскажу...

Вчера звонила Аня, что в Литгруппе мне дали билет в университет, на вечер Фурманова... Ведь позаботились, не забыли... Я увижу Гюра, Гюра и посмотрю, ехать ли мне во вторник. А сейчас мама орала из-за кофты, и отец сказал: «Не поедешь!» О! если не поеду, то не забуду им этого!.. Нет, не забуду!.. Противные!..

Вторник. < 20 апреля?>

Еду сегодня, еду!... В университете никакого вечера Фурманова не было. Выступала наша Литгруппа, и я тоже... Я была, можно сказать, очаровательной в новой короткой юбке и открытой кофточке... Была причесана гладко, с длинными золотыми косами, лежащими спереди, и рот был алый-алый, щеки горели... Все мне хлопали, и моя «Огородная» имела явный успех — мне хлопали, смеялись и — что всего, всего важнее, «Огородная» очень понравилась Гору. Он смеялся и хлопал... Он сел около меня и, конечно, с расчетом позвал Хевелева, чтобы теснее сесть ко мне... Он милый, красивый, он был такой красивый в воскресенье... А Корнилов что-нибудь знает: он недаром сказал Гору: «Да садись ближе» (ко мне) и потом: «Эх,

ничего у вас не выйдет». Дурак старый... Сказал: «Хорошая ты девчонка. Пупсик...» — это Корнилов.

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Сегодня буду читать «Кепку»... Слабое, наверно, чувствую... Ну, и пускай покроют... Жалко, что ли. Корнилова не так крыли...

Я его, Гора, не люблю, кажется, и буду с ним холоднее сегодня, если подсядет, или что — отойду... Еду к Берману. На улице туман, туман. «Кепка» — слабоватая вещь, но хорошая...

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Эх, кабы на цветы, да не морозы...

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Гор Гор Гор Гор Гор

<Чертеж.>

Дни-мальчишки, вас не отпущу я,
Вас заставлю сказку рассказать.

Дневник
Берггольц
1926

Шефы песен, радости, морей,
И подшефные
борьбы
и солнца¹.

21-го апреля.

Вчера была... Между нами ничего не было; поздоровались, потом, когда бежали по бесчисленным лестницам (мы теперь в другом помещении), он поймал меня за пояс — и все... Но как-то хорошо-хорошо глядел на меня, или это мне только показалось?.. И, странно, никакой острой тоски не было и нет... Как-то ближе почувствовала себя к нему, как-то милее и жалче его... Точно я уверена в том, что он любит меня... Вчера и сегодня, кажется, уверена, что любит... Как

¹ Записи рукой О. Ф. Берггольц на обложке тетради.

будто кто-то твердит внутри: «любит, любит, любит!..» Почему так — не знаю...

И еще не знаю, почему мне жалко чего-то? Как будто ушло что-то, чего не вернешь, и жалко этого ушедшего, а чего — не знаю... Что-нибудь одно: или я его не люблю, или он меня любит... Ну, да я его не люблю, разве это не ясно?.. Я не хочу теперь, чтоб он целовал меня, не жду с замираньем сердца встречи... Вру я сейчас или нет?.. Не знаю... Поеду в пятницу в той фланелевой чистой кофточке, с прической, подзавьюсь... значит, думаю... Заниматься будем не рядом с Мавританской, а высоко-высоко, и там так неудобно! Значит, хочу его поцелуев... Неудобно потому, что... вообще неудобно... Ну, что я... разве можно не желать его поцелуев?.. У него чертовски хорош рот... Он сам красивый... Всем ужасно понравилась моя «Огородная»: Авраменко — (он очень интересный, милый) — даже просил посвятить его ему, но я сказала, что оно уже посвящено (м<ожно> п<одумать?>, оно посв<ящено> Гору).

Пашковский и все говорили: «Как хорошо кончается», а Корнилов прямо надоел с этими строчками: «На закуску полагается мой горячий поцелуй!»

Замятин¹.

22-го <апреля>.

Завтра туда, а я спокойна... Только бы не было прыщиков...

Вчера и сегодня ушла — ничуть не интересная... Вчера только вечером сделала на пробу прическу и чуть завилась... — очень хорошо, и завтра поеду с прической. В крайнем случае, там перечесаться можно... Не люблю я его... Ничуть... Он смешной... Нет, красивый. Но я сейчас равнодушна...

Написала вчера 2 хороших стиха, знаю, в литгруппе понравятся, особенно первое...

Сейчас в том дневнике прочитала, как целовались... О, хочу, хочу опять целоваться...

Нет, даже и целоваться не хочу, ничего не хочу... Вот хочется обнять его и сказать: «Милый мой, хороший... хороший...» Нет, кажется, не люблю его... Завтра туда... Не люблю... Нет, люблю... Люблю... Нет, совсем спокойна... Зачем я его разлюбила... Нет, ничуть

¹ Помета рукой О. Ф. Берггольц по верхнему полю в центре.

не разлюбила... Да разлюбила же! Но хочу, хочу любить, хочу целовать его... А, наверное, не придется... С прической ехать или без прически... Люблю. Нет... Милый, полюби меня!.. Люби горячо, зацелуй!!.. Я... я не знаю, люблю ли тебя...

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Лучше б было, лучше б было не ходить,
 Лучше б было, лучше б было не любить,
 Чем потом, чем потом забывать...

(из песни, которую поют у нас в Литгруппе.)
 Нет, я люблю его...

Тоска... Лучше было, лучше было не ходить...
 Лучше было, лучше было не любить...

Тоска... зачем все так?... Завтра что-нибудь будет особенное...
 О, скорей бы «завтра»!.. Какая тоска!..
 Не нужно встреч... Не нужно продолжать...
 Какое настроение скверное...
 Неужели все, неужели все-все кончено?.. Все, все? И тогда было зря?.. Ну и пусть зря, только бы было еще раз... Но почему я так думаю?..
 Представляется его кепка, глаза, рот... Какая я дура, что убежала тогда... Он подумал — «девчонка»...
 Что со мной?.. Мне так тоскливо... Дождусь ли завтрашнего дня? Но я, я ведь не люблю его... Завтра все должн[а] выясниться... Почему завтра?.. С прической ехать или без?.. Нет, пойду без прически...

24-ого <апреля>. Суббота.

Я люблю его, я чувствую... Аня говорила, что, когда я пришла, он обрадовался, это было заметно... Потом сесть хотел рядом... Ну и все... Я опоздала... Шведов какой милый!.. Он меня зовет «козочкой» и хочет мои стихи отослать в Москву Безыменскому... Но, о... он знает (он говорил мне!) о моих «Простынях» — ему говорили в Литгруппе...

О «Простынях» и о моем творчестве... Откуда он знает? Кто, кто говорил ему? Белицкий? Берман?.. Может быть, и Гор, и Корнилов, и все знают?.. Ну, так что ж такого?.. Пусты!.. Берман свои стихи

мне подарил с надписью — «Милой Берггольц от автора». И Шведов осенью свои подарит...

Гор был весь вечер задумчив и тих...

Я была хорошенькой...

Сегодня ездили в город, купили туфли, чулки, шапку. Я и не воображала, что моя нога будет так хороша в бежевых чулках и туфлях, но это так, она очаровательна. Шапочка ко мне очень идет. Я в ней кажусь взрослее и лучше... Только бы прошли прыщики и веснушки от той мази, которую даст тетя Варя... Я люблю Гора, но во вторник не поеду... Я просила Аню передать ему привет — зачем?..

26-го <апреля>.

Завтра не еду... Не еду, ну и что ж?.. Тоски нет... Как мучительно хочу я его поцелуев! До ужаса хочется!.. О, я приложу все силы, чтоб достичь этого!! Я и Аня постараемся, чтоб это вышло... Надо с Пасхой связать — с христосованием... Надо подразнить его — при нем крепко поцеловать Аню...

Какое-нибудь пари, чтоб проиграть... Нет, здесь нет ничего худого... Что-то будет в пятницу? До пятницы.

Вт<орник>. Ср<еда>. Чет<верг>. Пятн<ица>.

Завтра еду за деньгами... Куплю мыла... А дела — до чорта... Квартуру отделяваем... Стенгазету надо к первому маю... Да, проклятая стенгазета... Но все время думаю о Горе, о Литгруппе... Отчего так хочу я, чтоб он меня целовал?.. А маме худо, так худо... Господи, как боюсь за [него] нее... Неужели новой кофточки не будет к первому маю? Жаль!.. Но лучше пусть не будет кофты, чем если мама просидит над ней ночью...

И в беленькой хорошо... Только бы прыщиков не было, а то сейчас много... Завтра в 5 часов вставать... Хочу, чтоб целовал меня... Гор... Чтоб горячо-горячо целовал. Мно-ого!.. Ну, а почему я первая не могла целовать его?

Глупо!.. А вдруг не любит?.. Ну и пусть не любит, только пусть целует!.. Крепче, больно, горячей.

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Голубенькая шапочка очень идет ко мне, особенно, когда алые губы и щеки... В пятницу в ней пойду... Только бы стенгаз не подкузьмил... Ой, как я ее запустила... Видела Корнилова сегодня, —

когда узнал, что в ломбард ездила, — сказал: «Мужа ездила закладывать?» Когда станет еще насчет мужа городить, надо сказать: «Посватай!»...

27-ого <апреля>.

Вторник... Вторник!.. Да... Вторник прошел... Я не тосковала... Когда ездила за деньгами, видела Коссова и Александрову... Александровой сказала, что целовалась (трепло я!), и она сказала, что это «мальчишеское увлечение». Ну, конечно... Дура она... Глупая я. Конечно, не-серьезная любовь... Да я и не люблю его... Не люблю... А целовать его хочу... Он кажется мне таким далеким-далеким... Совсем чужим, почти незнакомым... О! Зачем я просила Аню передать ему привет? Глупо-глупо... Почему он стал таким далеким? Далеким... Коссов сказал, что посвятил мне стихотворение... Это хорошо, а Коссов — милый... Александрова говорит, что Корнилов — голодает почти что... Ой, как мне жалко Корнилова!.. Оттого-то он такой стал желтый. Скоро пятница... А Гор мне безразличен...

Воскресенье, 2-ого мая.

В пятницу ничего особенного не было... Но, о, я не раскаиваюсь в том, что просила Аню передать ему привет... Сегодня говорила с Аней телефону, и она сказала мне: «Ты не можешь представить, какая у него сначала... была растерянная физиономия, он даже не верил сначала, потом так и засиял, расплылся». Ха-ха, ха-ха... Как я рада... Что я тут от радости начертила?... В пятницу подсаживался рядом, говорил, отчего моих стихов нет. В «Ю<ный?» п<ролетарий?» я дала «Белье», должны напечатать... Если не напечатают, не буду ходить туда...

Аня говорит, что Шведов умирает... от любопытства из-за «Простынь»... Не хочу, не буду читать «Простыни».

<Рис.: цветок.>

Я во вторник повезу в Литгруппу кулича, яиц и пасхи — я обещала. Что-то будет во вторник... Я поеду в одну косу, завьюсь... И в новых чулках и туфлях, — нога выглядит очень хорошо... Юбка и кофта черная и белая... Хочу, чтоб Гор меня целовал... «Нателла» мне не особенно нравится...

4-го мая. Вторник.

Сегодня еду, но вид отчаянный. Глаза заспанные и маленькие... Фу, зараза... Что-то будет... Вчера до страсти хотела его поцелуев...

Вечер.

Эх, товарищи, скучно стало,
 Не могу сегодня смеяться.
 Мои песни такие усталые
 На бумагу коряво ложатся...
 И вчера я была угрюмая,
 И сегодня ничто не радует.
 Эх, зачем мне было задумывать...
 Для чего мне было загадывать?..

Кулич и 6 яиц — полетели в Мойку... Никому-никому не скажу про это, всем навру, и Варе, и Вале, как наврала дома... Нет, Варе скажу правду... Никто не спрашивал у меня ни кулича, ничего, поэтому я сочла нужным, идя домой, швырнуть его в Мойку... Вообще, день, на который я возлагала столько радужных надежд, был мерзок!!! Правда, я выглядела ничего. Но Грр что-то лепетал о «детскости», сказал: «Недаром ты деткорка», и ничего, ничего решительно больше не было. Зачем он такой сальный? Зачем так мерзко спрашивал Шведова о «яйцах» — когда тот говорил со мной о художественно раскрашенных яйцах... Зачем так гнусно хихикал, когда Корнилов рассказывал гнусный анекдот про яйца. Зачем он подсел к Шише, говорил с ней, и все такое?.. Шиша — мерзкая... Шведов хороший, но я не позволила бы ему, как Шиша, запускать руки под воротник, держать за руки и т. п. Грр говорит о детскости, о, я покажу ему в пятницу, какой я «ребенок!»... Я его... ненавижу, Грра... Сальный, нечуткий, грубый... Такая гнусная рожа была у него, когда мерзкий В. Соловьев говорил о «щупанье», «октябреньке» и т. д.

Противный, противный, противный... Но тот день (13 апреля, вторник) никому не отдам, никому не уступлю, не жалею, ни капли не жалею о нем... О, если бы все-все повторилось снова... Господи, люблю я его или нет? Он не любит меня, ясно как день. Ну, и я не люблю его, вот не люблю, не люблю, не люблю... Неужели силы воли нет оттолкнуть все от себя... неужели дерьмо я такое? Грр... Ну, что в нем такого... Ничего, ничего... Что, свет клином сошелся на Грре?.. Эх, я!

Он посмеялся, должно быть, а я вообразила... Прощай, Гор!.. Больше ни слова не буду ни писать о тебе, ничего... Страницы дневника больше не повторят твоего имени. Гор... Гор... Гор... Геннадий Гор... Последний раз пишу это имя... Ни с кем не буду говорить о нем... Ни писать... Постараюсь не думать, не думать... Пусть возжжется с Шишой, со всеми, кем ему угодно... Он — еврей... Наплевать... Гор. Гор... Кончаю... И гадать больше не буду. Смешно: должно быть, кулич и яйца плывут где-нибудь по Мойке!!! А май такой холодный-холодный... Скоро ли зацветут яблони... Смешно: я вру, как сивый мерин, а дома все верят.. Дураки...

5-ого мая.

Уймись, волнения страсти,
Засни, безнадежное сердце...
Я стражду..

Мне действительно очень тяжело. Глупое сердце, о чем ты печалишься...

Что за чудо, этот Жаров!.. «Азиаты» — это прямо... ну, сказать не могу!..

Сколько солнца разлито в каждой строчке! Зажигаешься весь!!!

— Полно, звезды, стыдливо скриваться,
Хорониться за облачный дым.
Сколько лет вам? А мне — восемнадцать,
«Хорошо погулять с молодым!!»!

«Буду гладить голубые плечи,
Как мальчишкой гладил голубей!»
Смех в глазах,
В горле смех,
Да эх,
Да эх,
Как же сердцу
Без утех?
Вот это да.

7-го мая. Пя-тни-ца, 2 часа > дня.

«Радость моя, комсомолка,
Сердце мое!»

Как я страстно хочу, чтоб кто-нибудь говорил мне так!! Чтобы

«Будут дни, синеволосым вечером
Я рассыплю шелк твоих кудрей...
Буду гладить голубые плечи,
Как мальчишкой гладил голубей...
Будут дни, и грубым я не буду,
Выращу соцветья нежных слов...
Переплавлю огневую удаль
В звонкую, крылатую любовь!..»

Господи!.. Я тоскую без любви!.. Я хочу любви, звонкой и крылатой... Хочу, чтоб кто-нибудь «гладил голубые плечи», чтоб кто-то говорил про меня — «радость моя, комсомолка», «сердце мое!».

Что, если б меня полюбил Жаров или Безыменский?.. Или вообще кто-нибудь полюбил!?

Половина пятого...

Полюбить человека и из-за другого можно, не только из-за красоты... Можно за любовь полюбить человека... Если б меня спросил... он: «... а как ты любишь» или — «а как умеешь любить», — я бы поцеловала его сама, крепко-крепко, и сказала бы: «вот так!»...

«Неделя» Либединского — очень хорошая вещь... Как глупо, что в нашем распоряжении имеется так мало слов, — для выражения восторга или самого глубокого удовлетворения... Я хочу сказать, что «неделя» —

Дзяю-дз... ы-ы-н.

А в Англии — забастовка, и бастует 5 миллионов! 5! 5! Если представить, что мир летит, как шар, а из какого-то угла пространства трехугольные, длинные и разноцветные лучи, то, значит, земля попала в красно-дымную полосу... Готовятся величайшие в мире события... Мне становится радостно и страшно при мысли о забастовке, и кажется, что я расту до неба, и я становлюсь гордой... Вот тебе и стабилизация капитализма!.. А наши помогают... И я хочу

помочь... На этот рубль сняться хотела, но нет, лучше отдать его в Англию...

8-ого мая...

«До свиданья, друг мой, до свиданья,
Милый мой, ты у меня в груди!..»

Есенин

Его не было в пятницу. Завтра еду туда. В понедельник получу деньги. И куплю билет на «Сказанье о граде Китиже»... Сегодня была на «Индийской гробнице» и в общей сложности прогуляла 1 рубль 50 копеек!... Завтра еду в кино...

«До свиданья, друг мой, до свиданья,
Милый мой, ты у меня в груди»..

А все-таки, чорт возьми, я о нем думаю, думаю и пишу, о нет, не хочу, не буду!.. Коссов — премилый... Ну, что поделатъ, если думаю?.. Никак не прогонишь думы... Неужели «Белье» в «Юном пролетарии» не поместят? Это будет высшее свинство...

«До свиданья, друг мой, до свиданья,
Милый мой, ты у меня в груди»...

Какой вчера и сегодня вечера были хорошие... Теплые, синие, — шалые!.. Будет ли завтра такой??.. Как я хочу, чтоб был хороший теплый вечер...

Мне нравится слово — шалая...

По щеке, румянцем обожженной,
Пробежала шалая слеза!..

Господи, — до чего хорошие строчки... Завтра должен быть хороший вечер...

«До свиданья, друг мой, до свиданья!
Милый мой, ты у меня в груди!..»

О, завтра вечер должен быть хорошим!!!! Во сколько кончится собрание Л.А.П.П.а?.. В — 8? В — 10?...

10-го <мая>.

Чорт, кажется, мама прочитала дневники... О, это недаром, недаром вчера говорила о любви, пошлости, «переделке» и расспрашивала о Горе... Ох, как это мерзко...

Эх, мама, мама, что ты, чудачка, делаешь и что ты уже сделала?.. Если б ты только знала об этом!!.. Ну, конечно, она прочитала дневник... И не пускает в Литгруппу завтра, под предлогом, что «надо шить!» А вчера долго говорила о пошлости, о «современных молодых людях» и т. д. У мамы удивительная склонность, которая возбуждает во мне... отвращение, — окрашивать мои увлечения в пошлый, грязный тон... Когда я увлекалась С<ергеем> Г<ригорьевым>, она говорила мне о том, что он похож на обклавшегося и т. д. Теперь о «подлецах» и т. д... В общем — гнусно... Ведь это первое более или менее серьезное мое увлечение... Почему же обязательно думать, что он насмехается, побился о заклад и т. д. Нет, нет, этого я не думаю! Ну, и вот, вчера он, т. е. Гор (я буду писать о нем!), пришел, он остригся наголо!.. О, ужас, ужас, зачем?.. Мне так нравилась его милая густая черная шевелюра, а теперь?.. Зря, зря!.. И несмотря на то, что вчера весь вечер он [увивался] (подлое выражение!) был около меня, глядел хорошо, дотрагивался, разговаривал, потом шли под руку, и был вечер теплый, мягкий — я ничуть не люблю его!.. О, напротив, мне было легко и радостно оттого, что я его не люблю, что все кончилось...

Напротив, он был мне даже смешон и чуть-чуть жалок, я все время бегала от него!.. Но, мама, мама!.. Она говорила вчера о любви, а я все вспоминала про свою любовь... Она не хочет пускать меня завтра, но я поеду, о, я поеду во что бы то ни стало!.. Потихоньку, да!.. Мама нечестно поступила, потихоньку прочитав мой дневник, ну и я так сделаю... Я сейчас себя не понимаю: мне и радостно, и тоскливо... Кажется, я люблю его, и это сделала только мама... Сегодня мельком видела на Невском, а он и не узнал... Какой он чудной — стриженный!.. Мне потому кажется, что я его люблю, что хочется целовать его: радостно, звонко целовать... А только вчера, ведь только вчера все, что между нами было, — казалось сном, тяжелым, радостным и чуть-чуть даже постыдным... А сегодня... О! Сегодня...

Сейчас солнце низко-низко над крышей дома, его лучи — по столу, по лицу моему, в комнате светло, небо голубое, и воробьи, птицы всякие кричат так радостно. Я мечтаю, что завтра увижу Гора, буду смеяться с ним, говорить... Я поеду в красном платочке и повяжусь, как крестьяночка, ко мне идет... Только бы прошли 2 прыщика... Какая я эгоистка!... Мама больна, так похудела, что смотреть больно... А я!.. Эх, я, сволочь...

Вчера так ясно-ясно было, что ничуть не люблю Гора...

Да эх,

Да эх,

Как же сердцу

Без утех...

А вот еще будут белые ночи...

11-го мая.

Я была, недавно приехала... недели 2 тому назад я была бы в восторге от сегодняшнего дня, но сегодня, нет, мне даже как-то неприятно скребет на душе... Была я — очень хорошенькая, — и так шел красный платочек к моим растрепанным волосам...

Но все-таки, все-таки это не то... Он ни на шаг не отходил от меня... Я и Аня сидели на диване в Мавританской, он подошел, сел близко-близко, прижавшись ко мне, так что лицо его было около моего плеча и от моего лица на расстоянии полвершка... Он брал меня то за руку, то за пояс, то дотрагивался до колен; он обнял меня за талию и все время пожимал... Потом, вообще... Если б я захотела остаться с ним одним в комнате, он поцеловал бы меня — на то все шло; но я не захотела!... и убежала... Господи, никогда он так около меня не вертелся!.. Но... но... — но!.. Зачем (нет, как это меня ни коробит, я напишу про это и спрячу дневник так, что мама не найдет его) — зачем он (я отсела, а он опять подсел), дотрагиваясь до ног и нащупав резинку, сказал: «тайны женского туалета!» Как это мерзко, как это сразу испортило мне настроение!.. Я сорвалась с места и потом весь вечер избегала его... Но как ни избегала, он все время подсаживался ко мне... Нет, не люблю, не люблю его, он мне противен до чертиков!... Тфу, тфу, не люблю, гадость, мерзость. В пятницу буду читать, — «Заводь», «Обои»... Поеду в открытой кофточке. А уроки — ззапущены... Но с завтрашнего дня — ре-

шительно за них принимаюсь. Р-р-решительно, — или не я буду... Торцова — у нас в группе — говорила, что пионеры мои стихи «Радиолюбитель» из «Лен<инских> иск<р>» учат наизусть, еще один говорил, что пионерам мой «Ходя» страшно нравится... Значит, я популярна; это хорошо.

Физику списать и выучить...

Тригоном<етрию> — геом<етрию> выучить.

Алгебру переписать.

Литература написать

Символ<исты>.

Акмеисты.

Футуристы.

Серапионы.

Ой-ой-ой-ой-ой-ой-ой!.. Нужно вовсю подналечь!

11-го <мая>.

Ох... Кошмар какой! Как я отца презираю, какой он <Далее обрыв текста.>

12-го <мая>.

Ой, дура, дура я, что не довела вчера дело до поцелуев!.. Зря, зря... В пятницу не буду такой глупой... Или... подразнить его еще?.. Если любит, пусть помучается... Я же ничего не потеряю ни в I, ни во II случае, я ведь не люблю его...

Эпиграмма на Гору

Я прошу не обижаться,

Гору дам совет любя:

Чем под Бабеля стараться, —

Лучше делать под себя!..

Сочинила хорошую-хорошую поэму — «Хутора»... Только обработать надо. И хочу в толстенький журнальчик послать...

И на ум приходит паренек,

Синеглазый — и — черноволосый...

Скорей бы пятница! Милый, милый, как я хочу скорее увидеть его!...

13-го мая.

Господи, скорей бы завтра, скорей бы туда. Как я дождусь завтрашнего дня?.. А вдруг ничего не будет между нами? Вдруг он обиделся или рассердился?.. Ну, не будет, и наплевать...

А вдруг он не придет? Тоже наплевать.

Забастовка в Англии сорвана... Фу, подлецы этот Г.С.П.С. Буржуи-то радуются!

Пятница, 14-го мая.

Еду сегодня... Читать ли «Заводь»? Слабоватая вещь... Ну, да ладно... Что-то будет... Видела Андрюшу Вали Балдиной — ну!.. Какое же сравнение с Громом?.. Варя Н<екрасова> говорит, что я — счастливая... Правда...

Ох... погода испортилась!... Ох! Я хотела ехать в открытой кофточке, да не придется... Ну, поеду в беленькой и прическу сделаю... Что-то будет?..

Народничество

«Что такое друзья народа и как они борются с социал-демократями».

«Развитие капитализма в России». 1897 год.

Оппортунизм в рабочем движении.

«Что делать».

«Искра»

Либединский — сын врача. Влиял Бунин, Золя; пренебрегал точными науками. После окончания реального училища был рядовым Кр<асной> Гвардии, в Колчаковском тылу вступил в подпольную организацию коммунистов. В 1921 г. — «Неделя». Гражданин? писатель «Октябрь».

Николай Николаевич Ляшко. 1884 г. в Лебедяни.

Отец — портной-ремесленник. Николоевский солдат. С 12 лет работал в кофейне, потом на кондитерской, в механической мастерской и т. д. Упорно работал над самообразованием. Активно участвовал в рабочем движении. Сидел в тюрьме. На

чал> писать с 18 лет. Но серьезно занялся литер<атурой> только с 1911 г. Принадл<ежал> к группе писат<елей> — «Кузница». «Железная Тишина», рассказ<ая> о канд<алах>, «Льдина на Солнце», «Глубинное дыхание», «Крепнущие крылья».

Л. Берггольц¹

Эх, кабы на цветы да не морозы,
И зимой бы цветы зацвели...
30-V <1926>.

Эх...
Кабы на цветы,
Да не морозы...

Все познать, ничего не взять
Пришел в этот мир поэт!..

Если есть, о чем горевать,
Значит, есть, чему улыбаться.
Есенин.

О, весенние зори и теплые
майские росы,
О, прекрасная юность моя!...
И. Бунин.

Радость моя, комсомолка,
Счастье мое!!

Радость, радость, цветы и звени,
Буйствуй молодостью в молодежи.
Мы —
— Шефы песен, радости, морей

¹ Записи рукой О. Ф. Берггольц на обложке тетради.

И подшефные
 Борьбы и солнца...
 Жаров...

Полно, звезды, стыдливо
 скрываться,
 Хорониться за облачный дым...
 Сколько лет вам? — А мне
 восемнадцать,
 — Хорошо погулять с молодым...
 15 мая 1926 г.
 «Ледоход»...

Сотни весен бурлят по венам...
 Никого не впущу я в горницу,
 Никому не открою дверь!
 Вы солгали, туманные ночи в июне!¹

16 мая воскресенье...

Вчера была на литгруппе «Ледоход»... В университете; из «Смены» мно[их] наших было... Читала стихи, «Хутора», — хвалили... [когда] Особенно заинтересовались строками:

— И на ум приходит паренек,
 Синеглазый и черноволосый...

Стали допытываться — «кто это», и осматривать друг друга... Коссов премилый; как он мне нравится!! Он так нежно относится ко мне; спрашивал, отчего я грустная; говорил, что ему ценны мои стихи... Гор пришел в новом пальто, к нему так шло... Потом пошли в группом выступать... Я сидела между Гором и Коссовым, все время разговаривала с ним, а к Гору сидела спиной... Он заговорил со мной, но я не обращала внимания на него... Ну, потом выступили... До нашего выступления целый час говорили речи, мы

¹ Запись со слов «Полно, звезды...» до слов: «Вы солгали, туманные ночи в июне» сделана рукой О. Ф. Берггольц на форзаце тетради.

их не слушали, Коссов бузил... Потом вышли, был уже одиннадцатый час...

Мы пошли с Гором, т. е. — Я, он пошел проводить меня... Они даже поспорили с Коссовым, кому из них меня провожать, и, наконец, перевес взял Гор...

Мы пошли по темным-темным улицам и переулкам, где никого почти не было...

А когда вечером, в первом часу [мы] я пришла домой, мама и Муся удивлялись, почему у меня неестественно красные, словно обкусанные губы... Но это ничуть не удивительно... Ведь мы целовались с ним, да, целовались, и не раз, а, наверно, раз 50 или 40... И как горячо, как крепко!!! Мы шли, и было тихо, темно, никого не было... Он шел со мной под руку, потом опустил руку в карман ко мне, наши пальцы встретились, мы пожали друг другу руки... Потом он охватил мои плечи, прижался губами к моим губам... Поцеловались, раз, два, три, или больше, не помню... Потом опять пошли, его голос несколько изменился, мы стали говорить о Литгруппе, о Теплове и т. д. И около университета опять и опять... А когда стояли над Невой и «ждали трамвая», пропуская один за другим, он целовал меня все горячее и горячее, обняв крепко-крепко... Целовал щеки, губы... Я целовала его в слегка колючие щеки, — сама, сама, — и в губы, и дыханье наше было горячее... Он как-то радостно и нежно хымкал, говорил нежно, взяв мою руку в свою... Спрашивал, кто из парней мне нравился; говорил, что за мной ухаживает Коссов... Говорил: «мы с тобой еще погуляем, до твоего отъезда...»... «будем уходить пораньше с Литгруппы, пойдем в сад»... Когда целовались, смотрели друг-другу

Господи! Как хорошо было.

Геня, милый, вернешься?¹

в глаза, в самую глубину... Я была хорошенькой, щеки у меня горели...

Как он умеет целовать!..

Посадил на трамвай, так заботливо и нежно... Милый мой!..

Дурак! VII-20-26.

А меня это все так ошеломило, что ли, что, когда ехала, внутри было пусто... Как будто ушло что-то; и страшно было... А когда

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц по нижнему полю слева.

над Невой он говорил: «и во вторник, и в пятницу пойдем гулять, да? да?»... — и целовал меня, — я говорила: «да, если приеду»... а сама думала: «я не приеду ни во вторник, ни в пятницу»... И казалось, что не люблю...

Сегодня мне рождение, исполнилось 16 лет... Вчера в 3 уснула, а сегодня встала в 8... Проснулась, то есть... И уснуть не могла, а все думала, думала, и было радостно и жутко...

О, прекрасные зори и теплые майские росы!

О, далекая юность моя...

10/XII-26 г

Как гнусно. VIII-20-26.

Значит любит... любит... лю-бит!..

Но вот, во вторник ехать ли мне или нет... Поля наша сказала: «не езд, пусть попостничает»... Ха-ха-ха!.. Молодец наша Поля!.. Понимает меня...

Нету лета без июня,

А июня без цветов;

Нет любви без поцелуев

А без них — что за любовь!..

Правильно-о!!... Нет...

Страшно... Уж очень крепко он обнимает... Теперь не надо и гадать... Выходит — «не любит», а я не верю... Не верю... Он сказал, что ему многие девчонки нравились, но серьезно — ни одна... Зачем говорил и меня спрашивал об этом?.. Не все равно, что было; скольких он целовал так, как меня?.. Наверно, ни одну... Ну пусть хоть и целовал, мне все равно... Пусть не любит, а «просто так» — все-все равно, только пусть целует... Хорошо!! Ай, хорошо!..

Гнусно. VIII-20.

Сердце замирает весь день, и я смеюсь, пою, я счастлива!.. Любит!.. Одну меня! А ведь он красивый... А у него рот, рот... дьявольски хорош...

Во вторник не поеду, пусть поскучает, это необходимо... Буду по физике подготавливаться! Ай, какая жалость: потеряла билет в кино... Черт возьми, как жалко... Скоро из «Ленинских искр» деньги получу, а в «Юном пролетарии» опять ничего не напечатано... Какой пакуда — Чумандрин: Борькина говенное «Окно в Европу» пропустили,

Файвеловича и Масленникова тоже, а моего — нет.. Отчего?.. Меня это крайне обижает.. В среду поеду в «Резец» и сниматься..

Мама подарила мне золотое колечко с гранатом.. Но я больше довольна этим двум толстым тетрадкам, чем кольцу: мне как-то неловко с кольцом, чудно... стыдно... Я ведь комсомолка, мне нельзя — мешанство это...

Мамочка, милая она какая... Как все старается... Шарф мне купит... Пальто. Как я люблю ее... Дорогая моя...

А Гора я люблю?.. — Люблю, ну, конечно, люблю... И он меня любит... Мне 16 лет!.. Это плохо: он знает, что я его люблю, и я знаю, что он меня любит... Надо по-другому... Надо, чтоб он ревновал... Надо, — вот, во вторник не поеду, а в пятницу приеду поздно...

Как в Литгруппе меня все любят: все говорят, что я славная, хорошая, милая... а мне стыдно... Коссов лучше всех, потом Корнилов, Пшеничный, Авраменко, Лихарев... Хентов редко ходит. Как-то Анька? Надо поговорить с ней по телефону... Милая она... люблю ее... Я сегодня очень хорошенькая...

Нет, наверно, поеду во вторник...

1 час ночи.

Все думаю, думаю о вчерашнем дне... О, как он целовал меня... Как обнимал... Ведь я тоже целовала его, крепко-крепко...

О, я знаю, что, если я захочу, [он] мы будем сидеть так, как сидели сейчас с Клавдей, — тесно обнявшись, и его губы будут у меня на шее...

Никогда! VIII-20.

Жаль! 10/XII-26.

Поеду во [п] вторник... Нет, не поеду... Эй, жалко билет в кино потеряла!

Лягу спать... День рождения прошел очень весело... У меня есть 1 р<убль> 10 к<опеек>, да Клавка еще должна 50. Снимусь. Коссов просил карточку подарить — стоит или нет?..

Нет, не нужно ездить во вторник... Как хорошо, если Гор думает обо мне...

Радость моя, комсомолка,

Сердце мое...

А я вот что-то не могу называть его про себя — «милый», «дорогой» и т. д.

Синеглазый и черноволосый...

Догадался, что про него... И все догадаются.

Мальчишки, если что станут говорить или намекать — отшучусь и виду не подам... Как он целовал меня: крепко-крепко... Только зачем хымкал?.. И был ласковый и нежный... Я счастливее В<али> Бычковой, Некрасовой и Балдиной: они этого не испытывали... Милый, милый, мой синеглазый и черноволосый...

17-го мая.

Сейчас начнется конференция учащихся II-ой ступени... Как хорошо здесь... Стенгазеты везде, такие хорошие, красивые. Я, конечно, не привезла своей: майского № у нас нету, а не майский — весь оборвали... И то сказать — один в поле не воин... Никто мне не помогает, одной не справиться — силы падают... Эх, наша школа — проваленная какая-то. Валя Б<ычкова?>, Варька Н<екрасова> и Балдины советуют мне ехать во вторник... (Как много знают мою тайну, но пусть, когда у меня радость, я хочу делиться ею со всеми.)

А Варя Н<екрасова> — сегодня скучная и грустная; ей тоскливо, она редко видит своего, любимого ею, и я чувствую себя виноватой перед ней, за то, что я счастлива... О, я — счастлива, счастлива, несмотря на то, что моих стихов не напечатали в «Ю<ном> п<ролетарии>», что отец — эгоист, нечуткий и грубый... что маме плохо... У меня спокойное, светлое состояние... Вот сейчас оркестр играет какой-то бодрый марш, зало гудит, какие-то парни выставляют окно, солнце за окном и 11° тепла... Одно — за стенгаз<ету> обидно. А в зале все молодые, полные жизни... Борька К<орнилов> сказал, что такие стихи, как, напр<имер>, «Дедка», — халтурка, нужно писать более глубокое. Это отчасти правда; но я буду писать все, что захочу... Гвр говорил, что мои стихи хороши тем, что сюжеты, свежи, но что над формой нужно поработать, что у меня встречается много шаблонов... Это тоже верно; хотя... насчет шаблонов — не совсем...

Ну... конференция открывается...

Дда... а от 117 школы ни в президиуме, ни в секретариате никого нет... Здорово...

Ой, как хорошо... Гговорили речи, — приветствия, играл «Интернационал»... И чувствую себя заодно со всеми, чувствую, что об-

щественная работа — выше всего... К пятнице выпущу хороший № стенгазеты...

Кедо — докладчик об «итогах и перспективах общественно-политической работы в школах II ступени» — говорил хотя долго, но очень толково и хорошо. Я записалась выступать в прениях; мне ничуть не страшно и не стыдно. Скажу, что нужно держать связь с фабзаучем, усилить политучебу, руководство школьных коллективов ВЛКСМ со стороны производственных коллективов и т. д.

Скоро мне выступать.

Говорила... Похлопали, — значит, мои мысли нашли отклик в толпе? А вот Мухин правду сказал, что в «Смене» нужно больше места уделить учащимся. Это верно.

...Ой, я уже устала слушать... На улице солнце... Воздух теплый, теплый... Ехать мне завтра или нет? Вот вопрос, который меня мучает...

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Выбрали в комиссию по практическим предложениям. Завтра к 9 часам утра.

Как тут хорошо, на кладбище в Невской лавре! Жаль, много народу шляются и глядят на меня — думают, что это моя могилка... Птицы на все голоса чивикают, небо голубо-прозрачно... И еще нежно-прозрачно-зеленые березы, клейкие тополя... А на душе так хорошо, спокойно, светло и любовно... Я переживаю светлое время... Генька любит меня... Любит! Я его тоже люблю. Целовал меня он горячо-горячо... Никогда не забуду... Все думаю и думаю о нем... А он обо мне думает ли... Он еще не раз целовать меня будет!..

«Известия» от 9 мая.

Ну, как же, как же я не поеду завтра?.. А если завтра будет вечер, как сейчас — такой же синий и теплый?..

В этот вечер только б целоваться,

В этот вечер — только бы любить!..

Нет, если завтра будет такая погода, я поеду, я обязательно поеду... К чему не пользоваться счастьем?.. А раздражить его я и так сумею: колечком или чем другим...

Или так сделать, как я и хотела — позвонить Ане в Литгруппу по телефону и поговорить с ней? Лучше бы, как последнее...

Лучше бы... А вдруг его не будет?.. Нет, он будет, я знаю... Если меня не будет, — он будет думать, будет ждать с нетерпением — и не дожидается... А в пятницу опять будет ждать-ждать, а вдруг я приеду — поздно, когда все будут в сборе... Как он обрадуется... Ну, а если, если завтра будет такой вечер, как сегодня?.. Мы пойдем с ним, и он опять сожмет мои пальцы, а потом мы будем целоваться, целоваться, как в субботу... Нет, лучше подождать и потомиться?.. Ну, а если будет такой вечер, как сейчас? Как я буду учить физику?.. Телефон, кажется, 58-78.

Переплавлю огневую удаль
В звонкую, крылатую любовь!..

1 ч<ас> ночи.

Ну, как же, как же не поехать завтра?.. Сидела на скамейке, а небо синее-синее, и руки были белые-белые... И лицо тоже... А вечер теплый и где-то балалайка... А звезды-то, звезды... —

— Ну, о чем, о чем распелись, звезды,
В синей парусинной вышине??
...Сколько лет вам? А мне — восемнадцать!
Хорошо погулять с молодым!!...

Поеду, поеду завтра... Во что бы то ни стало... Только бы вечер был хороший... Как сегодня... Так хотелось, чтоб целовать-целовать его. И чтоб он целовал меня.... ..

Ложусь спать... буду вспоминать... Неву, огоньки, ледоход... А Корнилов-то был прав, когда говорил: «вот, погоди, что через месяц будет...»

18-го мая.

Цвет лица — отчаянный... Мерзость! Но все-таки еду, еду... Что-то будет? Страшно замирает сердце... Что за день сегодня! Значит, и вечер будет очень хороший! Как я рада... Удивительно красивый камень на кольце — как капелька крови. Одеда кольцо; кофта без рукавов. Что-то будет... Мама и папа долго не приедут, а может быть, и совсем не приедут... Вот бы хорошо-то было!...

2 часа> ночи...

Грустно, но я не хочу, чтоб она проходила — эта какая-то неопределенная грусть. Чего-то хочется — огромного, грустного, чего не знаю... Может быть, оттого, что ночь — бело-голубая, и как-то грустно на улице, может быть, и оттого, что был такой синий и теплый вечер, а против Исаакиевского собора есть сквер и там, на скамейке, я долго сидела с... Корниловым...

А во всем виновата я: нарочно опоздала на час; не глядела на него в глаза, а ведь чувствовала, что глядит хорошо и нежно, влюбленно. Кокетничала с Коссовым. Потом пошла к Ане, не дошла до дому ее, пришла обратно, Г<ены> уже не было, верно, подумал, что я пошла, как всегда, и пошел за мной... Корнилов пел какую-то частушку, где вспоминал — «Берггольц и Генька Гор»... Говорил: «Ты влюблена в Гора?», «колючая у Гора борода, когда он тебя целовал» и т. д... Вот дурак-то чортов. Все хотел поцеловать меня, да фиги с две, так я ему и позволила!! Вот если б на его месте был Гор, хороший Гор, у которого ресницы густые и черные, и глаза такие красивые, что, глядя на них, замирает сердце. Ну, что я перед ним?.. А если любит? Если сейчас думает обо мне, если ему тяжело, что я с Коссовым шутила и смеялась?.. Вот бы было хорошо!..

Коссов-то таял, дурак... Нет, не люблю я его — одного Геньку Гора люблю... Я сейчас хорошенькая-хорошенькая... В пятницу поеду в этой же кофточке, только с двумя распущенными косами и опять буду читать «Хутора»... в пятницу не буду дурой... А что если опять на «Ледоход» позовут?.. Вот хорошо-то будет!.. На улице светло-светло... Как хорошо!

Весна, весна,
Свое возьми
И большего
Не требуй!..

Нет, он любит меня... А если и не любит, так пусть!.. Я его могу легко разлюбить... По крайней мере, так кажется. Коссов хочет мне «что-то сказать»... Люблю его (Гора)!.. А часто целоваться — нельзя... Appetit пройдет... Физики не знаю... А завтра — работа. Ой, надо налечь на занятия... Люблю... и меня любят...

19-го <мая>.

До субботы ничего писать не буду. Как скучно... Скорей бы пятница... Только маме ее затеи не удадутся; она начинает забрасывать удочку насчет того, что ведь «можно не каждый раз» и т. д. Мама хочет затянуть меня в это болото — только «семья, дом, домашние обязанности — священны»... Тьфу, какое идиотство — «домашние обязанности — священны». О, скорей бы пятница!.. Поеду в открытом белом платице Вали Б<ычковой?> — знаю, что будет хорошо... А если в субботу позовут в «Ледоход» — скажу, что на именины к Поле Самсоновой... О, скорей бы пятница!!! Скорей бы...

Вечер.

О, мой «синеглазый и черноволосый!».. Как я тоскую сейчас!.. Как хочу сидеть с тобой, целоваться, обнять тебя за шею, глядеть в твои дорогие, с густыми ресницами глаза...

О, неужели в пятницу будет худой вечер? Или ты до пятницы разлюбишь меня? Нет, нет... О, как я тебя поцелую!! Так крепко, как только могу!.. А если в пятницу ничего не будет... то... то... вообще ничего не было и не будет...

Как хочу твоих поцелуев!..

Милый. Я назову его — «милый»...

21-го <мая>.

Вот и пятница пришла... Погода теплая, но хмурая и склонна к дождю... Фу, фу, да, кажется, уже пошел. В среду со мной случилось «то»; я теперь большая...

Ой, что-то будет?.. Как хочу его поцелуев... Поеду сегодня пораньше. Худо, что в таком состоянии... Только бы вечер был хороший, и не дождь...

В воскресенье поедem к Петровым. Как я рада. Какой-то Боря, Толя? Боре — 17 лет, Толе — как мне. Может быть, лето у них будем жить... Не знаю, как будет, но сейчас не хочу, не хочу... Хочу в Глушино, на хутор... Там хорошо, никого нет. А здесь дачники-идиоты.

Суббота, 22-го мая.

Конечно, я ничуть не жалею о том, что было между мной и Гором... Это было так хорошо, что мне никогда не забыть этих дней... Но те-

перь я вижу, что это было простое «ухаживание». Только... как же можно было так горячо целовать — «просто так»? Так горячо целовать и обнимать так страстно... Нет, зачем, зачем он целовал меня? Ведь в этот день я совсем не любила его. Это он сам виноват... Ну, конечно, это было просто «ухаживание»; когда он целовал меня, потом сказал, как про себя: «Эх, поухаживать, что ли, еще» — и опять стал целовать... так горячо... так горячо... Конечно, если б этого не было, я б его и не любила; но вчера все было выяснено.

— Огоньки хороши лишь тогда,
Если вечером смотришь с моста...

После Литгруппы пошли трое, я, Торцова, Гор и потом Теплов пристал по дороге. Ну, какой чорт подтолкнул идти со мной, а Теплова приставать по дороге?.. О, если б их не было, все-все было бы по-другому... Ну, вот до Невского шла с ним, опять сжимал мою руку, и заглядывал близко-близко в лицо, и я на него глядела... Не просто. А потом как-то, когда дошли до Невского, мы с ней хотели уходить, но мальчишки нас не пустили, и как-то вышло, что я пошла с Тепловым, а Гор с Торцовой... И вот против Адмиралтейства ведь есть сад — (проклятый сад!), сели там на одну скамейку, я с Т<епловым>, Гор с Торцовой... Глупила с Т<епловым>, пела частушки, хохотала. Гор несколько раз спрашивал: «что у вас так весело», а я как-то своенравно и капризно отвечала... Меня такое зло брало!.. Потом он сказал Теплову: «Поцелуй ее; она любит» или «она умеет»... Зачем он сказал так?..

Это все убило во мне... И в довершение всего — вдруг встал, взял под руку Торцову и пошел с ней... Я осталась с Тепловым... Когда [он] Гор сказал что-то насчет поцелуев, — мне захотелось его ударить больно-больно... Со всей силы... Варя сказала, что это он сказал со злости, что я его мучила... Нет, просто он не любит меня. Нет, я не верю в то, что он меня любит. Да и я его не люблю. Вот у меня странное настроение: то такая тоска берет, что хочется умереть, а то все — трын-трава, и отрезвляюсь... Надо кончить все это, кончить. Надо налечь на занятия, а то не сдам экзамена в университет. Все это только увлечение, совершенно физиологическое.

Во вторник поеду в новом пальто, в шляпке, с прической, и поведу определенную линию... Внимания на него обращать не буду

ни малейшего... Завтра едем в Сестрорецк, к Петровым... Вот влюблюсь в Бору и забуду Гора. Ну его к чорту...

Ну и что в тебе такое
Я нашла хорошего?
То, что волосы густые
Да назад заброшены?
Да что кимовский значок,
[С] [Желтенькими] Желтенькие лучики.
Дурачок ты, дурачок.
Нешто нет получше?..
Вот назло, тебе назло
Заведу забаву...

А сердечко залило
Горькою отравой...

Фига — залило у меня сердечко! Ничуть... Пускай его гуляет, с кем хочет. У меня настроение спокойное. Пускай его... Я его презираю... Бабник... Хотела бы написать:

До свиданья, друг мой, до свиданья,
Милый мой, ты у меня в груди, —

А не подходит! Вот ничуть-ничуть он не в груди у меня... Как я рада!! И не жалко ничего... Хорошо.

Ну, чего в тебе такое
Я нашла хорошего...
Слава богу, все прошло...

Как я Варю Н. люблю! Ужасно! Я ей одной сказала про все... Я еще утром плакала от того, а теперь спокойна...

Выйду, выйду я на речку
Да на волны погляжу...
Ты целуй, забава, крепче,
Пока около сижу,

А уйду; и не догонишь,
 И дорог не укажу...
 Вот.
 Ты не смейся-ко, ягодка,
 Ведь мне не 22 годка...
 Мне всего 16 лет,
 Хочу люблю, хочу и нет...

Во вторник поеду, а в пятницу деньги будут, в кино пойду...

Эти дни я буду тиха,
 Слезы зажму я в руку...
 Эх, дума, стяни лемеха,
 Эх, сердце мое, не стукай.
 Ну что ты, что шебуршишь,
 И точно нищий в оконце —
 — В грудную клетку стучишь...
 Все кончилось, сердце, все
 кончилось...
 Вдохнуло, как раненый зверь,
 Эх, затяни лемеха...
 Я теперь ничему не верю...
 Я буду 3 дня тиха...

Поля В<ласова?> даст мне свой синий газовый шарф во вторник... Ну, уж и разыграю я во вторник Геничку... Внимания абсолютного на него не буду обращать. Буду с Коссовым... или нет, ни с кем не буду ничего делать... Ну их всех к чорту... Вот прыщиков много наскакало — это зря... Завтра, наверно, туда... Т. е. в Сестрорецк... Читать что-нибудь во вторник или нет? Конечно, они не целовались с Торцовой, этого и думать нечего... Буду во вторник вести себя так, как будто бы вообще между нами ничего не было... Зачем он сказал так? Зачем сказал так?.. Значит, смеется, смеется, не любит; или от ревности..? Смеется... Конечно, смеется... Но хорошо смеется тот, кто смеется последний!

А вдруг во вторник его не будет? Значит, не стоит и ездить. Конечно, не будет, потому что в среду — зачет сдавать... Нет, поеду, вдруг будет... А и не будет, так наплевать... Но в пятницу не поеду... И в след<ующий> вторник тоже... Как хорошо, что не люблю его...

+ Вторник — 25√ Вторник — 1 июня
 — Пятница — 28√ Пятница — 4 июня

Нет, к чорту всю эту чертовщину. Заниматься надо, заниматься.

Теплова — ненавижу.

Гора — презираю и ненавижу... Смеется! Противный... А я-то думала...

Ну, теперь опять легко... Все кончилось. Если я так легко «разлюбила» его, значит, и не любила никогда. П<оля?> В<ласова?> говорит, что если часто, так я ему опротивлю... Возможно... Поеду во вторник последний раз, а потом пропущу недели 2, одну...

Билет в кино нашла, слава богу... Значит, в пятницу в кино поеду... В сл<евающий> вторник — заниматься надо... Да и в пятницу не мешало бы.

2[3]4-го <мая> — понедельник.

Вчера ездили в Тарховку. Когда ехали, я глядела на лес, сосны; потом шел град, дождь, и радуга лежала прямо на полях, под нами... А как в Тарховке хорошо!.. Песчаные горы, сосны и озеро «Разлив». Я долго бродила около него, оно было спокойное, розово-голубое, сосны тоже застыли в синем небе, было так ароматно и тихо...

Мне хотелось любить кого-то, хорошо-хорошо, чисто и до боли, до тоски нежно... Была какая-то тоска, огромная и светлая, как озеро... А потом небо стало желтое между соснами, сосны еще ароматнее и тише... И когда ехали домой, я смотрела из окна вагона, а в придорожных канавах то появлялся, то пропадал бледный месяц... И хотелось кого-то любить, хотелось с кем-то идти по сосновым дорогам к молчаливому, чуть лепечущему озеру, а там, обнявшись, тесно прижавшись друг к другу, сидеть и молчать...

Знать, что этот человек любит меня, и я люблю его, нежно до тоски, хорошо до слез... Ни о чем не думать бы, кроме как о любви... И изредка целоваться... Нет, даже не целоваться, а просто сидеть, обнявшись тесно-тесно... О, так хотелось кого-то любить!!! Кого?.. Мне кажется, что Геньку...

Вторник. 25-го <мая>.

Заниматься, заниматься и заниматься — вот моя главная задача. По-настоящему, и сегодня бы ехать не надо, французский делать, да уж ладно, на прощанье...

Совершенно спокойна. В голове одно: заниматься, заниматься... Неужели же из-за лет не примут? Ив<ан> Ал<ександрович?> обещал поговорить с Горчинским... Сегодня:

французский +

биология

физика

Завтра

Космография +

К этому вторнику все по литературе написать. Ба-ба-ба! По физике получили «неуд»... Здорово... Ну, надо как можно интенсивнее налечь на физику... Ох... ехать сегодня или нет...

Дождь, дождь!! Неужели к шести часам он не пройдет, или хотя бы к вечеру... А синий шарф так идет ко мне! Из «Ленинских искр» получу 15 рублей! Во лафа-то. Снимусь, книгу куплю, чулки. И в театр схожу.. 15 рублей... 12 маме отдам, [13] 3 возьму себе... Только бы дождь прошел, зараза...

Среда 26-го <мая>.

Вчера не было его... Ну, и хорошо... От Торцовой я узнала много интересного; во-первых, он провожал ее до трамв<ая>, обещал книгу Голодного или Приблудного принести. Она говорит, что ей крайне неловко было, т. к. она видела, что ему со мной хочется быть и гулять, и он ею тяготился, и не знал, что с ней делать, а ей было очень неловко и неудобно... Потом, когда они пошли, а я осталась с Тепловым, Торцова сказала Гору: «пойдем к ним», а он сказал: «ну что Берггольц с Тепловым мешать?» Мы вчера шли по Невскому, когда она это рассказывала, а я, смеясь, сказала: «это от ревности», и она вполне согласилась с этим, потому что заметила вообще, что он ко мне равнодушен!.. Даже Торцова заметила...!! А что касается меня, то я очень равнодушна!.. Мне решительно наплевать [до] на него!!

Я выдумала славную вещь: в пятницу и во вторник я не поеду, и она скажет, что я попала под трамвай...

Интересно, что-то будет. Но все это не главное; главное сейчас — зачеты.

Обществов<едение> гл. 5, 12, 13 — работа в пятн<ицу>+

В среду работа по физике

от машин<?>.

К пятнице — тригонометрия.

К завтраму — космография +

родной язык +

Российский Ленинский Ком<мунистический> Союз Молодежи.

(Секция К.И.М.)

№ 19619

Это моя кандидатская карточка... наконец-то я комсомолка.

И еще, — о, ужас, ужас, бухгалтерия! О<льга> П<авловна> говорит, что из-за бухгалтерии меня могут не выпустить.

Неужели, господи! Да ведь я не хуже других могу и делаю все...

Если сегодня получу денег, то куплю:

10 тетрадок 40

Чулки

Карандаш

Чернил

«Смену» выписать 70

Да, книгу купить — «Писатели-современники».

В «Юн<ом> прол<етарии>» напечатали «Белье».

В пятницу — в кино. Ск<олько>-то за «Белье» получу?

[28] 24 24 24 7 бы руб<лей> дали

[40] 40 20 30

9.60 4.80 7.20

Деньги получу только 7-го. «Шары» напечатают... А на душе у меня смутно, гнусно и грязно... Зачем Чумандрин так сказал: «Не загромождай «Ю<ный> п<ролетарий>» своим «Бельем», это тебе не «Ленинские искры»». Это меня обидело: ведь там есть стихи гораздо хуже моих. А тут он сказал с каким-то... презрением: это гнусно.

До той пятницы... 8 дней...

Во-семь... Ай, как много...

Да что я, дура!.. Он и думать забыл, верно, а я... кружочками дни отмечаю... Вот... зачеркнула... А может, во вторник поеду...

27-го <мая>. Четверг

Вот... в пятницу не еду... А во вторник — еду, еду, еду!..

Полюби, если хочешь и можешь любить,
Но не жди и не требуй ответа.
Полюби, не прося за любовь наградить,
Ни улыбкой, ни лаской привета...

— Ерунда это!.. Нельзя так любить!..

— Любит тот, кто безумно целует, тот, кто нежные ласки дарит...

Он целовал меня безумно, тогда, 15-го мая... Сегодня я смотрела на тот мост долго-долго, и так больно, тяжело и смутно-радостно было... Господи, зачем все так было. Нет, не жалею о том, что было... Но как хочется снова пережить все то... Хотела пойти и постоять на том месте, да очень уж далеко было... Я его до вторника не увижу... 10 дней не видела?! Господи, отчего вдруг сегодня, сейчас, проснувшись к нему такая нежность? Хочется видеть его, его чудный рот, глаза, смотреть — смотреть на него, говорить с ним... А луна сегодня вечером такая круглая, а небо такое синее и милое... Как можно пропускать такие вечера?.. Как можно не наслаждаться ими?.. Вот в такой бы хороший вечер гулять с ним по пустынному Летнему саду или по тому саду, который против Инженерного замка, и на какой-нибудь дальней скамейке, где нет никого-никого, целоваться горячо, страстно, нежно...

Но этого никогда не будет... Нет, почему, почему?..

Он любит, я хочу, чтоб он любил... Любит... Если что будет... я ему прощу Александровский сад, ну его к чорту, этот сад...

...А мысли все шепчут, что поздно ль
Иль рано,
— быть может... а впрочем,
К чему нам свиданья?
Мы только знакомы...
Как странно...

До вторника:

[0] [0] [0] 0
пятн<ица> суб<бота> воск<ресенье> пон<едельник>

Глупо это все; сентиментально... Ну, да пусть! Вот дневник нужно прятать получше; батя с маманей и то уж хрюкали — «на свиданья ездись»... Дурачки вы мои дорогие, ну, что я делать буду? Вот совсем не любила его, а сегодня, сейчас...

А сейчас — лунища рыжая, а небо милое-милое и синее...

Четыре дня до вторника?.. А если его не будет во вторник? Нет; этого я себе не могу представить!.. Только бы прыщики прошли, да похорошеть бы чуть-чуть...

28-го <мая>.

Три дня до вторника... Сегодня не еду ведь... Еду на «Волжские бунтари»... Генька, Генька, 7 дней тебя не видела и еще 3 не увижу: как я доживу до вторника?

Милый... Почему не любишь? Разве целую худо?.. Нет, а зачем он тогда так сказал?.. С пренебрежением? Нет, чорт возьми, этого я не прощу!..

Завтра спросить информационный бюллетень... Скоро заявление подавать. Завтра к Берману и в баню.

В воскресенье — на демонстрацию. +

В понедельник — (заниматься)

Во вторник — туда!!.

В новой кофточке и в синем шелковом платочке... Нужно быть как можно лучше...

29-го <мая>. Суббота...

Нет... не любит он меня... Просто «ухаживал». Вот думается — люблю, а как прочитаю впереди, вся злоба поднимется, — ненавижу его... Нет, не люблю его... Фига.

Вторник, конечно, будет решающим днем. С него должно все кончиться, продолжаться или начаться...

Он — дурак; вообразил, что влюблена в него? Может быть, всем про наши прогулки рассказывал... Идиот... Уж покажу я ему во вторник... А если его не будет, то, значит — все кончилось!..

30-го. Май.

Гнусность какая... Только все равно — напрасно... Опять мама дневник прочитала... Говорила о любви, о поцелуях... И сказала: «Можешь один раз в неделю в Литгруппу ездить». Фига! Нет, как ей не стыдно? [Мы] Ведь я не пускаю ее, а она насильно!.. Только зря это! Сколько надо будет, столько и буду ездить — вот!.. Как только с «Ледоходом» быть, если, например, позовут?.. Врать придется, обманывать... Гнусность какая... Фу, тфу!.. Зараза... Зачем это так случилось все? Как я зла! Не на маму, а на все...

В бабушку.

И в бога душу мать!..

И на маму зла. Выгляжу — кошмарно... Н-н-н!..

31-го <мая>.

Сегодня не погода, а зараза!.. И настроение — препаскудное... Фу, как все гнусно... Завтра — туда... Чорт, чорт, до чего все гнусно. Гнусно... Гну-сно...

Что-то завтра будет?

На кой чорт мама прочитала дневник?.. Сегодня заниматься буду до одури.

Я вовсе не так глупа, как мама думает. Я все устроила и устрою как нельзя лучше... Теперь моя боевая задача — это чтобы вот этот дневник не попался ей в руки... Конечно, если завтра ничего не будет, все ликвидируется само собой...

А мне стыдно, стыдно... все-таки большое... страданье приношу я маме... Мамочке моей...

1-го июня.

Читаю все, что было впереди, и ужасаюсь?! Это читала все — мама... О, кошмар какой!! А что, если и правда перестать вести дневник? Нет, как же, как же? Это же ужас... Сегодня мое то письмо попало маме в руки... Это хорошо...

Только не пересолила ли я там? Но самое худое — это то, что мама не велит ехать в пятницу и сегодня приехать не позднее пол<овины> 11-го! И говорит, что приедет в 8 часов сегодня... Этого не может быть!! Если что будет, например, если с ним идти гулять или что, я пойду, пойду, хотя бы для того, чтобы все кончить... Я... не люблю его, но я о нем соскучилась!!!

А если его не будет? Неужели же я не поеду в эту пятницу? Дудки!.. Никакие уроки, шитье и т. д. меня не удержат!..

Что-то будет сегодня?

Только бы мама приехала попозднее... Как я соскучилась!..

2-го июня.

Его не было вчера... Домой я приехала в половине десятого... Маме сказала, что не была; было с ней объяснение...

Она — она просила у меня прощение за то, что так поступила... Моя милая, моя самая любимая и дорогая, а ты меня простишь за всю ту боль, которую тебе причинила?..

Ой, как я соскучилась... До пятницы дни будут, как в тумане... А в пятницу приносить тригонометрию и геометрию, и я ничего еще не сделала...

О! Что со мной делается?.. Я даже ослабела вся! Геня, Генька, мой дорогой, синеглазый мой!.. Как я безумно стосковалась о тебе... Так хочу твоих поцелуев... О, еще завтрашний день, и потом столько часов послезавтрашнего!..

Неужели я не брошусь к нему на шею, не обниму его за шею, а он не станет целовать мои губы, глаза, щеки, и, главное, — губы? Неужели поздороваемся холодно, и я опять не погляжу в глаза ему... О, нет, какой бы краски это мне ни стоило, погляжу ему в самые глаза, и не просто погляжу...

Геня, Генька, милый, милый, Господи, до чего все разрывается... Ведь только послезавтра пятница... Люблю его... безумно!..

Пол<овина> первого.

Что-то сейчас он делает? Спит или... или гуляет с какой-нибудь...

Нет, этого не может быть!..

Он любит меня!.. Он меня любит!.. Послезавтра мы будем гулять с ним и целоваться, или вообще будет что-нибудь хорошее...

Он — мой милый, и он целовал меня, а я его... О, я прощу ему Александровский сад... Я люблю его... он меня любит...

Еще до пятницы... 42 часа... Сорок два часа!.. О! какая вечность... Сейчас сидела на скамеечке на дворе долго-долго и думала: а что, если б около меня сидел он?.. Сколько хороших минут встает в моем воображении.

3-его [ма] июня...

Завтра, завтра... Завтра увижу его — милого, единственного, хороше-го... Как-то он? Отросли ли его волосы — любимые мои черные вихры?..

...Когда мы «тогда» — целовались, я обняла его за голову — это над Невой было... Я ничего выгляжу в новой кофточке и пальто... Только бы прыщиков не наскакало!..

До завтра — 20 часов, до 6 ч<асов>...

21 час до встречи с ним...

21 час и 22 минуты... Ну, это не много...

Ой, нет, много, много... Это целая вечность!..

Любит ли он меня?..

Я — люблю его...

4-го июня.

А мы целовались!.. Домой я приехала в 10 минут 12-го, но это ничего не значит, потому что он написал мне записку — и мы пошли с полдесятого... Какой он милый, хороший, и он любит меня... «Просто так» — нельзя так целовать...

...Корнилова я ненавижу; гнусный он... Я спросила его, почему он так сказал, он говорит: «пошутил»... Идиот. А я когда-то хотела не целовать его, а вот не смогла, да еще как целовалась-то!.. Он положил мои руки к себе на шею, я обняла его... Он спросил: «кто тебе нравится у нас в Литгруппе?», я сказала: «ты» — и поцеловала его в щеку... Нас сторож прогнал из-под арки дворца...

Я его до пятницы не увижу...

Только почему он не верит, что он — самый первый, с которым я целуюсь и гуляю... Как ему доказать?..

Глупый, ты первый, первый, ты самый дорогой, самый любимый...

Милый... Милый и дорогой!..

Мой хороший... Мой любимый... И ты меня любишь!

До пятницы... 6 дней... О, много... Как мы целовались!..

5-го июня...

Господи, до чего он милый... Все вспоминаю, вспоминаю... Милый он... А на концерт его я не позову... Ну его... Одно худо — зачем все пересыхает во рту и делается во рту липко...

По космографии — запарилась...

По бухгалтерии — ой, боюсь, Ольга П<авловна> — зараза...

Гнусь...

Подготовляться надо

Ко вторнику литературу
обществовед<ение>.

К понедельнику — физику.

Космография.

Ко вторнику — тригонометрию

Геометрию...

Господи! Занятий-то сколько...

Ну... все воскресенье и весь понедельник заниматься буду,
да еще во вторник Муську подготовить...

Как я ненавижу В. К...

Если так будет продолжаться — я определенно опупею.

Слышу ли голос твой

Звонкий и ласковый,

Как птичка в клетке

Сердце запрыгает...

Встречу ль глаза твои

Лазурью глубокие,

Душа навстречу им

Так вот и просится!..

И как-то весело,

И плакать хочется,

И так на шею бы

Тебе я кинулся!..

О! какое милое-милое стихотворение, как хорошо передает оно настроение!

И как-то весело,

И хочется плакать!..

Он меня любит...

Вы солгали, туманные ночи в июне. 10-ХП-26 г

6-го июня...

«Горечь полыни — дней наших горечь»... а «через несколько столетий об этих теперешних днях будут писать — с любовью, тоскою и нежностью, как о днях величайшего прекраснейшего проявления человеческого духа»...

Я хочу написать рассказ — хороший-хороший, задушевный, теплый и простой, чтобы можно было посмеяться, и поплакать, и призадуматься над ним... Давно хочу... И напишу. Тема есть...

Сегодня снимались... Кажется, ничего выйду, хорошенькая сегодня...

Перейду я в университет или нет? Должна!

Геня... Генька...

До пятницы 4 дня...

Может быть, в пятницу в новом платье поеду и в шарфе. А без пальто нельзя ехать — холодно вечером будет. Возьму Варю с собой, не пойду гулять с ним... Часто — нельзя...

Милый мой...

Ведь он любит меня?... Любит[ъ]. А что если это — «покрутить любовь», «пофилонить с девочкой»?.. Нет, ерунда какая, конечно, нет... А какую глупую записку написал он мне тогда: «Оля, пойдем, где-нибудь пошляемся на пару»... Меня покорило отчего-то... А ведь ясно, что за этими словами скрывал нежное, другое... Ведь он скучал без меня... И теперь скучает...

Гнусно, что сторож увидал... А мы шли, и я говорила: «Ты загорел»... он поцеловал меня... «и волосы у тебя отросли»... он опять поцеловал меня... и я его... А в первый раз, когда «Ледоход» был, лучше было: по крайней мере, не видел никто... Если платье выйдет хорошо, я в нем буду стройная, и фигура хорошо обрисовываться будет... Мама мне шьет такую штуку — рубашка и штаны вместе, без юбки, — и потом сразу платье... Замечательно удобно!..

В пятницу, если тепло будет, так и поеду, а если очень тепло будет, то и пальто не возьму...

Дура я... и он дурак... Нет, я хорошая, и он хороший, потому что мы молодые и любим друг друга...

Если этот дневник маме в руки попадет — я с собой покончу!..

А уехать ей надо!.. Завтра в «Резец» попрусь... Деньги получу... Отец какой нудный и глупый стал... Только все напрасно старается — зря все это... Ой, до чего он нудный... Ну его!..

7-го июня...

Опять гонорар не выдают!.. Что за чертовщина!..

Господи, как гнусно, что денег не выдают!! Опять, значит, Деньги выдавать будут завтра...

Странно, что я ничуть о Горе не скучаю и совсем спокойна... Завтра 2 пары чулок куплю... А вот гнуснее всего, что прыщики и веснушки... Хотя бы прыщиков не было, и то было бы хорошо!..

Не скучаю я о Горе!.. Вот ничуть-ничуть... А гнусно, что хочу наврать побольше, чтоб ревновал... Ну, к чему?.. Варя, верно, в пятницу со мной поедет...

Платья к пятнице не будет!.. Гнусно... До пятницы — два дня — среда и четверг... Уже 2 часа ночи — значит, вторник... Как-то физику сдать?.. Решительно не способна учить физику... Завтра утром выучу... Куплю завтра тельные [черные] и серые чулки... Или не стоит тельные?

8-го июня.

Вчера больше полчаса сидела ночью на дворе... Было бело, прохладно, тихо... Дарлинг сидел тихо, насторожившись... Кое-где кошки, какие-то новые, милые ночью, бегали... Вдали то пароход загудит, то поезд гукнет... Небо белое, едва просыпается, и по нему над сонной галдарейкой тянется сонный ленивый дым, а сквозь этот дым — одинокая, робкая желтая звезда... А березы и тополи — тихие-тихие...

Так хорошо, так тихо было, и так бело, тихо и тоскливо было в душе... Думалось, что если б сидеть, тесно-тесно обнявшись, и что<бы> жаркие губы его были у меня на шее... А ведь если захочу, так и будет...

Тоску эту я люблю — она огромная, тяжелая, но сладкая... О, как скучала я без него!!... Как хотелось сидеть с ним...

И как-то весело,
И плакать хочется!
...И плакать хочется...

До пятницы — 2 дня... Только...

9-го <июня>. Среда.

Вчера, когда деньги получала, видела Корнилова. И Коссова... Корнилов — идиот. Сказал: «Ну, как живешь? В кого влюблена». Я говорю: «ни в кого»... А он опять: «врешь, а в Бабея... А хорошо он целует?» Нет, откуда, откуда он знает?.. Неужели Геня говорит им, смеется, хвастает, передает с подробностями и т. д.? Неужели это не более не менее как шпанская закрутка? О, какое сомнение меня берет!.. Нет, нет, «закрутки» не хочу!.. Целовать буду только любимого, а он — любимый!..

Хочу, чтоб он любил меня нежно, заботливо, хочу, чтоб он уважал меня... Нежно любил... Думал обо мне хорошо... Чтобы никому насмеяться не давал... Чтобы это глубоко было... Ведь я его не зря целую...

О, какое сомнение меня берет!

Великолепно, если так будет: мать с Мусей на 2 недели уедут в Глушино, или куда, я останусь с отцом... Погуляю уж я за эти 2 недели!.. А потом мать приедет, я поеду в Глушино... Замечательно!.. А маму отправить надо... Во вторник поеду — свезу в «Резец»... «Трактор»... «В хлеву», «Хутора... Жалко «Хутора»... Ну, да все равно потом напечатать можно в других журналах... В «Красную Ниву» стащить?.. Да не примут... А попытаюсь... Надо написать что-нибудь хорошее и стукнуться в «толстый»... Как-то у Бермана с «В хлеву»? Надо сказать ему о моем решении насчет «Резца»... Или в «Р<аботницу> и к<рестьянку>» сдать «Хутора»... Или в литстраницу «Смена»? Подправить да сдать... Что ж, попыток не убыток, попробую... Итак, попробую «Хутора» в литстраницу... Неохота Белицкого встречать... Ну, да ладно. Подработаю денег, отправлю мать в деревню... Себе что-нибудь куплю — «Ренессансу»... от веснушек...

10-го <июня>. Четверг..

Вот-то будет гнусно, если платья к завтраму не будет... Или если ветрено будет...

Нет, я ничуть не скучаю о нем... Думаю, но не скучаю... Почему? Разве не люблю его? И всю неделю, которая теперь кажется не больше часа, — не скучала... Почему?..

11 <июня>. Пятница.

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как белых яблонь дым...

Вот и пятница... Почему я не считаю часов, не жду встречи?.. Вот ничуть, ничуть... И не люблю его... Ни капельки!.. Он так безразличен мне... Варя едет со мной — как я рада, значит, ничего не будет, никуда с ним не пойду.

12-го <июня>. Суббота.

До пятницы 6 дней... 6 дне-е-е-й.

Вчера, как я и хотела, ничего не было... О, как только мы попрощались, — какая тоска охватила меня!.. Я подумала, что не увижу его еще 7 дней...

Варе Гор очень понравился. Она сказала, что он очень красивый...

Кажется, она влюбилась в Корнилова. Корнилову она тоже очень понравилась. Он ей посвятит свое великолепное стихотворение «Терем» — мы с ним на «Американку» поспорили.

Гора я люблю безумно... Вчера совсем-совсем ничего не было, но я видела, ему хочется сесть рядом со мной, поговорить... Он Вари стеснялся... А вдруг он не любит? Я стихи читала — не очень понравились...

Мой Геня, мой любимый.

Мой хороший, красивый, и у него глаза огромные... О, я знаю, я стою его, хотя у меня и веснушки... Я любить умею, я целовать умею, о, я его еще поласкаю и поцелую...

И любимая девушка будет ласкать
От вечера и до рассвета...

13 <июня>. Воскресенье...

В сегодняшнем № «Смены» есть стихотворение Б. Лихарева — «Кино»; очень хорошее стихотворение, и кроме того, оно, так много воспоминаний связано у меня с ним: ведь Б. Л<ихарев> читал его тогда, в группоме, 15 мая...

Как это хорошо, если Г<ор> думает обо мне, хочет меня видеть, целовать. Если я его — «любимая девушка».

Ей было 16, ей было 16...

До пятницы еще 4 дня...

Господи! Почему в дне не 6 часов? Написала вчера 2 стихотворения... Одно — «Лесная поляна» мне очень нравится:

Потому что косарь не придет,
Потому что поляна скошена...

Люблю Геньку...

Буквально ничего делать не могу. Такое ужасное, гнетущее состояние...

Боже мой; до пятницы не видеть Геньку!.. О, кошмар какой!..

...Придет, может быть, в 8–9 часов Варя, пойдем в сад, обниму ее и будем сидеть, молчать... Еще... ух, до пятницы еще 4 дня, считая с пятницей — 5... О-о-о-о!..

Уж эту пятницу я никому не уступлю!.. Хотя в 1 час ночи приехать придется!!! Мой Генька, мой милый!..

На картах гадаю — а еще комсомолка... Выходит — любит, тоскует... Какое это счастье, если так в самом деле — «любит, тоскует»...

Я тоскую о нем отчаянно... Еще вторник, среда, четверг... Как только я доживу до пятницы?..

А как я, если уеду на хутора, на месяц?!.. Я изведусь и сойду с ума!..

Как мне страшно:

Тополы голубит
Вечер у ворот...
Вдруг меня никто-никто
не любит,
И никто не ждет?

На Неве сирены плачь незримый,
 Неумный стон...
 Обо мне — о «девушке любимой»
 Думает ли он?
 Дворик наш — заставский тихий дворик,
 Я одна пока...
 Это нежное, большое горе,
 Глупая тоска...
 Мне не страшно.
 Пусть себе голубит
 Вечер у ворот...
 Я трепалась: знаю ведь, что любит,
 Думает и ждет...

<14 июня>. Понедельник...

Я тоскую отчаянно!.. Я места себе нигде не нахожу!.. Почему эта неделя тянется, как... гнусь какая-то!.. Зараза...

Господи, скорей бы пятница... Скорее бы пятница... Как я скучаю!.. О-о-о-о.

А вечера, черти, пошли такие теплые и хорошие...

Какая Валька Балдина счастливая. Она видит А<ндрея> каждый день, целуется с ним и сейчас сказала: «я только один раз с ним поцеловалась!»... А мне, а мне хоть увидеть его!!... Милого...

15 <июня>...

Настроение тяжелое, смутное, гнусное... Скучаю. Еду в «Смену», в «Резец», к Берману... Неужели не поместят? Если бы поместили, то рублей 30 зашибла бы...

Как я мечтаю о вечерах с Генькой!..

16-го <июня>.

Еще только послезавтра!.. О, кошмар... 36 часов... Ой, нет, 48 часов... сорок восемь...

Это обалдеть... А я думаю, думаю... Неужели он не придет на концерт... Тогда

<Рис.: животное.> Гнусь.

12 ч<асов> вечера...

Я все думаю, думаю... Была у Вари... Милая моя Варя! Любимая!..

Я хочу когда-нибудь сидеть с Генькой так, как мы сидели с Варей: «в обнимку», и щеки были вместе, и ресницы трепетали на щеках, как бабочки... А у Гора такие чудные ресницы. Я определенно не хочу, чтоб мама была на выпускном концерте... Тогда ничего не удастся... Она будет следить, подзывать и т. д... И уж провести с ним белую ночь не удастся... Нет, нет, пусть не сидит до конца, а там я сумею устроить все... Будет что-нибудь в пятницу или нет?.. Должно быть. Вот и все! Иначе... иначе... о, я не знаю, что иначе. Я люблю его...

Послезавтра.

Теперь — 42 часа.

Четверг!.. 17-го <июня>.

Видела сон — будто пришел в баню — голый, и я голая...

А когда проснулась, не открывая глаз, как в полусне, лежала, тело было горячее, и... мне страстно хотелось, чтоб он был здесь, ласкал меня, гладил мне грудь, плечи, целовал бы меня всю... чтобы...

И потом, когда открыла глаза, не было стыдно своего желанья, как всегда... Сейчас это прошло... Я думаю, как-то завтра мы увидимся? Что будет? Неужели будет холодно, как сегодня?? Какой кошмар, хочу, чтоб было тепло...

Приедет он на бал или нет? Если не приедет, значит, не любит, и я кончу с ним все-все!... А если приедет, то... маму я провести сумею...

Меня мучает вопрос: а он думает обо мне так же, как я о нем?.. Вдруг он надо мной смеется... Или ему хочется целовать-целовать меня...

Я похорошела немного.

До встречи с ним... 19 часов... Только 19!...

Ложусь спать... Буду о нем думать.

19-го <июня>.

На концерте он не будет, потому что говорит, что его в четверг не будет, он уезжает. Ничего не было, мне хотелось плакать, потому что

я думала, что он врет; он не любит меня... Я не скучаю и его не люблю. Ничуть... Коссов и Корнилов будут. Больше ничего не буду писать... Забрасываю дневник за горку... Не люблю, не люблю, не люблю... Внутри полупусто...

Прощай...

26-го <июня>.

Он не наврал, действительно, уехал. На концерте мне было очень весело, я была очень интересной, были Б<орис> К<орнилов> и Т<оля> К<оссов>. Вчера его не было, я его ничуть не люблю, не скучаю, думаю редко. Главное — попасть в У<ниверсите>т. Подготавливаться, подготавливаться и еще раз -//-.

Писать ничего не буду, а если буду, то редко... Завтра Банкет. Неужели не попаду. ДОЛЖНА! Забрасываю дневник на шкаф. Мама и Муся уезжают.

САМОЕ ГЛАВНОЕ — ПОПАСТЬ В У<НИВЕРСИТЕ>Т. Учить — до дьявола.

1[2]-го июля.

В У<ниверсите>т не попала из-за лет. Поступаю в Институт Истории Искусств, а потом переведусь в у<ниверсите>т. Мама с Мусей уехали... Радовалась, а теперь — скучно... Только бы мама поправилась. Завтра — туда. Не люблю... Наверное, все кончилось, и если с его стороны будут какие-нибудь «поползновения» — прекращу... Что, в самом деле? Только успокоилась, пришла в равновесие... И не скучаю... и не скучала... А ведь вру: ни хрена не прекращу. Впрочем, посмотрю... Были в воскресенье Толька и Борька... Хорошие ребята. Коссов крутит с Валей Бал<диной>. Корнилов, кажется, вбухался в Варю Н<екрасову?>. Я им помогаю... и мне превесело!.. Вообще, несмотря на всякие неприятности, настроение [было] хорошее... Но, по-моему, врет Борька о своей любви к Варе! Вот что-то не верится мне в искренность его милого письма к Варе... Просто так он это... дурака валляет... А Варька, кажется, размякла и тоже вбухалась... А сказать ей про мои подозрения — неохота разочаровывать... Пусть их!.. А я «закрутки» не хочу... Кокетничать буду, а целоваться — нет... Да и расхотелось чего-то!..

2-го <июля>.

Ай-ай-ай, какая Варька дура!.. Какое она дикое письмо написала Борьке... Ну все это ладно, и про поцелуи, и про все, но зачем там про меня, что мне нравится Гр, чтоб Б<орис> К<орнилов> привез его и прочая ерунда... Ой, моя Варюня: до чего ты глупа!.. Ведь я не люблю его! Мне спокойно и радостно, я весела, чувствую себя превосходно... И ничего не хочу возобновлять... А тут еще вдруг этот дурак Борька вздумает говорить всем, смеяться... Ведь это дураковаление!.. Но главное: отец прочел письмо! И еще велит приезжать к 11 часам. О, чтоб ему!..

Дурак старый...

Впрочем, что он? Наверно, ничего не будет... Да я и не хочу ничего.

4-го <июля>.

О-о-о-ох! Неужели гроза будет... или дождь, вот гнусность-то!.. Борька К<орнилов> хотел приехать и, м<ожет> б<ыть>, Г<ора> привезти. Его в пятницу, к счастью, не было... Я и хочу, и не хочу, чтоб он сегодня приезжал...

Нет, мне на себя смешно: ведь так ясно, что не люблю ничуть, а почему же такая тоска?.. Они не приехали и, верно, не приедут, уже 6 часов... Ну и глупо... Почему-то хочется видеть Борьку К<орнилова>...

Эти дни — переломные: куда идти? На фабрику или в университет... Если твердо решу, куда — на фабрику, меня ничто не удержит... Семья — что? Говорю — хочу огромной борьбы; конкретно: вот борьба... Ее ли пугаться?..

Нет, верно, не придут... Я сегодня выгляжу очень хорошо...

У меня тело худое, но красивое... кому-то оно достанется?..

Я — стройная...

На уме много хороших вещей, только не пишется что-то...

Хочу, чтоб Б<орис> К<орнилов> приехал... он хороший... над письмом не смеялся... Как-то у них с Варей...

Тоскливо...

7-го <июля>. Среда.

Ой, мой проклятый язык!.. Теперь надо прятать концы в воду, и это я сумею — втереть очки — даже и папе... Дело в том, что в воскресенье,

в 6 часов вечера, я лечу на аэроплане!.. Это меня надоумил Берман... Вот он билетик, вот он милый, и ничто не удержит меня от своего решения, ни папы, ни тети Вари и вообще... никто, никто!.. Я теперь так буду, что раз захотела, то и будет, вот... Бороться так бороться!.. И в субботу получу деньги, отошлю маме, а <на> 3 р<убля> 50 к<опеек> куплю банку «Ренессанса», чтобы вывести веснушки... Боюсь, поможет ли? Ну да ладно, рискну, 3 р<убля>... хоть и большие деньги, но надо вывести гнущь на лице... Напишу статью о полете в «Юный прол<етарий>» — получу деньги... Неужели за «Белье» в субботу не заплатят? Хорошо, если б рублей 20 за все...

В понедельник Б<орис> К<орнилов> и Т<оля> К<оссов> были. Борька пишет Варе такие славные письма, и я начинаю верить, что он любит ее... А я о Горе... думаю, но особенно не скучаю, потому что не люблю его... Только минут пять назад всколыхнулось что-то хорошее... Прочитала, как ждала его, как любила... Нет, не люблю... Как хорошо!.. Он тоже, верно, разлюбил меня; и хорошо... Верно, крутит, «ухаживает» за какой-нибудь там крашеной мымрой... Ведь никто его за хвост не держит на даче... Если б любил, то не пропустил бы 3 недели... В пятницу ровно 3 недели будет... Наверно, в него многие влюбляются... А я вот нет!

Подморозило! Подморозило
Зазнобило... Зазнобило
Геньку Гора Я милóго
Я разлюбила... Разлюбила.

Нестыдно ему, дураку, — сам первый орал, что не уедет, а вот изменил... У-у, провокатор... Ну, конечно, не любит... Разве если б любил, расстался бы так спокойно? — Нет!.. Не любит, не любит. Но за чем дело стало? А я-то его люблю? — Нет! Значит — и все!

«У-хаживал» за мной! Как гнусно! Пусть «ухаживает» за какими-нибудь фрями крашеными, вон Варя говорит, что их в университете много... Дурак. Правда, было много между мной и им красивого... Нет, не вспоминать!.. К чорту!..

Подморозило!
Зазнобило,
Я милóго
Разлюбила.

Если в пятницу его не будет, то... то... и худо... Я хочу его видеть.
Рожка моя в достаточной мере гнусная... Весну-ушек!! Вообще, гнусная... У-у-у!!

НА ФАБРИКУ РЕШИЛА ПОСТУПИТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНО... Если не умру во время полета, то в понедельник хлопотать поеду... Мне не страшно лететь... Чем страшнее, тем лучше будет... Ух, как я рада!!!!... В субботу запишусь в библиотеку «Прибоя», буду книги брать...

Матери завтра письмо отсылаю...

Мне в «Юн<ом> прол<етарии>» очень нравится один — Миша Лоскутов, что ли... секретарь редакции... Очень симпатичный... Лучше Гора... Что мне теперь Гор? Хны.

Пятница... послезавтра! Ой, как скоро...

Миша Лоскутов... , Лбскутов

Подморозило...

Зазнобило,

Я другого

Полубила!..

Ну, он очень неприступный... А славный... Итак, в воскресенье — летим... Ура! Читать мне в пятницу... «К вечеру, родная, ты не жди»...?

Хотим осенью, к годовщине Литгруппы, сделать вечеринку... Хорошо будет...

М. Л. Г. Г. Г.

М. М. М. М. М. М.

Удивительно легко писать букву М.

М. М. М. М. М. М. М. М.

М. М. М. М. М. М. М. М.

М. М. М. М. М. М. М. М. М. М. М.

М. М. М. М. М. М. М.

Вот интересно, куда мне Гор посоветует идти, на фабрику или в У<ниверсите>т? Конечно, его совет моего решения не изменит... А просто так... интересно... С понедельника хлопотать поеду... А может, я Гора до осени не увижу. Ну и чего же лучше? Как по Сережке Г<ригорьеве> с ума сходила, а потом разлюбила в один день!.. Чудно!.. Глупо-то как было... смешно...

Пятница. 9 <июля>.

Его не было... Не скучаю... Послезавтра — летим... Вот Борька К<орнилов>... Хороший, а зачем такие гадости говорит?

Ух, как его задело, когда увидел фотографию, где В. Яс<кевич?> положил руку Варьке на плечи... А я еще сказала, что В. Я<скевич?> влюблен в Варю! Какой он стал гнусный и грустный... Дура я. Пожалуй, напортила им все... А Гора все нет... Наверно, гуляет где-нибудь на даче с кем-нибудь там... С какой-нибудь дурой... Влюбился... Про меня — забыл. Противный, противный, гнусный... Неужели ее целует, как меня?.. О-о-о!..

Но чего я?.. Ведь не люблю же?..

Как все гнусно!.. Завтра получу деньги, поем, м<ожет> б<ыть>, в кино пойду... Как бы мне его адрес узнать?.. Написать, что ли, Теплову?..

14-го <июля>.

Ох, окаянные деньги, деньги!.. Неужели и в четверг не дадут?.. Де<нег> не дадут, — наверное, знаю!!! Господи, как мне жалко маму...

Мне должны:

«Резец»

«Юн<ый> пролет<арий>» — «Белье» и статья

«Ленинские искры» — «Шары»

$4 \times 7 = 28 \times 40 = 11.20 = 10 \text{ р}<ублей> \quad 28 \times 50 = 14 \text{ р}<ублей>$

Ну, за «Корову» — 10

20 30

За «Белье» —

10 12 — шары

42 52 р<убля>...

Только бы получить деньги!.. Только бы получить деньги!.. О Горе не скучаю... способна не видеть еще месяц... На аэроплане было ничуть не страшно...

Пятница, 16 <июля>.

Как странно и тоскливо!.. Вот пятница... А я не поехала, потому что нет денег, потому что знаю, что ничего не будет и его не будет... А может быть, он и будет, но все как-то перемешалось и спуталось внутри меня в тоскливо-лживом и еще каком-то чувстве. Вчера с Борь-

кой К<орниловым> сидела в саду, и он сказал, что Гор и не уезжал, а сидит дома и запоем пишет... Вот как!.. Вот как!.. Дома, никуда не уезжал... Никуда не уезжал. А Коссов говорил, что уезжал. Нет, он уезжал, но не надолго... Здесь, в Ленинграде!.. Господи!.. Рада я — или нет? Рада? — Нет? Не знаю!.. Думаю: значит, ни с кем не сошелся. А... почему знать!.. Нет, это менее вероятно... А вдруг сегодня пришел? — А меня нет!.. Теперь уже поздно ехать... Как во сне, когда куда-нибудь торопишься и обязательно опаздываешь... Я не знаю ничего: скучаю ли я, люблю ли или нет... — ничего не пойму; у меня такое смутное, странное, сонное состояние. Вдруг я заразилась чумой от Дарлинга? Нет, это ерунда. Просто менструации неправильно проходят... Борька говорил, что, может, придет с Бабелем в воскресенье... Я и хочу, и не хочу... Точно что-то притягиваю и потом опять отталкиваю руками... Он сам не думает обо мне!.. Не любит меня, может, и в Литгруппу не ходит из-за того, что меня не хочет видеть. А тут вдруг его Боря потащит.

Не люблю.

Воскрес<енье> 18<июля>.

Тоскливо и тяжело. И горло болит... Чувствую себя плохо... Вчера видела сон, будто бы Гора убили...

А что если б он умер в самом деле? Это было бы... это — Невозможно... Не знаю, ничего не знаю... нет, не люблю. Не приехали сегодня; хорошо. Представляю себе картину: Боря говорит: «Поедем, Генька, к Лёке; она девчонка хорошая, в тебя влюблена по уши; поухаживай за ней», — и, м<ожет> б<ыть>, показывает блокнот — уверена, что он стащил! А Гор лениво тянет: «А ну ее к чорту, здесь и так девчонок много», и вспоминает с отвращением, как нас увидел сторож. Ведь если б любил... ну, да что говорить!.. Ясно, что не любит. Какого чорта я о нем так много пишу? Зря!.. Читала впереди то, как было в Александровском саду, дальше читать не буду...

Слава богу, наконец-то я вполне равнодушна... Он красивый, ну и пусть ищет себе красивую... Вот Валька Б<ычкова?> поступит в У<ниверсите>т, пусть себе гуляют... А я... ну я — некрасивая, ну и меня надо полюбить всю-всю, с головы до пяток... Я милостивая, умная, развитая... может быть, талантливая... Меня есть за что полюбить...

Вот в четверг, наверно, мама приедет. В пятницу съезжу последний разок в Литгруппу и, наверно, в деревню поеду... Хочу в лес... в лес...

Там хорошо... Я узнала сегодня, что у т<ети> Вари есть ребенок... Я почувствовала к ней уважение: хорошо — любила! Поля — «незаконная» дочь... Это тоже хорошо... Только не верится как-то...

20/VII. Вторник...

Какая я дура! Ну, чего ухмыляюсь. Борька К<орнилов> был — милый — приезжал прощаться; ну, говорили о том, о сем. Генку Гора он часто вспоминал... («Скучаешь?» «На него гадала?») А когда я, глупо ухмыляясь, сказала, что это ерунда все, он сказал: «Да ведь он же влюблен в тебя!.. Помнишь, когда мы где-то выступали, вы вдвоем пошли...»... Ну, я глупо замахала руками, стала говорить: «не вспоминай», а ведь к каждому его слову о Генке жадно прислушивалась и все ждала-ждала этих слов...

Я глупо ухмыляюсь, я рада чему-то. Дура! Это было. Прошло. Но ведь может наступить снова. Может!? Да, да!..

Генка. Генка. Как мило и странно — Генка... Генька — лучше. Генька. Генька. Генка! Генька. Геня. Нет, Геня — худо. Генька, Ге-еенька.

Дура, дура я! Ну чему я рада? А рада... Он пишет, пишет... Только бы адрес узнать — пошлю ему письмо... Генька... Генька... Забыл; разлюбил? Не верю! Радостно. Разлюбила ли? Нет.

Господи, господи, ну а рожка до чего глупая!! Прямо лунища... И такую меня — разлюбят... Не хочу!! А — не скучаю... Разлюбил — ничего... И я ...

23/VII. Пятница.

Завтра еду в Адресный стол — узнать адрес Гора... Как это гениально и просто!.. Он, конечно, есть, и я через неделю по приезду на хутор напишу ему письмо... Я уже думаю, думаю над письмом, я всем составила его... Я ведь завтра в Глушино еду... О, как я рада!..

Лес, сопки, речка!.. Мама тут остается — это хорошо: свободы больше будет... Узнаю адрес Гора и буду совершенно счастлива!.. Узнаю! Обязательно! И пошлю ему письмо, щекотно при мысли — «первая послала, навязываешься»... Пусть! Хочу!..

Я вчера и сегодня — очень интересная — цвет лица улучшился, и под глазами легкая поволока — это мне нравится... Тело у меня удивительно белое, как жемчужное или цвета слоновой кости...

Завтра еду, еду!.. Одна! Только бы адрес Гора узнать да с деньгами уладить!.. Там разовьюсь, загорю, похорошею, только не хочу на лицо толстеть, и так толста.

Ложусь спать... Хорошо!..

А ведь Гора-то... не люблю, кажется!..

Гор. Генка... Какой-то он стал?..

24 <июля>. Суббота.

У него странное, красивое имя — Гдалин... Мне оно нравится больше, чем Геннадий... Была сегодня в адресном столе, узнала адрес: Съезжинская улица, дом № 19, кв. № 6.

Письмо пошлю обязательно. Через несколько часов еду; как я рада!! Но я не рада, что едет тетя Тася, тетя Маня, дядя Георгий... Старые поганые сморчки! Ну да ладно, меня не обуздают!!!

Гдалин... Гдалин... Какое странное, красивое имя... Гдалин... Гдалин... Гдалин...

Глупое имя: что-то среднее между Гуталином и Магдалиной.

В деревне, на хуторе

25-го июля. Воскресенье.

Приехали! Ну и дождь нас помочил — здоровый! Да не то худо, а худо, что залила скатерть чернилами! Выйдут ли? Сегодня с Люсей уже купались в озере, — с каким наслаждением я поплавала!.. Теперь каждый день буду в пруду купаться — Ив. Ег. уехал... Здесь комсомольская ячейка есть — ура, и стенгазета есть — 2 ура, приму в ней участие, залажу ее; комсомольцев много. Надо сойтись с ними, и все. Надо попросить, чтоб «Смену» на август выписали! А хорошо тут! Садится солнце, гармонь наяривает в «Острове»... Пойти туда сегодня же или уже поздно? Я вечерами и воскресеньями буду на гулянку ходить...

...Я хотела бы, чтоб меня какой-нибудь парень красивый любил... Крепко, горячо, раздольно... И мне б его полюбить. Я ведь не люблю Гора... Просто так пошлю ему письмо в среду или нет,

рано, в субботу... Его зовут — Гдалин... Ну, да это не главное... Главное теперь — это работа в комсомоле; хорошо бы союзную школу организовать. Вторая задача — это понабраться сил, похорошеть... Хорошо!! А скатерть-то.

27-го <июля>, вторник.

Вчера ночью легла спать с Люсей на сеновале — нет, в сарае, и долго уснуть не могла, все о Генке думала... В щелку был виден золотистый туман, и было духмяно, прохладно... А во сне его увидела, будто я к нему так холодно, а он-то из себя выходит, чтобы как-нибудь мою ревность возбудить; прямо в отчаянии, что я на него внимания не обращаю... А Коссов и Корнилов смеются над ним и уговаривают идти рядом с ним...

Я хочу работать, работать здесь, в Комсомоле. Перед Зоей чувствую себя такой гнусенькой, что самой на себя противно...

В воскресенье пойду на заседание сельсовета, доклад агронома, и собрание по поводу пионеров. Надо в стенгазету написать статью о пионерах...

Избач приедет 10-го. Каков-то он? Каковы-то деревенские комсомольцы? Воспользуюсь ими для своего рассказа — «Волчьи Пади»... Вообще хочу написать такой рассказ, чтоб почти все — из жизни было. В тот понедельник надо бы беседу провести насчет электричества, в связи с праздником — Ильиним днем...

Подумаю; ну, инсценировку не удастся. А вот к Смоленской хорошо бы спектакль. Сочинить разве пьесу насчет жизни деревенского комсомола?

Нет, это же гнусно — «надо бы»... «сочинить разве»... Нужно сказать: «надо»... С завтрашнего дня и обдумывать буду.

Сегодня писать Генке письмо или уж до субботы обождать?

Обожду... Не скучаю, а как-то так...

Я не люблю Геньку; вот ничуть! А письмо просто пошлю, из интереса, что ответит. Ничего не ответит — и чорт с ним... Приеду как ни в чем не бывало, внимания обращать не буду... Не хочу, чтоб «ухаживал»... Письмо пошлю обязательно. Даже удивительно, что не люблю... Что-то ответит?

28-го <июля>. Среда.

Письмо написала. Поедет в воскресенье, значит, в среду будет у него... Я написала, что — «комсомольцы веселые хорошие ребята, избач — очень хороший парень, я редактирую стенгазету» — авансом это.

Не лишнее ли написала, что по ночам не спится?.. Ну, да ладно... Что-то будет?.. Хорошего ничего не ожидаю, на ответ надежда слабая. Ну, да наплевать!.. А ведь это верно, что мне не спится по ночам!.. Сегодня долго уснуть не могла: на сеновале так душно, так прямо... Вспомнила все-все, начиная с Мавританской комнаты... И так ясно, так выпукло почувствовал все... Как хорошо было! Как мне сладко, страшно сделалось! Как захотелось, чтоб снова была ночь, те темные улицы, ледоход... о... о!.. Как ярко все вспоминается! Неужели же этого не повторится никогда-никогда? Неужели он разлюбил меня?.. Однако что же спрашивать? Ясно, что разлюбил... Мне не больно. Отчего так?.. Весна была как сон, бред... Я как приеду, так сошью себе сарафан и приду на литгруппу в нем... Только бы похорошеть, да чтоб плечи пополнели... А сейчас рожа гнусная; и погода гнусная: до-ождик, до-ождик... Фу, гнусь.

30-го <июля>. Пятница.

Скучно сейчас что-то! Тоскливо... Письмо пошлю... Вот дождик перейдет, пойду снесу... Что будет, то будет!

4-ого августа...

Сегодня он получил письмо... Н-ну, как-то это ему покажется?.. Нельзя сказать, что я очень жду ответа, если его не будет, я не очень огорчусь... А странно вот: думаю, что если б он приехал?

Вот-то чудно было бы! Приехал бы под вечер, я пошла бы провожать его на сеновал, и никто не знал бы, что это Гор, а все думали бы, что это племянник дачников, которые наняли дачу у Гансмида и не приехали. Я пошла бы провожать его, был бы вечер теплый, звездный и темный...

А на сеновале душисто и темно, и сено зашуршало бы под ногами... О, как бы мы целовались!.. Всю бы ночь просидели вместе, и, может быть...

Ведь это же гнусно, отчего мне сегодня и вчера так хотелось этого?.. Что это, развращенность или лета?.. А ведь я... я, кажется, не люблю его...

В воскресенье все время была в деревне. Выступала на собраниях девушек против их возмутительного безразличия к вопросам общественной жизни — кооперации, избе-читальне. Сказала горячо, волнуясь, и, кажется, первое время было впечатление... Но не все сказала, что хотела... А как волновалась! Все думала: сказать или нет... А потом обозлилась на себя — не комсомолка, а дачница, сказала и крикнула: «дай слово!»...

5-го <августа>. Четверг.

Я... буду очень рада, если воспитанка Оля попадет в Совпартшколу. В воскресенье сказали об этом приезжавшей из Сухлова организаторше, и она обещала выдвинуть Олю. Оля сильная, здоровая красивая девушка, делегатка, комсомолка. Как это хорошо!

Ух, как я каталась в воскресенье и в понедельник на качелях!.. Взлетала и видела зарю за Кудрявцевым домом, а качели на сопке, и с сопки видны безграничные лиловые просторы...

У, эти просторы!.. Как выразить то чувство, когда стоишь на пригорке, и перед тобой стелется — сначала поля, с пасущимися суслонами, потом лес кудрявится, зеленый, сочный, а там лес синее, лиловее, а там совсем как — море разлилось, как море далекое, сизо-синее... В углу кровянится заря; лиловатым светом залила она ширь; выхватила из синего марева окошки безвестной далекой избушки, и горят эти окошки, как глаза сказочного волка... Вот озеро блеснуло серебряной чешуей своей; вот в котловине — избушки — поля желтеют... Вот курится робкий белый дымок над лесом — это лесная деревня — Дубровка или Будки... И тихо кругом; и неслышно рдеет, алеет заря, суслоны словно бежали по холму, да так и застыли. Словно молятся, наклонив головы, врезанные в зарю... А сверчки уже заливаются в травах, невидимые, и кажется, что воздух это стрекочет, синеющий густой воздух... Как тоскливо! Как радостно... Как сладко... Ведь это Русь раскинулась, это только Новгородская губерния, а еще за ней 50 губерний!! Какая же ты громадная, Русь! Какая ты просторная. Ух, полететь бы сейчас, закружиться по сизым просторам, рассыпаться бы бубенчиком или истаять в песне огромной, как ширь,

тоскливой, как вечер... О, Русь моя! О, Родина моя милая, что лучше тебя на земле? С каким трепетом, с каким морозом на лице читала я чудные слова Гюголя: «Русь! Чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами?» и т. д...

6-го <августа>. Пятница.

Я всегда возвращаюсь на хутор поздно... Хорошо идти, тихо, и закат вдали, и поется-сочиняется...

9-го <августа>. Понедельник.

Как тоскливо! Хочу в Ленинград. Поля не едет, Муська, такая дрянь, ничего не учит, нагличает...

Скучно... Тоска какая... И главное, я не знаю, я не знаю — люблю ли я Генку, противен он мне или нет, хочу ли я, чтоб он любил меня, или вернее — чтоб все было, как весной, или нет?.. Я не могу ни в чем дать себе отчета!.. То вспоминается все — противным все, почти все кажется, всплывают мельчайшие некрасивые подробности, раздумываешь надо всем, — и так гнусно, так противно на все станет!.. «Нет, — крикнешь себе, — не надо, не хочу!.. Не люблю, не люблю, как гнусно!»... А то вспомнишь... Ах, вспомнишь!.. И так сладко заночует сердце, так мучительно тоскливо станет без него! Так бы и прижалась к нему, закрыв глаза и плюнув на все на белом свете... «О, милый мой», — думаешь... «Милый мой...»

Кто я? Бесхарактерная дрянь, развращенная девчонка, или действительно, по-настоящему люблю его?..

Как мне тоскливо!.. Когда же кончатся эти колебания... Да нет, надо сказать себе ясно все... А почему я знаю?

Да ведь он не любит меня...

Письма ответного еще нет...

Ай-лэ-лю?

12-го <августа>. Четверг

Во вторник было гулянье. Запечатлелось: горбун, ломавшийся отчаянно, в сером армяке, матюгавшийся и плясавший; девка, нелепо завитая, похожая на лошадь; гул гармоней, точно весь воздух сделался зву-

ком, и гармонисты, с тоскливыми, покорными и «непромокаемыми» лицами, и певец, оравший невообразимо, уставившись на гармониста; хромой, на костыле, рвавшийся в драку, и его сын, мальчик курносый, бледный и веснушчатый, упираясь ему в грудь, кричал тонким грудным голосом: «Куды ты! Ведь тебя повалют!»; старик, певший не своим, тонким голосом, подражая бабе, под гармонь, и ржанье, стоявшее вокруг него; дурак Митя, с бессмысленно открытым ртом; пестрота невообразимая, масса золота на девушках — верно, наменное в голодное время, парочки на крыльцах опустевших домов, и корова, вышедшая из закоулка, рельефно выделявшаяся, подхваченная золотым, на голубой кудрявой дали, на зелени заулка, мычавшая на гуляющих...

Вчера и сегодня:

Я сегодня влюблен в этот вечер.
 Близок сердцу желтеющий дол...
 Тоскующий дол... Тоскующий дол...

Какие вечера хорошие!

Молча ухает звездная звонница... Звезд много-много... Падает много, тихо; если смотреть вверх долго, то покажется, что звезды бегают там, шумят, шушукуют...

И в душе, и в долине прохлада...
 Синий сумрак, как стадо овец.

Я хочу написать песню о вечере... И не выходит ничего...

О, как странно... Мне стало почему-то тоскливо-тоскливо — оттого, что скоро осень, скоро осень, и так нескоро еще будет снова весна и белые ночи!..

Мне так хочется, чтоб опять была весна, поскорей, поскорей!.. Вспоминается Невский, будто прозрачный, и мерцающий шпиль Адмиралтейства, теплящийся золотом в голубом небе, и эта тоска и томление... Мне так тяжело что-то, так грустно, так хочется плакать... Хотя эти дни ведра и небо сейчас все чистое, звездное, но мне кажется, что за окнами мрачная осень, и падают листья, и сеет дождь...

И плакать хочется!!

О, как тоскливо...

Эта весна была самая лучшая...

16-го <августа>.

Вы солгали, туманные ночи в июне!

Березы «седеют»; кое-где уже ярко-желтые клочки в зелени.

О, туманные ночи!

О, туманные ночи в июне...

Я не люблю Гора... Вы солгали, туманные ночи в июне... Как я раскаиваюсь, что послала ему письмо... Вы солгали, туманные ночи в июне...

Мерцающее небо вздрагивало, как тонкая, блестящая кожа на упругих боках коня...

18-го <августа>. Среда.

Поступь легкая!

Нежный стан!

Если б знала ты сердцем упорным,

Как умеет любить хулиган,

Как умеет он быть покорным!

Что, если бы Борька К<орнилов> полюбил меня по-настоящему — крепко-крепко, горячо и на всю жизнь?.. Я... я б тоже, наверно, полюбила б его...

1/XI-26 г О! Ведь это так и стало. Он любит меня. Крепко, горячо... Но я... люблю ли я его? Господи! Как все странно... Смешная жизнь! Смешной разлад!..

10/IV <1927> Люблю! Люблю!

Это хорошо сказано, что шпиль Адмиралтейства теплился золотом в голубом небе... Он именно теплился, мерцал тогда.

Вы солгали, туманные ночи в июне!

Зачем я думала «так» утром!... Мне стыдно теперь...

Я соскучилась о Ленинграде... Милый мой Ленинград! Когда приеду, пойду в Летний сад, в парки, на Неву, на Университетскую улицу...

Скучно... Скучно...

Все пройдет, как с белых яблонь дым...
 Не жалею, не зову, не плачу,
 Все пройдет, как белых яблонь дым...

Все прошло...

Ты по-прежнему ли будешь биться,
 Сердце, тронутое холодком?
 Ни хрена!... Поза. Дудко.

19-го <августа>.

Ал<ександр> Петр<ович> мне очень-очень нравится... Я бы очень хотела, чтоб он полюбил меня, пусть по-звериному, дико... Сейчас он провожал нас. Когда шли, навстречу мне попались парни с девушками. Карунов сказал как-то насмешливо: «Здрате, здрате, как живете?» Вот, мне хочется быть близкой к ним, к деревенским. Я чувствую себя «не их»...

Я, наверно, очень развращенная... Мне хочется, чтоб в меня влюбились Эдвард Пальмон или В. Карунов, а главное — Александр Петрович. А<лександр> П<етрович> — мужчина, он очень интересный... Я хотела бы, чтоб меня полюбил **мужчина**, хотя бы и «много поживший», но полюбил бы глубоко, нежно, вечно, по-животно-му дико, вместе с тем... О чем я думаю: что, если бы я вышла замуж за А<лександра> П<етровича>... Наверно, я развращенная, и это меня убивает... Я не влюблена, но он мне УЖАСНО нравится... От него удивительно хорошо пахнет!

20-го <августа>. Пятница.

Какая тоска, Господи, душа ты моя!!

Муська нагличает, тетя Тася шипит и рассказывает всякую дрянь про маму, про всех... Сама я стра-ашная... Гор кажется мне гнусным, жалким... А все, что было весной, — противным и мерзким... Т<етя> Тася, она такая гнусная, говорит, что вчера А<лександр> П<етрович> «снисходительно» со мной говорил... Вот врет-то... Как я презираю ее... И себя я презираю и ненавижу. Господи!...

До чего я гнусная, противная, мерзкая!! Я всех ненавижу... Всех-всех... Как гну-усно!!

ТОСКА.

Хотя бы Борька К<орнилов> прислал письмо... Милый Борька!

Н

donner I er

prendre II er

lever III oir

frapper IV re

finir

[palril]

Parle

voir

21-го <августа>... Ой! 21...

Последнее:

Помнишь белое мерцанье

Неба, тронутого ночью...

...И влюбленное сиянье,

Заглянувшее нам в очи...

О, какая это радость –

Обжигающие губы...

А теперь ты в Ленинграде,

Может быть, другую любишь...

Я отсюда будто вижу,

Как ее сейчас целуешь...

Как тебя я ненавижу,

Ненавижу и тоскую...

Но березы только знают

Эти глупые терзанья...

Звезды ночью упадают –

Я шепчу им вслед желанья...

Да, шепчу я звездам в очи

Небывалое желанье:

Позабыть бы эти ночи,

Их молочное мерцанье.

И при встрече свянет радость,

И тебя не поцелую:

Ты, быть может, в Ленинграде
Без меня — любил другую!..

Глуповато... но в настроение.

22-го августа.

О, какой день сегодня! Такой ветер, что трясутся осины и кажутся белыми... Сколько листьев на крыше овина, пожелтевших, мокрых... как поределли березы...

Тоскливо, тоскливо...; осень, уже осень.

Я думаю: Ид<а?> Ив<ановна?> говорит: «приезжайте на Рождество — покатаемся на лошади... на санках...» Вот бы приехать с кем-нибудь, и... ух, дух захватывает!..

23 <августа>.

Вчера от Борьки К<орнилова> получила письмо...

<Рис.: мужской профиль, над которым написано слово «золото».>

<Рис.: шесть профилей и лицо, рядом с которыми сделаны записи «И<да?> Ив<ановна?»». «Люся», Коссов».>

Ив<ан> Як<овлевич>	Т<ега> Т<ася>	Я
20	20	20
19	12	19
18	5	7
10	16	16

Мое! В жопе всё...¹

О Гор.

О Гор.

А<лксандр?> П<етрович?> Г<олинский?>

П<етр?> П<етрович?>

<Рис.: лица.>

¹ Запись О.Ф.Берггольц в правом верхнем углу.

А. Голинский у

О. Г. А<лександр?> П<етрович?>. Иван Яковлевич Гансмиidt.

5650

188

5838

А.

Иван Яковлевич

Жан-Жак

Гор Гор

Ив<ан> Як<овлевич>	Т<етя> Тася	Я
30	30	30
35	28	27
45	27	23
38	32	20
42	31	16
34	30	15
31	29	9
29	22	8
26	27	1 лапоточки

<Чертеж к уроку географии.> Этот год я не пойду в школу!...

О, как жаль...

Соединения подвиж<ных> и неподвижных блоков наз<ыва>ются> памспастами или талиями. Тали быв<ают> 2 родов. I — 1 неподв<ижный> блок и неск<олько> подвиж<ных>.

<Рис.: блоки.>

$$Q = \frac{P}{6}$$

№ блок, то $Q = \frac{P}{2n}$

<2 сл. нрзб> во сто раз на ск<ольких> веревках висит груз

Муки

Свеклы

Картошки

Гречневой кр<упы>

Лавр<овый> лист

и перец
 Макарон
 Ай-лэ-вью
 <Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>
 Л. Н. У. Р
 Ай-лэ-вью
 Н—+—
 З———
Гдалин
 Ольга
 Гдалин
 Ленинград
 Глушино
 Глушино
 Глушино Ленинград, о,
 Ленинград
 Ленинград
 Ленинград
 Ленингр<ад>
Ленинград
 Съезжинская улица
 /Петроградс<кая> Стор<она>/
 Дом № 19, кв № 6
 Г. С. **Гору**

О. Берггольц
 1926
 <Рис.: цветок.>¹

О, весенние зори и теплые майские ночи,
 О, далекая юность моя.

И. Бунин²

¹ Записи рукой О. Ф. Берггольц на обложке тетради.

² Записи рукой О. Ф. Берггольц на форзаце тетради.

Оля, помни хутор: Глушино. В. К.

Эй, кабы на цветы Да не морозы!..
В. Карунов¹

Проклятый Султан, как он изодрал мою тетрадь!.. Это будет мой дневник.

24[5]-го <августа>.

Я видела во сне Гора. Будто меня преследовал бык, я от него сначала спряталась в пруду, а потом в какой-то дом пришла, там было много литгрупповцев; вдруг прибегает Гор — бритый, лицо видела ясно-ясно, и говорит: «Здравствуй, Оля», и я ответила: «Здравствуй, Геня».

А потом на лестнице целовались-целовались, я была в его объятиях. Потом пришел какой-то седой человек, и мы отпрянули друг от друга.

Гм... отчего? Я не люблю его...

Получила письмо от Корнилова. Завтра ему пошлю...

Сегодня вечером, при закате, наш балкон был похож на сказочный дворец... Генка, Генка...

Глуп ты, как сивый мерин.

Перед балконом густая сирень, и полутемно, серо на балконе, старый диван, бревенчатые стены. Сквозь сирень закат ложился на балкон ярко-красными, светящимися кружочками, причудливыми рисунками, некоторые ветки черно выступали всем абрисом, и все стены были в таких нестерпимо-красных рисунках, диван, пол, и все это колыхалось, как в сказке... У собаки ее слепые мутные глаза казались зелено-прозрачными, яркими, и каким огнем пылали капризные блики заката на красном платье сестры! Тело казалось розовым и горячим... Какая-то красивая сказка о чудном дворце вспоминалась тогда, хотелось песни...

Если б я была художник... Нет, в словах не передашь эту роскошь красок!..

Какие яркие, красные, пухлые и красивые губы у меня стали!! Иногда я люблюсь на них... Красные-красные, как вишни! И плечи

¹ Запись, предположительно, сделана В. Каруновым.

пополнили, стали более отлоги. И руки покруглее, такие бело-золотисто-розовые руки. И немножко похорошела... И грудь вынеслась робкой волной... Ой, как это нехорошо, зачем я пишу это? Но, по-моему, все женщины и девушки в моем возрасте думают так, только боятся чего-то... Чего?

«...Когда в человеке, в бесконечной глубине его души, тайно пробуждается от беспечного соприкосновения с землей, травами, водой и солнцем древний, прекрасный, свободный, но обезображенный и напуганный людьми зверь...» /Куприн./

Я люблю этого зверя!.. Ведь верно, верно, люди когда-то были зверьми?..... «и без слов, без мыслей, без сознания влекло в эту ночь бежать без одежд по сонному лесу обнюхивать торопливо следы чьих-то ног в росистой траве, громким кличем призывая к себе самку... самца...» Ведь это правда... Так бывает. Многие скажут: «гносно, разврат...» Что ж тут особенно гносного?

Завтра, если палец и погода позволят, пойду в лес и буду бродить долго, долго... Сколько желтых мертвых листьев на дороге в лесу... Папоротник ржавый... А березы, как канделябры, протягивают ветки, как золотые канделябры, и каждый лист дрожит и теплится, словно огонек свечи...

Приеду в Ленинград и буду бродить по паркам, пойду на острова... на Неву... Не люблю никого-никого...

Забыты нежные лобзанья,
 Угасла страсть, прошла любовь...
 И радость нового свиданья
 Уж не волнует больше кровь...
 Так ветер золото наряда
 С деревьев осенью сорвет
 И по тропам унылым сада
 Сухие листья разнесет...
 Их далеко разгонит вьюга,
 Кружась над мерзалою землей,
 Навек разделит друг от друга,
 Покрывши снежной пеленой...

Денег мама не шлет, писем не пишет, уж не случилось ли что там? Как-то суд с Авдот<ьей>? Хоть бы выселили ее! Я соскучилась

о папе и маме, о Дарлинге, о Варе... Почему не отвечает Варя? Вдруг узнала все про библиотеку? Гнусно, что не пишут ничего... Пора ехать!

27... Августа.

На Оленинских вырубках очень красиво. Чем-то диким, древним, пустынным веет... Сначала идут вырубы — зеленые мшистые поляны, [просторы], охваченные темно-зеленым сосновым и еловым лесом или чуть поросшие низкорослой огневатой трепетной осинкой, и одиноко возвышаются сожженные трупы сосен и елок над молчаливыми обгорелыми пнями, над замшившими стволами деревьев... И одиноко, трагически [вся] стоит, взвившись в небо, сосна; высоко от земли начинаются злобные мертвые сучья по одну сторону ствола, и только верхушка зеленеет. Небо серо, свинцовое, и кружатся ястребы с печальным диким плачем.

Как дико там...

28-го <августа>.

Тянутся по небу тучи тяжелые,
 Мрачно и сыро вокруг..
 С плачем деревья склоняются голые:
 Не просыпайся, мой друг..
 Счастлив, кто спит,
 Кому в зиму холодную
 Грезятся ласки весны..

Хорошо под осеннюю свежесть
 Душу-яблоню ветром стряхать.

Песнь о солдате.

Один солдат, не доехав до дому полдороги, — умер.

Другой замерз.

Третий приехал и обещал все рассказать и умер утром...

Это И<да> И<вановна?> сегодня говорила.

Песнь о пастухе...

Странный пастушонок у нас: 12 лет, плачет над Пушкиным, весел; отец фабричный солдат, пропал без вести. Ужасно любит сестру.

31-го августа.

Ну, вот и в Ленинграде! Как я люблю его, Ленинград!.. Дома уютно, чисто, отец и мать раздражительные: на фабрику я, наверно, не поступлю...

Я опять раздваиваюсь: мне и в У<ниверсите>т хочется, и на фабрику. На фабрику мало шансов поступить — во-первых, у меня хорошее материальное положение. И то сказать, 4 службы родители занимают... А может, другой чуть не на панель иди... И по-комсомольски ли это будет, если я, чтобы укрепиться в комсомоле, пойду и отниму место у другого... Нет, не надо вязаной жакетки, трех пар чулок, ничего не надо. Мне, т. е. хочется всего этого, но, но лучше не надо... Работа в комсомоле... Я буду, я буду работать!! Мне страшно хочется поговорить с Ромейко... Я не хочу быть чужой ни рабочим, ни крестьянам. Я их, я вся их, но чувт ли это они? А ведь это, м<ожет> б<ыть>, я принадлежу плакатным, не живым людям... Нет, нет...

Буду пытаться в университет, вот только как математика?

В пятницу все разузнаю, завтра буду заниматься.

Видала в У<ниверсите>те Теплова, Пашковского. Литгруппа занимается. В пятницу пойду. Будет ли там Гор? Как я равнодушна к нему! Была на «всех тех местах» — ну хоть бы что...

Очень похорошела, фигурка симпатичная, только руки мне не нравятся...

Добиваться ли мне поступать на ф<абри>ку. Неужели расхотелось и только успокаиваю себя?.. Или учиться? Господи, какое я говно! Ну, поступлю, поступлю, а та, которую лишила места? Да и не примут... Масленникова категорично сказала.

А какая красавица стала Игнатьева!! Какие все гнусные в И<нституте> И<стории> И<скусств>! Которых сегодня видала — брр... Вылощенные, деликатные, — тфу! И это студенты? Это какие-то дэнди... Гнусные. Буду держать себя шпаной. Есть ли хоть там комсомол?

1-го сентября.

Видела Коссова в редакции, когда ездила за деньгами... Обрадовалась ему, а он мне. Болтали, много смеялись. Говорил о литгрупповцах, сказал, что многие изменились, Гор тоже, возмужал...

И вот мы становимся сильнее!

И вот мы становимся задорней!

Это — радостно. Но гнушно, что выдали всего 7 руб<лей>, и 1 р<убль> 40 к<опеек> я потратила. Купили 4 булки, шамали, идя и смеясь по Невскому, и приличные дамы делали презрительные губы... Свертанули к Чумандрину, его, старого дурака, не было дома.

Так зря завернули.

Скорей бы пятница! Горю нетерпением увидеть Гора... Каков-то он? Коссов говорит, что он где-то разъезжал все время...? Спрашивать много не хотелось... Хотели зайти к Гору или вообще к кому-нибудь, да подумали, что их нет. Толька хороший. В пятницу еду хлопотать в У<ниверсите>т... Но вот вопрос, если разрешат экзамен, то как же с подготовкой? А?.. Ведь, по чести говоря, ни хрена не знаю... да...

Скорей бы пятница; но Гора не люблю.

Может, Берман меня в редакцию устроит; он хороший, мы с ним ели крошки шоколадные, и я сказала, что они похожи на навоз... С завтрашнего дня буду заниматься... А мама — она очень беспокоит меня... Милая, глупая мамочка! Бросила бы ты своего П. С. Я слышала кое-что, когда уходила от папы с мамой, легших в постель... Неужели все еще?.. Гм... что ж, это хорошо, пожалуй...

2-го сентября.

Г<еннадию?> Г<ору?>.

Я тебе ничего не скажу,
У тебя ничего не спрошу...
Много звезд упало в межу
Под ночной безголосый шум...
Я смотрела на бледный след,
Который чертила звезда,
Я смотрела в глаза земле,
Говорила ей — «никогда»...

Вечер был засинен и тих,
Вечер думы мои сторожил,
И слагался бездумный стих
У зарничной ржаной межи.

II

Я бродила совсем одна,
[И см<еялась>] Улыбалась в глаза зарниц.
Почему я была грустна,
Что не вижу твоих ресниц?
Как давно — трепетанье губ,
Как спокойно без встречи жить!..
Почему я их берегу
У зарничной ржаной межи?

III

Но однажды вечер пришел,
И задумалась земля.
Мне в ржаной меже хорошо
Сожаление оставлять...
Сожаленье, любовь, печаль,
Положу ввечеру в межу,
Не спрошу у тебя, — не жаль,
И тебе ничего не скажу...

3-его сентября. Пятница.

Да, действительно, Гор возмужал; я выглядела вполне прилично, но нервничала. М<ихаил> О<станин> сказал, что я похорошела. Я замахнулась на него шутливо кулаком, но ведь я это знаю и знала, что так мне скажут. Все время переписывалась с Коссовым... Милый Толька!

А ведь Гор-то мне обрадовался! И очень! Я не только заметила, но и почувствовала это каким-то внутренним и верным чутьем. Как он ласково, нежно и внимательно глядел на меня! А я избегала его глаз... Как глядел подозрительно на Тольку!.. Я попросила Тольку написать мне адрес Гора; я питала слабую надежду, что адрес его не тот. Но Коссов написал: Съезжинская, 19, 6... О, ужас! Как у меня замерло сердце... Я соскочила со стула и убежала... И шла домой одна,

хотя Толька хотел провожать меня, и когда я делала вид, что собираюсь уходить, то Гор тоже собирался... Вообще я чуяла, я чувствую, что и Гору было не по себе: я никогда не видела у него такого яркого нервного румянца, как сегодня!

Мне казалось, что он хочет целовать меня... Мне ничего не хотелось, и потому я ушла. Кроме того, меня мучил стыд за мое письмо! Какая я дура! Он получил, получил его и не ответил. Не считал нужным, может, посмеялся. Ах, так? Замечательно!

Ну и он мне не нужен, хотя у него и гордые брови, и над крепкими — я знаю! — губами тень усов. А он все время подсмаркивался, и вышел в коридор, и когда пришел, то нос был красный — значит, высморкался в руку. Соп-ли-вый! Да. Ха-ха-ха!

Милый друг, не бойся, я спокойна,
Хоть совсем по-новому смеюсь,
Не гляди, что губы беспокойны.
И в глазах несказанная грусть;
Милый друг, не бойся, я спокойна,
Я не думаю и не борюсь...

Ладно, Генка? Кто кого!?

Заниматься много надо. Поступаю в И<нститут> И<стории> И<скусств>.

Прощай! Ну, что ж тебе сказать,
Кругом туманы стелятся...
Пусть за меня в твои глаза
Посмотрится метелица!

Скоро годовщина Литгруппы, и мне будет к нему сарафан!

Пусть за меня в твои глаза
Посмотрится метелица.

4/IX. Суббота.

Получила еще письмо от Борьки. Милый, милый, хороший Бориска!.. Но что это значит, эти лирические отступления? Я разревелась

над письмом... Но я никогда не поверю его уверениям в любви! Взять хотя бы Варю... А как Варя изменилась ко мне! И не идет, и не идет... Эх, Варя, Варька...

Мама сказала, что хоть лопнет, а сарафан мне будет... Ну, как это великолепно! Я буду хороша в нем...

9-го <сентября>. Четверг. 2 ч<аса> ночи.

За окном — осень, осень! Дождь, ветер, ночь. Осень... Я не люблю ленинградскую осень, как тускл город, как хмуры и серы люди... Завтра наломаю ярких веток кленов, лип, берез, рябины и принесу в комнату. Осенью город особенно лжив. Хотя и весной тоже, но весной ему веришь. Люди лживы, как город. Я тоже. Я хочу лгать — Генке. Хочу сказать, что люблю его, когда он будет целовать меня, я хочу и жду его поцелуев. Но ведь это будет ложь, потому что я — не люблю его! Нет, ничего не будет, не будем гулять, и он не будет целовать меня: ведь вчера — такие сырые, темные, в саду скамеечки мокрые, и к ним пристали мокрые листья... Я не люблю осень и ненавижу себя.

Занимаюсь. Интересно как! Особенно — западная Литература. Почему мы не изучали ее? Как хорошо Шекспир!

Зимой лучше, потому что не слышно за окном этих всхлипываний и хлюпанья дождя. Тогда вечера мягкие, пушистые.

Когда кончатся экзамены, то буду то шляться по городу, то писать. Столько тем, столько матерьялу.

Хотели ехать завтра с мамой на сарафан покупать, не знаю, удастся ли?..

9-го <сентября>. Четверг.

Валька Балдина говорила мне, как целовал ее Андрей, как сказал, что — хочу тебя... И ведь Толька Коссов ее любит. Крепко любит, чисто. Он целовал ей глаза, шею, руки, говорил, что — ведь это первый раз, хорошо я целую? А Валька любит Андрея и говорит, что «я отдамся ему, я знаю...» Ой! Боюсь я за Вальку, она как в бреду ходит, и как хорошела. Глаза, шею — целовал ей Анатолий...

Милый, бедный Толька! Жалко мне его...

И горько-горько мне, но эта горечь слабая, пассивная. Оттого горько, что ни разу не сказал Гор слова — люблю, не спросил,

любишь ли? Боялся он этого слова, что ли? Он <не> целовал мне ни глаз, ни шею. Губ моих искал он своими жаркими губами... И целовал почти одни губы... Ну да ладно. Верно, совсем целоваться теперь не будем. Я стала холодная, как ледяная глыба. Рассказы Вальки не волнуют меня, мне ничего не хочется...

Заставляет меня бледнеть только эта песня:

Прощай, ну, что ж тебе сказать,
Пусть дни, как скатерть стелятся,
Пусть за меня в твои глаза
Посмотрится метелица...
Тебе вдогонку я спою,
Насколько хватит голосу,
Как выкрал красоту мою
И побелил мне волосы...
Кто подпоет, не все ль равно,
Да яблочки, да семечки,
Да беспечальное вино,
Чтоб не ломило темечко.
И жизнь веселая пойдет
И легче и затейливей,
Чем на Обводном ветер врет
О Ленке Пантелееве...

10 <сентября>.

О, Господи, как хорош Есенин!.. Прямо прелесть! Так и хватает за душу. Когда я пою его «Русь», то вспоминаю хутор, дорогу, вечер, и как мне тогда хочется быть там.

12-го <сентября>. Воскресенье.

В пятницу была там, в Литгруппе. Странно, почему Гор не здоровается со мной за руку... Ничего между нами не было, выглядела я хорошо, щеки были розовые-розовые. Стихи мои всем очень понравились.

Но вот что меня удивило: что Гор не высказался о моих стихах, чего никогда не было. Он пробурчал как бы про себя: «Стихи мне понравились», и надвинул кепку на глаза, на вопрос Теплова, кото-

рый язвительно и не просто сказал: «Гор, будешь высказываться». Повлияли ли они на него или нет? Иначе почему же?

Я ведь лежу больная. О, моя стораспроклятая¹ халатность. Флегмона ноги; как я боялась, что мне отрежут ногу. Я подурнела, похудела на тело. Неужели к 200-летию не поправлюсь? И экзамен не сдержу?

<Рис.: пять лебедей.>

14-IX.

А что, если я люблю Генку?!

Не знаю, почему внезапно мелькнувшее сознание, что я ведь целовала его одного, одного из всех, наполнило меня такой радостью, чуть не счастьем? И мне кажется, что я еще буду целовать его, а он меня — еще с большим жаром и жадностью, чем раньше...

Недавно у меня в полусне было ясное-ясное ощущение, что Генка сидит около меня. У нас начинается все снова, или я сильно ошибаюсь!..

Как мне хочется поласкать его. Чтоб была весна, и где-нибудь в саду, где никого-никого нет, я б положила его милую черную голову к себе на грудь, поцеловала бы его глаза, брови, погладила бы его волосы, нежно-нежно... А потом бы — пусть он ласкал и целовал меня: пусть бы я была в его объятиях, и он целовал бы мне губы, губы, шею, грудь, руки, плечи...

Будет так или нет?

К 200-летию у меня сарафан будет. Куплю, наверно, тельные чулки.

Если читать: «В хлеву», «Косарь», «Гармонь»?

Может, в воскресенье придут Мишка Ост<анин>, Т<оля> К<оссов> и Генка Гор...

16 <сентября>.

Знаешь ли что?

— Мою девочку милую

Надо теперь целовать...

¹ Так в рукописи.

Да, так целовать,
Чтобы старому, хилому
Было о чем вспоминать...

Так целовать,
Чтобы старому, хилому
Было б о чем вспоминать...

Было б о чем вспоминать...

19-ое <сентября>.

Были Ост<анин>, Толька и Генка...

Мой Генка, милый, я люблю тебя... Как я раньше этого не знала! Ведь я люблю тебя... Ты меня тоже любишь! О, должен, должен.

20-го <сентября>.

Генка стал что-то очень пессимистичным. «Жизнь, в общем, глупая штука», — сказал он, на что Толька, похлопывая его по плечу, сказал: «Ты сам, Генка, глупый, а не жизнь!» Говорит, что все скверно и т. д. Генка, ты сам глупый, а не жизнь: я люблю тебя.

Мне грустно потому,
Что я тебя люблю...

На двухлетия будут Жаров, Безыменский, Либединский. Ого! Я буду читать. Я должна быть интересной, во что бы то ни стало. Мои стихи и меня должны заметить и отличить. А что, если б Жаров безумно горячо полюбил бы. Я... я б не разлюбила б Генку!..

Эх, он, чуча.

Ан<атолий Коссов> говорит, что его брату мои стихи очень понравились. Я хочу познакомиться коротко с Безыменским, Жаровым и т. д.

Какой Генка был вчера красивый...

21-го <сентября>, вторник.

Эпоха Возрождения! Да, в полном смысле слова!

Я — люблю! Я жду пятницы с нетерпением, с нетерпением...

Генка, ты любишь меня!

Валя говорит, что она заметила, как он нежно-нежно глядел на меня...

Да, когда почти темно было, я заметила, как он смотрел на меня.

Я ответила на его взгляд... И было хорошо мне, и — я знаю — ему.

Когда прощались — задержали руки нечаянно!..

Ох, скорей бы пятница. Получила письмо от Борьки К<орнилова>. Решили переписываться с Ан<атолием> Кос<совым>. Я написала ему все-все, откровенно... Мне важно знать, как отнесся Гор к тому, чтобы поехать ко мне.

Встала с постели. Ходить трудновато. Боюсь, не разошлась бы железа...

Дарлинг околел... Прощай, милый, милый, хороший пес!!!

<Рис.: собака.>

23-его <сентября>. Четверг.

Завтра пятница. Завтра я увижу Генку. Цвет лица у меня хорош, не испортился б к завтраму! Посылать ему или нет такое письмо:

Генка, когда ты был у нас, ты говорил, что у тебя редкое имя, и не сказал его... А я знаю, как тебя зовут по-настоящему!

...У тебя странное, красивое имя, Генка: Гдалин. Вот видишь, — знаю.

...Ты получил мое письмо с хутора?

Оля.

Эта фраза — «у тебя странное, красивое имя, Генка: Гдалин», — она жжет меня с весны... Эх! Будь что будет, наплевать! Пошлю! Только, наверно, не напишу последнюю фразу...

СЕГОДНЯ НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЛА! А? Какое безобразие!.. А в субботу сдавать обществоведение... Вчера был письменный экзамен. Написала плохо — «формы нового быта» — шаблонно.

Какие там все гнусные! Скорей бы весна и в университет...

Какая эта милая весна была! Г<ор>. Как начну говорить — «а тополи так тихи, что любо на них смотреть», или петь — «по мо-

рям», или «эх, лапти мои...» — так все и всплывет... И Исакий, и Александровский, и Дом печати, и Нева, и Зимний... И та тоска, когда одна сидела на дворе или бродила с В<алей> Б<алдиной?>. Даже то чувство поднимается, какое было весной... Какое оно — не могу понять...

27 сентября 1926 года.

Генка меня НЕ ЛЮБИТ...

Он не любит меня. Для меня это так ясно, «как простая гамма»...

Вчера было двухлетие. Я выглядела очень хорошо, но не выступала. И вообще из наших мало кто выступал. Такая сволочная штука. Московские гости приехали пьяные, как сволочи. Звездовцы хулиганничали... Жаров, Уткин — хороши.

С Генкой мы были просто и хорошо... Потом, после всего этого, после получасового дуракавалянья в н<ашей> комнате, — пошли. Я пошла со всеми до мостика, потом вернулась за Толькой, и мы долго-долго шлялись и бродили около Невы... Курили. И он мне все-все сказал...

Во-первых, Генку стоило большого труда уломать ехать ко мне. Он говорил Тольке, что ему потому неловко ехать ко мне, т. к. он оскорбил меня, поступил со мной не тактично и т. д. Но в чем это заключается — не сказал. Потом еще говорил, что — «создается такое впечатление, будто бы у нас с Лёкой какие-то особенные отношения, мы так же, как и все, не больше»... И Толька сказал, что на основании **детальных** наблюдений он вывел [1 сл. нрзб>], что действительно **все прошло**...

Милый-милый, чуткий Толька! Как он ласково, нежно общался со мной. Никогда я этого ему не забуду...

Хороший мой братишка, как я тебя люблю и уважаю! И хорошо, хорошо, что ты все кончил с Валею Б<алдиной>, хотя я ее и люблю... Значит, ты глубокий, серьезный, и я рада за тебя...

Никогда я не забуду и ночной Невы, и огней, мерцающих повсюду, и золотых столбов в черной воде, и огромных, страшных барок, на мачтах которых горели ни к чему не прикрепленные огни...

Как мне хотелось плакать тогда! Почему я сдерживалась, изо всей силы загоняла слезы внутрь, глубоко, а ведь надо было бы прижаться к Тольке и плакать-плакать... А сегодня слезы только наворачиваются на глаза и не бегут, как готовы были побежать вчера.

«Ну, что же, прикажете плакать,
Нет, нет и нет!»

Генка, как тебе не стыдно?

Генка звал меня на «Ледоход», в субботу. О, я пойду на «Ледоход», но это так больно. Мне кажется, я разучусь улыбаться и целовать...

Ох, как мне тяжело... Но разлюбить его надо, надо, и я разлюблю его. Мы будем хорошими-хорошими товарищами, может быть, такими же, как сейчас с Толькой...

Ничего! Это первая самая острая боль...

Ничего!.. Я споткнулась о камень!
Это к завтраму все заживет...

Как мне хочется зарыдать...

До свиданья, друг мой, до свиданья,
Милый мой, ты у меня в груди...

Господи, ведь я люблю Генку! Моего Генку... А он не любит меня... Ничего!

Я споткнулась о камень
Это к завтраму все заживет...

Вечером.

Да, мы будем с Генкой товарищами, друзьями, а любить и целовать он будет другую. Другую, а не меня будет целовать Генка своими жадными, жаркими губами. О, неужели он никогда-никогда не будет целовать меня? Мне как-то лень-лень, ничего не хочется, а сейчас только это вызывало во мне острую, жгучую боль... Почему так?... Ну, да ничего...

А. Коссову.
Мне нужно собрать всю волю,
И я ее соберу.
Чтоб вырвать без страха пред болью
Ненужную девичью грусть...

Не бойся, я плакать не буду,
 Я только, как камень, тиха...
 Но вытеснит гордый рассудок
 Печальные строчки в стихах...
 Хоть долги желанные сроки,
 Чтоб радостью песням звучать, —
 Но это последние строки,
 В глазах у которых печаль.
 Быть может, я смолкну надолго,
 Чтоб новые выбрать слова...
 Ты знаешь, ведь я комсомолка,
 Ну мне ль о таком горевать?
 Но как ее вырвать без боли,
 Беспутную девичью грусть?
 Мне трудно собрать всю волю,
 Но я ее соберу...

Мне хочется завершить все это каким-то красивым моментом... На «Ледоходе» я прочитаю «Лесная поляна» — я прочитаю так, что он почувствует... Этим стихотворением я попрощаюсь с ним... Я хочу, чтоб, когда мы уходили, Генка бы целовал меня... Крепко-крепко... Горячо, жарко... Чтоб на прощанье... Генка, Генка, неужели ты никогда больше не будешь целовать меня? Во мне живет какая-то глупая надежда — ма-аленькая, жалкая. Ведь это могло быть просто дипломатическим подходом, и его состояние с воскресенья могло измениться... Эх! Кабы на цветы да не морозы...

Я хочу написать вроде поэмы «Бабье лето»... Хочу творчески над [то] собой поработать... Хочу почитать русских песен и в стиле [его] их написать «Бабье лето»...

Уже 2 часа ночи, а я сижу с мамой, помогаю ей разбираться в глупейших делах, мне нудно, тяжело... Хочется скорей лечь и лежать; как пусто, как гнетуще пусто внутри... Все равно, все равно!..

На моем виске разбили голубей, о которых я мечтала, так долго, долго. Это как у Бабеля. А ведь Гора звали «Бабелем»... Помню, как 4-го июня Борька К<орнилов> говорил: «Бабель, Бабель, поцелуй ее!»...

Весна мне кажется далекой-далекой, что будто бы была она много-много лет назад, а потом было что-то огромное, черное и нехорошее... Точно я после болезни и ничего не узнаю... Весна сделалась

смутной, и воспоминание о ней как боль, как обо сне, кошмарном и сладком... Нет, я не смогу передать своего состояния — до того оно сложно, и жаль мне, и пусто, и тоска щемит сердце физической болью.

Значит, мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши...

Ведь меня никто не любит... Так, как хочу я.

Кто же теперь меня будет любить? Целовать? Никого не хочу, кроме Генки... Ни Борьку, ни Тольку я полюбить не смогу, да и они меня тоже. Я уже люблю их, как братьев.

О, Генка, Генка мой, одного тебя я целовала и люблю сейчас... Варя спросила: «Ну, почему же тебя не любить?»... Да, почему?... Странно! Т<оля> К<оссов> сказал, что кто-то ему говорил, что «вообще Лёка так себе... Но когда начинает читать стихи — не оторвешься»... Тот, кто говорил Тольке это — ошибся. Нет, теперь я, даже не читая стихов, бываю не «так себе»...

Геннадий Фиш стал очень красив. Почему он пожал мне руку, ведь он почти не знает меня?..

Ложусь спать... Спокойна...

28-го <сентября>.

Значит, мне без листвы холодеть
Звоном звезд насыпая уши...
...Значит, мне без любви холодеть...

ТОСКА...

29 сентября...

Когда я начинаю писать о Генке в дневник, мне делается до боли, до отчаяния тоскливо... (Хотя сейчас — нет.) А вот вчера: вчера был литвечер, были Жаров, Уткин, Либединский. Жаров ближе и роднее Уткина, а Либединский, когда стал читать своим слабым, приятным голосом отрывок из «Комиссаров», как-то по-ученически торопясь и заикаясь, он стал совсем близким и милым-премилым!!

Я познакомилась с Толькиным братом — ничего, симпатичный, они накормили меня бутербродами, потом мы пошли топать... Я была очень весела, смеялась, пела, курили... А я думала, что разучусь улыбаться!!

О Генке и не думала!.. Вот оно что!? Значит, я и не разрыдаюсь, не закричу, когда в пятницу увижу Генку, как я думала раньше, я, может быть, буду весела, буду шутить с ним... А я думала, что разучусь улыбаться...

Но в этой нашей прогулке с Толькой было менее искренности, чем в первой, хотя он думал, верно, наоборот.. Он крепко прижимал мне руку, когда сидели на гранитной набережной, прикасался к коленам, к рукам; если бы на его месте был Генка, каждое прикосновение которого меня волнует и жжет, то это другое дело, пусть бы, пусть, я позволила бы ему и больше, чего не позволяла весной... Я позволила бы ему положить руки мне на плечи, на грудь, позволила бы ему обнять, прижать меня к себе так крепко и тесно, как бы ему захотелось... как бы ему захотелось...

Этот день был таким новым,
Молодым, как заря...
Как заря...

Вот, в субботу будет «Ледоход»... Осенний «Ледоход»... Мы не пойдем с Генкой одни, он постарается идти с толпой... А я пойду — одна... одна, без Тольки... Я постою на том месте... Ох, Генка, Генка...

Этот день был такой новый,
Молодой, как заря...

Вот сейчас отец пришел пьяный, говорит всякую гнусность насчет меня и моих грязных ногтей... Лучше бы он следил за чистотой своих поступков, чем за грязными моими ногтями... А то получается наоборот... получается, что грязные поступки и чистые ногти.

И вот опять встала тоска — большая, черная, бесформенная, тупая, злая... Тоска о... Генке... о том, что он не будет целовать меня!..

2-ого октября.

Галочка! Галка! Кто эта Галка, которую любит отец? Знает ли это мать? Господи, ведь я прочитала его дневник...

3-его октября. Воскресенье...

Вчера был «Ледоход», и Генка целовал меня... Не буду писать все подробно, все равно это никогда не изгладится из моей памяти... Он и еще 2 девчонок и один мальчик шли провожать их. Я шла впереди них, и сердце мое разрывалось от горя и боли... Мне хотелось идти и шляться без цели... Но я хитра, я намеренно замедлила шаги, и Генка очутился около меня... «Я пойду с тобой, — сказал он, — конечно, если ты ничего не имеешь против»... Я не имела ничего против... И мы пошли, говорили грустно, и улицы были темны... Он говорил: «Что же тебе твой Коссов изменил» и такое про Коссова в этом роде... Мы шли, он говорил, что ему тяжело, что он «разочаровался» как-то, что будто бы устал от жизни, что ничто его не интересует, ни кино, ни литература, ни... девчата. Я говорила как-то странно и глупо. Он держал мою руку в кармане, пожимал ее... Он получил мое письмо... он был рад ему. Не ответил же потому, что не любит писать и не умеет. Потом он сказал «постоим»... Мы встали у Мойки. Я сказала, что хотела бы жить на барке... Потом обнял за плечи — поцеловал... Еще, и еще... потом стояли, прижавшись щека к щеке... И были эти поцелуи совсем не такие, как в тот «Ледоход». Тогда были жадные, он торопился, чего, не зная... А теперь уверенно отыскал губы, но первый поцелуй был каким-то... вопрошающим... Целовались и смотрели в глаза глубоко-глубоко и как-то по-новому... Потом опять целовались, с какой-то сладкой болью и тоскою... Он схватил меня как-то всю и поцеловал, прижав тесно-тесно, горячо и страстно... В общем целовались немного... Но было что-то новое, более глубокое и значительное...

Первые поцелуи были такие, словно мы говорили: «узнаешь»? «любишь»? И с тоскою, с болью... Потом оторвались. Пошли люди... Он очень хотел узнать, кто сказал мне его адрес и имя... Я долго не говорила, потом сказала.

Он проговорил как-то странно: «Неужели же ты пошла?», и это произвело на него какое-то большое впечатление... Может быть, он стал презирать меня... Потом постояли, поговорили о незначительном. Он сказал: «Ну пойдем, я провожу тебя»... Мы пошли, и он

не взял меня под руку... А я — его... Шли, молчали. Я пропела ему: «Прощай, ну что ж»... На мосту попрощались, я пошла на трамвай... И все... Это принесло мне столько страданий! Быть может, он целовал меня из жалости... Он ревнует, это ясно. Почему так изменился после того, как сказала об адресе? Презирает? «Просто так?» Когда я так думаю, мне адски тяжело...

Любит, любит! Одну из всех девчонок, а ведь многие интереснее меня во много раз!

Целовал с болью, с тоскою оттого, что ревнует... думал, я — с Толькой. Когда я думаю так, я горда и счастлива, как утреннее солнце...

Но я ничего не могу решить... Я ничего не знаю, и это самое ужасное... Одно я знаю твердо, как свою руку: что люблю я Генку больше всех на земле, что сделаю для него все-все в мире!

...Если это не было прощаньем с его стороны, то у нас будет новое, глубокое и серьезное, хорошее, как синее вечернее небо... если только это не было прощаньем... если только это не было прощаньем... Прощаньем... о, Господи, Прощаньем! Я мучусь, я страдаю... А если это «просто так»... Если все это «просто так», то тогда мне хотелось бы... уснуть надолго-надолго... А вдруг Ан<атолий> Кос<сов> показал ему письма? Если он из жалости?

Генка, Генушка, мой любимый, хороший мой, люби меня? Люби, я стою того, потому что люблю тебя горячо, много...

Нет! Он не любит меня?!

Нет! Он любит?!

ГЕНКА ГОР

МОЙ ГЕНКА

МОЙ ГЕНКА

КОРНИЛОВ

ГЕНКА ГОР

МОЙ ГЕНКА

КОРНИЛОВ¹

ГЕНКА ГОР

КОССОВ

5-ого <октября>, вторник.

Завтра увижу Генку. У нас и по вторникам, ой, нет, по средам будут занятия с Саяновым. В четверг уже в Ин<ститу>т... О-ой!

Тевелев мне нравится; он похож на царевича, такой кудрявый... Он восхищен моими стихами — вот дурак! Просит принести мою

¹ Четыре строки (от слов «Генка Гбр...» до «Корнилов») написаны типографским шрифтом.

тетрадь со стихами. Переписываю. Дура я. Но пусть. Хорошо, если б он влюбился. Чтоб Гор заметил и больше бы ревновал. Я не буду Т<евелева> влюблять в себя. Да он и не влюбится — больно у меня вид непрезентабельный.

Борька К<орнилов> прислал письмо. Треплется, идиот: «Приеду, расцелую» и т. д. «Я уже предвкушаю» — «напрасно, Боренька, предвкушаете!» Добиться поцелуя или разрешения быть поцелованной от Лёки Берггольц не так-то легко! Целую же я Генку сама и позволяю ему целовать себя сколько ему вздумается только оттого, что люблю его! А Борьку — нет. Правда, мне хочется, чтоб он схватил меня и начал бы целовать — но нет, этого не будет, — как я посмотрю в глаза Генке?

Ведь я не Валя Балдина. А Валя... эх, Валюшка, боюсь я, что она плохо кончит! И все еще любит мерзавца-Андрюшку... А что если и Гор такой... Нет, он не такой, — ведь он писатель... Милый!

Ох!.. Ох!.. Сме-шно! 3/VI — 27.

Вечер. Отец опять пришел пьяный. Говорит на меня — что я вся — ложь. (Что ж! Может быть.) Говорит, что ему наплевать на всех нас, что через год он нас бросит. Ни мама, ни Муська не знают, как много правды в его словах. Возможно, что и бросит. А что он нам чужой, совсем чужой, так это, наверно, я знаю. Он мыслями с ней, с «лучезарной, чистой Галочкой», с «пучеглазой сорокой»... Он любит ее. А нас нет. Хотя меня — может быть, потому что... ну, вообще, любит. А ведь когда-то, еще крепче, чем эту Г<алину>, он любил нашу мать. Сейчас я плакала у него на плече, оттого, что жалко его, и себя, и маму, и всех, и хочу, чтоб Генка любил...

Лягу спать. Буду *думать*... о Генке и <Далее обрыв текста.>

8-го октября.

Мне и радостно, и больно, и хорошо, и стыдно... Сегодня я была очень хороша. Под глазами — оттого, что менструации, легли странные, резкие тени, щеки горели, а нос и около рта было бело, и сами губы яркo-алы. С Гором ничего не было. Говорил, что в университетск<ой> стенгаз<ет>е хвалят меня. Потом стали высказываться по поводу стихов какого-то Алеши, а мы во время чтения шептались, и Гор беспокойно глядел в нашу сторону. Потом, когда «Алеша» кончил, Гор сразу обратился к нам: «Ну, Коссов, высказывайся!»... — «Позволь, — сказал Толька, — я не просил». Потом, когда рассматривали фотографии, он

близко прижимался ко мне, — нарочно, точно спрашивая что-то плечом... Потом пошли — Толька в одну, я с компанией в другую сторону... Потом, увидя, что все равно с Генкой не удастся поговорить и вообще... ничего... я отстала, а потом повернула, догнала Тольку и пошла с ним... Не знаю, заметили ли мой уход ребята, но Гор, я уверена, заметил. Конечно, в этом виноват он сам: мог бы подойти, и все такое... Не сделал, ну, так и надо!

Итак, я пошла с Толькой; и Толька сказал мне, что он заметил и почувствовал, что Генка стал совсем другой по отношению к нему, к Толе. И что если промеж них не пробежала черная кошка, то она готовится пробежать. Причиной, здесь, конечно, — я. Т. к. Генка думает, что между мною и Толей существуют не простые, товарищеские отношения, а более сложные и серьезные. Поэтому он не знает, как вести себя со мной, потому что — «Лёлька и Толька»... Толя не договорил, но ясно, что он хотел сказать: «Гор ревнует тебя! Ко мне. Он думает, что ты со мной, как и с ним, — целуешься, и все...»

Ген<надий> Фиш 195–85¹

«Ты подумай, Лёка, — говорил Толя, — ведь и я в некрасивом положении, и с Генкой мы перестаем быть товарищами, и тебе тяжело, и он, понимаешь ли, сейчас мучается, что вот мы пошли с тобой, болтаемся, и, может быть, между нами что-нибудь есть»...

Генка ревнует! Это ясно. Как это хорошо!.. Милый мой, глупый Генушка!.. Люблю-то я тебя как! Крепко! Горячо... А ты боишься, не веришь мне! Значит, как и я когда-то — мучишься, ненавидишь, решаешь разлюбить и — любишь... Ты любишь меня, Геня... Прости меня! О! Завтра я заласкаю тебя — если не поцелуями и ласками — то улыбками и взглядами... Мой любимый, гордый, чернобровый Гдалин...

Об остальном — завтра!

У меня сейчас идеальный рот... Генка, — он твой!

В переулке — глухом-глухом,
 Как медведь, ободранный дом.
 И в заставе его кругом
 Называют — цыганский дом...
 Запушитесь-ка снегом холодным,
 Белым снегом завейтесь, тропы,

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольца по верхнему полю слева, выделено рамкой.

Сгинь ты, сгинь, тоскованье бесплодное,
Неумный сердешный ропот...
Уж и где ты, тоска, привязалась?

Я учусь, я учусь своим сердцем
Цвет черемух в глазах беречь.
Е<сенин>

И каждую осень, все об одном,
Унылые песни звенят,
Что схвачена зелень берез желтизной,
И теплятся дали в огнях...
И новый поэт,
Как старинный певец,
— Он также тоскует о том,
Что странно — не долгов листвы багрянец
Под темным слезливым окном...
Что скрашено Золотом марево дня,
Что лес озабочен и тих...
И каждую осень, все так же звеня,
Встречает тоскующий стих...

Сыплет листья с красных осин,
Цепь холмов по-осеннему [сизым маревом] дышит.
Меж полей — одинокий овин,
В ярких листьях убогая крыша...
И сутулый, как старец в плечах, —
От ворон налетевших грустней...
Уж не будет снопов он встречать,
Не услышит разгула цепей...
Плачет ястреб над зыбью равнин,
Пляшет ветер на выжатых нивах,

— Я сегодня, как этот овин,
Одинока и молчалива...
[Нынче сердце мое, как овин,
Одиноко и молчаливо].

Догниет одиноко в полях *овин*
 За туманом, за дымкой дождя,
 (В волосах сероватых дождя),
 И по старому другу поминки
 Справят галки, пугливо галдя...

В деревне радио нет,
 Не слышали о телефоне,
 И солнце возвещает о дне
 У коровы на шее звоном.
 Колокольчик такой большой,
 Любо солнцу в нем отразиться.

<Далее запись на придуманном языке в виде знаков.>

Над [просторами] равнинами сеют дожди,
 Сивой гривой — лесные просторы.
 У деревни Ольховки в груди
 Шевелится лохматое горе:
 В этот год на полях по весне
 От мороза корежил колос...
 Мало вяжут мешков на гумне
 За скосившимся частоколом...
 Потому бороздою пролег
 На челе у деревни вопрос:
 [Вдруг]
 Не тяжел бы пришел продналог,
 Не померз бы кудрявый овес.
 Оржаная тоска залегла
 И гармониям — не рассказать
 И не думает вылезать...
 И что грустнее коровьих глаз
 У избушек слепые глаза...

1538 — № 3229

<Рис.: профиль человека с топором.>

<Запись на придуманном языке в виде знаков. >

И снопами тоска залегла,
Крепких [сколько] вязок не развязать.

<Математические расчеты.>

В прериях

Пойду за дымные хаты
(Скрипнет прясло вослед петлями)
Посмотреть, как играют закаты
За синеющими,
За лесами...
Под кокосами не сидела я,
И [пустырь] пустынь шагами не мерила,
Береза милая, белая –
Мое любимое,
Мое дерево...
[В это ж]
Нынче ж летом встало желание,
– (Вы простите, дымные хаты)
Увидать бы прерий безгранице,
[И лианы бы] И травы их,
Волосатые...
А сегодня над лесом [заревом] марево
На полнеба кровавое, алое,
Словно трав сгорающих зарево
[Косматое], Нездешнее,
Небывалое.
Я глазом простор измеряю,
И встанет мысль, говоря,
[Таковыми должны быть] прерии,
Это, верно, далекие прерии
Сейчас говорят...

Городу

Снова брови заставила хмуриться
Городская бесстыжая пыль...
Снова я на асфальте улиц
От зеленой лесной тропы.

Как мне жалко покинуть хаты,
Колосиный радостный гуд!..
Я в глазах сберегу закаты
И [колось<ев>] дороги зов сберегу..
Так я думала, уезжая,
Это искренне — грусть моя..
Но уж к вечеру я — другая,
Город, к вечеру — я твоя!
Буду, буду шляться по городу,
Эти улицы также зовут,
Окна фабрик вечером золоты
И засматриваются в Неву..
Как мне радостно слушать город!
Как люблю его огоньки!
Комсомол и учеба скоро,
И кино опять, и коньки!
Вы далеко, лесные тропки,
Не грустите там обо мне,
[И] А во мне городскому ропоту
Нынче очередь зазвенеть.

При закате солнца наша тюрьма прекрасна...

Месяц вышел, ласковый и тонок,
[За] В тихой ржи
Дергач затосковал,
Шепотлив душистый сеновал,
Не уснуть сегодня пастушонку..
На пороге ноги [лапти] разувал,
— Каждый лапоть дырками отмечен,
И потом ласкалась синева,
И в глаза засматривался вечер..
Зачитался малец под кустом,
От коров овес не уберег,
И сказал хозяин за столом,
Что не купит осенью сапог..
Пастушонок вымочил глаза,
На пороге сеновала тих...

Хочет вечер ласковый сказать:
 — Не печалься, милый, не грусти...
 Но пастух ушел на сеновал
 И не думать горестно не мог:
 Скажет matka злобные слова,
 Изобьет, что не дали сапог..

Звезды в рожь катились с небосклона,
 И колосья гнулись, говоря,
 Месяц пас мохнатые сулоны
 И по нивам лапти растерял.

Я хочу учиться на Г<осударственных> К<урсах> при Г<осударственном> И<нституте> И<стории> И<скусств> на отделении Словесных искусств, с журнально-литературным уклоном, так как люблю литературу и хочу посвятить себя литературно-журнальной деятельности. Поэтому прошу разрешить мне держать экзамен на поступление на означенные курсы.

Берггольц

Ох! Красиво.

Заявле<ние>.

Журавли
 За деревней, на пригорке за пряслом и хлевом,
 Где кусты хоровод завели,
 Ткнулись шеей иссохшейся в небо
 Тоскующие журавли.
 У колодцев замшило срубы,
 Как щетиной лицо старика,
 И воды ледянистые губы
 Не целуют у ведер бока.
 И колодцам в печальное око
 Не заглядывают журавли.
 Им с пригорка далеко-далеко
 Видно серые дали земли.
 [Не ведут они,
 Как свечерет,

Перекличку издалека...
И сухую скрипучую шею
Не ласкает девичья рука].

[Много лет упало в колодец,
И зарниц полегло у реки,
Как по задворкам, огородам
Шушукались мужики —
Были лица мужичьи хмуры,
И в глазах вековая пыль,
А потом разбегались куры
От бегущей с ревом толпы.
Журавли этой ночью скрипели,
И толпа их скрип берегла,
Утром чьи-то подметки глядели
[Колодцу] Колодцам в печальный глаз...
А в деревне, в [ла]зореный вечер,
Искромсали Маркса портрет...
...Журавли стояли, как свечи,
Ярко-серые на заре]

Я хотела бы стать журавлем,
Над колодцем кривым и убогим.

Добавка и изменение к «Дорогам».
И пойду я бездомною путницей
По морщинам усталых дорог..
В загорелые лапти обутая,
В роще выломаю посошок...
Поклонюся я каждому встречному,
Сберегу их ответный кивок
И усну, [насмотревшись на вечер] *побеседовав с вечером,*
Притулившись на шепчущий стол
Много-много бредет их, убогих,
Как сума не набитая — грудь...
Это же, кто заманен дорогой,
Да забыли намеченный путь...

Гармонь

Живет в деревне пятый год
солдат — безногий мученик.
И с ним гармонь его живет,
[Да с вышитой ручкой] *К ней кто-то вышил ручку.*
В глазах солдата грусти муть,
он сам, как старый валенок...
Но вечером пойду к нему
И сяду на завалинку.
Отсюда далеко видать
холмы и дали сонные...
Сыграй мне что-нибудь, солдат,
на жалобной гармонии!
[И будут дергачи кричать]
Я знаю, ты привык молчать
[В полях, где рожь незрелая]
С тоскою переспелую.
Сыграй мне что-нибудь сейчас,
Чтоб сердце загорелось.
И вот гармошка выгнет грудь,
как девка перед пляскою,
и на ладах застанет грусть,
надрывчато и ласково...
Играй, играй, моя гармонь,
Так сладко песня мает<ся>,
[Что кажется] *Что будто бы во мне самой,*
Что будто я сама пою,
Без думы и без голоса,
и девичью тоску свою
себе вплетаю в волосы.
[А ночь на скошенном плет<не>
мережи вяжет синие,
и хочется носиться мне
над темными
равнинами.]
А у солдата лоб грустней,
Ползут морщины длинные,

И вечер в [<1 сл. нрзб>] скошенном плетне
Мережи вяжет синие.

[На]

Кладбище («Элегия»)

По заставе ветер рыщет,
И Нева ясна.
На заброшенном *загаженном* кладбище
Пьяная шпана.
Разудалый гром звон бутылок,
И гитары стон
Над разрушенной могилой
С вырванным крестом.
От забористого мата
Клонится трава,
Но подслушал крест горбатый
Горькие слова:
Как [Что], [И] гитара в кудри веткам
Стонет и звенит,
Неспроста грипит, звенит,
Моя мама шансонетка
По ночам не спит...

II

Тут что надо, на кладбище,
И мильтонов нет.
Финский нож за голенищем,
А в руке кастет...
[- Эй, гуляйте, сволочь, смело,]
Пейте, сволочь! Это дело,
Нам-то все равно...
Ведь опять подшевело
Хлебное вино...
Страшны склепы на кладбище,
А шпана страшней...
На кладбище
Жены ищут

Спившихся мужей...
За Госспирт, ребята, смело
Выпьем заодно.
Чтоб еще подешевело
Хлебное вино!
По могилам бродит вечер,
Как пастух в стадах...
Человека искалечить
Легче, чем всегда.
Как в крови забьется шея,
Не видать — темно.
В эсэсэра дешевет
Хлебное вино...

Было в комнате желто от вянущих кленов,
От вянущих кленов за слезливым окном;

Запуститеь-ка пушистым снегом,
Белым снегом забелейте, тропки...

Сон
Я сегодня видала во сне
Озеро, лес и осоку,
Я ласкалась во сне к сосне,
[Улыбал<ась>]
Я глядела озеру в око.
По тропинкам среди травы
Я бежала, точно лиса,
И от счастья хотелось завить,
И куснуть за край небеса...
А потом, от озерных волн,
От зеленых стройных осок
[Взобр] На крутой взобралася холм.
Он громаден был и высок.
На холме зацвечал рассвет.

Я тебя вспоминаю, весна,
По обрывкам песен и слов,

По тополям у окна,
 По шепоту их листов!
 И довольно невской волны
 У Литейного моста пеня,
 Чтобы снова крыло весны
 [Осыпалось] *Упало* мне на колени...
 И хоть тополи у окна
 Осыпают золото с рук...
 Я тебя вспоминаю, весна,
 По обрывкам стихов и звуков.

Хоть и щедро кудрявая молодость
 Дарит песни нам и слова,
 — Кто ж из нас
 Не бродил по городу
 И о чем-то не тосковал?..
 У кого же из нас не найдется
 Тихих-тихих, печальных дней?
 В эти дни хорошо поется,
 Потому что на сердце нежней...
 В эти дни хорошо пошляться,
 — В Ленинграде много дорог..
 А пока не пробьет 12,
 Не устанут мускулы ног..
 А в 12
 Нева чернеет,
 [(хорошо ей в глаза поглядеть)]
И тогда хорошо глядеть,
 [Хорошо с моста поглядеть]
 Как колышутся гибкие змеи,
 Золотистые змеи в воде...
 В эти дни
 Даже вещи грустнее,
 Даже в камнях тоска моя...

Всегда, всегда с полночи до утра Генка Гр Генка.
 Господи, какая тоска... Дортуй...
 Тоска... Ой, тяжело! Ой, милый, как жутко...

[В эти дни] Но зато —
 Мне город — роднее,
 И роднее городу — я...
 Я люблю
 Этих дней заботу,
 Тоскование этих дней...
 После них — веселее работать,
 После них и радость нужней...
 Рукавом замахала синь
 В переулке под темным окном,
 Синь-бродяга из дальних пустынь
 Под окном шуршит рукавом...
 Но окно...
 Разве ж это окно?
 Больше тряпок в нем, чем стекла...
 А на крыше уже давно
 Хоровод разноцветных заплат.

Дневник

О<льга> Б<ергголец>

26–27¹

Смелей, человек,
 и будь горд!

Из жизни, бледной и случайной
 Создам я трепет без конца!
 [Г. Гор]

Все познать, ничего не взять
 Пришел в этот мир поэт...
 С. Е<сенин>

¹ Записи рукой О. Ф. Бергголец на обложке тетради.

Где ты, где, моя тихая радость,
Все любя, ничего не желать?..

С. Е<сенин>

Я учусь, я учусь своим сердцем
Цвет черемух в глазах беречь...

С. Е<сенин>.

Ну, и пусть на меня опрокинутся
Грязно-мутные волны тоски...
Не зайдет же душа имянинница
В придорожные кабаки!

13/10 26 г.

Дурацкого званья поэта
Нельзя уступить никому:
Ни грохоту нового Света,
Ни славе грядущих коммун!

Н. Асеев¹

9-го. Суббота. Октябрь.

Нет, в конце концов это становится чересчур мучительным! Чорт возьми, в Литгруппе думают, что я «провожу время» с Коссовым! Пашковск<ий> так прямо и говорит, и даже при Генке; — его товарищ восхищается моими стихами — (дурак!). А П<ашковский> и говорит: «Он любит твои стихи, как тебя Коссов»... Что подумает Генка?.. Он подумает, что я... со всеми! И целуюсь, и гуляю... Он решит разлюбить меня и так и сделает... Что я с Коссовым, как с ним, целуюсь, и все... Господи! Я целуюсь с Коссовым? Как дико!.. Этого нет и не будет! Когда сидели в Райкоме рядом, то старался поближе, прикасался и надавливал на руку, точно случайно, встречались колени; пожал осторожно и нежно ногу... Зоя С. сказала бы — «мерзко»... * (???)

* Правильно — мерзко.

¹ Со слов «Смелей, человек...» записи рукой О. Ф. Берггольц на форзаце тетради.

Поэтому, когда мы вышли, я, он и Авраменко, то я думала, что «что что-нибудь будет»... Шли вдвоем... Но он даже не взял меня под руку! Хотя... что ж тут такого? Говорили о пустяках; простились холодно... Что все это значит? А когда сидели в Райкоме, Т<оля> К<оссов> мне многозначительно на него подмигивал... Если б он хотел, то смог бы... О, Господи, как мне тяжело! Всему этому должен быть положен конец... Я не могу так больше! Или нет. Или — да... Вернее всего — нет... Пусть!

И хорошо, что нет! 6/II-27.

Завтра скажу Толе — он приедет: «Толя, делай, что хочешь... Хочешь, покажи письма, все, что угодно, но только чтоб Генка, Генка (на остальных насрать) не думал обо мне, что я... гуляю... с тобой!»...

Я хотела бы, чтоб Толька расхвалил меня Генке; чтоб сказал о моем состоянии... чтоб сказал, что мы-то с ним просто товарищи: «Конечно, все это в соответствующей форме и тактично. Генка, глупый, только посмей разлюбить. О, если б тебе было так же больно, как и мне, — я была бы довольнее!

34

30

1020 к.

10/I-27.

Дура я, дура репчатая.

Правильно. 24/5-27.

10-го окт<ября>. Воскр<есенье>.

Был Толька. И мы решили. Во вторник Генка придет к Анатолию, и он ему все скажет и, наверно, покажет выдержки из писем... Ну, пусть... Хуже, чем сейчас, не может быть... Сегодня мы шли с Толькой под руку, и нас увидел Мишка Ч<умандрин> и по приходе в Дом Печати — мы были там — трепался о нас перед Гором...

...Толька говорит, что все уладится и будет хорошо... А мне не верится, не верится...

Мне думается, что он только самодовольно улыбнется на все уверения дурака-Тольки — «вот, дескать, каков я!» — и только... Или отвернется, уклонится... Но ничего хорошего я не жду.

Ну, пусть... Какой-нибудь конец должен быть... Я так устала от вечных колебаний и сомнений! Уже с весны они продолжаются.

Интересно, а как Гор...? Может быть, ему так же тяжело, как и мне. Ведь я даю повод к ревности и подозрениям... С Толей все-та-

ки в необыкновенных отношениях. Вокруг меня на Литгруппе всегда почти молодежь...

А почему Гор, как раньше, не подсаживается ко мне, не говорит, не шутит? Как раньше...

...А ведь в Литгруппе о нас с Толей ходят сплетни и трепотня...

Я думаю так: в понедельник попробую на «Ледоход» попасть, если лекция не очень задержит. (Ледоход!) Гор звал: «Приходи, Ольга»... вот чудно — «Ольга»... В среду от Тольки будет письмо... А потом, я думаю, пропустить недели 2... Если смогу... Интересный эффект получился бы... Впрочем...

Более чем странно, что я не люблю Гора. Сегодня. Он мне кажется жалким, смешным... Неинтересный... У него насморк... Вчера он стоял подле какого-то высокого дядьки и показался мне таким маленьким! Как он смешно смеется!

...Была у Вари, зашла из Дома Печати; выпила 3 рюмки вишневки, пива, голова закружилась, и, может быть, от этого такое странное безразличие и равнодушие, потому что когда шла к Варе, была тоска, скверная и тяжелая, как грязная дорога...

Моя Варенька, хорошая, любимая, милая, как я люблю ее... Мою золотую Варьку...

Как это гнусно, если в Литгруппе из-за меня идут сплетни, портятся товарищеские отношения и т. д. Нет, надо перестать на время посещать литгруппу...

11-го <октября>. Понедельник.

Сегодня во сне я видела Есенина... Будто в каком-то здании, с величайшим трудом, по узким лестницам взобралась я на самый верх, где был Есенин. И говорю: «Есенин, я хочу посмотреть на тебя». Он сидел подле меня, такой тихий, грустный и милый... Я смотрела на него, гладила его волосы, а он улыбался и смотрел на меня. Потом я пришла к нему второй раз, села подле, хотела читать стихи.

Вечером.

Но это замечательно интересно, то, что мне сказала Юлька в Ин<ституте> сегодня: она сказала, что — «наверно, тебя девчонки недолюбливают», за мой характер, поведение и т. п. Ну, буду кратка. В общем, от Юльки я узнала следующее: в «Смене» девки не любят меня за то, что любят парни, за то, что я всегда с ними, т. е. с парнями, вы-

деляюсь, и все. Оказалось, что Толька с кем-то гулял, теперь водит ее за нос и «гуляет» со мной... А эта девчонка ревнует меня к Тольке и ненавидит меня... Вот это — так — да! Это да! Сознаюсь, что мне это — щекочет самолюбие; но все-таки мне крайне неприятно это положение в «Смене»... Поэтому после здравого размышления я решила пропустить 2–3 недели. Все говорит за это! Как-никак, я, до некоторой степени, примелькалась, и надо, чтоб замечали и мое присутствие, и отсутствие. Кроме того, утихнет трепотня. Жаль, конечно... работы.

Понемногу мои терзания переходят в озлобление и равнодушие. Ни вчера, ни сегодня я не люблю Гра. Вчера зашла на «Ледоход». Он даже не поздоровался, не подошел, не поговорил, как другие все... Звали меня в кино, я не пошла. Он, кажется, пошел. Я постояла над Невой, она была черная, как деготь, с длинными отсветами, но тяжело колыхалась, вздыхала и поднималась... Волны были отлогие, чистые, они тяжело накатывались, ворча и рыча, на каменные ступени. Нева была такая тяжелая, так тяжело колыхалась, как тяжело поднять веки человеку, до смерти уставшему от бессонницы и на минутку прикоснувшемуся к подушке... как тяжело пьянице вздынуть голову, налитую свинцом вина... Ветер был черный и злой, холодный черный ветер с черной волной, он грохотал в уши, набрасываясь на меня, как бешеная огромная собака с черной длинной шерстью.

Меня забавляет «маленькая неувязка» в отношении Гра: он узнает сегодня от Тольки, что я его люблю... Понятно, он восхочет узреть меня, — что ж это такая за Оля? (Когда про человека узнаешь что-нибудь особенное, то обязательно хочешь на него посмотреть, хотя и не интересуешься им...) И вдруг я не еду неделю, другую, третью... А потом приезжаю совершенно другая; интересная, хорошенькая, но совсем равнодушная по отношению к нему... В таком случае, если у него и имеются кое-какие воображения, то они рассеются в пух и прах... Не люблю его!..

М<ожет> б<ыть>, буду работать в «Ленинских искрах», 15–20 р<ублей> в месяц — зарабатывать... Ну и то хлеб... Хоть дорогу себе оплачу и куплю что-нибудь. Надо: свитер, сапоги...

В институте ничего, дельно. Интересно. Буду много работать, учиться...

А как я похудела! Плечи — одни кости... Помогаю маме в ее делах... У-у! Как я ненавижу слова — «выяснить» и «выявлять»...

**Ф. Х. Берггольц
и М. Т. Берггольц
(родители)**

1914

[Ш]

Ф.Х. Берггольц

Конец 1910-х

М. Т. Берггольц

1910-е

Ф. Х. Берггольц

Конец 1910-х

Копия

Выпись из метрической книги гасей первая о родившихся
 за 1910 г. выдана по инициативе Симеоновской т.б. в Моховой
 улице, церкви г. С.-П. родившихся Минск по инициативе
 2. Месяц и день рождения, крещения. Май третьего,
 седьмого. 3) Имена родившихся: Ольга. 4) Звание, имя
 отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания
 Студент Императорской военно-медицинской Академии
 Федор Григорьевич Бергогольц и его законная жена
 Мария Яковлевна, оба православные и первоначальные.
 5) Звание, имя, отчество и фамилия восприимчивых: Митрий
 политичий гражданский Григорьевич Федорович Бергогольц
 и вдова помещика города Рязани Мария Ивановна Фрунзеична
 кто совершил таинство крещения. Протоиерей Василий
 Степанский с диаконом Артадием Корневским.

Копия Симеоновской церкви протоиерей / почить /
 справку делай по словнику / почить /

№ 206

17 Июня 1910 г.

Ленинград. Тысяча двести двадцать Ассенов т.б.
 том 11 № 206

Трижды Ленинградская Государственная нотариальная контора
 по пр. 25 Октября в доме № 13 удостоверяет, согласно ст. 101
 закона о подлинности и представлении Свободы Григорьевич
Федорович Бергогольц политичий гражданин

родился 3 мая 1910 года в городе Минске Белорусской
губернии С.-Петербургской губернии С.-Петербургской

75 лет ИЗЫСКАНО СВОРОВ: Губернского
марта, на нотариальном действии 25 мая 1910 года в г. Ленинград

по заявлению № 4173. Для представления в учебн. завед.

Протоиерей Василий Степанский с диаконом Артадием Корневским
 кто совершил таинство крещения за 1910 г.

Выписка
 из метрической
 книги Симеоновской
 церкви г. С.-Петербурга
 о рождении
 О. Ф. Бергогольц 3 мая
 1910 г.

17 июня 1910

Ольга Берггольц

1911

Ольга Берггольц

1926

На обороте фотографии
надпись ее рукой:
«Неужели это я?»

Ольга Берггольц
(в первом ряду, стоит)
в группе с М. Т. Берггольц
(матерью), Марией Берггольц
(сестрой), М. И. Грустилиной
(урожд. Прохоровой,
бабушкой)

1916–1917

В. Т. Грустилина (тетя)

Конец 1900-х

Ленинградский
Губернский Отдел
Народного Образования
ПОД ОТДЕЛ СОЦСОСА.
22-го июня 1926г.

Юлия

2

№ 194

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Предъявитель сего гр. Берггольц Ольга Сергеевна
родивш[аяся] 8.1910 г. обучалась в 117-ой Советской
Единой Трудовой школе с 1921 по 1926 г и окончила
полный курс 1-ой и 2-ой ступени, при чем обнаружила
достаточные познания и развитие по всем обязательным
предметам курса, а именно: по родному языку и литературе,
арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, естество-
знанию, физике, химии, географии, обществоведению, француз-
скому и немецкому языку, рисованию, пению, космографии,
гражданскому кодексу, бухгалтерии, комм. арифметике, делопроиз-
водству, и орг. торг. пром. предпр.

В изложенном, по постановлению Педагогического Со-
вета от 19-го июня 1926 года 117-ой Советской Единой
Трудовой школы, выдано Берггольц Ольге Сергеевне
настоящее удостоверение.

Подлинный подписали

Завед. школой: И.В. Антипов

Члены Совета: В. Мантис, Чернова, Гюца,
Я. Шултанов, Лозага, О. Кондратьева, Максимов,
В. Бретнева, Л. Трошкова, Н. Лихитина, Н. Яриловича, Макашинский,
Секретарь Совета: В. Сашокина.

И. Негайца

М.Я.

Ленинград. Тысяча двести двадцать двух года
июнь 22-го

Третьей Ленинградская Государственная Нотариальная Контора
по пр. 25 Октября в доме № 73 удостоверяет, верность этой
копии подлинником ее представителем Сергия Федоровича
Берггольца Ивановича Павловича
Копию Ольга Подлинник гербовым сбором в 1 рубль

ВЗЫСКАНО СБОРОВ: Гербовый 20 коп.
мержам, за нотариальное действие 20 коп. 20 коп.
по реестру № 4521. Для представления в учебн. завек.

**Удостоверение,
выданное
Ленинградским
губернским отделом
народного образования
О. Ф. Берггольц,
об окончании ею
117-й советской единой
трудовой школы**

22 июня 1926

Р. С. С. С. Р.
И. В. К. И.
Г. О. Н. О.
С. П. Б. Т. Е. Л. Ъ
Е. П. П. Т. У. Р. Д. О. В. Е. Ш. К. О. Л. А
2 и 11 ступени.
28 июня 1926
№ 236
Классная работа

А. М. Зыб

*Об окончании 117-ой Сов. Школы Трудовой
Школы О. Ф. Берггольца.*

Александрович с 1926 году 117-ю школу гр. БЕРГГОЛЬЦ, Ольги Федоровны, окончившей 3-го мая 1926 года, училась в школе в течение пяти лет и приобрела себе самым лучшим образом.

Будучи девочкой от природы богато одаренной, она много над собой работала, много читала, аккуратно в театральном и музыкальном классе в первом ряду своего класса.

Вместе с тем гр. БЕРГГОЛЬЦ была и активнейшей, обносила всем ребяткам школы: она много энергии и умных идей вела в вопросах школьной общественной, участвуя в одних и организуя другие школьные кружки и комитеты, победы в классном Исполкоме, в КСРО и в комитете ВЛКСМ, председательствовала на общешкольных собраниях, проводила разные кампании, неоднократно выступала и на районных на конференциях, печаталась в газете "Смена" и в др. Наибольшей общественной заслугой гр. БЕРГГОЛЬЦ школа считает ее организацию и ведение в течение двух лет общешкольной стенной газеты "Вперед", где живыми и интересными вопросами и задачами жизни находились себе яркое отражение и правильную оценку.

Богатая одаренность гр. БЕРГГОЛЬЦ имела себе наиболее полное отражение в ее литературных достижениях: и в поэзии, и в прозе, и в беллетристических статьях: здесь всегда сверкает искры подлинного немалого литературно-художественного таланта...

Несмотря на свои молодые гр. Берггольц является активнейшей школой в области и организациях, и 117-ая школа считает своим долгом заметить, что, по ее мнению, гр. БЕРГГОЛЬЦ, для укрепления и развития ее дарований, должно быть предоставлено право и возможность, вне всякой зависимости

от общей массы, зачисляла в Ленинградском Университете на литературный отделении ФОВ'а.

*Моя Сов. Школа
Классная работа*

Александрович

Александрович

**Отзыв об окончании
О. Ф. Берггольц
117-й советской единой
трудоу школы
28 июня 1926**

**Рекомендация для
вступления в комсомол,
выданная О. Ф. Берггольц
Комсомольской
организацией
117-й советской единой
трудоу школы
29 июня 1926**

Рекомендация

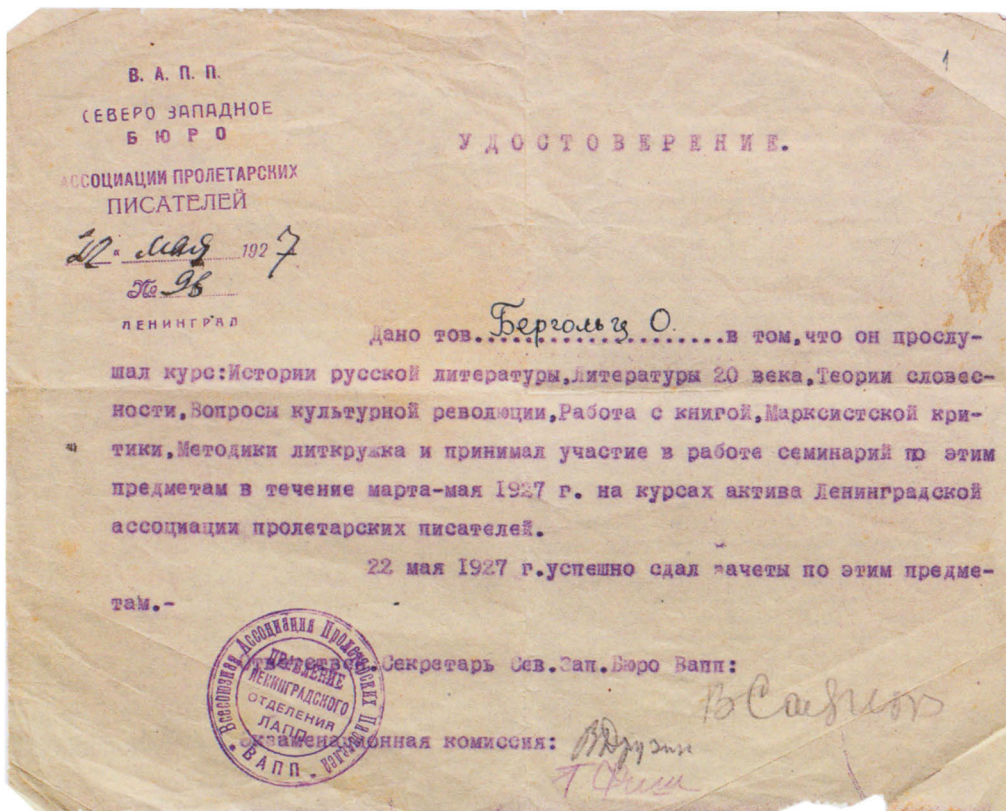
2

*тов. С. Берггольц от
коллектива ВЛКСМ при
117-ой Сов. Ш. Труд. Школы.*

Коллектив ВЛКСМ рекомендует тов. С. Берггольц, как активнейшую работницу коллектива и школы. Тов. Берггольц 2 года была председателем редколлегии школьной стенгазеты, принимавшей по печати, участвовала во многих кружках, проводила комитеты. Тов. Берггольц зарекомендовала себя как первоклассная и хорошая работница в общественной жизни.

*организатор к. в. : А. Сидорова
Секретарь комитета комсомола
к. в. : М. Сидорова
Х. М. Сидорова*

**Удостоверение,
выданное О. Ф. Берггольц
Северо-Западным
бюро Всероссийской
ассоциации
пролетарских писателей,
о том, что весной 1927 г.
она прослушала курсы
и приняла участие
в семинарах на курсах
актива Ленинградской
ассоциации
пролетарских писателей**
22 мая 1927

С. XI

Ольга Берггольц

1927

На обороте фотографии надпись рукой
О. Ф. Берггольц: «Лето 1927 г. Высокий
Остров. Новгородская губерния.
О весенние зори и теплые майские росы!
О далекая юность моя! И<ван> Б<унин>.
Июнь-июль-август 1927 г.» / «Пройдет моя
весна, И этот день пройдет, Но радостно
бродить И знать, что все проходит.
И<ван> Б<унин>». А также помета
Н. Молчанова: «Салюту тебе, красавица!
Николай» (28 / II 1931 Алма-Ата)

**Б. П. Корнилов в группе
с П. Т. Корниловым
и М. Т. Корниловой
(родители) и сестрами**

Середина 1920-х

На обороте фотографии
надпись М. Т. Корниловой:
«На добрую память дорогому
Боре от мамы и папы горячо
любящих»

**Б. П. Корнилов
(справа) в группе
с П. И. Шляпниковым**

Середина 1920-х

На обороте фотографии
надпись О. Ф. Берггольц:
«Эпитафия. Это муж
мой бывший, Корнилов.
Я его таким не видела.
Был он раньше простым
и милым. А теперь
из него что стало!...
1931 г.»

**Б. П. Корнилов
и О. Ф. Берггольц**

1929

На обороте фотографии
надпись О. Ф. Берггольц:
«Дорогим папе и маме
на хорошую память
от детей. 1929 год, село
Ильинско-Заборское.
Борис, Ляля Корниловы»

**О. Ф. Берггольц в группе
с Б. П. Корниловым (мужем),
Ириной Корниловой (дочерью),
П. Т. Корниловым и Т. М. Корниловой
(родителями Б. П. Корнилова)**

1929

На обороте дарственная надпись
Т. М. Корниловой: «Дорогой Ляличке
на добрую память о счастливой
прожитой жизни с любовью мама
Корнилова»

**Ирина Корнилова
с М. Т. Берггольц (бабушкой)**

1929–1930

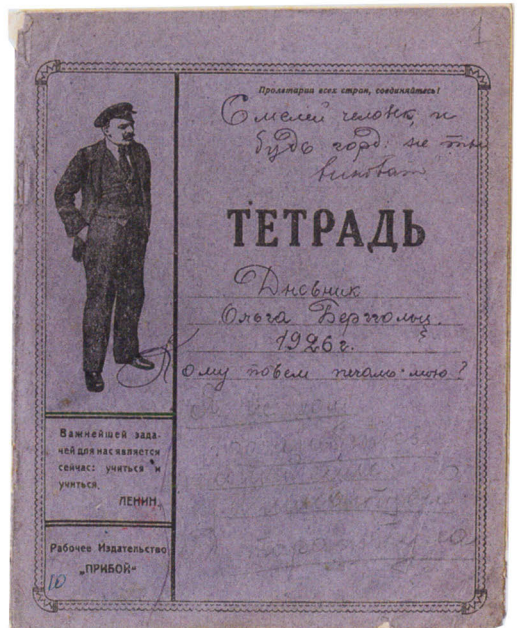
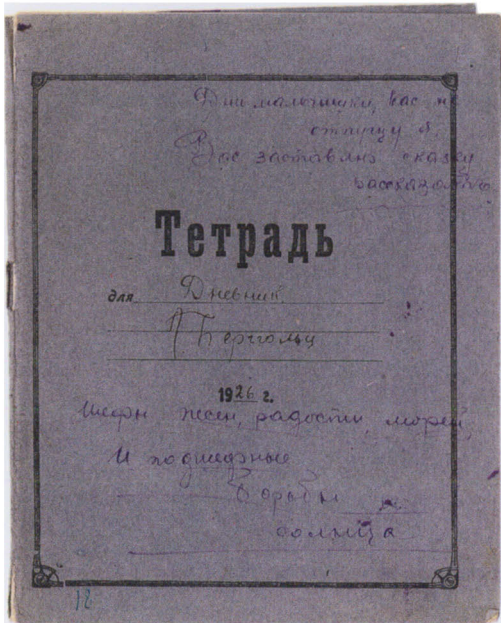
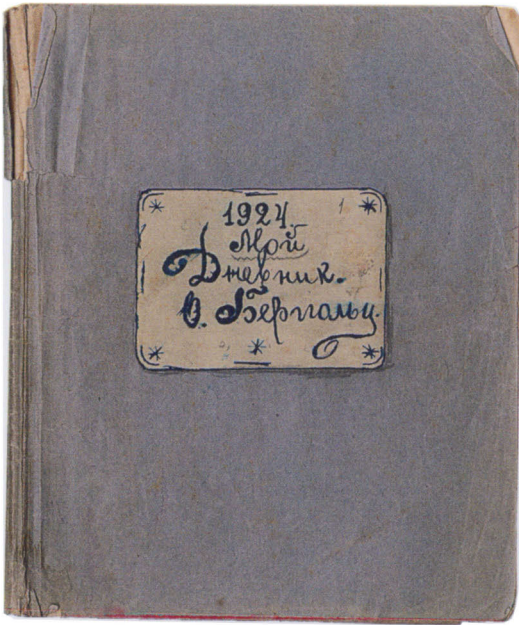

рина Корнилова

1930

М. Ф. Берггольц (сестра)

1929

Мой дневник 1

24 Января 1923 года !!! Основной кал.

Ну, наконец-то я собралась снова
 вести Дневник. Ведь чуть полгода
 не была, шутка-ли скажете! Ну, я
 опишу все, но только как можно
 коротко. Господь устроил так, что
 мама поехала в деревню; спустя
 неделю туда пришли и мы с Мусей.
 Ах, что за чудное, незабвенное лето
 проведем мы! Долго-долго будем кра-
 шиться в малой палатке на диване
 шестя, мизя, все ты со мной кото-
 рым мы переехали там, а жила мы
 очень и очень весело. Опишу несколько
 случаев; однажды, когда была на кро-
 шечной реке, Оленке, Муся прива-
 лела в нее по полю и вся выскочила.
 В другой раз на этой-же самой реке
 я, помолоде цулки, подскользнулась, и
 зацепилась полные штаны воды
 а сибирская туфта на "воднике"
 Муся так забавляла, что цулки
 цулок. В Оленке Вечером цулки
 кормили баранов из корзинки и мы

С. XVIII

Обложки дневников
 О. Ф. Берггольц

1923-1926

Страница из дневника

О. Ф. Берггольц
 с записью от 24 января
 1923 г.

Автограф

Профессоры - ученые так забравшись, что
 пустились ты неблизку в свет, а дураки
 (и я с ними вместе) поверили. Ка-ка-ка!
 10-номер летит на Фи-тер, тара-та-
 та, та, та, та, та! (ка шотив "Уют-
 мюх-маремш.") Ну!

Как хороши, как свежи были розы
 Бессонной душой в саду с цветами....
 Я плакал.... Я рыдал... Из глаз струились
 слезы, и в саду, над розовыми кустами...
 Вы же прощайте, не помяну... Ну я
 и розы отрубил и дрова уложил...
 И умир я; и (было) мне... И в раю...
 И жизни струей медленного стекла.
 "Как хороши, как свежи были розы..."
 Где ты я был там? Когда, когда? Дайки
 Улыбкой все в дано; но прощайте розы
 в в дождя, удачи и слов, что в сердце
 в хранит...

Прочтите стихи подруги! Никуда не
 идуется... И отвалите, да по пошлейше
 Ири... смирно сено. смети!

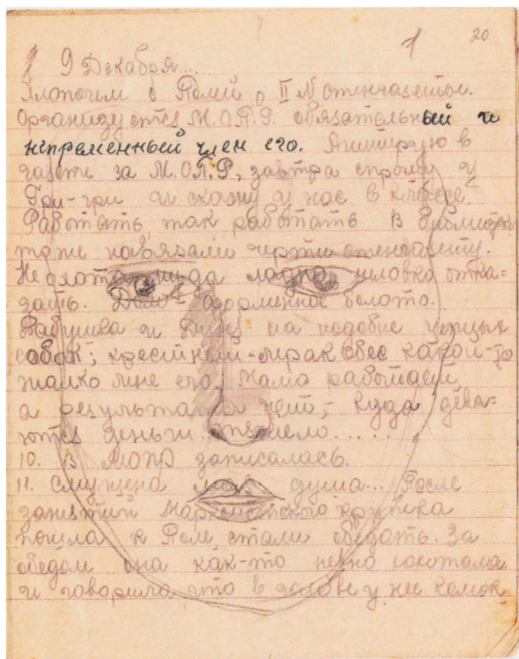
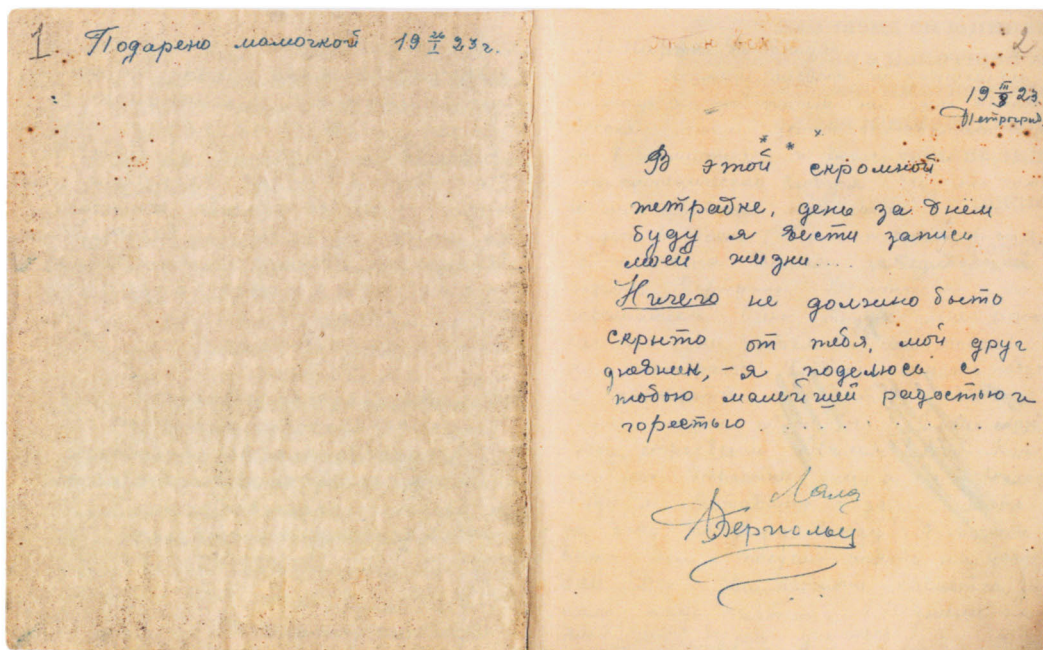
(Маша-Пана)

Худо. 1-
 ой, как худо -

Упо ^{август} ~~сентябрь~~ Вторник.
 Сильней, достойней записи в неблизк:
 Свдны Я и Митка забравшись в
 шкафах своих } в горке и в ящи-
 как } Так-как в горке было
 сыро от нашей уборки то мы
 решили там "протопить Турция-
 ку" Турцияка - это белва, белая
 бочка ~~Август~~ Гейдери.
 Не успела, тогда илело записать,
 крестиком спать погнал. Неломла
 эти два дня ничего записывать
 абсолютно всех не было. Дела с
 Арматовской Ветавкой поди
 уютя ветро вперед. Ах, скоро-
 Аасха! Вот то хорошо будет!
 Ну и отъездил же мы на
 свдву! Ведь мы все эту неделю
 постирали, не зря и повел на
 паехе хороши, правда с эти мш.
 Окорок купили - 35 фунтов, а на
 кушир муку - крупитка, мштал.
 Все по крупинке равняется.

Это я нарисовала и раскрасила.
 Нишо, только форма худая

Форзац дневника**О. Ф. Берггольц**

9 марта — 6 июня 1923

Страница из дневника**О. Ф. Берггольц**с записью от 9 декабря
1924 г. и рисунком

Автограф

С. XXIII

Страницы из дневника**О. Ф. Берггольц**

с рисунками

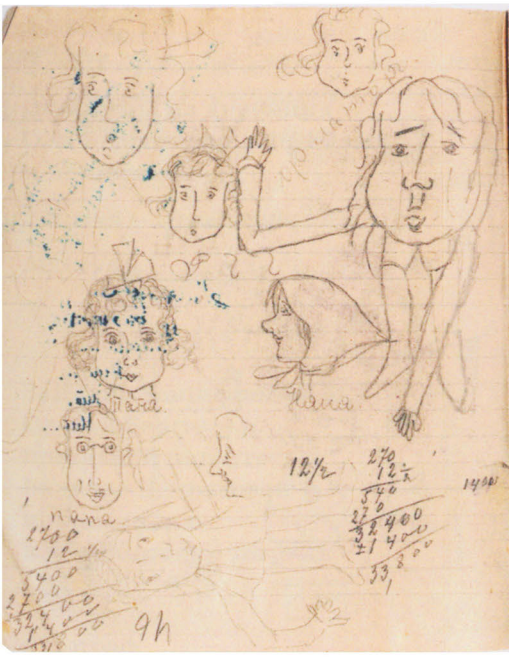
27 декабря — 20 марта
1924

Автограф

ку и штыря. Поимет
 в 3 по расизке-яг! А, торо-
 ги! Вели и штыряет то
 пана ку за то не тавен
 ике праеткобань в криве.
 Ду-ш! ку как тун не
 сдвигаете одетеркой за
 одетеркой штыряло, как
 в мхобраде, дане тел

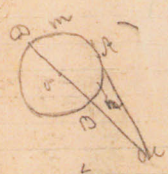
Заменили. Втора са рабниа
 мене, а етогус за ризидеи:
 14го марта 18го пенисия.
 Мусога ике пиданно раверасывана
 в "Красный докладчик", и в дима
 да и сепе под ешынми впераме-
 ным. Три второйе день кому, как в
 бреду, предидившотез картинки,
 тунно; то с одного равераса Пиде-
 тавного, то дима бы со иког, кем в
 в видела тун драму. Но ике
 безумно хоретел се увидань.
 Вели и едунн снйавинь еще и
 нае- непреленно поиду. В тун
 еще подгодити день Шаринеркой
 Поминки, хонопминотис о барри-
 кадах, коммунардах. Ми самог
 оинко тореинь увидань и неидань
 вел то. Обидно, анто не дима не
 в Вели, ни на баррикадах,
 ни на войне- и и-а. андо
 раине тидеице коенирение.

nana
 2700
 1200
 3400
 2700
 32400
 21400
 11000
 9h

12 1/2
 270
 120
 540
 270
 82400
 21400
 33,200

14/01

Ирина
 баб гила
 Ирина...
 кем и.
 кем.
 кем...

самород
 снмррррр
 10.30

сердца.. Черный мессия.. Мамма!
 Слышите, в красу! Проклятые буквы
 не имеют красави...
 Как мне хочется рано утром прос-
 нуться, Да.. Мамма розовый свежий
 утром, расцветши и солнышко.. "это
 бы сон.. слыши я.. Утро! Мамма..
 Какие радужные смех и виденье! Как
 ты нежно мне била.. "но это сон".. Нет,
 это не сон, хотя я часто думаю, что
 стило. Зачем не сон? За что все это?
 Как в чей небуде превращалась
 перед жизнью? Ведь я люблю ее! Ведь
 я люблю к ней! Я хочу жить, а не
 живу - создаваю.. Хочу радости, а этого
 почти нет, мамма мне ее.. Жизнь,
 зачем ты приласкаешь.. Ведь
 я люблю тебя! Дай мне радости,
 жизни, дай мне радости.....
 Я мечтаю в тебе так много
 счастья, как борюсь, как радости дай.

любви в твор-
 чества.. У меня
 слышно смех, а
 улыбаюсь.. Я знаю
 в полна смех..
 Для чего ты и
 долгие расказы-
 вайтас на эту
 мещанскую драво-
 му драму?
 Кивти.. Ни ни др.
 ни подруги не
 знают, что пред-
 нами такими человек.. бедный,
 прибитый.. Который хотел соим-
 ных ласок и красоты.. Который
 хотел плакать.. Который хотел
 жить.. Ведь молодость раз, один
 раз только.. Близ за маму..
 А ведь как они любили друг-
 друга.. Я сильно люблю тебя.

Русские горы.

Горы являются вьюны, ваты, лавы -
 мой живот и прелестно сажи тогу.

Видна верома на поле.

Видеть лонину, не прикасаясь
 к ней руками в тогу.

на дно - маленького в
 а кол, на не в 20 х.
 И сильно духа на
 коронно; миниды востра
 а востра востра на
 больша ронка с широким
 дуом.

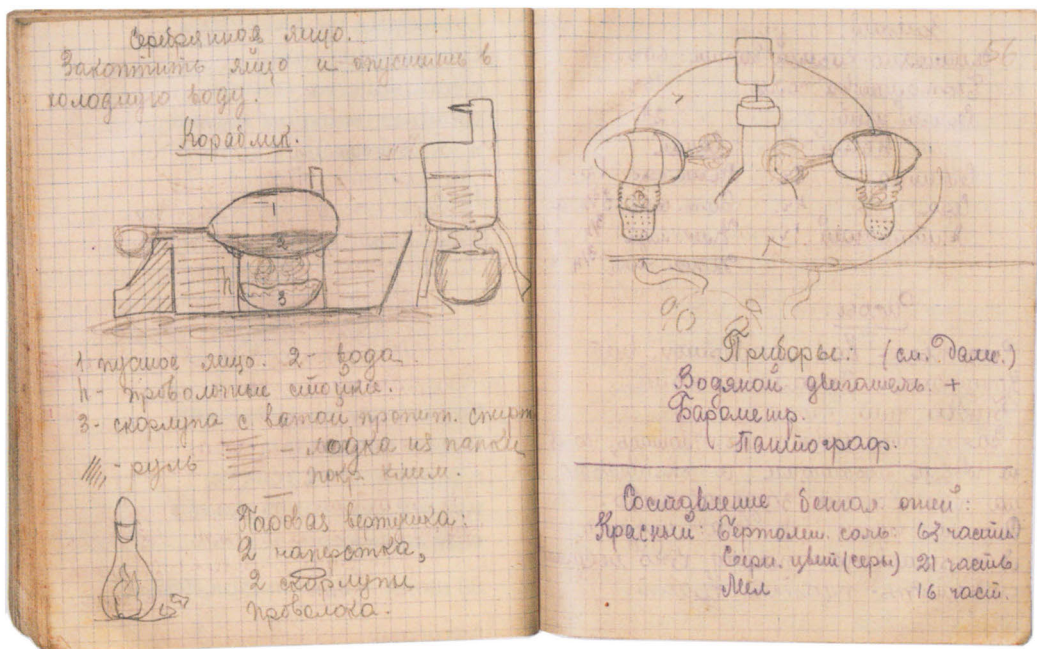
Видеть тогу в бун. гореве.
 Сидящими лонину
 Каюми со
 смешанства сме
 в тогу.

Билас бумана и тогу. Бд
 Коронно в чинна каморонну
 поронна. Впуемих к лонин, не
 поронну потам
 как будто
 рамше чинна, но вывупонна
 будит каморон, друна будит
 били.

Валлибис тогу.

Двуметерь

Пуе 1 к пуе 2

С. XXIV-XXV

Страницы из дневника
О. Ф. Берггольц с рисунками
и чертежами

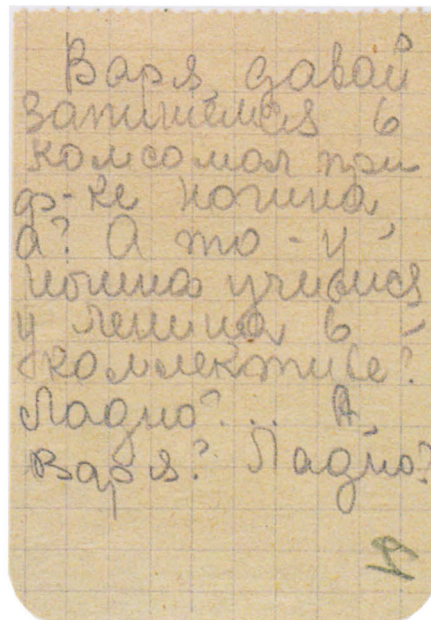
28 июня — 28 октября 1925

Автограф

Записка, написанная
Ольгой Берггольц
школьной подруге
Варваре Некрасовой
и вложенная
в дневниковую тетрадь

1925

Автограф

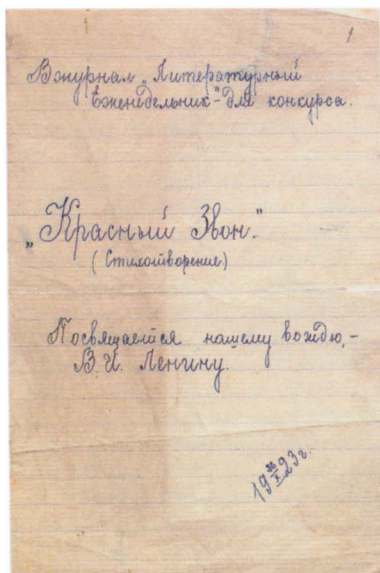

**Дружеские шаржи
В. Палешевской (школьной
подруги) на Ольгу Берггольц**

1925

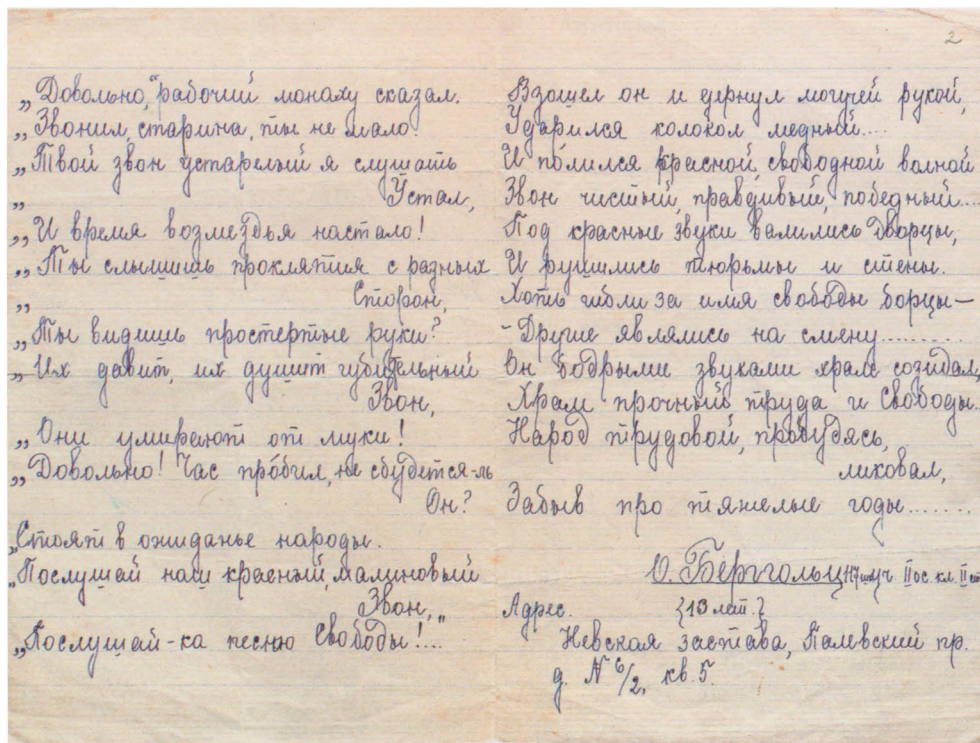

О. Ф. Берггольц.
«Красный звон».
Стихотворение

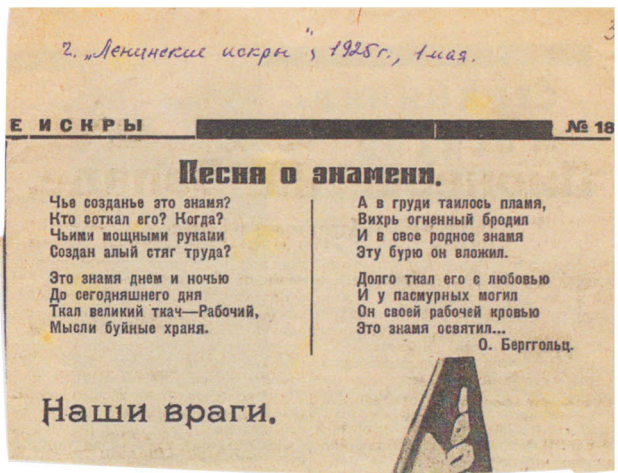
26 октября 1923

Автограф

**Вырезка из газеты
«Ленинские искры»
с публикаций
стихотворения
О. Ф. Берггольц «Песня
о знамени»**

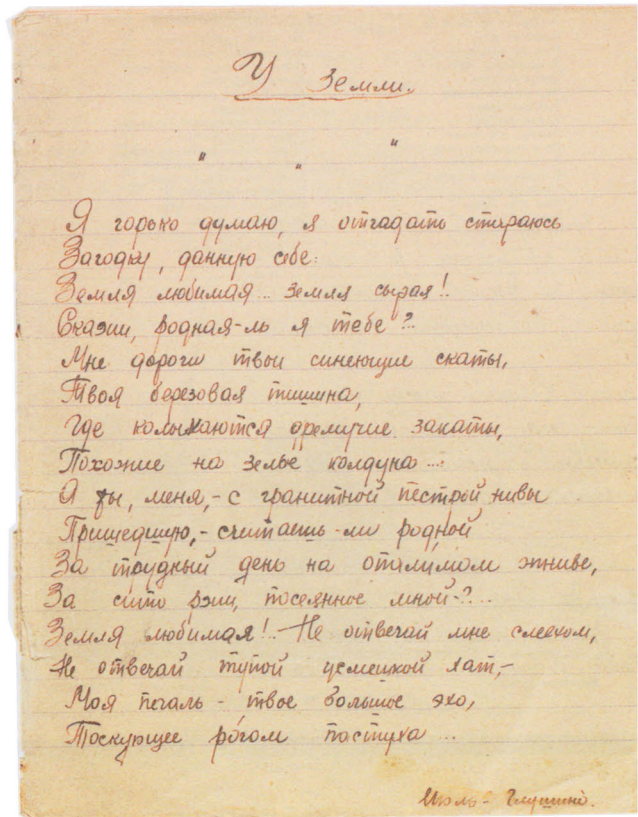
1 мая 1925

**О. Ф. Берггольц.
«У земли».**
Стихотворение

Июль — август 1927

Автограф в тетради

СТРАНИЧКА СТИХОВ

УХАРЬ-КУПЕЦ

Борису Корнилову

Русые косы
Тесьмой затяну,
Выйду за хутор—
На север взгляну.
Что там взыграло,
Поле пляя?
Косские гривы
Смутней кивыля.
Грянула гармоника
С новых крылец:
„Ехал на ярмонку
Ухарь-купец!“...
Едет купец,
Распознаен купец,
Цветной семавар с ним,
Дубовый ларец.
Кони-то бесятся,
Для колеса,
Думую месяцем
Канут за леса...
— Ой, не за мной ли
Сидит да угар,
Мне ли судья —
В переборах дуга?...
Песня заклатом
Над рекой встает,
Красные девки
Плетут хоровод.
Плынут, что венки
По купальской реке,
Я купчик с вином,
С червонцем в руке.
Самая русая
Вышла за круг,
Ярятся бусы
На шеях подруг...

О. Берггольц

ПРОЩАНИЕ

Но жала рот упрямо я,
Замкнула все слова...
Полынь, полынь, трава моя,
Цвела моя трава...
Все не могли проститься мы,
Все утанил мы...
Ты взял платок мой ситцевый,
Сорвал кусок каймы...
Зачем платок мне фюрванный,
Что сделал ты с каймой?
Зачем мне сердце торное
От поступи земной.
Зачем мне мыльные слова
От немилых, чужих.
Полынь, полынь, моя трава
На всех путях лежит...

ОЛЬГИ БЕРГГОЛЬЦ

МАТЕРИ

Матери гадали,
Из окошка плясая
На гульбу, на ярмонку,
На радугу подков:
— Что нам, горьким бабам?..
Простыня да пяльцы,
Сын до восемнадцати годков...
Я потом и сыновья остават,
Только свистнет легкий соловей...
Что нам, бабам,
Слушать, как отавой
Прорастают тропки сыновей...
Матери тужили, сидя за нуделью, —
Где ты сила-молодость,
Приворот—краса.
Ешские истомы,—вишневые метели,
Вились, вились тонкие нить да голоса...
Оттого, что мы,
Девички удалые,
Не грустя, не плача, выберем мужей,
Что не знаем плетки,
Темной кабалы иж,—
Оттого тоскливые лица матерей...
Ми одна из нас
Не привыкает жаловаться,
Ии один не слушает материнских слов,—
Что и нынче бабам—простыня да пяльцы
Сын до восемнадцати годков...
—

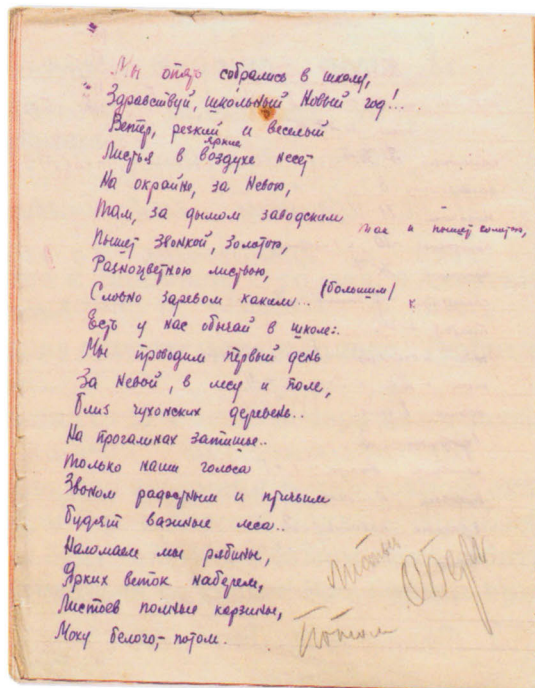
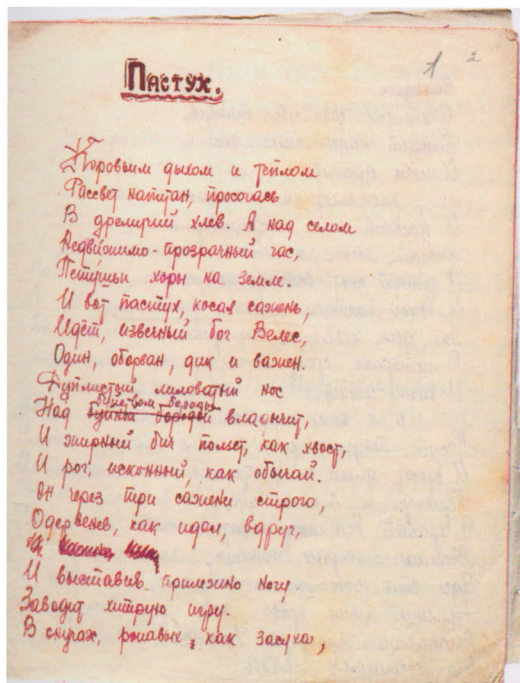
ОЗЕРНЫЙ КРАЙ

Тлеет ночь у купырей,
Озерная,
Теплая...
Ты не бойся, не жалей,
Ежели ты около...
Не жалей,
Не грустя,
Положи, хороший мой,
Чтобы скрипнули в локтях
Рученьки заброшенные...
Только звезды по озарам
Вымечут
Икру свою,
Рыбаны пойдут дозором,
По осоке хрустнув.
Будут греться у огня
Дымного, кострового...
Будут рыбу догонять
Темною остроугою...
Бьется рыба о бока
Лодки,
Ладно слаженной,
Горяча твоя рука,
От тумана
Влажная...
Только звезды по озерам
Ползают в осенье,
Да росы трясуся зерна
На осинах сонных...
Только белая слеза
Накипает
На глазах..

Молодые рыбаки

Фото-этюэ Штерцера

С. XXX

Вырезка из журнала
 «Юный пролетарий»
 с публикацией стихотворений
 О. Ф. Берггольц «Прощанье»,
 «Озерный край», «Матери»,
 «Ухарь-купец»

1928. № 13

О. Ф. Берггольц.
 «Пастух», «Мы опять
 собрались в школу».
 Стихотворения

1928

Автограф в тетради

Я буду петь, —
 — мне будет трудно, —
 Я пишу старую строку:
 " Ох, подстрели, мой друг, куркушку,
 " Птичку залетную мою"...
 И не пройдет мой тревога,
 Пока не поступим ко мне,
 Пока не вступим у порога,
 Как полагается мне...

4/III - 28.

III. Письмо

.. Все вваримо, что письмо
 Придет. Ступившийся под ветер
 Идух на тихое око
 И там раскинувшийся становой,
 И птицы, сившие мне
 До первых перушанных притчей,
 И три ромашки, что в поддеи
 Я с наговором оуцита...
 Но письма не приходят
 Со сжаны в поселок дальний,
 И мне не подавал письма,
 Пропавшего на дороге кочий..

10/III - 28.
 Сабитко.

О. Ф. Берггольц.
 «Я буду петь...»
 Стихотворение

1928

Автограф в тетради

13-го октября.

Полгода, ровно полгода с первого, самого первого поцелуя.

Ну, и пусть на меня опрокинутся
Грязно-мутные волны тоски...
Не пойдет же душа имянинница
В придорожные кабаки...
Не пойдет! Ничего! Не пойдет!..

Гр лез с поцелуями тогда к Торцовой, 21-го мая, в Александровском саду... Как он мерзок мне!

В. Осипова — вот та, которая ревнует меня к Тольке... Гнусные!
Написала письмо Тольке...

Сколько чувств терзало меня от 10 ч<асов> вечера до 3 ч<асов> ночи, т. е. до сейчас.

Когда Юлька сказала мне про это, меня точно говном окатили! Так все и всё мерзко стало, и Гр, и Коссов! Подлые, гнусные!.. Потом подумала, в чем дело? И я буду так! Что, в самом деле, губить молодость — буду крутить и целоваться со всеми! Вот, Борька придет — с ним!

Эге! 10/1-27.

Потом сделалось устало, снова мерзко, тоскливо, просто и темно... Омерзение сменилось презрением...

А теперь — радостью замирает сердце, радостью и гордостью:

Ну, и пусть на меня опрокинутся
Грязно-мутные волны тоски!
Не пойдет душа имянинница
В придорожные кабаки!..

Не пойдет, ничего, не пойдет... И мне радостно и гордо: долой сомнение! Да здравствуют юность, радость, поцелуй! Но поцелуй — любовные, но любовь цельная и настоящая...

Генка! Сволочь ты порядочная... Но теперь я стала выше; если буду целовать его, спрошу обо всем...

Он, в темноте, тянулся губами к лицу Торцовой, к такому круглому, глупому лицу... Как ко мне... Искал ее губ... Он насмешливо отнесся ко мне.

Нет, не люблю его!..
Какая он дрянь!
Почему?
Дрянь.
Дрянь.
Ничего! Не пойдет душа имянинница
В придорожные кабаки.
И я — побежу.

14-го. Октябрь.

Среда за средой,
Вторник за вторником,
— Недели идут,
Как [случайные] идут прохожие.
Я думала — дни не бывают повторные,
Все они — непохожие..
У каждого дня свое лицо,
И шаги, и голос, и мерцание глаз.
Один мне новую песню споет,
Другой расскажет новый рассказ.
И семнадцать лет, и семнадцать лет
Среда за средой, вторник за вторником
И я узнала, есть на земле
Дни похожие, дни повторные..
Они приходят, я их узнаю
По шагам, по голосу, по мерцанию глаз..
Одни [мне] знакомую песню споют,
Другие скажут [расск<ажут>] знакомый рассказ..
Но эти дни..
— Я не знаю их!
Ни голоса их, ни походки, ни лиц:
Уныл и бледен веселый стих,
Прищур тоски в чашах ресниц..
И в семнадцать лет,
И в семнадцать лет.
[Они говорят мне так]

Это первые дни [такие] *так* не ласковы,
 Говорят, что нужно всему на земле
 Верить с большой опаской...
 Что не нужно [жалеть] *беречь* ни рук, ни губ,
 Что нужно быть горделивей всех.
 И голос их незнаком и груб,
 И странный у них, [незнакомый] *невеселый* смех...
 Уходите!
 Вы, верно, не в ту дверь [ошиблись дверью],
 Вы, наверно, не к той хотели залезть.
 Я хочу
 Всему на земле
 Поверить
 В семнадцать лет!
 Да!

18-го октября. Понедельник.

«Объяснение» произошло; оказывается, Анатолий ошибся в своем заключении о Горе... Теперь Гор все знает; знает, что я его люблю. А его отношение ко мне стало еще хуже; он как-то избегает меня... А вчера я глядела на него и увидела: он похудел как-то... сидел наклонившись, и плечи у него широкие, крепкие... А на лицо похудел и стал какой-то милый, «болезный»... Мне хотелось охватить его за плечи, погладить по похудевшим щекам... Генушка ты мой, хороший, «болезный»...

И хоть я сказала, что это меня не волнует, что какая-то гнусная девка положила ему на плечо руку, но я врала... Злоба поднялась... меня что-то охватило тоскливое, тяжелое...

Приехал Борька. Скучный, как ночь...

21-го четверг. Октябрь.

Что же мне делать? Ведь вчера Боря в редакции «Юного пролетария» целовал меня?!.. Как это было странно, дико и ... *хорошо*... Конечно, если б я захотела, этого могло и не быть... Они были [совсем] у меня, Т<оля> К<оссов> и Б<орис> К<орнилов>. «Мы люди слабые, незащитные, кофий пили без всякого удовольствия»... Потом поехали. Я तोпила в редакцию со статьей... (кстати, напрасно...). Когда еха-

ли, говорили о моих отношениях с Генкой... Говорили остроумными символами, как привыкли уже... Но Борису это стало ясным... Потом трепались о том, что Б<орис> будет моим учителем по поцелуям... Но я совсем-совсем ничего не думала... Потом я была одна в редакции «Юн<ого> прол<етария>». Пришел Борька, мы стали вдвоем говорить, и все... Тут у меня замелькали «мысли»... Но я все еще ничего не думала. (?) А когда он меня поцеловал... (сначала в голову, потом в самые губы), я шлепнула его, и сердце у меня опустилось: как же я посмотрю в глаза Генке... Но я не ушла... Я думала, больше ничего не будет. Но он еще целовал меня... И я не уходила...

Почему? Какая я гнусная сволочь!..*)

** Нет, не-ет, я молодец! 3/1-27.*

А когда Б<орис> целовал меня, какой он был странный, милый... даже жалкий... Он покраснел, у него слезы выступили, он глядел на меня так нежно... Нет, всего не напишешь. Сейчас это кажется сном... Даже ясно всего не восстановить в памяти.

Борис говорит, что он — любит меня.

М<ежду> п<рочим>, целует он, кажется, хорошо... я уже не помню... но его поцелуи не сравнятся с Генкиными! (Так жадно и страстно, по-моему, никто не целовал...). Когда вечером мы ехали от Тольки, он говорил мне обо всем... О своих увлечениях, о себе... («и тихо-тихо говорю о себе»... его письмо). Говорил, что уважает меня, и ведь раньше же не позволял себе ничего такого, хотя мы часто были одни... Говорил, что писал к В<аре> Некрасовой, не ощущая ни малейшей любви... Он говорил: «простишь ли ты мне всех тех, которых целовал, и В<арю> Н<екрасову>»... Конечно, потому что не люблю Бориса. Я не люблю его и не верю ему; ведь скольким девчонкам до меня говорил он это? Не верю, не верю... Не верю еще потому, что люблю Генку.

Господи... Какая сволочь наш отец! Пришел сейчас пьяный и издевается, как только может... То стихотворение читай ему три раза, то лег на постель и не хочет слезать... Говорит, что я вошь, гнида, сажу на его шее... Я не виновата, милый батюшка, в своем рождении... Я не просила вас производить меня на свет... Это во-первых... А во-вторых, вы говорите, что я паразит... А позвольте спросить вас, сколько вы зарабатывали в 16 лет?.. А не вас ли содержал отец

до 40 лет?.. Конечно, пьяный... Но пьяный он искреннее, чем трезвый... Презираю отца, не уважаю... И любви нет сейчас ни капли...
Дрянной человек... Ненавижу!

23-го <октября>. Суббота.

Вчера целовала Борьку и сказала ему, что люблю его... Но это ложь... Гора я не люблю. Ведь Толька скрыл от меня тогда, что Гор сказал ему, что по отношению меня он ничего не чувствует... Когда Толя сказал мне это, мне стало легко-легко! Все ясно! Мне не жаль, не больно, ничего... «Не жалею, не зову, не плачу,

Все прошло, как с белых яблонь дым...»

Генка, ты еще расскаешься...

Я не скоро, не скоро вернусь,
Долго петь и звенеть пурге...

Не ходить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа...

Господи, как хорош Есенин... Я недавно на лекции читала его, и меня бросало то в жар, то в холод...

Я не скоро, не скоро вернусь,
Долго петь и звенеть пурге...

За окном пурга... Снег.. Холодно...

Борька говорит, что наймет комнату, и мы будем встречать с ним новоселье... вдвоем... Ээ!.. все равно! Все равно.

Я не скоро, не скоро вернусь,
Долго петь и звенеть пурге...

Запуститесь... пушистой порошей,
Белый снегом завейтесь, тропы...
Не бродить мне в лядине поросшей
И не слушать червонный ропот...

Много-много я песен о милом
 Разбросала по тропкам безвестным...
 Только, видно, я зря полюбила,
 Зря рассыпала лучшие песни...
 Не слышал он тех песен хороших,...
 Не бродил он со мной по лядинам...
 Так завейтесь холодной порошей,
 Сгиньте, вы, дорогие тропины...

Сегодня наша Литгруппа выступает где-то, я буду читать это...
 В редакции «Лен<инских> Иск<р>» я становлюсь нужным человеком...
 Завствую театральн<ым> отдел<ом>. Завтра поеду во всякие ТЮЗ'ы, по по-
 воду написания статьи... В этом № стихотворение идет, в том, в сл<едую-
 щем> 2 статьи... получу деньги, снимусь, пойду в Филар<монию>.

Я хочу музыки, много музыки...

Я хочу, чтоб меня полюбил Толя... (!?) 3/1-27

Так завейтесь холодной порошей,
 Сгиньте, вы, дорогие тропины...

А вчера еще мне хотелось, чтоб Гор:

Зацелую допьяна, изомну, как цвет...

Э!

24-го октября.

Вчерашнего дня я никогда не забуду... Хорошо было! Я была у [имен]
 Тольки. Лекций не было, и к 6 часам я была уже у него... В его ма-
 ленькой комнате было жарко, был самовар на столе; а когда я шла
 к Анатолию, был серый, теплый вечер, было много снега, и воздух
 был какой-то пьянящий, свежий... Потому, наверно, я пришла к Ана-
 толию в странном, возбужденном состоянии: хохотала, смешила
 его, сказала ему, что влюблена в него... Он удивлялся и радовался
 на меня и, конечно, недоумевал, а мои признания относил к трепот-
 не... Но это неверно: я сильно любила, была влюблена в Тольку вчера,
 и мне хотелось, чтоб он зацеловал, заласкал меня... Частые и близкие
 полуслучайные прикосновения как-то по-новому волновали меня...

Потом пошли в домпросвет... Вечер сгустился и посинел, снег, напоенный синью и светом фонарей, волновал и звал... В домпросвете наших ребят не было... Мы вышли, и Толька сказал: «пойдем обратно домой...» Но мне не хотелось идти в душную комнату... Поэтому мы пошатались по дорожкам меж деревьев перед домпросветом. Дорожки были каткие, снег пушистый. Мы стали играть в снежки... Уж! Какое-то буйство охватило меня: я бросалась снегом с каким-то упоением... Потом, когда Толька лез через щелку ворот, я швырнула ему в лицо снегом, и мы опять швырялись снегом; я удирала от него, ежеминутно рискуя упасть, он догонял меня, и мы смеялись, смеялись... Когда он поймал меня и сжал в объятьях и я увидела близко-близко его лицо, разгоревшееся, мокрое, мне подумалось, что сейчас он станет целовать меня... Но Толька оказался порядочным, порядочнее меня, и, несмотря на страшную близость, нечего этого было опасаться... В домпросвете мы так и не выступали...

...А когда я приехала за заставу, то отовсюду лился смех, звонкий, задорный, кидались снегом, катались на салазках...

И так много смеху и радости было в этот вечер, что не скучала ни о Генке, ни о ком... Хотелось чего-то веселого, искристого, легкого, как снег.. И хорошо еще было оттого, что днем долго любовалась на ткани, выставленные за витриной Шелкотреста, и решила во что бы то ни стало купить голубой газовый шарф весной... Я приду в этом шарфе в Литгруппу, и опять пойдем мы с Генкой по Ленинграду, по Неве, и будет струиться в небо золотой шпиль Адмиралтейства... Так будет, я знаю, я знаю!..

Гм! Ха-ха! 19/1-27.

25-го октября.

Вчера встретила Б<ориса> К<орнилова> на Невском. Шел на Литгруппу..., а я из «Пикадилы». Я рассказала ему о встрече с Толькой... Он разыграл «сцену ревности»... Это было преинтересно, превесело... От Юльки вечером я узнала, что в субботу вечером в Ин<ститу>т заходили Борис и Гор. Конечно, за мной, хотя Борис и зафыркал, когда Ю<лька> сказала, что «Ольга уже ушла»... В воск<ресенье> на Литгруппе Борис стащил у Торцовой мое стихотв<орение> «Мне нужно собрать всю волю» и унес к себе — переписать... Ай, как мило... Ведь стихотворение посвящено «А<натолию> К<оссову>» — Тольке... Я по-

слала ему письмо... О-ой, хор-рошее письмо. Во-первых, там все — правда, но можно истолковать его в две стороны, и обе они оправдаются... Интересно, как почувствует себя Боря после него... Если любит, то ему станет и больно, и радостно...

...Завтра увижу Борьку, ой, Тольку, все расскажу... Мы с ним поступимся в «Звезду»... Эх, каб мое взяли, хоть одно... Вот бы дивно было... В Институте я замечена. Принята в ассоциацию; в четверг — выступаю... Н-да... что-то будет... К сл<едующему> № «Лен<инских> Искр» надо 3 статьи... Ой! Это опупеть... Зато денег получу... Снимусь. Свитер. Музыка, музыка... И к Глодному завтра пойду...

28 октября, четверг

Борька любит меня. По-настоящему! [В среду когда] Во вторник была в «Звезде». В понед<ельник> — за ответом. Видела всех. Потом пошли с Ан<атолием> Кос<совым> в «Смену». Оттуда шла с Борисом. Уж он скулил, скулил, так и брызгал ядовитой слюной... Поздравлял с взаимностью (это к Ан<атолию> Кос<сову>), говорил, что был глуп... Вообще, шипел, как змей. Проводил до Мойки, и он отправился домой, за моим письмом, тогда он еще не получил его.

А вечером мы ездили выступать на Ильичевскую фабрику. И он успел сказать мне, что он на меня «не сердится», что расцелует меня и т. д. Выступили. Было довольно гнусно. А Борька вел себя прямо — дико. Уж когда перед выступлением я пришла в Дом Печати, ребята трепались с моим тем стихом, что утащил Борис. Потом Бор<ис>, Останин <?> и Авраменко устраивали какие-то заговоры, хотали, шептались, конечно, насчет нас с Толей... После выступления пошли на «Перевал». До ул<ицы> Глинки шли с ним под руку. Он пожимал мне руку, болтал глупости... Потом они, нет, все мы расцепились и побежали... Хорошо было бежать по синей улице! Но я и Толька отстали, пришли на «Перевал» немного позднее; а я и Борька уговаривались пойти вместе. Но было уже поздно... Я вышла из комнаты № 4, думала, Борис видит меня. Я стала ждать его... Я была страх какая интересная в тот вечер. А губы так и алели...

Да, на «Перевале» был Гр, лебезил перед двумя какими-то дурами. Право, я была в несколько раз интереснее их...

Но вместо Бориса вышел Ан<атолий> Кос<сов>. И мы пошли с ним... Я сказала, что тогда не трепалась. И все.

А вчера Борька сказал, что мы будем только приятелями, и благословлял нас. И дал письмо. Вот оно. Да, я первый раз почувствовала себя настоящей [любовью] женщиной. Из письма Борьки хлынула на меня горячая мужская сила; пусть это ложь, но я верю ей. Верю Борису... Да, он меня любит, так, как я мечтала — меня будет любить Генка... Как это нравится мне: «я один, один и никто»... Если я еще не люблю Борьку, то уже к Генке — не вернусь... Он хороший, но слабый, не сильный и ограниченный.

А тут еще, кажется, Ан<атолий> влюбился! Ну, как ему рассказать про все и про то, что я уже не полюблю его?...

Сегодня, может быть, он придет к нам в И<нститу>т с Генкой и Ан<атолием> Кос<совым> тоже. Я послала ему письмо. Он должен поверить...

Мой Борька!..

29-го <октября>. Пятница.

Я не запоминаю чисел тех дней, когда Борька целует меня... Сегодня тоже... Я не знаю, люблю ли я его? Но целую.

Завтра пойду на «Ледоход». Последний-последний раз.

Ну, Генка! Если завтрашний день пропустишь, то все конечно... Генка... Генка...

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад...

Снежные вечера — хорошие, мягкие. Борис целует хуже, чем Генка... Эх! Генка — целовал!

М<ожет> б<ыть>, буду секретарем редакции «Лен<инских> искр».

Невеселого счастья залог
Сумасшедшее сердце поэта!¹

Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо... (?)

¹ Двустопише выделено рукой О. Ф. Берггольц лигатурой.

Сад колышет, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дрожал
От щемящего слова «милый»...

Пейте, пойте в юности,
Бейте в жизнь без промаха...
Все равно любимая отцветет черемухой...

Я опять и живу, и надеюсь
На любовь, которой уж нет...

Да. Надеюсь. Что было бы, если б у человека была отнята возможность мечтать!

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад...
Мой любимый, ненаглядный мой,
Эти строки долго прозвенят:
Ты вернешься ли ко мне весной...
Будешь ли ты целовать меня?..

30/X.

Была. Ничего не [видел<a>] было. Видела и говорила Валю Бычкову...
Милая она... Эх...

1 ноября. 1926 г. Понед<ельник>.

Блажен, кто не допил до дна
И не дослушал глас свирели... (?)¹
Пушкин>

Я захворала. Охрипла... Кашляю. Наверно, простудилась, когда стояла над Мойкой с Борисом или шла с В<алей> Б<ычковой> с «Ледохода»...

¹ Двустипшие выделено рукой О. Ф. Берггольц лигатурой.

Какой я сон видела... Будто я гуляла с Борькой, был закат, а уж звезды встали на небе, и были поляны зелены, было море перед полянами... Потом в каких-то улицах шли. Где-то целовались, но нам все мешали. Были и Генка, и Муська — мы ушли от них... Пришли в какую-то комнату, чтоб нацеловаться на свободе. Там на кроватях спали какие-то дамы и мужчина. Мы сели к столику и стали говорить, ожидая, когда уснет дамочка, чтобы целоваться. Вдруг с криком вбегают Муська и Генка, чтобы напугать нас, и Генка падает на кровать. Спящие перепуганы. Я бросаюсь к Геннадию, который лежит, как мертвый — бледный, с закрытыми глазами... Я обозлена на их нелепую шутку. «Гор, вставай, уходи», — говорю я. Он лежит... «Генка? Что с тобой? Уходи прочь!» Он лежит тихий, бледный. Я наклоняюсь к нему, глажу его по волосам, [по голове] по лицу: «Генушка! Генушка, милый! Ну, что ты, что ты? Генушка?..» Я наклоняюсь все ниже, ближе к его губам, и вот, прикасаюсь своими, и он приподнимается, он прижимает мою голову, и мы целуемся так дико, так горячо, как только можно представить. Долго-долго целовались мы, долго-долго не отрывали друг от друга губ... А я знала, что взади стоит Борис.

Вчера ушла с Литгруппы к Толе. Говорили долго, нелепо... Но я поняла, что хочет спросить Анатолий: «Ты любишь меня?», «Зачем же я путаюсь с Борисом?». Да.

А почему я знаю? Борис любит меня так, как я этого хотела. А я? Вот, попробую разобраться.

Когда я любила Гора, то и Борис и все на свете были мне глубоко безразличны. А теперь — я думаю о Горе, об Анатолии... Я вчера, когда мы шли с Ан<атолием> по темной лестнице от него, когда блуждали в темном здании — искали сторожа, страстно хотела, чтоб Анатолий стал целовать меня! Я знаю, он думал об этом, и его рука дрожала; но он слишком порядочен... А тогда мне этого не хотелось! Я ждала Гора и встречи с ним — со страстью... А теперь... если я не увижу его много-много, то не очень соскучаюсь. И поцелуи его уже не так волнуют меня... Значит, не люблю! Но почему, почему? Ведь Борька именно такой, который <Далее обрыв текста.>

10-го <ноября>. Среда.

3-го ноября был «Перевал». А 31/Х в воскрес<енье> я ушла с Литгруппы, без Бориса. 2-го получила от него письмо, нехорошее, тяжелое...

А 3-его шли с «Перевала»... Борька как-то схватил меня всю, сказал, нежно и горячо: «Лелёк!»...

А потом, когда прощались, перегнул и поцеловал... Эх! Крепко...

11-го <ноября>. Четверг.

Из блокнота, записала на лекции.

Никогда не забуду:

— медный всадник, как силуэт в черно-сером небе, — небе, вздрагивающем белым отблеском.

За голыми деревьями Александровского сада — мрачная тень Исаакия...

...и огни, сколько холодных огней над Невой...

...и руки Бориса, жестокие руки его...

Не жалею о боли!

А Петр I скакал в синь и не мог ускакать, и тяжело висела бронзовая рука его в воздухе... И по небу, в Неву рушились зелено-белые, голубые полотнища электрических зарниц...

Допьяна...

как цвет...

... было... так...

В Институт пришел Борис, сегодня. А вчера расстались холодно, было гнусно, я была скучная. Борька сказал: «проводи»... Я пошла, мы шли, были холодные и колкие... А потом пришли и сели на ограду памятника Петра I... И вот... я уже вписала там, выше, из блокнота, что было...

Почему мне не стыдно? Господи, почему я не зареюсь в подушку от стыда? Как он целует, Борис? Он точно пьет что-то из губ моих... Он так мял, схватывал и ласкал мне грудь... как зверь. И мне не было стыдно, и я не держала его за руки... Он впилился мне в рот, и я закрыла глаза и точно перестала существовать... О... мне было больно... А потом оторвалась и точно пьяная стала. А второй раз держала его руки, но он сильный, он сбросил их, и снова его рука была на моей груди, жестокая, страшная рука...

Брр... Нет, хорошо...

Я боюсь Борьки. Я не пойду к нему на квартиру. Я... не хочу еще... ничего... Страшно!

Я в Институте «гремлю»... Была в Ассоциации. Читала. Хвалили. Отметили, что чужого в моих стихах — мало, больше своего.

Идут обо мне разговоры...

Хочу в «Кр<асную> панораму» податься. Авось поместят.. С понедельника начну регулярно и усидчиво заниматься... Пойду в коллектив при типографии им<ени> В. Алексеева.

15-го. Понедельник. Ноябрь.

Ноябрьский май

I

Стал ноябрь, как шалый май,
В небе стоял свинцовый сплав...
...Этот май я сама, сама
В замирающий сквер привела...
Май глядит из-за скрюченных лип,
Той же радостью губы ласкает..
...А под ноги листья легли,
Что росли в настоящем мае...

II

Да, ноябрь совсем, как май,
— И напрасно с ухваткой лисьей
Подползает осенняя тьма
По совсем омертвелым листьям... —
— Май мой милый, ноябрьский май
Не пугает сырая мгла:
Ведь его я сама-сама
В замирающий сквер привела...

Вчера, у Зимнего, недалеко от того места, где весной я стояла с Генкой, на лавочке, сырой, под хлипанье «ненужного дождя!», Борис, весь содрогавшийся от страсти, сжав и целуя меня, шептал: «Моя?.. Моя?.. Хочешь быть моей? Только моей, а я — только твоим?..»

И я сказала: «да, хочу»... А он, впившись мне в губы, рукой так терзал грудь, что я кричала и выбивалась, но он был совсем как зверь...

...Какое это наслаждение, прижавшись к его щеке, сидеть тихо и тесно и чувствовать, как он дрожит и трепещет... А потом, особенно сильно затрепетав, тихо воскликнет: «ой...» и, обняв, зашепчет: «хочешь быть моей?», и на теле его рука, ищущая, стыдная, сладкая рука...

...А потом шли, и он говорил: «Я хочу тебя... понимаешь, Лёка, только тебя, одну тебя... Я хочу тебя... Скажи, ты будешь моей?» Я сказала: «да». «Когда же?»... Но — когда — я не сказала...

...Он был пьян вчера... Немного.

«Это» будет нескоро, нескоро...

А еще он говорил: «Если не скоро, то я превращусь в Колю Гладышева»... И еще: «ты через 8 месяцев можешь потерять меня»... (Скажите, какая большая потеря!!)

Нет, Борис! Если ты меня любишь, то будешь ждать и год, и 2... Вот это и будет лучшее доказательство твоей любви... А отдать тебе по первой прихоти, — э, брат, шалишь!.. Чтоб на другой день ты бросил меня? Полюби меня, мою душу, а потом я отдам тебе тело...

Он говорил вчера: «Ах, как бы я взял тебя!» И еще: «честное слово, если ты будешь дразнить меня — я возьму тебя...»

Да, мне хочется отдаться... Но мне только 16 лет! А дом? Хотя, не это главное...

Мы девушку любим и нежим,
А станет жена или мать,
Мы станем все реже и реже
Любимой ее называть...

Вот что главное...

А вчера только — хмель. О! Нет!..

А в воскресенье — нет, не поеду. Я хочу его не видеть долго-долго, но я тоскую о нем...

А потом этих порывов не будет, потускнеют они... А если — ребенок? И вообще — брр... брр...

Я хочу ребенка... Очень! Но сейчас? Что за смысл губить жизнь? Чем губить!

Но я знаю: я буду принадлежать Борьке...

16-го ноября.

Сейчас ярко всплыла тоска о весне, о Генке... Зачем?..

А тополи так тихи,
Что любо на них смотреть...

Скорей бы весна...

Я совсем становлюсь мещанкой: вот, в пятницу пойду в кол-
лектив Васи Алекс<еева>.

Буду работать. Читать.

А сейчас — спать... голова болит.

Видала во сне, будто целовала Генку...

22-го ноября.

Нет, вчера был не хмель, и 17-го тоже...

У, как хорошо было смотреть на его искажившееся страшное
лицо, когда держал меня за талию и смотрел в лицо... Я держала его
руки, потому что он хотел положить их туда, куда не надо. Я удержи-
вала их. А он — мучился.

Милый, — рано.

24-го ноября.

В понедельник опять долго шлялись с Борисом. Он — и еще Гор,
и др. были у нас на Ассоциации. Ведь если б я захотела, то Генка
пошел бы провожать меня. Он сказал это. Но я пошла с Корнило-
вым. Над Невой есть полукруглые ниши — в них хорошо. Он опять
зверел.

Он согласился ждать. Два года. Зачем? Только год и 5 ме-
сяцев, когда мне будет 18. Он сказал: «ну, а если что и случится,
то не вини меня очень». Если что случится! Значит, если он не пе-
реборет свои 19 лет и «себя, свое тело, свою первую мальчишескую
страсть» отдаст незнакомой грязной женщине. Боря, это должно
принадлежать мне, мне! Я стою этого. И... если уж не мне, то и не про-
ститутке, а другой девушке, которая будет любить тебя, которую ты
будешь любить. Он был «удивительно благоразумным» в понедель-
ник. Конечно, ему тяжело. Я могла бы стать его; ну, а потом? Аборт —

брр... ребенок — нет?! И он бы бросил меня, а я осталась бы искалеченной, больной — ой, какой ужас, какая мерзость.

Он верно и цинично сказал: «преступление делать из тебя женщину». Верно. Но ему тяжело — ему. Он сказал, что может ждать, но не хочет.

А! Если любит, то будет ждать. Если ему важно не женское мясо, а — Я. Я.

Но вдруг — проститутка... О!

Борька, какое ты мне приносишь страдание!

Умер дядя Георгий. Уже давно. Скоро 40 дней.

У тети Вали с мужем был грандиозный скандал, чуть не разошлись. Как-то мы будем жить с Борисом. Нет, не так.

У нас на дворе от флигеля к дому — антенна. Хорошо. И у нас — мачты. Жерди над трубами, как журавли над колодцами. Странно думать, что в нашей дыре можно слышать Париж и все такое. Скоро у меня будет радиоприемник.

Мама так похудела, извелась. Мне жаль ее до боли, но и зло берет; верно, глупая голова ногам покою не дает. А у нее голова еще вдобавок — любящая, больная. Мамочка! Если б к весне денег заиметь, отправить бы тебя в Крым или на Кавказ...

Отдала в «Красную» панораму» и в «Резец» стихи. В субботу — узнать. Ох, если б взяли!

Друзин взял некоторые стихи в Москву. Борис ревнует к Друзину.

На курсах хорошо. Интересно. Буду работать в культком'е. Нравятся: Рысс; Хмельницкий — приторен.

Да, весной Борис уедет туда. Будет там крутить, целовать Татьяну и... может быть, женится, или... Будет говорить то же, что и мне.

Все прекрасно... все понятно

И проверено.

Не вернуть того обратно,

Что потеряно...

Слушала вчера Дулькевич. Замечательно!

Ну, а если,

Если и сорвется с сердца крик.

— Так ведь это

Только миг!

28-го ноября.

Была на Литгруппе; Борьки не было! Черт возьми! Вчера получила от него письмо — пишет. Во-<первых> — адрес Детск<ое> село, ул. Коммунаров, д. № 36, кв. № 1. И еще, что его сердце расширяется: «Спасай, Лёка!» Гм... от расширения сердца есть — холодные души. В субботу я ему закатила душ, так, полутепленький, потому что дала письмо, написанное «нервами, душой»... Я писала там, чтобы первой у него не была проститутка. Писала и вкладывала душу. Но с «Ледохода» ушла, в Ассоциацию; он хотел прийти. Я ушла из Ин<ститу>та 10 мин. 11-го. Его не было. Сегодня тоже. Я думаю, он хочет добиться того, чтоб я написала ему письмо или приехала бы, чтоб написала ему, что я скучаю, и т. д.

Фиг! Ничего подобного. Я скучала о нем, изнывала. Сегодня злилась. Сейчас... злюсь. Но ни за что! Не напишу, ничего. А потом, когда увижу, закачу душ № 2. Борька, не воображать!...

Говорят:

Ты девчонка шальная,
 Нужно быть серьезней, ровней...
 Только я не стану иная,
 Да, пожалуй, и не сумею.
 Будет время, и крепкие ноги
 Вдруг почуют старушечий суд...
 Разлюблю я бродить по дорогам,
 Разлюблю валяться в снегу.
 Покачнутся веселые зубы,
 Ляжет на щеку зимний закат.
 И на лбу морщину зазубрит
 Неустанная дней рука.
 ...Вот, подите, ищите другую,
 У кого ухватка моя:
 Кто вот так же звонко целует
 И хохочет вот так, как я...
 Так и пусть называют шальной,
 Я ведь прозвище не берегу...
 Я не стану, не стану иной
 Да, пожалуй, и не смогу!

В Ин<ститу>те носятся со мной, как куры с яйцами: талантливая, умная, обаятельная!.. Чудно! Все это не то и не так. Я нехорошая, пошлая, я ненавижу себя за то, что люблю себя за свою ненависть к себе, люблю против своей воли. Обаятельная... гм... Глаза — щелчки, нос — крючком... Гьлосишко дрянь. Фигура — гнусь... Когда хохочу — блин.

Была у Рысса, в пятницу. Вместо союза поэтов. С Борозиной. Ой, какая она хорошая! Прелесть!.. Сказала, что Рысс находит меня обаятельной, талантливой. У Рысса было — хорошо. Он красив... В «Кр<асной> панораме» В. Р. раскудахтался перед моими стихами! Хоть бы принял. Оба. Вот бы дивно было. Хвалят меня, Борозина восхищается. Это не то. Все не то... Я пишу плохо, очень плохо. Ну, кому надо мои стихи. Кому? Солдатам, которые пели сегодня так, что делалось радостно? Если б они пели мою песню! Я хочу написать такие вещи, чтоб все, все их читали и радовались, и плакали бы. В Культкоме, в Клубсекции.

Но как же быть? Завтра в культкоме заседания, а я с Берманом, с Е<лизаветой> Полонской еду... Скучно чего-то... Не люблю Борьки, не люблю. Наплевать на него.

1-го декабря. Среда.

Скучно, скучно...

В понедельник прибежала в Дом Печати, его не было. В мавританской комнате я легла животом на тахту. Было совсем темно, только одна колонка осветилась полосой света, стояла яркая и белая, как девушка. За решетчатыми окнами каркали галки; наверху глухо-раскатно гремел рояль... Я лежала вся в тоске, в ушах, в висках и в груди билась тоска — кровь. Мне казалось, что тахта шатается, и все черно и глухо...

Грудь у меня маленькая, но форма красива.

Послала Борису открытку. Холодную. Гнусный, противный, ненавижу.

Тоска...

5/12 — Воскресенье.

Я сказала Боре в пятницу, что я тосковала, отчаянно, и что теперь все пусто во мне и я не рада ему. Это верно. Я была унылая, холод-

ная, на поцелуи не отвечала. Это был своего рода холодный душ. Он повлиял на него. Что-то будет сегодня?.. Хороший мой! Сегодня... я зацелую тебя!

Сегодняшнюю ночь я ночевала у Рысса! (Скажу Борьке.) Были на вечере самодеятельности — а Тольке обещала идти в оперу, не пошла, он, верно, злится — выступали. Чудно было! Если б знакомые комсомольцы были. Вечер был отчаянный.

Мещанство отчаянное... А еще комсомольцы — рабочие! Гринберг узнал, что я опоздаю на трамвай, сказал Рыссу. Тот пригласил меня. Как-то неловко. Сначала мне было неловко, потом ничего.

Как славно пахла подушка Рысса! Табаком и еще чем-то, возбуждающим, мужским... Я нюхала ее с удовольствием.

extra 168-00 — Рысс¹

Ели печенье перед тем, как лечь спать, говорили. Милые мальчишки! Было не очень удобно спать, пищали пружины в диване. Но Мишке Мейеровичу было еще хуже спать. В креслах, как в люльке. Утром смотрела репродукции Мик<ел>анд<жел>, Леонардо да Винчи.

Вот это да!.. 202-64 — К. Грекова.

А во вторник — еду к Борьке.

Потому что сегодня отец и мать не пустили в Литгруппу, хотя я и врала, что к Ив<ану> Ив<ановичу>. Отец был пьяный и бил меня... Как это унижительно... Гнусный! Я плакала... Очень.

Еду во вторник к Боре. Обязательно.

Не боюсь, он ничего не позволит... Он любит меня, любит... И я его люблю. Я записалась в спорт. На лыжи. И в бассейн запишусь плавать. Обязательно.

Вот он обрадуется, когда я войду к нему в комнату! Затапим печку, сядем, он станет целовать мне плечи...

6 декабря. Понед<ельник>.

Вчера было что-то кошмарное! Отец озверел, все дрались, мать ударила его, а он ее схватил за горло, даже оцарапал. Я бросилась к нему, стала ласкать его, целовать, говорить что-то унижительное... Потом мать кричала в истерике... Ой, лучше не описывать...

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц по верхнему полю.

Настоящая мещанская мелодрама. Позорная, тяжелая, кошмарная.

Отец любит Галочку. Отец пьет морфий.

Мать больна, исхудала.

Нет, это хорошо, что я не погружаюсь в эту семейную лужу, что вчерашнее скользит с моей души, что я думаю о завтрашнем дне, о Боре, о воскресенье, о стихах и музыке... Все это ужасно, конечно, но вот сейчас как-то не ужасает меня. Я простудилась, охрипла. Лишь бы не расхвораться.

Какая я эгоистка. Хорошо это или плохо? Голова болит.

Завтра к Боре... К моему Боре. А он, верно, рассердился на меня. Злится, страдает. Юлька боится за меня. Дура. Ничего не будет, я всегда сумею удержать его.

А вдруг я приеду, а его не будет дома!? Вот сволочно-то будет!

В четверг — концерт нашего Института. Неужели ночевать не отпустят?

Влюблена в Аллу Борозину.

Прелесть.

10-го <декабря>. Пятница.

Ну так и вышло! Бориса не было... А Мишка Глухов, его товарищ, зацеловал меня... Я ничего не могла поделать с ним! Он просил меня, чтоб я его поцеловала, но я ни за что...

Господи, как мерзко! Мне сейчас ужасно мерзко. Сказать Борьке? Ой, не знаю.

Я вспоминаю о весне, о Генке. Хорошо было... Хорошо... Какая я стала мерзкая.

Сегодня, может быть, увижу Борю. Завтра на «Ледоход» пойду... Не пишу ничего.

А какая роскошь — стихи Гумилева!

Далеко-далеко на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ой! Хочу на озеро Чад.

Когда мы сказали — довольно?
 Давно ли, и что это значит?
 Но странно, что сердцу не больно,
 Что сердце не плачет.

Это про нас с Генкой.

Да! Когда мы сказали — довольно?

А ведь он не любил меня. Целовал просто так, как Глухов, по «инстинкту». Брр... как это унизительно. А я любила его. И меня берет ужас.

Плешь! Не люблю Гбра! Ничуть. 3/1-27 г

13-го <декабря>. [Вторник] Понедельник.

А вчера было 12 декабря, воскресенье... Борька сказал, что он не любит меня... А перед этим — целовал, на скамейке, в каком-то саду, — у Фонтанки, а сколько было чудных белых звезд в небе... Он говорил, что когда я приеду 20-го, — он забудет все условия. Я сказала: «не надо»... Он сразу перестал целовать, как-то скис... Потом когда шли, то он говорил, что в нем все пусто, что он никого не любит, что в нем все пусто... И много, и долго, и тяжело...

Ох, тошно мне...

Ох, тошенько мое лихо...

Борька!? И ты — сволочь?.. И ты?

Мы будем друзьями, товарищами...

Мы только знакомы... Как странно...

Тошно мне... тяжело, тяжело?..

Неужто я не могу настоящей любви в человеке возбудить?!..

А все-таки 20 <-го> еду к нему...

Послала письмо... писала и душу вкладывала. Но если в понедельник он захочет поцеловать меня или что, — скажу: «товарищ, дорогой, что с тобой?»...

Теперь долго-долго никого любить не буду...

И я без хорошей тревоги,

Без чьих-то напористых строф

Пройду по хрустящей дороге

Среди красноватых костров!..
 Без него, Без Борьки... моего...

Кажется, Тювелев влюбился... да что мне все Тювелевы вместе?! В альманахе 100 строк дали... Весной получу деньги... Эх, махнуть бы куда! Хоть к чорту на рога...

15-го <декабря>.

Чорт с ним, с Борькой. Хоть бы и захотел вернуть старое — нет, не вернет. Не хочу я такой любви. И сама я любить буду как-то худо.

Хе! Куцая любовь. Правильно. Тяжело...

А вчера, когда были на пленуме ЛАПП'а — сказал, что ему со мной поговорить надо. Ну! Пускай говорит. Я подготовилась ко всякому разговору. И сумею дать достойный отпор... Нет, не вернусь ни в каком случае. А если скажет, что пошутил, скажу: «так не шутят»...

Вот если б так любил, как Горький в «Первой любви»! Это — любовь!

Ой, как читать хочу. Но как-то отвыкла читать. А как читать много надо. А тут еще уроки навязались... Вот хрен.

Хоть заплатили бы. Как хочется пожить лучше! В субботу иду в «Кр<асную> панораму».

21 — на «Конец Криворыльска».

20 — к Борису.

Да, в Л.А.П.П.'е нелады.

Задумала поэму — 14000. О 14000 поэтов, о себе, о селькорах и рабкорах-поэтах, о моем будущем, о том, что надо делать со стихами и к чему они годятся...

Большая поэма! Большая работа...

Почему-то уверена, что Борис любит (?).

А Гор в своих роговых очках — безобразен...

А она затоскует, закрутит,

Переменит названья.

Разбазарит улыбки и груди,

И старухой завянет...

21-го <декабря>.

Вторник. 20-го, вчера, была у Борьки. Как я люблю его. Как он меня любит. Как хорошо жить... Ему трудно вчера было, я знаю. Мы были одни на квартире, и я лежала на диване, а он около меня — тесно-тесно. Его рука была под моей головой, другая его милая рука ласкала мне грудь, волосы, лицо... И, правда, мне все-таки приходилось бороться и отстранивать его... Господи, как мне жалко его. Правда, можно отдаться, жалея человека, из жалости. «Как ты меня мучаешь», — сказал он, когда я качала его голову у себя на груди, перед печкой. Он вынул мою грудь, гладил ее и говорил: «какая у тебя маленькая грудь», и целовал ее... Целовал грудь, шею, плечи, руки, глаза.

Говорил: «Я тебя никому не отдам, никому. Ведь ты моя, только моя... Не оставляй меня». Мы говорили о нашей будущей жизни; эти три года мы будем жить только для себя... А потом — пусть будут дети...

И мне не было стыдно. Т. е. было стыдно, но хорошо.

Борюшка, родной мой... Почему ты ждать не можешь? Я боюсь, отдаться тебе! Ну, если не будет ребенка, но я уже не буду... девушкой...

Ой, страшно...

Но люблю его... люблю...

23-го <декабря>. Четверг

Вот чертовщина-то, вот херовина! Потеряла письмо к Тольке, где писала ему о своей поездке к Борьке. А мать и отец прочитали. Конечно, сцена. Конечно — «никуда пускать не буду». Фиг! Эх, ложь, так ложь! Гнусно? Хрен с ним!

Коли держат, как в тюрьме, пусть не пеняют. И я лгу, лгу и буду лгать. Почему сразу не могу? Да как же, совсем житья не станет...

Уйду от них скоро. Маму жаль очень. Борька говорил — подыщет две комнаты. Я буду шить учиться... Но ведь Боря мой любит, любит, меня... И мне ничего не страшно. Эх, если б предки в эту тетрадку заглянули! Была бы баталия. Драма. Трагедия. Фарс. Нет, хочу свободы. Зарабатывать надо. Конечно, им тоже неприятно.

Проклятая, тесная клетка
С пейзажем, примерзшим к окну,
Где полною грудью так редко
Так медленно можно вздохнуть.

Чего им от меня надо? Какое им дело до моих «любовных дел»? Чем же это «обман»? О, тоска какая!

Выпал снег, задумчивый и легкий,
 На заборах вороны галдят.
 Мне б уйти
 Куда-нибудь далеко,
 Мне б уйти —
 — Куда глаза глядят!
 От тоски, что каменной порошей
 На плечах занывших разлеглась,
 От тебя, любимый и хороший,
 От тоскливых
 Материнских глаз..
 Ну а что
 Сказать о старом доме.
 — Ни к чему не шевельнется жалость..
 Все донельзя
 Сделалось знакомым,
 — Не любить того, что примелькалось.
 Эх, уйти..
 Уйти бы без оглядки,
 Во леса, в дороги, в луговины..
 А следы
 Моих упрямых пяток
 На дворе — сугробами задвинет..

Читаю «Бесы».

...«Будет новый человек, счастливый и гордый». Это тот, который лгать не будет и бояться...

А я лгу и боюсь. Много лгу.

Была у Елизаветы Полонской.

26-го <декабря>. Воскресенье.

Мать говорит: «Ух, как мне надо тебя держать... как надо натянуть вожжи... Я серьезно думаю о том, чтобы взять тебя из Института (!)». Отец гавкает, как с собачонкой. Мать в «наказанье» (!) хочет меня

«никуда не пускать». Я много лгу. Я буду лгать еще больше. Они не имеют права так обезличивать меня и до сих пор смотреть, как на 10-летнюю девчонку. Мещане. Это гну<сь?>.

28-го <декабря>. Вторник.

И розы, осенние розы
Мне снятся на каждом шагу,
Сквозь мглу и огни и морозы,
На белом, на легком снегу.

Все в мире — кружащийся танец
И встречи трепещущих рук...

Так как только влюбленный
Имеет право на звание человека.

(Блок)

Читала книжонку — «свободная любовь»... Так себе... водолитие...
Но одна фраза запечатлелась: «любящие друг друга есть муж и жена».

ГОД

1927

1-го января 1927 года.

Была на свадьбе у Поли Власовой. Тоска какая. Жалко Полю. Получила письмо от Бори. Люблю его... люблю его!

Была на Кине. Роскошь...

Вчера была Юлька. Встречали Новый год. Средне. Ничего.

2-го <января>. Воскресенье.

Была в Доме Печати. Видела Бориса. Милый он. Говорит — скучал. Ан<атолия> Кос<сова> видала. Ой, ведь он хороший... Как обрадовался мне. Чудак.

Зашла к каким-то художникам. Говорили комплименты. Читала им стихи. Хвалили. Понравилась им. Хорошие. В четверг придет Борюшка.

Замечательные стихи у Светлова. Э, мои перед ними — дрянь. Да и вообще — они дрянь порядочная.

Неохота писать.

Спокойной ночи!!!

3-I-27.

Я узнала сегодня многое...

Я узнала,

Что огромные полотна,

У которых широкая грудь,

Я пишу золотым и красным,
 Я пишу при открытом окне.
 Дорофеев.

И могучие плечи
 Нужно писать кисточкой,
 Острой и узенькой,
 Как жало змеи...

Если бы не ныла мама, я бы многое написала о сегодняшнем дне и интуитивно-аналитической школе...

6-го <января>. Четверг.
 Должен прийти Борька, а его все нет.
 11 часов.

Он не пришел. А я с 7 часов все время дрыхла. Так тоскливо было! Села на качалку, охватила холодными руками колени... Было хорошо в комнате, потому что перед иконами змеились лампадки... Да, немного не идеологично. Я думала, что на диване мы бы сидели с Борькой...

Я читала Шершеневича. Вот как любят, как он пишет о ком-то...

А Борис — разве он любит меня?! Нет, почему же не приехал? Врать будет? Не поверю. Партдень? Повесткой вызвали... Или «угорел»? Боря, ты не знаешь своих часов! Зачем ты не пришел!?

На письмо обиделся, которое послала? Быть не может... Что же тут обидного: «Я не хочу радоваться без тебя и не хочу, чтобы ты без меня печалился или сомневался»... — ведь это моя сущность, моей любви... Это правда до последней строки. Отчего же он не приехал!?

С художниками у меня завязалась хорошая дружба... Они мне все показывают — скульптуру, объясняют картины. Филонов, человек, перед которым они благоговеют, хвалил меня. (Думаю, больше за 17 лет, чем за стихи. Ведь мои стихи — это... половое бессилие какое-то! Все-все — зараза и гнусь!) Там есть один — Боря... Он мне нравится. Он зовет с собой кататься во Волге до Астрахани — в лодке. Вот жирно было бы! Д-да...

У Коссова была. Ведь он, кажется, любит. Эх, Борис, Борис... Не ценишь ты меня...

Сейчас — какая-то апатия. А еще вчера жизнь казалась удивительно хорошей. Многогранной, упоительной, стоящей.

Нет, не то это... Что же обещает мне Борис: «Я сниму две комнатки... когда тебе будет 19 лет, ты приедешь ко мне. До этого мы будем жить для себя». Что-то подозрительно. Аборта делать не хочу. Жди, Борис, моих 18 лет. Ведь 5 лет любил Татьяну. И ничего не было.

Да он и сейчас ее любит... вот летом женится на ней, знаю... Борька! Разлюбить бы тебя. Да и не люблю... Не такого, не такого мне надо...

Да и отдаться ему, наспех, украдкой, быть обоим в одежде — как гнусно...

Нет, нужно... но не надо писать, как нужно. Завтра ему покажу, как не приходится... Э-эх, сволота...

У меня под грубой рубахой
Грудь не как у девки, не такая...
Разлеглась она, как черепаха,
Настоящей силой истекая.
Хорошо!

Корнилов.

Вот и проволынила день. А на носу — 5 зачетов... На будущий год поступлю на стенографические курсы...

Я верю в интуитивно-аналитическую школу и в то, что она вызовет шум. Как это хорошо и интересно!

Может, Федоров сделает кольцо из клыка мамонта. Из клыка мамонта! Того мамонта, который 5–7 тысяч... да нет, больше, бродил по России — живой, настоящий!!

А ведь мне хочется ребенка. Не сейчас, конечно... А ведь иметь ребенка — счастье! Я с каким-то новым волнением смотрела сегодня, как женщина кормила грудью милого капризулю. Это хорошо — кормить грудью дитя от любимого... И у меня оно будет... Хорошо!!

А дома... печаль. Мать нервная, переутомившаяся... Отец — гнусный. Господи, как я хочу, чтоб мать была счастлива. Я чувствую себя такой виноватой перед ней... Мамочка моя, моя мамочка...

Суббота 8-го <января>.

Б<орис> К<орнилов>.

Бориса не было в пятницу... Это что-нибудь да значит! Или:
У него нет денег (?) (?) (?)

Или заболел, серьезно (Угорел?..)

Или закутил, что всего хуже...

Или нарочно (?)...

Завтра увижу ли его? Господи! Злой поганый мальчишка!!

Надо проучить его завтра.

С художниками у меня дела хорошо. Они меня любят; хотят рисовать портрет... Митя-кавказец уже условился, что после того, как они кончат эти полотна, он будет рисовать меня. Я им нравлюсь; Таскин, [Баск] Борис, мне тоже нравится. Я кокетничаю с ним... Пусть.

14-го <января>.

Вот, и в эту пятницу его нет... Художники извели меня тем, что кто-то из них увидел, что я целовалась с Борькой в воскресенье, 9-го.

*Моему Борису*¹

Да, мы целовались здорово. Хрен с ними... А Таскина мне хочется закрутить...

Борьки — не было. Он нарочно это, нарочно. В четверг он не приехал из-за того, что обиделся на мою «материнскую любовь», перегнул палку в отношении моего отношения к его одежде. Я послала ему письмо, где говорила — что ничего подобного. И вот, нет ни его, ни письма. Если его не будет в воскресенье... я всерьез закручу с Таскиным...

Была у Чумандриных. Хорошие они. И как любят друг друга. Мишка Чум<андрин> говорит, что из нас хорошая пара выйдет — я с Борькой...

А он меня ревнует страшно...

Господи, Борька! Что с тобой, гадкий, милый, любимый.

Мишка говорит, что будет устроена компания такая — я, Б<орис> Корнилов («я знаю, какая связь между этими именами!»), Гр, Лихарев, Левоневский, В. Саянов, он — и все. Будем собираться для совместной критики, чтения и т. д.

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц в левом верхнем углу.

*Я приеду в четверг, 21 января.*¹

Говорили — о Борьке, и я как-то вся трепетала до боли, до нежности любила Бориса.

Да, он на переломе. Ему надо помочь.

Борис, милый, почему не придешь, не поделишься со мной?

...Читала «Митину любовь» — Бунина. Читала, и какое-то томление охватывало; я боюсь весны... я не сдержу себя и отдамся Борьке. Будут белые ночи, яблони, цветущие яблони... Таскин зовет на Алтай... Эх! Кабы не было узды на мне! Всюду бы я махнула. Мишка Чумандрин с женой и Саянов — тоже куда-то с собой зовут... Или бы с Борькой куда махнуть...

Часто, лежа в кровати, я думаю, как будет ласкать, целовать и... владеть мною — Борька... Часто думаю о весне и о лесе... Во мне что-то темное, дышащее нетерпимыми запахами — поднимается тогда...

Ох, если б быть свободной и независимой — не стала бы я мучить ни себя, ни Бориса...

Борис, ты ведь — будущий муж мой... Но у нас будет по-другому... чем у всех...

Как он будет ласкать меня... Как...

Скоро яблони, яблони...

А на носу — зачеты!!!.

19-го среда. Январь.

Я сегодня ничуть не скучаю о Борьке. Вчера выступала где-то — в клубе «Старой и молодой Гвардии» — с успехом. Лефовцы говорят — лучше Саянова. Плешь, ерунда. Думала, Борис будет. Его не было. Трепалась с Т<олей> К<оссовым>. Он хорош был. [А сегодня] Держала себя вызывающе-ласково по отношению к А<натолию>. Пусть потреплются Борису, а то он очень завоображает!

Он говорит, что жить не для чего, незачем. Гм. Плохо меня любит, если говорит, что незачем жить. Написала ему письмо, в которое вкладывала жизнь... Может, опять «позирует»? Сегодня у меня к нему какое-то неприязненное чувство. Нет, надо окатить его холодной водицей... Была с В. Д. в кино. Преглу-упая и прескучная вещь.

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц по центру верхнего поля.

У художников была... Боря предложил перейти на «ты». И сказал как-то странно и задыхаясь: «Оля... поедem на Волгу?..» Потом, когда уходила: «Дай руку». И пожали друг другу руки как-то странно. Он мне очень-очень нравится. И Еремин — еще больше. Сдала зачет. Противный, противный Борис! Не люблю его. Не хочу, чтобы взял надо мной верх. Никто-никто не любит меня — серьезно и хорошо.

В. Зачем я поставила «В»? Ох, да, в Литгруппе о нас треплется. Это ему льстит, верно... Дурак...

Боря Т<аскин> говорил, что, может быть, будет [весна], ой, война. Я не знаю, что может быть глу-пее войны. Ведь это глупо: не поладят и пойдут душить газами друг друга. Ведь глупо же, глупо.

Нет, войны не будет, рабочие других стран не допустят. Они, т. е. художники, говорят, что тогда бы они убежали в тайгу и основали бы новую народность. Я ответила, что я не убежала бы.

Ой, как будет гнойно, смрадно, пакостно и глупо.

21 <января>. Пятница.

Третья годовщина памяти Ленина...

Как-то странно: очередь за маслом, руготня... в этот день!

Мне даже стыдно писать о том, что хочу написать. Но я страшно обеспокоена: Муся харкнула кровью! Ох, Муся, Мусенка моя, как я боюсь за нее... И мама больна, и помочь ничем не могу!..

Вчера сожгла я старый том
 Каких-то неживых рассказов...
 И лист свивался за листом,
 И корчился, чернея сразу...
 И в этот миг казалось мне,
 Что сходство странное меж нами:
 Что я, как книга на огне,
 Сгораю, шелестя листами.
 И не успеет озариться
 Шеренга строчек на углях,
 — Как загорается страница
 И тает пеплом на углах...
 — Но пусть дотла сгорает том,

Я с радостью и болью знаю,
 Что буква каждая — огнем
 Была напоена до края!

*Вот-то бараклецо!*¹

Как можно критиковать стихотворение со стороны содержания? Если я так хочу написать — то кто же может сказать мне: «А ты не хоти!» (?) Глупо. Вот я и буду писать так, как мне хочется. Например, в моем последнем стихе — «Синему снегу на тишину»... Как это объяснить точно, я сама не знаю — а хорошо. И дед-былинник, и все... Может, такого и нет, а я хочу. И все тут!

Надо критиковать только со стороны формы.

23-го января. Воскресенье.

Горькая моя радость!
 Сладкая моя мука!..
 И ждать бы тебя не надо,
 Милый, мой милый,
 — Не хороший..
 Да жду и гляжу на стрелки,
 Стрелки, стрелки, — минут подруги...

*Отрада — радость*²

Как тихо движутся стрелки
 По бледноликому кругу..
 [Горе<?>] Ожидать бы тебя не надо,
 — Не ломать бы холодные руки..
 Горькая моя — лучшая — радость!!
 Сладкая моя — любимая — мука...

Завтра напишу обо всем. О многом.
 (Гражданки-яблони! Подруги-вишни)
 Хорошо-то как! Я изнемогаю от любви, страдания (!?) и счастья...

¹ Пометы рукой О. Ф. Бергголь по центру нижнего поля.

² Запись рукой О. Ф. Бергголь в правом верхнем углу.

Горькая моя радость...
Сладкая моя мука...

Борис. Боря. Любимый... мой...
*песке мазке*¹

24-го <января>. Понедельник.

Вчера был один из лучших дней. Борис ревновал меня отчаянно. К Тверяку, к Гору, к художникам. В субботу он был такой гнусный, что я чуть не плакала. Вчера говорил: «итак, во вторник я у тебя буду... Хотя день да мой! А там пойдут всякие Тверяки, художники и т. д.». Потом пошли в темную комнату, стали у окна, из окна видеть белую Фонтанку, золотой широкий луч проникает из незатворенной двери, и мимо нее ходили люди. Но что нам до людей!.. Он с какой-то болью поцеловал меня, цепко впившись губами, еще и еще и, кривя рот, — сказал: «Ну, что же, скоро мне отставка». Это ему кто-то чего-то наговорил, а он и вообразил, что верно. Потом сели в кресла, и он говорил: он покончил со всеми и с Татьяной — потому что встретил меня.

Когда на Троицкой он говорил о том, что он не любит меня, он не совсем врал. Да, он был тогда обыкновенным парнишкой, а теперь он — мой будущий муж... (Мой муж! О, мне хочется счастливо и нежно смеяться! Мой муж! Борька — мой будущий муж!) Он говорит, что 12 декабря многому помогло, и без него он никогда, может быть, не почувствовал, до чего он МНОГО меня любит... «А теперь я знаю, что я тебя... очень люблю». «Знаешь, сегодня ночью... я мечтал о тебе... нет, я не скажу всего. Но это была удивительная ночь! Я перечел все твои старые письма».

Я целовала его, как мы целовались!.. и пусть видел кто-нибудь — ведь дверь была открыта! «Если ты пойдешь к Тверяку... ну, он самое меньшее зацелует тебя... а мне будет... удивительно нехорошо!»

Пришли Глухов и Малышев: «У, черти, лирикой занимаетесь!» Потом, сочувствуя, ушли и даже дверь закрыли.

Говорили, что на будущий год я перееду к нему. Что поедем на Волгу, заедем к его родным. А мои родные! Ой, как мне жалко

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц в левом верхнем углу.

маму — ведь ей не хочется, чтоб я рано выходила замуж. Мамочка! Ведь... ну, понимаешь?!..

Но... Он сказал, что на «Ледоходе» есть такая девушка — Анна Туманова — за ней все ухаживают. И он стал — не любя. С первого же раза стал целовать... Это было месяца два назад. А мы проводили вместе время уже 3 месяца. Значит, любя меня, он крутил с Тумановой. Теперь, говорит, кончил... Но зачем же тогда говорить, что, если бы он узнал, что я кручу и целуюсь с другими, — он не стал бы со мной здороваться? Это больно, это обидно. Завтра будет — скажу ему все прямо. Успокаиваю себя тем, что ведь и я со многими кокетничаю, и мне даже хочется пофилонить с Б<орисом> Т<аскиным>. Я ему нравлюсь.

Нет, нехорошо, паскудно, не буду.

А сейчас он на «Ледоходе»...

Гор сегодня вертелся около меня. Глуп и противен.

Меня зовут в «Перевал», в ЛЕФ. Конечно, в «Перевал» не пойду.

Хочу написать о Дон Кихоте.

Сорвите повязку с его глаз.

[Ты знаешь] Ты, может быть, лучший товарищ мой,

— Рыцарь печального образа.

Ибсен — Пер Гюнт.

И розы, осенние розы

Мне снятся на каждом шагу.

Сквозь мглу, и огни, и морозы

На белом, на легком снегу...

25-го вторник. Январь.

Сама свою жизнь сотворю,

Сама свою жизнь погублю.

...Я буду смотреть на Зарю

Лишь с теми, кого полюблю...

Блок

Сегодня в 4, в пятом приедет Борис.

[28] 30-го января.

25-го был Борис. И тяжело, и хорошо было. Он признался, что [видел меня в] у него — были женщины. До меня. Давно. Мы оба плакали. Я простила его. Но мне тяжело было. Коля Гладышев! Твоя печать — на всех мальчиках. Они лгут, и я никому не буду верить. И сама буду лгать им. Но я люблю Бориса. С болью, с мукой, как-то торжественно и великолепно. А он — он любит меня, м<ожет> б<ыть>, не меньше. Но зачем он торопится — «стать моим?»... Вот его харя и милое, дорогое письмо. Конституция не лезет в голову — буду писать ему.

Целовал, мял и ласкал меня во вторник. Даже лежал на мне несколько раз. Было стыдно, темно и хорошо.

6 часов проскользнули, как птица.

Ревнует к Таскину. Пушай.

Вечером.

Гм... Ну, а как быть, если и через год мама, при моем объявлении желания — выйти замуж за Бориса, — все по-прежнему станет говорить о развращенности, похоти и т. д.? Порвать с родными и уйти к Борису — нет, ведь это будет гадко. Они заслужили большего. Мне страшно, что я как будто очерствела к родителям. Хотя... — нет!.. Я люблю их. Что же делать? Выход — один: с осени начать служить... Где — все равно! Устроиться машинисткой в редакцию? Трудно! Специальность займет за год? Какую же? Уйти на фабрику? Что делать? На литерат<урный> труд не проживешь, да к тому же меня плохо печатают. Надо работу для того, чтобы доказать родителям, что я не вишу у них на шее... Надо поговорить с Борисом, а маму — ...смягчить.

Или посоветоваться с Полей?

Скучно. Нехорошо. Как это мать не понимает? Вот что значит — косность мещанская! Говорит: «Чтоб больше тебя без меня не посещали!» Фью! Жаль, что на бумаге не свистнешь! А в четверг, 3<-го> — приедет Борис. Вот оно что.

Б<орис>. Б<орис>. Б<орис>!

А Борозина говорит, что Рысс уезжает. Вчера мне было жаль его, а сегодня хотя бы хны. Пусть едет. Вчера мне даже нехорошо стало, когда узнала, что он уедет. Но сегодня — я думаю только о Борьке, моем Борьке... Вот, когда у меня будет дочь — я ни за что не поставлю

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц по верхнему полю.

ее так, как мама меня к себе. Ей нельзя ничего прямо сказать — чуть что не понравится — «замолчи!» Взять бы с ней поговорить по душам, мол, как быть, мамочка? Так нет!! Как же можно... Тяжело!..

Генка недавно говорил — (трепался), что влюблен в меня. Начал с каким-то вниманием относиться. Сегодня скандал поднял, что руки не дала... Глупый...

Ух, ну и будет трюк, если маме попадетсЯ этот дневник!! Надо прятать!!

31-го <января>. Понедельник.

Ух, как тоскливо!.. Прямо не могу. Ужасно. Гляжу на Бориса. Милый мой, хороший... Неужели до четверга не увижу тебя... Ничего в голову не лезет...

А сегодня сдаю зачеты... И читаю стихи с Рыссом, в Литкружке.

1-го февраля 1927 г. Вторник.

Скучно. Тяжело. Да, зачеты сдала все 3. Сказал: «У вас серьезные знания»... (Гм!!)

Вчера шли с Друзиным с Литкружка. Ему не понравились мои стихи — о Дон Кихоте. Жа-аль. Да я сама вижу, что слабо. Говорили о многом. Нет, он все-таки хороший. Узнал, что любит меня Борис, и удивился «моему выбору»: ведь он неразвит, не культурен, мало понимает... О чем с ним говорить? Гм... Он, отчасти, прав. Мне хочется с ним поговорить, например, об искусстве, о жизни, о «новом человеке», а он усмежается и называет это «восторженностью».

Не могу больше; переписывала стихи, завтра еду к Друзину утром. Будем в альманахах выбирать. Эх, каб к весне выдали деньги, рублей 60–70! Сколько у меня тем! Только нужно их проработать... А Борька завоображал: «ерунда, стихи у меня хорошие». Нет, раньше лучше были.

Дни-мальчишки, вы ушли, хорошие,
Мне оставили одни слова...

Сразу вспоминается «та» Литгруппа, и все такое. И как-то ко всем пренебрежительно относятся. Правда, было в тех стихах

60–70% Есенина, но все же лучше были. Теплее. А теперь и я увлекаюсь звоном.

Я сейчас как-то *суха*, зла на Борьку. Почему? Не от слов Друзина. А так. Забурел парень. И чувствую, что должна ему помочь. Вот в четверг приедет, и поговорим. Поцелуи поцелуями, а дело делом. Да. Завтра возьму ему у Ан<атолия?> — Вересаева.

Завтра еду в Филармонию и услышу кучу лучшей музыки. Как я рада!

Нехорошо, что не выступала в Ассоциации. Подумают — забурела. Да, «лапповская дисциплина». Нет, не хочу рамок. Да я точно не знаю — лапповка ли я? Ведь анкету не подавала.

Зато в воскресенье читаю, — Сменовский вечер в Библиотеке Молодежи.

Борис говорит — там его печатают, тут стихи приняли, а нигде не видно.

Я никуда не даю стихов...

Да! Мать знает о нашей любви. Думает, что не серьезные.

Художники мне надоели, и Таскин тоже. Не поеду к ним долго.

3 февраля. Четверг.

Был Борис, мой любимый. Хорошо!!!

6-го февраля.

Ой, как я тоскую о Боре. Вчера, когда ложились спать, — вынула его портрет, и так заныло, затосковало внутри. А ночью видала сон — будто он у нас был, пил с отцом пиво, и отец заставлял нас целоваться. А потом я отдалась И<осифу?> Г<ринбергу?> и хотела покончить с собой, потому что обманула Бориса.

Я так тоскую сейчас, что ужас!!

Скорей бы летело время, через неск<олько> часов увижу его. Моего милого, единственного, любимого. Он, наверно, сердится на меня, — ему Глухов, наверно, растрепал, что вчера провожала Рысса и ходила с Оськой в кино и к нему.

Оська очень хороший мальчик. Я очень рада, что побывала у него. Так хорошо поговорили, и все такое... Нет, я не уйду из Государственного И<нститута> И<стории> И<скусств>.

Сегодня сменовский вечер, я читаю.

Из Г<осударственного> И<нститута> И<стории> И<скусств> мне нравится Миша Ф. Очень. А ведь Ося не прочь полюбить меня (Ося — Юзька Гринберг!).

Ах шарабан мой! Американка!

А я девчонка, да шарлатанка.

Со мной в Д<ом> П<ечати> едет Валюшка Б<алдина?>.

Получила деньги — завтра снимусь на больших открытках.

Что бы мне надписать Борису?

Мой Борька, мой любимый, милый...

Это хорошо, наши вечера.

Он лежит на мне, как тигр... Он чуть не грызет мою грудь...

И стыдно, и страшно, и хорошо. А какой гад Хмельницкий и иже с ним.

Про Борьку говорят, что он некультурный, и все такое... Пусть!

Мы с ним всему научимся и везде побываем... Сегодня поцелую его крепко-крепко.

Борис сказал: «А что, если после своих 10 месяцев» — (срок, который я назначила ему ждать меня. Конечно, не десять, а 15–16!!!) — «я попрошу подождать тебя еще 4 года?» Глупый! Я ответила, что буду ждать. Ведь... не стала бы я бегать, как он — по женщинам... Я — не он.

Он скоро переедет в Ленинград. Я рада.

10 февраля. Четверг.

Завтра еду к Борису.

Во вторник — я боялась, что отдамся ему сама, сегодня я боюсь, что сама порву с ним.

Такой не сильный, такой не сильный человек Борис!..

Ну, чем он теперь занят? Богема настоящая, и меня туда же тянет. Обмещанилась я совсем. Что это? Борис ревнует ко всем, я с удовольствием, смакуя, рассказываю об этом Юльке, Вальке, Але. Гнусно! А Борька в комсомоле не работает, нигде не работает, хотел в Университет вольнослушателем поступить — не поступил. В общем распустился, расквасился; о чем он думает? Есть ли у него всяческие «вопросы»? Не знаю. Расхлябанность какая-то.

И эта глупая ревность, которая мне сначала нравилась, а теперь бесит.

И еще — вот: Анатолий говорил, что в ту пятницу обо мне шла трепотня, мое имя трепалось с разными анекдотами, и Борька был здесь и не только не сказал ничего, но принимал активное участие. Борис, когда я спросила его об этом, сказал, что Толька лжет, что ничего особенного не было, что он говорил... — «бросьте трепаться»...

Странно, что я верю Ан<атолию> больше, чем ему, потому что мне кажется, что его слова более вероятны.

О любимой девушке треплются, сальничают, а он в лучшем случае молчит, в худшем — помогает... Как... мерзко.

В воскресенье не поеду в Литгруппу... И в то воскресенье не поеду, вообще. Как можно дольше не пойду.

Была вчера у Тольки. Какой он милый и хороший! Правда, он самодоволен немного, но зато в противоположность Корнилову сколько в нем энергии, жизни, как он активно работает. Я очень люблю его.

Б<орис> Таскин — женат, кажется, я писала об этом. Мне было тяжело — почему??? Первое время, а сегодня я ясно и просто взгляну ему в глаза, только как товарищу, и очень просто не отвечу на все его поглядывания и кокетство.

Филонов предлагает мне переработать «Маклачан» Давыдова — в пьесу. Попробую.

Я буду работать с ними.

Сегодня зайду к ним за книгой, и вообще. А ведь недавно думала, дура, — а что если б Таскин предложил — бросить жену и ребенка и уехать на Алтай, — поехала бы я с ним?

А Б<орис> — ревнует к Т<аскину> почему зря.

Завтра поговорю с Борисом, серьезно.

Во вторник были именины. Ой, что я пережила в этот день. Вот письмо, я не отдам его Борьке...

11-го <февраля>, пятница.

Только что от Борьки...

Он ждал меня с 2 часов и «после того, как пробило 2, — каждые 15 минут подбегал к часам и выбегал на двор посмотреть, не идешь ли

ты». Я приехала в пять. «Я, как и ты, подсчитывал минуты, оставшиеся до нашей встречи».

Было хорошо, немного повздорили. Я упрекнула его в том, что он несильный, — он в том, что Таскин зовет меня в содержанки. Дурак!

Была недавно у художников, да, вчера Таскин опять кокетничал, я глядела ему в глаза и волновалась, и когда немного проводил, как-то странно глядели друг на друга, и мне хотелось, чтоб он стал целовать меня. Я ужасная дрянь, и еще потому, что хочу, чтоб влюбился М<иша> Ф. — он мне страшно нравится, у него золотисто-карие ласковые большие глаза, и он мне симпатизирует. Это, конечно, мещанство... или женская горячая натура. Читала письма Татьяна...

Мне неприятно и больно.

Т<атьяна> пишет неграмотно и меня берет в кавычки: «мнимо-лживая 15-тилетняя “Берггольц”». Гм. Жалко и смешно... А что если через немного времени Борис с таким же легким сердцем будет показывать мои письма — ей, так же смеясь и целуя ее... А я чувствую себя виноватой перед ней, ведь она любит Бориса, и некоторые ее строчки так напоминают мои; она жалка мне, и мне противно на себя за эту жалость, и я точно восхищена собой, но и ненавидима собой же.

Я не должна была читать эти письма! Я говорила, что не буду, но это было — любопытство, обыкновенное женское любопытство?! Ой, и дрянь же я!

Лгу матери на каждом шагу: что сегодня ездила к Полонской; из денег, данных ею на страхование Саши, — беру, чтобы взять карточки завтра... О-ой, и сволочь же я! Скоро будет вечеринка — на всю ночь, я навру, что к Юле...

Но ведь это, по учению Достоевского, — самостоятельное хотение, а ложь должна доставлять сладострастное наслаждение, но ничего, кроме глубокого презрения к себе, — я не чувствую.

12-го <февраля>. Суббота.

Четверг — был днем моего позора в И<нститу>те. Я читала прегнусный доклад. И Астахова удивилась, что меня приняли в И<нститу>т. Дура она и умница. Так мне и надо.

Но я поправлюсь и сдам ее — на ура.
С понедельника начинаю заниматься!
А скоро весна. Уже пахнет весной!

13 <февраля>, воскресенье.

Ты себя отдашь иль не отдашь,
Ты себя не спрячешь на луну..
Все равно, возьму на бордаж,
Тело напрягая, как струну..

Это Борис писал обо мне.

14-го. Понедельник. Февраль.

Видела сон. Будто шла с Таскиным, и было солнце и лужи, а где ящичный завод, из-за забора — свешивалась черемуха — пушистая, как гроздья инея. Я была рада, что весна, и сорвала ветку, попрощалась с Таскиным, про которого знала, будто бы любит меня. Но его ветка по дороге завяла.

Подхожу к дому — а тополь весь в яблонových цветах, и Борис Корнилов дает мне ветку — пушистую, белую, и я целую ее... А кругом — солнечная зелень и свежий ветер...

Вчера были у меня Лихарев и Борис. Ничего, провели время очень недурно.

Папа сидел в столовой, дверь была открыта, а мы говорили в темной гостиной о литературе, и в это время Борька потихоньку целовал меня и гладил волосы, и плечи, и грудь...

А между поцелуями мы говорили об альманахе. Хорошо, под надзором самих родителей...

Борис Таскин злит меня. Или он влюблен, или притворяется. Спросил: «А если б я не был женат, ты пошла бы за меня замуж?» Сказал, когда сидела с ним на стремянке: «Вот, ты с мальчишками бегаешь»... — и на мой вопрос, «какое ему дело», — ответил: «Какое?.. потом скажу!» Нет, конечно, смеется.

А Борис ужасно ревнует к Таскину. «Я не могу, Лелюнька, не могу. Это очень нехорошо, но когда я вижу тебя с ним — мне не-

выносимо, мне приходят ужасно нехорошие мысли»... «Я никогда никого так не любил, так неровно, так сильно. Я постараюсь любить меньше, потому что я себя и тебя издегаю»... «Это мещанство — чувство собственности, но я хочу знать, что ты — только моя»... Я даже не могу сказать теперь, как я люблю его. Все слова бессильны.

Я надпишу ему: «Моему любимому».

Зима [Лё]

И все...

15-го <февраля>. Вторник.

Первый раз не знаю, о чем писать Б<орису> К<орнилову> — на его... письмо... Оно... ну я не знаю, как его назвать. Оно милое, дорогое, хорошее, а я не знаю, что ответить на него. Я как-то устала, башка не варит, писать неохота. Завтра.

16-го среда. Февраль.

Сейчас еще ничего, а полчаса тому назад была дикая тоска.

С понедельника не видала Борьки.

В У<ниверсите>т зашла — нет, в Д<ом> П<ечати> — не было, хотя М<итя?> Л<евонев>ский говорил, что должен прийти, и не было.

Долго сидела с Таскиным. Говорили, я рассказала ему о сне — он промолвил: «Ерунда», говорил: «Вот, когда я кончу картину, я уговорю тебя поехать со мной на Волгу». Я категорично не отказывалась, вспоминала Борьку и его возмущение, но сама почему-то не возмущалась на «гнусное» предложение Т<аскина>.

Т<аскин> говорил, что «мы будем гулять белыми ночами»... «Ты, — говорит, — иногда как-то взглянешь, и такое какое-то недовольство, недоверие, скептицизм проглянет»...

А я думала о том, что Борис Т<аскин> действительно — дрянь, и смеется...

А мне, как и всякой сволочи, хочется попробовать, как целует Таскин.

Борис бы возопил: «Как! Этими самыми губами ты целовала меня? Т<аскин> знает, как ты ласкаешь?»

Ну, и что ж? Что ж такого?

Я ведь люблю Борьку!?

Нет, никогда. Я дрянь.
Я люблю только Корнилова.

23 февраля. Среда.

Вчера была у филоновцев, хотя обещала Борьке не ходить к ним. Ну и что ж, что обещала? Таскин фантазирует, что вот, мол, поедем на Волгу — будем варить кашу, уху, «а потом ляжем спать». Другие ребята хохочут... Таскин вчера взял мои волосы в горсть — стал нюхать и, кажется, целовал. Вот идиот...

Все время говорит, что потом о чем-то скажет и т. д. Мне на него и на себя противно. Конечно, это он от нечего делать филонит? Так, для разнообразия. Ну, и я не такая дура. Ведь я тоже с ним кокетничаю ради разнообразия и от собственной дрянности. Вот, долго не пойду к ним, а потом приду, и, вот, как лучше? То ли поговорить с ним этак — «серьезно», то ли не промолвить с ним ни слова? Нет, я совсем в дрянь превращаюсь. Буду естественна и проста...

Борька прислал письмо — варьирует на все лады слово «люблю»... Надоедает уже. Прочитала без того волнения, с каким читала раньше его письма.

В воскресенье был с Лихаревым у нас...

Я так любила его в тот вечер, так целовала. Шептала ему в уши нежные эпитеты.

Эх... если б была самостоятельной... да знать бы, что ничего не будет...

А может, это правда, что я — испорченная и развращенная? Может быть.

Ничего нового нет в любви. Мелочность — с его стороны, глупая ревность, обидчивость. С моей стороны кокетство — и повод ко всему вышеуказанному. Сегодня я не люблю его.

Или... не знаю. Глупый. Верно, он не особенно умен. Узок. Стихи у него — посредственные. А сомнения — очень много.

Я очень презираю себя. Ой, какая я дрянь, какая не сильная, лживая, не талантливая.

Противная я! Нет, возьму себя в руки... Надо, пора начать все по-новому. И любовь, если она есть у меня, и работать и учиться — как следует, и читать. Я хочу быть гордой... независимой. Может, с осени поступлю на «электросилу» — В. Бух хочет устроить.

В субботу поеду туда на вечер самодеятельности. А сегодня — куда?

К подшефникам или в Дом Печати, на ЛАПП.

В Доме Печати, может, увижу Борьку.

Он пишет, «я не хочу тебя видеть недели 2, чтоб немного забыть друг друга». Мне сейчас кажется это очень легким. Ладно, товарищ Корнилов. Пишет, что будет писать Тане письмо о том, что не любит ее. А видно, ему не хочется, чтоб она разлюбила его. Сволочи они все — не терплю мальчишек.

Скучно-о-о-о-о...

Встретила вчера Аньку Пронину. С ней у меня связан запах прежних сборищ «Смены»... Как тогда все было свежо, ново, хорошо...

Борька пишет: «ты хорошая моя невеста»... «в мае — моя... в мае — моя»...

Милый, глупый... Я сейчас прочла случайно — «что — я не верю в брачное счастье. Нас связывает то, что мы свободны. Но как только нас свяжет брак, мы почувствуем какую-то тоскливую, назойливую близость» (в «Ниве»). Верно... Ну, не буду думать.

Не могу, красивый мальчик,
Стать вашей женой:
Меня любит Саша Черный
И Володька Кривой...
Как узнают мальчишки,
Что трепалась я тут,
Они выпустят вам кишки,
А мне морду набьют..

Читала «Цемент»... Какая книга хорошая! Как мне работать хочется...

Дрянь я!

2-го марта 1927 года. Среда. Да, уже март.

В ушах шумит, и сердце замирает, оттого что острая тоска... Тоска...

Вчера был Борька. Как это несправедливо; что мы, оба молодые, полные силы и желаний, — должны сдерживаться, что я должна держать его руки и бороться с ним тогда, когда я чувствую, что

надо стать его. И вот мы прижимаемся друг к другу тесно-тесно, его тело — сильное, крепкое! — содрогается, и он грубо сжимает мне грудь, он дышит, как загнанная лошадь... как это трагично... тяжело, а может, и грязно. Полулюбовь, да... Полулюбовь. Но меня одно утешает, и потому я не признаю в наших вечерах грязи, что ведь это не пошлое, мелкое флиртование, а любовь — настоящая, и что я — для него... Да, я стану его, хотя бы на один раз, для того, чтобы оправдать все происходящее сейчас... Он говорит, что, пока я не принадлежу ему — он все еще чувствует себя свободно, и что если что случится, все-таки эти вечера и поцелуи ни к чему не обязывают. А тогда... ну, понятно...

Нет, Борис! Нас связывает — наша любовь и свобода. Даже если я выйду замуж за тебя — никто из нас не будет связан...

Я разлюблю тебя и уйду, и если ты станешь уходить, я не стану удерживать тебя...

Какая я трусливая, несвободная, жалкая, лживая-лживая!!

Утром притрусилась бабка — видала вчера, что Борька приходил, — вопит: «Это нехорошо, да мы такие не были»... Извините, бабушка! Чья бы корова мычала... А потом, ведь все мои усилия направлены к тому, чтобы не быть такой, как вы в молодости. Глупо думать, что я буду подражать маминой или бабушкиной молодости, хотя бы она была в тысячу раз лучше моей! Вы больше меня видали и знаете... ну, и что ж?! Это еще ни за что не говорит!! Я совсем скована, неудивительно, что лгу... Я не кричу в лицо маме, что она не имеет морального права так «обуздывать» меня, говорить, что она возьмет меня из И<нститу>та, чтобы я приезжала в 11 часов и т. д. Я не кричу ей в лицо, что я не маленькая, что я хочу иметь свою волю, свои желания, что я не хочу лгать, лгать, потому что я экономически всецело завишу от нее, потому что она больная, кашляет, может каждый день умереть, потому что я хочу броситься, и целовать ее жалкий сапог, и говорить, что мне тяжело, тяжело, что я не хочу быть такой лживой и лицемерной... А у меня слово расходится с делом, и я не свободная, а лживая и лицемерная... и стала истеричкой, вдобавок...

Мне нужно стать независимой. Я вот поорудую стихами. На вырученные деньги (как из задачи...) обучусь на машинке и счетоводн<ых> курсах... (брр)... и если с осени не удастся поступить на фабрику — куда угодно пойду, только бы служить...

Ну, много писать некогда...

9-го марта.

В субботу 5-го приехала от Б<ориса> Лих<арева> пьяной... Странное чувство — быть пьяной...

Неохота писать. Скучно.

12 марта.

Ветки, по ветру качаясь,
 Стали гибки, стали хлестки.
 ...Я так многим улыбаюсь
 На весенних перекрестках...
 И — так много новой силы,
 Точно я совсем иная...
 Кто мне милый? — Кто не милый?
 Я не помню... Я не знаю!..
 — Стали гибки, стали хлестки
 Ветки, по ветру качаясь...
 На весенних перекрестках
 Я так многим улыбаюсь!..

Вчера мать не оставила на ночь, хотя врала, что к Поле...
 А вчера была вечеринка в И<нституте> И<стории> И<искусств>. Хорошо было, весело... У-у, мать противная. Борис злит меня. Скоро разлюблю его... Гад. Смешон — по-мальчишески, разыгрывая обиду... Гад.

13 марта. Воскресенье.

Получила письмо от Борьки и плакала от счастья. Какая я дрянная, противная. Милый мой, хороший, глупый.

«Ты уходишь от меня, медленно, но верно»... Глупый... Ведь это правда, чуть не ушла.

Люблю тебя, хороший...

Я боюсь, я скоро отдамся ему, я знаю...

Ждать целый год!? О, кошмар!!!

18 марта.

Были вечера, во вторник и в среду, у, какие хорошие, весенние вечера... Мы все время гуляли с Борькой... Сегодня был Толька.

Я дрянь и сплетница, зачем я раньше смеялась над ним и передавала его слова «хомякам»? Больше не буду; он хороший. Но почему он думает, что я, т. е. что все с Борькой — не так серьезно...

Он говорит про Борьку то, от чего тот отказывается. Кому же верить? Я люблю Борьку, но он так много и гаденько врал мне... Неужели не серьезно? Неужели я окажусь на положении Татьяны? Нет, не может быть... Значит, он действительно дрянь, узкий, хвастливый человек... Поганый.

Нет, он не такой. Он хороший...

За что я люблю его? А вдруг я люблю не его, а его любовь, его слова о любви...

Да нет, нет, я дура и сволочь, я люблю его... И не буду крутить с идиотом — Таскиным. Хотя тот не прочь. Разыграть его — что ли?..

Мама объяснялась с Коссовым. Я подслушивала. Это было смешно, гадко, гнусно и тяжело. У Тольки от мамы осталось гнусное впечатление, вернее, от ее слов об «обязанностях», «о доме» и пр.

Ох, этот «дом», ...к которому меня хочет приковать мать...

Уйду, уйду. Боль им огромную причину, а уйду. Надо жить, надо работать... Вот с Мишкой Чум<андриным> говорила, что с осени я на 75–80% гарантирована работой, в пионерах или на фабрике. С пионерами-то очень хлопотливо, но уж куда ни шло! Все лучше.

Как я о Борисе весь день скучала. А Толька строен, силен, и цвет лица лучше моего, как у девушки...

19-го <марта>. Суббота.

Ой, как о Борьке тоскую...

20/III.

Дома гнусно. Мать ворчит; Мария нагла до последней крайности...

Тяжело... Тяжело.

23/III — среда...

Нет, моя мать совсем не чуткий, не отзывчивый человек!.. Все чаще и чаще из-за лица любимой, нежной, понимающей — выглядывает лицо самой обыкновенной мещанки... Например: я подбила Борьку взять билеты на «Сказание о невидимом граде Китеже» — об этой опере уже больше года я мечтаю страстно и с болью... Дома я сказала, что билеты берет Лихарев, и едет еще Валька Б<алдина?>. Мать сначала начала вопить, по обыкновению <Далее обрыв текста.>

25/III.

Конфликт улажен. Едем.

Мать — милая.

25/III.

Борька пишет: «ты слишком трезва»... Эх... глупый!.. Да... я еще хмельнее и горячее тебя, только хмель во мне скрытый, глубоко бродит... И я все пробки заколачиваю, только б не вырвался он... А вырвется... Эх!... ну, тогда держись... Знал бы ты, как я мечтаю о нашем будущем, о наших ночах... веселых ночах... Самка во мне сильна, я знаю... Здоровая, ярая самка... Хорошо это? Или плохо?.. Гнусно.

Ваня, Ваня Приблудный!!

Хмель почувствовала в себе ярый, когда его увидела. Веселый, стройный парень! Эх, хорош... как хорош...

Шли когда с Борькой — его целовала, а была как пьяная — все о Ване думала... Его бы поцеловала — ух! А Борька был рядом — любимый, родной, смешной Борька. Ваня, Ваня...

Стихотворение читал — о милой, как друг друга любили, говорили — «о ребенке с твоими глазами»... Ох, ну и хорошее стихотворение... Захватило меня всю...

Пришел он такой, о котором всю жизнь мечтала: не красив, а точно красавец... точно с весенних синих дорог пришел. И почему-то странно, странно знаком... Точно таких, как он, много...

Быть бы его милой. Любит он недолго — это ясно... Но солнечно, бурно, не серо...

Ой, что я? А Борис? Я лгу, я о нем не думаю сейчас. О Ване буду ночью думать... А он и не думает. Да и женат, наверно...

Будет ли в воскресенье?
А я дура, идиотка и, наверное, очень развратная!..
Эх, Ваня.

Ты пришел не такой, как многие
Проходили мимо меня.
Ты пришел с весенней дороги,
От апрельского синего дня...

Но Ваня доказал мне, что я буду «изменять», — говоря пошло, —
Борьке.
Что есть лучше Борьки, ку-да лучше.
Дрянь я, дрянь.

31-го четверг. Марта.

26-го марта была с моим Борькой в опере на «Сказании о невидимом граде Китеже».

Ну и хорошо было! Ни одна из виденных опер не дала мне столько. Музыка, какая музыка. И Борьке понравилось — очень. А какой он милый был, заботливый, нежный... Во время действия тихо, нежно, точно случайно прикоснулся губами — поцеловал. Меня точно пронзило всю нежностью к нему. Мать сказала бы — гнусно, нехорошо и неприлично. Бедная!

27-го пришла в Дом Печати к 6 часам. Бориса не было. До 8 часов была у филоновцев в мастерской костюмов. Ой, до чего интересно. Жду с нетерпением «Ревизора». Выглядела хорошо.

В 9 часов явился Борис в сопровождении «хомяков» — Лихарева и Левоневского. Все пьяные, бледные. С мутными глазами. У Бориса рассечено под глазом. Лицо грязное. Очень пьян. Держится безобразно. Пришло ему в голову, чтоб ехала с ним к Лихареву — на всю ночь, а то пойдет в клубы еще пить, возьмет «девочек». Так грубо, безобразно ломался. Но ведь это было глупо — ехать с ним!? А дома? А та ужасная ночь с пьяным? Я проводила их в трампе до Марсова поля. Корнилов ничего не принимал во внимание. Прямо издевался надо мной... Я уходила из трамвая — не дал руки.

На Марсовом поле было холодно. Я дрожала, плакала... Приехала, написала Лихареву отчаянное письмо, ночью сердце билось

отчаянно. Никогда такой тяжести не было на нем... И ничуть-ничуть не любила Борьку.

2-го апреля. Суббота.

Продолжаю. В понедельник не хотела его видеть. Не хотела долго видеть. А они пришли, он и Лихарев. Стал извиняться, просить прощенье, дал честное слово, что последний раз был такой. Он думал, что я потеряна для него уже совсем. Я простила его. Пошли в Д<ом> П<ечати>. Я была грустная, мне было как-то безразлично — все. Потом развеселилась. Ванька Приблудный, под предлогом, что ему надо что-то сказать мне, обнял меня рукой, прижался щекой к щеке и закричал в ухо. (Я говорила В<але>, Ю<зьке> и Борьке — что он поцеловал меня!) А виден опытный, побеждающий всегда человек... Меня и отталкивает, и привлекает к нему, как к вот этой китайской статуэтке.

И вчера его дотрагивания до меня и пр. и злили, и волновали меня. А в общем он — хорош... в своем роде. Мы часто встречаемся с ним глазами, между нами существует точно какая-то связь. Но не думает ли он, что Я бегаю за ним?..

Во вторник мы были у Лихарева.

Валя Б<алдина?> ушла с Лихаревым, мы остались вдвоем... Ух, что это за вечер был, исключительный вечер. Вторник, 29-го марта. Так и надо запомнить.

Я все думала, целуя его: «кто же выйдет победителем из этой борьбы?» (Да, это была борьба. Он хотел, чтоб я отдалась ему сегодня же, сейчас же. Но, в чужой комнате, на чужой постели, где каждую минуту могли войти, увидеть...)

И потом, через два дня после воскресенья...

А он мучился... ах, как он мучился!

Еще оттого, что думал, что я не люблю его. «Лелька, для кого ты бережешь себя?.. Я знаю, что, если бы здесь был Таскин, ты бы не стала так долго думать...» Он плакал... один раз, как бешеный, рвал волосы... Конечно, ему невыносимо тяжело было... Но... все-таки... такое слабование. Ведь и мне тяжело было...

Потом, уже в 9 часов, когда целовались до одури, ...я все-таки удержала его руки, он соскочил с меня... — «Эх, что ли!... Ну, говори, где научилась так мучить...» Хотел уйти, я удерживала его. Обвилась вокруг него...

Потом упала на постель, откинулась совсем, и стало безрадостно, горько и черно; он откинулся на меня... «Эх, Лелька, сейчас бы по России в тройке, мчаться сломя голову... чтоб тебя забыть... чтоб все забыть... да нет, не забыть мне тебя!» И говорил так, каким никогда не слыхала его голоса. А я сказала: «Задуши меня», и мне хотелось умереть. И он рыдал, что меня — «ребенка такого» — так мучает... А потом опять лежал на мне и никак не мог развязать завязку у меня на штанах, и я говорила: «Не надо, не надо»... И опять сорвался, весь в муке и любви... А я прижалась к нему взади... я ласкала его...

«Лелька, Лелька, какие мы оба молодые и как мы любим друг друга...» Я сказала: «Отвернись» — и развязала все, чтоб сразу. Стучало во мне: «сейчас, сейчас»... Я сказала: «Ну теперь иди... я твоя...» А он сжал зубами подушку... «Эх, Лелька, хочу я тебя!» — «Бери»... «Нет, Лелька... Я тебя ждать буду... пока ты сама этого не захочешь»...

А через 10 минут пришли В<аля>, и Л<ихарев>, и «хомяк».

Мать пришла бы в ужас: разврат, позор, гадость... Мама, двадцать девятое марта — великий день. Я и Борька вспоминали — (и будем вспоминать) его, и нам было и страшно, и хорошо до боли, и нехорошо до тоски. «Я вел себя по-мальчишески... ты не будешь смеяться надо мной?» Глупый мой! Нет! Но я дала слово, что скоро, как только у него комната будет, я к нему на всю ночь приду, чтоб его женой стать...

А в среду была у меня огромная тоска обреченной... Решила, что пойду к нему. И вдруг показалось, как призрак: да полно, люблю ли... И рисовала позорные, страшные картины...

Была огромная тоска осужденной... И опять не хотела видеть. А когда прошла среда с бандуристами, передохнула легко: ух, сколько дней не видала!..

Но вдруг что-то повернулось. А почему бы мне не стать его женой?.. Последствий можно избежать... А если они и будут, что ж? Зачем нам терять драгоценное время? Ведь мы любим друг друга. Мать?.. Ну, что же делать? Жить — мне...

Об этом и говорили в [среду] четверг, после кино, в саду у цирка... И было все просто, хорошо, светло. Как я целовала, ласкала его...

А последние поцелуи были совсем пьяные... Говорили о ребятах — мы сына хотим. Мишку. Говорил — еще во вторник: «Я своего будущего сына — вот как люблю! Дедушка его у меня с руками оторвет...»

Вчера Юровскую в Д<оме> П<ечати> видела. Ой, как я ей, милой, обрадовалась. Говорили о моем замужестве. Это ведь верно, рано... мне... Могу ведь подорвать здоровье. Мне очень тяжело ждать, но я бы вытерпела бы до сентября... Я бы за лето поправилась, развилась бы, окрепла. Но вот Борька, Борька.

А Лихарев был скучный. Ему очень нехорошо было. С Вaley у него не клеится, да и вообще тяжело. Мне жаль его было, потому что я очень счастлива... Я, Борис и Юровская уходили, я позвала и Борьку Л<ихарева?>. Мне ему помочь хотелось, как можно, я его очень уважаю и люблю, как товарища.

Юровской я сказала, чтоб она с Борькой поговорила. Я ловко оставила их вдвоем, ушла вперед с Борькой.

Мы проводили Юровскую до дому. Под предлогом, что я узнаю, как к ней пройти, я пошла с ней и узнала, о чем и как они говорили с Борькой. Она сказала ему о моем здоровье — и т. д. То, что нужно. Молодец! И я молодец.

Обратно Борька шел насупленный, недовольный. Повлияла ли на него беседа с Юровской или присутствие Лих<арева> — не знаю. Мы с Лих<аревым> хорошо поговорили, потом он болтал без умолку, видимо, развеселившись. Корнилов попрощался сухо, отчужденно...

Мне очень тяжело было бы, если б знала, что сегодня часы не считает, не тоскует... А это так, знаю... У, мой милый, желанный муж.

Конечно, мое здоровье и все такое... Но... нет, я чувствую, что я скоро стану его женой. Никакие мамины слезки не помогут...

Ты видал ли на Невском,
 — Торопливой походкой,
 Проходя по панелям в заботах разменной,
 Бронзового Дон Кихота
 Между бюстами Маркса и Ленина...
 Санчо Панхо¹ — жирный, лоснящийся шарик,
 — Он ведь знает, пройдоха, что конь деревянный,
 А его господин напряженно шарит
 Мечом иступленным у витрины стеклянной.

¹ Так в рукописи.

Тонкий ход
 Дон Кихот
 Звон охот¹

...Не умеют без боязни ни ненавидеть, ни любить!..²

У булочной, на Невском,
 Стоял и скулил в небо...
 А мимо [голодного, мерзкого], *корками трескаясь*,
 [Несли золотые хлебы]... *Пронесли булки и хлебы*.
 Он копейкам кланялся в пояс,
 Копейки были с орлами...
 А [хлебы] *булки* вздыхали, спорясь
 Золотыми своими [галунами] *боками*...
 В революцию двери булочной
 Оделись в дощатый капот...
 И он встал в [неизвестной] *заплеванной* улочке
 У входа в темный пепо.
 И был он такой странный,
 Такой кроткий, такой больной,
 Что ему давали дуранды,
 [И даже] *Иногда* — картошки гнилой...
 Но прочистили жадные дни
 У булочной [стекла] *блеск* дверей,
 И он снова стоит у них,
 Только стал слабей и старей.
 [и также унылое небо]
Авто по-прежнему гулко
 [жадно смущает улиц вой]
Режут грудь мостовой...
 И так же проносят [хлебы] *булки*
 И так же — на улиц<ах> него
 [И то] И [без хлебы шепчутся] спорясь
 Золотыми своими [галунами] *боками*,

¹ Строки со слова «стеклянный» до слов «звон охот» выделены рукой О. Ф. Берггольд лигатурой.

² Далее черновые варианты стихотворений, записанные рукой О. Ф. Берггольд на обороте тетради; не датированы.

[Но он] И он кланяется копейкам в пояс
По копейке теперь с серпами
 [Но с <1 сл. нрзб> и орлами]
И на брюках те же заплатки,
И те же слюни от голода,
И небо голою патокой
Наступает на крыши города

[Только и разница: вчера Невский
 Сегодня пр<оспект> 25 окт<ября>]

Эх, праздники, да.
 А в воскресенья, на завалинках,
 Когда дергач кричит — во ржи,
 — Все ночи песнями завалены,
 Всю ночь гармошка ворожит...
 И в кудри ветер — это веснами,
 И в бороду снегам — зимой
 Под белорудыми березками
 Поет зазнобушка-гармонь...
 А здесь, за шумами трамвайными,
 Гармони голоса [робки голоса] *голоса тихи,*
 Не потому ли и скучаем мы,
 В честь голосистой вьем стихи...
 Мы любим песни неземные,
 У затихающей межи.
 [И звон] *И на село* И хорошо в пору сутемную
 [Завалин<ки>]
 Горластый город песни громкие
 Поет без перерыву сам, —
 И звонь гармоней в звеня звонкие
 Не нижется по вечерам...
 Но мы, — такие неумные,
 Не позабудем мед<?> межи,
 Гармонь — как во пору сутемные
В стихах заставим ворожить...¹

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц по правому полю.

[Разбуди меня завтра пораньше,
Раньше, мама, чем будишь всегда.
Я ответственный барабанщик,
Но могу в отряд опоздать:
— Потому, что уже 12,
А еще не готов плакат:
Мой рабочий не хочет смеяться,
И короче серпа рука...
Завтра будет такой звонкий,
Яркофлагий, шумливый день...
Встанут толпы густой гребенкой,
И кумач зацветет везде...
Завтра песням
Звенеть без удержу,
Завтра песням
День увивать...
Ты меня никак не удержишь
И домой не засадишь, мать...]

В телефонную трубку согнутую
[После концер<та>]
Перед концертным шумом
Невидимый [голову] голос дрогнул:
«В Лондоне Красин умер».
И те, кто по радио принимали
Вечерние волны — вести,
Подумали, что рояли
После этого не уместны.
Фрунзе. Дзержинский... Красин...
Три величавые тени...
Еще могила украсит
Кремлевские древние стены...
Но [скрипки] рояли плакали вдалеке.
Были скрипки так неумны...
(до 12)
Еще портрет в ленинском уголке
Обвели черной каемкой...

Весна, весна красная.
Приди, весна, с радостью,
С великой милостью.

Все в мире — кружащийся танец
И встречи трепещущих рук.

Блок.

О, весенние зори и светлые майские росы,
О, прекрасная юность моя!
И. Бунин.

Весна 1927 года.

О, весна без конца и без края,
Без конца и без края мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю
И приветствую звоном щита!
Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха — позорного нет!
Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна...
И встречаю тебя у порога —
С буйным ветром в змеиных кудрях,
С неразгаданным именем Бога
На холодных и сжатых губах.

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Все равно: принимаю тебя!..

А. Блок

Сама свою жизнь сотворю,
Сама свою жизнь погублю.

...Я буду смотреть на зарю
Лишь с теми, кого люблю...

Блок

Терн сильно цвел в этом году... да...

Б. Келлерман¹

8 апреля 1927 года. Пятница.

Опять начинаю новую тетрадь. Борис говорил недавно: «покажешь ли ты мне свой дневник?» Нет... нет...

Он разлюбит меня тогда. Я дрянь ведь, по существу.

В воскресенье, 3 апреля, был замечательный день!..

Опускаю подробности приезда Тольки и следующие подробности его «изгнания». К Балдиным приехали Лихарев, хомяк и Борис. Сначала мы были у них, потом пили чай и сидели при «лунном» свете у нас. Правда, до «лунного» и «безлунного» света нас поймала мама с нотациями и шкатулкой воспоминаний... 40 минут тянулись убийственно долго. Наконец, мама ликвидировалась вниз. Мы до 12 <часов> пребывали одни и веселились. Никто никому не мешал. Потом мама снова заставила нас читать стихи. Наконец, мальчишки пошли вниз, к Балдиным. Мы с успехом наверстали время, отнятое у нас мамой. Я была как бешеная — так я ласкала и целовала Борьку. Первый раз — сама так ласкала его. Дикое что-то чувствовала в себе. Были бы одни — стала бы его... А он, как он сжимал меня!.. У, какой он сильный, сильный...

Таким образом, досидели до часу, все никак оторваться не могли.

...«Лелинька, — говорил Борис, — скоро моей будешь?» И я отвечала: «скоро»... «У тебя будут блестящие глаза... блестящие», — шептал Борька.

«Лелька, ночью ты будешь белая, горячая, голая...» А я говорила: «молчи, не надо, не надо об этом говорить так часто».

Я просидела у Балдиных до 4 часов.

Мальчишки остались ночевать у них...

Маму мы надули.

¹ Со слов «Весна, весна красная...» записи рукой О. Ф. Берггольд на форзаце тетради.

Е<лена> П<авловна> была «безукоризненна», не считая ее лекций по физиологии.

В четыре я ушла, хотя Борька и просил остаться ночевать. Но к чему было возбуждать его... да и спать я захотела.

А пришла домой — острой тоской потянуло к Борьке. Не было холодно, глядела в зеркало на грудь, она у меня маленькая, нежная, неоформившаяся. И сама себе казалась странно-красивой...

А окна синели, становились легче, звонко кричали петухи. Я писала письмо Борьке об этих окнах, петухах, о моей тоске. И так потянуло к нему! Одеда пальто, сбежала вниз, стукнула в то окно, где они. На улице было светло.

Борис выглянул, увидел, выбежал в коридор, что-то загрохотало за ним — таз.

Поцеловались горячо, сочно, стало легче; пришла; в 6 часов уснула.

На след<ующий> день в 12 они уехали.

А в понедельник были с Б<орисом> у Лихарева. Немного повздорили, потом опять я мучила его, так целуя и лаская, как никогда.

А он лежал на постели — красивый, кроткий, любящий... Меня зло брало: «Борька, ты всегда одинаково меня любишь?» — «Лелинька, мне всегда одинаково хорошо, когда ты около меня»... Ну, можно ли так, можно ли?! Я мотала его голову из стороны, глядела на него зло, а он только губу закусывал, смотрел преданно, со страданием, так что сердце у меня разрывалось, и я чуть не плакала, целуя его... Милый, милый...

Говорил: «Ты для меня эти дни дороже всего, всех... я тебя никогда так не любил»...

9-го апреля. Суббота.

Хочу в Университет ехать на вечер, а говорю, что к Раменской.

10 апреля. Воскресенье.

Зловещих много предсказаний, —
Старушечьих угрюмых слов:

— Ах, девка, девка, ты завянешь,
 Ах, скрутит резвую — любовь...
 А мы видали, мы встречали
 Таких же молодых, как ты...
 Они увяли все... Печалью
 Покрылись высохшие рты...
 Но я не верю, — я не верю
 Зловещим — мудрым и седым,
 И, подходя к заветной двери,
 Не вспоминаю их следы.
 Что мне до старых и скорбящих,
 Что мне любовь мою таить?
 Когда, по-новому блестящи,
 Мои глаза глядят в твои...

Как мне назвать такую ночь
 И что в ней стало безначальной?
 Простых стихов прибой печальный
 Иль это синее окно?
 Петух в восторге закричал,
 Крик петуха — молитва утру.
 Я стала строгой,
 Странно-мудрой...
 [Восход] *Рассвет* улегся на плечах...
 Как назову такую ночь,
 Она грядущего дороже:
 Тогда тупое бездорожье
 Я постаралась превозмочь...

Не знаю, как потом, а покамест эти стихи мне нравятся: Мне думается, — хороши.

А в голове у меня... су-умбур и невыспанный сон. Ведь всю ночь не спала — все с Борькой говорили, лежали — обнимались да целовались.

В университете было не весело. Мне только понравилось, как лезгинку танцевали.

Я многим нравилась. Могла бы без усталости танцевать. Но была все с Борькой.

Я интересная была.

До половины третьего были там, потом пошли с Борей домой. Ой, хорош и необычаен город ночью, в его красивейшей части — мудрой Василеостровской...

12/IV.

И целая ночь прошла в поцелуях, в горячке; были и слезы, и боль, и тяжелые минуты, и радость несказанная...

Когда наступило утро, лица сначала голубые были, потом посерели... Рассвет был слепой... Зари не было, даже отблеска зари. А должна бы была быть заря — ярко-алая, с золотыми блестками, с розовым светом... Может, где-нибудь и была... Где-нибудь далеко... На Борькином Керженце. Мне Керженец представляется прозрачным-прозрачным, а кругом леса дремучие, седые.

В воскресенье с матерью крупный разговор был. Вечером с ней истерика, сердечный припадок... Колени у меня дрожали ужасно, отчаяние подкатывалось... Но потом хорошо поговорили; на все почти согласна, только, говорит, осенью — рано.

Ладно, главная брешь пробита.

А еще — вот беда! Борис на Кавказ со мной ехать хочет, и мама туда же...

Я раздваиваюсь: ведь обещала маму «везде повозить»... А одним лучше... интересней...

Он уедет во вторник, 19-го числа, к себе насчет «всего» поговорить... Обещает 30-[3]1 приехать; а вдруг, — встретится с Татьяной... вспомнит старое... и я напрасно буду ждать его к 20, к 28, к 30 мая... Нет! Этого не может быть.

Сегодня обещал прийти к 5–6. Ждала до 8 — не пришел. Ждала — изнывала. Если бы пришел... ох... за себя страшно... Ушла в кино.

А он через 15 минут после меня пришел... Ждал-ждал, не дождался — ушел. ОХ! И зло меня берет и тоска. Так хотелось целовать его, ведь с самой субботы не целовала...

С каждым днем люблю его все больше...

Были днем у Мишки Чумандрина. Он хороший. Верно, так и надо, что Корнилову немного влетело, хотя я страдала за него.

И политика «Резцовцев» — неправильная, хотя они мне дают страничку. Насчет Борькиной богемы — верно. Но верно, что и мы

говорим, что в «Смене» душно, однообразно, что Друзин — давит... И я еще говорю — тоже верно: дифференциация «Смены» — обострилась, и в дурную сторону. Конечно, она всегда была, но теперь «головка» усвоила отличительные манеры. В «головке»: 1) Лихарев, 2) Левоневский, 3) Корнилов, я (???), Берзин, Гор, + Чумандрин и Друзин. У 1, 2, 3, — вид мэтров и мнение... о себе. Незаслуженное. Фактов привести нельзя, но чувствуется.

Остальные — инертная масса, тупая довольно. На собраниях томительно, как в пустыне, в 90%. Надо раскачать! Завтра писать буду...

Сколько часов я не увижу Бору? Приблизительно 19 часов... Это... с ума сойти! Разве не ходить и завтра в И<нститут> И<стории> И<скусств>?

А мне занятий! Я запорюсь... Я, как сволочь, ничего не делаю. Нет! Довольно!

14 апреля...

15 апреля. Пятница.

Год «Ледохода» 1926 года, ой, нет, ошиблась. То было 15 мая.

Я тупею, когда мама начинает говорить таким образом, как сейчас. Тупость какая-то сквозит. Все-таки она не выше своей среды. Хотя ею в деле моего замужества руководит на 60% любовь ко мне. Она согласна, чтоб я вышла замуж зимой, в январе, в феврале. Фью... (Я свищу.)

«Пока, — говорит, — не определится мое и твое положение, его положение и заработок».... «Потом ведь сшить тебе кое-что нужно»... «Свадьбу сыграем, позовем родственников»...

Э-э, мамочка, со своей любовью ты тащишь меня в мешчанское болотце. Нет, я не хочу, чтоб с тобой повторялись страшные сердечные припадки, но, по-моему, будут.

Нельзя, мама, жить так. Я люблю Бориса, я хочу стать его скорей, скорей, а тут ждать, пока «определится положение», пока мне нашьют рубашек, пока родственники не кончат кричать «горько» и вспоминать свои переживания.

После всего этого, с «определившимся положением», с открытой удобной постелью... «Теперь можно», — скажет мама, может,

перекрестит меня и, волнуясь, уйдет... Как все это серо, тускло, пошло. А все «родственники» и приятели будут с нехорошими мыслями смотреть на меня и Бориса.

Мы будем «умными», сдержанными и т. д. ГАДКО.

Нет, этого никто знать не должен.

Мама с физиологией ничуть не считается. Думает, что я — восковая куколка, что я не живой, горячий человек. — «Ну, читайте, любите, но зачем же так торопиться?» Мама, не мы торопимся, кровь наша торопится, весна торопится, любовь торопится. «Когда определится положение»... господа, КАК УБОГО... Конечно, вот, как насчет здоровья моего. Ну, да не беда, пожалуй, ничего не будет... я меры приму... временно.

Меня злит, что мама меня такой благоразумной и трезвой считает... Это я, я — трезва? Хе-хе.

Плохо, если Борис на Пасху не уедет... Я бы к доктору ходила, подпиталась бы, занялась бы без него спортом, плаванием занялась. (Мама опять «говорит»... Нудно... «Я говорю»... ох... ну, что я сделала особенного... Гв-спо-ди!!) Он бы поработал над стихами. А теперь опять...

Спать хочу. Не могу писать... Завтра.

18-го. Понедельник. Апрель.

Эх, нужно бы отвыкнуть вести дневник, да не могу... А мама, — неужели она его читает? У-ди-ви-тельная подлость!!!

Я думаю, очень серьезно думаю, — а действительно, не гибель ли будет моя жизнь с Борькой — в смысле здоровья? Эти предубеждения — такая ГНУСНОСТЬ, — даже в моральном отношении...

Мне плевать хочется на тех, кто говорит о том, что мы будем плохо жить с Борей. «Неорганизованно... друг друга погубят»... Идиоты.

Некогда писать — хочу писать стихи.

Да! Мамка узнала про ночевку мальчишек 3 апреля. Буза. Е<лена> П<авловна> фыркает. Валентина разыгрывает, или по-настоящему, — возмущение. Чем? Наш поступок гнусен. Е<лена> П<авловна> и В<аля?> Б<алдина?> — лгали. Значит, виноваты.

Вчера мать говорила с Борисом. — «Мне, — говорит, — его жалко было. Но впечатление я вынесла хорошее»... Гадко! Он после говорил, что ему страшно, какой огромный срок мать хочет наполнить платонической любовью... Говорил: «Сходи к врачу и узнай

насчет предупреждений»... ГНУСНО КАК! Неужели не может ждать? Ему меня-то не жаль? Нет, как только получу деньги — пойду.

Рано мне, знаю. Грудь у меня опустится... И так Борька слишком сильно сжимает ее.

Завтра приедет... А эти вечера с ним — все тяжелее... все мрачней...

Надо, надо принадлежать друг другу...

24-го апреля. (23-го м<енструа>ции).

Первый день Пасхи: солнце и клочки голубого неба. Обещал утром прийти Борька, не пришел. Наверно, напился. Мне тоскливо. Мать, очевидно, жалеет меня. На кладбище березы от солнца белые. Что-то плохо пошло у нас...

Он недавно говорил (врал?) мне, что приехала [к нему] в Ленинград его землячка, к которой он раньше «был неравнодушен», и он подумал, что почему же с ней не пофлиртовать, и во вторник, вместо того, чтобы поехать ко мне, он чуть не пошел с ней в кино.

Т. к. он боится, что он «не весь мой». Правда, уже вечером в тот же день, через час, он горячо говорил, что «он дурил», что он только мой, только мой, что он любит только меня. В четверг и в пятницу я была с ним не так ласковой и нежной, как всегда. Он прочитал.

27-го. Среда. Апрель. Вечер.

В воскресенье приезжал Борька. Оставался у нас ночевать. Ему постлали в гостиной, я была рядом. Правда, около меня спала Поля, но разве Поля не спала достаточно крепко для того, чтобы в 4 часа я могла перелезть через нее и быть возле спящего Борьки. Борька был до пояса гол, я тоже почти голая... Он хорош и мускулист... Между нами было МНОГОЕ... даже слишком многое... И потому, что я не стала его — мне это временами кажется гадким, чуть ли не развратом... Мне было очень стыдно, но, если бы я была вполне здорова, я бы не стала удерживать его...

Нет, больше так нельзя... Это очень возбуждает...

...Конечно, мы почти муж и жена. И я стану его, даже если разлюблю, потому что нельзя оставить без оправдания наши ночи — теперешние; иначе все превратится в грязь.

А рассвет был опять слепой... тупой... Только воробей чирикал, — смешно и радостно. Когда я подходила будить Борьку, на небе над церковью была еще чистая полоса. Потом все стало бесцветным...

...Он много оскорбительных вещей говорил, потому что ревнует и страшно боится меня потерять.

Он любит меня. Он меня страшно любит... Я счастлива. Но любит обыкновенно; эгоистично; часто мелочи заслоняют все. Я хочу титанической, огромной любви. Как небо.

Впрочем, это мечты каждой 17-летней девчонки... У него большая человеческая любовь. Это главное. Я люблю его. Я люблю его.

Сейчас писать некогда. А надо о многом. После. Сегодня иду в школу на концерт.

28-го апреля. Четверг.

Вчера приехала в Дом Печати, думала, Борька поедет со мной в школу. Он пришел сильно напудренный, глаза точно подведены — черной тенью, лицо какое-то мятое. Ой, больно мне стало! Точно после ночи пьянства или разврата.

«Поползли ревнивые, да, надо сознаться, ревнивые мысли», — говорил он, что раза два был у какой-то знакомой-киноартистки, у нее было 2 мужа и 1 аборт. Хотя говорил, что ничего не было; — я и не ревновала, когда сказал, что был у нее.

А вчера подумала, что был у нее всю ночь, так же, как и со мной была ночь, или больше. А когда он уходил от нее утром, она напудрила его из маленькой серебряной пудреницы, с синей эмалевой крышкой.

Почему мне было так тяжело видеть пудренного Корнилова? Потому что во вторник на концерте в И<нституте> И<стории> И<искусств> было много пудренных мальчишек; потом Есенин представлялся — опущенный, подкрашенный. Ведь Борис очень талантливый... очень.

Говорит, что всю ночь писал. А я не верю. Это гадко, что я не верю. НЕ ВЕРЮ. В лучшем случае — пьянствовал.

Да! Отец на Пасхе три дня пропал, прокутил около 40 рублей. Когда я его раздела, то в кармане у него нашла два билета в Оперу на «Хованщину», на 1 мая. Я взяла их себе, мы пойдем с Борькой.

Так ему и надо. Он сначала хотел нам достать, а потом говорит: «Не могу, не достать!» Лгун. А А<настасии?> Г<ришечкиной?> небось достал. Так и надо. Это ему месть за то, что часто всем боль и обиду причиняет, пьет и пропивает, часто с А<настасией?> Г<ришечкиной?> везде ходит. Пусть! Правда, гнусная, корыстная месть, и я мелкий воришка. Если б я их порвала, а то ведь пойду. Ну, наплевать...

Меня зависть берет к лучшим людям, писателям: Короленко, Гаршину и др. Вот люди! А я? Обыкновенная, пустая, не талантливая... Эгоистка сволочная, мелочная. В общем, посредственность полнейшая.

Главное, у меня слабоволие большое. И несамостоятельность. Вот, мать заявляет, что она меня не пустит работать. Фиг Уж тут-то я сумею поставить на своем, хотя из дома уйти придется, и то... С осени должна начаться большая жизнь. Большая жизнь — с Борькой или без него. Нет, конечно, с Борисом. Только, что-то думается мне, что скоро он меня бросит.

Это огромное горе будет, я его люблю. Очень. Надо приниматься за социологию искусства. Крайне интересный предмет. Хочу сдать экзамен на звание кружководы, чтоб доказать всяким Дружным, что я могу заниматься и уж не совсем дитя.

29-го. Пятница. Апрель.

Отчего-то ничего делать не могу. Надо заниматься, столько дела. Стихи пишу все хуже и хуже.

«Камни» и «Корабли» не удаются — вяло или высокопарно. Господи! Отчего так? Отчего не льется стих высоко, хорошо? Страсти или веры нет?

Ведь есть же оно, есть! А получается — верно, вяло... Да, наверно, я бездарь. БЕЗДАРЬ...

Кругом говорят, что с выходом замуж я погибну. Я смеялась, а теперь поверила. Ну, как мы жить будем, на что? Связывать себя ребенком сейчас — ни за что. Быть больной, калекой — тоже удовольствие не из первых. Я же очень молода еще. Но Борька, Борька... впрочем, ведь и мне тяжело... Да, наверно, ночами он томится, думает, желает меня. И есть у него огромная радостная тоска и мучение, — как и у меня. Думает он обо мне... И вот всего этого огромного лишится он, после того как я стану его...

Эх, Боря, подумай, стоит ли?.. Впрочем, это идеалистическая брехня... Нет... надо ждать.

29-го апреля. Вечером.

Я теперь знаю, что сердце у меня — вещь. («Жестоко!») И еще — что словами ничего передать нельзя. Вот, мне тяжело, мне очень больно, совсем по-другому, как бывало до сих пор, а слова все те же — боль-но... тя-жко... тя-жко...

Да! Ведь сегодня ровно месяц с того дня, когда мы больше всего хотели и любили друг друга — тогда, у Лихарева... Всего месяц прошел, а мне показалось — годы, — долгие ночи и серые дни. (Мелодраматично?! Неужели? Жаль... но пусть. Зачем я кривляюсь?! Перед кем? Точно роман пишу, а не себе в строчки кладу.) Да, значит... тогда было... хорошо. И я была совсем другая — радостней, беспокойней. Радости во мне все меньше и меньше — той, легкой. Сейчас никакой нет...

Сегодня — день большого опустошения. Они бывали, эти дни, — тогда, 12 декабря, на Троицкой улице; сегодня — я уже не та, как тогда, и все гораздо сложнее.

Я ведь права оказалась: Борис пришел напудренный от нее, от той киноартистки, ее зовут Елена... Е-ле-на... Сегодня говорил, когда еще в Д<оме> П<ечати> были: что будто бы он кокаин нюхает и что через несколько месяцев его не будет. Я улыбнулась — как череп — и стала ждать смерти — своей. Точно какого-нибудь концерта — просто и обязательно.

Когда Корнилов сходил с лестницы одеваться, я подумала: «А скоро нас не будет» — и так деловито подумала, точно насчет зачета. Потом стало ужасно.

Мы пошли; Фонтанка была черная, с золотыми столбами, как осенью. Еще в ней колыхались бледными пятнами звезды — это я увидела потом. Кажется, да, — было много звезд.

Борька говорил мне, что Елена очень красива... говорит ему, что любит его; что к ней ходит много мужчин, которые на нее «глядят как-то остолбенело», и на него... Он несколько раз был у нее; он ее «не любит»... «просто она очень красива»... ему нехорошо; он «все дни точно в наркотическом состоянии»... Много еще говорил... а я точно падала... Я говорила ему — я плакала, но как-то странно, — слез не было, они по горлу в нутро ушли, уж потом, над Фонтанкой, как

девчонка — сморкалась и вытирала глаза. «Знаешь, так маленькие дети делают»... Не знаю... нет! Так дети не плачут!

Ох, как мне не хотелось, чтобы он видел мои гнусные слезы! Да что с ними сделаешь?..

Я ему говорила, что не надо никакого надлома; пусть идет, куда ему сердце велит.

Ну, нашел себе лучше меня, кто его больше любит, и пусть идет... Елена красива — я нет, у меня просто миловидное лицо и только.

[<2 сл. нрзб>] Елена — взрослая, опытная женщина, я — «маленькая» девчонка, еще не законченная, не принявшая чего-нибудь определенного, цельного, я еще вся — впереди.

Любовь Елены (если она есть!!) — не такая, как у меня, — она острее, быть может, глубже и сильнее, а у меня... У меня любовь большая, нежная и самоотверженная. Я уже много раз писала, как люблю его... И это не розовая вода, не влюбленность невинной гимназисточки, а любовь настоящая, любовь к будущему мужу.

Если он будет способен променять ее на другую, значит, она не нужна ему.

Но не песней, не бранью, не ладом
Не могли мы ужиться вдвоем...

Конечно, дело простое: Елена красивая, опытная женщина, отдает предпочтение Корнилову, может быть, увлечена поэтом, свежим человеком. Борис — мальчик по существу, но в нем уже рождается новый человек — мужчина; у него закружилась голова — и он увлекся ею. Это для меня ясно, хотя он говорит, что не любит ее. А я — «девчонка» в его представлении. Он говорит, что не пойдет к ней больше, что скоро все это пройдет, что он будет любить меня еще больше, чем сейчас... Да, а сейчас он меня НЕ любит... Да.

Ну, что ж... Вот опять лезут старые строчки:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым...

Ой, нет, нет! Зову, жалею и плачу, плачу...

Любимый мой! Уйдешь, уйдешь?.. Желанный, хороший, —
уйдешь, да? К красивой, взрослой... Гм...

Ну, что ж тебе сказать?..
— Пусть дни, как скатерть, стелятся..
Пусть за меня в твои глаза
Посмотрится метелица..
Тебе вдогонку я спою
Насколько хватит голосу, —
— Как выкрал красоту мою,
Как побелил мне волосы..
Кто подпоет, не все ль равно,
Да яблочки, да семечки,
Да беспечальное вино,
Чтоб не ломило темячко...

Вот уже не раз повторяю я эту песню.
А каждый раз — все больше подходит..
Ведь ему тяжело, я знаю... да полно, тяжело ли? Может
быть, врет?
Ведь он часто и много врет, я замечала.

Милый друг мой,
я очень и очень болен,
Сам не знаю, откуда
взялась эта боль?

Он не хочет, чтоб я ушла от него. Говорит, что любит.

До свиданья, друг мой, до свиданья,
Милый мой, ты у меня в груди..
Милый мой!
Ты у меня у груди...

Я не уйду от него. Я люблю его. Он мне много, много боли
принес.

Видишь, милый мой, глупость какая..
Я люблю его много. Я за него бороться буду.

Только он этого не почувствует...

Он мой; он только моим будет... Мещанство какое! Почему мещанство? Почему — страстишка?

Нет, нет, это настоящее, это страсть большая...

Я не стану его — ни сейчас, ни скоро.

Может, он и не любит меня.

Посмотрим, чья возьмет!

Было ли ему хоть когда-нибудь так больно, как мне? Эгоист противный, гнусный! Погоди, так тебе не пройдет...

Он сейчас не любит меня... Да, конечно... Эх, бабник! От любой юбки в «наркотическое состояние» приходит... Сила воли, характер! Их нет у него — ни хрена.

Он осунулся за последнее время. Ведь ему тяжело... Милый мой, милый! Что с тобой сделать: заласкать ли тебя, ненаглядного моего, зацеловать ли, обнять ли твою голову — на своей робкой груди покачать? Да ведь, верно, целовали и ласкали тебя другие руки, чужие губы, и стал ты не мой — чужой стал...

Ведь столько любви к нему, что умереть не страшно! Даже больно от нее... Боря, глупый, никто тебя так не любит... Да нужна ведь она тебе, моя любовь, я знаю!

Или вот завтра — быть с ним холодной и насмешливой, язвить ему... Ведь столько ненависти, обиды и... презренья... Что ж ты, Боря? Почему так заметался, чуть не свихнулся? Где же у тебя крепкая, ясная любовь?

Эх, и дура я... Ведь любви-то никакой нет — одна физиология, — влечение, а все — психологические надстройки. Ведь ничего нет ужасного в царстве животных, не ревнуют же курицы петуха друг к другу. Так же и у нас. Чего же я зря... бумагу трачу? Тетрадь дорогая, 30 копеек или, кажется, 40. Вообще дневник к сантиментам приучает... Нет, я не ревную... Здесь за самого Корнилова обида — какое-то... разбрасывание себя... Обидно, что обо мне так мало думает, что чуть ли не с каждой встречной готов «проводить время»... — «Я не хотел тебя видеть эти дни»... Конечно... Ну, чорт с ним... Разве свет клином на нем сошелся?

Надо трезвее быть... Надо делом заниматься — учиться, писать... Холодные обтиранья полезны еще.

Эх, кабы на цветы — да не морозы!..
Мил сушил-крушил,
Сердце высушил...

Ой, ты горе, мое горе — горькое горе...
Думают — я «маленькая»... Ох, какая я... старая-старая!..

Уж как пал туман
На сине море,
А злодей-тоска в ретиво-сердце...

Миша Ч<умандрин> — прочитав все сегодняшнее — не понял бы... «Вот, — сказал бы, — буржуазная девица»... А как иначе скажешь? Скоро утро. Окна полегчали...

3-ого <мая>.

Он сегодня два раза назвал меня «Еленой»... Неужели не нарочно? Неужели — НАРОЧНО?.. Завтра придет ко мне.

Под вечер я развеселилась; куда-то на время все схлынуло...

Борька какую-то новую манеру говорить усвоил — насмешливую, противную — покровительственную.

Но как меня мама злит: узнала, что завтра Корнилов придет, — начала говорить: 1) «вы в столовой сидите...» (Ой! Смешно даже... Если б в столовой был диван — другое дело.) «Надо хоть кого-нибудь снизу позвать». — (Помилуй, мамочка, для чего? Ей-богу, веселее с ними не будет!)

«Тетя Тася всякие гнусности говорит». Эх, мамочка! Вот где ваша особенность от среды кончается! Что скажет какая-то сволочь — т<етя> Тася. Ладно, я этой поганке старой пригрожу.

Ой, все-таки, до чего моя мать ограничена...

А Борька скоро получает комнату. Ладно, завтра я ему покажу, как быть снисходительно-насмешливым. И обо всем серьезно поговорим.

<1 сл. нрзб> 20-4 бут<ылки>

6 мая — 2 бут<ылки>

21-3 -//-

9 мая — 3 бут<ылки>

22-3 бут<ылки>

Мне тяжело все-таки... Ничего! Он не должен думать, что я очень сильно к нему привязана, что я очень кроткое и покорное существо.

Но вот беда — отец скоро вернется из театра. Ведь он устроился с билетами. Мать повезет... Это плохо, если у него к завтраму чирей не пройдет...

Гы... Хотелось бы одним провести вечер.

7-го мая. Суббота.

О Первом Мае не могу писать — духу не хватает. Все равно никогда не забуду этот день... Наш самый лучший? И... позорный день доказал, что оба еще ребята. Глупые и хорошие. Любящие ребята. Гхм!

Запомнить: зарю за кладбищем — бледную, но весеннюю; гармонь за окном; Борькины слезы...

И все, все запомнить, но не вспоминать.

Первого мая — всему верила...

Ой, эти дни — опять как-то смутно. Ведь Борис продолжает к Елене ходить. Она ему целые тома пишет. Говорит, что любит. Ну, ясно, между ними было многое...

Мне очень нехорошо. Но Борис этого НЕ узнает...

Написала ему письмо, над которым долго думала; оно ему «какие-то заслонки открыло». А потом сказала: «Только это письмо Елене не показывай»... И это было много. Это хорошее действие имело — очень хорошее. Холодный душ. А я ведь знала, что не покажет. Нарочно сказала; чтоб сделать больно и увидеть результат. Вот, Борис Петрович, как нехорошо, когда говорят о «товарообмене», о способности любить из-за пальто в 70 рублей, о «благодарности натурой» и т. д. Вам больно, что я не верила? А вы? Вы каждый день так делаете... Я не раскаиваюсь. [<1 сл. нрзб>]

Во вторник в лес пойдем, если хорошая погода будет... Социологию надо бы держать, ну, да уж другой раз... Ох, интересно же, социология... Ну, об общественных вопросах завтра — сейчас спать...

175-38 — Б. Корнилов¹.

А Борьку я все-таки люблю...

¹ Запись рукой О. Ф. Бергольц по верхнему полю в центре.

— Раньше был совсем незнакомый,
А теперь такой дорогой,
Что мать не удержит дома
Подарками и тоской...

Сказал: «В пять завтра буду в Д<оме> П<ечати>, потом на выступление поеду». Я приеду в 6... Возможно, что он будет выступать по тротуару с Еленой... Увидим. А если выступление — неужели не может одним поступиться для меня?..

Хорошо, посмотрим...

У нас любовь становится убогой и скучной...

Среда 18 мая.

Мне очень нехорошо. Как я наш дом ненавижу! Противный, сплетничающий, грязный, мещанский — червивый... Да, мне очень нехорошо. Дома отец и мать — нудные, раздражительные, — ворчат, нудят, ноют... Ну что это за хамство — приказывать, чтоб я ровно в 11 была дома, — когда весна, когда наступают белые ночи, и Нева, и закаты... Уж не прикажут ли они мне есть в 8 часов манную кашку, а в 9 ложиться в постельку? Кто я-то — Люська или Муся?

Они требуют от меня исключительной серьезности, «благоразумия», требуют учебы, заработка, да разве я не имею права повеселиться, пожить хорошо так, чтобы вспомнить молодость? Они забыли, как они жили... или хотят и меня заставить терпеть то, что сами переносили... А мне маму жалко, и я не могу грубо и резко сказать ей, что хоть она и считает меня за «ничтожество» и за «девчонку» — я не то и не другое. Да нет, уйду осенью... Только силой запасться надо. И заработок тоже... Но работу на ф<абри>ке с учеьем совмещать — невозможно...

А сесть Борьке на шею... а иметь ребенка — нет.

20 мая. Пятница.

Вчера днем долго с Борисом по кладбищу А<лександр>Н<евской> лавры ходили. На могилу Достоевского положили тополя две распускающиеся ветки. Около могилы Рубинштейна целовались и хохотали... Но Борька распустился здорово: к чему такое обилие сальностей,

обливание грязью наших интимных отношений, такие циничные издевки над 1 маем!? Я начинаю презирать его в те минуты, он кажется мне приземистым, гаденьким...

Вечером пошли на «Любовь под вязами». Ой... как хорошо... Вот какой любви хочу... А я — разве я не смогу так любить, как Эди? Кого? Борьку так любить или другого? Борьку — сейчас; надо его так любить... Скоро поедем в лес, может быть, для того, чтобы принадлежать друг другу. Но как я боюсь повторения первого мая... Все, только не 1 мая...

...А березы в зеленой дымке, и все короче ночи... Тополы сильно пахнут, растет трава.

Мы любим друг друга. Мы любим и хотим друг друга. Любим и хотим... И так будет — скоро. Я боюсь только, что это не даст мне удовлетворения. Конечно, ребенка боюсь и не хочу...

...Неужели над этими строками смеяться буду, как над теми дневниками? Да, наверно...

В ЛАПП'е в воскресенье, наверное, экзамен держать... Меня за стихи ругают, пишу мало и плохо.

Скучно в ЛАППе!

Троцкий прав... Да нельзя писать под диктовку... Ой, писать некогда.

Еду в Д<ом> П<ечати>. Ой, ни анкеты, ни автобиографии не написала.

Вечером.

Нет, для того, чтобы Бориса «прибрать к рукам», — одной любви недостаточно: надо характер. Например, сегодня: говорили с ним, и все — конечно, намекал на Гора и к нему ревнует, потом подошел ко мне рыжий, мы с ним поговорили, прошли в комнату, сели на окно, стали говорить. Борька раза два заглянул. Вышли мы потом; я подошла к Борьке; он сбросил с плеча мою руку, стал ломаться, узнав, что я иду на лекцию, — стал уходить, ничего не говоря... Я попрощалась с ним, пошла на лекцию. Он, наверно, думал, что я стану уговаривать его, за ним пойду... Не тут-то было... Я ушла и звонить не стала.

Дрянность какая... «му-ж!!»...

Кто же Борька? — За последнее время этот вопрос част у меня. С одной стороны, большая любовь ко мне; я знаю, он чуток, способен на самопожертвование; у него и сила воли есть; горд; не глуп.

С другой, какое-то пренебрежительное, снисходительное отношение ко мне; почти вечные насмешки, издевочки... Бахвальство, которое угрожает перейти в самодовольство. Что Корн<илов> часто бахвалится, я замечаю, — я не так-то наивна, как ему думается; а он говорит, что чуть не повесился зимой, — где ж тут самодовольство? Это еще ничего не говорит... нет, он не самодоволен, но может стать самодовольным, тенденция у него к этому есть.

Он или неискренен, наигран в своем поведении, или действительно таков. Да, я часто замечаю наигранность, ломанье, и он кажется мне чужим. Иногда мне думается, что мы недолго проживем вместе... Я не выдержу его мелочной деспотичности...

Нет, я поступлю вот как: увижу его, наверное, в воскресенье, — завтра иду на «Фауста» ... — рада. Сделаю вид, точно все как надо, первая ни о чем не заговорю, но обращение немного переменю.

Пора ему перестать глядеть на меня, как на ребенка. Надо с ним тверже поступать. Я его достаточно... приручила, теперь нужна дрессировка. Он сам мне будет благодарен за нее потом. Конечно, он не заметит ее, как не знает о том, что мне больно за его встречи с Еленой, что я боюсь его встреч с Татьяной, очень, очень боюсь. Но на этом он НЕ сыграет и не узнает об этом.

Я люблю его... и должна его переделать...

26-го мая 1927 г. На календаре 22 мая, воскрес<енье>.

Мне страшно писать...

Но буду. О 22 мае 1927 г<ода>. Воскресенье.

День тогда был зеленый, с легким ветром и большим солнцем. Я глядела на березы, и сердце екало, я падала на кровать, смеялась и знала, что сегодня так будет... Я знала... я знала...

И было. На правом берегу реки Невы, далеко от города, где совсем по-деревенскому, пахнут, и лес шумит; среди ольх, еще не оперившихся, на земле, сырой и душистой, выпершей подснежниками; под небом и пеньем жаворонков — мы мужем и женой стали... У Борьки зеленые, густые глаза были...

Больно было... Хорошо было... Хорошо... было... нам.

31-го мая. Вторник.

Дни после 22-го — дней 5-6-4 — были как праздник сплошной... Они были так сочны от радости, как яблоко соком... Какие мы счастливые были...

А потом опять по-старому стало. Отчего? Не знаю. В воскресенье приехал А<натолий> К<оссов>. Потом приехал Борька. Увидел А<натолия> — завертелся и ушел... Так мне нехорошо стало, что подошла и на календаре 22 переменяла на 29...

И вот, вчера и сегодня... Он хоть 22<го> и говорил, что «будем до осени ждать», а ведь я знала, что «не дожидаться»... И вот теперь он мучается, «каждые полчаса» — пытка ему... И когда я ему говорю, что приду скоро, в конце той недели, — ему все кажется долгим сроком... Он суетится, ему нехорошо, да, я знаю, ему очень тяжело... И он эгоистично не считается с моим состоянием. А я ему говорила: в субботу, 4-го, должно быть... Ну, нужно сходить к а<кушер>ке, я не хочу себя связывать... Я не могу «быть у него» раньше, чем 15-17, в крайнем случае — 13<го>...

Сегодня говорила с Володькой Б. Он мне рассказывал о своей связи — и меня омерзение взяло...

Остро-остро заговорила тоска о Боре... Я бежала в Д<ом> П<ечати>... Ох, как обрадовалась ему...

А мысль копошится — вдруг прав В<олодя> Б., и Боря тоже живет с кем-нибудь?.. Нет, не верю, тогда бы не был таким нетерпеливым.

Борька! Я знаю, что ты мучишься, что... знаю я все, Борька! Было и со мной так, что белой ночью охватит тоска, жгучая, огромная... Небо в саду кажется слепым и бездонным, из груди точно тянется что-то; потом придешь из сада домой, раздеваешься медленно и смотришь на грудь в зеркало [1 сл. нрзб.]. И когда лежишь в постели, чувствуешь свое большое, крепкое тело и бархатистую кожу... А тоска все не проходит... Она заставит протянуть руки — к тебе, потянуться до боли, до хруста... Потом захочется, чтоб около лежал ты — сильный, тяжелый, любящий... Чтoб ты ласкал меня — грубыми, нежными руками... Потом тяжело дышать станет и страшно думать... Но я думаю... но я думаю... да, о том, что хорошо сейчас стать твоей... И тяжело станет...

Борька, Борька!..

Зачем слова такие... рахитичные, что ползают по бумаге, — да, слюнявые и рахитичные, как из банального романа?

Любимый, прости меня... но ведь я затем так, чтоб потом хуже не было... Любимый, подожди!..

А иногда, когда идешь с ним, и он, насупленный, молчит, — гнусь забирает: господи, подумаешь! «Скучный, как муж»... действительно... Как он не любит, когда его ругают!.. — Призрак самодовольства?..

Буду долго ночью заниматься... А вот социологию — учила-учила, а вдруг задают вопрос — и не могу ответить!..

2-го июня 1927 года.

Я у Борьки была. Со вчерашнего дня опять хорошо и дружно у нас... У нас... (у нас!!) — прехорошенькая комнатка! Маленькая, уютная — прелесть. Постель широкая, мягкая — нет, я о постели потому, что, значит, Борьке удобно спать, а не почему-либо...

Как мне трудно было сегодня — не стать его! Ведь, когда ехала, хотела этого...

А ему было... нехорошо... Но скоро, скоро, дней через 10–11, буду его — радостно и спокойно... Мне не стыдно писать о моем желании быть Бориса. А мать сказала бы, что это — «похоть, животное»... А если и так, то почему это худо? Почему?..

Я похудела и похорошела за это время, и все замечают это. Б<орис> тоже осунулся и стал лучше. У меня грудь как-то изменилась, стала больше и туже.

Как мне хочется в деревню! Ой, а как же я не буду видеть Бориса?.. Страшно!

Завтра истмат сдавать. Кажется, все знаю, а ведь могу запороть... Поэтику вчера — безобразно сдала. Много на осень оставила. Ну, не беда...

4-го июня. Суббота.

Настроение паршивое... отчаянное. Потеряла метрику и книгу — социология, — чужую... А главное — нет м<енструа>ц<ии>... вдруг — забеременела. Да нет, не может быть, не должно быть... Нет, не может быть. Просто так отчего-нибудь... Но если?.. У..у... как много тяжелого будет. Но пусть бы на меня одну вся тяжесть, только бы не на Борьку да не на маму...

Глупый я человек! Разве можно так унижать себя — хотя бы перед самой собой? Ведь это, кажется, унижение — что страдаю от того, что Борькиного желания удовлетворить не могу... Когда он ласкает меня; когда я чувствую его страсть, желание, боль; когда вижу его, крепкого, сильного, любящего, — я хочу стать его... и мне тяжело от казывать — мужу... мужу...

Вчера я любовалась им... но не сказала ничего... стоял, вытягивался, — такой... такой сильный и любимый! Боря, радость моя, счастье мое, желанный, любимый!.. Как я люблю тебя... как люблю... Как мы будем хорошо, много, горячо жить... Как будем любить, работать, — хорошо!.. Только бы теперь благополучно прошло... Ой... ой... Да нет, ничего не будет...

Дома нудно, воркотня, прижим... А мама — любимая и нудная...

Иногда не любимая даже...

Вчера читала сборник программ, деклараций и т. д. «от символизма до октября». Интересно!..

Сначала символизм увлек. Даже подумывала о «неосимволизме», о возрождении традиций символизма на современной основе. Отчасти это проделывает Саянов. Конечно, и [симво<лизм>] футуризм — из символизма вылез. Только и есть две главные силы — символизм и акмеизм-адамизм (программный). А уж имажинизм — так, мыльный пузырь, дом на песке... Вообще нельзя школу без мирозерцания создать... А какое у имажинистов мирозерцание? А уж о ничевоках, люминистах, фуристах, биокосмистах и пр. пр. — и говорить нечего.

Вот Серапионовы братья — молодцы.

А программы В.А.П.П.'а — не могла читать... — всех. В зубах навязло. Конечно, это правильней и основательней всего... Но это не школа, и нового ничего не даст; а одно мирозерцание без новой школы — фундамент без дома... Конечно, наша эпоха синтетическая... А статьи Либединского — «темы...» — очень... нелепы... Это политграмота... В общем — хорошо...

Вот, что... думается: «Мысль изреченная — есть ложь...» Это верно... и еще: «для кого все в мире очень просто, постижимо и понятно — тот не сможет быть художником...» Это тоже очень верно!..

Возможно, что признание этих тезисов и сочувствие к символизму — реакция моей интеллигентской природы от слишком большого

потребления истмата... Да, слишком все просто и понятно в мире! Т. е. все титанически сложно, но в конечном счете... Но ведь это интеллигентский, мещанский вопль мой... Нет, не так! С одной стороны, я упоена блестящей победой Разума — диалектикой, материализмом и т. д. Я не возмущена тем, что черемуха раздражает слизистую оболочку носа, что это «прозрачно»... но мне чуть-чуть жаль, что все так понятно! Хотя это хорошо! Понятность — необходима в борьбе и из-за поэтов... — дураков...

Но я устала...

Неужели и завтра — нет? Приедет Борька, что я ему скажу? Опять буду чувствовать себя... виноватой. Проклятое чувство!..

6-го июня...

Все благополучно обошлось... Я рада...

Вчера Борис был... Много писать не могу — надо заниматься...

«Сердце поэта — центр мира... Кто чванится, что его сердце осталось цельным, тот сознается, что у него прозаическое обособленное сердце»... — Гейне.

Значит, в наше время поэт не может быть цельным? Правда ли?!

«У истинного художника социальный рецепт, предлагаемый им, является второстепенным делом, — решающую роль играет источник творчества, его животворящий дух, а не сознательно поставленная цель». Это верно. И еще верно: «Для устойчивого влияния, для истинного воспитания общества нужно больше, чем талант, нужна поэтическая личность, характер, индивидуальность, коренящиеся в твердыне законченного, многообъемлющего мирозерцания». Трагедия большого таланта — большого бесплодием.

Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее тернового венка...

11-го июня, суббота.

Как я думала об этой ночи — завтрашней... Это должна была быть наша первая ночь...

Я врала матери, что Борис уехал в Смоленск, что я иду к Юльке, Юлька приезжала и врала сама, но мать наконец сказала: «Если я и решусь отпустить, то если ее до половины первого не будет, то я сажусь на трамвай, еду к вам (т. е. к Юльке), беру Лялю и с этого дня ее никуда ни днем, ни вечером не пущу»... Господи, какое я унижение перенесла!..

Ну, можно ли, можно ли так унижать человека? Можно ли говорить, что «за твое поведение ты никуда не поедешь»; можно ли было при Юльке говорить все те дикости, которые говорила мать... Она меня за человека не считает, да... Ведь я не маленькая, меня нельзя за «поведение» «наказывать»... Господи, до чего мне тяжело, нехорошо...

А вот сейчас она за мой «грубый тон» решила меня никуда не пускать завтра... За то, «что ты решила, что пойдешь к Юльке, не подошла, не извинилась за скандал, который при подруге устроила»... (Верно, я плакала, очень, но я уж сдержаться не могла, — я страшно нервная стала)...

Ну, это ли не издевательство? Самое гнусное, самое гадкое... А ведь мать от любви так издевается! Ей тоже тяжело... А я не люблю ее сейчас, ничуть, это, может быть, гадко, но это так...

Зачем, зачем они так меня обезличивают, унижают, не верят? Как они смеют не верить? (Я вру все время, но ведь они не знают, что это ложь?) Как они смеют так обезличивать?

Как мать смеет устраивать такую охранку. Нет, я уйду завтра рано, с утра, — прибегу к Борьке, мы пойдем в Русский музей, — там увидим много картин, много, много, ярких, хороших, — о! Я так хочу смотреть на картины, точно пить воды... Потом пойдем в кино, потом пришли бы домой — и до утра я осталась бы у него...

К ночи влечет тебя юность твоя...

К ночи влечет тебя юность твоя... Да!..

А взять, да наперекор всему — остаться, — о, нельзя... Мать приедет к тому дому, (мы адрес наврали), пойдет в чужую квартиру — меня там не будет...

Страшно подумать...

Но больше всего страшно, что завтра нахмурится он, когда скажу, что на ночь не останусь, станет злым и грубым... вот этого больше всего боюсь, больше всего...

Боренька, родной... родной мой! Ты ведь самый родной — муж, ты матери роднее... И я люблю тебя и завтра твоей буду... Твоей.. твоей...

А что, если сейчас к нему ехать? Ой, нет, тетя Саша не спит, а главное, вдруг его нет дома...

Мы так думаем об этой ночи, что мне больно, что ее не будет. Ой... ой, как мы думаем о ней... Когда же ему сказать, до или после, что на ночь не останусь... А если остаться? А мать? А потом?

Борька!.. Борька...

Любимый, тебе будет больно... Я заласкаю тебя завтра... зацелую. Я буду твоей, твоей... И ты моим будешь...

Наша ночь! Еще отложить...

Я «предупредила». Как мне стыдно у а<кушер>ки было... Говорит, что ничего не будет...

А если завтра взять да остаться? Нельзя... нельзя.

Боря.

1/VII.

Можно ли было так унижить себя? Дура я! Никогда так больше не будет? Я была не виновата, ни в чем, а выходило, точно виновата.¹

[13] 14-го <июня>. Вторник.

Как бы удрать на ночь к Борьке?.. Как бы? Как бы?.. Мама спать не собирается, а Борька приедет к 12 часам или в первом к трамваю... Мы поедем к нему, и я опять буду принадлежать ему, как в Троицу...

Мать никуда не пустила, — нет, потом, потом напишу о Троице — о тяжелом, солнечном дне, о Ключеве, обо всем... сейчас не могу... как удрать? Как удрать? Уже скоро 12... Он скоро там будет... Я не могу...

Да, мы уезжаем в пятницу... О, ужас...

Да, в Троицу... Нет, не могу.

1/VII.

Но он никогда не посмеет сказать, что я «вешалась ему на шею»... «Через хату по канату»... Это было оттого, что любила его сильнее, чем себя, и себя ни во что не ставила... Я и сейчас его люблю много, только цену узнала откуда-то... Ой, нет, ерунду несу. Люблю, и хорошо делала, что удирала. Я была гораздо «активнее» его. Плохо ли это?

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц по правому полю.

20 июня. Глушино. Понедельник.

Мама, провожавшая нас, уехала, я вытащила дневник из кадки с житом и вот хочу записать обо всем, что было, с Троицы...

Обязательно записать надо.

Утром мать, не спавшая всю ночь, подозвала меня к себе и сказала, что она узнала, что адрес мы наврали и что Корнилов не уезжал. Я слабо протестовала, но тут начались мольбы — «побережь себя», — и я могла только плакать. Я послала Муську с письмом туда, к Борису, стала ждать ответа. Мать арестовала меня. Я ждала ответа с замиранием, так волновалась, ответ был достоин Корнилова. Он был испещрен фразами вроде таких: «ты еще очень мала», «глупости» и т. п.

Я боялась резкостей, но этого не ожидала... от Бориса. Так неплохо было, что хоть в петлю... Чтобы все время... не плакать, приняла огромную дозу валерьянки... И стала думать — как выбраться к нему. А как я презирала себя за это желание пойти к нему? Зачем? Не надо, это гадко... Но приехал Толька, и через три часа томленья с ним я поехала к Борису, с Ан<атолием>. Его не было, он был в Д<оме> П<ечати>. Я побежала в Д<ом> П<ечати>, не слушая голоса, который настойчиво говорил мне о моем свинском самоунижении... Мне хотелось и его унижить, но я могла только объяснить ему по дороге из Д<ома> П<ечати> к нему — что я ни в чем не виновата.

Выпитая валерьянка подействовала — я была совершенно спокойна, — не могла ни плакать, ни смеяться...

...У него на квартире повторилось... первое мая... Он хотел взять меня и не мог, — оттого, что очень волновался, устал и т. п. Но это было довершением всего мучительного дня...

Какое омерзение меня охватило! И это — мужчина?! Мужчина любящий, желающий, и такая тряпка... «Ты еще очень мал!» Хотелось крикнуть мне ему... «ты — размазня»...

Но я видела, какое ужасное состояние было у Бориса, я видела, что если я его оставлю, то с ним может произойти нехорошая штука, и я обнимала его, целовала и уговаривала успокоиться и поехать со мной... Он не хотел; ему, наверно, было стыдно и гадко... А я была спокойна и спокойно думала, что я дрянь — и не люблю его — и если уйдет — мне будет безразлично, потому что не люблю. Но это был, наверно, обман от валерьянки, — если бы не любила, если б меньше любила — разве бы стала уговаривать его, утешать?

Мы приехали в 11 часов; Борька спрятался в беседке; прошло еще 3 мучительных часа. Наконец, в 2 — кончили ругаться и разошлись, улеглись, и я прибежала к Борису. Уже ясно светало, орали птицы. Утренняя дрожь пробирала Борьку, и он хотел меня. Я предложила пойти к нему; мы пошли, и я увидела, что он — любимый, а я любима много, много. Я не забыла весь день, — но он отошел, и мне стало хорошо.

Шла заря, Нева была ясная...

В городе проститутки бродили толпами, пили водку, качались... Около них были грязные, поганые мужики... Ругались, торговались...

А утро было прозрачное и ласковое...

У Борьки во дворе неистово ворковали голуби, они слетались к нашему окну целой стаей... И они одни знали, что мы любим сейчас...

Борька был неистов и жаден... Он любит много и сильно... Но первая ночь — она... она удивила меня... Совсем не так, как пишут в книгах... Ему было хорошо... мне... я не получила того острого, огромного наслаждения, о котором раньше думала. Но мне было хорошо. Сейчас я оглядываюсь назад и вижу, что мне было хорошо, просто я не могла тогда разобраться в ощущениях, совершенно новых и удивительных... В следующую ночь — 14-го я получила большее удовлетворение, чем в первую, — я... мне было очень хорошо... Так же и 16...

1941 г Я узнала секрет физической любви полгода спустя. А первые разы ничего не ощущала, кроме стыда. Все это — от литературы, написанное здесь тогда, и читать это — стыдно.

Мне стыдно писать об этом... Я, может быть, зря пишу... Да, это хорошо... И это — не грязь, потому что мы любим друг друга. Я люблю его страсть, его тело, — люблю его как мужа...

Кто-нибудь может воскликнуть по моему адресу: «Какая самка!..» Но зачем же лицемерить? Зачем прикрывать паточной, лживой «чистой, святой любовью» — то действительно красивое первобытное желание физической любви? Почему это не «чистое», не «святое»? Это просто и ясно: мы любим друг друга, и наши тела друг друга просят, зовут друг друга темным, большим зовом...

Эта физическая любовь не исключает психической, но оживляет ее, как психическая одухотворяет физическую... А что такое

любовь — я не хочу формулировать. Я не знаю... Я знаю ее — зачем же формулы? Но вот уж и закат... Пойду к нему... Об остальном — после заката или завтра.

После заката. Я, когда с Борькой прощалась, — в ужас приходила... Сейчас... нет, не скучаю... Но все вспоминаю, все... Его стихи лучше кажутся... А его фотография — не нравится стала... Какой-то он там — не такой, как теперь — теперь он лучше стал... Сейчас, т. е. недавно, — была в деревне у учителя. Чудной учитель, глаза вышупленные — голубые — все рассказывал. Господи!

Да ведь лучше становится, лучше! Вот — кооператив, например; ведь 800 руб<лей> прибыли — не шутка! А пайщиков стало 90 человек вместо 60 — и интерес к кооперативу появился, — мне это радость, большая радость! Сразу легче стало и спокойнее — да и вообще я точно себя находить начинаю... Думаю, кажется, много, но думы еще самой невнятные, не словами думаю... Так хочется стать человеком гармоничным, цельным... А то я какая-то мятущаяся... Но что такое человек цельный? У которого противоречий нет? А человек без противоречий — кончает свое развитие. Но жить с такими противоречиями, которые были перед отъездом...

21-го <июня>. Вторник.

Завтра среда, и я должна получить письмо от Борьки... Как я жду письма.

Была у Зои. Милая Зоя, хорошая... Только как странно она любит! Как можно любить — и бегать от любимого человека, не желать его поцелуев и ласк. Как это?

Я, как скупой, боюсь сразу за все схватиться, еще в большой лес не сходила, о многом не пишу, стихов еще не пишу — буду понемногу за все...

22 июня. Среда.

Письма от Борьки нет. Почему, почему?..

А сегодня — мелкая годовщина — 22-го... Уже месяц прошел с того дня, с того дня... Недавно лежала и вдруг ясно ощутила — что я не девушка... Стало странно и точно жаль... Обидно, что уже не могу отнести к себе стихи о девушках, к которым относятся с восхищени-

ем как бы, с почитанием... Потом еще ощутила, что 22 мая — день — лучший, но неповторимый, — вот что обидно — он неповторимый... Я никогда, никогда не буду девушкой, — не в смысле... физическом, а вот — в том, что я совсем иная стала с 22-го мая; я чувствую, что иная, и такой уж, как до 22<-го>, — не буду... Нет — я та же, и косы у меня тоненькие, как у девчонки, — и я с Муськой совсем по-ребячески — «всерьез» подралась, а с Люсей на реке копала колодцы и играла в лошадки — тоже «всерьез», но вот — что-то во мне новое, иное... что, уловить не могу. Я — женщина... но не такая, как мама, как другие... Во мне еще... ребяческого, девичьего много, не знаю, хорошо ли это...

Я ни о чем не жалею, впрочем... Только иногда жуткое чувство, что ничего вернуть и повторить нельзя...

Сейчас месяц назад мы возвращались из леса...

А вдруг я окажусь на положении «покинутой, бедной, страдающей невесты»... По-моему, обычно жену или невесту покидают, когда встречают *женщину* — не друга, товарища и т. д., а женщину — ярче, непривычнее жены... Жена — свое, домашнее что-то, привычное... Я чувствую, что мужчины любят мучиться из-за женщин, любят добиваться их, любят, чтоб их «терзали», изводили... чтоб ими не дорожили, хотя они и обрушиваются упреками на женщину и взаправду хотят избавиться от «этой неприятности»...

...Борька как-то обронил, что он «ни от одной девчонки столько неприятностей не видел, как от тебя»... Я тогда же подумала, что «это-то и хорошо»... Если б он от меня меньше «неприятностей» видел, вопрос — любил бы он меня... Но эти «неприятности» не были обдуманной игрой, они как-то сами по себе выходили, в 99%.

Он говорит, что всю жизнь хотел такой любви, и я принесла ему ее... Да... Это та любовь, о которой и я думала... Она еще больше будет... Я ему много-много счастья дам, но увы! — не семейного... Меня ужас берет — не хочу записываться в ЗАГС'е... Точно цепи на себя наложу. «Же-на»... Домашнее животное — под названием «жена». Не жена по-первобытному, а «жена» по-буржуазному, по-кулаческому, по-обывательскому... Нет.

Недавно думалось... неужели я всю жизнь буду любить одного Борьку? Одного-одного из всех? Это показалось мне страшным и невероятным... Я даже наверняка знаю, что буду еще любить, одного, или двух, или много...

По-моему, человека нельзя любить ровно и за одно что-нибудь: любовь все увеличивается, обостряется, доходит до муки, до величайшей радости, во время этого бывают провалы, горе и скорбь... Когда любовь становится одинаковой и каждый день одна и та же, она тускнеет и старится... А люди, любящие друг друга, похожи на археологов; они любят друг друга, покамест что-то дают друг другу: когда археолог видит, что данный участок ему ничего не даст, никаких новых вещей, удивительных и странных, он покидает его...

И вот мне думалось: когда Борька ничего уже не сможет дать мне нового, когда он будет уже прочитан и — зачитан, — я разлюблю его и отправлюсь... на новые археологические раскопки... Но неправильность моего рассуждения, моей теории в том, что она... теория... А в жизни... а почему я знаю, как в жизни? Мне ведь всего 17 лет, и я подхожу к жизни... Но мне кажется, что это так... И еще мне кажется, что хоть я и люблю Борьку так, что «дальше некуда», и еще много и долго любить буду, но... придет кто-то, сильнее и лучше или, вернее, не лучше, а иначе, чем он, и я полюблю его — иначе — и до того полюблю, что это будет, как огонь — огромней того огня, который сейчас...

*Боря. Истотно.*¹

А может, — это сам Борька и будет, когда я его увижу иначе и точно заново полюблю еще раз — новой любовью... Мне думается, у нас в любви будет еще что-то очень огромное, тяжелое, значительное, после чего мы оба переменимся и заново полюбим... И эта любовь такая будет, что страшно...

И именно — в любви, а не в дружбе, не в товариществе, которые все-таки отделимы...

Ведь не может же так быть, чтобы вот поженились, стали жить вместе — и на этом бы кончилась жизнь? И все было бы достигнуто... все?!

23-го июня. Четверг

Ой, скучно, скучно... А скучаю о Борьке: хочу его видеть — (видеть? е-и?) — хочу его целовать — крепко... Ой, как бы я поцеловала его... Как бы заласкала сейчас — его, его, никого другого — только его...

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц в верхнем правом углу.

А ведь еще и недели не прошло с разлуки, а мне здесь жить еще 8 недель... Ой!

Нет, он, наверно, приедет сюда.

Ничего писать не могу... пойду гулять, о нем думать и стихи сочинять... Где-то позади меня много стихов — еще неосознанных, но хороших... Они должны быть написаны — по-моему. Только по-моему.

Корнил Борисов.¹

25-го <июня>. Суббота.

Вчера была на гулянье в Чернецке. Был Эдвард П<альмон>. Он, действительно, ничего... Я бы с ним с удовольствием покрутила, разумеется, слегка. Он любезно раскланялся со мной, увидев меня, и когда я уходила, улыбался все время мне, заигрывал, но не подошел и не прошелся.

Почему? Мне было это досадно, и зло брало, когда он с другими ходил. Странно: ведь он мне просто нравится... А я хотела бы, чтоб он влюбился — интересно, как бы он вел себя?

Дрянно или нет такое желание, и чем его объяснить? Мещанством — что я прежде всего увидела в нем — парня, а не «товарища» и т. п. Нет, вернее всего это — пол, и только. Как бы там ни подходили с новым бытом, а первое впечатление и первая оценка всегда с этой стороны. Когда, напр<имер>, в Райком придет к какому-нибудь «ответственному» раб<отник>у» девчонка просить общественной нагрузки, он при первом взгляде подумает — «хорошенькая девчонка», а уж потом — «хороший работник»... А если она ему понравится, то он — непременно захочет, чтоб и ей он понравился... Бессознательно, а захочет... Уж это — закон.

Неужели завтра от Борьки письма не будет?.. Как я о нем скуочаю! Хочу побороть эту тоску, а не могу... Вижу... во сне его каждый раз — что он целует меня... Как-то он?

Если он «крутит»? Что ж, пусть!.. Только я не хочу узнать об этом.

Он надеется, что я ему дам осенью дневник прочесть... Нет, конечно, не дам... Он многое превратно, неправильно истолкует,

¹ Запись рукой О. Ф. Бергольц в левом верхнем углу.

не поймет, обидится, ему тяжело будет, может быть, — возненавидит меня... А надо многим, конечно, посмеется...

Я не буду его тотчас же по приезде. Увижу, как он отнесется к этому — кого он больше ждал: МЕНЯ или своего удовлетворения?

И в тот день, когда меня «отдадут» ему, «разрешат» нам, — тоже его не буду! Не хочу я с чьего-нибудь «позволения» любить; любила без позволения, его стала — никого не спрашивала и в дальнейшем ничьих советов — (кроме советов врача, разумеется) — слушать не стану... Ой, не хочу в З.А.Г.С.'е записываться... Как я скучаю о нем...

Хорошо будет, если он сюда приедет. Только хватит ли у него ума захватить с собою эту гадость! Бррр, зараза... Но иначе нельзя... Е. А. Сазиковой здесь нет... Средство, которое Юлька хотела прислать, — бесполезно, ибо здесь нет аптек... А как бы было хорошо без всякой дряни...

Как-то Валька с Борисом? Как-то моя страничка? Черти, что не пишут? Гады!..

«Заклинаю вас, дочери Иерусалимские: не вызывайте любовь, пока она не вожделеет»...

Именем любовь назови!
Именем назвать не могу!
Имя моей вечной любви
Тает на февральском снегу!..
Г И<вано>в.

Не могу читать Мандельштама! «Душа» не принимает — не доходит до нее... А Георгий Иванов — очень нравится... У Мандельштама я не вычитала ни одной строчки, которая бы заставила меня затрепетать: сушь и гладь... Почему так? Я знаю, что у него хорошие стихи, но я не могу их читать.

26-го июня.

Я получила от Бориса письма... Я ответила ему... Но зачем писала про дрожание хвостиков, привет Татьяне?

Я вышла в сад, стояла, вытянувшись. Вот бы он подбежал, схватил бы и унес, чтоб мне его стать, чтоб зацеловать его, чтоб кусить его до крови, до смертельной жалости к нему... Верно, мне хо-

чется ему боль причинить, я рада, что ему очень нехорошо было, когда второе письмо писал, а не «скучновато»...

Обиделся на холодность моего письма... гм... я знала, что обидится...

Мы с ним очень оба сентиментальные... Что за Достоевщица со мной происходит? Это исступление — письмо... и в то же время чуть ли не стратегические приемы в письме — Таня?

Мне кажется, я становлюсь лживой-лживой, до волосинки — и точно я — не я, не искренний простой человек... Я хочу жаловаться... по-кушечьи стонать — жалковать...

Борька, я люблю тебя, люблю, ой, до мученья люблю... Приезжай! Приезжай, хоть поцелуй меня... Я твоя, я люблю тебя...

Я все перечитываю письма и целую их, а уже светает в Новгородской губернии... Хотя письма несла и почтальонша — через поля и леса, и поезд их вез, а все они пахнут Борькой и табаком. Чуть-чуть... а пахнут... Милые!..

27-го июня.

Была у избача, взяла всяких штук, чтобы рисовать плакаты, лозунги. Я ведь в комиссии по проведению Дня кооперации и конституции.

Вчера была на заседании правления кооператива. Все такие дяди, а я — девчонка в газовом шарфе и с прозрачными рукавами. Но относятся ко мне с уважением; и даже вроде оправдывались, когда я выразила [удовольств] удивление по поводу утечки масла в 11 килограммов. Стали оправдываться, чуть не извинялись, меня даже в краску бросило, но я не смущалась. Много писать некогда, пойду на дорогу сочинять стихи.

Ой, а как я загорела сегодня! Какого-то свирепого малинового цвета. И руки, и грудь загорели! У, я рада! И завтра загорать буду.

Мне весело. Но я скучаю о Борьке и... ревную его, кажется, к прошлому! Ну, не смешно ли? А как читаю письмо и подумаю, что, может быть, так же, так же писал Таньке или кому — зло и гадость берет!

28 <июня>.

Я захворала. Менструаций опять нет. А ну, как мне эта Сазикова что-нибудь повредила, или — все ее штуки бесполезны, и я? Нет, чушь.

Просто перекупалась и на земле полежала. Болит возле почек — бока.

А если... У, как не хочу.

И к Ермолову <?> не пошла, он <2 сл. нрзб> лозунг написала. Наверно, Борька получил мое письмо. Как он к нему отнесется?

30-го июня.

Снесла лозунги к избачу — понравились. Правда, они красивые, яркие, особенно — «Да здравствует СССР». Этот лозунг написан древнеславянским шрифтом, изукрашен трехцветно. А что за красота этот славянский шрифт, и как радостно им писать! «А», «В» — как терема точеные... «С» на сторбленную монахиню похоже, и «Г» тоже — на инока...

Я целые дни за лозунгами, ими разукрасится, зацветет изба-читальня, мужики любоваться станут — хоть маленькую радость доставлю.

А то обидно, что точно в стороне от строительства... Обязательно в деревне — избачом или учительницей буду. Хотя хлопот избачу — гора, но зато он — много хорошего и нужного приносит.

Стихов штук 5 написала, да недовольна ими что-то, стыжусь их. Не так думается, не так... Буду еще писать... Сегодня читала в «Комсомол<ьской> правде» много стихов — мои совсем на них не похожи и какие-то... ну, мне кажется, что они плохие...

Хочу послать в «Ком<сомольскую> правду», да боюсь, знаю ведь, как в редакциях относятся к стихам неизвестных поэтов! И стихи у меня ненужные никому, кроме меня, да, наверное, никому. Да их и не знает никто... Да, нужно сделать, чтоб их знали и заметили! А как? Ведь их печатать не станут, идеологии нет... Клюев говорит, что надо пострадать за свои вещи, это верно. Все, что «выстрадано», — крепко. Любовь, стихи. Любовь у меня хорошая, а стихи? Или «как 100 000 других в России». О, наверно!!! Нет, будут хорошие и нужные!..

В воскресенье буду говорить о Конституции... Как-то скажу? Хочу — хорошо.

Я поправилась и относительно здорова. А то было испугалась. Как-то Борька? Эта неделя за лозунгами и болезнью проскочила быстро. Завтра с утра рисовать... Еще цветистей нарисую. Завтра рано встану...

Какой туман был и кругами ходил.
Написать в «Ком<сомольскую> правду» письмо?

1 июля 1927 г. Пятница.

Опять себя плохо чувствую. Да и все проходит в моем состоянии иначе, чем всегда.

...Сегодня бабушка пугала меня всякими штуками из супружеской жизни: болезнями, уходом за мужем и т. д. Потом говорила, как неприятно будет все матери... От ее бормотанья и своего недомаганья — стало не по себе, мутно...

Представила, какая нерадостная, нудная возня поднимется у нас дома перед моим «замужеством», как мне будет стыдно за те вещи, которые мне сделают, перед родными и перед Борисом; вообразила мамины «советы» и «просвещение», ее смущение перед «знакомыми» за дочь, — и так нехорошо стало, что почувствовала усталость — заранее... Как было бы хорошо — просто уйти к любимому, без нудных сантиментов и грусти...

А еще впереди столько серого...

...Конечно, я боюсь за свое здоровье, но ведь я буду за ним следить. А уж не думаю, что Борис «бросит» меня из-за того, что я не буду «ухаживать» за ним...

Как-то мы жить будем? Ведь я его слушать, как маму, не буду... Ходить куда угодно и с кем угодно я тоже буду, не спрашиваясь «мужа». Приходить домой в 11 ч<асов> тоже не буду и буду оставаться ночевать, где захочу. Конечно, я не буду делать это нарочно и демонстративно, а по мере надобности. Ссориться с ним я тоже много не хочу, но беспрекословно подчиняться не буду.

Да, ну; наплевать, не буду расписание делать, там увидим. Я люблю его. Я его не буду злить и обманывать и... вызывать на ревность. У нас должно быть хорошо и стройно... и весело! Наверно, т. е. в [субботу] воскресенье получу от него письмо, — жду его! Что-то напишет?

Ночью долго-долго не спала. Сначала до остервенения хотела лежать рядом с Борисом. Потом стихи выдумывала... Уже сегодня разлюбила их! Чудится, что в них ахматовское — синтаксическое — веянье... Плохо...

Рисовала диаграммы. Средне, но удовлетворительно.

Вот поправлюсь, буду регулярно обтираться, купаться, заниматься гимнастикой, чтобы приехать осенью к новой жизни сильной, крепкой, румяной...

Мне очень хорошо цветной сарафан. Впечатление маскарада или оперности, кажется, не получается...

Если б мои стихи были живыми маленькими детьми, я бы истязала их с удовольствием: щипала бы, била, и самой бы было больно. Почему я думаю, что они — гадость, не то, что надо?

Ему мои прилуки,
 Любимые слова,
 И ласковые руки
 В широких рукавах...

Это звучное место... кажется.

А «Птицелов» не выходит, из 12 строк хороши только 2, да и то относительно, потому что, кажется, ахматовский синтаксис. Или это моя излишняя мнительность?

4-го июля.

Вчера был День кооперации и конституции. Говорила речь; перед началом разговаривала, смеялась и «митинговала» с бабами. О равноправии, о том, что жена да не боится мужа, и т. д.

Большой смех и успех был, бабы меня как-то любят и не стесняются. И мне хорошо среди них, почти в первый раз почувствовала себя нужной и «своей». И бабы говорили, что вот бы нам какую надо. Простые песни очень понравились, все просили попеть их. Надо будет пописать, или вспомнить каких-нибудь, или вспомнить и спеть им. Например — «Страда» Некрасова или еще что-нибудь.

Потом у Голинских были; они милые. Муська говорит, что ей (?) было заметно, что я стараюсь понравиться Ал<ександру> Петр<овичу>. Нет, конечно, я не старалась. Может, независимо от меня? Да что в нем? Правда, он хорош, несмотря на седину, морщины и т. д. Он мне нравится, и все. Как человек сам по себе, кажется, не особенно интересен.

Мне здесь из ребят никто особенно не нравится. Мне даже стыдно за свои прежние слова об Эдке и т. д. Все говны... Нет, не то что говны, а так... дураки.

Вчера семь писем получила. От Борьки — три. Первое — бешеное и злое. И меня даже, несмотря на два других — милых, — озлобление взяло.

Придумывала ответ, как можно ядовитей, все время придумывала, а сейчас лежала, перечитывала и когда дочитала: «я похудел, осунулся, все говорят», — от любви и жалости захотелось в голос заплакать, давно не бывшая тоска так скрутила, что вцепилась в подушку зубами. Борька мой, желанный, милый, болезненный... Я тебя одного люблю, люблю... ой, как горько, больно люблю. Больше, чем эти леса, поля, луга, мои цветистые, яркие луга; больше пастушьей песни на рожке вечером. А их я люблю как-то несказанно, грустно и чуть-чуть благоговейно.

И землю люблю. Сегодня с Люсёнкой долго ходили по лугам, собирали колокольчики, ромашки, желтые цветы. Было душно, от цветов нам в лицо поднимался удушливый жар, порою в море цветов набегал широкий, пахнувший озерами, ветер.

Мы разделись, голые бегали по лугу; у меня было чуть влажное, бело-розовое тело, позолотевшие от загара руки. Я люблю свое тело, хотя оно и несовершенно, и «зад крутоват», и плечи худые... Идиллия! Купались, потом опять бегали и собирали цветы. А я все время думала о Борьке и о том, что будет, когда он приедет. [<2 сл. нрзб>]

Борька пишет: «Теперь меня удавить нелегко. Говорить откровенно, тебе я этим обязан, любви твоей»... Если это не комплимент, нет, это так. Да, я недаром «вешалась ему на шею»... Гнусное выражение, но по мнению многих, — напр<имер>, мамы, — оно точно. Дураки.

О, я рада, что «теперь его нелегко удавить!». Ведь я все время говорила ему о том, как хорошо жить. Буду писать письма.

8-го июля.

О чем писать хотела? Не помню.

В Иванову ночь прыгали через костры и бросали венки. А ведь ерунда все! И скучно, что знаешь, что все — ерунда...

Вчера приходил избач, долго гуляли и говорили с ним. Ой, он хороший, несмотря на то, что считает Бальзака и Жорж Занд — ерун-

дой. Он мне много интересных вещей рассказал. Вчера вместо того, чтоб ждать Раскина на мосту, ушла на Волму; а он пришел потом. Неловко вышло, ведь собирались идти на сопки. Ну, плевать на него.

А бабка стала бормотать, что «жиды увозят девушек в Турцию, в гарем»... Вот глупость какая...

Надо пол мыть и голову, лень. Напишу Юзьке письмо. Чего-то скучно. Читала в старой «Ниве» про коронацию, про всеобщее ликование и т. д. Гнусность какая... Вот те же люди так же на годовщине Октября ликуют. Гады проклятые...

Видела во сне, как при Борьке целовалась с каким-то человеком...

Какой хороший дождь!.. Только бы завтра не было, на гулянье. Туда Ермолов придет... Я одену сарафан новый. У меня руки и плечи — румяные стали.

А сама я — урод. Нос загорел, лоснится, лицо толстое. Борька приедет и разлюбит.

С 17<го> будем проводить неделю обороны и сберкасс. Как-то пройдет.

Хочу, чтоб в воскресенье пришло письмо от Борьки.

12-го <июля>. Вторник.

Все время хотела взяться за тетрадку, да такая хорошая погода, тянет к ягодам.

А хотела писать о гулянье на Волме, о воскресенье — со всяческими анализами состояний и настроений, потому что было их много, и были они очень странные: я казалась себе в воскресенье лживой и поганой до последней крайности. Почему я стала так копаться в себе? Так ненавидеть себя? Уличать в какой-то лжи кому-то — и себе? Я никому не лгу... Но мне кажется, что я дрянь. Нет, нет... А что, я чудный, хороший человек. Да не все ли равно, кто я? Нет.

В субботу было гулянье [на Волме] в Запольке. Было скучно. А. И. — мерзко поглядывал. Под вечер пришел Ермолов. Я оживилась. Мы с ним решили идти домой. Для формы я поотказывалась, прежде чем идти, но ведь это было гораздо интересней, чем скучать у Зоннеров. Мы гуляли еще с ним в Запольке, потом пошли. Было хорошо идти, вечер, вернее, ночь — претеплые, все время оживленно говорили, я чувствовала к нему решительную симпатию.

Сговорились идти в Порок, еще к маяку. А в воскресенье пошла к Голинским.

Очень хотела повидать Ал<ександра> П<етровича>. Он не вышел. Я как-то остолбенела от глупостей П. Е. и радушия Вер<ы?> Пет<ровны?>. Какие-то они все... как из книги выдернутые... П. Е. с его упрямством, мемуарами, «Историч<ескими> вестниками» и обликом; Ал<ександр> Пет<рович> — словно из фильма о белогвардейцах — красивы и «фотогеничны» на фотографиях, шепелявая, милая, некрасивая и, очевидно, с большим «внутренним миром» Ел. П., идиотичный «Фомушка» и т. д.

Больше не пойду к ним... в их барский, дряхлеющий, старый дом...

А Ал<ександра> П<етровича> — ненавижу за свои думы о нем. Девчонка. Дура. А не комсомолка. Ермолов с Толькой Оз<еровым>, — у которого «нос баранкой», по выражению Люсёнки, и Ванькой К<аруновым>. Все пьяные. Как мне неприятно было видеть Ермолова пьяным, жалким и смешным. (Они пришли на хутор.) Мы погуляли с ним, я издевалась и хохотала, а он упрекал меня за то, что я не пришла в 4 часа, чтобы идти в Порок. Да я не дура — тащиться пешком 15–16 верст, смотреть на какого-то глупого факира...

Пьяный Ермолов живо напомнил мне пьяного Борьку. Вообще эти дни вспоминала отвратительные минуты с ним, 7-го мая, Троицу, 10 ч<асов> вечера, его пьянку, — и никогда мне все это не казалось более мерзким и стыдным, чем в эти дни... Почему?

Сегодня Ермолов и Озеров прихрюли на хутор, лежали в поле долго-долго, думали, верно, что я подойду, но я сгребала сено. Они ушли. Чорт с ними. Ермолову, наверно, стыдно. Господи, какой он жалкий был и смешной!..

А как же компания? Нет, завтра пойду к нему узнать. Нехорошо? Нет, пусть попробует подумать, что я «бегаю»! Буду завтра держать себя «неприкосновенно» и по-деловому.

Если он будет незанят, пожалуй, пройдем к маяку. Нет, он наверно, будет косить...

А как о Борьке скучаю... Милый, милый, любимый... Хороший мой. Боря. Боренька... Бо-ря...

Пойду погуляю.

13-го <июля>.

От Бориса нет письма, и мне скучно. Вчера Ермолов, Оз<еров> и Кудрявцев Павел приходили вечером, мы долго шляли и говорили. Муська с Кудр<явцевым>, я с Оз<еровым> и Ерм<оловым>. Незадолго до этого я очень, очень хотела увидеть Ерм<олова>. Но, Боже, какой он скучный был! Могила! И вчера, и сегодня, когда за земляницей ходили. Господи, какой могила! Нет, никуда с ним — не пойду — умрешь со скуки. Как это он в Тихвинскую такой веселый и хороший был, что прелесть. Пашка К<удрявцев> веселый, глаза у него задорные, но он очень самодовольн<ый>. Дураки Пашка и Оз<еров>: все время намекают как-то, что Ерм<олов> влюблен в меня. Идиоты! А мне ровно наплевать на всех... Борька... Почему нет письма?.. Тоска!..

16-го июля.

Как иногда чувствуешь приближение грозы, так и я чувствую приближение огромной тоски, — о Борисе, наверно. Уже сейчас все чаще и чаще вспоминаю его, его ласки, и станет тяжело... одиноко. Возьму в руки его письма, прямо сердце затрепещет... Милый, милый...

Принесет ли мне сегодня Ермолов письмо из Сухлова, от него? Как жду, как жду...

Вчера опять долго гуляла с Ермоловым. Гуляла и все думала о Борьке. Кажется, покажись он на дороге, так бы и бросилась к нему, ни на кого не глядя... Сердится за мое письмо? Не должен... А пусть!.. Наверно, он любил Таньку: хоть день, хоть несколько часов, а любил... да.

А Кудрявцев — дрянь какая... Думает, что у меня с Ермоловым что-то особенное... Если б они, идиоты, знали, как я к ним глупо равнодушна, как они безразличны мне! Дураки.

Он скоро приедет... Скоро приедет... А будь что будет! Хотя бы в апреле 28 года!.. Переписываю роли. 24<-го> ставим пьесу. Завтра с докладом в Нороново.

18-го июля.

От Борьки опять письма нет. Когда пришла из Норонова, прибежала на хутор, — и точно по голове ударили — письма не было... Вторую неделю, вторую почту!.. А если и в среду не будет? Нет! Не напишу пер-

вая! Загулял, наверно. Ну, черт с ним... Если бы прислал письмо, где говорил бы о том, что «согрешил» с кем-нибудь, взяла бы да и написала, что так и так, ты не виноват, я ведь тоже не без греха; и такого бы наворотила, что ух. Зачем я так думаю? И вчера, когда шла, думала, как будем прощаться... Зачем?? Мы будем жить с ним долго и хорошо.

Руки у меня что-то ослабли. Поля и говорит, что «крутленькая»... Нет, что это с руками? Пойду на сено.

Ох, «сохну» по Борису! Никогда не узнает, как много тоскую о нем... Никогда не узнает.

20 июля.

Получила письмо от Бориса... Что же, лучшего я и не ожидала.

Как я плакала на сеновале. Я точно разбита была. И казалось, что все, все погибло, ничего не будет, как раньше. Да, уж как раньше, любить его не буду, пожалуй. Всплывают в уме всякие мелочи, которые замалчивала сама перед собой. Отчего так тяжело было, отчего плакала? От обиды? От злости? От того, что казалось, что пойдет за Татьяной? Да, ото всего этого.

«...Татьяна меня любит... во как... Милая девчонка». Конечно, написал, чтоб и ревность возбудить. Дурак. И уж ясно, я не верю, что письмо написал не сразу же после того, как мое получил. Тут же сел и написал, неужели не видно...

Буду ему писать. Напишу всю правду, на каком я переломе и до чего довела себя «анализом»... каким-то самой себе не понятным желанием быть похожей на Грушеньку, желанием быть гордой и жестокой. Конечно, есть это желание. Смешно. По-девчонскому. Да и все-то ребячество, все. Пройдут года, и будем вспоминать с усмешкой и печалью. А я буду одной из героинь Поля Бурже — развратной, расчетливой и циничной. Я уж и теперь все как-то холодней и лживей становлюсь. Или... «мученицей» буду? А ну все... Написала... Легче стало. А какая мука была до этого. Вспоминать страшно. Нет, он не уйдет от меня. А какой он все-таки примитивный человек..... «Услыхал о твоей болезни... Соболезную». Спасибо, только моя болезнь была не оттого, что письмо тебе написала.

А он и не подумал справиться о моем здоровье, хорошо... Соболезнует, ха!

Приятно доводить свои страдания до точки?.. Нет: я не ощущала «сладости страданий»...

А замужество меня пугает все больше. Ведь мы ребята! Да и все-то глупость.

23-го <июля>. Суббота.

Гуляла по Волме с Эдвардом. Провожал потом до хутора, всю дорогу болтал глупости, признавался в любви; по-провинциальному, по-мильтоновски.

Чем он мне нравился когда-то? Господи, до чего глуп... Как он тонет в периодах с «между прочим», «постоку-поскоку» и т. д. И странное дело, все — и Пашка К<удрявцев>, когда один раз гуляла с ним, и Эдв<ард> теперь — все убеждены, что Ермолов ухаживает за мной, а мне он очень нравится. Пашка договаривался — «влюблена».

Но зачем я допустила, что Э<двард> два раза поцеловал меня? Из отместки П<ашке>? Из нравственного садизма — т. к. ничего, кроме отвращения и смеха, мне не внушало его пошлое ухаживание?

Я пишу это для того, чтобы не отдать, чтобы немного разрядить себя. Мне смешно ваше изумление, Борис Петрович, по поводу того, что мне исполнилось 17 лет и пошел восемнадцатый не в феврале, а в мае... Конечно, это смешно... 2 месяца разницы — и вот уже я низведена в степень «девочки»... И вот уже вы хотите перестать «возиться с детьми»... Зачем же обнаруживать свою недалекость? Почему же вы ничего не имели против этой «возни с детьми» полчаса, — нет, — четверть часа назад?

Конечно, я, возможно, зря — по-«детски»... болтаю. Вам, как вполне взрослому, опытному, известному — человеку, — нужна не менее взрослая и т. п... подруга... Ну, что же? Бог в помощь. Тем временем я «подрасту» и т. д.

Но, милый, не мешало бы и тебе... подрасти! Впрочем, я не стесняюсь своих лет: молода так молода! Чем моложе, тем лучше — тем больше впереди... всего... всего... Нет, я не занимаюсь саморекламой...

Как мне нехорошо; я злая, я вся полная злости, как губка водой. Если ее тронешь пальцем, вода так и будет сочиться; а меня сейчас всякое слово заставляет сочить злость... Конечно, я знаю настоящую подкладку этой злости. Неужели Борька уйдет от меня только

из-за того, что мне исполнилось 17 лет не в феврале, а в мае, что я — маленькая? Нет, конечно, это глупо так думать... Ведь говорил же он сегодня на качалке, что любит, очень любит; а потом шел и цитировал — «вот и любви пришел каюк, дорогой Борис Петрович». Так это многозначительно цитировал... Каюк, говоришь? Даешь!!!

Ладно, каюк так каюк... Сначала горько будет, нестерпимо горько... а потом переживу и еще полюблю, еще сильнее, чем его... ярче... Я знаю, что, несмотря на мою любовь к нему, — нам с ним долго не прожить. Я очень неуравновешенная... еще ведь много людей впереди... Наши думы о мальчишке с его глазами, о нашей работе — сбудутся ли они?..

Борька, ты лучше меня, ты говоришь о своих сомнениях в нашей любви — о своих «уклонениях» в сторону Елен, Ань и т. д., — а я не говорю, но у меня так много сомнений... Часто, во время твоих самых горячих слов, — думаю — не врет ли?..

И сегодня был целых 6–7 часов не желанен, не любим... О ком-то другом думала — о стройном, высоком, красивом. Он не смакует сальных положений, не относится ко мне с унизительно-снисходительным смешком, как часто Борис, а несмотря на свой возраст (22–23 года) относится со мной, как равный с равной: серьезно, вдумчиво и тепло. Нет, он не линован, просто он уважает меня... Он сильный и целует горячо и просто, без приятного, но гадкого щекотания языком по губам... Он говорит просто, без издевок и вывертов, как Димка, Борька... Он уверенный, четкий, но не самодовольный человек... Ему я могу сказать о моем всяком желании, и он не будет издеваться... Он не будет настаивать на том, чтобы я принадлежала ему, но сможет, без всяких предварительных возбуждений слишком интимной близостью, — всю подчинить себе — сильному... А мне обидно за 1 мая. Все-таки Борис доказал свое мальчишество... Фу! Быть таким... такой тряпкой — и после этого ужасаться своей «возне с детьми»... Говорит: «подождем»... Знаю я, как он ждет... Приласкай посильнее — и раскиснет, и нет сил бороться с желанием... А ведь я совсем «не полно» ласкаю его. Я смогу ласкать много, еще лучше...

Что ж, я-то ждать буду и смогу — я ведь не побегу по «мужчинам»... а вы, Корнилов?..

...Я раньше своих лет выросла?!... Да...

Мне мало мира
и хлеба в нем...

«Люби повергаться на землю и целовать ее. Землю целуй и неустанно, ненасытно, ненасытимо люби, всех люби, все люби, ищи восторга и исступления сего. Омочи землю слезами радости твоя и любви сии слезы твои. Исступления же сего не стыдись, дорожи им, ибо есть дар Божий, великий да и не многим дается, а избранным»...

Ф. Достоевский

«Если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода»...¹

23 июля 1927 г. Суббота.

Еще тетрадь начинаю, чтобы говорить себе правду или заниматься самолюбованием и самобичеванием +...+ самолюбованием. Неужели во мне одной только это самолюбование, невольное, непреодолимое? Конечно, этим все грешат. Только не все сознают себе в этом...

Все эти дни «переживала» письмо Бориса. Нет, он не такой; не тот. Да, он не тот, кого хочу любить, т. е. хотела бы любить. Я люблю его; но вот чувствую, что он не тот, не такой... А почему? Оттого, что он бросил мне в лицо несколько неприятных... истин?.. Упрекнул в эротоманстве? Да истины ли это? Например, «злость глупой бабы». Уж это потому не истина, что безо всякой злости писала ему «потускневшую тираду», а вполне намеренно и сознательно кривлялась и делала из мухи слона. Сознательно и лживо. Я созналась ему в этом.

А как он груб и не остроумен. Он не мальчик. Он не чуток, совсем не чуток. Наверно, и на это письмо, что посылаю, огрызнется... Гм... Ну, а зачем я признаюсь ему во всем, зачем так открываю себя, все, все открываю? Ведь он не поймет, не будет верить, разлюбит... И потом, действительно ему надо отдохнуть. Ему будет нехорошо, он забеспокоится... Я все перечитываю письмо — мое... Зачем его расстраивать? Да ведь я и не такая, как можно понять в письме. Гораздо проще, грубее... Нет, ведь это правда, что писала? Правда... Пошлю.

¹ Со слов «Мне мало мира» запись рукой О. Ф. Берггольд на форзаце тетради.

Я хочу людей. Много новых людей, которых надо раскрывать, узнавать, любить. Людей интересных, умных, индивидуалистов. Ну, не образованных, не литераторов, а просто «глубоких», интересных людей. Говорить с ними, узнавать от них, слушать их и рассказывать им о себе, о чем знаю.

Правда, Павлик К<удрявцев> и Эдка П<альмон> — красивы, с Павкой весело и забавно пройти по лесу вечером, но я не смогла бы выносить их общества. Нет, конечно, не обязательно вести умные разговоры и т. д., не обязательно ни кокетничать и ни флиртовать, но... больше двух прогулок с Пашей и ему подобными я не могу вынести при всей моей изобретательности.

Я не люблю краснобаев, но разговорчивых... да. Люди, которых я знала, надоели мне. Друзин, Чумандрин, Лихарев, Левоневский — с ними нельзя поговорить, совсем ничего не стесняясь, не боясь насмешки даже над глупой мыслью. Как я людей хочу — новых.

Ой, я про филоновцев забыла!?

(Кстати, В<асильевский?> о<стров>, 4 л<иния>, д. 19, кв. 5.)

Сказать откровенно — я остываю к аналитической школе. Может, оттого, что как следует не разобралась в ней, но она меня [не] глубоко задела?..

А мне опять... нехорошо! Не расхвораться бы... Завтра спектакль?.. Могу только поставить вопросительный знак...

Надо пописать стихов...

25-го <июля>. Понедельник.

Переписываю роль Чугунову. 31-го хотим устроить спектакль. Вчера наконец-то была первая считка. Ничего, выходит довольно сносно и смешно.

Письма от Бориса вчера не было... Неужели на то письмо обиделся? Или... или... «ух — и все!», как говорил вчера Климин. Валька Б<алдина?> тоже не пишет, курва!

Как мне тоскливо, огромно-тоскливо и нехорошо! И что спеть, не знаю, — все песни спела. Самой не написать ничего...

...Сколько просьб у любимой всегда,
У разлюбленной просьб не бывает...

Пришлет ли он мне в среду-то письмо?...

Вчера опять долго гуляла и трепалась с Э<двардом> П<альмоном>, с Ермоловым... Ломалась я нестерпимо, потому что всю меня тоска скрутила. Эдку разыгрывала вовсю; э, он не очень глуп, горд и хитер.

Да ведь и я не глупей! Ха-ха-ха...

Удивительно умело
Заговариваю зубы...

Притворяюсь, — перед Эдв<ардом>, что он мне нравится, а меня тошнит от него; кокетничаю с Ермоловым, он дурак, верит (?) Ой, о-ой, какая тоска, и как мне нехорошо без Борьки!

Но я не хочу, чтоб Ермолов думал про меня, что я вертушка, пустозвон и т. д. Я очень уважаю его, и его мнение мне важно. Нет, довольно. Сегодня решила: конец ломанью и кокетству, и браваде. «Ух, — и все». А Ерм<олов> — хороший. Нет, я не верю, чтобы он трепался. А какой свол... П. Кудрявц<ев>. Я над всеми подумаю. А мне Ерм<олов>, наверно, столько дум не уделил...

А про нас сплетни ходят! Ух! — и все. Да хрен с ними. Последний раз ведь здесь. В среду мама приедет... Я не в восторге, хотя радуюсь; но она «возьмет нас в руки»...

Брр: «ух — и все!»...

Разгром Китайской революции — это как потеря любимого... Я точно состарилась, когда услышала... Разгром, измены... Компартия на нелегальном положении... Там борьба, а мы? Спектакль, стенгаз<ета>, митинг? Как мало, как мизерно! Что я делаю для революции? Стенгаз<ету> помогу выпустить!.. А на что я еще способна, на что?..

26-го <июля>.

Ермолов не пришел вчера за ролями и книгой. Придется самой переписывать и нести, а неохота. Ленъ обуяла, погода отвратительная, осенняя, хотя я рада этому клокастому северному небу.

Написать письмо Борису? О чем же? О том, как тоскую, как вспоминаю его, наши вечера, как представляю себе нашу встречу и радуюсь ей... и боюсь ее?..

А помнишь Зимний дворец? Осень, слякоть... Фонтанку?.. Сад против Инженерного Замка?.. А его комнату и лампу под зеленым абажуром... Я приду к нему — в сарафане, приду, разгоревшаяся, будет замирать сердце... Я приду к нему, а он будет читать и поразится, увидев меня...

Как я брошусь к нему! Как обниму его... а, наверно, у меня захолонет на сердце... Он... он обрадуется мне?.. Да, да! Еще 20 дней до этого счастья... 20 дней! 20 дней... 20... 20!..

Ну, об этом, разве об этом написать ему? Нет, нет... Он очень доволен, — он упивается тем, что его «все прощают и верны ему», что он сотрудник «Н<ового> мира» и хорошо пишет, что Татьяна верна ему. Ну и пусть верна, а я вот целовалась с Эдв<ардом> и кокетничаю с Ермоловым!.. Да, и еще буду... И он не узнает об этой тоске, ни о чем не узнает... Да ведь узнает — ведь скажу ему, когда у него на коленях лежать буду... В том-то и горе, и стыд, что говорю — не узнает, а знаю, что напрасно говорю...

Почему я такая несильная? А Борька думает, что сильная, — и напрасно... Он сильнее меня — знает ли он это?.. Моя сила ненастоящая... А я вся-то — настоящая? Притвора!

Ну, а в чем я притворяюсь? Да, например, в том, что не дам этот дневник прочитать Борису. Дам, а наиболее «рискованные» места зачеркну и вырву. И так как знаю, что дам, то изо всех сил стараюсь все, все писать, чтоб самой себе доказать, что Бориса не боюсь, что он не увидит тетради. Это как-то скрыто было, сейчас решила вскрыть. Ну, значит, притворства нет... Паинька, Ляля... Нет, шалишь, уж теперь-то, как все «вскрыла», не дам. Т. е. дам, но не скоро. Должен же он узнать, что за «душа» у его жены... Изволите, я помогу: она, — «душа»-то, словарная, фразеолог у меня «душа». Нет, не фразеолог, раз сама себе в этом признается. А где-то есть кусочек в «душе», который говорит, что она — «душа» — хорошая, большая, только глупая; и еще этот кусочек говорит, что и ты, Боря, тоже скажешь: «ненавижу» этот самодовольный кусочек! Только осуждать себя человек должен.

Среда 27-го <июля>.

От Бориса опять нет писем... С 13<-го> по 27<-е> — 14 дн<ей>. Я-то получила 20<-го>. Вот, вторую неделю нет писем, опять...

Я послала ему открытку... Зачем? У, сволочь безвольная... Собачонка!.. Не пишет, и пускай... А не натворила ли чего с собой Татьяна?.. О, нехорошо... Уйду сейчас куда глаза глядят... Тяжело, больно... Зачем, зачем послала открытку? Ну, а что ж?.. Надо быть мягче... Конечно, он любит Таню...

Скоро мама приедет...

Не шей ты мне, матушка,
Красный сарафан!..
Не входи, родимая,
Попусту в изъян...

Действительно, попусту... Ничего не будет, никогда не сбудется так, как мечтали. Эх!..

Ты нашел себе хорошую,
— Меня худу забудь...

Пускай, пускай... Наплевать на все, на все... А не будет письма в воскресенье, скажу Ермолову, что люблю его... и буду целовать его, да, да...

28-го июля.

Конечно, если б мать не пускала, я бы давно гуляла с Эдв<ардом> сейчас... Вот еще новое открытие: мне очень хочется пойти сейчас погулять с Эдв<ардом>! Я удивляюсь этому... Что за гадость? Почему мне хочется идти гулять с ним... Оттого ли, что он красивый, оттого ли, что «никого под руками нет»... Или оттого, что тронулась его ежедневным блужданьем около хутора. Нет, не пойду... Мне хочется услышать его глупые любезности и приставания?.. Да? Да! Да?.. Дрянь! Не пойду.

А вот интересно — подойдет ли он ко мне в Смоленскую. Или «рассердится»? А впрочем, наплевать... Завтра Ермолов должен прийти — не принести ли писем от Борьки... Неужели не будет...

Эдька ушел... А жаль. Завтра он уедет... Да, что-то будет в Смоленскую... Как это заботит меня, даже мерзко... Знал бы Борька — как бы он стал презирать меня... Нет, хорошо, что не гуляла...

О, скорей бы прислал письмо, скорей бы к нему, к милому моему...

Какая я дрянная, какая дрянная... Ведь Эдвард не любит меня, может быть, не влюблен даже, просто ухаживает... И дурак такой самодовольный... Дура я!.

30 июля.

Ермолов вчера не принес мне писем. А завтра? Неужели и завтра ничего не будет... Ой... даже подумать больно. Матери прочитала некоторые письма... «Да, — говорит, — глубоко!» И эти дни только и говорит, что я этого не стою из-за моих «ночных гуляний» (гм?) и из-за того, что «бегаю за мальчишками» (!). Ничего подобного... Разве я «ухаживаю» за Ерм<оловым>? Ничуть. Верно, я хорошо к ним отношусь. Ну и только... Мать стыдит меня: у тебя, говорит, «не глубоко»; расскажу все Борису и т. д. Отчасти.

А это входит в ее расчеты. Чтоб разлучить и рассорить нас. Конечно, эти неблагоприятные мотивы затенены «глубокими» идеями. Может быть, искренно.

Начались всякие рассуждения, соболезнования и т. п. без конца, что уже от одних только фраз меня начинает тошнить...

Начались притеснения и «режим». Вчера со скандалом отпустили на репетицию. Вышла встречать нас, и когда стала гулять с Ерм<оловым>, выходила несколько раз [встречать] кричать меня... Блюдет мою нравственность! Ха!

«Я бы всюду пускала тебя с ним и не боялась бы, если б надеялась на него». Ха-ха-ха!! Ну! Мне надо писать редко и прятать по-лучше эти тетрадки...

Приедет ли Боря? Нет, наверно, не приедет...

Неужели мы поедem не 14<-го>, а 19<-го>? Это обалдеть! Нет, нет... А вдруг я приеду в Ленингр<ад>, а его не будет... И он не приедет долго, долго, а может, и совсем не приедет...

Ох, он любит Татьяну... Он снова полюбит ее... Он уйдет от меня... Я писала Тольке, что нашла любовь сейчас, как качели на взлете... Я вцепилась руками в веревки и словно застыла. Я смеюсь, треплюсь, нет, у меня даже неплохое настроение, но внутри я — как каменная... Напряженная... Мать говорит, что я размениваюсь... Нет. Но я меняюсь. Может быть, начинаю покоряться ему. Может быть,

начинаю становиться серьезной и большой, несмотря на скакалку, хохот, глупости и т. д.

И, конечно, я тоскую. Много, так много, что сама еще всего не измерила...

Только бы не разлюбил... Не должен... Конечно, я «плохо вела себя»...

Завтра спектакль. Увенчались мои труды, унижительное беганье к Ерм<олову> под сплетни девок, переписка ролей и т. д. Увенчались ли.

2 августа 1927 г Вторник.

В воскресенье опять не было письма от Бориса. Но почему же, почему?.. Я точно уже совсем приготовилась к разлуке. И когда подумаю, что целует Татьяну, гладит ей грудь, как мне, руки, волосы — как мне, как мне, — нет ни острой боли, ни муки, а что-то такое тяжелое, чего не разобрать, — серое и мутное что-то. И при этом вспоминается наша вечерняя и весенняя ниша над Невой...

В Петербурге мы сойдемся снова

Словно солнце мы похоронили в нем...

Словно солнце мы похоронили в нем...

...Солнце мы похоронили в нем...

Получу от него письмо и с какой радостью, с какой болью ни одним словом не намекну ему в ответе на все это «окаменение», тоску, слезы и т. д... Я знаю, какое это письмо будет — мое, веселое, нежное, может, немного грустное...

А если завтра не будет...

Нет... нет... не правда... Конечно, вот это письмо он не увидит. Чуть не рыдала, когда писала его. Потом все-таки разревелась... И злость брала, и тоска...

А сколько нуды выдерживаю от мамы — глупейшей бабки, их брюзжанья, прижима и глупостей...

Злая стала, гнусная и раздражительная... Я ведь люблю маму, а иногда — терпеть ее не могу.

Как хочу съездить в Грузию... Посмотреть на все, пожить вне сегодня, уйти от нуды... Да, верно, не пустят... Около юбки мама держит... Я терплю и злюсь... Уйду, уйду... Надоела одинаковая, «сплошная» жизнь... Мамина дочка...

Она любит нас много, но как самка. Как бабушка ее...

Я люблю ее и несправедлива к ней, кажется... Нехорошо, если справедлива; не-хорошо, и если несправедлива...

Мне нехорошо, а когда мама ласкает меня, видя это, я еще больше злюсь и раздражаюсь и не хочу ее ласк, ничьих сожалений не хочу, хотя о ласке соскучилась...

Ой, как душно, жарко в комнате... Все сопят, пердят... (ха-ха-ха!).
Бабка спит такая страшная, рот открыт...

Мне как-то гнусно, томно.

О, ничего.

В моей новгородской земле

Больше замучено крепостных...

Надо об этом написать... Еще о роще, о курганах, в которых нашли девичьи косы и бусы, о «печальнице — Россее и забубенной ССР». Думается, должно выйти хорошо, содержательно и полезному.

Я молю Тебя!.. Членораздельно.

Повтори творящие слова...

Чтоб мне не заплакать.

3 августа.

Что же так долго не идет почтальон?.. Так долго, так долго... Ой, как замирает сердце... Письмо будет, будет, должно быть...

Сегодня ровно 14 дней, как я ничего не получала. Начну ему писать... Просто так... может, не пошлю... Что же почтальон-то...

Письма нет.

5/VIII.

А я ему послала.

5/VIII.

Ужасное состояние... Поссорилась с мамой... Нудно, тяжело и нехорошо... Неужели платья к воскресенью не будет... И чего это у нее всегда мышь гору родит, когда наоборот...

Когда была вчера у Голинских, А<лександр> П<етрович> звал, был так... ласков и внимателен. Гм?

Мама. Прижимает до чертиков.

Пишу стихи...

А с чего так разоткровенничалась с Толькой Оз<еровым>. Дура, стоило? Ну, наплевать...

Неужели не 15<-го>, а 19<-го> едем?..

Что если и в воскресенье от Б<ориса> не будет писем? Болен? Что-нибудь случилось? Разлюбил... Гнусно... В. Т. — идиот... Пойду помирюсь с мамкой... Так ее жаль. И платье охота... У, дрянь же я. Видала во сне Рысса... Как-то он теперь, где?.. Потом еще как-то видала во сне А<лександра> П<етровича>, будто любил меня.

От Юли письмо получила. Вот милая девчонка, одна меня не забывает... люблю ее.

Как бы Ермолова на «путь истинный» наставить? Все пьет. Третьего дня у большого дома на сеновале спал. Вечером прибежала к нему — спал, — постояла, хрустнула пальцами от настоящей, от настоящей боли... Странно, иногда хочется... приласкать его, сказать: «Саша, ты, Саша, глупый человек...» В среду «Смоленская». Погуляем... Ермолов опять, верно, напьется...

А как-то Борька? Нет, неужели по-настоящему разлюбил?.. Ну и пусть... Интересней будет... если разлюбит. Ск<олько> «переживаний» и пр<очих> ситуаций?

7 августа.

Письма от Бориса нет... Это конец, если не его болезнь...

8/VIII.

Не могу ничего писать, ни читать Борькиных писем. Усталость в плечах, спать хочу, грустно...

Вчера поднялась на Терпи-гору, так хорошо и томительно было... Стану на колени, на дороге, — подумала... Но не стала, а легла у дороги, у канавы. С мучением, оттого, что думалось — «декорация», — и оттого, что — не декорация, — а... вроде декорации...

А от дороги пахло коровами, росой и теплом. Стало умиленно в сердце и больно, как кругом...

На деревне затихало, еще были песни, гармонь... Не помню всего, как сон. Стала выдумывать стихи... Да побоялась — мама будет зывать, — пошла домой...

Дома нудно. Мама — боязливая и любящая до глупости и тупости. Сквозь раздражение, неприязнь к ней и злость прорывается какая-то испуганная жалость, нежность, любовь. Но она не во мне, а рядом со мной... Тетка Анастасия приехала... Жалкий тип...

Я уже примирилась с тем, что и в среду не будет письма... Перед матерью как-то стыдно, только... Разлюбил... Разлюбил... Нет, болен, болен. Или что-нибудь случилось...

В Смоленскую, несмотря на всякие мамины ухищрения, буду гулять, крутить и т. д. Хочу так! Даже не из мести Борьке, а сама по себе... И ничего дурного нету... Я не монахиня...

Сейчас Петр Т. ехал мимо хутора, окрикнул, — я вышла, просил передать Ив<ану> Як<овлевичу>. Я знаю, что нравлюсь ему. И сейчас раза три задерживал, уговаривались идти к Озеровым; пойду...

Сейчас неохота писать о Бальзаке, о деревне... А все это плешь... Нет...

9-го <августа>. Вторник.

Сидела в читальне и долго говорила с Ермоловым. Станный он какой-то. Если этот неинтерес к жизни, нелюбовь к ней, усталость и т. д. — не напускные, не втолкованные самим самому себе, — то он сопьется... А как больно это, как я не хочу, чтоб спился Ермолов. Мне защемило сердце, стало тоскливо и тяжело после разговора с ним, когда сказал, что ничего хорошего нет, жить неинтересно и скучно; если б сказал это Пашка К<удрявцев> или Эдв<ард> —

я не поверила. Мне подумалось бы, что напускное взаправду. Но Ермолову, с тихими маленькими глазами и беззубому, — поверилось...

Вот — «пустой» человек, без жизни, без всего... Одна дорога — пьянка... Я как-то стала им, представила его жизнь, где под оболочкой действительности, активности, кроется неинтерес и равнодушие, — мне стало одиноко, нехорошо...

Но одна фраза вернула меня. Ермоллов обронил: «я очень люблю живопись»... Ага!.. Так, быть может, это «кризис», мальчишество, обобщение отдельных чувств и отрицаний?.. Не знаю... Он говорит, что такое состояние уже три года — оно последствие какой-то «длинной истории»... Хотелось бы узнать. «Братьев Карамазовых» — он «еле дочитал». Больше всего ему понравилась легенда о Великом инквизиторе и из персонажей — Катерина Ивановна.

Я все-таки думаю, что в тихом омуте черти. Между прочим, выиграв у меня американское пари, он потребовал моих стихов!.. Я и удивлена, и... обрадована (да?), что это не кончилось пошлостью, напри^мер, поцелуем, которого я ждала и к которому подготовлялась. (Да, да, Боря! Представь себе!!) Жаль, что он слишком мало смыслит в стихах... Для него — Безыменский — «соль земли». Т<ак> ч<то> можно ожидать, что они пойдут на пипифакс... мои-то!

...Я, конечно, пошловатая и недалекая. Я говорила с ним сегодня о литературе с жаром... Конечно, выводы и т. д. из Столпнера и Юшкевича. Надо справиться, имею ли я какие-нибудь свои мысли насчет литературы...

Нота-бене. «Смотри весело» — аракчеевская команда в применении у лапповцев...

12-го авг<уста>.

Ужасно о многом надо писать, поэтому буду лаконично. Соблюдаю хронологию и буду писать по частям.

I. 10/VIII. Письмо от Бориса. Я прочла его и не пришла в восторг. Боря с видом опытного взрослого говорит, что мои анализы — модная болезнь... Так ли? Не знаю... Последнее время не анализирую... Пусть будет все, как будет... Моя экзальтация... Интересно, может это худо, что я — экзальтированная... Да. Нужно быть спокойнее... И буду. Все гораздо проще и площе. Надо быть спокойнее, чтобы избежать лишних морщин на лице! (По Бальзаку.) А его рас-

суждения на тему о характерах, «нашем возрасте» и т. д. — очень неприятно подействовали на меня. Потому что это был тон какого-то пошловатого умника. Конечно, это на 90% правда... Но чья бы корова мычала, а не Борькина. Мой плач на реках Вавилонских он не понял... (Все женщины помешаны на нечуткости.) Нехорошо было писать так...

Про Татьяну... Мне резнуло ухо и сердце это место... Идеализирует он Т<атьяну>. И такое пошлое сравнение — яблоня и прививка... неудобно, как за литератора...

Его недалекость была подчеркнута еще местом, где он говорит о моих стихах. Неприятно и за него...

После этого письма я как-то увидела Борьку — таким самодовольным, ограниченным и недалеким... И вчера, и 10 <августа> — не любила его, а думала о нем холодно, без любви, без радости. Как и сегодня.

Ольга, ты сама недалекая женщина: против шерсти погладили, да? Поэтому и... Но я и раньше — вот где ужас — думала так. Масса мелочей говорила мне это... Я не хотела признаваться...

Прав он или нет? Модная болезнь? Нет. Выдумывание того, чего нет? Это, конечно, напускное. Это же я сама знаю, что ни разу в жизни не была такой напускной, как в это лето. Это напускное-то и мучило меня. А отделаться не могла. Только в последнем письме к нему не была напускной... Да и то. Ох, бабы... Лживы и хитры, как черти...

Я хочу быть простой и хорошей. Не лживой. Кто же мне мешает... А что я делаю, чтоб быть такой? Но хорошей не в мамином, даже не в Борькином вкусе, а в своем...

Главное — не лгать. А лгу — всем... Но когда-нибудь не буду. Совсем. Этим утешаюсь. Но я обещала быть лаконичной. О том, какой быть хочу — и буду — напишу. Может, не «хорошей»... Но своей.

II. 10/VIII. Испорченная Смоленская... Оттого, что Ермолов не гулял со мной, а с В. П., и все говорят, что он очень ухаживает за ней... Да, не дождь, ничто иное не было причиной моего нехорошего состояния, а то, что Ермолов, умный и с хорошим профилем, был сначала с какой-то розовой девчонкой, а потом пошел с В. П.... Однако мне нравится такая храбрая откровенность перед самой собой... Да, печально (почему?), но факт. Отсутствие равнодушия к отношению Ерм<олова> ко мне — наверно, отсутствие гордости

и пр<очих> добродетелей, вроде мелкого тщеславия и нежелания быть побитой в глазах людей — (идиотов), считающих, что Ермолов увлекается мной. Нет, обидно, обидно, что ни говори... Или — вполне естественно — долго их не видал. Как он, и я поступила. Может быть, вечером 10/VIII и любила Ермолова... Хотела видеть его, сидеть с ним и говорить, может, поцеловать его... (О! О!..)

А смешновато-таки... 5/XII-27.

На вечере у Озер<овых> было ничего. Но гармонист с его... невыразимым лицом... Ни мрак, ни свет... Ни вальс и тустэп на гармонии... Скорее похоронный плач... И увивающиеся мальчишки в энном количестве, и моя рисовка. А Озеров <Далее обрыв текста.>

13/VIII.

Дома нудят, нудят, нудят. Ох, и тошно же от поскудных, грязных и тупых пошлостей Анаст<асии>, от бабкиной дурацкой воркотни и от маминых трагических, страдающих поз. В каждом-то слове она видит «оскорбление, плевков» и т. д. Я так мечтала о том, что неожиданно явлюсь к Борису, похорошевшая и румяная, и стану целовать его. Мы едем 20<-го>, а он думает, что будем 22<-го>. Как бы он обрадовался, как бы я стала целовать его. Сказала матке. А она начала: «Ты еще не знаешь, что бывает, когда молодые люди остаются одни с девушками... Я боюсь... он еще сам будет посылать тебя во всякие грязные места... Я не хочу еще говорить обо всякой грязи». А когда я ей сказала, что она сама эту грязь разводит, — обиделась и пошла страдать. Мне было тошно и гадко...

Факт, она не ошибается в своих подозрениях, но, во-первых, это не грязь и не гадость, а во-вторых, — она не имеет права подозревать меня! Она ничего не знает... Она должна верить! Почему я оскорбляюсь, когда она не доверяет мне? Но мне невыносимо ее шпионство, ее трясение надо мною и моей «невинностью» и т. д. Это вполне объяснимо. Но нельзя же отравлять мне жизнь своей заботой...

Не забуду, как она следила в Духов день за мной из окна... Брр... Сколько я унижений пережила.

А кто же я? Тряпка? Нет, в 5 часов в воскресенье я буду у Б<ориса>, если он придет в город. Да, да? И перешагну через скандал, что закатит она? Через истерику и т. д.?.. Кишка тонка! Пожалее... Но с ка-

кой ненавистью подчинюсь!!! Я буду любить ее больше, когда уйду от нее... Пусть это черствость...

Прочла «Полудевы» Прево. Так я — полудева?.. Не может быть. Что с Борькой-то любовь. А «флирт» (брр) с Эдв<ардом>? Ну и что ж? А нервы-то — «щекотило»? Да ну! Нельзя же применять воззрения Прево к сегодняшним дням и этой обстановке... По Прево — я и К<орнилов> — любовники. Паршивое слово. Любовница... А «любимая»? Одно и то же? Нет... Ну, да, — нет. Конечно, разница.

Я, как добродетельная христианка, с брезгливостью какой-то читаю эти книги. Может быть, это они так плохо действуют на меня? Нет. Прежде всего критический и литературный подход...

Может быть, Ермолов поедет учиться в Л<енин>град. О, как я хочу этого, как хочу... Мы будем встречаться, говорить, гулять... Славный Ермолов!

А Э<двард> П<альмон> тоже приедет в Л<енин>град. Хочет ко мне прийти, — у, ни за что! Да следует ли переписываться с ним? Пожалуй, что нет. Вот если с Ермоловым... Славный!..

Что-то плохо себя чувствую... Голова болит. Как бы не расхвораться.

15 авг<уста>. Понедельник.

Вчера вечером приходили Ермолов и Озеров. Долго гуляла с Ерм<оловым>. Сегодня, может быть, в последний раз увижу его еще. Приедет ли он в Л<енин>град? Наверно. И тогда обещал зайти. А уж тогда не упущу его из виду...

Переписала Ерм<олову> 12 шт<ук> стихов, что считала сильными. Почти полное разочарование... Ясно заметно влияние Ахматовой, Блок<а>, кое-где отрывка Есенина. Просветов не открывают. Тускло. Повторимо. Нет, я немногим удовлетворена. Содержания у меня еще от жизни мало. Отвлеченно и символами. Конкретного мало. Надо еще проработать. На будущее тем и много и мало. Но главное — ахматовские нотки. Плохо...

Итак, за лето я достигла, пожалуй, немногого. Нет, есть кое-какие результаты. Но их не определить. Акмеистическое влияние — есть оно или нет. Почему не отражаются — Пастернак, Мандельштам и т. д. Или потому, что символисты ближе моей женской, сентиментальной натуре?

Нет, есть крепкие строчки, правда, не во вкусе ЛАПП'а. Эмоциональные строки есть, и настроение.

Да, вот еще один перл, не лишенный интереса...

То не ветер ветки клонит,
 Ой-ой-ой-ой-ой,
 Это Ляля с Мусей стонут,
 Пой, ласточка, пой...
 Мама «власти» проявляет
 — Ой-е-е-е-ой,
 — И домой их загоняет,
 Пой, ласточка, пой. {«Ля-а-ля!..
 Му-у-ся!..»}

Только девочки — не промах,
 — Ой-ой-ой-ой-ой!
 Не хотят коптиться дома.
 Пой, ласточка, пой...
 Бабушка без толку ноет,
 Ой-ой-ой-ой-ой,
 И ворчаньем беспокоит,
 Пой, ласточка, пой...
 Тете Тасе не уняться,
 Ой-ой-ой-ой-ой!
 Будет до ночи ругаться.
 Пой, ласточка, пой!
 Услужить маман готовы.
 — Ой-ой-ой-ой-ой.
 — Бьем мы масло у Титовых,
 Пой, ласточка, пой...
 И забота нас не мутит,
 Ой-ой-ой-ой-ой:
 Коля вертит — Ляля крутит,
 Пой, ласточка, пой...
 Мама, мама, не сердися,
 Мама, погоди:
 Это, мама, только сливки,
 Масло — впереди!
 Вот, Ермолов что-то рубит, (5/VIII)
 Ой-ой-ой-ой-ой,

Змий его зеленый губит,
 Ласточка, не пой...
 Он компанию проводит,
 Ой-ой-ой-ой-ой,
 Для нее на хутор ходит,
 — Пой, ласточка, пой!..
 Толя Озеров гуляет,
 Ой-ой-ой-ой-ой!..
 Глицерином весь воняет,
 Пой, ласточка, пой...
 Ляля охает, вздыхает...
 Ой-ой-ой-ой-ой...
 А луна ей помогает,
 Пой, ласточка, пой... (когда с левой стор<оны> —
 может задумать жел<ание>).

Эту ерунду выдумывали с Муськой, когда мыли пол. Конечно, не блестящая вещь, но забавная и правдоподобная. Для воспоминанья. А хорошо и весело было у Титовых. Смех, шутки, намеки. Виктор и Колька — парни здоровые, крепкие, а Витька даже красив. Смотреть приятно. То гигантские шаги, то кружало. А вечер тихий, в долинках туман, лядинки черные.

Приходили Оз<еров>, Ерм<олов> — Пальмон (!). Старик такой чудака, «архирей»... А то Фимка Голинский играл раза 2 на гитаре — так хорошо играл старые романсы — «Не искушай», «Сияла ночь», — и было больно и грустно.

Мне дороги строки:

«Вспоминай росистую траву,
 Предрассветную, сырую рожь»,

ПОТОМ —

— Под луною черная опушка,
 Лошадей спокойные звонки,
 По дороге — тихие лягушки
 Да ивановские червяки...

— потому что они живо и остро вызывают у меня воспоминания о наших прогулках — с Ермоловым, отчасти с Пашкой Оз.: «Петухи кричат»... — о прогулках с Эдвардом. Теперь, когда уже уезжаю, мне жаль и грустно покидать Глушино, даже сердце щемит... Грустно, грустно. Все, что было, — как-то слегка идеализировалось. Даже глупость Эдв<арда> и Пашки.

...(Хотел прийти снимать Ермолов да принести мою карточку.) И что-то не идет. Придет ли?! Если приедет в Ленинград и будем встречаться — постараюсь «раскачать» его... Мне хочется его видеть менее невозмутимым, очень радующимся, или опечаленным, или влюбленным, но не безразличным, с его «ничего», «— не знаю» и т. д. Я хочу увидеть его без «футляра»... Наверно — и, конечно, — я идеализирую его... Он гораздо менее интересен... Но я хочу, чтоб он любил меня.

Странно, впервые не осуждаю себя за это желание. Я чувствую себя как бы совершенно «свободной»... Я люблю Бориса?.. У меня нет радости, что встречу с ним... Я не думаю о его ласках... Разлюбила?.. Я хочу встречаться с Ерм<оловым>, гулять с ним, с другим, знать много людей, — а Борис, да еще — если буду жить с ним, — будет связывать меня... Ждать дома? Тоже — цепи... А давно ли мне было никого-никого не нужно, кроме Бориса? А теперь я хочу разнообразной любви, много людей и т. д. Это результаты лета — чтения Бальзака, Бурже, Прево, Шпильгагена, Мопассана и т. д. Результат переваривания ощущений, книг, дум... Много ли я думала. Кажется... Что-то такое случилось... Хочу большего и лучшего? Неудовлетворена настоящим? Не знаю... Может быть...

Скоро жить в Ленинграде... По-новому...

Ой, люблю, люблю Бориса...

А Ермолова-то нет... Гад, гад...

16/VIII.

Скучища и тощища страшные.

На карточке хорошо вышла. Дала Ермолову. Пожалуй, надпись подходит: «На память о хорошем лете 1927 г. О<льга> Б<ерггольц>». Да, очень хорошо вышла...

А мать кашу заварила — отобрала себе... «Они» — (карточки) одни мне не лгут... Единственная ценность...» Хм. Надо

еще заказать одну. Ерм<олов> и Оз<еров> хотели вечером зайти; Ерм<олов> принесет мне свою — какой он там милый... Что же их нет так долго?

Зря инициалы А<лександрю?> Е<рмолову?> над «Тихим проулком» поставила. Ну, и что ж?.. Как все, все трусливо! Не хочу.

Вечером.

Пришли Ермолов и Озеров. Долго по очереди катались на лошади, на одноколке. Да, ребята немного выпивши. Читала ли я где, что люди друг друга перед разлукой узнают и оценивают?.. Это правда. Нет, Ерм<олов> не такой, как думала и как он говорил. Сложнее... Лучше и хуже.

А как хорошо было быстро-быстро, сломя голову, мчаться на лошади... Вечер теплый, белолунный, кузнечики... Ветер в лицо...

...Господи, я люблю тебя и верю радости твоей, без которой нельзя жить и быть...

Господи, я люблю тебя и верю радости твоей, без которой нельзя жить и быть... («Бр<атя>Карамазовы»).

Кажется, это правильно, может, что и изменила. Она весь вечер во мне, эта фраза. Это я, я ее говорю, а не Митя, и я ее сама сказала...

Господи, я люблю тебя и верю радости твоей, без которой нельзя жить и быть...

Может быть, она не такая, как у Мити... но не буду говорить, а то она разрушится...

Господи! Я люблю тебя... Господи, я люблю тебя.... .. без которой нельзя жить и быть...

Для меня эта прогулка остра тем, что я ощущала неудовлетворенность, — мне хотелось ласки от него, более чем дружеской: поцелуя, «обнимки»... Я несколько раз коснулась грудью его плеча, потому что очень трясло и очень качало. Но после первого прикосновения намеренно избежала второго... Я чувствительна... Это гнусно. Я презираю себя за эти вспышки... И когда ехала — сознавала, и было гадко, но хотела, хотела его поцелуев... (А что тут худого!!!)

Как я ни говорю себе, что такие отношения во много раз лучше, чем пустынький флирт с Эдькой (городовой и горничная), мне хочется ласки с его стороны, хотя знаю, что одним поцелуем все было бы разрушено и опошлено.

Нет, все в порядке... вещей. И вообще в порядке. Такие желания и возбуждение в физиологическом порядке, а не от пошлости.

Да я не люблю, и не надо любви.

— Мне только бы строгие думы твои...

Недавно — (не помню, когда... Не сегодня ли?) — ярко почувствовала, как важно, сладко и много завладеть — «душой» человека. Как хорошо любить ее... Нет, это шаблоны, и многие скажут: «мы это знали», — да и я это знала, а вот сегодня «почувствовала»... Я начинаю принимать платоническую любовь; возжелание к «душе», овладение ею...

Я много думаю над Ермоловым. Голос (какой? Совести, но не любви (?)) — укоряет: «а Борька?». — «Ты погналась за журавлем в небе, за людьми далекими и чужими, а проходишь мимо близких»... Я знаю, что это нехорошо, но не чувствую раскаяния... *Почему? Условно.*

Нет, нет, нельзя так? Разве я знаю Бориса? — «Знаю»... Ну, врешь, не знаешь! Нельзя самой быть примитивной и примитивно объяснять людей.

Я ведь люблю Борю? Кажется... О! «Ка-жет-ся»... (Совсем шепотом: сегодня вспомнила 22/V, и стало казаться, что было не так красиво и хорошо...)

Да нет, я с ума схожу! Я не люблю Ермолова. А Борьку... Совсем хладнокровно пишу все это... Когда я приеду — я буду любить его...

(Шатов: «Я... я буду верить!») Нет, люблю же!..

Потом, уже когда ехали совсем обратно, — хорошо, «по душам» поговорили. О лжи, о том, что с одной математикой и экономикой скучно, что хорошо разбить лучший бокал после того, как выпьешь за здоровье любимейшего, и, кажется, о многом. Да, о «повержении на землю». Ермолов, как и Муся, чувствуют унижение от «повержения на землю». Я — нет. Фактически я «повергалась» редко, бессознательно боясь декораций, что ли, но знаю, что было это часто, когда стояла в оцепении, глядя кругом. Нет, я не унижена... Т. е. и унижена, и в одно и то же время чувствую, что земля эта — я. — «А ведь она огромная», — сказала я Ермолову.

Когда «на землю повергаешься»... нет, лишь тогда можешь повергнуться в иступлении, когда забудешь о Достоевском и дневнике...

Я хочу... завтра пойду в лядину, куды ходили, пойду в лес одна, лягу на «землю», буду с ней... Жду — сейчас — ее, как ночи с Б<орисом> весной...

Страшно голова болит, темя убила... Не заболеть бы... Вроде бы руки похудели... Иль нет?

Самолюбование! О, мразь...

18/VIII.

Скучно, скучно. Вчера ходила по дороге до моста — и обратно. И все как-то ярко-ярко вспоминалось все лето. Особенно Тихвинская. Сердце щемило оттого, что этого не будет больше — никогда, никогда. Я снова «переживала» его. Почему мне так дорого это лето? До тоски, до радостной боли? Не знаю...

Потом гуляли с Оз<еровым>. Сколько светляков было на Терпи-горе! А когда-то в Тихвинскую мы шли с Ерм<оловым> из Заполька и нашли их 2 шт<уки>. На Терпи-горе бросили их. Небо было теплое, рожь еще зеленая...

Только сказал: «Ты здорово любишь его?» Ха-ха-ха! Нисколько! Но почему-то смотрю на его фотографию долго, и мне грустно... Увижу ли его в М<алой> Вишере?..

Ой... Тоска... Тоска...

Нос «цветет». Как хочу приехать с хорошим цветом лица. Чего-то скучно...

Мать уже читает расписание нашей жизни и не шьет мне платье... Скучно...

Да, с осени буду, буду самостоятельной... Врешь, уже чувствуешь, что нет. Струсишь, заленишься... Нет, нет... НЕТ.

Мать с Муськой поругались. Гад Муська, сволота... Грустно.

Прощальное тихое слово

Хотела я молвить давно:

Не знаю, увижу ли снова

Зеленое Глушино.

Но время из сердца не вытрет
 Ни радостью, ни тоской,
 — Как плачется старая цитра
 Под грубой теплой хозяйской рукой...
 Отмечены новой морщиной
 Глубокие вечера...
 А путь
 сквозь мосты и лощины
 Уводил нас
 за хутора...
 Я знаю, ты вспомнишь пригорок.
 (Он звался «Терпи-гора»...)
 И наши нескладные споры
 В глубокие вечера...
 А теплое небо светило
 И зеленело едва,
 (И) Когда радостная усталость
 Уводила на сеновал.
 ...Не знаю, приду ли я снова
 В зеленое Глушино...
 ...О, солнечное веретено!
 О, сладость (?) прощального слова!..

Написала еще неск<олько>. Кажется, дешевка. Хотя одно — нет. Во втором — дешевые <1 сл. нрзб>.

Сладость — «сладкое» слово.
 (?) горечь... радость — лучше? бремя (?)

Хотя «сладость» лучше всего пока...

Послезавтра — едем... Попадем ли на «максима», чтоб увидеть в Вишере Ермолова? Это мое самое сильное желание... С ужасом думаю, что не увижу. С бóльшим, чем о ночной посадке, о переполненных вагонах, маминых воплях и т. д.

Еще раз увидеть Ермолова... А о нем отзываются плохо. Говорят, что плохо вел работу. Как о многом я его не расспросила, а иногда было нечего говорить. Мое расположение падает при этом открытии... Пробивается неуважение. Т. к. я сама — бездельничающая,

по правде-то, комсомолка, то от работников требую активности, и заинтересованности, и преданности делу. Я буду работать так — так. Хотя его ничего не интересует, кажется.

«Желать всего могут дети и глупцы» (Бурже?). О, я так много желаю! I. Я хочу быть «производительной силой». Я так хочу работать на производстве, на фабрике, не любителем, не дилетанткой, а по-настоящему.

II. И на земле. Работать. Тоже по-настоящему.

III. И побывать везде-везде, по всему миру. Много и долго работать на поприще искусства. О, да обо всем не скажешь. Конечно, не успеть... Да еще любовь, дети... Да, я еще «ребенок» по планам... Увидим, что будет.

Скучно... Гляжу на Ермолова... Идеализирую я его... Ничего нет особенного... Обыкновенный человек. Слабовольный... Да, слабовольный. Т<оля> Оз<еров> вчера говорил: «Теперь-то он пить бросит». Ну, да, бросит.. Тряпка. Жижа. Рисуется... (??) Еще Оз<еров> говорил, что этот раз В. П. была грустная, вроде рассорившись с Ерм<оловым>. Нарочно говорил?.. А меня радует?.. Нет... Скучно.

20-го авг<уста>. Суббота.

Вчера был «отвальный» вечер. Сначала сидели у Титовых, потом у нас на балконе, — орали, пели, дурили. Виктор смешил всех. Мне нравится Викт<ор> — сильный, красивый парень. Потом я ушла с Оз<еровым> в беседку под окном, и он сказал мне, что Ерм<олов> любит меня. «Только я не понимаю такой любви — уж любить так всюю, а то вы лето зря потеряли» (! прошу прощенья...). Говорит, что Ерм<олов> сам сказал ему... Давно.

Я не верю ни на волос, ни на миллиметр, хотя мне было приятно — льстило.

Нет, конечно, это не так. Он не любит меня. Да и лучше. Мне надо любить Бориса...

Конечно, я не согласна с Анатолием, что лето прошло «зря». Ни за что и не хочу другого, и не надо. И хорошо, если не любил. А если и любил, да не сказал, не облапил — хорошо. К чему? Создать неловкое положение? Глупо. Да и вообще-то — ре-бя-чество!.. Все... Ну и что ж? Ничего плохого. Смешновато, если с критической (марксистской) точки зрения...

Нет, конечно, не любит... Слишком флегматичный, слишком рассудительный и холодный, слишком не интересующийся жизнью. Или — напускное... Возможно, конечно, возможно... Ничего «романтического» — просто флегма... Слабовольный. Нерешительный.

«Ух — и все».

Вот и уезжаем. Лето прошло... Скоро, как скоро! Какое оно было... хорошее... густое... Подытожить? Не стоит... Еще рано. Надо отступить, чтобы оглянуться. Оно еще слишком близко, еще здесь. Лето, хорошее, лето! Буду ли я вспоминать тебя тепло и с лаской или с тяжестью и болью. Не будет ли

— «К заповедным тропам
Не приду я вновь...
Тут тропами пропадали
Песня и любовь?» — правдой?..

Ну, кончу, заверну и буду мыться.

Через несколько время поедем по дороге к Заручевью, может быть, последний раз в жизни — «Не забывай»...

НЕ ЗАБУДУ.

Ничего не забуду...

Завтра увижу Борю... Завтра!? О! Завтра... У меня нет живой радости, а сухая. Она будет. Я люблю его...

Я — его жена ведь... Хорошо.

24-го августа. Среда. Ленинград.

Я скучаю о Ермолове... Кажется, не такими бы словами надо было бы начинать первую страницу в Ленинграде.

Как-то неохота писать о событиях, вообще неохота писать. Вкратце буду.

Встреча с Борисом. Много думала о нашей встрече, но такой не ожидала. Удрала ведь, и нога болела, и все. Бежала с замиранием сердца, даже перепутала дом и в другом дворе долго разыскивала его квартиру. (Момент комический.)

...Борька был самодоволен, груб, неласков. Когда отклонила его «поползновения» — засунул руки в карманы и стал свистать. Я целовала его, а он свистал... Все время был гнусный, и у нас. Только под

вечер у Балдиных был хороший часок. А говорил: «что все девчонки мне надоели... И ты! Осталась былая теплота, но прежней экспансивности нет... Что ты хочешь, чтоб я бился у твоих ног, как мальчишка в “Преступлении” Сейфуллиной...» У нас говорил: «С тех пор как мы расстались, семь девчонок говорили мне, что у меня какая-то хорошая, смущенная ласка». Гм!.. А в понедельник была у него, — и когда снова отклонила, объяснив это своей болезнью (менструации), — он разозлился. Начал выходить из себя. Спрашивать — буду ли я жить с ним? Да, он ждал и себя... Очень многие вешаются на него, так что он мог бы... Он не может ждать так долго. Я была почти спокойна и взором экспериментатора наблюдала за его поведением, выдираaniem клоков волос из головы, с чувством гадливости и презрения... обиды. Любви не было. Но подошла к нему: «чем же я виновата?»... «Тогда не надо было приезжать»... — «Ах, вот как... так мне надо приезжать только тогда»... слезы сдавили мне горло... (Момент трагический.) Это правда. И только гадость была, и не верила тому, что это оттого, что он любит меня.

Я зря не ушла. Но сидела долго, слушая его рассказы о жизни в Семенове, о Татьяне, о «Гуте», которая вешалась на него и рассказывала подробности супружеской жизни...

И опять была гадливость к его самодовольству, самолюбования, пошлости...

Пришел Володька Угланов, вместе вспоминали об этой Гуте. (Момент водевильный с примесью фарса.)

Я тоже кое-что порассказала ему... (40 000 курьеров взглянули из его рассказов...)

Я дала честное слово, что не целовалась... Как приятно обманывать <такого> человека, как Борис... От сознания, что гнусно, — еще приятнее...

Вчера вечером была у него. Любила его, нравился мне. Говорили о сыне, о будущей жизни. Только мне думается, что ее и его — не будет...

Я люблю его, но, пожалуй, мне кажется, что люблю...

Он... не мой Борис... Мой Борис — не самодовольный, не самолюбительный, грубый, эгоистичный тип...

Она становится бедной, наша любовь... Я хочу большего, нового, сильнейшего. ...Но в пятницу буду принадлежать ему... Нет, я не лгу... Просто еще не нашла его... не разобралась во всем...

Надо письмо Ермолову написать.

Вечером.

За окном гитара, ветер и ночь...

Тоскливо, тоскливо...

Я не люблю Бориса... Я не люблю его... Ну и что ж. (Тра-ля-ля, тра-ля-ля... Вальс.)

Нет, люблю. Но ведь он такой поганый... Зачем же быть таким откровенным? Конечно, ему надо только одно... Я не верю, что он ничего не имел с «Гутей», с Еленой (он ночевал у нее!). За окном — «Кирпичики».

Вот за Сеньку-то, за кирпичики...

Я хотела бы петь с ними...

Вчера сказала — приезжай в 6. Не приехал. А весной бегал и был каждый день почти...

Завтра не пойду к нему. Если не приедет, не постарается увидеть — не приду в пятницу, — я ему не «Гутя». Пускай бежит куда хочет... С чего это все? Как мне больно за весну, как мне жаль ее... Нет, я люблю его... Лихарев сказал: «Я бы очень хотел, чтобы какая-нибудь девушка скрутила его так, чтоб он за ней бегал»... Отчасти, — да и не отчасти это было... Ну, а теперь это будет в большей мере... Я не прощу моего унижения... Правда, им нечего особенно дорожить...

Ой, как нехорошо. И как-то никого кругом нет... Сентиментальщина все...

Нет, хорошо, если б Ермолов любил...

26-го <августа>. Пятница.

Ужасно томительно дома... Отец пьет, мама больная... Все время скулит и ноет. Нудно, ненужно... А голос такой тонкий, жалобный, надрывающий... Злишься, и так жаль ее... Ведь работает, работает, кругом долги, никак не выбиться из них... На курсах у нее дела плохи... Бабы, ни хрена не понимают. Счетоводства нет... А мама ноет: «Ты ничего не поможешь... отношение... плевки... эксплуатация»... А как же я помогу, что буду делать, когда тут опытного счетовода надо.

Дождик, серо...

Еще за занятия не принималась... О-ой... К Борису сегодня поеду... Его женой буду... Да, хочу. Только боюсь 1-го мая. Больше всего... Если так случится, уже не приду совсем.

Вчера была у него. Долго говорили, хорошо. Стихи читали. Говорит: «Ты большим поэтом не будешь, но любить и читать тебя будут»... Потом отказался от этих слов... Не знаю, кем я буду... «Теплая лирика»... Да. Но Уткина здесь нет... Хорошо вчера было. Я люблю его. Да, люблю...

Надо скорее устраиваться... В понедельник надо в союз заявление подать. К Мишке Чуманд<рину> съездить. В райком.

В райком съезжу в понедельник. К Чумандрину... вот узнаю...

Надо в артель записаться...

Ой, а 5 руб<лей>. В. Т.? Борька Л<ихарев?> должен мне 5, но прошу взять билеты на Мейерхольда...

Тяжело жить...

...Мать рано — велит приезжать... А не могу... потому что надо быть у Борьки... Главное — устроиться... Хотя бы на завод...

27 <августа>.

Была у Борьки. Было.

Сегодня чувствую себя отчаянно. Страшно болит поясница... Только бы не заболеть! О, только бы не заболеть какой-нибудь женской болезнью... Я так боюсь этого... Очень плохо. Нет, не может быть... Но если!.. Э!..

5 сентября 1927 г.

Златотканные дни сентября... В Глушине сейчас хорошо, наверно, тихо. Желтые деревья. Хочу туда.

Писать неохота.

Была у Чумандрина. Обещает помочь. Надо завтра съездить туда. Стихи изругал. Не во всем, но почти во всем — прав... Надо иначе писать... Не по Чумандрину, а как надо...

Бориса люблю. Более спокойно, чем раньше. От минут близости с ним испытываю... удовольствие. Только разве от этого бывают дети. Как-то странно; в другое время напишу об этих минутах и самом Борисе — подробнее... Сейчас нет.

Занимаюсь в Публичке. Не пишу.

Между мной, и Лих<аревым>, и В<алей> Б<алдиной?> создано крайне напряженное отношение. Конечно, и я виновата, зачем трепалась. Наука, вперед...

Писать бы о многом надо... Потом...

«Дурью мучаюсь»... Моча в голову ударила... Ага.

Борис должен приехать, хотели поехать в киношку...

Б<орису>.¹

Именем любовь назови!

Именем назвать не могу!..

Г. Иванов

Нет имени тебе, весна,

Нет имени тебе, — мой дальний...

Блок

Я молю Тебя: членораздельно

Повтори творящие слова...

Б. Пастернак.

Я молю Тебя: членораздельно

Повтори творящие слова!..

Б<орис> П<астернак>.

Рябина

Цветет, цветет рябина

В лесах и у села,

Как ни одну годину

Ни разу ни цвела.

Цветы ее сыпучие, —

Как полдень снеговой,

А старики дремучие

Качают головой...

¹ Далее выдержки из стихов разных поэтов и черновые варианты стихотворений О. Ф. Берггольц, записанные ее рукой на обороте тетради. Часть стихотворений датирована, остальные, предположительно, написаны в июне–августе 1927 г.

Придут, тоской завалены,
 — В костыль вросла рука,
 И на глухой завалинке
 Заворожат в закат.
 — Цветет, цветет рябина,
 Как ни в одном году,
 Кипит она,
 рябит она
 В лесах и во саду.
 Рудеть рябине к осени,
 Гореть [кипеть] среди ветвей,
 А нам, под ропот [говор] сосенный,
 — Спровадить сыновей...
 Спровадить не на промыслы,
 Не выбирать жену.
 — А по чужому умыслу
 На бранную войну?..

Свиданье

Ты будешь ждать,
 пока уснут,
 Окостенеют окна дома,
 И бледных робких вишен тишину
 Прорежет *нарушит* голос мой знакомый.
 Я прибегу в большом платке,
 С такими жаркими руками,
 Чтоб нашей радостной тоске
 Кипеть вишневыми цветами.
 И не домолвишь, не споешь,
 Все узнавая, что хотелось...¹
 ...Твоя предугрениая дрожь
 И мне охватывает тело.
 12/VI-27.

¹ Отрывок со слов «И не домолвишь...» и до слов «...что хотелось...» выделен О. Ф. Берггольц лигатурой со знаком вопроса.

Птицелов

Видно, слышал, как я пела в роще,
 Приманил меня *шутя*, как птицу, свистом...
 {Стала ночь неумолимо быстрой,
 Вечер стал неумолимо *повторимо* быстрым?}
 Птицелов мой — быстроглазый, ловкий,
 Затвердил *заучил* (перенял) слова мои и крики *вс<к>л<ики>*,
 Знаю, знаю, — пойман птицелов мой
 Маленькой полянкой с повиликой...
 Зачарован хитрый птицелов мой.
 Он меня своею называет,
 Говоря о радостной любви.
 ...Пусть зовет,
 покуда не узнает,
 Что за птицу в роще изловил.

Веники

Был восток, как девушка залюбленная, розов (?).
 Первый раз пришла я в рощу с топором
 К [молчаливым] [молчальным, печальным, весенним] *белым*
 подругам,
 Тоненьким березам,
 Да только не с песнею, не с добром.
 Выбрала кудрявую, самую тонкую,
 Неловко ей врезала топор в бедро...
 ...будут в бане веники жаркие да звонкие,
 Шипучие камни, студеное ведро...
 Пол в субботу вымою,
 Рот утру порогу
 Да и в бане [вымоюсь] [выпа] <рюсь> *выпарюсь* попарюсь вхлест,
веником вхлест
 Чтобы завтра тело руки кто-то тихо *милой* трогал
 Чтоб сказал, что пахнет свежестью *листьями* берез...
 А не я ли пела — и березы верили! —
 Что нельзя губить растения весной?..
 Что же мне не жалко срубленное <срубленно>го дерево <дерева
 Первого дерева, загубленного мной?..
 <Перв>ое <дерево>, <загубленн>ое

Веники.
 Весна.
 Мать. Борис Корнилов.
 Заповедь.
 Заповедь частника.

Прилука
 Т. К. П.
 За тоненькие руки
 В широких рукавах,
 За звонкие прилуки,
 За тихие слова —
 Решился ты покою,
 Не стал косить траву;
 А я не успокою,
 На хутор не зову..
 Иди прямой дорогой,
 Не слушай, как пою:
 Мою любовь-тревогу
 Другому [ую] отдаю:
 Ему мои прилуки,
 Любимые слова
 И ласковые руки
 В широких рукавах.
 30/VI-27.
 Глушино.

Лицо опущу, как в чашу, — в ладони.
 Ладони горьки от цветов и трав.
 В ужоже вечерней (туманной) —
 — звенящие кони
 Росистый корм жуют про<жуют> до утра...
 А мне по дороге идти за вечером?
 Листы придорожных ветвей кустов теребя,
 Идти и придумывать выду<мывать> — нашу встречу,
 Стихи выдумывать — и тебя...
 Но ты из-за этой смиренной ольхи,

Ты подойдешь ко мне¹, загорелый.
 Не потому ль *оттого* ль не поются? стихи
 — Высоко, как *точется* стройно, умело?..
 Жужжат, как в избе у стекла
 слепень,
 Как пчелы без жала
 над медным маком...

Кажется,
 И чудится каждый беспесенный день
 Смешной <смешн>ым да стыдный <стыдн>ым,
 Что [Как] бабья драка...
 О, жаль, что нельзя мне
 Кукушечьим стоном,
 Кукушечьим плачем
 Жалковать до утра...
 Мне только лицо опускать <опус>тить в ладони,
 Ладони горьки от цветов и трав.

30/VII 27.

Как теперь рассказывают *размазывают* деды,
 Сохранившиеся в древних деревнях,
 О процветших радостях и бедах,
 Как *Вот* плачут над павшей коровой...
 Тоскуя, кряхтя по ночам.

Ширь ты Новгородская.
 За радости думы мысли и тела
 На кругло-зеленой земле.
 Я в вечности не захотела б
 Звездой желтоватой тлеть...

[Ой, луга, вы, луга,
 Вы не скошенные,
 Быстрокрылой *сребр<истой>* косой
 Не погубленные.

¹ Слова «ко мне» обведены О. Ф. Берггольц в круг

Ваша цветъ-дорога
 Незаношенная,
 Словно свинец... (тугой)
 Новокупленный.]

Звук первобытный унылого рога¹.

Коровья песня

Пастух искал заблукавших коров,
 В рог берестяный звучал он.
 И темное эхо
 лесных новгородских сторон
 Трикратно ему отвечало!
 А я услышала с дороги² — в холмистой мгле —
 [Первобытную грусть переливного (?)] *славянского родимого* [рога].
 [Осторожно] склоняясь к *любимой* земле,
 Узенький месяц краснел над [моею] дорогой...
 Никогда не слыхавшим вечерней коровьей песни
 Никогда не понять ее [радостно-древней] [щемящей] тоски,
 Но она приворожит *заворожит затомляет* радостью неизвестной.
 И заплакать заставит, у берез обнимая суки.
 Я узнала, узнала теперь,
 как от пастушьего зова
 Зашевелится в сердце звериный хороший инстинкт...||

И по синей росе,
 Без желаний, без думы, без слова
 К берестяному рогу — идти *потянет* [заставит]?
 Я *заслушалась* рог,
 и в вечер³
 Хорошо ощутить *узнавать* в вечернем таинственном
 теле
 Небывалую эту, земляную и страшную *дивную* новь...

¹ Помета рукой О. Ф. Берггольд в правом верхнем углу.

² Слова «С дороги» обведены в рамку.

³ Фраза «Я заслушалась рог, и в вечер» обведена О. Ф. Берггольд в круг.

...О, моя новгородская ширь,
 Ты и молчальные черные ели,
 О, мое жалкование *печаль моя*, радость моя и любовь.

Песня

Под Иван-Купала,
 В синиюньский вечер,
 Я венок сплетала
 И бросала в речку.
 Ты плыви, венок мой,
 С песней заплетенный,
 Ты цветы, не мокни,
 Не тони в затоне.
 Чтобы с милым вместе
 Жить — не расставаться,
 Чтоб ему невестой
 Долго любоваться...
 Ой, плывет венок мой,
 Словно птица-Сирин,
 Он плывет далеко
 В полевые шири...
 Месяц канул мимо,
 Месяц бысролетный...
 Суженый, любимый
 Весточки не шлет мне...
 Ой, пойду на речку,
 Разыщу венок мой,
 Пропою весь вечер
 Птахой одинокой.
 Скоро он узнает,
 Суженый да милый,
 Свой венок сама я [наш венок] [венки]
 В омут утопила...

Я бросила в воду венок
 И месяц спугнула с реки.
 Он тоже гадал, одинок,
 Узенький *сгорбленный*, от тоски...

Канул венок на дно,
Потонул венок, потонул...
Мне грустно... и очень смешно,
Что поверила в старину.
Но города умный гул
Далеко, а равнина поет...
Мой венок потонул, потонул,
Потонуло счастье мое!
Не сбудется...
Месяц, твоя река,
Печальный, гадай до утра...
А смешная моя тоска
Приляжет у синих трав.
Уснет у купальских трав.

А. Г. (ха-ха).
Ветер пахнет спелой земляникой,
— Долетающий с холмов пологих...
Только вечер в омуты поникнет, —
— Выхожу на тихую дорогу...
И лицо, и губы мои любит
Земляничный да румяный ветер.
...А на что мне розовые губы,
Если ты вчера их не заметил?

Горьковатым цветом ромашки
Забелелись мои луга...
Послезавтра коса замашет,
Улыбчива и строга.
Послезавтра...
А завтра Петровки,
Золотое гулянье лугов:
У цветочных задуманных тропок
Я оставлю следы шагов.
Мимо заводей, плещущих чернью,
Я пойду посмотреть на покос,
Отстою луговую вечерню
Перед белым праздником кос...

Вечерняя деревня

Точно я нажевалась осины
— Так губы мои горчат..
Теплый ветер, долинный и синий,
Нагибается ветер синий
Нагибается у плеча.
По вечерней, серой *неясной* деревне
Как *мне* отрадно и грустно идти..
У завалинки дедко древний
Повстречался мне на пути..
Старику, как и мне, не спится,
— Я сажуся к нему... тишина..
А ночные черные птицы
Прносятся мимо нас..
И заводит старый умильно
Поседевший, слышанный сказ:
В наше время
был край обильней.
Были люди сильней у нас..
Был в их годы и край обильней,
Да и люди сильней, чем у нас.
Он заохает, затоскует,
Спросит кто я? откуда прихожу?..
Только я про себя, про такую,
Ничего ему не скажу... *Про нездешнюю*..
Месяц тянется согнутым [сгорбленным] клювом,
Дедко дремлет спокойней травы..
...Хаты милые! Вас люблю я,
Да меня-то любите ль вы?
Прохожу по деревне — невнятной,
Голос песни ночной — одинок..
...Маленькие лягушенята
Прыгают из-под моих ног..

Рассудочн<ое>

Я горько думаю...

...Я отгадать стараюсь

Загадку,
данную себе:
Земля любимая... земля сырая!
Скажи, — родная ль я тебе?..
Мне дороги твои сиреневые скаты,
Твоя березовая тишина...
Твои дремучие [горячие] [и дикие] заклятые закаты,
Похожие на зелье колдуна...
А ты меня — с гранитной буйной нивы
Пришедшую — считаешь ли родной,
За трудный день
на желтокудром жнивие,
За сито ржи,
посеянное мной?..
Земля любимая, не отвечай мне смехом,
Не отвечай тупой усмешкой хат.
Моя печаль — твое большое эхо,
Тоскующее рогом пастуха...
[Черный табор мимо [проходил] проезжал силуэтом
По дороге, в сторону заката...
Дергачи кричали по межам,
[Ужина] Ужинать садились в хатах...
И грибной селянкой пахло в хатах
Свежими грибами пахло
А к нам на хутор, к тихому крыльцу
Вдруг цыганка подошла без звука...
И навстречу темному лицу
Я покорно протянула руку...
На ладонь упал зоревый закатный блик,
Озарил морщины на ладони...

И по ним с гадалкою пошли

Ой гнусь.

Мы за будущим моим в погоню...]?!
Много перекрестков и распутий
На дорогах встанет у меня...

Никому их будет не распутать,
 Никому *Никогда* их будет не понять...¹
 Никогда
 Ветер на путях моих — веселый,
 Много встречных — радостных людей.
 Разноцветные, большие ветры
 Мы встречали на моих путях...
 [И бывали ночи без рассвета]
 Как хорош змеиный сладкий голос,
 Горизонт нетронутых бровей.
 И, любуясь странной речью, непонятной,
Смутлою вечерней ворожкой, —
 — Разве знала я, что цыганята
 Нашу лошадь увели с собой...
 [И] *Что* пока за будущим гонялась
 Я с гадалкой по морщинам *дорогам* рук, —
 — В опустевшем стойле занималось,
 — Горе занималось ввечеру..

Хара-Хото.

И рассыпались шелковые книги
 От первой прикоснувшейся руки...
 Песок сосал закаты *восходов* брагу,
 Чтоб стать красней и горячей...
 Как под заклятиями мага,
 Мы шли в большой тени ночей,
 Мы шли по дням, лишенным влаги...
 Чтоб стать красней и горячей,
 Песок сосал *восходов* брагу...
 Мы знали: в глубине пустыни
 Ждет омертвевший город нас...
 [Мы все отроем], что донныне
 Хранил песок от жадных *гордых дерзких* глаз,
 И ждал *бесстрастно спокойно*
 Ждет омертвевший город нас
 В горячей глубине пустыни.

¹ Слово «будет» на двух строках обведено О. Ф. Берггольд в круг.

Мы шли за древнею святыней,
За тайною прошедших рас,
[Что не отгадана доныне].
Мы шли отрыть его твердыни, *пустыни стынет святыня*

Мы этот город угадали
Издалека, в другой земле...
Мы шли годами и годами, *и засыпая*
Не уставая на седле,
и спать привыкли и засыпали
Мы И бредили его дарами
Издалека, в родной [другой] земле...
Был город предугадан нами...
(*Он до тоски полюблен нами*)?
У смерчей, выгнутых и черных,
Мы оторвали город наш...
Нашли неведомые зерна
И чаши урны синего вина,
В книгохранилищах упорных
На бледных книгах *свиткал* — письмена.
У смерчей жадных и ... черных
Похитили мы город наш...
Но мы забыли эти миги
[Из-за] *Для* будущих больших минут,
Когда нам шелковые книги
Чужие тайны развернут...

Б. Б.
Шаги мои потеряны
Без толку, налегке.
Зоря точеным теремом
Сгорела вдалеке.
Как ветром рожь, запутало
Кручину — грусть мою.
От хутора до хутора
Шагаю и пою...
Пути мои не меряны
И мне не дороги...

И без толку потеряны
Унылые шаги...

Только выступят на травах росы, —
Через луг нескошенный, густой
С нашего далекого покоса
Босиком я пробегу домой.
С хутора соседнего, за чаем,
Раздается равномерный звук:
Это милый косу набивает,
Завтра выкосит румяный луг..
На следы тропинки этой малой
Он в траве косою попадет.
«Не моя ль здесь милка пробежала?» —
Он подумает и запоет...

О
Мой север!..
Новгородский север,
Где мягок небосклон и сер,
Где ты, печальная непролазная забубенная Рассея,
И забубенный ССР..
Где хмуробровые курганы,
Где *И* та же радость *песни* и тоска.
Гульба такая же, — и тоска,
Такие же люди,
Те же ткани,
Как за *под* курганами, — в веках..
Где стонут древние плачеи
Под стук *свист* фабричных веретен,
И незабытый Аракчеев
В рассказ о нынешнем вплетен.
Где за *на* туманное кружало
Выводят *гоняют* девушки *вечером* коней,
И где забила, задрожала
На Волхове волна огней..
О север мой,
[Любимый] север,

Отдам любовь и жизнь мою
И за печальницу — Рассею,
И за ... Союз...

Чтоб мне не заплакать,
Часто не
Вовсе

В ненужной тоске не заметить со
Я вспоминаю о днях *годах* иных.
В суровой моей,
в новгородской земле
Больше замучено крепостных...
Сколько *Много* моих неизвестных товаров,
Тоже любимых, желанных тоже,
Было дешевым, горячим товаром,
С густыми косами,
с мягкой кожей...

И тысячи не отомщенных неволь *стоят*
Покорной... толпой
В равнинах.
Что *О* моя горечь?
Что боль моя
Перед их — прошедшей тоской *неизмерной* непомерной
[не поддамся, ее след]

Ермолов
Несчастья проходят угрюмей и злей,
И я не свалюсь, не заплачу от них:
О, ничего...
В моей новгородской земле
Больше замучено крепостных.

Морем Варяжским пахнет от туч...

Гроза.

О роще. 7/VIII

Скоро оставлю

Эту сторону...

Где заря гуляет

Ввысь и в ширину...

Спать под борону:

Где за изгородой

Светит хуторок...

Где была дорога

Горше всех дорог...

К заповедным тропам

Не приду я вновь...

Пропадите пропадом,

Тут пропали пропадом

Песня и любовь...

Я во все колодцы заглянула

— И нигде себя не узнаю...

Девушка какая-то кивнула,

Косу перекинувши свою...

У нее глаза — совсем пустые

И печальный, некрасивый рот.

Будто бы сегодня известили,

Что любимый больше не придет.

У меня же было столько смеха, —

Столько песен в роще зеленóй.

Эхо не сравнялось даже, эхо,

Певшее за соснами, — со мной...

Но углами рта не улыбнется

Та, чей взгляд

в глаза мои поник, —

— Девушка из синего колодца,

Девушка, мой пасмурный двойник... *молчаливый, контурный двойник*

А глаза ее — совсем пустые,

И такой замороженный рот... *Завороженный, неясный, неяркий рот*

Видно, ей сегодня известили,

Что любимый больше не придет.

Песнь ухода.

Морем варяжским пахнет от туч,
 Морем варяжским, невиданным мною...
 О, как они вспенили высоту,
Вдаль уплывая, Идя над равниной проходя, ладья за ладью...

Вздروгнули В равнинах чутко (?) озера ржи,
 Робкие хаты к земле приседают...
 Хаты совсем оробели, мигая...
 А хаты робки, как поселки на сваях...¹
 Хаты забегали, приседаю...
 И только одни вековые седые кряжи
 В лицо узнают <узна>вали далекую (?) морскую стаю.
 знакомую
суровую
 старую
 старинную²

Не девичье сердце, наверно, во мне,
 — Оно не лежит к хозяйству да пряже,
 Оно запросилось к бурой густой волне,
 — К неведомой жилистой, круглой (?) волне варяжской...
Что ж, так и прожить — у мамы, у хат,
 Бояться просторов <про>студы, широких (?) ветров,
 Чтоб жизнь проплелась, глупа и глуха,
 Вперед подвигаясь по миллиметрам...

Любимый, не хмурься!
 Отец, не грусти...
 Мне только б осилить домашнюю жалость,
 — Уйду от родимых... уйду от жалоб
 В свои полюбленные пути.
 Пойду за ненастьем, за песней и горем,
 Пойду за тучами по земле.
 О, как они пахнут варяжским морем!
 Волею древних — и наших лет...

¹ Пометы рукой О. Ф. Берггольц по правому полю.

² Пометы рукой О. Ф. Берггольц по правому полю.

А<лександрру?> Е<рмолу?>
 Я рассказываю о снах
 Тебе, не выдававшему снов;
 И потом, что как простая весна
 Может быть лучшей весной.
 Ты слушаешь и молчишь,
 А ночью увидишь во сне
 Этот омут, валун и камыш,
 Ее красный платок на мне...
Алматовщина!..¹

На колени встану — на дороге, по-стар<инному> — *отдам поклоны*
 Положу старинные поклоны *по-старому* — *поклон...*
 Ельнику за чахлой *вдали* за изгородой, Фо:
 На поле — сыт *вечеровым* — суслонам Старикам
 I (Сытым и вечеровым -//-) Вечером объевшимся
 II (Да вечерним, налитым -//-)
 Жиром хлебным, налитым суслонам...
Жирным, вечереющим суслонам

Самый звездный месяц и напевный,
 Серпень желтый — на полях стоит..
 Воскресенье меркнет на деревне
 Под лады тальянные свои...
Песни отпеваючи свои...

Под гармони дальние свои...
 А зачем [кому] я кланяюсь — не знаю?
 Даже [Почему] не покою сегодня я,
 Да земля какая-то родная,
 Теплая и тихая... моя.
 [Радость песенную затая
 Урожаи радости тая...]

¹ Пометы рукой О. Ф. Берггольц по правому краю.

Книга

Не бродить мне по зеленой роще,
По следам потерянных шагов.
Топоры заговорили жестче
В пальцах закопченных мужиков.
Это на бумагу рощу вырубают,
Лысые кругом
оставив пни...*оставя пни...*
Будет край наш с новым урожаем
Значит, быть большому урожаю
Будем, будем с новым
Молодых... и говорливых книг
Может быть, из этой рощи самой
Будет книга первая моя,
Где стихи, что долго и упрямо
У берез выдумываю я.
Только сборник этот
Слишком тесен,
О, не этого захотелось мне,
О, не этот хотелось мне
Я бы высекла одну из песен
На седом и мудром валуне.
И поставила б на перекрестке
Русских, нескончаемых дорог.
Бесконечно льющихся дорог
Там, где ветры молоды *широки*
и жестки,
Где следы от человечесьих ног.
Чтобы каждый,
Проходящий мимо,
Эту песню навек затвердил,
— Ну и пусть мое не знали б имя,
Только строфы нежа на груди.
Чтобы легче
С нею были думы,
Радость шире, горячей тоска...
Песню эту, что ли, не придумать
Или перекрестка не сыскать?

*Перекрестка ль, камня ль не сыскать...
Камня ли такого не сыскать...*

Не одолеть земляную мочь,
— Полушария разлучены,
Когда мы в полдне,
В Америке ночь,
Банкирские сытые сны.
Но только отчалим мы в темноту,
— В Америке жирный день,
И тонко поет электрический стул,
И смерть никуда не деть.
Кто-то возьмется за штепсель рукой,
И станет двоим темно...
Какой же сон
И какой покой
В такую смертную ночь?..

Прощанье.
Петухи поют по хуторам,
Сумрак заворочался в клетки.
Ну, прощай... пусти меня... пора.
Мягкого, хорошего пути!
Ты не знаешь, как меня зовут,
Я не спрашивала, где живешь...
Вспоминай росистую траву,
Предрассветную, сырую рожь...
Мне не жаль, что нынче расстаюсь,
Хорошо не плакать, не грустить...
Петухи по хуторам поют,
— Легкого, счастливого пути...
11/VIII.

Русой ржи обрезали косы,
Обрезали крутым серпом...
Выпадали тяжелые росы,
Тепловатый, соленый пот.
Неприглядны на страде люди,

— Пахнут густо и тяжело!
 А детей-то, не кормленных грудью,
 Что колосиков, полегло...

Где папоротник свился в урны
 И замечтался гриб кривой,
 Я стану тихой и безбурной,
 К земле прижмуся головой...
 И пусть тоска моя кукушкой
 В осине станет куковать.
 Я только буду слушать
 И не пойму ее слова.
 колдовские?
 огромные
 чудесные
 неслышные
 [Земля молчит, большим молчаньем.
 И так отраднo
 Ее молчанию внимать.]

И несказанно, неповторно
Неповторимо, несказанно
 Они откликнутся *зашелестят* во мне...
 И песня отзовется странно
И только песня будет странной
 В лесной замщенной тишине...

А<лександрю?> Е<рмолову?>
 Я тихим проулком пройду к проворё,
 Окно твое близко, я буду смотреть.
 Рассеян, и грустен, и близорук,
 С нервным движеньем несильных рук.
 Три новые книги безмолвно лежат,
 Не тронуты прикосновеньем *тихою бледною сталью ножа.*
 Глаза твои тонут на синем окне,
 Но ты не думаешь обо мне.
 Да я не люблю, и не надо любви,

Мне только бы строгие думы *мысли* твои.
 О, ты не узнаешь — до лучшей поры, —
 Что я простояла у проворы.
 Стояла — пока не запел *заплакал* петух
 И желтый огонь у тебя не потух.

Заря поднималась, тиха и сера...
 Росию подернулась провора...
 Заря ль моя горькая занялась:
 Тяжелыми росами сердце поняла [обожгла],
 [Червленной ширинкою]
 Хитрыми узорами оплела пути.
 — Стало мне дороженьку к дому не найти...
 Замела следы мои на сухой земле,
 Чтоб рукой махнула я на вчерашний след.
 Надо бы мне, девушке, — вечерами спать,
 У околиц пасмурных — зорь не выкликать...
 Надо бы не мучиться *маяться* над чужой судьбой [бедой],
 Надо б не беседовать по ночам с тобой...
 Зоря моя горькая *ранняя* рано горько занялась, П
 Рано, ах, ранешенько жизнь мне тяжела. I
 Была б я веселая, без тоски да зла.

Я выйду вечером прощаться,
 И будет ветер свеж и груб,
 Чтоб горечи не показаться
 У сомкнутых и тихих *вечерних* губ.
 Я выйду *приду* в выжатое поле,
 И пусть оно молчит во мгле,
 Чтоб мне без жалобы, без боли *не жалобу о боли*
 Дать обещание земле.
 (Но обещанье дать земле)
 Спокойная, без тоскованья,
 Я в пояс поклонюсь полям...
 И строго поклонюсь полям
 О, до свиданья, до свиданья,
 Я вновь приду к тебе, земля...

Но без сомнений, без печалей,
(А) Я новая *Не девочкой...* — к тебе приду,
Чтоб лес и пашня укачали
Упорных дней *лет* моих орду.

И буду я с тобой,
Чтобы брататься и бороться
С тобой, любимой и родной
Такой.
И в бороду не усмехнется

И вежливо
И — как сейчас — не усмехнется
Усталый пахарь надо мной.
Должно быть, никогда не научусь
Стихов высокому искусству,
Улыбчивая северная грусть
Над каждой строчкой обвисает густо.
Не вычеканить мне бесстрастный стих,
Не вымерить его, не взвесить...
Я песнями в пути оставлю их
И забываю через месяц.
И пусть они пасутся без меня
Нескладными конями молодыми,
Пусть каждый ловит быстрого коня,
А уводя, считает их своими...

Звонят созревшие льны
Под солнечным коромыслом,
Губы мои солонь,
И спутаны мысли...

Я тебя не спрошу ни о чем,
Как ты жил один без меня,
Кто к тебе прикасался плечом,
Золотыми серьгами звеня...
Да и ты не выпытывай, как
Я жила далеко-далеко(й),

Чтобы здесь, у тебя на руках,
Мне опять не стать одинокой.

Зальце

За окном монотонные вальсы,
Забренчала гитара печально...
Обветшалое, смиренное зальце
В робком вечере закачалось...
Этот гнет сквозных занавесок,
Этот сытый, тупой уют!...
...Хорошо за заставою Невской
Вечерами гитары поют...
И в своем [в этом] опротивевшем зальце
Занавесок я не спущу...
И, услышав прохожие [избитые] вальсы,
Подоконник сожму,
У тупого окна загрущу...

[И почудится мне, что мимо
Проходит, лениво звеня...
И мне почудится — мимо дома
Проходит, лениво звеня,
Кто-то лучший и незнакомый,
Но не знающий про меня...
Их окрикнуть бы, чтоб отозвались,
И примкнуть к проходящей толпе,
До утра бы шататься под вальсы
И заставские песни петь...
А потом бы сказать над Невою,
Где в граните не стонет волна,
Что больны мы вчерашней тоскою
мещанской, ненужной, прошедший, старинной
И такая тоска не нужна...

Что не наша — такая застава,
Где гитара на старом пути...

Что пора бы гитару заставить
По-иному петь и грустить.
Об ином рыдать

...В зальце ж тетка на картах гадает,
Вянет «девичья красота»...
В зальце жизнь не моя, не такая,
Даже песня моя — не та...

А<лександрру?> Е<рмолову?>.
Я косы в узел завязала,
Спокойно тело, суше рот,
И на заброшенном вокзале
Меня давно никто не ждет..
[<3 строчки нрзб>]
И ты не выйдешь с той дороги
На цепь вагонов посмотреть
И руки взять мои, в тревоге, —
На полустанке, на заре...
Все изменилось как-то сразу,
И сожаленья даже нет..
Лишь, как всегда однообразен,
Унылый возглас: «Ваш билет!»
19 $\frac{2}{VII}$ 1928
Ок<тябрьская> ж<елезная> д<орога>.

24/VIII-27 г.

Отец меня прогнал, а мать прокляла...
Но время пришло, и она увлеклась...

Нет... что я... люблю Борьку...

16/XI.

А праздники уже прошли... Конвертик я посылаю, как доказательство моей невиновности. Я не виновата, и ты не виноват, и даже почта тоже не виновата.

Ну что же, давайте обливаться слезами.

Я тоже была тронута до слез. Иду я как-то домой и думаю (совсем как Толстой) — если я пойду не по Поварской, а по Никитской, непременно случится что-то необычайное и приятное. И представьте, не ошиблась.

«В нашу прозу»...

И забавно то, что даже без письма я собиралась написать, была такая идея. Ее выполнению помешала бесконечная работа, такая совершенно конвейерного типа. День, хороший рабочий день, кладет меня на лопатки. Во сне я вижу школьников и реку Шпрее, по которой мы плывем в Берлин, во сне она называется Зее. Наяву слушаем вечером Кольцова. И сжимаем¹ <Далее обрыв текста.>

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц со слов «В нашу прозу» на отдельном листе.

ГОДЫ

1928_

1929

Дневник О. Берггольц¹

6/IV. Апрель. Ленинград 1928 год.

С тех пор, как в январе месяце Борис изорвал мой дневник, я не вела его... Но теперь опять хочется самой себе рассказывать все, все, что было... Так легче... Жаль тех листов, но ничего не поделаешь. Он из ревности (!) изорвал то, потому что там было несколько безобидно-ласковых слов о Саше Ермолове. (П <1 сл. нрзб>.) Так кричал, так... матерился тогда... А за что? Ведь в несколько раз больше было у него летом, и Татьяна клялся в любви, добиваясь... ее, и все такое. Не с января ли прошло то неуловимое, у меня и, наверно, у него, в душе, от чего веет темноватым холодком первых заморозков?.. Однако мы уже живем вместе, правда, не зарегистрировали нас, но уже все знают, и я ведь живу у него... Я беременна. С января же. Четвертый месяц. Сначала хотела сделать аборт, потом не стала. Свяжет ребенок, знаю, и адски тяжело будет — ведь надо столько средств, а откуда же взять — Борис не работает, я тоже. Но пусть, пусть, другим — еще тяжелее было, и все-таки они не травили детей. Пусть, — выбьюсь... Ведь не виноват же ребенок, а он будет живой, теплый, ма-алюсенький... Пусть будет. Только бы здоровый был, пупсик.

Сейчас нам неважно живется... Денег нет. Вчера у мамы заняла 5 <рублей>. Сама ниоткуда не получаю... Дома сыро, холодно, дров нет. Поневоле иногда кислое лицо будет, особенно если вспомнишь о долгах...

А Борис покрикивает: «что такая кислая!», «как ты мне опротивела с кислой рожей»... Нечуткий Борька все-таки, хотя и говорит,

¹ Запись рукой О. Ф. Берггольц на обложке тетради.

что любит меня... Почему-то — (страшно сказать) я не верю его словам.

Какое-то гнусное ощущение — врет ведь. Это оттого ли, что ему ничего теперь не значит сказать: «вот с этой девочкой я бы сожиться хотел»... «хорошо бы эту девочку растлить»... что он циничен стал до... холодности... Холодно циничен... Пусть это мальчишество, трепотня, но ведь это тяжело мне... Теперь он слишком часто говорит о своей нежности к Т<атьяне> С<тепениной>. Утешает меня... — «ведь Татьяна — это своего рода маленькая Беатриче»... Конечно, до Беатриче Тане далеко, хотя бы по его стихам — потому что Беатриче Данте возвысил до символа и т. п... Но опять-таки, не сравнивая Бориса с Данте, если жена Данте была умной и незаурядной натурой — если она любила Данте, то она предпочла бы стать на место Беатриче или нет?.. Конечно, я-то не предпочту иного места, кроме своего... Но если б он знал, как больно мне от его стихов о ней, от его слов, от того, что было, когда он и меня еще не знал! Отчего это? Ведь иногда мне чудится, что что-то кончилось... Мне чего-то не сказать Борису, потому что он все равно закричит: «Я не понимаю, чего тебе надо, ведь я же люблю тебя, как никого, брось ты скулить...» и что-то недоговорено.

Вот теперь он подружился с этим Володькой Соловьевым... Может, у меня односторонний подход к людям, закостенелая симпатия к... тем положительным сторонам, которые принято считать положительными, но я определенно чувствую вражду к этому щеголеватому пареньку, пусть талантливому и умному, — сюсюкающему о большом разврате, рассказывающему сальные, омерзительные вещи и анекдоты, хвастунишке и трепачу. Ведь это мишура, его пышные словечки.

9-го апр<еля>.

Борька в ночь на воскресенье вернулся в полседьмого... Потом рассказывал о том, что целовал ручки Л. Семин... познакомился с «вульгарненькой Шурочкой» и т. д. Я ничего не говорила, хотя мне ужас как тяжело было. Я все убеждала себя, что это гадость и мещанство, что я — ревную. Но что сделаешь, от этого не легче. Я ничего не говорила; он в трамвае, когда ехали к нашим, стал говорить, зачем я кислая и т. д. Я и сказала, что если он меня любит, то и ему было бы не по себе... На это он стал кричать, что я просто ревную, что

ему тяжело, что он... все время достает деньги и хочет, чтоб я училась и не занималась глупостями. Довольно меду. Я ревела — в трамвае! — мне было так стыдно, так мерзко... Да ведь я понимаю, что ему тяжело, а мне-то, Господи!..

И теперь все время говорит, что позвонит той-то или той; с той-то пил, и она — и т. д. Нехорошо так! Ну, ладно. Наверно, я ему не мила стала. Ну и что ж, всему же конец бывает, хотя и говорит он, что любит...

Я дура, я тряпка, надо взять себя в руки... Надо не обращать на это внимания... Но как, как он изменился... Сколько самодовольства... нечуткости... Я дура... Но все равно, не могу дома... Пойду с Стэре... Как нехорошо... Дура я, что «страдаю», тряпка.

10-го апреля.

Тяжело людям, посвятившим жизнь слову. Тяжелее, чем посвятившим краске или камню...

А если я — просто — «способная девочка», если нет у меня таланта...

Если б стихи, от которых холодно, доставались бы путем... физической боли — пусть...

А нужна ли талантливым людям мелкая, кропотливая работа? Ну, да... да...

Ахматова говорит — хорошо. Хорошо — только? Мало!.. Но ведь мне только 18... А Борис в 18 написал «Тройку», «Лошадь» ...Хотя? Ведь я смогла бы теперь написать так...

Мне так тяжело... Не напишешь всего... Не зависть к другим, нет... Неверие в себя, вот что гадко. Борька верил и верит в себя. Но где научиться этой вере?.. У него?.. Мы близки или далеки в творчестве? Не знаю. Виновата я или он? Я, наверно...

Берм<ан?> говорит, что женщины в таких случаях легче поддаются — влиянию, силе и ступшевываются... И со мной будет то же? Не хочу. Надо работать, работать. Главное — себя найти. Берм<ан?> спрашивает: «А муж помогает?» Не-ет... Но я сама виновата. Но как-то стыдно идти к нему. И с чем? Нехорошо.

Как смутно...

Как смутно...

Может, я и завидую. Не знаю, только... Нет, не завидую... нет...

Ведь главное — нужно что-то внутри человека, чтоб писать:

И в этом прозреньи, и в этом забвеньи
Легко мне жить
и дышать мне не больно...

А если нет таких прозрений?..

Я глупая. Ищу журавля в небе... Но он лучше синицы в руках.
Все-таки надо проще. Еще все впереди. «Легко мне жить
и дышать мне не больно».

Я люблю Бориса. Только был бы он более чутким. И не надо,
о, не надо того, что было вчера ночью. Ведь это мерзость... брррр...

Твой только отблеск, о Солнце мира,
И только сон,
Только сон мимолетный...

«Своих невольничьих тревог»... Да, у меня — невольничья
тревога...

Ведь Борька — большой поэт. Но он еще ничего не сказал. Рез-
ко своего...

Буду понемногу книжку подбирать, в книге стихи делают-
ся иными.

Надо больше энергии и жизни в стих вдохнуть...

30 апреля.

Как-то ничего неохота делать. Очень неважно чувствую себя, хотя
Крепс говорит — все в порядке. Врет старичишка. Дела же — особен-
но денежные — очень относительные. Прямо кое-как перебиваемся.
Должны везде. Особенно мучит меня тетя Сапа. Уже исключили ее
из союза, а страховка?.. Ой, жутко подумать.

А как будем жить, когда ребенок?..

Борька все успокаивает, да ненадежно что-то. Хорошо бы пе-
реехать в комнату Чумандринина... А пальто? А ему макинтош? А Вол-
га? В среду снесу в «Звезду» стихи. Да, пожалуй, не пойдут...

Нет, все не то... Была у Ахматовой.

Пока не буду писать.

4/V-28.

Все сидим без денег.. Нехорошо. Жаль Борьку, и себя виноватой чувствую.

Готовлюсь к зачетам и докладам... Тяжело...

Весна...

Мне показалось, что вчера у него забилося сердце, у ребенка...

Господи, как будем жить? Долги, долги, ничего нет... В воскресенье засяду за стихи — да ведь в каких журналах устроишь? «Красная панорама» — не возьмут... «Звезда»? Нет, буду устраивать. Да, в «Юном пролетарии» обещали литстраничку...

Скоро год, как мы с Борисом сошлись. Я люблю его. Сейчас перечитывала его старые стихи, что писал в Детском «Селе»; без меня... Все так ясно всплывает, что было.

Любимый...

Но странно, с трудом переношу его ласки... Не хочу ничего, не хочу...

15 мая.

Скука какая. Борька долго не идет, где-то выступает... Читаю Свифта, но книги надоели. Все книги да книги... Если сдам 3-4 зачета, буду счастлива... Потому что ни за что не принималась, а еще этот долг!.. В общем, мы в долгу, как в шелку... Хозяева косо поглядывают. Чувствую унижение, выпрашивая чай у Матрешки...

Ох, если б приняли в «Звезду»... Неужели же не примут? Неужели так скверны мои стихи?.. То кажется — скверно, то — что хорошо. Верно, композиция слаба. Долго не буду писать... Надо особо, внутренне писать, подбирать лучшие слова в лучшем порядке... Отчего — от отсутствия таланта или просто — возраст — нет этих прозрений. Странная жизнь у нас... Вечная беготня за деньгами, долги... То развал, то чисто в комнате... Стихи, стихи, разговоры о стихах и книгах, часто путаемся, ибо оба ничего не знаем, и я чувствую это. И любовь... Я не хочу анализировать и доискиваться, какая она... Конечно, то, что было вчера, — разврат.. Боже мой, разврат.. Но что ж такого, если и разврат? Ведь мы извели его вместе — мы любим друг друга... Значит, не разврат? Нет, пожалуй...

Но больше не надо... Нет, не надо... Борька любит меня... Но как мучит. Я же не могу больше, я не хочу и ничего, кроме боли и неприятности, не испытываю.

Как не стыдно ему...

Как боюсь за него... Ничего не пишет, хотя говорит: «скоро буду, скоро буду»... Не учится — и я чувствую себя виноватой — вот, сижу на его шее и на маминой. Но вот, будет страничка скоро, надо в «Кр<асной> панораме» и «Резце» нажать. В «Кр<асную?» деревню» отдам, в «Смену»... Ах, если б «Звезда»... Неужели помешает Говнатор?.. Верно, стихи какие-то не такие, как все. Но ведь лучше Фимы, В<ладимира> и Б<ориса> Соловьевых?.. А их печатают...

Ох, я буду счастлива...

Зачеты вот еще... Новую квартиру надо...

Переезд. Долги. Ребенок. Чувствую себя неплохо, надо в консультацию бы. Похудела, кажется. Живот все заметнее... Ох, зачеты... Ох, нет ничего. Ох, Борька!.. Учеба его... Скорей бы, скорей бы с плеч долой эти нудные заботы и на Волгу. Волга! Волга! Как мечтаю, как думаю о ней... Волга...

О Ерм<олове> ничего не известно... Послать — не послать письмо? Послать — не послать? Зачем? А лето было хорошее... У, Сашка, глупый.

Как хочется чаю... Не хочу просить... Ой, как хочется. А за примус не плочено...

Читаю «Зависть» Олеси. Ведь я — новое, неужели я тоже завидую? Вот я в коллективе... А как посторонняя. Не знаю, почему... Ясно, жизнь моя вне коллектива. Я дышу другим... Хорошо это или плохо. И плохо, и хорошо. Нет, ведь будет же работа! Это подготовка. Ведь завтра мне только 18 лет будет, еще мало... Все успею...

Скоро Борюшка придет. Грибов ему сделала. Чаю, жаль, нет. Ужасно хочется.

Надо к Ахматовой сходить. Доклад о Гумилеве был мерз<кий>.

7/VI-28.

Чернила иссякли, а карандашом мерзко писать. Устала; печатаю лекции Шимкевича. Если удастся руб<лей> 15–12 заработать — будет хорошо. В И<нституте> И<стории> И<скусств> заплачу. А хозяй-

ка придирается, просит, чтоб заплатили. Верно, хамство, — рублей 50 должны. Господи!.. Как нудно, как надоело все это. Только Борьку люблю. Но он ленивый, как бес, это надо сознаться, и это меня раздражает. Хорошо, пусть он не работает, но почему не учится? Все-таки осталось бы время от беготни за деньгами; он массу времени убивает на бильярд. Бильярда я не выношу. Он мучит меня. Нет, так нельзя. Осенью переезжаем к маме, в большую комнату. С ребенком. Ребенок окажется раньше, чем думают. Отец, почти всегда пьяный. Ой, как не хочу туда, как не хочу, как страшно, как боюсь за стычки с отцом, за то, что завязну там, ото всего оторвусь. Борису бы работать надо, а он мечтает о прозе, — это хорошо, я рада, но база, база... N'ое количество долгов. Главное... да все главное!.. О-о-ох.

Борис разошелся с В<ладимиром> С<оловьевым>. Дружит теперь с Саяновым; это хорошо. Они бродят, говорят о литературе; о себе, о многом. Борис мечтает с осени о хорошей компании. Как мне хочется на равных правах входить в их товарищество. Ведь по сравнению с Борькой я знаю больше его и не глупей его. Он говорит — тебе надо научиться хорошо писать... Но ведь... я знаю это, о, слишком знаю, что надо, надо. Но мне так не хочется оставаться на положении только жены. А Борька и так мало как-то внимания обращает на мое творчество, он слишком занят собой. Самой же мне наталкивать его на эти мысли — стыдно, я всегда стыжусь себя и своих стихов. Написала «Кармен» и «Фонтаны» и обмерла — эпитгонство, гладкость, грамотность. Нет ни того, что говорит Белинский, — насыщенной взволнованности, ни того, что говорит Шимкевич, — искания форм. Но если второе в силу невозможности исканий в такой молодой период, — то первое — неужели в силу отсутствия поэтических данных? По Шимкевичу — необходимо быть ультрасознательной, осмысливая все по Белинскому — «бессознательной». Ясно, что результат один и тот же, но пути разные. Только при наличии таланта можно получить кое-что в итоге... Ой, я путаюсь, я не могу мыслить последовательно, я тону в своих ребяческих «изысканиях», как муха в стакане воды. Но знаю, что все стихи не то, не то. То, что я хочу сказать, остается за ними, приближается, становится более ясным, но не захватывается стихом. Стих, как пластинка на особом грамофоне, — с одной стороны у него зазубринки, которыми он цепляется за «то»...

Вот, хотела в «Кармен» дать какое-то сдвигение¹, состояние, когда и Фонтанка, и невиданная Венеция сближаются, сливаются, открываются как-то — одной мне — в шаблонном вальсе, в смехе кокетливой девчонки, в особом запахе воды, и ... А что «и»? И все. Но все сказали, что эпигонское стихотворение, — II «сентимент<альное> путешествие», — и я сама чувствую... Не передается другим то томительно сладкое чувство, когда

— И почти не задев тишину,
задев — смутие?
Не задев и слой синева,
Я иду небыстрее минут,
Одинокая как «увы»;
Мне сегодня открыты одной
Все сырые речные края,
Где, Венеция, ты со мной,
Где, невиданная — моя...

— это сознание своей отчужденности в силу «открытия» мне Венеции.

Надо Борису кальсоны стирать, в бане чуть не 2 месяца не был, а я боюсь идти в кухню за водой, потому что хозяйка станет просить скатерть, деньги и т. д. Чорт с ней, завтра возьму скатерть.

Надо еще сдать:

1 Историографию +

2 Библиографию –

3 Спец<иальный> курс литер<атуры> XIX в. +

4 Семинар по литературовед<ению> –

Тогда будет 10 — и это совсем не плохо. Пойду звонить Любе.

Какой идиотский разговор был у меня сегодня с Ахматовой по телефону. Вот дура я...

¹ Так в рукописи.

Приявший мир, как светлый дар.
Ольга Берггольц
1928 год¹

Я ждал полета и бытия,
Но мертвый ястреб — душа моя,
Как мертвый ястреб лежит в пыли,
Отдавшись тупо во власть земли...

Друзья, друзья! Быть может, скоро
И не во сне, а наяву,
Я нить пустого разговора
Для всех неожиданно оборву.
И повинуюсь только звуку
Души, запевшей, как смычок,
Я протяну на воздух руку,
И затрепещет в ней цветок,
И я узнаю, я открою
Цветочный мир, цветочный путь,
О, если бы и вы со мною
Туда могли перешагнуть!

В. Ходасевич.

7 июля 1928 г. Суббота.

Конечно, это опять будет род дневника, не предназначенный для потомства или опубликования; однако в нем я постараюсь уделять больше места обобщениям и переживаниям внешнего, не только узко субъективного, мира. Как-то надо фиксировать происходящее, стараюсь уяснить его, оценить и т. д. Конечно, забредать в слишком густые дебри умствований и философий пока не стоит, но опять-таки не потомству, а мне — интересно будет впоследствии вспомнить взгляды и сомнения теперешних дней. Конечно, я известная «прослойка», и с этой стороны небезынтересно будет оглянуться на лицо этой «прослойки».

Однако предисловие затягивается и грозит быть слишком «умным». Мне же понятно, что я хочу сказать... Абсолютная — (абсо-

¹ Записи рукой О. Ф. Берггольц на форзаце тетради.

лютная!!) честность и правда — принципы моих старых дневников — должны быть принципами и этого очередного дневника. Я могу крикнуть душою с Ахматовой, с Чумандриным, но здесь их нет, и мне нечего бояться их неодобрения.

Предисловие сие к чему-то обязывает, но пусть обязывает. Хочу нынче писать «просто так».

Очень боюсь, не разыгрался бы опять нарыв... Как надоело к доктору ходить. Скорее бы уж проходил.

Мальчик мой все толкается. Милый, милый, у тебя будут такие беспомощные ручки, ротик, такая круглая головенка... И ты будешь на Борьку похож... Только боюсь, боюсь, как не хочется ехать обратно к маме... Ведь оно неизбежно — папино пьянство, стычки его с мамой из-за нас...

И потом, — уходила, говорила: ни за что не вернусь, и ведь не хотела возвращаться... И если возвращаюсь — то скрепя сердце, только из-за того, что чувствую: Борису не справиться, как бы он ни хорохорился. Мать права — где найдешь комнату, как в ней будешь с пеленками, с нянькой... Да, придется к маме... Ну, постараюсь устроить так, чтоб и волки были сыты, и овцы целы.

Только бы деньги были, остальное приложится. Хорошо, если б Борька стал работать... Хотя ему и учиться надо. Да, у меня след<ующие> боевые задачи: подготовить Борьку, чтоб зачеты сдал. Затем — родить хорошего мальчишку и — еще 7 зачетов сдать... Легко сдам, конечно: библиографию, истор<ию> западной литературы, славянский; семинарий Энгельгардту тоже. А вот — за 2 года французский — это туго. Античную можно не сдавать. Семинарий Ерем<ина> в году. Да, главное — Борькины зачеты...

Как-то он сможет заниматься?.. Иногда думается — не возьмет его мозгà тонкостей истмата да поэтики — ведь в поэтике — усидчивость нужна... Хотя... почему же?.. Нет, справится. Себе на пользу, Лихаревым на зависть. (Вот с платой как быть?) Эх, нечестно мы занимаемся... Нельзя так... Все мне кажется, что это «так», «временно», что это «ненастоящая», «формальная» учеба, а настоящее начнется помимо зачетов, вне зачетной горячки. А эта самоотверженная, настоящая учеба все почему-то не начинается... Ведь есть и любовь ко всему, например, к литературе, а между тем знаю, что многого из истории литературы не знаю... непростительно не знаю... Нельзя так... «Не по-настоящему»...

...А иногда мне кажется, что и институт-то этот — зря, и вся моя теперешняя жизнь какая-то ненастоящая, а словно подготовительная к большой и нужной... Вот что надо сделать: бросить Институт истории искусств и пойти на гинеколога или в сельскохозяйственный, и потом в деревню — лечить баб, работать по организации совхоза... Какой характер надо твердый, и уж там учиться нужно честно. Уж там, как в литературе, нельзя не знать чего-либо, не принося вреда живым, и это обязывает. Если я не буду знать роли Булгарина и значения Гиппиус, это никому, кроме меня, — если я не Шимкевич — не вредит. А если я не буду знать малейшее видоизменение матки — я не смогу лечить никого.

Да, так нужно, так нужно сделать...

Я хочу сказать — я так и сделаю, но не стоит зря бросать слов — довольно сказать: я хочу так сделать... Но... «я слаб и предан грусти»... Эта «грусть» — поэзия, искусство, наконец, желание литературной известности... А сказать — я принесу больше пользы, сделавшись большим поэтом — значит сфальшивить. По крайней мере, перед собой фальшивить, в отношении себя... Конечно, это не значит, что я в себя «литературно» не верю... Но почему-то стыдно говорить так... еще... сейчас... Нельзя еще, пожалуй...

Буду «Анну Каренину» читать. Хорошо.

Послезавтра в город, Борьке деньги отослать. Мало, да у мамы спрашивать неохота, стыдно, где бы помогать — сели на ее шею. Надо завтра унижаться, просить, чтоб поскорей напечатали — фу, мерзость... Что-то не верится мне в «Красную новь», «Молод<ую> гвардию» и пр. Пожалуй, не возьмут моих стихов... Хорошо, каб Борька денег привез побольше... Ох, как не мешает...

8/VII. Воскресенье...

Когда же конец дождю? Томительная тоска! Невозможно больше глушить «Каренину»...

А Борька уже, наверное, в своем Семенове... Для меня Семенов, лето 27 года, его письма к Татьяне и ее письма — слились в один общий колеблющийся образ фотографии Татьяны на фоне провинциальных декораций, то изображающих собой аккуратненькие березки, то домик с палисадником (малиновым), то зимнюю деревню, где она учительствует, под странным названием Хахалы. Я не могу

точно формулировать то смутное, тревожное, недоброжелательное чувство, поднимающееся во мне, когда возникает эта «фотография»...

Я не могу характеризовать это чувство ревностью, может быть, это только ревность, может, что-нибудь и другое. Но я не могу представить себе теперь, не могу допустить, что Борис мог любить ее так же, так же, как и меня.

При воспоминании о лете, о том, как он просил ее «отдаться» ему, — омерзение, злость и т. п. охватывает меня — до сих пор, до сих пор, когда вижу, что любит меня... Нет, я никогда того не забуду.

И почему-то мне кажется, что и нынче так же будет, и мне обидно, что я не уверена в нем... За что, за что он может любить ее? Но иногда мне кажется, что она лучше меня, цельнее, вообще — лучше... Ну и пусть... Довольно «ковырять себе душу» всякими предположениями... Это и зря, и унинительно.

Хотя и очень стыдно, но постараюсь завтра не отдавать денег в Комсомол. Как-то меня встретят в коллективе... Вероятно, с нескрываемым презрением: долгов не отдаю, ото всего оторвалась... Нехорошо. Есть в моей принадлежности к комсомолу элемент какой-то нехорошей случайности — теперь, когда поутихло рвение «работать»... Реально — работа не романтична и не заметна...

Завтра поговорю с ребятами...

Сволочь я все-таки. Нельзя служить и богу и мамоне. А я чувствую, что я переменялась здорово. Ведь, наверное, это обывательщина — подтрунивание и зубоскальство над «социалистическим строительством», «культурной революцией» и т. п. Это оттого, что я сама реально не участвую в них, а как бы соглядатайствую. Нет, не то чтобы я «изверилась» или бы «отвернулась» от этого, но, действительно, пропала куда-то восторженность, хорошая гордость за каждый шаг.. Видишь, в сущности, в массе — некультурность, обывательщину, официальщину, и чем дальше, тем все больше видишь не нового, а реставрирующегося старого или подделывающегося под новое. Столько омерзительного повылезало на свет, что скучно. «Настоящим комсомольцем» считается тот, кто смотрит сквозь пальцы на все это или, если ему укажут — начинает кричать: «да, но мы это поборем, мы растем, мы...» Нет, мы не впадаем в панику, но что-то мало заметны результаты работы...

Господи, как трудно во всем разобраться, если никому на слово не верить.

14 июля.

Скучно чего-то, тяжело... Получила от Борьки в среду письмо... Ведь любит, любит, чего же тревожусь, боюсь, словно боюсь поверить счастью. Ведь это счастье? Да, счастье. Неужели же настоящее, полное счастье? Как-то страшно... Но отчего же, отчего? Мерзкий у меня характер...

Все исполнилось, что он думал,
Даже нечего было желать...

Неужели с этой стороны «все исполнилось»... Тогда наступает «желание желаний», как у Вронского.

Скорее бы Борис приехал, милый мой... Скорее бы, скорее бы... Ой, как скучно что-то, ужас... Привезет ли он денег? Маме трудно так, надо бы помочь. Скорее бы печатали мои стихи. А потом? В «Звезду» делать набег неудобно, стыдно и бесполезно. Мои «Пастух» и «Слепой» мне надоели... «Покровы» не сняты. И потом, когда же «свое», когда же по-своему писать? Вот задумала «Юродивую» — хочу по-своему, но образы еще не ясны, нет и ритма, хочу иным, чем «Слепой» или «Пастух», хотя люблю более двухсложные ритмы...

Письма со среды нет... Наверно, есть оно, да у нас почтальон не ходит, в общем, какая-то неразбериха... Вот черт возьми, сволочи.

Получила открытку. Борис пишет, что не получал писем...?? Не понимаю и волнуюсь: неужели его не застанет ни страница, ни деньги, ни последнее письмо... Что за идиотское положение... Господи, вот-то!!!!..

Ужасно тяжело что-то. Места не найти... Читать не охота, плечи сожженные болят. Господи, как томительно и нехорошо... Хоть плачь...

15/VII.

Сверчок в углу, как оброненные часы, пиликает, на улице песни распевают, и небо безоблачно. Нехорошо, тягостно. Скучно.

Гости с утра понаехали, мать все время хлопотала, бегала, устала, наверно, мамка, милая... Ой, как жаль мне ее, почти не поправились, все хлопочет, делает. Я стараюсь помочь, чем могу... Ведь я люблю ее, милую, глупенькую, родную. Отец сегодня стал говорить мне <Далее обрыв текста.>

16/VII-28 г.

Да, стал говорить о том, что «сели матери на шею» — и пр<очие> гнусности. Ой, плохо все-таки будет... С матерью-то легко поладить, а ведь отец такой противный стал, пьяный, брюзгливый... Ой, как надоели мне все эти почтенные обыватели — Эдиеты, дяди Сережи и пр<очие> и пр<очие>... Тяжело, ложно и нехорошо с ними... Нет, нельзя там долго жить... Конечно, ввне их жизни можно жить, но все-таки влияет это и на нервы, и на все. Да, знаю, что все-таки тяжело жить будет. Надо очень сильно любить друг друга и оберегать. А я боюсь, что Борис, если что, будет нетерпелив и несправедлив. Как тогда, когда уезжал — насчет белья... Брр... Какой он был мерзкий — настоящий «муж». Никогда, никогда не забуду. И вот этого-то и боюсь. Давление атмосферы боюсь...

Конечно, всякие бабьи сплетни меня не беспокоят. Правда, омерзительно все это, но чорт с ними. Очень, очень друг друга любить надо и дружить... Получила от Бориса письма... Бестолковый мальчишка! Когда же он заявится??

Ничего не понимаю и злюсь. Глупо, глупо...

Очень довольна, что стихи ему понравились... И что его указания сошлись с моими поправками. Пишет: «ты теперь пишешь лучше Гитовича»... Боже! Гитовича!.. Да ведь это не важно, хуже или лучше... А важно, чтобы хорошо... Но чувствую, что не все, не те слова — вот, вот важное — не те слова!! Т. е. как будто и те, и другим не заметно, но чувствую, что не те... Вот как Толстой говорит: «снятие покровов»... В искусстве это наиболее реальное определение... Ну, и в поэзии тоже... Значит — да, обнажить... Из сотни определений, понятий, слов — вылущить... первооснову. «Вы его называете так, и так, и так — а на самом деле вот он какой, или — вот оно как»... И все почувствуют: «в самом деле, это и может быть только так, а мы раньше и не замечали»... И когда поверят, что это может быть только так, значит, это и есть художественное произведение, потому что оно есть правда. Правда. Да, правда!.. Хорошо.

Это никак не расходится с марксизмом... Признавая художественное произведение синтезом классовых мироощущений, идеологий, вернее, одной идеологии, обусловленной определенными факторами, нельзя не признать, что синтез этот (или отображение, но отображение — это термин менее верный), что этот синтез — специфичен и кроме общих законов имеет свои законы. Это, конечно,

установлено. И определение художественного произведения (синтеза) выливается у разных людей в разные формулы. Да. Вероятно, так.

(М<жду> п<рочим>... Когда я «умничаю», я всегда стесняюсь самое себя... Не люблю себя во время «умничанья». По-моему, собственный ум не должен осознаваться, т. е. не то, что осознаваться... ну, не знаю, как сказать.)

Да, о моих стихах... Как трудно говорить правду в жизни, а в стихах еще труднее... И часто стихи звучат правдой, значительно и хорошо только для себя. Как, например, мое стихотворение «Ревность»; оно меня очень занимает уже три дня. Там много «не тех» слов — в лирическом стихе они всего опаснее и всего легче могут проникнуть. Но есть то, что дорого до... не знаю чего. Вот, для меня во всем стихе — как бы нить, звенящая нервно, со слезами, злыми и недоуменными. Строка перекликается со строкой.

Например — в начале — и тайной ревностью измучена, и — потом, в конце — и странной горестью измученной...

Это обосновано, это необходимо так сказать... А знаю про это — одна я.

И строфы.

А я, письмо читая нежное,
По непонятному томлюсь
И все не верю в неизбежное,
В твое покорное люблю,
И, странной горестью измученной,
Не спится долго мне одной,
И млечного пути излучины
И над тобой, и надо мной...

— Они мне дороги... Млечный Путь — как символ, объединяющий нас, быть может, наши состояния, и в то же время реальный млечный путь, объединяющий реально, а он только в очень тихие, ясные, щемящие ночи...

А мне кажется, что это — Правда.

Но — (как Михайлов у Толстого) — взглянув «глазами читателей» — вдруг падаешь — и видишь трафареты, и что «так кто-то говорил», и что это — ничего особенного, и все такое. А если объективно нехорошо, то и значит, что нехорошо. Так ли? И так у меня почти

с каждым «личным» стихом... А я почему-то отделяю их — не в себе, а «снаружи» — «от настоящих» стихов, а это нельзя, я их люблю... Вот у Бориса каждый «личный» стих — в то же время «настоящий», а у меня — нет... Может, это оттого, что они не встретят сочувствия и что они слишком личны, а если б мне кто-нибудь сказал то, что я о них думаю, то они стали бы опять дороги мне...

Очень большая правда у Толстого в сцене в мастерской Михайлова.

«Юродивая» должна быть потрясающа... Но еще — ни слова нет из нее... Только эпитет «вкопанная»...

Ай! Гармонь заиграла...

Надо спать — чувствую себя плохо... Как бы не расхвораться...

Люблю гармонь... Борюшка, милый... Хочу, чтоб рядом лежал...

18/VII-28.

Плечи себе ободрала — не вытерпела, стала стаскивать кожу, теперь она у меня премерзкая, и от этого зло берет... И еще зло берет: что ж это Борька-то? Сегодня уже 18<-е>, обещал к 15<-му>, а доньше написать ничего определенного не может, идиотик... Маме надо денег дать. Не люблю я вести с Борисом денежные дела... Все ощущаю какую-то неловкость, стеснение, чудится, что ему жалко и неприятно давать мне деньги. Конечно, у меня не должно бы быть такого чувства... Вероятно, что оно не обосновано действительно таким положением со стороны Борьки, хотя есть у него в характере неприятная черта скупости и расчетливости, вернее, она не доминирует и даже не всегда присутствует, но тем не менее она есть.

С «Юродивой» не буду торопиться... Что-то не то выходит — просто, простовато... Надо быть скупее и расчетливее в словах и средствах. «Старая проститутка» тоже должна получить стержень... У «Пастуха» стержнем и направлением являлась строка:

«Шевелится семейство пальцев» и «Где спит роскошно и нескромно и т. д. — 4 стр<аницы>».

У «Юродивой» стержень найден... У «Старой шмары» — концовка... Пожалуй, ее стоит включать, несмотря на некоторую сентенцию... Но торопиться не буду.

19/VII-28.

Неужели сегодня письма от Борьки не будет? Я и так злюсь, а уж если... Тфу, сволочина!... Хотя бы в субботу за Резвец выдали деньги. Неужели Молчанов надует? Вот будет мерзко! Нет, тогда чаша моего терпения переполнится...

Скорей бы мама с дядей Шурой пришли.

Переправляла, переправляла «Слепого» — нет, ни черта. Что-то не так... Мерзкие у меня стихи... Борька ошибается... Конечно, мерзкие.

Нет, все-таки так нельзя!

Это очередное, ласковое письмо Бориса только разозлило меня. Боже мой, о чем он думает? Когда уезжал, то пищал все время: «Не засади меня там, вышли денег как можно скорее, я ведь только на 2–3 дня в Семенов». А последнее, сегодняшнее его письмо помечено 16/VII, значит, он живет там уже 2 недели и в ус не дует. «Приеду скоро» — а как скоро? Уже 19<е>, а он все еще не шевелится. А Москва? Ведь знает человек, что денег оставил мало, что надо было ездить в город, давать доктору и т. д. Конечно, около 15 руб<лей> я у мамы перебрала...

Знает он также, что надо ребенку все шить, неужели же он рассчитывает на моих родных? Разве он не понимает, что мне в 10 раз тяжелее пользоваться их деньгами и помощью, чем ему, а он от своих не хочет брать ни копейки.

Пишет о своей необъяснимой любви, а сам и не торопится ко мне, точно я люблю его меньше и меньше жду, чем его родня. Нет, не понимаю!

Также ничего неизвестно, получил ли он мои деньги. То есть буквально ни о чем не думает и ничего толком не напишет... Господи, какой дурак...

Так бы и сказала ему все это. Да, в ответ на нежнейшее письмо, переполненное словами любви... А они на меня сегодня прямо не действуют... Я предпочла бы им известие о скором его выезде из Семенова в Москву и из Москвы сюда. Это, конечно, происходит не из какого-нибудь корыстного, расчетливого источника, но из источника простого здравого смысла, который так часто вмешивается в «настоящую любовь». Но увы, он неизбежен, я хорошо знаю это теперь! Никак, никак не обойти «досадные мелочи быта», подчас очень нужные и раздражающие. И если он меня любит, то должен делить

их со мной. Несправедливо, если они лягут только на меня, а ему достанется «чистогон» любви... чистогон.

Вот и теперь мне мешают неизбежные заботы: наши долги, как устроиться, как рожать, как средства. Я не могу как-то беспечно, как он, относиться ко всему — «ну, устроится!» А вот он сейчас, наверно, ни о чем не думает... Ну его! Не хочу «растрагиваться!» Не буду читать его письма... Завтра отдам телеграмму: «Почему задерживаешься, поторопись». Нельзя так. Привыкнет к тому, что мне помогают, и перестанет заботиться совершенно. Ох, Господи, как нехорошо... Ну, что это, в самом деле. Ох.

Да и перед мамой неловко... Конечно, этого не стоило бы делать, но я даю ей читать Борькины письма, и если сегодня не дала бы, то она обиделась бы. Бог уж с ней! Ну, а она по прочтении тоже стала ворчать, говорить: «такое впечатление, будто он тебя за нос водит — наобещал с 3 короба, а теперь отсиживается у себя», — только масла в огонь подливает.

Все-таки нехорошо, что не отдельно живем. Не поссорься, ничего — все на виду... Да и ночью... Ой, как подумаю, сколько мне всяких забот будет — ажно жутко... Даже думается — зря дите. Я жду его, очень хочу его, поскорее, — а тяжело мне будет. Да если Борька серьезнее не станет — ой... Уже ходить тяжело — скоро 7 мес<яцев>. Ворочается, милый. Хочу сынка... А шить еще ничего не начинала.

Тощища... Хотя бы Борька-сволочь скорее приезжал. Что, в самом деле.

20/VII-28.

Получила от Борьки письмо, которое он писал перед тем, что получила вчера. Конечно, если бы оно пришло своевременно, я написала бы в спешном, отправленном сегодня мною, не совсем то, что там написано. Хотя, нет, я написала хорошо, ласково; и серьезно. Его отец там задерживает. И Борька боится ему сказать, что хочет ко мне; оправдывается зачетами. И про ребенка ничего не сказал там, объясняет тем, что они, т. е. его отец — заскулит и стонит с него жир. Эх! Отрекся, как Петр от Христа. Нехорошо. Я бы не отеклась... А в Борьке есть жилочка трусливости. И мне неприятна эта его пасовка перед отцом. Отец все скулит, что он превратится в Акакия Акакиевича. Ну, а я — в жену Акакиевича? Ну, уж это — дудки... Я знаю, что это вполне реальная

опасность, но, пожалуй, мне удастся предотвратить ее... Превращаться в Валю Балдину или Лиду Гвоздовскую — я не намерена.

Борька все время пишет, как он скучает и как любит... Господи! А я-то разве не люблю его? Пишет: «прости за все нехорошее» — это верно, он часто был более чем «нехорош» ко мне... Когда вспоминаю, как он материл меня — ни за что и называл... б... — тоже ни за что, — до страдания начинаю ненавидеть себя, за свое малодушие и терпенье... Лучше не вспоминать... И как «простить» это?.. Обида все время будет... Ну, да ладно. Пишет еще, как плакал над стихами Некрасова... Меня всегда потрясали и печалили эти его слезы. Помню, как-то зимой была у него... Сидели, оба усталые, после... Вдруг Мотя мерзким голосом запел есенинское «Письмо матери». И Борька горько заплакал... — «Не могу, как испоганили Есенина...» — а мне стало стыдно, хорошо и тоже жаль Есенина...

И еще, в точно такой же вечер, при таких же обстоятельствах, — он лежал на постели, я сидела возле, мы молчали. Вдруг Борька заплакал навзрыд; так же, как-то именно горько и тяжело. Я стала спрашивать: «Борюшка, милый, что ты, что с тобой?», а он, всхлипывая, говорил: «Не знаю... скучно, скучно...»

Мне так холодно, чуждо стало и больно: «Это он о своих скучает, о родине... Со мною и спит, и все, а о них скучает... Значит, я ему не в радость»... И я себя такой одинокой почувствовала... ужас...

Господи, скорее бы приезжал... Черненький мой, ласковый, хороший, дорогой... Как он мне под руку голову свою черную просовывает, радостный... Нет, он не должен обидеться на спешное письмо... Только боюсь, прочитают его, если оно придет во время его отсутствия. Пишет о моих стихах... Ну, какой я «большой поэт»? Так это он только, от разлуки. Вот удались бы те строки, что задумала... Надо писать...

А интересно, как это меня в «Смехаче» протащили... Фу, мерзость... Нехорошо все-таки. Ну, завтра узнаю... Хотя бы скорее приехал, господи...

Ой, неужели не получу завтра денег? Вот хреновина будет. Ну, то есть, такая хреновина, что дальше некуда!!! А если получу да везде — я всего накоплю и маме денег дам... Ах, если бы получить... А Степенину он все-таки «видит редко в садике»... Ну, а что, если это пишет потому, что боится разлюбить и вот изо всех сил уверяет себя и меня — как сильно любит... Нет, это было бы страшно.

22/VII-28.

Была в городе вчера. Несмотря на то, что украли кошелек, с деньгами и т. д., — дела все-таки хороши. Получила за Борьку 22 и своих 15 в понедельник получу. Но тоска меня сдает: из 22 руб<лей> — 7 р<ублей> просадила — вместе с украденными 1 р<ублем> 50<копеек>.

Правда, себе на лакомства я не так много потратила, около рубля — ведь надо же было утешить себя и возместить себе всяческие лишения.

1 — парик<махерская>

2 р<убля> — в Шукином

40 3 р<убля> 80

40 32 — сливы себе

3 р<убля> 80

40 — ягоды 4-52

1-50 украли

4 р<убля> 52 <копейки>¹

6 р<ублей> 02

С горя заняла у Чумандриных трешницу — у них, чертей, много, — потом отдам... После посещения Чумандриных у меня всегда на неделю нарушено равновесие, и я не могу ни писать, ни размышлять. Все мои теории, умствования, положения вдруг разбиваются о каменную стену их идеальности, если так можно выразиться, и у меня не хватает духу спорить с ними, потому что, в конце концов, я сама перестаю понимать — что мне надо, а Маруся авторитетно и безапелляционно парирует и сыплет «мещанством», «вырождением», «идейной смертью» и т. п. Конечно, если человек не «проникся марксизмом» (да прощаю самой себе это невозможное определение!), если у него нет четкого мировоззрения, — он осужден на идейную смерть. Я знаю, что пора быть определенной и четкой в своих убеждениях... (злой дух зломудрия шепчет мне: «т. е. — ограниченным, — законченным»... и тут же приходит на память фраза — кажется, Гумилева: «Я всегда был убежден, что для хорошего критика необходима некоторая тупость восприятия и ограниченность, т. е. то, что в общезитии зовется здравым смыслом»), но это, как видимо, в скобках и «м<ежду> п<рочим>» — то, что до данных скобок — верно... Ну, хорошо, мое мировоззрение — марксистское. Ясно, что я иначе и не могу объяснять явления (как ребенок прыгает!..) — как по-марксистски, и для меня это так же просто, как то, что у меня 5 пальцев на руке... Но я не могу признать, что прекрасное и восприятие прекрасного ВСЕЦЕЛО классово! Второе, ко-

¹ Столбец выделен лигатурой.

нечно, почти всецело классово, на 99%. Но прекрасное, существующее объективно, прекрасно вне каких-либо восприятий — это же, по-моему, элементарно, т. е. независимо от восприятий. Ну, например, такой затасканный пример, как Венера Милосская — являющаяся идеальным олицетворением женского, красивого, здорового типа, она хороша и перед глазами рабочего, и перед глазами буржуа, она хороша объективно. Значит ли это, что Венера «надклассова»? Ведь и у буржуа, и у рабочего — в общем — восприятие и переживание объекта — одинаковы. Приблизительно так же я говорила с Марусей, но я взяла объектом сфинксов на набережной — благо они были перед глазами. Маруся говорит: «а люблюсь на этих сфинксов, я вспоминаю, сколько жизней было загублено при их постройке и т. д.». Но ведь сфинксы от этого не менее хороши?! По-моему, любование должно быть непосредственным... Вещь же ценна — (для любования) — сама по себе — во-1<ых>, во-2<ых>, тем, что лежит вне ее самой... Такие ассоциации, как у Маруси (не при изучении, не при анализе, а при любовании), — предвзяты и искусственны — в большинстве случаев.

Но если я люблюсь прекрасной вещью — независимо от ее классовой сущности, если меня приводит в состояние экстаза такое глубоко не пролетарское стихотворение — как

Измучен жизнью, коварством надежды,
 Когда им в битве душой уступаю,
 И днем и ночью смежаю я вежды,
 И как-то странно порой прозреваю.

— неужели это значит, что я «механически восприняла марксизм»? Ну, я знаю, что это не пролетарское, но все-таки это не менее прекрасно. Чорт знает что!!

Мне кажется, что я верно думаю, а перед Чумандриным — теряюсь, глупею и чувствую свою ничтожность, до того чувствую, что готова бить себя в грудки и лепетать — низок, низок!. Бориска бы сейчас выпучил глаза и закричал бы: «Да ведь твой Миша — дурак!»... Он определеннее меня. Маруся говорит, что, конечно, Борькин «анархизм деревенского кулачка» очевидно повлиял на меня... Конечно, это вероятно, т. к. у меня твердокаменных убеждений нет... Я настолько «низка», что когда с Чумандриным — то боюсь как-то говорить резко против него, а когда с Ахматовой, то чувствую, что она во многом

права, и не возражаю ей... Это — «низость»... Одно утешение, что она пройдет с возрастом и знанием, и тогда я избегну наконец этого тягелого, невольного лицемерия.

Завтра в город — за деньгами, к Чагину.. (Странно, почему это Чагин заинтересовался моей судьбой и столь многомилостив?) Никогда не забуду того унижительного дня, когда я просила у него аванс... Он отказал... Брр... Как я ненавидела тогда этого ответственного, нужного социализму и союзу — коммуниста, — даже за то, что он нужен, важен и т. д. Ведь это Мишка Чумандрин замолвил там обо мне слово... Нехорошо. У Мишки Чумандрина > сквернейшие романы и необычайная потенция...

Не знаю, как выглядит «Раблэ». Издана хорошо.

М<жду> п<рочим>, в «Красной газете» ходят слухи, что Борька меня бросил, что мы разошлись... Я выпучила глаза... Вот идиоты!..

Интересно, какую работу даст Чагин? Я отдохнуть хотела бы... А отказываться неловко.

Потом книжонку устроить бы. Пусть Маршак позлится... «Включили в план», а скоро ли все это? Ну, для Маршака другое настрочу.

Надо сейчас переписать «Баранов».

Ну, завтра должно быть решительное письмо от Борьки — когда явится... Спешное сегодня получил... Неужели разозлится? Неужели не понимает, что жду, очень жду, что тоскую... Как-то стыдно мне писать о своей большой нежности, преданности и любви... точно словами не передашь... не целомудренно это... А от него о любви слушать люблю; хотя тоже как-то стыдно...

Ну, примусь за осточертевший стишок.

24/VII-28 г.

Ну, Боренька мой скоро приедет! Как я рада... А спешное письмо его не застанет... ой, как я боюсь, что предкам его попадет. И Борька сердиться будет. Ну, может, обойдется. Господи, скоро будет... Может, в начале той недели... Сегодня лежала и вдруг почувствовала, что скоро ляжет рядом, обнимет мой молодой, сильный, желающий меня муж. И я обниму его, поглажу, где ему хочется..., господи, поскорее бы... Как я люблю его!.. Милый...

...«Волосы на башке выгорели, стали пепельными»... Скорее бы поцеловать эти выгоревшие, пахнущие табаком, волосы...

Мальчик мой, родной... Почему-то чуть не плакала от чего-то, когда читала это место о выгоревших волосах... Ну и пусть он «безнадежен» идеологически, «чужд» и комсомолу, и пролетарской литературе, я все-таки не буду, по совету того же Миши Чумандрина, дающего Борьке такие аттестации, «отгораживать какой-то угол мировоззрения, куда Бориса не пускать»...

Я вся должна быть открыта перед ним, потому что люблю его как человека. Да, он дорог мне, со всеми своими «уклонами». Не его уклоны, отрицательность которых, как мне кажется, я осознаю довольно ясно, а *его*, несмотря на эти уклоны. (А что такое человек без уклонов? Идеал — т. е. скука и невероятие.)

Итак, я не буду бояться разлагающего Борькиного влияния и отгораживать углы. Вообще, глупо бояться влияний — это, по-моему, признак ограниченности. Что касается именно Борькиного идеологического влияния, то я отлично знаю, что оно все-таки во многом сказалось, во многих отношениях к комсомолу и «социалистическому строительству» и т. д. Но нельзя не признать, что он во многом прав, глядя на вещи со своей «анархическо-кулацкой» точки зрения.

А со своей стороны, я тоже не могла не оказать своего влияния на его взгляды, хотя бы небольшое и не в том направлении. Я боюсь только, что у Борьки есть отгороженные углы, куда он не пускает меня, и я только догадываюсь об их существовании... И поэтому — (не зная) мне кажется, что он и трети того времени не уделяет на размышления, подобные моим, не потому, что он глупее (мне неприятно, когда я думаю, что я умнее его — разумеется, это спорный вопрос, и меня не интересует умственное первенство), а потому, что просто не думает, и у него нет таких мучений, как у меня. Хотя после вчерашнего разговора с Мишкой я чувствую себя бодрее — э, да Мишенька-то и по истории литературы, и по марксизму — слабит, — я больше его знаю... И, может быть, гораздо больше. Вчера я его водила-водила с формализмом, а потом себя же и разбила, сказав, что отлично созная идеалистическую подкладку их положений, очень остроумных, часто веских, в изучении литературы необходимых — но...

Миша был огорошен и обрадован... Но все-таки... многое из формализма, что я принимаю, ему абсолютно чуждо. И не жаль! «Идеальность» Миши — в его утилитаризме и упрощенности, а на самом деле все гораздо более сложно... И нельзя так насиловать поэзию,

навязывая ей — не чуждые, не враждебные ей, — но почти невыполнимые положения, которые не могут развивать поэзию, если их насильственно вложить в нее в Мишкиной дозе.

Итак, я своего «бестолкового мальчишку» в обиду не дам — не бойся, милый мой, и с высоты своей идеологической выдержанности смотреть на него не буду.

Ему учиться надо, читать как можно больше, еще больше, чем мне, потому что я все-таки больше его знаю, а этого не должно быть... А главное зло — в незнании. Мы иногда с ним спорим, спорим, а я чувствую, что споры наши — беспочвенны.

Ну, скорее бы он приезжал. Да не залился бы на спешное...

Моя «Проститутка» мне нравится, что бы Мишка ни говорил. Ну и пусть это «драгоценный нарыв» (Л. Троицкий).

8 ч<асов> вечера.

Ну и катавасия... Никак тетя Полина рождает?! Самое, конечно, скверное, что маме этот год отдохнуть не удастся... То гости, то что... У меня, глядя на нее, сердце разрывается... Ведь совсем не поправилась, совсем, так плохо выглядит, а какая ей еще предстоит работа... Вот началась катавасия! Тетка нервничает, мать бегаёт, волнуется... Ох, как маму жаль, прямо до слез. Ну, что за хреновина...

Думаю, что Борис не будет из-за денег ругаться, — ведь на пустилки мало потратила...

А за мамой не пропадет... Ну, до чего мне неприятна вся эта катавасия... Прямо писать ничего не могу.

Ну, конечно, она родит... Воды идут... Это скверно, не были бы роды тяжелыми... Несколько интересных подробностей... Женщины во время родов распускают волосы, чтобы легче рожать... Ребенка надо принимать в отцову рубашку, чтоб отец любил...

Ну, посмотрим, как появляются новые человечки...

25/VII.

У тетки — мальчишка!.. Радостно...

Но до чего я хочу сыночка! Неужели не будет? Ведь и живот горбушкой, и заметно его мало, и все приметы налицо... Ой, как мальчишку хочу... А все как рады будут. И Борька... Гордиться будет — «папа»... Ну и дела... Смешно как-то... Сына, сына, сына хочу!.. Пусть уж мучиться побольше, но сынка... ой.

Вечером.

Что-то чувствую себя плохо... Тяжесть во всем теле, особенно в пояснице — побаливает... Мысли ползут вязкие, какие-то неуловимые — ни то обо всем, ни то ни о чем или о чем-то...

Вот, о Борьке... Прислал вчера письмо... Как он хочет... И вот — мучусь... Ведь еще три месяца ему ждать. Сама знаю, что тяжело ему, здоровому, горячему. А сделать ничего не могу — ведь не могу.

Рабская боязнь — боязнь его «измены», т. е. того, что он удовлетворяет себя с другой, с нелюбимой! Рабская потому, что ощущаешь какую-то невольную виновность, когда ни в чем не виновата, и это ощущение виновности — результат векового отношения к женщине как средству удовлетворения, обязанной удовлетворять. Мне стыдно за это ощущение виновности, которое у меня есть. Мне кажется противоестественным, что во время беременности жены муж или в ущерб ее здоровью имеет ее, или удовлетворяется на стороне. Ведь если бы Борис захворал и долгое время не мог бы жить со мною как муж, ведь не побежала бы я к Земковскому, Гринбергу или другим мужчинам, для того, чтоб «у-довлет-вориться»... Брр...

И если бы Борька сделал так... Нет, это не мещанство, горе и ненависть, которые охватили бы меня, а то, что он совершил — омерзение...

И я горда, тем, что он выдерживает, и любит меня еще больше, и ждет, значит, ему нужна я, а не «удовлетворение». Да, он больше любит меня, чем прошлый год. Как... нет, прошлый год вспоминать не стоит — тяжело...

Несмотря ни на что — ни «давность времени», ни теперешняя любовь — той обиды не умалят...

Неужели он действительно так любит меня, как пишет?.. Ведь это — счастье... Мещанское?.. Нет! Почему для немецанского счастья должна быть достоевщина?

Разве люди не имеют права на любовь, спокойную и радостную? Конечно, если все это вырождается в фетиш и мы кроме своей любви мира не увидим, это — это, пожалуй, мещанство, даже если нет гераней. Я не хочу думать, как буду любить в будущем — одного ли Бориса или еще кого... Сейчас — одного. Трепаться не буду. Интерес потеряла, а создавать «бурную жизнь» искусственно —?..

...А все-таки мне жаль Бореньку... (Нехорошо, что жалы) Ведь как давно... Я даже ясно ощутить не могу, как это было... Я боюсь, что

вследствие операции, да того, да другого не потерять бы мне той исключительной минутки, когда... нет, не стоит словами — опозлить можно... Почему мне не стыдно мечтать об этом?

— И радостей полное тело.

Только надо дверь к нашей комнате приделать, а то во всех случаях неудобно, и мама с Муськой рядом...

Ой, а все-таки моя сильнейшая мечта — быть и жить самостоятельно!.. Вот и Муська уже начинает пузыриться, и спорить с мамой, и орать о тех неудобствах, которые мы вносим, а ведь Муська — сволочь и хамка, что из нее дальше будет?!.. Ни слова не уступит, орет, грубит, ну 2<-й> № тетка Анастасия... Ой, тяжело ей жить будет. Конечно, стеснять всех будем... Главное — деньги отдавать и не должать...

Сегодня почему-то подумала о Ермолове и от нечего делать стала гадать на него... Ермолов!.. И сама фамилия как-то звучит странно и по-другому, чем раньше... Ер-молов...? Ермолов... Чудно...

А некоторые ощущения у меня как-то странно и специфично сохраняются — все, все... Так, например, — лёта, даже запах тумана на дорогах и светляки — как-то необычайно ЖИВО, ну, прямо не объяснить... Или комната Бориса в Детском Селе, возникает не только обстановка, но то состояние, те чувства — страха, тяжести какой-то и любви — той — точно переселяюсь в то время... По-моему, так ни у кого не бывает...

Где-то он сейчас, Ермолов? И я, и он — позабываем уже все... Мне сейчас даже не жаль, что позабываем... «И сожаленья даже нет»... Гм!!..

Вообще «Си-льная» половина людского рода, как бы сосредоточившись в Борисе — (но не в «муже»), не интересуется меня как-то своими другими представителями. «Поэтому сию тетрадь можно показать ему — мужу»... (Свинство! А в противоположном случае — нет?) Но я постараюсь этого не делать, во-первых, по вышеуказанной причине, во-вторых, зачем демонстрировать свою «душу» — умствования и все такое? Какое-то неопределяемое сознание говорит мне, что это будет некрасиво, вероятно, это сознание — боязнь (или ее результат) того невольного самодовольства и самолюбования, которое пробивается против воли и которых я терпеть не могу. Иногда думаешь: «а ведь это я умно сказала» или «это тонко у меня схвачено», и тогда ощущаешь, что ты собой доволен, и вот это-то ощущение мне неприятнее всего.

Поэтому мне неприятно показывать, словно хвастаться. Но мысль о читателе — Борьке мешала мне неизменно, хотя я ничего не пропускала, не преувеличивала в надежде на то, что он прочтет...

И потом, я уж слишком «хорошая» здесь, хотя все это так и было... Уж показывать, так все, и ту, что лежит в шкатулке, но ее нельзя Борису читать до тех пор, пока не все, но многие заявления, сделанные там, за давностью времени не сделаются такими же комичными и недейственными, как мои эротические восклицания по поводу ног Дугласа Фербенкса... Конечно, многое не приобретет такой окраски, но все же... Боря будет менее зол... (!!! Укоризненное покачивание головой по собственному адресу.)

Скорее бы он приезжал... Господи, скорее бы, скорее... А деньги у матери опять разлетелись, как ни экономит. Ой-ой-ой... Хотя бы в «Кр<асной> газете» поддержали...

А «Махно» опять пищит, а не лезет! Стихотворение скверное, а идеология — гм?.. Некстати, но хочется написать почему-то: «Ас-сиди на тротуар!..»

...А все-таки ЛЕФы хотя и хлопотуны, но умные люди и во многом правы... Во многом... А что, если бы Маяковскому отправить своих стихов, чтобы ответил? Надо попытаться... Разумеется, не «под высокую руку», но некоторые его советы помогут...

Пробовала читать «Степана Разина» этого... как его... старичка... Чапыгина — ну, не могу. По-моему, люди не так говорили тогда... А сусальность какая-то... «Саламбо» — я верю и все вижу, «Разину» — не могу...

У тетки роды прошли сравнительно легко... Всего 12 часов! Интересно, как-то я рожу... Я предчувствую боль, от которой озверею... Я предчувствую, что будет... Со вчерашнего дня мне как-то страшнее, но вообще-то не страшно. Все женщины проходят через это... Думаю, что не умру и все будет благополучно... Только неохота фигуру терять, очень неохота... Но пока немного свесившаяся грудь ничего не уродует — она тяжелая, хорошая... бедра поширили, но думаю, однако, что все обойдется. Надо будет обтираться, ухаживать за телом... Люблю его...

Не люблю привычку мамы говорить высокопарно — ну, зачем, рассказывая, как вчера везли в больницу тетку, «муки рождения», «таинство», «природа». «Все» этого можно и не употреблять. Гуляю я мало. Ну, Борька приедет — тогда...

26/VII.

Омерзительное настроение!.. От Борьки ни писем, ни денег, ни телеграммы... Неужели он застрянет в Нижнем, потом в Москве?!.. О, Господи! А из библиотеки прислали повестку — книги доставить, не то в суд. Денег нет, мать чувствует себя плохо... Надо мальчишке всего шить... Ой, как тошно...

То есть такая тощица, что плюнуть некуда. Читала роман — «Варвары XX века» княгини Бебутовой, а теперь внизу надрывают ужаснейшие вальсы... Плюс — ужаснейшая луна... Боренька!.. Умираю!!!..

А что, если он разлюбил; если с кем-нибудь спутался?.. О!.. Ну и тоска... Ну, что если разлюбил?

Теперь поют жестокие романсы... «Помнишь ли»... А если разлюбил?

Я бы все отдала, чтобы сейчас сидеть в нашей комнате на Басейной и скучать, тосковать, как сейчас, как скучала иногда, когда он долго не приходил. А приходил, смущенный, целовал, ласкал... Милый, родной, черненький, неужели ты разлюбил? Как я плохо его лицо помню... отчего?.. Борюшка! Зачем такая зеленоватая луна горбушкой, зачем девицы поют старые затасканные «накинув плащи»? Какая тощица... А мы могли бы гулять сейчас с тобой, по дороге «к Москве», и говорить тихо, как в первое время... Любимый, тоска моя, не разлюбил же?

Я боюсь, что у меня брови слезут до его приезда... А мне с ними хорошо...

27/VII.

Что за омерзительное лето!.. Я уже 2 день на улицу не выхожу, — дождь, дождь, — во всем теле апатия, лень и тяжесть... Удивительно тоскливо и глупо проходит это лето. Я все время хандрю, не бываю ни в лесу, ни в поле, — гадость одна!..

От Борьки есть письмо, да на почте лежит — не знаю, что-то долго почтальон не идет? Что-то он пишет? Поди, злится... А как-то деньги? Сидим, как раки на мели. О-ой, хреновина какая...

Получила от Бориса письмо... Ну, спешное ему из Семенова не переслали, наверное, прочли, будет теперь катавасия. Nospodii!.. «Сам» неизвестно когда будет... Зануда — его отчий. Даже писать по поводу письма — неохота... Люблю его очень... Скучаю отчаянно...

В «Кр<асной> веч<ерней>» не напечатали... Вот б...!! Ведь обещал же Эйдук... А надо в город, в консультацию.

О, боже мой, хотя бы Борька приехал...

Да, я так и думала, что придет новым — серьезнее, взрослее и нежнее... И он пишет, что чувствует, что он стал взрослее... Хороший мой... Я как-то сосредоточенно и серьезно люблю его...

А, господи! До чего позорно и мучительно вспоминать о вчере у Берзина, о моем отношении к нему и поведению... Физически тошно становится... О, какая я сволочь, какая сволочь...

Скорее бы Борька приехал... Любит... Много, хорошо. Надолго ли? Говорит — «навек»... О, неужели? На всю, на всю жизнь?.. Но сейчас это мне почему-то не кажется страшным и невероятным...

Кажется, «Кузнец» выйдет не плохо...

Но мои денежные дела!..

А как ребенок нынче возится... С чего это он?..

28/VII.

Тети Полины ребенок мне не очень понравился, как-то разочаровал меня — уж очень тощенький...

Я хочу, чтоб у меня потолще, покруглее... И, кажется, ножки у него кривоваты... А — боже мой! как он сучил ножками и ручками, жалость берет смотреть... Ведь эдакое беспомощное существо...

Я хочу толстенького, хорошенького... Только бы здоровенького, и ножки прямые...

Но все-таки, когда же придет Борька? Уже скоро август месяц... Когда же?!

Вдруг живем вместе последнее время. Вдруг я умру... Господи... Не хочу умирать, не хочу...

Сколько дел в городе, и ванны надо брать, и все, а денег нет... Скучно как-то...

29/VII.

Я живу от письма до письма. И я начинаю злиться... Пора уже приехать, пора. Как я ненавижу его отца! Вот зануда... Хотя Борька и говорит о нем очень хорошо, а мне почему-то он представляется очень брюзгливым человеком, вообще особенно от моих родителей не отли-

чающим... А уж Боренька-то тоже... трусишка чортов. Вишь, боится сказать отцу, что любит меня и хочет ко мне... Небось, я так не боялась «огорчить» своих родителей и маму до истерик не раз доводила, да и вообще, где дело касалось Борьки, там я с родителями-то не считалась... А он... эх, раззява... Хотя бы материалы как следует собрал...

А вот — интересно, если б Борькин папаша был бы так же убит и недоволен его женитьбой, как сначала мои, как бы он поступил? Нет, я решительнее и смелее его... И это сознание приятно мне.

Бабушка приехала... Говорит, что Балдина против меня какую-то гадость замышляет... Господи, воля твоя! Меня это страшно заинтересовало — сия «адская интрига». Конечно, зря и глупо, что я была так откровенна и что Балдина так много знает... Но ее гадостей я не боюсь... Сплетничать будет — на здоровье, собака лает... Матери что расскажет, так она с ней говорить не будет, отец тоже... Да и что она может рассказать? Что я до «замужества» с Борисом жила?.. Так и отец и мать это знают... Борьке что наврет — он не поверит, мне про Борьку — так я ее к чертям пошлю... Убогие, убогие люди... Какую жалкую жизнь влачат, без проблеска, без радости — не знают даже, что такое настоящая радость... И какая клоака — в полном смысле слова — наш дом!.. Этот обабившийся Василий Степаныч, подглядывающий из окошечка, полного паутиной, эта Балдина, как змея, выползающая из своего темного коридорчика, все знающая, тупая, глупая, злая, льстящая в глаза и обливающая за глаза человека какой угодно грязью, хитрая и злая тетя Тася — все, все, какие они тупые, пошлые, бездарные... Как я ненавижу их всех, ничуть не жаль мне их... Только ужаснешься, как можно так жить? Нет, как можно так жить!?

Хочу из деревни Анютку в няньки выписать... Хорошо, если приедет... Она уже опытная, да и знаю я ее давно. Помню, как неприятно мне было, когда последнее время она как-то чуждалась нас, словно стыдилась «городских» перед своими.

А время-то как летит... Давно ли мы жили в Плавищах, и Анютка прибежала к нам играть в козла, и как мы волновались и любили эту игру... Потом мы жили на хуторе... Год... Потом второй — когда я была влюблена в Сергея Григорьева... Потом третий — переписывалась с Борькой и была влюблена в Генку Гора... Потом — четвертый, — уже была женой Бориса... Самое тяжелое лето — не буду вспоминать...

И как быстро я выросла... Страшно быстро... Сначала девчонка... А девушкой была какое короткое время... А теперь, как говорит бабушка, — «в силу вхожу». Да. Знаю. Сама чувствую... Тело такое большое стало, мягкое — но не дряблое, здоровое... Буду ухаживать за ним, заниматься спортом... И Борьку любить. Только дверь надо к комнате приделать... (!!!)

Скорее бы, скорее бы приехал Боря... О, скорее бы. Я бы его в грудь поцеловала... В глаза... В губы... Противный, противный, как долго...

А Балдины все шипят, что он мне изменяет, да «стреляет», да все такое... Идиоты, сволочи... Нет, не может же он это лето врать, ведь нельзя так, так врать... Нет, он меня любит... И себя всякими стреляньями унижать не станет... А Балдины — как я Вальку теперь не люблю... Тупая какая, глупая... И Борька Лихарев совершенно «обалдел»... Гнусы!..

30/VII.

«Кузнец» не плохо, да вообще все стихи мне надоели. Все свои стихи кажутся скверными, даже пошлыми... Нового ничего не пишется и как-то скучно: не о чем думать, переправлять, а что уже написано — переправлять как-то лень... Пойду погуляю, подумаю об «Юродивой» — только бы не вышла она народовольческой...

«Тигра»-то, действительно, сделана почти неплохо, но ее «суть» — сбивчивая, т. е. мне понятно, «что я хотела сказать этим», но недостаточно убедительно вышло. Я почему-то сближаю «Тигру» с Борькиной «Маникюршей». Ритм одинаковый. И еще что-то — вот, вот, кажется, эта сбивчивость «сути», хотя у меня стихи вообще более последовательно развиваются и как-то «понятнее», чем у него... И я — да, вот почему мне кажется, что «Тигра» зависит от «Маникюрши».

«Маникюрша» как стихотворение — хорошо, но ее «идеологическая сущность»... Ну, скажем, вопросительна.

Поэтому, опираясь на эту идеологию, я могу сказать, что «моя (идеология) не хуже»...

Но опять-таки — это безнравственное членение на «как стихотворение»... — и — «но идеологически оно...», т. е. «форму» и «содержание», которого не должно быть.

Ну, что такое «форма» «Маникюрши» без «содержания»? Абсурд. (Дождь, как водится; потому и пишу. Состояние какое-то нудное, тяжелое: то ли желудок плохо действует, то ли письма жду... В общем, в членах какая-то дряблость...)

Книгу еще не подбираю... Как-то лень, и кроме того, подумав о книге, растекаюсь мыслью по древу. Хочу, во-1<-ых>, чтоб книга была не хуже, а лучше Бориной. (Это — крохоборчество и мелочность, но раз у меня такое желание есть, то обязана вытащить его на свет божий.) Хочу, чтоб ее заметили. Как особенную. Как «свою»... Хочу, чтоб она понравилась Ахматовой (богу) и не ввергла в узилище презрения ко мне Чумандриных — (мамоне). Богу — больше, мамоне — меньше...

О, Господи, Господи, до чего я дура! Ну, какое, в сущности, мне дело до богов и мамон? Хрен с ними... Надо ориентироваться только на себя, разве это не элементарно? Ну, конечно... Итак, долой сомнения. Отныне решаю твердо. Пусть меня будут осуждать сидящие одесную и ошую, буду, как захочу... К чорту это мелкое тщеславие — просто книга должна быть хорошей, ну, не совсем, а «довольно хорошей»... Скука и лень... З. Штейнман говорит совершенно справедливо, что мировоззрение писателя должно приподниматься над мировоззрением современ[ости]иков. Совершенно верно. Иначе каждый грамотный человек может быть писателем при минимальном наличии ума и таланта. А у нас в ЛАППе против этого идет организованная борьба: идеология, мировоззрение, мироощущение — все должно быть только классовым. Т. е. официальным. Вот у Мишки так. А результат этого — серость. Скука. Чумандрин = Скаринко = Тверяку = и т. д.

Что касается меня, единственное, на что я претендую — желание думать самостоятельно. Результаты этого желания мне неизвестны, да и скоро-то их не обнаружишь, тем более сама... Разумеется, я хочу иметь собственное мировоззрение, не создавать что-нибудь противоположное марксизму, а чтобы между мною и кем-нибудь другим нельзя было бы поставить знак равенства. Обидный знак. Покамест, конечно, у меня ничего особенного во взглядах, а может — как я иногда думаю, — мелкое умствование, чужие мыслишки, все это известно... Тогда мне хочется сказать словами Толстого: «а ведь дождь-то мог бы и не идти!..» Но нельзя так самоумаляться... Все своим чередом придет и образуется... Надо много знать. Много.

Будет ли письмо от Борьки? Должно быть. Где-то он путешествует? Неужели ярмарки в Нижнем будет ждать? Ну, собака... Погоди у меня!..

Завтра в город еду. Денег надо достать, жрать нечего. Что, если в «Панорамке» и в «Смене»?.. Рублей 30... О, как невредно! Мечты, мечты?! А у Борьки-то неужели соловей гнездо свил кое-где, что он не чешется? Ведь обещал денег, что же, думает, что лишние... О, мальчишка... Буду — французским с горя заниматься... Ведь за 2 года сдавать... Вот еще с И<нститутом> И<стории> И<скусств>: и не плачено, и сдавать-то сколько... О-о-ох....

Писем от Бориса нет... Это Уже Хамство...

12-го августа (?).

Не писала долго, потому что Борька приехал... Да и сейчас что-то не охота писать. Лампа едва горит, скучно, голова болит...

Я рада, что он приехал... Озорной, дурачится все время... С понедельника надо засадить его за учебу. Не писал и ничего не пишет... То, что строчками, — мне пока нравится мало. Что-то не так... Беспокоюсь за него... Сама я тоже пока не пишу. Ну, не беда.

Денег привез он мало. Говорит — пришлют. Будем надеяться... Строит всякие воздушные замки насчет будущего житья-бытья, богатого и привольного... Не то это, и детство... Мне бы зачеты сдать и перейти на IV курс — это ближе... Да жить бы нынче получше... Ох, знаю — трудно мне будет... Ну, да не загнусь... Нет, уверена, что не загнусь... Только бы денег побольше да дома поспокойнее...

А сколько с ребеночком возни будет?! Ох!... Борька любит меня... Я его тоже крепко люблю... Много, нежно... Заботливо...

Все-таки 2 раза живнули... Мне было бы хорошо, если б не опасалась за последствия... О Борьке, о его «идеологии» и моем недоверии и малодушии — писать сейчас не придется... Долго надо... Все-таки до шкатулки он добрался, гад... Нехорошая эта в нем черта, и мне неприятно его нравоучать... Ну, да что поделаешь... Уничтожить бы все надо, да как-то жаль...

Буду спать. Дела много, главное — всего ребеночку нашить... С понедельника примусь...

15 августа.

Какое-то странное кислое настроение. Буквально кислое... А день прекрасный. Голова болит... Кашель... насморк. Денег нет, живем впроголодь.

Если б маме денег не давали, то, конечно, самим бы нам хватило. Но бог с ней... Борьке я этого не говорю. Он ропщет понемногу. Но он у меня в этом отношении ничего, не то, что дядя Сережа.

Сейчас он заболел, на лобке чирий вскочил. Вожусь с компрессами... Странно — нам не стыдно его обнаженных членов... Мне грустно от этого... Он ничуть не стыдится меня, ходит неприкрытый... Как нехорошо... как нехорошо...

Настроение у меня преотвратительное... Причины, вероятно, нижеследующие... Борькина болезнь. Отсутствие денег, а каши всех видов — опротивели. Задолженность туземцам.

Борькино бездействие — он не занимается, не пишет, только скулит, что меня страшно злит. Как он неповоротлив, все ему подай, все сделай, не то что за мной бы поухаживал, — так за ним все время ходи. А он еще пищит все время насчет «Саши», «Эди» и т. д. Господи! Чья бы корова мычала.

Он явился сюда с большим грубым кольцом, правда, рубин прекрасный, если даже не настоящий — очень красивый... Говорил все время, что взял у матери. Только [вчера] третьего дня признался, что кольцо подарила Татьяна... Меня это не потрясло (я стала безразличной к такого рода вещам), но подействовало неприятно. Если кольцо настоящее — оно очень дорого.

Принимать столь дорогой подарок от обманутого, глупого человека — по меньшей мере бестактно и некрасиво.

Потом — это совершенно лишнее. Если кончено — то к чему все это. В Танино самоубийство и поседение — я, как это ни стыдно, плохо верю... Глуп еще Борька... И ему это льстит...

Все это раздражает меня... Он недавно болтал о любви, которая стала серенькой, комнатной. Нет, мы много любим. А если любим — разве чирьяки, заботы, мелочи — исключают любовь?.. Надо любить просто, согласуя любовь с «прозой жизни»... Любить, как любится... Все будет своим чередом... Искусственно любовь не создать... Если она стала скучной... значит... значит...? Не знаю, что. Может быть, то, что ее не стало... Но я люблю Борьку.

Написала 2 стиха. Не нравится. Азарт должен быть изменен... кое-где. Буду перерабатывать «Тигру» и «Слепого». Надо написать «Табор в городе»... Я мало хорошей лирики пишу. Не знаю, отчего. Скоро буду подбирать книгу. Как я не люблю, когда мама пишит о ней... Я ее по-своему подберу... Борька переборщит, поди.

19 августа.

Борька написал «Барышника»... Эпиграф взял из моего «Кузнеца», который ему очень нравится. И вообще, между «Барышником» и «Кузнецом» много точек соприкосновения. Типаж. Идея — вымирание лошадей. Он изменил «у самой золотой луны». Но стихотворение, по-моему, очень хорошее... Густое, пышное, быть может, слишком пышное... Ахматова говорит: «пишите суше и острее». Это то, к чему надо прийти через нарбутовскую пышность. Путь — скупая, колкая строка — манера Тихонова. Схожесть наших стихов и радуется, и печалит меня... Вообще — я не хочу схожести между нами — наверно, из-за самолюбия, из-за того, что поэт Корнилов — мой муж. Я не хочу, чтоб он «уел» меня, что ему вполне легко сделать. Я не лицемерю и не скромничаю, но мне кажется, что его «Барышник» лучше моего «Кузнеца», хотя «Кузнец» — отправная его точка. Разумеется, это ему не в укор, ведь тема — совсем по его характеру, это непосредственный переход от наивной пышности «Старушек» и «Теремов» к более зрелым тонам. Мне не хотелось бы только, чтоб говорили о влиянии Корнилова на меня, даже если оно и есть. Да, может быть, и есть. Не то что влияние, а переживание одинаковых источников... Но некоторые говорили мне о нашей схожести, и всегда это действовало на меня неприятно и разочаровывающе в самой себе.

Может быть, между нами и есть некоторое скрытое соперничество и борьба, может быть... Борька сказал сегодня: «ты мне подражаешь», потом оговорился, что это шутка... Нет, мне кажется, что он не шутил... Это нехорошо, если это так. Я не хочу этого...

Я так важно рассуждаю сейчас о моих стихах, будто бы они «заправдашние». Когда-то о своих «Хуторах» и «Белье» я рассуждала не менее серьезно, мне они казались настоящими стихами, а все, вероятно, подсмеивались над моими наивностями... Теперь и я улыбаюсь над ними. Наверное, это, что пишу сейчас, ждет такая же

участь... Но, быть может, в них уже есть кое-что от «настоящей настоящести»... Да, кое-что... но мало, мало...

Я думаю, самобытность, яркая индивидуальность у меня будет. Я еще мала!..

Борькины «капиталистические» тенденции мне не нравятся. Перспективы хозяйки не улыбаются... Мамино опекуновство раздражает. Свои стихи также. Надо сходить к А<нне> А<ндреивне> и показать ей то, что писала. Посоветоваться. Поговорить. Если она не сердится на меня...

Денег надо. Приданое дитю на точке замерзания. Денег нет... Заботы накапливаются... Борис не занимается!.. Дерьмо! О чем он думает? Настроение переменное... Чаше — глухо раздражительное...

20 августа.

Приехали в город. Денег надо. Не знаю, поедем ли обратно — уж больно дорого там жить да и мало хорошего. Нынешнее лето не удовлетворило меня. Борису дача определенно не понравилась. Денег вышло очень много... Ну, чорт с ними. Маме только ничего говорить не надо, зачем обижать ее? Она не виновата. У меня к матери какое-то снисходительно-насмешливое, но ласковое отношение, как к человеку доброму, но наивному, бестолковому и немного смешному в своей сентиментальности.

И у Бориса. Мы подсмеиваемся за глаза над ее «пастушками» и «грибками», мне немного стыдно и не совсем приятно это, вот Борька о своих родителях никогда так не отзовется, мне кажется даже, что он иногда отзывается о них преувеличенно хорошо. А я говорю об отце, что он сволочь, и это так, но я люблю его еще как-то, и мне думается (вероятно, это говорит вложенное в меня почитание к предкам), что это не совсем то... Духовная жизнь родителей и моя ничего общего между собой не имеет... Отец никогда не был ни другом моим, ни товарищем, а только отцом... Смешно и ни к чему искать чего-нибудь общего между его и моими взглядами. От матери у меня, пожалуй, больше, чем от него. Но и все же ее «идеи», взгляды и т. п. — я ведь вижу, как они наивны. Я люблю мать, я знаю, что ей тяжело, что она всю жизнь угробила на нас... Я не знаю, то или не то у меня отношение к родителям, которое должно быть теперь, у «нового человека»... А в сущности, как это нехорошо и неправильно

но... Есть какие-то нормы, которые говорят — вот это так, правильно, и я, оглядываясь на эти нормы, хочу свое отношение подделать под них. Этого не должно быть. По-моему, я отношусь к родителям так, как надо. Не считаюсь с ними, влияния они на меня, как мне кажется, не оказывают, ну, а внешне, во избежание стычек, соблюдать «родственные» отношения. Но самая тяжелая зима — та, которая будет нынче. Но я решаю. Наша жизнь — не их жизнь, мы живем другим, это нужно подчеркнуть и матери, порывающейся взять нас под крылышко, как малюток. Да, эта тенденция у мамы сильна... У нее властный характер, ему надо противодействовать, как деспотичности, в сущности, это и есть деспотичность. Я постараюсь дать понять ей, что более глубокое вмешательство в нашу жизнь совершенно не желательно... Конечно, ей это больно и обидно, но это надо. Становиться между нами — тоже пообождите!..

Мама любит давать советы, а когда говоришь, что они не нужны, начинает обижаться. Обижается же она — квалифицированно! На малейший пустяк... Да ну, когда я начинаю говорить об этом, я начинаю злиться.....

Борька получил 2 письма из Семенова — говорит, от матери, но не показывал, хотя и оскорбляется на «недоверие». А разве я не имею права не доверять?.. Сколько раз он обманывал меня — мелочно, противно... Да взять бы хотя кольцо. Все равно я прочту их. Должна же я себя успокоить. Вот женская логика! Как нехорошо...

Ну и пусть нехорошо... мелочно... отзывает мещанством. Надо бы твердо сказать: «Боря, успокой меня — да, я все-таки не верю, хотя ты и злишься». И это было бы честно... Но раз он не дает... Пусть гадость!.. Он-то считается? Он носит кольцо, после того, как я просто и открыто сказала ему: «Боря, не носи кольцо», а он все-таки его носит, хотя знает, что мне неприятно, что, глядя на кольцо, я вспоминаю много нехороших минут... Да хотя бы просто ревную — почему ему не снять его? Это мелочь, это не так. Это что-то отупляющее, унижающее — все эти кольца, письма, недоверие. Этого не должно быть, я чувствую, но избавиться от этого — как? Смутно...

Борька в город поехал... Уже вечер... Он часто, даже слишком часто, целует меня, говорит о любви, спрашивает: «любишь ли?» — точно мы недели 2-3 вместе. Да, меду много... Он любит передразнивать меня, как маленькую, говорить о том, как хорошо нам будет, когда я смогу быть его женой... Я люблю его, люблю, как

мальчишку, которым он любит прикидываться... Сейчас я раздражена на него... Нехорошо так.. Мне надо бы как-нибудь действовать, чтобы этого больше не повторялось, или не обращать внимания, а вот не выходит...

Я не люблю, когда он циничен и похабен — он часто в таком состоянии, а он не хочет ничуть сдерживаться... Как бы побороть это?.. Как многое надо побороть, — в себе, в нем... Да, надо... Трудно...

Хочу «Табор в городе» и «Пасеку» написать хорошо, густо. Книгу буду подбирать. Думаю, будет неплохая.

Какая я стала неуклюжая, толстая, подурнела, состояние неважное... Скорее бы время шло. Родить, да и дело с концом... А то скучно.

О, море... Проектируем поездку в Крым... А если опять, как Волга этот год?.. Борька на проекты-то мастак, его бы устами да мед пить... А сам не занимается, о чем только думает? Господи, сколько забот... Боря говорит — года через 2 жить будет легче... Ладно... Я не ропщу... Только бы поменьше серого, нудного...

Борька говорит: прежде чем социализм строить, надо о своей жизни позаботиться. Если б все так думали, то у нас и революций бы не было...

Как-то все запутано... Пойду, пройдусь... Подумаю над «Табором»... Потом письмо Анютке напишу.

24 августа.

А ведь письма-то были от Т<атьяны> С<тепениной>... Как же мне в будущем верить ему, если так врет...

Кажется, третьего дня утром между нами была та некрасивая сцена, когда от матери ему пришло письмо и я заставила его признаться в том, что те письма были не от матери...

Оказывается, после прочтения письма к Ермолову, которое писала под влиянием какого-то странного состояния — тогда, 5/ХІІ — 27 (!), он написал «сердитое» письмо С<тепениной>, прося ее якобы вернуть ему его письма. (Не верю, не верю...) Письма эти он мне так и не дал, говорит, что отослал обратно, без приписки. (И поэтому я не верю, хотя не нашла нигде их...) Господи, как омерзительно; почему я не могу плюнуть на все это, почему мне это неприятно? Ведь, наверно, это и есть самое мещанство... Нет, пусть бы он переписы-

вался с ней, ведь если б Ермолов не прекратил переписку, я продолжала бы переписываться с ним... Но зачем он врет, зачем так наивно оправдывает свою ложь — «чтобы не волновать тебя»... Нехорошо. Тогда я плакала и злилась на себя за эти унижительные слезы, не обратит ли внимания, сдержаться бы, во что бы то ни стало, а я по-бабьи — реву, такая смешная, распухшая... А когда Борька стал плакать и просить, чтобы я пожалела ребенка, «а уж я-то что...», и был такой щемяще-жалкий, мне думалось, что ребенок тут ни при чем, а просто он от злости, и неприятно было... Думалось — как гадко, как гадко — эти наши слезы, его вранье, мое недоверие... Думалось, что летом он опять что-нибудь обещал, что это гадость... Неужели действительно так?.. Ой!.. Чорт... не могу разобраться, как правильнее: быть ко всему этому равнодушной, органически равнодушной, или — вот как теперь... Надо (для равнодушия) понять как-то внутренне, что «тут нет ничего такого»... А я — внутренне — этого никак не усвою... Ну, ладно... Обойдется... Когда буду старше...

Вчера ночью, когда лежали в постели, мне так захотелось быть Борькиной... До того остро, что сначала по телу прошлась судорога, а потом оно стало истомным... Поэтому я не противилась попыткам его... Но они были неудачны... Мне было больно, неприятно и страшно... Я вполне понимала задыхающийся голос, и короткое дыхание Бориса, и его огорчение от неудачи и невозможности... так, как если бы это была я... Потом все-таки мы стали... Я терпела боль... Но Борька как-то не кончил... Мне было жаль его, тяжело и плохо. Он жарко шептал о том, что хочет меня одну, только меня, и ему никого больше не хочется. Если это так — мне гордо. Да, я беременна, изуродована беременностью, а ему нужно меня одну, у него нет ко мне отвращения, даже и сейчас... Но если ему хочется «вообще»... Конечно, да. И вообще, и в частности — больше, чем вообще... Он говорил вчера еще о том, чтобы нам быть вместе — навек... Я отвечала да — о, искренно!.. Но мы знаем, что это только в горячке и мы не будем «навек»... Верно, момент нашей настоящей разлуки будет моментом вступления в «самую жизнь»... Пока только подготовка к «самой жизни»... к сумме горь, радостей, больших разочарований и трудностей... Когда оглянемся — увидим, как сейчас, в сущности, светло и наивно... А тогда у меня уже не будет, наверно, матери, или отца, или отца и матери, и дочери или сыну откроются первые книги, и, может быть, не один узнает меня, или ни один не узнает... Уже много печали от-

ложится во мне... Конечно, Бориса — первого мальчишку, мужчину, мужа, любимого, я никогда не забуду, так же, как и он меня, знаю.

28/VIII.

Омерзительное, нервное состояние... Оттого, что денег сейчас нет, живем на мамином иждивении. Она мне сегодня сказала, что «Боря ленился», «мало вносит в семью», «не заботится»... Мне было очень неприятно, и я защищала его, но, в сущности, она почти права. Борис ленился — это определено. Хотя бы он занимался, а то и не занимается даже, как я не говорю ему об этой необходимости... Относительно «взноса в семью» я говорю и напоминаю ему редко — мне неприятно и стыдно как-то... Я его «распускаю» — я чувствую это, по своему мягкосердечию и тактичности. На пути к «изысканию средств» он предпринимает очень немного. Москва слезам не верит, а там у него дела далеко и так блестящи... Разумеется, очерки — очередная фикция. Они не подают и признаков жизни. В «Звезде» и «Красной <газете>» — огромные авансы. А что он сейчас делает?.. Немного пишет, читает, ездит в город... Занятия к зачетам не начинались...

Меня зло берет на него... Сегодня поговорю с ним решительно... Любовь — любовью, но надо быть взрослее...

Хотя бы книгу его приняли, и поскорее бы он подписал договор... О постоянной работе он думает смутно...

«Лен<инские> искры» — 15. «Смена» — 13. Кр<асная> панорама> 2 р<убля>.

«Лен<инская> правда»... еще «Лен<инские> искр<ы>». (?) Если б в «Звезду» приняли. Кстати сказать, «Кузня» в «Смене» показалась мне такой серой, чуть не пошлой. Ахматова говорит — нельзя вечно жить отрицанием... Милая Ахматова, люблю ее... Надо сходить к ней... Познакомилась с ее сыном. Сын Гумилева и Ахматовой! Он показался мне способным, умным ребенком. Интересно, что из него получится в будущем? Сейчас он мало развит, как мне показалось, и еще очень ребенок...

Как хотела на Кабуки!.. Но знала, что моя героическая попытка проникнуть туда с бумажкой из «Ю<ного> пролетария» обречена на неудачу. Если б еще была здорова и не занята. Все приходилось по хозяйству, все время... Убивающая вещь! Только первые дни было приятно сознание — «хозяйничаю»... Путы какие-то...

И, кажется, я уже ощущаю их... И, кажется, они уже есть... Но ребеночка я люблю много, и он меня любить будет, маленький человечек, сначала только одну меня любить будет, инстинктивно, бессознательно, как детеныш...

Борис любит мелодраматично спрашивать: «Ты не погубила свою жизнь?»... Боже мой, да нет! У меня еще много молодости... И я жизнеспособна.

Вчера была между мною и моим мужем противнейшая мешанская сцена из-за того, что я опрокинула суп. Я была виновата только в том, что отвратительно себя чувствовала и не плотно закрыла керосинку... А он мог бы быть сдержаннее и умнее... Как он неприятен и чужд был мне вчера... Конечно, под вечер я размякла на его слова... Он глуп еще, жучок... А я тряпка, и его люблю...

Ребенок ворочается тяжело и больно... Вот, скоро родится... Ощущение того, что он «лишний», «мешает» — не должно быть. Я не хочу этого...

Не писала долго. Хочу сегодня писать, да не люблю, когда ходит около Борис и знает, что я пишу. Это как-то нервирует меня...

Хочу написать три... Не знаю, можно ли начинать «Табор в городе».

Какие песни я смогла бы
Сложить, когда б не этот сон...
О, табор в городе! О, табор,
— Стеной дощатой обнесен...

Я хочу писать как-то неловко, словно застенчиво прикасаться к словам, услышанным впервые, и потому значительным и глубоким...

И словно предо мной, как коридор...

Если бы ощутить эту неловкость и застенчивость непосредственно, а не литературно... Если бы избежать литературности и нарочитости... Это мечта моя, и к этому я буду стремиться.

Читая Хлебникова, я все-таки чувствовала меньше, чем ожидала... Почему? Почему я не могу воспринять того, чем восхищаются другие? Не дошла? Поэтому сказать ничего еще не могу.

Еще меня смущает, что фраза в «Пасеке»

— Что я и пасечник и мед, —

— аналогична — «я и садовник, я же и цветок»... Но это хорошо.

2 сентября. Воскресенье.

Злое, паршивое настроение. Ровности, мягкости — нет. Только бы злился да кричал. До чего все опротивело, надоело. Хозяйство это проклятое... расходы, заботы... За Муськой тут еще ходи — лежит с чирьяком. Сейчас мать и Борька поехали в Саблино за вещами, да, наверно, уже не приедут — мама, конечно, «прособиралась»!.. А всех сборов — на 2 часа... Тфу, вот копаться любит!

Завтра Борьке за дровами надо идти. Идет он, ясно, с неохотой, не пытаюсь ее скрывать. Меня коробит от этого. Неужели он думает жить барином? А когда даже мягко ему это скажешь — злится, обижается. Нехорошо.

Господи, сколько забот всяких! Надо бы уж комнату устроить — мама «папу ждет». «Портреты и иконы выбросить нельзя»... Эта мамина медлительность, копанье, уважение родственников, клохтанье — выводят меня из себя, хотя я очень сдержанна. Сколько, сколько мне предстоит сдерживаться, чтобы не «оскорбить мать», <не> «задевать отца» и пр<очие> убийственные мамины выражения... Я и люблю, и жалею маму очень, и злюсь на нее до омерзения... Хорошо, что отца-то нет! С ужасом и отвращением думаю о его возвращении, косых взглядах, прорицаниях и пр<очем>... О! Как о счастье, я мечтаю о холодной, пахнувшей сыростью комнате на Бассейной, о той холодной кровати, где мы сначала дрожали от холода с Борькой, а потом было душно... как о счастье, как о счастье! Господи, как хорошо было! Но... входит в жизнь ребенок, и вот — папа, мама, тысячи забот... Нет, полно рюмить, главное — быть твердой экономически. Потом — Борька сдал бы зачеты да сел бы на работу... Довольно ему баклуши бить. Рассказ, который он написал, по-моему, неудачен. Печать поспешности. Скользкие темы. Неумелый цинизм, переходящий грани литературного. Нет, определенно, писать надо не так и рассказ плох. Он пришел в уныние, театрально сунул в печку черновики... Глупо! Мальчишество... Надо быть терпеливым. Чудится мне,

что новый путь им еще не найден. Жаль, что он уже не заплачет, когда пишет стихотворение, как было в Детском <Селе>, когда писал «Волость»... Пусть стихотворение слабое, но печать настоящей лиричности там есть. В «Маникюрше» приподнятость — искусственна. «Искатель приключений» — хорошее стихотворение, но позерствующее...

Да, Детское... Борька, одинокий, бестолковый, заброшенный, в той большой угрюмой комнате, где тяжелый огонь темного камина, плачущий над стихотворением о где-то маячащей волости, маме-провинциалке, пишущий мне огромные, тревожные, сентиментальные письма. Боже, неужели он любил меня тогда? Как это хорошо, Господи, как далеко, как странно.....

Скорей бы нам опять одним!.. Я злюсь на него, на его сальности, лень, грубость, а ведь он хороший, и я люблю его, и он мне не только муж, он еще «Борька»...

Да, они уже не придут... Лягу спать... Как мне грустно... Борюшка, родной... Ведь мы молодые; трудно только сейчас... Была в ЦДРП на МЮД'е... Гадость... Неинтересный митинг, избитые слова, уже ничуть не действующие на меня, омерзительная пьеса «Луна слева»... Блядство, а не пьеса...

Да! По-моему, Борька врет, что нынче насчет работы говорил... Чего то же?!

Ну, пора спать...

4/IX.

Скучно что-то. Хочу писать «Табор»... А стихи надоели. Борька говорит, что Глисту мои стихи не нравятся и он говорит, что они скучные... Это мне неприятно, если это так. Я считаю, что пишу не хуже Глиста... Ерунда все... Надо для «баклажки» писать, а ничего из меня не прет... Скучно... скучно... тяжело.

6/IX.

Борис потерял записную книжку и теперь из себя выходит — куда ее в «этой дыре» дели. Глупый, гадкий. Как он злится, а виноват сам. Смотреть противно. По-прежнему ничего не делает, делая вид, что что-то делает. Мне уж и говорить надоело. Хорошо еще, что я деньги получаю, а то что бы стали делать.

Он поехал за деньгами... Хорошо, если б и свои получил. Сколько расходов, сколько забот...

Читаю сейчас мало, хотя много хороших книг. Все некогда. Вот и нынче — стирать надо, гладить. Ух!.. Устала...

«Табор» написан. Не совсем, конечно. Плохо. Только хорошо «четыре пламенных старухи». По-моему, «Чемпионы» Гит<ович>а не так уж хороши. Я могу так сделать, потому что это именно сделано. Борька подзуживает: «соперничаете с Гитовичем?» Глупости! А отчего же и не «посоперничать?» Неужели Гит — сила? Гм?

Это все не то... Рахманов прав — литература должна даваться с трудом. Только у меня боязнь этого труда, наверно. Стихи мои то кажутся мне хорошими, то просто бездарными. Знаю места, где стих более всего «двойственен», т. е. где совсем не сняты покровы. Один стих — внутри меня, другой тот, который на бумаге... Мне хочется быть смутной и косноязычной в стихе, чтоб он был как лабиринт, как фонарь...

А когда я так писала «Табор» — вышло, Борька заметил — под Эрлиха (!!!) Под Эрлиха! Т. е. эта вялость, и скука, и серость. Не может быть. Неужели нельзя допускать «Классических ходов»? Странно.

Как долго Борис не едет... Противная нотка — боязнь, что он потратит много денег, — ворочается во мне...

Скорее бы родить и быть снова тонкой, хорошенькой, веселой...

Скучно... Нехорошо, что мне почти все время то скучно, то как-то тягостно...

7/IX.

Явление, ставшее обычным. Борис уехал в час, а уже 7 ч<асов> вечера, и его нет! Хотя бы я знала, что он хоть что-нибудь делает!

Кажется, в «Резце» выходит страница. («Улов», «Кузня», «О гончарах», «На Марсовом поле».) Это было бы неплохо. 40 верных рублей. Да еще бы в «Ленправде» и в «Звезде»! Вот хорошо было бы.

Берман говорит, что немного надо подождать, кое-что добавить, кое-что изъять — и тогда получится книга. Я сама это знаю. Итак, месяц работы — и тогда полезу в ЗИФ.

Книга будет не хуже Борькиной. О! Как я хочу ее успеха!.. Очень хочу...

О, как мне молодость понять
Нескладную мою,
О, кто поможет мне узнать,
О том ли я пою?..

Эти дни меня странно тянет к ящику Бориса, где лежат письма Т<атьяны> С<тепениной> к нему, мои старые. Я их перечитываю с каким-то болезненным удовольствием... Какая наивная и глупая была я.. Как Борька обманывал и меня, и Т<атьяну> С<тепенину>... И как все было по-детски глупо... Но и хорошо... Но и больно. До сих пор даже...

Оттого что карандаш, не хочу писать много. Буду читать. Борис нехорошо поступает.

Какая дыра наш дом. Эта идиотка Анастасия. Поневоле с ними омещанишься. А еще отец приедет... Брр... тоска какая. Приедет ли Анютка-то? Напишу завтра.

9 сентября.

Сейчас перечитывала листки, спасенные из дневника, изорванного Борькой. А ведь хамство порядочное! Ну и дурная же я была!.. Сейчас стала уравновешеннее, спокойнее... Лучше это или хуже?.. А чорт его знает!.. Но какой-то задор охватил меня... Я старею, кажется. Я люблю ту девчонку, прибегающую на Бассейную, в комнатку с зеленым абажуром, помню ее горе, ее радость, первые минуты настоящего ощущения любви... Недавно так остро тосковала о Бассейной... Как ярко все помню. Запах комнаты, натопленной или сырой, холод влажноватых простынь, потом особый, стыдный запах тела, и после синие круги под глазами...

11-го <сентября>. Вторник.

Только что хотела писать тогда о многом-многом, как пришел Борька, едва удалось спасти тетрадку. Теперь уж и не помню, о чем хотела писать. У Ахматовой на той неделе была. Господи, какая славная, обаятельная женщина!

13-го <сентября>. Четверг

Устала, болталась, болталась в городе, приехала — тут Мусенька меня разозлила, сволочь такая, теперь стряпать надо, гладить, мыть...

16-го <сентября>. Воскресенье.

Я сильно устаю последнее время. Невралгия. Это плохо. Ночью с трудом встаю — тяжело-тяжело в животе, грудь каменная, все тело тяжелое. Ребенок ворочается тяжело. Хорошо, если это оттого, что он толстенный.

Сегодня ночью видела сон — будто Борис разлюбил, а я уезжала в Москву, в поезде, темном и спящем, резала какие-то котлеты, собака бродила около меня, а Борис остался с другой, с какой-то девушкой, любящей его. Отчаянье, огромное горе были как не во сне. И когда проснулась, даже удивилась, что это был сон. Почувствовала, что ведь это может быть не во сне, что я могу потерять его и никогда не буду трогать его руки, грудь, волосы и все, все... Никогда не буду ощущать его руками. И мне захотелось удостовериться, что он здесь, мой, любит... Вскочила, подбежала к нему, стала целовать, он сначала спал, потом, когда ответил, радость охватила меня, слезы душили горло... Борька, дорогой, любимый. Стал уговаривать, убаюкивать... Любовь охватила меня как-то душно, много, сразу... Дорогой, родной... Я поняла, как тяжело Т<атьяне> — потерявшей его.

Она недавно прислала письмо... Да, Борис обещал писать ей, и что-то такое... Мне тяжело, неприятно и зло было... Сперва. Борька бесился...

Вообще была скверная сценка, окончившаяся бурными изъяснениями страсти со стороны Борьки... Любит ведь. И я подумала — ну, что ж делать?

Конечно, у Борьки и Т<атьяны> была хорошая любовь — да, хочешь не хочешь, а нужно признаться, что она была хорошая. И у него, и у нее остались хорошие воспоминания, от которых хорошо, горько и печально, и с этим ничего не поделаешь, хотя мне тяжело от этого. И хотя он любит меня, все-таки эти воспоминания будут... И у меня ведь они есть — хотя бы о Сашке, воспоминанья, от которых горько и хорошо, хотя я люблю Бориса много... Ну, что ж, мне отравлять ему их жёниным нытьем и ревностью? Это гадость. Тогда ЖЕНА становится в противоположность той... Не надо быть женой...

Вопрос об отношении Бориса к другим — вопрос сложный, тяжелый. Ведь есть много людей, интересных, хороших, а все люди как книги или как многогранные призмы, их интересно узнавать — новых, чужих, немного страшных...

От них отгородиться? — Нет!.. И Борис и я будем сталкиваться, сближаться с ними — конечно (зачем закрывать глаза) — в ущерб своим отношениям, своей близости... Т. е. можно и не в ущерб, но, пожалуй, это трудно, и надо любить особенно... Особенно ли мы любим? Не знаю... Мне грустно оттого, что надо смириться со вторжением других — но это неизбежно, — устраивать сцены — мерзко.....

Я с книгой буду ждать... Берман во многом прав. Общие мысли. Хуже всего эти общие мысли, эта философия уткинского пошиба... В «Таборе», в «Кузнице», эта «такому теперь не поверим»... Это общо, нужно другое... Берман сказал: «Ты еще не достаточно умна, чтобы философствовать». Это верно. Раз не выходит мысль сама, без натуги, — не стоит мудрствовать.

Статичность многих стихов я ощущаю, я знаю, что она есть. «Описательность» надо заключать. Как? Как-то по-своему. Да, много беспомощности в моих стихах... Ну, они не хуже Чуркина, Гитовича, но я знаю, что это не то... Не узнаю в этих стихах радостного, вдохновенного двойника... И совсем нет никакого узнавания. Иногда, редко, в отдельных строчках, между строчек.

«Четыре пламенных старухи...»

«Он бросает чашку на землю,

Как персидскую княжну...»

Хотела к Ахматовой везти книгу. Нет... мне торопиться некуда... Год-два... Ой, надо ей отвезти Мандельштама. Я так мало знаю по сравнению с ним, что могу сказать только, что «О поэзии» — очень интересно... Но очень субъективно, по-моему.

Ничего не пишу. Заботы ли или что, во всяком случае перерыв хорошо. Ан<то>кольский тоже хорошо. Остроумно Каверин. А мы с Борей все более и более отталкиваемся от «лапповства», от «комсомольства», — быть может, и без кавычек.

Я не знаю, хорошо ли это. Надо больше читать. «Развитие общественной мысли» Плеханова — не читается, кажется скучным почему-то.

Борис все еще не принимается за зачеты. Маме дали 35. Мало. Деньги предвидятся. Но жить нудно, все дорого, ничего нет, квартплату повышают, управдом идиот, статьи о Толстом в рабочих журналах примитивны до вульгарности. Я не понимаю, мне кажется, что празднование 100-летия Толстого носит какой-то смутный характер. (М<ихаил> Чумандрин: «тебе как типичному интеллигенту, конечно, смутно то, что настоящему пролетарию вполне ясно»... но Чум<андрин> — демагог.) Действительно, рабочему рядовому уяснить трудно, почему мы чествуем Толстого, параллельно нашей революции. Как мыслитель — он полярен Ленину. Но его память дорога нам как и мыслителя, а не только же как художника, отразившего социальную катастрофу большого класса. Толстой — деятель общественности. Но многие видят в его деятельности большее, чем барские капризы...

А ведь Толстой — глубина, в которую страшно и хорошо погрузиться. Вот, — умер человек, но как бы живой стоит до сих пор, ценный до мельчайшей мысли, до мелочей семейной жизни... Значит, не умер. И не умрет никогда. И многим будет радостно и страшно изучать его, как новые земли...

Смеем ли мы не желать этого себе? Смеем ли желать? Я не знаю, смею или нет, но я желаю этого. Чтоб над моими книгами, мыслями, над моим обликом — женщины, человека, творца — бились бы, изучали бы, радовались или горевали...

И при социализме, да. Это сознание — о коллективе, о мизерности личности, которое сейчас — хотят втолковать всякому, — я чувствую, что освобождаюсь от него. Хорошо, пусть с точки зрения комсомольской этики это не так, это отрывка или мещанство, но одно чувство, что я обязана думать по-комсомольски, — т. е. сознание обязанности думать именно так — есть уже протест против этой обязанности. А чорт, как путается человек, углубляясь во все эти чертовщинки!..

Я только не хочу быть снобом... Хуже всего.

Я знаю, что этот год я занималась бы так, как надо. Следует урегулировать вопрос с библиотеками. С платой. Зачеты обойдутся, вот только Борька... Ай, сука, как он злит меня своей обломовщиной! И бороться-то с ней прямо невозможно...

Ребенок ворочается. Что это стучит — неужели его сердце, так сильно... Мы ждем его, мы любим его с Борькой... Хорошо бы мальчишку... Ну и девочку ничего... Он пищать будет. Милый, милый, маленький... НАИП!

17/IX-28.

Страшно лицо болит.

20/IX — 28...

Написала письмо прислуге, хоть бы поскорее приезжала, а то прямо невозможно... Да еще эта сволочинка моя уважаемая сестра, — господи, какой у нее тяжелый, нехороший характер!..

Невралгия мучит, настроение тяжелое. Ощущаю тягость. Тягость... Хотя дела не так чтобы очень плохо. Договор на одну книжку заключила. Скоро и другой заключу. Нет, ту книжку надо подобрать как следует, все-таки уже она будет строк на 400...

Обещано к напечатанию — «Смена», «Резец», неизбежные «Ленинск<ие> искры», — надо П. Медведеву завтра позвонить.

Писать ничего не пишу. Обдумываю, как избежать статичности и лжемудрия в «Сезоне».

Борис мучит меня. Он ничего не предпринимает в отношении зачетов. Ведь его же исключат! Когда начинаешь говорить ему — он злится. Тут, по приезде отца, ему 2 вечера негде было заниматься. Вчера я устроила ему все. Он весь вечер читал — и — ничего не делал... Сегодня до 2-х часов читал. Потом поехали в город. Он говорил, что ему необходим Саянов. С<аянов> был в «Кр<асной> газ<ете>». Он, Левон<евский>, Гит<ович> и Саян<ов> — пошли к Саянову, они весело смеялись, обсуждали насчет завтрашнего собрания нашей группы, которую хотим создать.

Мне так хотелось РАВНОПРАВНО идти с ними, говорить и обсуждать, ведь я знаю не меньше их, и не глупее их, и — да, не менее их талантлива. Я знаю, что я талантлива, мне стыдно сказать об этом громко себе, но я хочу это сказать и знаю, что это так — зачем лже-скромничать?

Вот и завтра. Они соберутся, будут читать, говорить и спорить — а меня не будет, потому что я беременна, и все смотрят на мой живот, у них снисходительность ко мне какая-то, а я хочу быть такой же самоуверенной и свободной, как Борис.

А ему, наверно, немного стыдно за меня... Ну, конечно... И я чувствую, что действительно я оторвана и связана. Мне как-то не найти ПОЛНОГО товарищеского голоса с ребятами-сменовцами. Наверно, по причине моего тщеславия мне мнится, а может, это и на самом

деле (что всего вероятнее), снисходительность ребят ко мне... Наверно, я наивна, и стихи у меня хороши «для ее лет и пола»... Это причиняет мне досаду и неприятность. Но, может, этого и нет...

Я очень хочу сблизиться с Фаней Левитиной... Она умная, развита... (Если не она — Вера Кетлинская.) Я говорила с ней сегодня, жаловалась на Бориса. Говорила о желании работать в литстранице «Смены». Она дала мне тему для статьи — о формальной учебе, о необходимости поднятия общего культурного уровня молодых писателей... и вообще. (?) Я хочу отнестись к этой статье со всей серьезностью и вдумчивостью, на какую только способна. Я буду обдумывать ее тщательно. Я хочу избежать общих мест и фраз, заострить ее — полемичность необходима, я хочу, чтоб она всколыхнула кое-кого. Даже нарочно сделаю несколько крайностей, да, нарочно, чтобы отозвались задетые стороны — вроде Резвца. Только избегать лжемудрия. Ну, да там увидим... День-два уйдут на размышления и собирание материалов, потом примусь писать. Борьке не скажу. Разумеется, это не хорошо, надо было бы с ним посоветоваться, он со всем идет ко мне... А может, и посоветуюсь, еще не знаю. Но я хочу, чтоб никто, кроме меня и Ф<ани Левитиной>, ничего не знал — интересно, что будут говорить?..

Жажда деятельности — интересной, живой, газетной, охватывает меня. Да, в этот год пора перестать коптить небо и числиться в Комсомоле номинально. Моя задача <на> этот год — крепко зацепиться в «Смене». Стать одним из ее действенных сотрудников. Что, в самом деле? Пора браться за дело, если есть возможность. Разумеется, не превратиться в дифирамбиста и «оптимиста» или фельетониста-пошляка... Да, да, я хочу работать, я хочу столкновений, деятельности, ругни... Надо сказать Фаньке. Ой, как мне хочется хорошо сойтись с ней!.. Не так, как с Юлей, а как-то иначе... Все-таки Юля — это очень мало, хотя я люблю ее... Мне кажется, мне удастся сблизиться с Фаней...

Итак, я во что бы то ни стало хочу дебютировать удачно. (Божь, не было бы это вроде доклада по истмату или историографии: большие планы, большой размах — и... гора рождает мышь, да еще какую паршивенькую!..)

Я думаю, что с Фаней и Барилем можно интересно работать. Мне нравится Бариль (у него тяжелые глаза и какой-то внутренний жар, но это в скобках, в скобках, в скобках же!). Разумеется, я жду всяческих одергиваний (преимущественно идеологических) с их стороны.

Фаня сказала — Борис очень хороший поэт... Мне было приятно и, надо сознаться, все-таки завидно. Я хочу, чтоб так же говорили обо мне... Я думаю, что не заслуживаю этого еще, но хочу этого... Похвал, признанья... Да, да, хочу — пусть это нехорошо... Они впереди, я знаю, но еще впереди!.. И все-таки мне неприятно сознаться в этом. И все-таки это так. Ну, что ж?!

Но мне не нравится, как упивается похвалами Боря. Эта черта в нем — чрезмерное самомнение и самовознесение — претит мне... Во мне нет этого... Может быть, наоборот даже...

А легко превратиться в обывателя... А мне — рукой подать!.. И стихи, и знания не спасут. Общественная деятельность — вот путь... На котором, конечно, не оберешься обывателей и мещан. Нет, настоящая, добросовестная, самоотверженная деятельность, с каждодневной «самокритикой»... Боря лепетал вчера [сегод<ня>], как он меня любит, как мы будем хорошо жить, какая квартира у нас будет и моторная лодка в море... Мне смешно... Я не против эпикурейства... Но эпикурейство против меня... Нет, к чорту... Как можно больше людей, работы, горения. А то я чувствую, что способна продать за чечевичную похлебку.....

Борьки долго нет... Уже 8. Все-таки он очень нечуткий человек. Ну, нервен, — а я? Разве он не может считаться со мной больше, чем с собой, разве в 99 случаях я не делаю так. А мне придется все-таки быть меж 2 огней — предки и он... Да, придется.

У нас в доме трагикомическая борьба — я хочу переделать свою комнату на совершенно новый манер, за 18-ть лет успела она мне надоеть, хочу сделать такой резко отличный очаг ото всего дома, от характера нашей квартиры... Дедушка и бабушка неумолимо восстают против этого монолитными портретами на стенах нашей комнаты, в шелках и юбилейных обрамлениях, поддерживаемые упитанными пупсиками явно буржуазного происхождения.

Я хочу немедленно удалить дедушку, шелковую бабушку, пупсиков и Богородиц. Мама загробным тоном говорит о поругании предков, о бедном папе, который не выдержит вышеуказанного поругания, о моем черстве сердце и нарушении традиций...

А меня это ничуть не трогает... Боже мой!.. Скорее бы обосноваться, родить, урегулировать все... Эти заботы... нудные... нудные... Ой!..

Буду со своими стихами возиться. Переправлять, переписывать...

22/IX.

Борьки опять как долго нет... Говорил, что заниматься поехал. Врет, поди... Нет, конечно, это не исчезновение любви, но то, что я часто теперь раздражаюсь на него и злюсь, это верно... Мешок он какой-то... Хоть бы учился, ведь кажется, все удобства предоставлены!.. Так нет!.. Ой, господи, какая сволочь...

Перечитывала старые дневники. Какая я глупая была, маленькая... Смешно-то как....

Вспомнила о Ермолове... Где-то он, Сашка?.. Ну, да ну его...

Устала. Настоящая домохозяйка стала. На себя противно. Даже читать сейчас как-то не хочется. Дышать тяжело. Смутно. Зло на Бориса берет... Эх, связана, связана, ничего не скажешь.

23/IX-28.

Борька уехал опять. Станный человек: говорит — люблю, люблю, а на практике — какая-то бестолковщина. О деньгах ничего не думает. Ведь всего надо, а денег нет. Маме дали 40 руб<лей> — чувствую, что мало, она и сама говорит: «да уж ладно»... Она много денег потратила за эти месяцы — ну, а чем мы виноваты? Кажется, я во всем экономлю, скупая такая стала, потрачу иногда себе на фрукты — припишу к обеду, а совесть так и терзает — вот, расходы... О, господи, мерзость. Хорошо, что еще у меня характер не требовательный... А то идешь по Гостиному — так и разгораются бабьи глаза на изящные вещи, украшения... Так всего хочется... И ничего не можешь купить. Не люблю из-за этой жадности и зависти, поднимающейся иногда, ходить по Гостиному... Чорт с ним!.. На хрен...

А Борька беспечный какой-то. Только фантазирует... ну его! Крым обещает! Хм... Хвалилась синица море зажечы! Я, конечно, виду не показываю, ничего не говорю ему и вообще стараюсь, чтоб он не ощущал себя нехорошо, что сейчас не зарабатывает. Я не считаю его «обязанным содержать» меня, конечно, я очень мягка — в житейском смысле, по отношению к нему, конечно, это повредит, он привыкнет быть таким беспечным, а как ему резко скажешь что-нибудь, ведь все боишься обидеть. Жалко его, мальчишку черного и веселого... Может, ему тяжело и неприятно все это, а тут еще будешь наседать... И стараешься, чтоб он не чувствовал себя нехорошо. Он говорил недавно: «ведь мне тяжело, что ты опять в этом бо-

лоте, что я не смог тебя сразу вытащить»... Ну, ясно... Чувство своей, хотя бы и невольной виновности — нехорошее чувство. А он нервный, самолюбивый.....

(Я думаю, что в том, что я думаю о себе хорошо, когда пишу это о Боре, нет ничего гадкого, а если и есть — то наплевать. Это все я пишу совершенно искренно.)

Вчера я очень ясно ощущала свою связанность... Плакала, досадовала... На ребенка даже. Но я люблю его — чем же он-то виноват, маленький... Да, связана. Ясно, что родители мне помогают, я ясно это сознаю — разве мы бы так жили, если б были не с ними? Родительская помощь мне тягостна... Я бы не хотела ее. Я уходила «горденькая»... Я клялась себе лучше на панель идти, чем к ним...

А вот пришлось... Я даже иногда жалею себя, — вот как, мол, вышло. Да это глупо. Нехорошо. Подумаешь!.. Ладно, устроится... Пока все мирно идет. Отец доволен моим хозяйствованием и стряпней...

Только вот мне неприятно, что деньги все время я получаю, а не Борька, потому что они косятся на это, а мне неприятно за Борюшку. Я люблю его, хотя иногда ощущаю досаду от слишком частых нежностей и предвкушений будущей брачной жизни.

Заботы гнетут меня. Я редко веселая... Но все устроится, я верю... Только теперь потерпеть. Комнату устраиваем. Уютно будет...

Статью еще не начинала. Завтра вечером надо приняться. Материалов под рукой нет, а огульные замечания делать — что за смысл. Вот завтра постараюсь кое-что достать.

Тетя Саша говорит, что убили Эдуарда Пальмона. Мне как-то не верится, и даже от этого неверия не тягостно. Трудно.

24/IX.

Да, трудно представить, что Эдька, с которым я гуляла, глупый, красивый, Эдька, над которым я внутренне¹ издевалась, который целовал меня, — мертв. Мне жаль его больше сознанием, чем сердцем... Оттого, наверно, что трудно представить, что его нет. Послала письмо Люсе Г<ансмиidt?> в Глушино... Хочу узнать, что с Ерм<оловым> и правда ли — про Эдьку..

¹ Так в рукописи.

Сейчас примусь за статью. Что-то выйдет?.. Стихов не пишу, обдумываю «Сезон» и «Каторгу» и не хочу заболощины, подбираю слова, вывожу, что рифмы создают образ: битюг — утюг.. и т. д. Но покамест эта теория шатка, хотя облегчает.

Стихи статичны, когда описательны... Надо для «Каторги» перечесть некоторые страницы «Мертвого дома».

Надо бы о вещах для Маршака позаботиться. Все же надо пальто, платья и музыка...

Надо писать так:

А отец свободы дикой
 На парчевой лежит койке
 И играет кистенем,
 Чтоб копейка на попойке
 Покатилася рублем...

Надо слова тасовать, чтоб они выпирали.

Я боюсь, что в «Сезоне» словам будем тесно от собственной пышности и они повиснут в воздухе...

Уж вы тени, тени те,
 Уж куда вы тянете?..

Хорошо! Где б еще раз Хлебникова достать...

26/IX.

В «Звезду» опять ничего не взяли... Как это унижительно, в сущности, отчего же, отчего, неужели у Гитовича или у задрипанного Маркова — лучше?.. Ведь, кажется, нет.... Это обескураживает и угнетает меня. И мне стыдно.

Еще меня гнетет задолженность маме... В сущности, мы должны не много, но у мамы выходит уйма денег. И она считает, что мы должны разделять это (?) Странно. Неудобно и неприятно.

В квартире холодно. От окон дует. Осень неяркая, склизкая. Зима будет трудная. Для всех.

Читаю Шкловского о 19–20 гг. По сравнению с ними сейчас у нас реакция. Море пошлости и казенщины. Уже создаются устои но-

вого мещанства. Борис говорит, что писателей исключат из профсоюза. Дом Печати будет оправдан бардаком — иначе писательским рестораном. Скучно...

Статья набросана и довольно обща. Надо нынче проработать и углубить. Все-таки я недостаточно умна, чтобы избежать повторений чужих мыслей. Я это знаю. Статья «умна» внешне. И, может быть, для других, но не для меня самой...

«Тяжелая лира» Ходасевича мне нравится, но делать замечания о его «пушкинизме» не считаю себя способной. Это только суррогат пушкинизма, приятный в наши дни. По-моему — пушкинизм внешний ничем не оправдан вполне и должен выявиться как-то совсем иначе, быть может, не ямбами и менее всего архаизмами. Вот у Хлебникова — почти «то». Почти — потому, что я не в силах осознать сознательно связи его и Пушкина, делающей Пушкина совершенно современным и потому для меня — «почти», еще.

Но звуки правдивее смысла,
И слово сильнее всего...

Правда это...

И музыка, музыка, музыка
Вплетается в слово мое,
И узкое, узкое, узкое
Пронзает меня лезвие...

А лучше всего мне «подходит» это стихотворение:

Друзья, друзья! Быть может, скоро...

...И, повинуюсь только звуку
Души, запевшей, как смычок,
Я протяну внезапно руку,
И затрепещет в ней цветок.
И я узнаю, я открою
Цветочный мир, цветочный путь...
О, если бы и вы со мною
Могли туда перешагнуть!..

Как сладко и трепетно жить в таком ожидании...

Друзья, друзья! Быть может, скоро...

О, быть может, скоро... Нет, не скоро...

Простой душе невыносим
Дар тайнослышанья тяжелый...

Я хочу устроить у себя подобие «салона» или, по крайней мере, какого-то очага, где можно чувствовать себя непринужденно и хорошо. Не только потому, что хочу «будить повсюду обожанье», а ради самого его... Чтобы было весело, уютно, тепло и умно.

Надо создавать какой-то круг; если не «Арзамас» и не салон, то... нет, боже упаси, не группу, а... товарищество, что ли. Быть «душой» этого товарищества... честолюбнице (!)... Нет, «не для похвал» — для интересу.

И хочу новых людей. Не «мущин», как мог бы хамить мой муж, а людей... «Мущины» — что ж?.. Я не очень люблю их... сейчас.

Да, над «салонном» следует подумать... Помешает ли ему маленький?.. Буду работать: Маршаку, статья и «Каторга». Надо узнать, как вилась и шла Владимирка, и почитать разбойничьих песен.

28/IX.

Пишу для Маршака. Кажется, ничего выходит. Статью отдала. Статья «ничего». И только.

Хотела к Фане в воскресенье ехать, да и Борька увязался, а мне хотелось ехать одной и поговорить с ней. Пока ничего не пишу...

Думаю о ребенке, который скоро будет... О, как я люблю его. Как люблю... Как он будет сучить ручками и ножками, — красными, маленькими, беспомощными... Как будет купаться, сосать, кричать... Ведь мой, мой! Вчера, когда думала о нем и представляла себе его, — почувствовала себя счастливой... Родной мой, любимый, маленький... Скорее бы приходил он... Пусик мой...

1 октября.

Ольга.¹

Статью Фаня нашла «очень хорошей». Только надо разработать центр — об учебе как таковой, зачем она, ну, в общем подробнее. Ладно. Понимаю. Только статья, конечно, даже не «хорошая». А так себе. Написано литературно. Дала книгу на рецензию — «Искатели мозолей». Надо приниматься за чтение, да неохота как-то. И мало я смыслю в детских книгах. Маршаку с Борькой отослала «Голубей». Для детей надо писать бескорыстно и с чистым сердцем. Я не совсем так писала. Конечно, трудилась мало.

Борька написал хорошее стихотворение. Динамики много, вот что у него хорошо. Динамика не только от сбитого пастернаковского синтаксиса, но и внутренняя. Мне бы обрести динамичность. Но динамичность пушкинского толка. Боюсь приниматься за «Сезон» и «Каторгу» — надо оттолкнуться от предыдущего. Безделушки вроде «Сна» и «Разлуки» — просто повторение пройденного, также (почти) «Охотник».

Мы больше не увидимся,
 Прощай, — улыбнись!
 Скажи, не в обиде ж ты
 На быстрые дни?
 Прошли, прошли не мимо ли,
 Как сквозняки по комнате,
 Как тростниковый стон.
 Не вспомнишь, как любимую,
 — Не вспомни, как знакомую,
 А вспомни, как сон.
 — Мои шальные песенки,
 Да косы на ветру;
 К сеновалу лесенку,
 Дрожь поутру...

Получила из Глушина письмо от Люси Гансмиidt. То, что меня интересовало: Ермолов там. Пьянствует... Меня и обрадовало, и печалило это. Т. е. что он пьянствует, — конечно, нет. Но если б все было

¹ Помета рукой О. Ф. Берггольц в правом верхнем углу.

благополучно, было бы скучнее. А что мне в нем, Господи? Написать — не написать... Написать... А может, еще и страницу послать?.. Нет! Чорт с ним!.. Пусть живет с Верой. Брр... гадость какая. Вера делала аборт. От него? Тяжелая жизнь. У них. Нехорошо. А может, хорошо?.. Конечно, не вспоминает, не тоскует, и обольщаться нечего... Напишу! Напишу!.. Не знаю...

«Любовь Жанны Ней» — увлекательно, но плохо... Не то, не то. Многословно. Полярно. Халыбьев, Р. Ней — полюсы, а не люди. Я люблю Борьку. Хотя он мне иногда надоедает. Любовь будет.

Я страшно толстая и неуклюжая. Теперь скоро....

Ну, принимаюсь за «Искателей мозолей».

3/Х.

Почему-то прямо потребностью стало черкнуть несколько строчек сюда, прежде чем приняться за что-либо иное.

Статью надо к завтраму кончить. «Искатели мозолей» действительно великолепная книга. Рецензию о ней хочу сделать проблематичной. Поэтому надо «Ленинские искры» прочитать. Конечно, с работой пионеров знакома недостаточно да и с детской литературой тоже, поэтому меня коробит, что буду говорить о них, но буду говорить осторожно, насколько знаю, чтоб впросак не попасть. Думаю, что выйдет неплохо. И в «Смену», и в «Вечерку» бы! Ах! Вот кабы в «Вечерку» — хорошо было бы. Только иными словами надо, чтоб не было похоже. Шкурничество! Да маме много должны.

То, что в книгу «Искатели мозолей» вошло мое четверостишие, — меня обрадовало, как привет... Скоро, думаю, напишу хорошие стихи. Только не надо бояться Борьки, его «заедания». Не пишу — потому что обдумываю форму и словарь... Я не хочу ямбом «Каторгу»...

Стихи Гитовича пошли по трафарету. Он задерживается на этом этапе. Я уже знаю, как «так сделать». Уже невесело. «Каторга» должна быть трудной. Принимаюсь за работу.

4/Х.

Как тягостно... Все время в уборную бегаю, ломит грудь, низ живота, поясницу... Настроение тяжелое, и сама не знаю отчего. Стихи не пишутся. Никакие. Надоели. Голова горячая. Не захворать бы...

Борька все время лезет с поцелуями, — мне пресно. Должны много. На дворе слякоть... Ох, как нехорошо. Скорее бы родить ребеночка, приделать дверь и сидеть с ним в теплой уютной комнате, мирной, радостной, подготавливаться к зачетам, знать, что нет долгов ни в И<нституте> И<стории> И<искусств>, ни маме, никуда. Тяжело жить. Вечное беганье по редакциям, просьбы, чтоб напечатали...

А Борька-то из И<нститута> И<стории> И<искусств>, пожалуй, вылетит — все равно, не готовится, ничего... Эх! Отцвевает всегда прежде, чем расцветет... Глуп еще... Построже бы надо с ним... Я люблю его. Неужели по-домашнему? Не знаю... Сейчас у меня много забот. Но я люблю его много... Зайка черный, глупый... Когда ты поумнеешь?..

7/Х.

Ведь вот, надо бы статью об «Искателях мозолей» писать, а хочется писать здесь. Пожалуй, Кутелю не успею ее же написать, а надо бы. Ну, завтра рано встану.

Мне почти что нравится мой «Амундсен». Но не то. Суховато. Литературно, вот в чем беда. И корыстные побуждения были, когда писала. Хорошо бы в «Вечерку» и в «Ю<ный> п<ролетарий>» взяли...

И тебя караулит полюс,
Неподвижная часть земли...

Нет, пожалуй, это неплохо, и ритм хороший. Или — «окружает»?..

Может, завтра рожать. Я не боюсь, но вдруг что случится? Ведь может же, хотя я в это не верю. Но на всякий случай... — Борька, я тебя очень люблю, очень, много, мне всегда хотелось тебя еще больше любить, хотелось еще большей духовной близости, даже больше той, которая у нас была.

Нет, глупо так писать! Сентименты! Ничего со мной не случится, страшно говорить о себе в прошедшем времени!

Борька писать поэму хочет. Но то — что он пишет — плохо. Он сильно в литературщине закрутился, в пафосе. Не то. Голос сорвет, высоко слишком берет и начинает фальшивить. Надо проще...

Я «Каторгу» и «Сезон» еще не начинала. Но они обязательно будут.

И все-таки буду подбирать книгу!

Ну, примусь за статью. Эх, нехорошо, детских-то книг и в глаза не видала, последних, а пишу со слов Бермана и по наитию. Конечно, правду, но сама-то не убедилась.

8/X.

Ух! Статью кончила. Кажется, не без бойкости. Примусь теперь за дочитывание Достоевского и Бакунина. Я читаю «Мертвый дом» и делаю выписки для стихотворения «Каторга». Хорошо это или плохо? Надо только искусственно написать. Ведь тема жгучая. Ахматова права, не надо перегружать стихотворение «лысынами бессилья», а то их не будет друг из-за друга видно. Я люблю ее стихи и сама люблю писать такие, как «Полынь», «Охотнику», потому что в них дышится... Недоговоренность их — это хорошо.

Борька написал «Предводители полков» — мне не нравится. Гора родила мышь. В сущности — это приелось — предводитель стихов, к тому же и звучит плохо. Ему еще не совладать с собственной интонацией. Ложный пафос. Ему неприятно, что я «раскритиковала», он стал говорить, что я говорю глупости, но все-таки девочка хорошая, а мне это не нравится, ну, что за гадость? Я не так уж глупа. Правда, мелькает мысль, — а вдруг я чушь говорю?.. Нет, пожалуй, не чушь...

Со мной ничего не случилось, хотя ребеночек очень возится, а поясница болит. Нынче видала во сне себя и ребенка, мальчишку, беленького, голубоглазого, будто он целовал меня, а я была золото-волосая, тонкая и хорошенькая. Мне так хочется, чтоб он поскорее пришел, милый, мой милый, родной мой... Как я люблю его...

Все ушли сегодня вечером, я сидела, пела «Колыбельную» Лермонтова, и так хорошо было.... Как это Лермонтов сумел уловить главное? Ведь, верно, так и будет:

Буду я тоской томиться,
Безутешно ждать....

Как трогательно и нежно звучит:

Я седельце боевое
Шелком разошью...

Будто не будет этот шелк измят и изорван в бою. Да, я — мать. Я чувствую это более, нежели — «жена». Я с некоторой боязнью думаю о половой жизни после родов. Ведь так давно ничего не было. Вдруг больно будет, или нехорошо, или неприятно-сознательна буду я в те минуты. Борис очень ждет. Я — без особого нетерпения. Не знаю почему. Но о ночах наших думаю... Не знаю, что будет...

Ах, если б он получил в среду, и рублей 30 дать бы маме! Вот-то хорошо было бы. А там, глядишь, я получу — статьи, стихи...

Надо сейчас несколько штук переписать... завтра разошлю с Борькой. Он не занимается. Хоть бы в «Ю<ный> п<ролетарий>» сел на литер<атурную> работу. Ведь смог бы быть полезным и хорошо получал бы.

Мне так хочется, чтоб он увлекся работой и учебой. Увлечение стихами — не в счет. Ведь это никуда не стоит, что он не может сказать ничего большего, как — предводитель полков — предводитель стихов. Как и я — «пока под камни мостовой». Но и пыжиться — нельзя. Надо умнее быть... Ну, примусь за работу.

10/X.

Работала вчера все время — переписывала стишки старые для сборничка «Лен<инских> искр». Смешные стишки. А меня за них тогда хвалили, и я думала, что они — настоящие. Тоже будет, наверно, и с этими стихами...

Борька переделал «Предводителя стихов» в «Начало культуры». Это значительно лучше, хотя громоздко слишком. И отшлифовка требуется.

Сяду читать Достоевского и потом писать «Каторгу» и «Сезон». А денег он не получил опять... Эх... Скука...

11/X.

Написала «Каторгу» и «Сезон». Борька как-то нехорошо отнесся. Холодно. Стал поддразнивать, что в «Каторге» много с него слизано — «покуда» да «эпилептик», начало, — в общем, самодовольничал страшно. Что ж, может, это и так, «покуда» — специфично, это верно, и некоторые обороты тоже. Ой, как это гадко и нехорошо, как мне неприятно от этого, — брр... отложу их — потом переправлю...

У Борьки отношение ко мне (в смысле стихов) — плохое, не сердечное. Вероятно, в тайне подсмеивается. Я же страшно щепетильна и самолюбива насчет своих стихов. И люблю их, и ненавижу... И стыдно за них. И в себя не верится!..

Маме много должны... Из-за этого очень тяжелое настроение..... Борька как приехал — ни разу еще денег не достал, — уже больше 2 месяцев. А что бы стали делать, если б жили одни? Подумать страшно... Эх... муда...

Скучно, скучно... Стихи плохие. Борька слишком занят своими стихами — до моих ему нет сердечного дела. Господи, неужели то, что пишу, — так уж плохо и не по-настоящему? Неужели нет во мне музыки, огня — ничего нет, и глупо, и сентиментально я все это пишу. Не так надо писать... Это не спорт, не упражнение. Стихами должно дышать... Мне тяжело, что Борька как-то безразлично хвалит. Не этого нужно... Мне не охота его целовать ничуть, оттого что относится как к маленькой девочке, сюсюкает, ласкает, а мне это скучно и вроде как бы надоело. Я люблю его, но мне скучно. Мне тяжело...

Нехорошо. Толком что-то ничего не скажешь. Жизнь у меня сейчас не такая. Свежего ветра нет....

26 октября.

Покамест Ирунька не проснулась, хоть несколько строк черкну. Ирунька — это моя дочка. Родила я ее 13/X. Утром (это была пятница) в бане была, приняла ванну, а в час ночи легла в постель, и вдруг внутри словно что-то лопнуло, и теплая вода хлынула из меня. Я поняла, что это наступают роды... Меня бросило в жар и сразу затрясло. Мне стало страшно. Изменившимся голосом я сказала Борьке. «Боря, началось!» Он бросился ко мне, стал успокаивать, и тоже его трясло.

Потом прибежала мама, пришел отец, осмотрел, сказал, что рожать не скоро, но я думала, что лучше уж идти в больницу, да и схватки начались.

Пошли в больницу — я, мать, Борис. Там меня выбрили, вымыли, положили на стол. Настроение у меня было какое-то торопливое, напряженное, но я уже не волновалась. Схватки были все сильнее, я лежала на столе, кряхтя и переворачиваясь при тянущих болях со спины на живот. Я мокла, воды все шли. Иногда между схватками я забывалась, уже светлело, как-то быстро шло время,

как-то спутанно, большими интервалами. Я не помню, о чем я думала, но не было никакого особенного чувства или торжественных мыслей, была боль и нежелание ее. Под утро боли стали сильнее, и я уже стонала. Акушерки не обращали на меня внимания, я вспоминала Левина и старалась осознать свое состояние.

Сильные боли стали часов с 10–11. Рядом на другом столе лежала хорошенькая женщина, ее звали Фрося, и уже рожала. У нее были потуги. Ребенок, вывалившийся из нее, был синий, хриплый. После ее родов я начала громко кричать. Крик сам вылетал, мне теперь при желании не закричать так...

Я металась, мне было все больнее, уже не было передышки между схватками, тянуло живот уже сверху. Потуги настали сразу и сильные. Ох!

Уже теперь я вижу себя, как чужую, и не помню боли, но знаю, что потуги — страшная штука.

С отчаяньем, с отчаянной решимостью я тужилась, я чувствовала, как рвалось тело, словно ножом, я уж не кричала, а как-то рычала, одно было, чтобы скорее, скорее прекратилась боль... Потом мне зажали нос, я громко дышала, чувствуя, как тянет из меня ребенка акушерка. И вдруг сразу полегло, живот опустился, и у ног забилося, зацарапалось что-то мокрое, живое, кричащее. Оно сырыми ручками хватало тело, и акушерка сказала — «дочь». Ее поднесли, она была синеватая, мокрая и уродливая. Необычайное облегчение шло по телу. Когда вышло место — уже не верилось, что все, все кончилось, казалось — вот сейчас опять, опять станет рвать и резать тело, и с минуты на минуту ждала этого.

Неделя в больнице прошла быстро. Чувствовалось, как радуются за ее стенами близкие. Борька бегал счастливый и влюбленный. Девчушка не была уродливой, а даже хорошенькой. Ее лицо мерещилось мне во все время, пока ее не было со мной, как мерещатся летом грибы и ягоды. Я иногда захлебывалась внутренним восторгом, глядя на нее. Сначала она долго не открывала глазки, не брала грудь... Потом я жила от кормления до кормления. Я думала, что могла сделать аборт, и при мысли о том, что Ируньки у меня не будет, сжималась от страха... Меня навещали, поздравляли, радостные. Я по-бабьи говорила с бабенками-родихами, откровенничая и выкладывая свою семейную подноготную, как и они. Это были жены мастеровых, неразвитые и глуповатые женщины от 19 до 24 лет. Я простилась пе-

ред ними, и это мне было неприятно, желание стереть границы между нами.

Я читала «Идиота», «Восстание ангелов», «Современники». Об «Идиоте» подробно — позднее... Но на фоне моего счастья он был еще рельефнее...

Дома я уже почти неделю. Ирка — толстячок почти в 10 фунтов, похожа на Борьку и на меня, беленькая... Ее все сразу полюбили у нас. Мать много хлопочет около меня, отец приносит все нужные присыпки, мази и т. д. Я прихворнула да и сейчас не вполне хорошо себя чувствую. Мама устает, у меня сердце ноет, на нее глядя. Хорошо еще, что Ирка довольно спокойна, первое время совсем прелесть была, а вот теперь как будто стала к рукам привыкать, ой нехорошо!. Ну да у нее грудка болит немного и попка подопрела, я успокаиваю себя, это «пока». Кроме <Далее обрыв текста.>

27/X.

Господи! А на полгода-то я засяду!.. Сколько возни с ней, с Иркой, меня это даже злить начинает. Люблю-то я ее очень, и, ну, как не возьмешь на руки, когда так жалобно пищит. Вот животишко уже давно не действовал, и это меня тревожит очень... Я не верила, а теперь сама чувствую, как это много значит. Ох! Хоть бы в 5 часов подействовал ее желудочек, прямо страх как это меня беспокоит.. Вот грудка болит, попка... К рукам привыкает... Соску надо купить, а то намучишься... Да, трудно...

Борька получит в понед<ельник> или вторник мои деньги в Литор<ганизации>, отдадим маме... Хоть вздохну маленько...

Ирка беспокоится... Я нервничаю, что ли. Нет, просто капризничает. Мама «придуравничает». Устает. Жаль мне ее... Нет, если Борька сядет на работу, то придется особую няньку брать. Борька говорит, что его «устраивают» в «Кр<асную> газ<ету>». Он злит меня своей бездеятельностью. Отец семейства, а ничего не думает. Он пишет сейчас прозу, удачно, по-моему, конечно, Поль Моран, Каверин, язык насыщен, местами вычурен и манерен, поэт чувствуетея. Но ведь я по прозе не такой уж мастак и руковожусь только наличным вкусом; конечно, покамест насыщен только язык, и его насыщение идет за счет... нет, не за счет, а просто эмоциональная и «смысловая» насыщенность еще не велика. «Зебоде» — конечно, интересно.

Типы, по крайней мере, не казенны; жизненность... ну, условна. Никто не может уверять, что Аглая — «жизненна»... В нашу эпоху нужны собирательные типы. Нет, решительно у него с прозой дело выйдет... (Ирка пищит!)

Когда я буду писать прозу... Я мечтаю о другой прозе, я хочу пушкинского кларизма, гоголевской взволнованности, лесковского орнамента. Я хочу простого, важного рассказа, понятного и волнующего. Для этого нужно многое-многое и что-то большее простой образovanности, что-то лежащее вне литературы, а может быть, и вне меня... Толчок, удар, подобный удару кремня об огниво...

Борис читает мне все, что ни напишет, отрывками. (Я бы не могла так... Я бы изнывала и трудилась одна, а потом бы отдала прочесть и стыдилась бы спрашивать, хорошо это или нет... Решительности во мне мало, вот что!..) Иногда мне этого неохота — просто не о том думается, но я никогда не отказываю, мне мило и дорого и умиляет его увлечение работой, я понимаю его желание скорее услышать что-нибудь о написанном. А вот почему мне дорого и мило?.. Оттого, что муж?.. Нет, кажется, не оттого... Объяснить, пожалуй, не сумею... Ну, пойду, поем да черкну Алтаузену (ой, ненавижу переписывать свои стихи!), Ермилову, да Ирка скоро заорет, кормить надо... Ой, Иркин животик... Это мое горе и счастье!..

Борьку я люблю не меньше чем раньше, но иногда мне просто не до него. Сегодня прижалась к нему и почувствовала его, как на Бассейной, когда прибегала утром с мороза, с двумя антоновками, нагибалась и целовала его, и потом... Иногда я при воспоминании морщусь — брр... но знаю, что было хорошо. Борька мой глупый... Тяжело только мне будет.. А эту зиму так хотелось бы провести горячо и нежно. И весело.

28/X.

Попка у Ируньки подживает... Вот животик не нравится мне, как действует. Хотелось бы большей регулярности и лучшего качества... А какая девчонка прелестная выравнивается. На меня, пожалуй, похожа... И на Борьку... Зевает точь-в-точь как Борька... Радость моя... Пупсик...

Борька пишет роман, пока идет неплохо, не знаю, как будет в целом...

29/X.

И дела по горло, и делать неохота. Белье надо сложить, наволоки зашить, Ирке подгузники выстирать, а охота почитать Жироду... Мне он нравится...

Написала Ерм<илову> письмо — посылать или нет?.. А пошлю, чорт с ним... Я все спрашиваю — зачем, зачем, неужели самолюбия нет?.. Но все это — ложное, и самолюбие, и гордость. Конечно, наивно — думать, что его обрадует мое письмо, что у них глухо, темно, тяжело. Надо бы, чтоб не так — борьба, революция — и пр<очее>, но мне мерещится, словно леонид-андреевский рассказ, — глушь и тягость. Может быть, и обрадует.

Ирунька зеленым сходила... Господи! Как сердце болит... Ну, могла ли я раньше думать, что этакие пустяки так тревожить и волновать будут... Люблю ее очень и, как говорят, жалею... Маленькая моя, беззащитная ведь, как она кричит, когда кушать хочет... Наверное, застудили животик ей... Сегодня купать будем. Редко купаем, надо бы почаще... Ну, вот, совсем оправится, тогда. Неужели я ее перекармливаю?!...

30/X.

Вчера Борис с удовольствием (да, да, с удовольствием!!) передал мне, что Сенька Мих. сказал ему: «Ты скажи ей, чтоб она перестала стихи писать»...

Я, наверно, такой человек, что любой отзыв способен привести меня в уныние, особенно же отзыв насмешливый... И вот не могу забыть этих глупых слов... Господи!.. Почему в меня не верят, почему я сама так неровно верю в себя?.. Вот, со дня рождения Иринки я написала 2 маленьких стиха. Они ничего, легко дышатся... Но на уме ничего нет, а мне хочется «испытать судьбу», написать что-нибудь поскорее, чтоб увидеть, лучше или хуже стало. Но у меня сейчас нет в сердце никакого замысла, никаких слов, чтоб, слушая все эти недоверчивые речушки, с радостью думать о своей тайне, вынашивая ее и замирая, беззлобно думать обо всех насмехающихся:

— Друзья, друзья!.. Быть может, скоро!..

Но чего-нибудь определенного — нет. Так, какие-то общие смутные образы о сладости и невозможности воплотить окружающее... Томительно угадывать радость и тайну в окружающем... Но я говорю сейчас — наверно — сентиментальными словами, и Борис посмеялся бы над ними... Ну, зачем, зачем я боюсь, что посмеются? Это, наверно, отсутствие настоящей гордости... Как трудно... «Идиот» этого не боялся...

(Ирунька спит, чуть всхрапывает. Радость моя... Неужели из-за того, что я люблю ее, уж все кончилось? Неужели хорошая мать несовместима с хорошим поэтом?..

Нет, это чушь. Ведь Ахматова, имея ребенка, не перестала быть хорошим поэтом... Нет, я талантливая, я сумею создать что-нибудь цельное и гармоническое...)

Вот, читала «Отца Сергия»... Когда он был недоволен собой, стремясь к совершенству, это и было настоящее... Когда он делал добро, будучи старцем, то это было не настоящее добро, надо его делать, не думая о нем, не замечая его и не осознавая его в людях, которым его делаешь.

Так же, по-моему, и работа в Комсомоле... Она не должна как-то осознаваться, а вот, войти в кровь и плоть. У меня же этого еще не было, и Комсомол стоял вне меня... А сейчас полоса охлаждения... Т. е. нет, я очень хотела бы работать, но именно так, чтобы не противопоставляться работе... А этого пока нельзя. Одно утешение, что время еще не ушло... (Ирка пыхтит что-то... Хоть бы проспала часов до 9; а то вытащила лапку, пожалуй, проснется рано...)

Ну, скоро с мамой почти подчистую расплатимся... Побольше бы денег, можно было бы справиться себе все — платье, юбку, блузочку и боты... Я похорошела, фигурка довольно приличная, вот только противные синие жилки на бедрах!.. Борька все боится «измен»... Я же не думаю о флирте... Мне просто хочется «будить повсюду обожанье»...

2 ноября 1928 г. — 5/XI.

Ируня прямо прелесть какая — беленькая, пухленькая, какие она гримаски делает прелестные... Но ее попка, попочка моя, скорее бы она подживала... Я не буду спокойна, пока не заживет эта ранка... И сейчас сердце болит, она лежит мокрая, а пеленать ее, будить, жалко, она спит, пригрелась. Ну, проснется, смажу всю вазелином...

Нет, мне незачем сознавать себя несчастной, как я пыталась это сделать... Да, много возни, спина болит, когда ее качаешь, никуда не уйдешь, — и на дансинг завтра не уйдешь, на всю ночь, где будет весело, и — (главное) на лекции пока не пойдешь, запускаю, но зато у меня есть Ирка, которая будет меня любить, она скоро уж будет узнавать меня, моя киска, — а все — впереди еще, все никуда не уйдет, даже если год пропущу, и то не уйдет...

Сегодня и третьего дня между мной и Борькой были глупейшие сцены, где, конечно, был виноват он. Сущность их ничтожна... Ничего принципиального — вздор... Но Борис ведет себя мерзко, награждая меня такими словами, вроде как — сука, сволочь... Я не понимаю, отчего я так легко отнеслась к этому. Разумеется, мне это тяжело, неприятно и оскорбительно... Как вспомню — прямо отвращение берет... Но потом, когда стал «просить прощения», от неприязни, неохоты разводить сентиментальную волокиту — «простила» его... Он — как бешеный иногда хватает, стискивает. Меня охватывает нежность к его милым глазам и длинным ресницам... Я целую его... Оттого, что так любит, даже некоторое самодовольство чувствуется... Я люблю его. Наверно, спокойнее... Что делать — житейские заботы... Я люблю его «сплошь» и не тревожно. Вероятно — законно... Но, может быть, я клеветчу на себя, желая сказать самое правдивое, откопать сокровенное, а может быть, это и не так. Я не знаю, как. Я послала письмо Ерм<олову>. Как это бесцельно. Мне больше никого же не надо. Но почему? Неужели Борис — уже все?.. Я читаю Морана. Как сходятся досужие мужчины и женщины и что из этого получается. Борис не допускает мысли о том, что можно думать — мне — о других. Но так много других, и все они разные, и каждый сам по себе, и каждого можно полюбить — и любить. При этой мысли жутко и... радостно. Прочитав это, Борис не поймет и может уйти. Неужели он так меня любит и будет любить все время?.. Нет, по-моему, этого не может быть...

Я не знаю, чего мне надо. У меня определенная жизнь. Ребенок, муж, работа (учеба и творчество...). Бок о бок с моею — другие жизни... Почему, не успев насытиться этой жизнью, я хочу других и разных? Откуда это? Почему — разве я не удовлетворена... Нет, всего не запишешь, что бессловесно.

9/XI.

Теперь никогда не успеваю дописать до конца. То запишет Ирка, то Борис придет. Я многого не успеваю. Ирка привыкла к рукам. Желудочек у нее плохо работает. Как я живу?.. Недосыпая и злясь. На Бориса — за частые омерзительные стычки, за ... (да, да, — горько) за ежеминутные ласки и поцелуи. Что это? Я стала раздражительнее и неужели трезвее? Ни разу еще, когда ласкал, не почувствовала «того»; а мысли были какие-то посторонние, не давали забыться и ощущать только его ласки. Мне тяжело это, я не хочу так, не хочу следить за собой. Ведь, скажи — это не оттого же, что разлюбила, что стала «женой»? Нет, нет, не надо оглядываться, погодить... О самой себе трудно говорить себе же. Или недоговоришь, или переговоришь. Может быть, лучше договаривать; я всегда договариваю. Говорят о «душе женщины», о ее «тайнах», «глубине» и т. д. Я пишу все. Я никогда не сожгу этих тетрадок. Через много лет оглянусь на них спокойно и рассудительно, «критически» — как на чужую. Наверно, будет смешно, или чуть-чуть, или много. Литературный дневник, видимо, не удастся. Оттого, по правде, что я еще не вхожу в настоящую писательскую среду, наша же среда, от нее я оторвалась, я не знаю даже, существует ли «Смена»; 4х-летия ее не справляли. Смешно... Сплетни же, которые приносит извне Борис, они имеют переходящий интерес, они — (это интересно) пессимистичны, они говорят о «правоте» писательской среды...

Мне скучно. Я хочу деятельности. Некоторое однообразие входит в мою сегодняшнюю жизнь, или, вернее, жизнь в однообразие. Я решаю временно покоряться. Я говорю, убеждая себя, и мне это удается — «год, год, обстоятельства», к тому же я очень люблю Ирку... Энергия прежде всего... Но как я буду оставлять Ирку? Эта мысль убивает меня.

Матери дам 60 р.<ублей>. Моя книжка съедена, Борис денег не получал. Лично у меня никогда на руках нет денег, всегда приходится спрашивать у Борьки, это меня злит, и этому надо положить конец. В четверг сама получу за страницу.

Гадко — вроде как бы не доверяю. Да что в самом деле?.. У Борьки сейчас есть кое-какая мелочь, у меня на руках — ни гроша. Его ласковые уверения насчет этого — просто глупы. Нехорошо, что наши доходы под надзором предков. Хоть бы за рассказ получил. И надо окончательно договориться, сколько мы платим родителям.

Если... Еда — 50 р<ублей> 50 <рублей ?>
 Прислуга — 6 р<ублей> 7 <рублей ?>
 Стирка, вода, электр<ичество> — 4 <рубля> 2 <рубля ?>
 Дрова — 7 р<ублей> 5 <рублей ?>
Остальное — 3 р<убля>
 Итого — 65–70 р<ублей>

По-моему, — 70 р<ублей>, этого вполне достаточно. Не знаю, как покажется маме... Да, 70 р<ублей> — вполне приличная цифра. Ведь стирка вместе с прислужгой... Больше как на 50 р<ублей> мы с Борькой не наедем.

Нет, можно почти убавить... Плюс — 7 р<ублей> квартира. Ну, скажем — 80 р<ублей>. Если мы с Борькой выработаем руб<лей> 120, то нам хватает... Но наш заработок непостоянен!. Источник доходов — «Лен<инские> искры». Только бы изобретательности! Но ее у меня... мало!. Однако попробую написать бытового рассказ, детектив — и неск<олько> районных очерков... Время — деньги. Времени у меня мало...

Ничего не пишу, кроме маленьких, может быть, безразличных стихов... Но стихи настоящие — будут. Мучусь — что «Каторга» вяло. Переделать бы...

Даже не знаю, что делать сейчас... Подсчитаю расходы, да книги бы надо разобрать, чтоб приняться за Лескова, Писемского, К. Гамсуна и др. Хорошо, если б в «Смене» завтра напечатали... Статья о форм<альной> учебе еще не напечатана. Фаня больна.

13/XI.

«То, се». Писать некогда, хотя читаю с интересом «Письма» Гюголя. Потом примусь за «Одиссею» и «Белые ночи». Так сказать, восполняю пробелы. Пожалуй, подурнела. Ирка становится капризной, по ночам гудит и коверзится. Желудочек у нее поправился, теперь только бы поджила ранка в попке. Иркина ранка заслоняет предо мной мир, разрастаясь до небывалых размеров... Я буду счастлива, если она пройдет в ближайшие сроки.

Получила от Ермолова письмо, деловитое, похожее на отчет о работе... Милый!.. Нет, почему это плохо, что у меня к нему теплое, бережливое чувство, похожее на странную любовь, — но не любовь, нет... «Измена мужу», какая пошлость, где ж тут измена, Борька

привык просто говорить и подозревать всякую гадость, господи, как мне надоели его пошлости на мой счет, когда им конец. Я говорила, возмущаясь, что, что Я нашла хорошего в ординарном, сером, вероятно, недалекоем избаче? Почему мне не хочется терять его из виду, почему он интересуется меня? Это задавательство. Наверно, из-за глупого, мелочного раздражения, «что не влюбился», из-за моей недалекости бабьей... из-за этого самого бабьего тщеславия... Не может быть, что я делаю все для того, чтоб узнать — любил ли, любил ли хоть немного. Не может быть, чтобы любила его, потому что отчетливо знаю, что люблю Бориса. А он, поди, увидал, что мне пришло письмо от Ерм<олова>, и увидал, как я его скомкала, потому-то и уехал такой злой и омерзительный, и до сих пор его нет... Когда придет, надо приласкать его понежнее, все-таки чувствую себя виноватой (почему, отчего, вот гадость-то?!). На ласку я стала скупа, ласка, когда частая, — преснеет...

Ерм<олов> пишет — поздравляю тебя с семьей, это не глупость, это счастье... Ага!.. Счастье!.. Я злорадствовала: и ты мог бы быть счастлив... Разумеется — со мной... Господи! Эти «задние», неуловимые мысли, зачем они?

Как все сложно, как, стараясь уяснить, не то говоришь.

Умерла Ната Кац... Господи! Ведь и я умру... Как страшно. Когда вчера об этом Борис сказал мне, словно холодом от трупа пахнуло. Ната, Ната Кац умерла, — совсем рядом была, картавила, писала доклады, красила губы, и вот — ее в мире, в Ленинграде, в И<нститу-те> И<стории> И<скусств> — нет, навсегда...

И это неизбежно, это для всех... А что же после смерти? Неужели — ничего. Как страшно, о, как боюсь я смерти... Панически боюсь. И так жаль Наты. Ведь вот и Эдвард умер...

Отец пришел выпивши, гудит с матерью о том, что мы на шее... Конечно, родители мне помогают, но как это недешево, как я все время — сдерживаясь — киплю раздражением, все время, снося намеки Марии, отца, даже подчеркивания матери... Ну, пусть, только бы не отразилось это на молоке... Ирка становится капризной — тяжело... Я не пишу пока, надо как-то осознать бродящие в себе образы... Я во что бы то ни стало не хочу хандрить, я отыскиваю прелесть в современном положении моем и нахожу ее в Иринке, в моей кругленькой дочке, даже в бессонных ночах с нею. Скоро 6 недель... Но если Ирка будет скандалить по ночам, разве меня хватит на двоих, на нее

и Бориса? О ночах с Борисом я думаю пока как об обязанности. Я боюсь недосыпания, этой нудной головной боли в темени, опухшего лица моего, отсутствия дверей в нашу комнату. Всего этого я боюсь, боюсь больше всего второй беременности, и это отнимает у меня сознание радости и любви... Но все образуется... «Мы отдохнем, отдохнем»... Э! Плешь!.. — Молодость и стойкость — вот главное... Все образуется...

«Гравюра на дереве» — мне понравилась. Много правильных вещей.

[16/XI] 24/XI.

Кратко, кратко. Но хочется побольше написать — а надо еще письмо Борисовым предкам и неск<олько> стихов Ахматовой. Ирунька растет, наше счастье и гордость. Гукает, тихо и нежно, как голубок «Иринька — агу...» — «гу»... Радость моя.

Вчера и сегодня... с Борисом — было больно и нехорошо. Боюсь беременности. Ну, авось не будет. Менстр<уации> — нет. Надеюсь, что в дальнейшем будет лучше. Борис, конечно, способен... до бесконечности. Общий тон жизни?.. Затрудняюсь определить. Кажется, главная тяжесть в Иринке, главное — жизни — в ней. Учеба еще не начата. Поеду послезавтра в И<нститут> И<стории> И<скусств>.

Читаю мало. Занята очень. Творчество — пишу «Цирк». Влюблена в Киплинга. Боюсь, что цирк, как большинство моих стихов, отдает гермафродитизмом — женщина — «под мужчину» — (разумеется, литературно). Но подробно о двух голосах мира — потом. Была у Маршака; да, буду работать над «Турманом» серьезно, чтобы пелось — игралось, потому что эта книжка будет Иринке посвящена и должна быть ей радостью. Много из того, что говорил Маршак о детских стихах, мне сильно запечатлелось: даже мысль о договоре отходит на задний план.

Вообще, хотя Берман не любит Маршака, но я хочу работать с Маршаком, потому что чувствую, что он может заставить работать по-настоящему и с ним интересно и полезно говорить. Я всегда мечтала о дружбе или знакомстве с интересными людьми, он их знает, видимо, много, и я через него узнаю их, хотя бы того рабочего, о котором он говорил.

Впрочем, по-моему, каждый человек «интересен», и интересность других людей зависит во многом от тебя самого, от степени твоей глубины и умения присматриваться и наблюдать.

Гулинька моя скоро проснется, буду пока стихи переписывать. Потом поеду к Ахматовой. Люблю ее, но еду к ней всегда с каким-то волнением и смущеньем.

Морей убежище сырое,

Маме.

С 20 — VIII по 20/IX

25 р<ублей> + 15 р<ублей> = 40–6 р<ублей> = 34 р<убля>

35+15=50 р<ублей>

С 20/IX по 20/X

60 р<ублей> 30 р<ублей>

Надо еще руб<лей> 15–65

С 20-IX по 20/X — 51 р<убль>

Я получила с 20/VIII по 20-IX

25+20=45 р<ублей>

Доход

С 20-IX по 20/X

21/IX — 30 р<ублей> аванс за книжку

27/IX — 12 р<ублей> за стих<отворение> в Резце

4/IX — 9 р<ублей> Ленинск<ие> искр<ы>

2/IX — 70 р<ублей> — остаток за книжку

9/IX — 10 р<ублей> — за статью

15/IX — 50 р<ублей> за страницу

22/IX 14 р<ублей> за стих в «Смене»

144 р<убля>

70

10

40

120

С 20/IX по 20/X 51 р<убль>

С 20/X по 20/XI — 120 р<ублей>

80

60 р<ублей>

Предполагаемые доходы

От 20/IX по 20/X

«Резец» — стих — руб<лей> 12

Страница — 40

«Смена» (стих) 15

«Ленинск<ие> искр<ы>». 20
 «Кр<асная> панорама»... 90 р<ублей>
 «Лен<инская> правда»... (?)
 [«Звезда»] (?)
 «Кр<асная> вечерка» (?)
 45
 51
120
 216 р<ублей>
 216/3
 72 р<убля>

[Не в сказке, не в были, не в дреме
 Твоей *была* одичалой судьбой
 Осторожная песня на стреме
 Над лесом, землей и водой...]
 Не в сказке, не в были, не в дреме
 [И в сказке, и в были, и в дреме] Стоит [одичалой] судьбой?.. **непро-**
будной безысходной неизбывной вековой
 Осторожная песня на стреме
 Над русской землей и водой.
 И воет [над каждой] любовью дорогой,
 И каждый не знает того,
 Он минет ли в жизни острога,
 А может, не минет его...
 За [бунт] кровь, за гульбу, за свободу,
 За славные бубны, [вдали] за бунт
 – 3000 верст переходу
 [И тысячу палок дадут...]
 Сиротскую долю-судьбу.
 [И каторжную судьбу]
 [Да дикую эту] [зверью такую]
 И вот закачаются [«1 сл. нрзб»] много
 – Не люди – не звери, не дым –
 Владимирской [тяжкой] торной дорогой
 Да трактом сибирским [большим] твоим.
 Сибирским путем гулевым
 [Земля, омертвевшая словно,

[Под ношей *большого* креста]
Под темною ношей креста,
— Клеймены, побиты, покованы *чужого*
Бродяги [и некрута] твои рекрута...
Что волей своею не жили,
Немного [немало годов] знавали удач,
Вот [И] головы их порешили, [<1 сл. нрзб>]
А тело изранил палач;]
[Вина перепил<?> он немного
Две <1 сл. нрзб> вряд с поставца,
<3 сл. нрзб> от бога,
От матери и от отца.]
Проходят они, запевают,
Уносят *проносят* щепотку земли,
Где ветер родной повеваает,
Где весны родные играют
Откудова их увели.
Откуда их всех увели
Но темно *глухо* бормочет земля им,
Что, может, оправится сам,
Побег варнаки замышляют,
Шалить по дремучим лесам...
Свой след заметаючи куний
Да ждать [Дождать] небывалой поры,
Куда [Покамест] Михайло Бакунин, *Не зная, что...*
Забредив, зовет в топоры.
Да стонет, листы переметив,
Кандальной сталью пера
Высокий и [худой] злой эпилептик
За скудной свечой — до утра,
Опять вспоминая дороги,
И клейма, и каторжный дым.
А стены глухие острога
До неба, до смерти над ним.
Он бьется о грузные пали,
Он бега и бога зовет,
Пока конвульсивной печалью
[Его на полу не сведет].

И я отдираю ресницы
С его воспаленных страниц:
Мне каторга снится и снится
Сквозь эти прозрачные дни...
— Я песни ее не завою,
Ни муж мой, ни сын мой, ни брат,
Я с вольной [своею] моей землею
Бреду и пою наугад.
[Как будто] Но разве обида забыта,
Обидчики все ль решены.
Что [Но] [Пусть] жирных камней Маабита
Все кандалы те же слышны,
[Пусть] А каторга за рубежами
Грозится бывалой лихвой...
Но только ее каторжане
Уже запевают со мной...

Сезон

Стоймя стоит каменоломный стон
И синий чад дремучих смол...
Так открывается строительный сезон,
Извечно радостен и молод.
Пещерный дух ему присущ.
И камнем тяготеть к земле,
Среди густых фабричных заводских куц
Разгромом корчится в золе...
Когда, как зверь, бывают дни,
С женой ли, в драке ль, на охоте.
Но только руки удлинив,
Не зверь, не ветка, человек
[А человек он на работе]
[С вином сам друг не на работе]
На земляной какой работе...
И [О] человек донельзя прост.
Он костромич, туляк, скобарь он,
Он в большинстве каменотес,
Невзрачен и тяжелокоост,
Белесый, русский, темно-карий.

[Он матюгается вполне
По восходящей по родне]
Но звери тут же заодно,
Их гривы [темны] душны, как вино,
Тяжелый движется битюг,
Он гору тащит, как играя,
Дымясь, чернея, [как] что утюг,
Моторы важно презирая.
Их радуги, как дуги. Между роз
Свежо сияют буквы откомхоз.
А грузчики везде царят,
Без матери не говорят,
В лари заходят *грузною* грубою походкой,
Без *вне* очереди получают водку.
Понятно, все издалека,
К урочищу сюда собрались,
Земляк отыщет земляка,
Чтоб вспоминать родные дали...
И как садились на машину,
Охватив головушку.
Увозила их машина
На чужу сторонушку,
Они садились на машину,
Да на самый на перед.
Заиграли грустны песенки,
Заплакал весь народ.
Они садились на машину...
Но вот земляк отыщет земляка
И будет с ним наверняка
Письмо отписывать с поклонами,
На почту деньги относить,
Гармонь любезную со стонами
Но пол-аршина разводить,
Когда – уж вечер – и конец июня,
И встало над заставой новолунье,
И пролетает тополиный пух,
На потных лицах оседает, сух,
А возле стройки тонкий постовой

Поход свершает чуткий свой,
И до прозрачной ладожской зари
Гуляют безысходно скобари.
И тяжелой, небывалой эпопеи
Никто еще произнести не смеет...

«Окно»

Не от глаза, не со сна,
Я и не утаивала...
Что у темного окна
Все бы я простаивала...
Дома есть ли или нет
[Тихого] Хмурого хозяина,
Не блеснет неверный свет,
[Радость] Сердце мо[я]е тайн[ая]ое...
Я недолго простою,
Выйдет ночь несветлая,
Дочке песен не пою,
К мужу не приветлива,
Покачаю колыбель,
Только думы мимо их:
Замела, поди, метель
У окна следы мои...

22/X.

«Искателю приключений».

Какая мне убыль,
Какая беда,
Что я не увижу тебя никогда,
Что, хмурому, не обещалась тебе,
Как самой своей небывалой судьбе?..
Ты бросишь жилище,
оставишь жену,
Уйдешь на охоту,
на пир,
на войну,
И будешь ты счастлив,
И будешь тосклив,

Коней укрощая, вода корабли,
Бок о бок с тобою
пройдется гроза,
И хмель, и весна воспаляют глаза,
О, все это минет,
И все без следа,
И я не увижу тебя никогда,
[Какое же дело] Какая ж мне доля,
Какой же мне сон,
Какой же у песни [задуманный] наладится звон?..
24/X.

Ирочка

Носила в консультацию в среду 20/III – 29 г

Вес $17\frac{1}{2}$ ф<унтов>

Прикармливать стала

Кашкой с пятницы 22/III

Смесью — с субботы 23/III

Надо снести числа 6–7/IV-29

Сказала «мама» — 6 апреля, 10-20

Сказала «па-па» в нач<але> апреля

Зубок проглянул 26/IV-29

В консулт<ацию> носила 23 апреля вес $20\frac{7}{8}$ ф<унтов>

Вел<ели> давать компот, бульон, яблоки, пюре.

Села сама 14/V. Встала сама на ножки тогда же.

Комментарии

1923 год

Мой дневник (С. 33–42).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 304).

Датируется по содержанию с 24 января по 9 марта 1923 г.

Подарено мамочкой 19/26. I. 1923 г. (С. 43–73).

Печатается впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 305).

Датируется с 9 марта по 16 июня 1923 г.

№ 3. Мой дневник (дер<евня> Пластицы) (С. 73–80).

Печатается впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 306).

Датируется с 27 августа 1923 по 23 сентября 1924 г. Последняя запись в дневнике сделана О. Ф. Берггольц спустя год, о чем свидетельствует ее уточнение: «...я теперь ученица уж не 2 основного, а 3-го класса» (Там же. Л. 13).

31 октября. Среда. «Открытие кружка» (С. 80–87).

Печатается впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 307).

Датируется с 31 октября по 8 ноября 1923 г.; год уточняется по упоминанию в содержании дневника 6-й годовщины Октябрьской революции 1917 г. Тот факт, что описываемые в данном дневнике открытие литературного кружка и празднование 6-й годовщины Октября имели место в течение небольшого промежутка времени, позволяет сделать предположение, что данный дневник должен был быть прочитан кем-либо из школьных учителей, вероятно, Д. В. Недачиным, руководителем литературно-художественного кружка. Об этом свидетельствует запись О. Ф. Берггольц в дневнике, датированном 27 августа – 23 сентября 1924 г.: «Завтра отдам Д<митрию> В<асильевичу> свой дневник прочитать...» (Наст. изд. С. 80).

Две дневниковые тетради за 1923 г. (одна датируется с 23 апреля по 9 июня, вторая – с 15 июля по 24 августа), хранящиеся в Рукописном отделе Ин-

ститута русской литературы «Пушкинский Дом» РАН, опубликованы Н. А. Прозоровой в книге: «Так хочется мир обнять». О. Ф. Берггольц: Исследования и публикации: К 100-летию со дня рождения. СПб., 2011. С. 125–201.

С. 33

I основной кл<асс>. — Согласно Положению «О Единой трудовой школе» 1918 г., всем школам РСФСР, состоявшим в ведении Наркомата просвещения, присваивалось наименование «Единая трудовая школа». Она подразделялась на две ступени: 1-я ступень — для детей 8–12 лет — предполагала 5-летний курс обучения; 2-я ступень — для учеников 13–17 лет — предполагала 4-летний курс обучения (также см.: Основные принципы Единой трудовой школы. От Государственной комиссии по просвещению 16 октября 1918 г. // Народное образование. 1999. № 10. С. 40–47).

О. Ф. Берггольц училась в 117-й единой трудовой школе 1-й и 2-й ступени, которая была создана на основе семиклассного коммерческого училища В. С. Селикова. С января 1923 г. Берггольц обучалась в 1-м основном классе 2-й ступени, которая соответствовала курсу обучения детей с 13 до 17 лет. Подробнее об этом см.: «Так хочется мир обнять»... С. 125–126.

...мама... — Мария Тимофеевна Берггольц (урожд. Грустилина; 1884–1957), домашняя хозяйка; окончила курсы кройки и шитья А. Л. Базаровой, всю жизнь подрабатывала шитьем.

...в деревню... — В 1923 г. семья на лето выезжала в деревню Заручевье Новгородской области. О. Ф. Берггольц вспоминала об этом: «...второй мой любимый сон — это как раз про ту самую полянку, куда не пустили нас родители в светлый, дождливый день за грибами-маслятами. Она была в Новгородской губернии, возле деревни Заручевье, куда ездили мы на каникулы несколько лет подряд» (Берггольц О. Ф. Дневные звезды. Л., 1960. С. 96).

...с Муськой. — Домашнее прозвище младшей сестры О. Ф. Берггольц — Марии Федоровны Берггольц (1912–2003), актрисы, хранительницы архива и публикатора творческого и эпистолярного наследия поэтессы.

...«было дело под “Плавищем”». — Перифраз строки «Было дело под Полтавой» из одноименного стихотворения Ивана Евстратовича Молчанова (1809 [1818?] — 1881).

Домой... — Семья Берггольц жила по адресу: Петроград, Палевский проспект, д. 6/2 (ныне проспект Елизарова), О. Ф. Берггольц писала о своем до-

ме: «Я застагаю себя в нашем двухэтажном деревянном доме, среди людей, почему-то очень давно известных и любимых — это дородная бабушка Ольга Михайловна, дед Христофор, красивейшие папа и мама, Авдотья, наша няня и прислуга, вторая бабушка — маленькая Марья Иванна, мамина мама (мы звали ее баба Маша), многие тети и дяди и, наконец, таинственно появившаяся в доме сестра Муська» (*Берггольц О. Ф. Дневные звезды. Л., 1960. С. 112*).

...с папой... — Федор Христофорович Берггольц (1885–1948), окончив в 1914 г. медицинский факультет Юрьевского (Дерптского) университета, стал числиться в адъюнктуре при кафедре военной хирургии. Ушел добровольцем на 1-ю мировую войну 1914–1918 гг., служил хирургом 39-го полевого запасного госпиталя. В 1918–1920 гг. участник Гражданской войны, старший врач 5-го врачебно-санитарного поезда. Демобилизовавшись, работал врачом хирургического отделения фабричной амбулатории. Подробнее о нем см.: *Пономарева Г. М., Шор Т. К. Федор Берггольц — студент Тартуского (Юрьевского) университета // «Так хочется мир обнять»... С. 45–64.*

...ходили к Ивану Афанасьевичу... — Иван Афанасьевич Ампелогов (1887–1942?), заведующий 117-й единой трудовой школой (с 1922 г.). Уроженец села Людское Гродищенской волости Орловского уезда Орловской губернии. Окончил словесное отделение историко-филологического факультета С.-Петербургского (Петроградского) университета. В 1915 г. утвержден в звании преподавателя. В 1913–1915 гг. работал учителем в Малоохтинской начальной школе, в 1914–1917 гг. — в Коммерческом училище В. С. Селикова, в котором после Февральской революции 1917 г. был избран директором. В 1919–1921 гг. преподавал в вечерней школе для взрослых, был школьным инспектором Отдела народного образования Невского района. Сведения даны на основании анкет: ЦГА СПб. Ф. 2552. Оп. 2. Д. 2517. Л. 92–100.

С. 34

...на котором Валентина Устюхина и Герасимова... — Валентина Алексеевна Устюхина (в замужестве Никишичева), Анна (Нюра) Герасимова, одноклассницы О. Ф. Берггольц.

...Ляля... — Домашнее и школьное прозвище О. Ф. Берггольц.

...и Лилю Егорову... — Одноклассница О. Ф. Берггольц.

...противная Рабовенко... — Предположительно, руководитель школьного театра. **«Тата» сердится!** — О ком идет речь, выяснить не удалось.

...Феодосий Титович ≈ Нонне Александровне... — Феодосий Титович Коцюбинский (1887–1968), преподаватель географии, класный наставник О. Ф. Берггольц; сын священника; окончил С.-Петербургскую духовную академию (1912), Петроградский университет (1915); 22 декабря 1933 г. был арестован по делу «евлогийцев» («Ленинградская церковно-монашеская организация евлогийцев») и приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей; после освобождения вернулся в Ленинград и занимался преподавательской деятельностью.

Нонна Александровна Высокоостровская (1898—?), школьный учитель.

...и бедняжка Д<митрий> В<асильевич>... — Дмитрий Васильевич Недачин (1886–1937), школьный учитель литературы и родного языка; впоследствии заведующий учебной частью 26-й школы Выборгского района Ленинграда; в 1935 г. репрессирован, выслан в Оренбург, в 1937 г. приговорен к расстрелу; в 1989 г. реабилитирован.

О. Ф. Берггольц писала в своем дневнике за 1923 г.: «Как я благодарна ему за его советы и сочувствие. Да, да, конечно, я это запомню и сохраню в сердце; он говорил, что надо писать только тогда, когда хочется, когда чувствуется непреодолимое желание написать такое-то стихотворение, что можно погубить талант?! (неужели у меня это есть), если будешь писать по заказу... Потом Д<митрий> В<асильевич> говорил мне еще, что у меня начинает замечаться вольность стиха, т. е. я очень вольно отношусь к рифмам и размеру, что у меня замечается растянутасть мыслей и тому подобное. Он сказал еще, что страшно боится, чтобы я не погубила своего... дарования» (*Берггольц О. Ф. Дневниковые записи 1923 г. / Публ. Н. А. Прозоровой // «Так хочется мир обнять»... С. 146–147*).

С Балдинами ≈ подружались... — Семья Берггольц с 1901 г. жила на втором этаже двухэтажного деревянного дома. Все комнаты на первом этаже сдавались в наем. В период с 1921 по 1928 г. семья Балдиных снимала комнаты на первом этаже.

...Сереза ≈ у него скоротечная чахотка... — Сергей Балдин, сын соседей семьи Берггольц; о его смерти см.: Наст. изд. С. 45.

...как Вечный Жид. — Выражение, обозначающее вечного скитальца. Происходит от средневековой легенды об еврее Агасфере, обреченном на вечные скитания в наказание за то, что отказался помочь Иисусу нести крест, с которым Тот шел на распятие.

С. 35

...«его помощницей» в советах... — Положение «О Единой трудовой школе» (1918) называло в качестве ответственного органа самоуправления учащихся Школьный совет, в который входили школьные работники, представители трудового населения данного района (в данном случае — Невского района Петрограда), представители учащихся старших групп (в данном случае — 2-й ступени) и один представитель от Отдела народного образования. В компетенцию Школьного совета входило решение учебных и административных вопросов, а также организация хозяйственных и ремонтных работ. Анализ работы Школьного совета применительно к дневникам О. Ф. Берггольц см.: *Прозорова Н. А. Ольга Берггольц: начало* (по ранним дневникам). СПб., 2014. С. 56–58.

И. В. из 1-го номера... — Речь идет о соседке семьи Берггольц по первому этажу дома — И. В. Лапшине.

...Вале Бычковой... — Одноклассница О. Ф. Берггольц.

Вчера было <пропущено слово?> «Татьяны». — День св. великомученицы Татьяны отмечается 25 (12) января; ныне празднуется и как день основания Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, и как День студента.

Тася = именинница... — Вероятно, речь идет о подруге О. Ф. Берггольц Татьяне Козловой.

...у Уваровых. — Знакомые семьи Берггольц.

...«Геры»... — В древнегреческой мифологии верховная богиня, царица богов, сестра и жена Зевса, покровительница брака; в данном случае прозвище школьного учителя.

...Елена Павловна... — Школьный учитель немецкого языка.

...«Посейдон»... — В древнегреческой мифологии бог морей, всех источников и вод; брат Зевса и Аида, с которыми он разделил господство над миром. Посейдон был владыкой земных недр, земных богатств и повелителем землетрясений; при помощи своего трезубца он мог вызвать землетрясение или бурю. Здесь прозвище школьного учителя.

Во мне възграло «ретивое». — Перифраз цитаты «В нем възграло ретивое!» из поэмы А. С. Пушкина «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» (1831).

С. 36

- ...«Гермес» (сиречь Александр Иванович)... — В древнегреческой мифологии сын Зевса, бог скотоводства; позднее почитался как вестник олимпийских богов, бог торговли и прибыли; здесь прозвище школьного учителя истории.
- ...«Парнас» возмущился. — На склоне горного массива Парнас в Центральной Греции находятся древние Дельфы с храмом Аполлона. В древнегреческой мифологии Парнас считался местом обитания Аполлона и муз, символизировал поэтическое искусство; в переносном смысле — творческое содружество. В данном случае подразумевается школьный класс.
- ...мечта о «Лиге» сбывается. — «Лига маленьких человечков» была создана О. Ф. Берггольц и ее одноклассницами. Подробнее об этом — запись от 19 мая 1923 г. (Наст. изд. С. 67).
- ...на фарфоровом заводе... — Государственный фарфоровый завод (официальное название с 1917 г.), первый и крупнейший в России центр производства художественного фарфора. Основан в 1744 г. как Порцелиновая мануфактура, с 1765 г. — Императорский фарфоровый завод, в 1925 г. заводу присвоено имя М. В. Ломоносова. В начале XX в. к работе на заводе привлекались художники В. А. Серов, К. А. Сомов, скульпторы К. К. Рауш фон Траубенберг, С. Н. Судьбинин, воплотившие в художественном фарфоре стиль русского модерна. В 1918 г. завод перешел в ведение Наркомпроса, по заданию которого было налажено производство агитационного фарфора по эскизам и моделям художников С. В. Чехонина (художественный руководитель завода в 1918–1923 и 1925–1927 гг.), А. В. Щекатихиной-Потоцкой, М. В. Лебедевой, скульпторов Н. Я. Данько, В. В. Кузнецова и др. Ряд оригинальных форм и росписей создан художниками-супрематистами во главе с К. С. Малевичем. Подробнее см.: Императорский фарфоровый завод, 1744–1904. СПб., 1906; Русский художественный фарфор. М.; Л., 1950; Советский фарфор: Искусство Ленинградского государственного фарфорового завода имени М. В. Ломоносова. Л., 1974.
- ...работы Иванова... — Предположительно, речь идет о работах художника и скульптора Дмитрия Иосифовича Иванова (1880–1938). В 1910–1920-е гг. Д. И. Иванов работал на Государственном фарфоровом заводе, создал ряд фарфоровых композиций. В 1925 г. со своими произведениями он участвовал в Международной выставке художественно-декоративных искусств, проходившей в Париже; здесь его работы были отмечены

ны серебряной медалью. Д. И. Иванов неоднократно экспонировался и на отечественных выставках, в том числе в 1923 г. — на отчетной выставке «художников Петрограда всех направлений за 5-летний период деятельности», в 1927 г. — на Юбилейной выставке искусств, проходившей в Ленинграде, в 1932 г. — на выставке «художники РСФСР за 15 лет».

...закон Божий. — На основе декретов СНК РСФСР, принятых в 1918–1919 гг., народное образование было перестроено на новых, социалистических началах: церковь была отделена от государства, школа — от церкви. В связи с этим во всех учебных заведениях запрещалось преподавание какого-либо вероучения и исполнение обрядов религиозного культа.

...Афина... — В древнегреческой мифологии богиня войны и победы, а также мудрости, знания, искусств и ремесел; в данном случае прозвище школьного учителя.

...«Бежин луг». — Повесть «Бежин луг» (1851) Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883).

С. 37

...«нудку» получишь! — То есть получить двойку; производное от школьной оценки «неудовлетворительно».

...«Ангел над гробом» или «Каменный ангел». — Неопубликованные стихотворения О. Ф. Берггольц.

...нашего «кружка». — Речь идет о литературно-художественном кружке; о нем см.: Наст. изд. С. 66.

С. 38

...ее Сима. — Подруга М. Ф. Берггольц.

...у тети Мани... — Мария Николаевна Степанова (урожд. Королева), дочь от первого брака Ольги Михайловны Берггольц, бабушки О. Ф. Берггольц. За мужем за Григорием Григорьевичем Степановым, имела сыновей Павла и Владимира.

...дядя Володя... — Вероятно, Владимир Григорьевич Степанов (1892–1945), родственник со стороны О. М. Берггольц, брат П. Г. Степанова.

...И<ван> А<фанасьевич> — Зевс... — И. А. Ампелогов; другим его прозвищем было Юпитер.

...в день Мусиных именин... — М. Ф. Берггольц родилась 11 сентября 1912 г.; крещена 8 февраля 1913 г.

...должны Лилиной. — О ком идет речь, установить не удалось.

...**Марусенька С.**... — Предположительно, учащаяся старшего (II основного) класса 117-й единой трудовой школы.

С. 39

...**имянины Нюси**... — Речь идет об Анне (Нюре) Герасимовой.

...**к Грустилинам**... — На первом этаже дома жили Грустилины, семья М. Т. Берггольц.

...**вязать фриволитэ**... — Узелковое кружево ручной работы, выполненное челноками или иглой.

«**Вот тебе и клюква**». — Восклицание при неприятных неожиданностях; то же что и «вот тебе и раз».

С. 40

...**зовет папу!!!** — Ф. Х. Берггольц с 1921 г. работал врачом хирургического отделения амбулатории на фабрике по производству шерстяных тканей, основанной в 1841 г. английским купцом Дж. Торнтоном.

С. 41

...**чем Балдины**... — Речь идет о сестрах Валентине и Клавдии Балдиных.

С. 42

...**Димка**... — Д. В. Недачин.

И<ван> А<фанасьевич> сказал... — И. А. Ампелогов.

С. 43

...**из Энциклопедического словаря**... — Предположительно, речь идет о многотомном универсальном Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Этот словарь был выпущен в свет в 1890–1904 гг. издательством «Брокгауз — Ефрон», основанным в 1889 г. в С.-Петербурге типографом А. И. Ефроном и немецкой фирмой Ф. Брокгауза (Лейпциг) по инициативе историка литературы и библиографа С. А. Венгерова.

...«**Лермонтовская выставка**»... — В 1923 г. исполнилась 82-я годовщина со дня гибели Михаила Юрьевича Лермонтова (1814–1841). О. Ф. Берггольц писала о своем отношении к творчеству поэта: «И все-таки первой моей сознательной любовью в поэзии был Лермонтов... Красота и человечность лермонтовских стихов, неосознаваемые, а потому тем более властные, пленили меня всей силой своею. И если через пушкинские строки я открыла, узнала, что зима — живая и север-ветер — жи-

вой, то в лермонтовских стихах мне открылось, что не только все кругом живое, но все про меня!» (*Берггольц О. Ф. Дневные звезды*. Л., 1960. С. 170).

...читала «Князя Серебряного»... — «Князь Серебряный» (1863), исторический роман Алексея Константиновича Толстого (1817–1875), произвел впечатление на юную Берггольц. Позднее, на летнем отдыхе в деревне, после прогулки, вызвавшей ассоциации с прочитанным произведением, она писала в дневнике 21 июля 1923 г.: «По дороге мы проходили мимо удивительно красивой мельницы; вода ревела и клубилась, кругом озера стояли плакучие ивы, — вообще, это была одна из тех мельниц, о которой говорится у Толстого в “Князе Серебряном”, на которых живут седые мельники-колдуны с зелеными глазами, где водятся русалки и дедушки водяные» (*Берггольц О. Ф. Дневниковые записи 1923 г.* / Публ. Н. А. Прозоровой // «Так хочется мир обнять»... С. 171).

...«Задушевное Слово». — Детский журнал, основан в 1877 г. издателем М. О. Вольфом; с 1883 г. выходила «Новая серия» журнала (по 52 номера в год). Журнал прекратил свою деятельность в 1918 г.

...во дворе завода... — Предположительно, речь идет об Александровском стеариновом заводе на Невской заставе. После революции 1917 г. завод был национализирован и законсервирован; производство возобновилось только в 1925 г., тогда же завод был переименован в Невский завод косметических изделий.

С. 44

...попробовала мел<о>декламировать... — Мелодекламация — чтение стихов или прозы, сопровождаемое музыкой.

...«Товарищество “Неболет”»... — Речь идет о повести Н. Вассич-Лазарева «Товарищество “Неболет”»: Приключения молодого русского воздухоплателя», опубликованной в журнале «Задушевное слово» за 1909 г. (№ 1, 2).

С. 45

...Противная Филька... — Прозвище школьного учителя по алгебре.

...Е<лена> П<авловна> попросила... — Елена Павловна Балдина, мать Сергея Балдина.

О<тец> Александр исповедал... — Священник; биографические данные не разысканы.

...дала Ковалевского... — Максим Максимович Ковалевский (1851–1916), историк, социолог.

С. 46

...Т<атьяна> А<лександровна> с Шуриком из Углича. — Речь идет о семье Павла Григорьевича Степанова — его жене и сыне, родственниках со стороны О. М. Берггольц.

...расспрашивала о Гарюньке... — Речь идет о Гарики (Игоре) Степанове, сыне П. Г. Степанова.

...был И<ван> И<ванович>. — Школьный учитель русского языка.

...происходит двойственный сон... — Речь идет об анализе стихотворения «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...», 1841) М. Ю. Лермонтова.

...«Песнь о Соколе» М. Горького. — Максим Горький (настоящее имя и фамилия Алексей Максимович Пешков; 1868–1936), автор рассказа «Песнь о Соколе» (1899).

С. 48

...отравил А<лександр> А<ндреевич>. — Школьный учитель геометрии.

На мотив «Цыпленок — жареный». — Городская фольклорная песня, получившая широкую популярность после исполнения Михаилом Ивановичем Жаровым (1899–1981) в кинофильме «Юность Максима» (1934). Об истории бытования песни см.: Неклюдов С. Ю. «Цыплёнок жареный, цыплёнок пареный...» // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005. С. 637–649.

«Как хороши, как свежи были розы». — Стихотворение (1834) Ивана Петровича Мятлева (1796–1844).

С. 49

...задавил меня Ивашка... — Речь идет об И. А. Ампелогове.

С. 50

...старинные издания сочинений Лерм<о>н<това>... — Стихи и поэмы М. Ю. Лермонтова печатались в основном в журнале «Отечественные записки» и др. Прижизненными изданиями произведений поэта являются сборник «Стихотворения» (1840), роман «Герой нашего времени» (1840; без предисловия) и др. Первое собрание сочинений Лермонтова вышло в 1889–1891 гг. (т. 1–6; под редакцией П. А. Висковатова). Подробнее см.: История русской литературы XIX в.: Библиографический указатель. М.; Л., 1962; Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 329–338.

С. 52

Федя... — Речь идет об учителе географии Ф. Т. Коцюбинском.

...Э<дмунд> А<дамович>! — Э. А. Сул-Грудзинский (1854–1924), школьный учитель рисования. Уроженец Витебска. С 1919 г. работал в 117-й единой трудовой школе. Сведения даны на основании: ЦГА СПб. Ф. 2924. Оп. 1. Д. 96. Л. 85.

...в «Детстве и Отрочестве»? — Повести «Детство» (1852) и «Отрочество» (1852–1854) Льва Николаевича Толстого (1828–1910).

С. 53

...неделя — вербная, а потом страстная... — Вербная неделя, или неделя вайй, — это шестая неделя Святой Четырехдесятницы, во время которой Церковь вспоминает царский вход Иисуса Христа в Иерусалим, встреченный народом еврейским с вайями и ветвями. Страстная неделя — это последняя неделя перед Пасхой, посвященная воспоминаниям о последних днях земной жизни Спасителя, о Его страданиях, распятии, крестной смерти, погребении.

...да бабушки. — Ольга Михайловна Берггольц (по первому мужу Королева; 1850–1925), бабушка по отцовской линии. О ее строгости писала О. Ф. Берггольц в своих воспоминаниях: «...домашние не позволяли нам ни трогать, ни одушевлять, ни приводить вещи в движение и с каким-то удовольствием, даже старательно, разрушали наше представление о живом мире, полном человечков.

— Испортишь! Сломаешь! Ушибешься! Отойди! Не трогай! — ежеминутно восклицала бабушка Ольга, как только я подбиралась к чему-нибудь интересенькому.

Даже игрушки, которые дарила мне она сама или другие, бабушка прятала от меня, чтобы я их не испортила или не сломала. Она спрятала в горку красивую жестяную посуду, которую подарил мне дед, убрала в недра комода мою куклу Нину с закрывающимися глазами, скрыла в глубине платяного, огромного, как дом, шкафа настоящий маленький красный зонтик, подаренный тетей Лизой» (Берггольц О. Ф. Дневные звезды. Л., 1960. С. 117).

С. 54

...прозвучало: «ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!» — Начало тропаря Пасхи.

С. 55

...крестный... — Христофор Фридрихович Берггольц (1854–1925), дед О. Ф. Берггольц по отцовской линии.

...35 фунтов... — Фунт, русская мера веса, равная 409,5 граммам.

...крупчатка... — Белая пшеничная мука лучшего помола.

С. 56

А<лександр> И<ванович> д<ядя> Саша. — Учитель истории, его школьное прозвище — «Гермес».

С. 57

По случаю ≈ большевиков. — Начало 1923 г. ознаменовано широким развертыванием антирелигиозной пропаганды, одним из действий которой стало проведение «Комсомольской пасхи» на территории страны. Подробнее см.: Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотоматериалы. М., 1996.

...карандаш {«фабера»}... — Джон Эберхард Фабер (Faber; 1822–1879), американский промышленник; в 1861 г. открыл карандашную фабрику, на которой продукция изготавливалась на станках. Фабер изобрел и первым выпустил карандаш с ластиком.

(Дядя) Павлюк... — Павел Григорьевич Степанов, брат В. Г. Степанова.

С. 58

...тетя Маня... — М. Н. Степанова.

...в Фомину неделю... — Неделя, следующая за пасхальной, получила название «Фомина неделя» по имени апостола Фомы, уверовавшего в Воскресение Христова после того, как он ощупал раны Христа.

...с дядей Сашей... — Речь идет об Александре Ивановиче, школьном учителе истории.

...в Эрмитаж. — Государственный Эрмитаж, один из крупнейших в мире художественных и культурно-исторических музеев. Создан в 1764 г. в С.-Петербурге как частное собрание императрицы Екатерины II; открыт для публики в 1852 г. Размещается на Дворцовой площади в связанных между собой зданиях: Зимнем дворце, Малом, Новом и Старом Эрмитаже, Эрмитажном театре, Главном штабе. Первоначально находился в апартаментах Зимнего дворца, называвшихся Эрмитаж (фр. *ermitage* — «место уединения»; позднее Эрмитажем стала называться картинная галерея).

...«Хаджи Абрека»... — Поэма «Хаджи Абрек» (1835) М. Ю. Лермонтова.

...«Записки охотника»... — Цикл «Записки охотника» (1847–1852) И. С. Тургенева.

С. 59

...оскорбила маму... — О. М. Берггольц была крайне недовольна женитьбой сына, считая М. Т. Грустилину неровней сыну, и постоянно «травила» невестку, которая записывала 27 января 1924 г. в дневнике: «Но дома, Боже мой, какая атмосфера, как душит меня в буквальном смысле слова Ольга Михайловна и Авдотья. Это два демона зла. Боже мой, еще неизвестно, сколько время мне придется жить с ними. Ведь я ненавижу их, я не могу дышать. Моя душа, мои желания неудержимо тянутся, желают и тоскуют о жизни светлой, в своей простоте, правде и любви, а потому и прекрасной. А тут царит злоба мелкая, паскудная, грубость, хамство, нахальство, не могу до сих пор относиться к этому безразлично». См.: *Лебединский М. Ю.* От пращуров моих... [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eunet.lv/cgi-bin/win/history/lebedinskij/rodber1.txt>

С. 60

...тетя Полина... — Аполлинария Тимофеевна Горбачева (урожд. Грустилина; 1893–1942), младшая сестра М. Т. Берггольц.

С. 61

...«Ветку Палестины»... — Стихотворение «Ветка Палестины» (1837) М. Ю. Лермонтова.

...в Александрино... — В 1832–1920 гг. — Александринский театр (назван в честь супруги императора Николая I Александры Федоровны), с 1919 г. — академический, с 1920 г. — Петроградский (Ленинградский) государственный академический театр драмы (Акдрама, Госдрама), с 1937 г. — имени А. С. Пушкина, с 1991 г. — Российский государственный академический театр драмы имени А. С. Пушкина (Александринский театр). Старейший русский театр, организованный в 1756 г. по инициативе его первого директора А. П. Сумарокова.

...на «Маскарад». — Спектакль по пьесе М. Ю. Лермонтова «Маскарад» (1835–1836) в 1917 г. на сцене Александрино театра поставил В. Э. Мейерхольд. О. Ф. Берггольц пишет о вечере в Александринском театре, который состоялся 22 апреля 1923 г. по случаю чествования В. Э. Мейерхольда, приехавшего из Москвы в связи с празднованием 25-летия актерской и 20-летия режиссерской деятельности. В этот день в театре шел «Маскарад» в его постановке 1917 г.

...Лидой Г<риневской>... — Лида Гриневская, одноклассница О. Ф. Берггольц.

С. 62

...крестный гонит спать... — Х. Ф. Берггольц.

...наложила на себя «эпителию»... — В переводе с греческого означает «запрещение», по своему духу является не карательным, а церковно-воспитательным средством.

С. 64

...мои именины... — Именины отмечались в день св. равноапостольной Ольги 24 июля.

С. 66

...с моей ≈ Тасей... — Татьяна Козлова.

...будет вечер Островского... — Речь идет о праздновании 100-летия со дня рождения драматурга А. Н. Островского (1823–1886).

...играть Липочку. — Героиня пьесы «Свои люди — сочтемся» (1849) Александра Николаевича Островского.

С. 67

...сам Юпитер снизошел до нас. — Прозвище И. А. Ампелогова.

...в «Юный зритель»... — Театр юных зрителей (ТЮЗ), один из первых советских театров для детей. Основан в Петрограде в 1921 г., открыт в 1922 г. в зале бывшего Тенишевского училища на Моховой улице. Под руководством Александра Александровича Брянцева (1883–1961), его главного режиссера в 1921–1961 гг. (в 1980 г. театру присвоено его имя), ТЮЗ выработал особую систему выразительных средств, рассчитанную на психологию детского восприятия. Репертуар театра включал сказки, современные советские пьесы, русскую и зарубежную классику.

...туда свою пьесу... — О какой пьесе О. Ф. Берггольц идет речь, выяснить не удалось.

С. 70

...стоял отец Вячеслав... — Биографические данные не разысканы.

Зачем ≈ папа? — С апреля 1923 г. взаимоотношения между родителями О. Ф. Берггольц начали постепенно разрушаться: Ф. Х. Берггольц увлекся А. А. Гришечкиной.

С. 73

«Праздник св. Тихона». — Имеется в виду 26 (13) августа — Отдание праздника Преображения Господня и день памяти св. Тихона, еп. Воронежского, Задонского чудотворца.

Т<етя> Дуня... — Соседка семьи Берггольц по даче.

С. 74

...князя — Рюрика. — Рюрик (ок. 878–945), великий князь Киевской Руси; основатель династии Рюриковичей, правивших страной с конца IX по XVI в.

Дедка Ампадист... — Местный старожил. Правильно: Анемподист. В своей статье «Светоносная сила», посвященной 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова, О. Ф. Берггольц вспомнила о своем давнем знакомстве: «Здесь, среди убогих деревень со странными названиями Плавищи, Самокража, Вшивый Бор, среди целого скопища высоких сопок — старинных русских курганов, среди ржаных, гречишных и льняных полей, общаясь ежедневно с крестьянами, слушая рассказы деда Анемподиста о крепостном праве, которое он отлично помнил (а жил он в деревне Оленино, недалеко от темно-синей Рюриковой сопки, где, по преданию, погребен был князь Рюрик)... я почувствовала, что все дороже становилась для меня поэзия Некрасова, и горечь ее, и еще не осознанная целиком мною, огромная, внутренняя, истинно богатырская русская сила» (Берггольц О. Ф. Дневные звезды. Говорит Ленинград / Сост. М. Ф. Берггольц, М., 1990. С. 435).

...на двуколках ≈ одноколках. — Двуколка, двухколесная повозка без рессор; одноколка, двухколесная повозка с одной осью.

С. 75

...играть в «козла». — Популярная в России карточная игра.

С. 76

«Поспевает брусника ≈ грустнее». — Неточная цитата из стихотворения «Осень» Константина Дмитриевича Бальмонта (1867–1942); правильно: «...в сердце стало грустнее».

...нарвала Димочке букет... — Речь идет о Д. В. Недачине.

С. 77

...схватить новгородский говор... — Новгородская группа говоров охватывала территории Новгородской и С.-Петербургской губерний. К особен-

ностям относятся, прежде всего: губные согласные, на конце слова обычно твердые, например: [голуп], [любоф] и др.; окончание -ого произносится с [в], например: «доброво», «сладково» и др. Подробнее об этом см.: Народы Европейской части СССР. Этнографические очерки / АН СССР; под ред. С. П. Толстова. М., 1964.

Действительно, О. Ф. Берггольц удалось «схватить» новгородский говор, о чем свидетельствует описание пожара в деревне, сделанное ею в дневнике 18 июля 1923 г. «А все-таки не обошлось даром: сторели много вещей. “Да как это случилось-то?” — спрашивала я. — “Да так: ушли увсе на сенокос, дом-от закрыли. А Олексей, бабки Олёнки, ехал да слыше — гарью пахнёт. Глят — Кушкина изба горит. Он как заорё-о-т: “Пожар, пожар!” Туточки увсе збежались, и з лугов, и зо всюду. А дым-от так ва-алит. И что ж, желанные вы маи, потолок-от прогорел наскрозь, жулуп сотлел, шинель згорела и подушки. И как это Господь миловал, ведь на полатях — сено сухое, ну, вдруг загорелось бы, всю деревню спалило бы!” “Ух, страшно!” Мужики прибежали на крик и, стоя в кучке, махали, крича, руками. Много из них ушли уж обратно в поле. — “Никто, как Хосподь, — толковали старухи, — слава Богу, вётру нет”. — “Што и говорить, слава Богу!” — “И-и, милые, и-и, жоланные мои, да случись, никто бы не проезжал, ведь солома вспыхнула б — не здоровать бы!” — “Нездорова-ат!”» (Берггольц О. Ф. Дневниковые записи 1923 г. / Публ. Н. А. Прозоровой // «Так хочется мир обнять»... С. 164–165).

...в «чижик»... — «Чижик» («Чиж»), старинная игра. В основе игры — маленький деревянный бойкий «чижик» (круглая палочка длиной 8–12 см), которого один игрок должен ударом битки (т. е. палки с плоским концом в виде лопатки длиной 60–70 см) заставить взлететь в воздух и далеко отогнать в поле, а другой — поймать его и отправить обратно «домой». Для игры нужна довольно просторная поляна или площадка во дворе, на которой вычерчивают квадрат — это «дом». В центре «дома» на кону сидит «чижик». Играют обычно группой в 8–10 человек. Из числа игроков выбирают судью, который следит за выполнением правил, ведет подсчет очков.

С. 78

...д<ядя> Павля... — П. Г. Степанов.

...едем в Торбино... — Железнодорожная станция на главном ходу Октябрьской железной дороги, построена в 1843 г. С 1918 по 1927 г. — центр Торбинской волости Маловишерского уезда.

С. 79

- ...«**Фарфоровский**» пост... — Название железнодорожной платформы на Октябрьской железной дороге.
- ...**дядя Володя**... — В. Г. Степанов, родственник семьи Берггольц.
- ...**да еще Дунины запишу**... — Речь идет о няньке сестер Берггольц — Авдотье (умерла в блокаду). О ней О. Ф. Берггольц писала: «...наша тетя Дуня давно работала на фабрике “Картонголь” уборщицей и все училась в ликбезе, с двадцатого года училась и все никак не могла выучиться грамоте — не только писать, даже читать» (Берггольц О. Ф. Дневные звезды. Л., 1960. С. 128).

С. 80

- ...**бабушка «гонит» спать**... — О. М. Берггольц.
- ...**он прочтет ≈ написала**. — Никаких помет, свидетельствующих о прочтении дневника школьным учителем Д. В. Недачным, не имеется.

С. 81

- ...**пришел Ив<ан> Аф<анасьевич>**... — И. А. Ампелогов.
- ...**вместе с другими руководителями — Ал<ександром> Ив<ановичем> и Эдм<ундом> Адам<овичем>**. — Речь идет о школьных учителях — соответственно истории и рисования.
- ...**пришел и Дм<итрий> Вас<ильевич>**... — Д. В. Недачин.
- ...**тов<арища> председателя**... — Заместитель председателя.

С. 82

- ...«**Бабья деревня**»... — Правильно: «Бабье царство: Комедия в 1-м действии» драматурга, театрального рецензента Бориса Ильича Бентовина (1863–1929?).
- ...«**Прежде и теперь**»... — «Прежде и теперь: Агитпьеса в 2-х актах» автора В. С. (псевдоним не раскрыт).
- ...«**Правонарушители**». — Повесть «Правонарушители» Лидии Николаевны Сейфуллиной (1889–1954) была положена в основу пьесы, автор драматической обработки не известен.
- ...**в театр «Вену»**... — Театр «Вена» (после октября 1917 г. — «Революционная эстрада»; построен в 1898–1900 гг., архитекторы А. В. Малов, С. С. Кричинский; деревянное здание сгорело во время блокады) находился в одноименном парке. Парк «Вена» (название сохранялось до 1930-х гг.) был устроен в 1880-х гг. на Шлиссельбургском тракте (ныне проспект Обуховской Обороны) Товариществом Калининского пивоваренного

завода для гуляний рабочих окрестных предприятий. В советское время парк «Вена» был популярным местом отдыха жителей Невского района; ныне часть территории Парка имени И. В. Бабушкина.

...на Обуховский завод... — Основан в 1863 г. в Невском районе С.-Петербурга (проспект Обуховской Обороны) инженерами П. М. Обуховым, Н. И. Путиловым и купцом С. Г. Кудрявцевым для производства высококачественной тигельной стали по способу, разработанному Обуховым (в дальнейшем завод стал центром отечественного металловедения). В 1869 г., после смерти Обухова, завод получил его имя. После октября 1917 г. завод занимался ремонтом паровозов и вагонов, производил запасные части к ним, а также постепенно перешел на производство тракторов и плугов. В 1922 г. получил название «Большевик». В 1920–1930-х гг. завод поставлял оборудование для металлургических комбинатов, тубинги, эскалаторы, проходческие щиты для Московского метрополитена. В 1992 г. заводу было возвращено его историческое название. От названия завода происходит наименование окружающей местности.

С. 83

...па д'эспань... — Падеспань (*фр.* pas d'Espagne, букв. испанский шаг), русский парный бальный танец, состоящий из элементов характерно-сценического испанского танца.

...тустеп! — Тустеп (*англ.* two-step, букв. два шага), американский парный бальный танец (музыкальный размер $\frac{2}{4}$), популярный в Европе в 1920-е гг.

...богине Терпсихоре. — В греческой мифологии одна из девяти муз, муза танца; изображалась с лирой и плектром в руках.

С. 84

...с пением «Интернационала». — Международный пролетарский гимн; автор текста — Э. Потье, автор музыки — П. Дегейтер. С 1918 по 1943 г. «Интернационал» был официальным гимном советского государства. О. Ф. Берггольц писала в воспоминаниях: «Революция кричала, как только что родившийся младенец. <...> Она без конца, в любое время суток, пела “Интернационал”, она заставляла своими лозунгами и словами “Интернационала” вопиять даже камни» (*Берггольц О. Ф. Дневные звезды*. Л., 1960. С. 180).

...и фабзаучи. — Сокращение образовано от аббревиатуры ФЗУ — школа фабрично-заводского ученичества; основной тип профессионально-технической школы в советском государстве в 1920–1940-е гг.

С. 85

В театре «Революционная эстрада» (бывш<ая> «Вена»)... — Подробнее об этом театре см.: Наст. изд. С. 641–642.

...из «Парижской Коммуны»... — Речь идет о тексте «Парижская коммуна: Поэма в стихах» В. Торского (псевдоним Михаила Дмитриевича Царева; 1893–1953).

...Ленина... — Владимир Ильич Ленин (настоящая фамилия Ульянов; 1870–1924), основатель советского государства. 9 марта 1923 г. В. И. Ленин окончательно отошел от политической и государственной деятельности вследствие болезни.

...на Аничковский мост. — Аничков мост через р. Фонтанку на Невском проспекте. Первый деревянный мост был построен на этом месте в 1715 г. под руководством М. О. Аничкова (отсюда название), в 1721 г. сделан подъемным (мастер Х. ван Болес), в 1749 г. перестроен (архитектор С. Волков) и декорирован под гранит. В 1849–1850 гг. на устоях моста установлены четыре скульптурные группы П. К. Клодта «Укрощение коня». В 1906–1908 гг. мост вновь был перестроен (инженеры С. П. Бобровский, Н. Г. Кривошеин, архитектор П. В. Щусев) с сохранением архитектурных и конструктивных форм.

С. 86

...на площадь Урицкого, бывш<ую> Дворцовую... — Главная площадь С.-Петербурга, традиционное место проведения общегородских торжеств. Названа по Зимнему дворцу, южный фасад которого выходит на площадь. Первоначально — часть Адмиралтейского луга, ограниченная с запада бастионами Адмиралтейской крепости, с востока — Луговой (Миллионной) улицей. В XIX — начале XX в. Дворцовая площадь была местом военных смотров и парадов. После октября 1917 г. здесь проходили военные парады и демонстрации. В 1918–1944 гг. площадь носила имя председателя Петроградской ЧК Моисея Соломоновича Урицкого (1873–1918), похороненного на Марсовом поле.

...Юденич... — Николай Николаевич Юденич (1862–1933), военачальник, генерал от инфантерии (1915). В период 1-й мировой войны 1914–1918 гг. командующий Кавказской армией (1915–1917). Один из руководителей Белого движения; весной-летом 1919 г. руководил формированием в Финляндии белогвардейских частей и их наступлением на Петроград; в августе вошел в состав Северо-Западного правительства и возглавил Северо-Западную армию, с которой в октябре-ноябре предпринял поход

на Петроград, вышел с боями на ближние подступы к городу, но взять его не смог и отступил в Эстонию; в январе 1920 г. расформировал армию, затем выехал в Великобританию.

...Колчак... — Александр Васильевич Колчак (1874–1920), военный и политический деятель, исследователь-полярник, вице-адмирал (1916), адмирал (1918). В период Первой мировой войны 1914–1918 гг. командующий Черноморским флотом (1916–1917). Один из лидеров Белого движения. В октябре 1918 г. прибыл в Омск, вошел в состав Совета министров «Уфимской директории». В ноябре 1918 г., совершив военный переворот, установил в Сибири, на Урале и на Дальнем Востоке военную диктатуру, принял титул Верховного правителя Российского государства и звание Верховного главнокомандующего. В ноябре 1919 г. с остатками верных ему войск бежал из Омска к Иркутску. В январе 1920 г. был выдан белочехами эсеро-меньшевистскому «Политическому центру», затем передан большевикам. Расстрелян в Иркутске по приговору Иркутского ревкома.

С. 87

Дим<итрий> Вас<ильевич> был имянинник... — 8 ноября (по старому стилю — 26 октября) отмечается праздник вмч. Димитрия Солунского († 306).

1924 год

Мой дневник. О. Берггольц (С. 91–122).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 308).

Датируется по содержанию с 7 января по 20 марта 1924 г. В дневнике есть записи, свидетельствующие о том, что О. Ф. Берггольц делала записи в нем и позднее. Запись о ссоре одноклассниц Берггольц с директором школы И. А. Ампелоговым и предстоявшем походе к нему с целью попросить прощения сделана 28 мая 1924 г. В этом дневнике упоминается также смерть бабушки (20 декабря 1924 г.). Кроме того, в дневнике содержится запись, сделанная, вероятно, кем-либо из подруг Берггольц:

это запись от 25 февраля, которая по форме представляет собой письменный тематический диалог.

Химия. Берггольц (С. 123–131).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 309).

Датируется по содержанию с 15 апреля по 19 мая 1924 г.

<Между 20 мая и 23 июля.> Приветливо улыбаются... (С. 131–141).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 310).

Датируется с 23 июля по 3 сентября 1924 г. Год настоящих записей уточняется по сопоставлению с записью от 23 сентября 1924 г. (см.: Наст. изд. С. 145).

Л. Берггольц. Алгебра (С. 141–159).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 311).

Датируется с 6 сентября 1924 по апрель 1925 г. Последняя дата уточняется по упоминанию в дневнике С. А. Григорьева, о своем отношении к которому О. Ф. Берггольц писала 22 апреля 1925 г. (см.: Наст. изд. С. 181).

Три дневниковые тетради О. Ф. Берггольц за 1924 г. хранятся в архиве поэтессы (Ф. 870) в Пушкинском Доме. Одна тетрадь открывается записью от 21 марта и заканчивается 6 июня; другая тетрадь, посвященная отдыху в Новгородской губернии в д. Заручевье, датируется с 16 июня по 6 августа; третья тетрадь начинается 15 октября, а заканчивается 5 декабря. Эти тетради опубл.: *Берггольц О. Ф. Отроческие дневники 1924 г.* / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб., 2013. С. 633–714.

С. 92

Карманьола — «Carmagnole» (фр.); французская революционная песня, прозвучавшая в период Великой французской революции, в 1792 г., на улицах Парижа в связи со взятием дворца Тюильри и падением королевской власти.

...Кока... — Домашнее прозвище Х. Ф. Берггольца.

...с Ел<еной> Пав<ловной>. — Е. П. Балдина.

С. 93

...Пугина... — Анна (Нюра) Пугина, одноклассница О. Ф. Берггольц.

С. 94

...и епископ нынешний. — Епископ Лужский Мануил (в миру Лемешевский Виктор Викторович; 1884–1968).

«Сумиха не дахе родная сестра». — Так в рукописи. Правильно: сулиха недахе... (см.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1882. Т. 4. С. 359).

С. 95

...пропели «Рождество» и «Дева Днесь»... — Тропарь и кондак Рождества (церковные песнопения).

...шла пьеса — «Царь Ирод». — Пьеса для рождественского кукольного вертепного театра.

...пропели «Исполать, деспота». — Правильно: «Ис Полла эти деспота» (греч.) — «На многая лета, владыко». Приветствие архиерею, песнопение православного богослужения.

...Сергея Александровича, молодого курсиста... — Биографические данные не разысканы.

С. 96

...звала к себе Нина А.... — О ком идет речь, установить не удалось.

...пойдем с Раменской... — Одноклассница О. Ф. Берггольц, ее школьное прозвище — «теща».

«Тов<арищ> Ленин приказал долго жить»... — В. И. Ленин умер от кровоизлияния в мозг 21 января 1924 г. Экстренный пленум ЦК ВКП(б) принял обращение «К партии. Ко всем трудящимся», извещая о смерти вождя страны. Подробнее см.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., испр., доп. М., 1984. Т. 3. С. 178–180.

В архивных документах 117-й школы сохранилась программа утренника, во время которого читала стихотворение О. Ф. Берггольц:

«1. Невознаградимая потеря — докл<ад> Заведывающего <так в тексте. — Н. П.>

2. Ленин как человек и вождь — пр<еподавате>ля С. А. Глазачова

3. Биография Ленина — уч<ени>к Романов

4. Стихотворения учеников на смерть Ленина (Берггольц <так в тексте. — Н. П.>, Бычкова, Кирьянов и др.)

5. Похоронный марш Шопена (рояль в 4 руки)»

(цит. по: Прозорова Н. А. Ольга Берггольц. Начало (по ранним дневникам). СПб., 2014. С. 60).

С. 97

Это учение Христа ≈ в монашеской общине. — Об этом споре, уходящем своими корнями к полемике 1910 г. между Георгием Валентиновичем Плехановым (1856–1918) и Александром Александровичем Богдановым (настоящая фамилия Малиновский; 1874–1928), подробнее см.: Горький в зеркале эпохи // М. Горький: Материалы и исследования. Вып. 10. М., 2010. С. 101–102.

...наша бабушка. — О. М. Берггольц.

...обижает ≈ мамочку... — Подробнее об этом см.: Наст. изд. С. 637.

С. 99

...Бобчинским и Добчинским... — Персонажи комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»; здесь прозвища одноклассниц О. Ф. Берггольц.

...и Пунькой... — Вероятно, Анна (Нюра) Пугина, одноклассница О. Ф. Берггольц.

Моя Тасенька... — Татьяна Козлова.

С. 100

...имянинки. — 8 февраля отмечается праздник перенесения мощей преподобного Феодора, игумена Студийского.

Дядя Шура... — Александр Тимофеевич Грустилин (1882–1930), старший брат М. Т. Берггольц.

Д<окто?>р Христиановский... — Коллега Ф. Х. Берггольца, фельдшер хирургического отделения амбулатории при фабрике «Красный ткач».

С. 101

...у тети Мани... — М. Н. Степанова.

...Уварыч... — Вероятно, член семьи Уваровых, знакомых семьи Берггольц.

...дядя Георгий... — Г. Степанов

Дядя Павлик... — П. Г. Степанов.

С. 102

...в красном помазейном платице... — Помазейный, искаженное от бумазейный, т. е. сделанный из хлопчатобумажной ткани с начесом.

...тетя Лиза... — Елизавета Христофоровна Берггольц, родная сестра Ф. Х. Берггольца, тетя О. Ф. Берггольц.

...И<ван> А<фанасьевич> завтра имянинник... — 12 февраля (30 января) отмечается Собор вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого.

С. 104

- ... и Дуня... — Авдотья, няня и прислуга в семье О. М. Берггольц.
- ...плачет над «Записками институтки»... — Роман «Записки институтки» (1902) Лидии Алексеевны Чарской (настоящая фамилия Чурилова; 1875–1937).
- ...на именины к тете Вале... — Валентина Тимофеевна Иванова (урожд. Грустилина; 1897–1987); сестра М. Т. Берггольц. Память мученицы девы Валентины отмечается 23 (10) февраля.

С. 105

- ...свой дневник ~ мечтах. — Дневники М. Т. Берггольц хранятся в архиве семьи Лебединских.

С. 106

- ...роман Гончарова «Обрыв». — Роман «Обрыв» (1869) Ивана Александровича Гончарова (1812–1891).
- ...Вера, бабушка, Райский. — Герои романа И. А. Гончарова «Обрыв».
- ...не «Лесной бродяга»... — Герой романа Габриэля Ферри (псевдоним Эжена Луи Габреля Ферри де Бельмара; 1809–1852) «Приключения индейца» (др. переводы: «Обитатель лесов», «Черная птица и Орел снеговых вершин»).
- ...не «Шерлок Холмс»... — Герой произведений Артура Конан Дойла (1859–1930).

С. 107

- ...Мольера? «Мнимый больной». — Комедия «Мнимый больной» (1673) французского драматурга Ж. Б. Мольера (1622–1673).
- Наш Гоголь неизмеримо выше... — Николай Васильевич Гоголь (1809–1852), писатель, драматург.
- ...«Ася»... — Повесть (1858) И. С. Тургенева.

С. 109

- Александровская площадь... — Правильно: Александринская, ныне площадь Островского; расположена между Невским проспектом и улицей Зодчего Росси; образует единый архитектурный ансамбль в стиле ампира, который организует большой район центральной части С.-Петербурга. Композиционным центром площади является здание Александринского театра (отсюда прежнее название). Спланирована в 1816–1834 гг. архитектором К. И. Росси на территории усадьбы Аничкова дворца, между Садовой улицей и набережной р. Фонтанки. В 1820–1832 гг. на пло-

падаи разбит Екатерининский сквер, в 1873 г. открыт памятник императрице Екатерине II. В 1923 г. площадь переименована в память драматурга А. Н. Островского (1823–1886).

С. 110

Эх, ты, поэт Овидий... — Публий Овидий Назон (43 до н. э. — ок. 18 н. э.), римский поэт; автор труда «Метаморфозы» («Превращения»).

Многоуважаемый Гораций... — Флак Квинт Гораций (65–8 до н. э.), римский поэт.

Эх вы, Нероны, Адрианы, Сенеки... — Клавдий Друз Германик Нерон (37–68), римский император с 54 г. Адриан Публий Элий (76–138), римский император с 117 г. Луций Сенека Анней Младший (ок. 4 до н. э. — 65 н. э.), римский государственный деятель, философ, писатель.

А ты, Нерва... — Марк Кокцей Нерва (30–98), римский император с 96 г.

С. 111

Ганди... — Махатма Ганди (1869–1948), индийский политический и общественный деятель, руководитель и идеолог движения за независимость Индии от Великобритании. Пропагандировал идею ненасилия.

С. 113

Ключевский. — Василий Осипович Ключевский (1841–1911), историк.

Коваленский. — Правильно: М. М. Ковалевский; о нем см.: Наст. изд. С. 633. Предположительно, запись сделана как напоминание себе о школьном предмете истории.

...мама с Мусей уезжали... — 5 апреля 1924 г. М. Т. Берггольц с дочерью Марией уехали в деревню Глушино.

...завтра дам Мише И<ванову?> ≈ рисовать дам. — Вероятно, речь идет о председателе школьного Литературно-художественного кружка.

С. 114

...Филия... — Речь идет о школьной учительнице по алгебре.

...из города Шурик с Гариком. — Братья Степановы — сыновья Павла Григорьевича Степанова, родственники со стороны О. М. Берггольц.

С. 118

...о «Красных дьяволятах»... — Речь идет о повести «Красные дьяволята» (1921) Павла Андреевича Бляхина (1887–1961), экранизированной по решению

Киносекции Наркомпроса Грузии. Немой черно-белый фильм «Красные дьяволята» (вариант названия — «Махновщина»), снятый в 1923 г. на студии «Госкинопром Грузии», стал первой советской приключенческой кинокартиной. Режиссер — И. Н. Перестиани; в главных ролях — П. М. Есиковский, К. А. Давидовский, С. Жозеффи, К. Бен-Салим и др. Премьера фильма состоялась в Тифлисе 25 сентября 1923 г., в Москве — 30 ноября 1923 г. Сюжет «Красных дьяволят» основан на приключениях Миши и Дуняши, детей рабочего Петрова, убитого «махновцами», и их друга, уличного акробата Тома Джаксона, на Украине в период Гражданской войны. Отважные ребята становятся разведчиками 1-й Конной армии и захватывают в плен бандитов.

...подходит день Парижской Коммуны. — Описка. День Парижской Коммуны отмечается 18 марта. Решение отмечать этот день было принято 20 февраля 1872 г. Генеральным советом 1-го Интернационала в честь установления Парижской Коммуны 1871 г., признанной первой успешной попыткой рабочих захватить политическую власть. 23 мая 1880 г. по призыву французских социалистических газет в Париже состоялось первое шествие к Стене коммунаров на кладбище Пер-Лашез. В России до октября 1917 г. этот день отмечали на нелегальных собраниях рабочих и революционных организаций. Впервые День Парижской Коммуны начал широко отмечаться в РСФСР благодаря тому, что Центральный комитет Международной организации помощи борцам революции (МОПР) в марте 1923 г. объявил его своим праздником. Подробнее о МОПР см.: Наст. изд. С. 659–660.

С. 119

...мама ездила ≈ свадьбы... — Свадьба М. Т. Грустилиной и Ф. Х. Берггольца состоялась 24 (12) февраля 1909 г.

С. 120

...Вьето ≈ господин Вето... — «Господин вето», прозвище французского короля Людовика XVI (1754–1793), появившееся в период Великой французской революции. Конституция 1791 г. предоставила Людовику XVI право налагать вето на решения Законодательного собрания (точнее, приостанавливать их действие). 20 июня 1792 г. вооруженная толпа парижан, возмущенная вето, которое король наложил на решение Законодательного собрания о санкциях против эмигрантов, а также против священников, не признавших революционные реформы католиче-

ской церкви, с криками «Долой господина Вето!» ворвалась в королевский дворец Тюильри. Разгневанные парижане предъявили королю свои требования, заставили его надеть революционный красный колпак и выпить с народом за здоровье нации. Людовик XVI заверил толпу, что он верен конституции, но отказался отозвать свое вето, и через несколько часов парижане покинули дворец.

С. 121

Антуанетта. — Мария Антуанетта, (урожд. Мария Антония Йозефа Иоганна Габсбург-Лотарингская; 1755–1793), французская королева (с 1774), супруга Людовика XVI (с 1770); 10 августа 1792 г. арестована, по решению революционного трибунала гильотинирована.

...дописала свою инсценировку. — Речь идет об инсценировке «Вечер сказки». 19 марта О. Ф. Берггольц сообщала, что «дописала» инсценировку, а 21 марта записала: «Сейчас члены нашего кружка репетируют мою инсценировку — “Вечер сказки”. Они поедут во вторник с нею к нашим подшефным солдатикам, артиллеристам» (*Берггольц О. Ф. Отроческие дневники 1924 г. / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. С. 649*). Спектакль был поставлен учащимися школы в подшефной части войск Карельского артиллерийского участка (Там же. С. 705).

С. 122

Умерла бабушка... — О. М. Берггольц умерла 20 декабря 1924 г.

С. 123

...у Д<митрия> В<асильевича>... — Д. В. Недачин.

...в «Вену» на «Северные волки». — О какой постановке идет речь, установить не удалось.

«Овод»... — Роман «Овод» (1897) английской писательницы Этель Лилиан Войнич (1864–1960). В дневниковых записях 1924 г. встречается еще один отклик О. Ф. Берггольц на этот роман, см.: *Берггольц О. Ф. Отроческие дневники 1924 г. / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. С. 652*.

...успокоить бабуку... — О. М. Берггольц.

...деда — Х. Ф. Берггольц; о нем см.: Наст. изд. С. 635.

...моя крестная... — Бабушка со стороны матери — Мария Ивановна Грустилина (урожд. Прохорова; 1854–1941). В своих воспоминаниях поэтесса пи-

сала о ее последних часах жизни в годы блокады: «...бабушка лежала на подушках, по-крестьянски повязанная белым платочком; ее лицо стало совсем-совсем маленьким и морщинистым, глаза запали очень глубоко, но смотрели из впадин своих умно и просветленно, как-то особенно по-живому мерца. Но больше всего меня поразили ее сложенные на груди руки: они казались непомерно громадными — столько узлов и мозолей было на пальцах, такие вздувшиеся, крупные, синие вены увивали их. Это были руки женщины, которая из своих восьмидесяти семи лет работала ровно восемьдесят, руки матери, которая родила, кормила, пеленала и поднимала четырнадцать человек детей и множество внуков и даже правнуков, и пережила и похоронила многих из них, и закрывала им глаза этими же руками, и бросала первую горсть земли в их могилы» (*Берггольц О. Ф. Дневные звезды*. Л., 1960. С. 137).

...с А<нной> И<вановной>... — Школьный учитель; об упоминаемом событии см.: Наст. изд. С. 94–95.

Идти на «12 евангелий», к «плащанице», к «светлой заутрене»... — Церковные службы на последней неделе Великого поста (Страстной седмице). В четверг на вечерней службе читают 12 отрывков из Евангелия о страданиях и крестной смерти Христа. Выносятся Плащаница — плат большого размера с вышитым или живописным изображением лежащего во гробе Иисуса Христа. На Великой заутрене читаются псалмы. Литургия не совершается.

С. 124

...письмо к Лилиной. — Злата Ионовна Лилина (настоящая фамилия Берштейн; 1882–1929), педагог; с 1920 г. заместитель заведующего Петроградским Губоно; супруга Г. Е. Зиновьева.

...журнала «Воробей»... — «Воробей», альманах (№ 1–3), затем ежемесячный журнал (с № 4) для детей 8–12 лет (Ленинград, октябрь 1923 — июнь 1925 г.). Орган петроградской пионерской и комсомольской организаций. Главный редактор — З. И. Лилина (официально), С. Я. Маршак (фактически). Включал три раздела: «Литературный отдел», «Рассказы ученого Воробья» (научный отдел), «Забавы Воробья» (шутки, парады, ребусы). С ноября 1924 г. издавался под названием «Новый Робинзон». З. И. Лилина как представитель Губоно курировала детские издания.

...ни в обсерваторию. — Ленинградская астрономическая обсерватория на Васильевском острове. Организована в 1881 г. как учебная обсерватория

Петербургского университета, позже стала центром всех научных исследований по астрономии и геодезии в университете. Первым заведующим обсерватории был С. П. Глазенап.

С. 125

...о Байроне. — Джордж Ноэл Гордон Байрон (1788–1824), английский поэт-романтик.

...как дамоклов меч. — Выражение возникло из древнегреческого предания, рассказанного Цицероном в сочинении «Тускуланские беседы». Дамокл, один из приближенных сиракузского тирана Дионисия Старшего, стал завистливо говорить о нем как о счастливейшем из людей. Дионисий, чтобы проучить завистника, посадил его на свое место. Во время пира Дамокл увидел, что над его головой висит на конском волосе острый меч. Дионисий объяснил, что это — эмблема тех опасностей, которым властитель постоянно подвергается, несмотря на кажущуюся счастливой жизнь. Отсюда выражение получило значение нависшей, угрожающей опасности.

...с дедом ездила в костел... — Речь идет о евангелическо-лютеранской церкви апостола Петра (Петрикирхе) на Невском проспекте, старейшей в С.-Петербурге (основана в 1728 г.). Новое здание кирхи (архитектор А. П. Брюллов) было освящено в 1838 г. В 1840 г. в храме, отличавшемся хорошей акустикой, установили орган фирмы Валькер из Людвигсбурга, одной из ведущих немецких фирм по строительству органов; в 1886 г. орган был заменен на новый, второй по размерам в России. В 1910 г. этот орган был демонтирован и отремонтирован в Людвигсбурге, после чего получил новое звучание. В 1937 г. церковь апостола Петра была закрыта, первоначально в этом здании планировалось открыть концертный зал. Впоследствии там размещался склад. В 1958–1962 гг. кирха была капитально переделана под плавательный бассейн, в 1992 г. — возвращена немецкой лютеранской общине.

...зашел в Пассаж... — На Невском проспекте, старейший торговый дом С.-Петербурга. В 1922–1934 гг. кооперативный магазин «Универсаль Пассаж», входивший в ведение Ленинградского союза потребительских обществ. Ведет историю от магазина «Пассаж», построенного в 1846–1848 гг. (архитектор Р. А. Желязевич; перестроен в 1900 г., архитектор С. С. Козлов). Композиционной осью здания «Пассажа» является застекленная галерея-проход (*фр. пассаж*, отсюда название) между Невским проспектом и Итальянской улицей.

С. 126

...от своих дочерей. — Валентина и Клавдия Балдины.

...отдали И<вану> Я<ковлевичу>. — Предположительно, речь идет об И. Я. Ганс-мидте, хозяине дома, который снимала семья Берггольц в Глушино.

Пушкинский вечер... — В 1924 г. отмечалось 125-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837).

С. 127

...была в «Ревэстраде»... — «Революционная эстрада», театр (рабочий клуб) Володарского района Петрограда (с 1948 г. — Невский район). Подробнее об этом театре см.: Наст. изд. С. 641–642.

...ребятами Грустилинскими... — Грустилины, родственники со стороны М. Т. Берггольц.

...кино «Летающий автомобиль». — Немой черно-белый кинофильм «Летающий автомобиль» (Das fliegende Auto) 1920 г.; производство «Метрофильм» (Германия); в СССР демонстрировался с 1923 г. Сценарист — М. Бауер; оператор — Г. Мушнер; художник — Ф. Кренке; в главных ролях — Г. Пиль, М. Тиссе, А. Венгер, Ф. Бергер, М. Лауренс и др. Приключенческая драма в шести частях. См.: Каталог немецких немых фильмов, бывших в советском прокате / [Сост. Н. Егорова] // Кино и время. М., 1963. Вып. 4. С. 427.

...к т<ете> Тасе... — А. Т. Грустилина.

...про царя... — Речь идет о Николае II (1868–1918), последнем русском императоре; подробнее о нем см.: *Плотников И. Ф.* Гибель царской семьи. Екатеринбург; М., 2003.

С. 128

Приехала т<етья> Полина... — А. Т. Горбачева.

...пойдет «внизу»... — В семье Грустилиных, на первом этаже дома.

С. 129

...«Жизнь Тарханова», Чирикова. — «Жизнь Тарханова» (1911), автобиографическая трилогия писателя Евгения Николаевича Чирикова (1864–1932).

...«Обыкновенную историю». — Роман И. А. Гончарова «Обыкновенная история» (1847).

...фотку, женскую, конечно. — Предположительно, речь идет о фотографии А. А. Гришечкиной, близкой знакомой Ф. Х. Берггольца.

...бабушка убрала... — О. М. Берггольц.

С. 130

...не по Чарскому... — Т. е. поступать не так, как героини многочисленных романов Л. А. Чарской.

...едем в Эрмитаж... — Подробнее см.: Наст. изд. С. 636.

С. 131

Щеки у дедушки красные... — Речь идет о местном старожиле Анемподисте; о нем см.: Наст. изд. С. 639.

Так и хочется сказать ≈ себе не знаете!.. — Аллюзия на рассказ «Татьяна Борисовна и ее племянник» из цикла «Записки охотника» И. С. Тургенева. Ср.: «Послушайте, Татьяна Борисовна, вы себе цены не знаете, ведь вы, при всей вашей простоте и неучености, — необыкновенное существо!» (Тургенев И. С. Записки охотника. М., 1991. С. 135).

С. 135

...«j'écrites "Post-scriptum de ma vie"». — Здесь: «Я пишу "Постскриптум моей жизни"» (*фр.*). Речь идет о тексте «Постскриптум моей жизни: Неизданные произведения В. Гюго» (1901). Виктор Мари Гюго (1802–1885), французский писатель, глава и теоретик французского романтизма.

...для Гриневской стихи... — Лида (Людмила) Гриневская, одноклассница О. Ф. Берггольц.

С. 136

Дядя Сережа прислал тете Вале... — С. Иванов, муж В. Т. Ивановой (урожд. Грустилиной), сестры М. Т. Берггольц.

С. 137

Завтра праздник... — 28 августа отмечается Успение Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии.

В школу ≈ не веден... — Эти две фразы позволяют предположить, что дневник о проведении летних каникул должен был сдаваться для просмотра классному наставнику. Члены Литературно-художественного кружка им. М. Ю. Лермонтова вели «"Дневник" художественно-эстетической жизни школы». Вероятно, ведение «Дневника» входило в обязанности О. Ф. Берггольц. См. ее дневниковую запись от 4 ноября 1924 г. «Не хо-

чу быть я ни редактором, ни председателем, — писала она, — и этот проклятый школь<ный> дневник!!!» (*Берггольц О. Ф. Отроческие дневники 1924 г. / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. С. 690*).

Да Голинский... — Петр Петрович Голинский, сосед семьи Берггольц по даче в деревне Глушино.

С. 139

И. Е. поместил нас... — О ком идет речь, выяснить не удалось.

...садят в Вишере... — Имеется в виду Малая Вишера, железнодорожная станция на главном ходу Октябрьской железной дороги.

С. 140

...приехали Павлик... — П. Г. Степанов.

...Полина (душевнобо́льная)... — А. Т. Горбачева.

С. 141

...к Э<дмунду> А<дамовичу>... — Э. А. Сул-Грудзинский.

...«Конек-Горбунок»... — Сказка в стихах Петра Павловича Ершова (1815–1869), написанная в 1830-х гг.

...зашли к Вале У<стюхиной>... — Одноклассница О. Ф. Берггольц.

С. 142

...в Елизаветино... — Речь идет о поселке Елизаветино Гатчинского района Ленинградской области.

Институтка, интернатка! О, чарщина! — Речь идет о героинях романа «Записки институтки» (1902) Л. Чарской.

...в Китае революция... — Благодаря революции 1911–1913 гг. в Китае произошло свержение императорской власти, установление республики и формирование революционной политической партии Гоминьдан. В 1921 г. была учреждена Коммунистическая партия Китая. Лидер китайской революции Сунь Ят-сен (1866–1925) вел работу по консолидации всех революционных сил и по созданию собственной армии. Подробнее см.: *Васильев Л. С. История Востока. М., 1993. Т. 2. С. 208–215.*

...посмотрела Антанта? — Антанта, военно-политический союз Великобритании, Франции и Российской империи, название которого произошло от неофициального наименования англо-французских соглашений, заключенных в 1904 г. (от фр. «Entente cordiale» — «Сердечное согла-

сие»), которые окончательно разграничили колониальные интересы Великобритании и Франции. Соглашения стали основой союза этих двух держав, а также одной из основ тройного союза — Франции, Великобритании и России. Впоследствии название «Антанта» широко использовалось для обозначения коалиции (в составе более 20 государств), воевавшей в период 1-й мировой войны 1914–1918 гг против блока Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. В 1918–1920 гг. страны Антанты выступили организаторами вооруженной интервенции против Советской России. Начало работы Лиги Наций, усиление противоречий в отношениях между Великобританией и Францией, провал интервенции против Советской России привели к тому, что к середине 1920-х гг. в международных отношениях термин «Антанта» постепенно перестал использоваться.

...отнять Сахалин... — Согласно Портсмутскому мирному договору 1905 г., заключенному после Русско-японской войны 1904–1905 гг., южная часть острова Сахалин передавалась Японии. В 1918–1925 гг. японская армия оккупировала Дальний Восток, включая северную часть Сахалина, Приморье, Приамурье и часть Забайкалья. Подробнее см.: Дьякова Н. А., Чепелкин М. А. Границы России в XVII–XX веках. М., 1995. С. 198–200; Зиланов В. К., Кошкин А. А., Латышев И. А. и др. Русские Курилы: история и современность: Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М., 1995. С. 54–57.

С. 143

...навстречу попалась Татьяна Александровна с Шуриком и Гариком. — Речь идет о семье П. Г. Степанова, родственниках со стороны О. М. Берггольц.

...шли на Елагин остров... — Один из 42 островов, расположенных в разветвленной дельте р. Невы; омывается с юга р. Средней Невкой, с севера — р. Большой Невкой, 1, 2 и 3-й Елагины мосты связывают его с Каменным и Крестовским островами и с районом Старой Деревни. Первоначально назывался Мистола-Сари, в начале XVIII в. — Мишин (Мишкин) остров, затем пожалован царем Петром I барону П. П. Шафирову и назывался Шафиров остров. С 1720-х гг. остров принадлежал П. И. Ягужинскому, затем А. П. Мельгунову, с конца 1770-х гг. — И. П. Елагину (отсюда современное название). В 1926 г. на стрелке была сооружена пристань, украшенная фигурами львов, перенесенных от дачи Стро-

ганова на Черной речке (архитектор Л. А. Ильин). С 1932 г на территории Елагина острова располагается Центральный парк культуры и отдыха. Подробнее см.: *Глезеров С. Е. Исторические районы Петербурга: от А до Я. М.; СПб., 2010. С. 294–295.*

С. 144

Да здравствует КИМ!... — Коммунистический интернационал молодежи (КИМ), международная молодежная организация, существовавшая в 1919–1943 гг. Организована как секция Коминтерна и действовала под его руководством. Идея создания КИМ принадлежала В. И. Ленину. КИМ сыграл свою роль в организации и сплочении международного молодежного движения; в мае 1943 г. вслед за роспуском Коминтерна КИМ был распущен.

...Сашуля... — Вероятно, речь идет об Александре Ивановиче, учителе истории.

С. 145

Телефон Поли... — Полина Власова, одноклассница Берггольц.

С. 146–147

Выкатит буркалы... — Глаза (просторечное, бранное).

С. 147

...шли по Смоленскому. — Большой Смоленский проспект, улица Невского района Ленинграда между проспектом Обуховской Обороны и Глухоозерским шоссе.

...ждала бабушка... — О. М. Берггольц.

Дед визжит... — Х. Ф. Берггольц.

С. 148

...бывает Лилина... — З. И. Лилина, подробнее о ней см.: Наст. изд. С. 652.

...Щепкина-Куперник. — Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874–1952), писательница, переводчица.

А через Т. А. познакомлюсь... — О ком идет речь, выяснить не удалось.

...с Коллонтай. — Александра Михайловна Коллонтай (урожд. Домонтович; 1872–1952), советский партийный деятель, дипломат, публицист, видный деятель женского движения; в 1921–1922 гг. секретарь Международного женского секретариата при Коминтерне; с 1923 г. на дипломатической работе.

...Коллонтай, как коммунисткой... — А. М. Коллонтай была членом РСДРП(б) с 1906 г.

...и Лилиной... — З. И. Лилина была членом РСДРП(б) с 1903 г.

Мне хочется ласки... — Несколько раз повторенная цитата из стихотворения Д. Цензора «Ляля». Об особенностях цитации полюбившейся строчки в дневнике О. Ф. Берггольц см.: *Прозорова Н. А.* Ольга Берггольц. Начало (по ранним дневникам). С. 128.

С. 151

Александр Македонский — Александр III (356–323 до н. э.), сын македонского царя Филиппа II, один из великих античных полководцев и завоевателей, военные кампании которого отличались дерзостью и полководческим искусством.

Капитан Немо — Герой романов французского писателя Жюль Верна (1828–1905) «20 000 лье под водой» (1869–1970), «Таинственный остров» (1875).

Юдифь — Героиня пьесы «Уриэль Акоста» (1847) немецкого писателя и драматурга Карла Гуцкова (1811–1878).

Роберт-Дьявол — Роберт-Дьявол, он же Роберт Великолепный (около 1000–1035), граф Иемуа в 1026–1027 гг, герцог Нормандии с 1027 г, младший сын герцога Ричарда II Доброго. Роберт-Дьявол стал персонажем средневековых преданий, на основе которых в 1831 г в Париже была поставлена одноименная опера композитора Дж. Мейербера.

Наполеон — Наполеон I, Наполеон Бонапарт (1769–1821), французский полководец, первый консул Французской республики (1799–1804), император французов (1804–1814, март–июнь 1815). Умер в ссылке на о. Святой Елены.

Ганнеле (Нелли) — Героиня пьесы «Ганнеле» (1892) немецкого писателя и драматурга Герхарта Гауптмана (1862–1946).

С. 152

Хлопотали с Полей... — П. Власова, одноклассница О. Ф. Берггольц.

Организуется М.О.П.Р... — Международная организация помощи борцам революции (МОПР), внепартийная организация, основной целью которой было оказание юридической, моральной и материальной помощи жертвам преследований и террора в разных странах. Создана в ноябре 1922 г на основе решения 4-го конгресса Коминтерна. Инициаторами создания МОПР выступили российские общества большевиков и бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В 1924 г

в крупных советских городах были открыты отделения МОПР и назначены уполномоченные. Орган Центрального комитета МОПР — журнал «МОПР» издавался на русском языке в 1923–1926 гг., на немецком, английском, французском языках — в 1926–1938 гг. (с 1936 г. под названием «Единство»). В конце 1937 г. руководство МОПР было переведено из Москвы в Париж, где находилось до сентября 1939 г. С начала 2-й мировой войны 1939–1945 гг. деятельность МОПР в международном масштабе прекратилась. Секция МОПР СССР существовала до февраля 1948 г., когда была распущена «как выполнившая стоявшие перед ней задачи».

...и Дуня... — Авдотья, прислуга и нянька сестер Берггольц.

После занятий Марксистского кружка... — Кружок учащихся, работал в 117-й школе.

С. 153

...написать в «Новый Робинзон». — О журнале «Новый Робинзон» см.: Наст. изд. С. 652.

С. 154

Жаль коку. — Домашнее прозвище бабушки — Х. Ф. Берггольца.

С. 155

...Гапон организует... — Георгий Аполлонович Гапон (1870–1906), священник, агент охраны, политический деятель. По инициативе Гапона была выработана петиция и организовано шествие рабочих к царю 9 января 1905 г., которое закончилось расстрелом рабочих (так называемое Кровавое воскресенье). После издания Манифеста 17 октября 1905 г. Гапон вернулся из эмиграции в С.-Петербург, возобновил контакты с руководящим ядром бывшего «Собрания» и с полицией. 28 марта 1906 г. в Озерках (под С.-Петербургом) убит группой рабочих-боевиков.

...к Николаю П... — О нем см.: Наст. изд. С. 654.

С. 156

...Хрусталева-Носаря. — Петр Алексеевич Хрусталева (партийный псевдоним Георгия Степановича Носаря; 1879–1919), меньшевик; выступал за создание беспартийной либеральной рабочей организации. В октябре 1905 г. был избран председателем С.-Петербургского совета рабочих депутатов, в ноябре арестован и в 1906 г. сослан в Сибирь. В 1907 г. бежал

из ссылки за границу. После 1910 г. отошел от политической деятельности. В 1918 г. сотрудничал с П. П. Скоропадским и С. В. Петлюрой; расстрелян за контрреволюционную деятельность.

Товпред Троцкий, Яновский. — Лев Давидович Троцкий (настоящая фамилия Бронштейн; 1879–1940), политический деятель. Яновский — один из его псевдонимов.

...**Дубасовым.** — Федор Васильевич Дубасов (1845–1912), адмирал, генерал-адъютант. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1900–1905 гг. председатель Морского технического комитета. В ноябре 1905 — июле 1906 г. московский генерал-губернатор, руководил подавлением Декабрьского восстания 1905 г. в Москве; в 1906 г. на Дубасова были совершены эсерами два безуспешных покушения. С 1906 г. член Государственного совета.

С. 158

Очи черные ~ очи страстные — Романс на стихи Евгения Павловича Гребенки (1812–1848), музыка немецкого композитора Германа Флориана.

1925 год

12/II. Я не знаю, почему я так ненавижу немецкий (С. 163–169).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 312).

Датируется с 12 февраля по 8 марта 1925 г.

10–3–25. «На баррикады!.. На баррикады!!!» (С. 169–179).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 313).

Датируется с 10 марта по 13 апреля 1925 г. В конце дневника содержится запись, свидетельствующая о том, что директор школы И. А. Ампелогов прочитал дневник О. Ф. Бергтольд и поставил дату просмотра — 21 апреля 1925 г.

Мой дневник (С. 174–176, 178–182).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 314).

Датируется с 23 марта по 28 апреля 1925 г.

Это было что-то ужасное (С. 183–229).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 316).

Датируется с 29 июня по 20 октября 1925 г. Однако записи, сделанные О. Ф. Берггольц, позволяют уточнить ее обращение к этому дневнику (см. запись 13 марта 1926 г., в которой она вновь оценивала свое поведение). Большая часть дневника посвящена событиям, происходившим в деревне Заручевье, где Берггольц попробовала себя в роли советского агитатора (см. запись от 9 июля 1925 г.: Наст. изд. С. 186–187).

Берггольц. Дневник (С. 230–242).

Публикуется впервые по автографу (в двух тетрадах) (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 317).

Датируется с 9 по 30 декабря 1925 г.

С. 163

...пустит ли меня мама к солдатам. — Речь идет о посещении учащимися 117-й школы подшефной части войск Карельского артиллерийского участка и устройстве школьниками литературных вечеров и лекций для солдат.

О<льга> П. говорит... — Предположительно, речь идет об учителе по предмету «Бухгалтерский учет».

О<льга> В<олкова>... — Школьная знакомая О. Ф. Берггольц.

...36 туманных картин. — Речь идет о демонстрации определенных образов с помощью так называемого волшебного фонаря (другие названия: магический фонарь, фантаскоп) — особого аппарата для проекции изображений — и с использованием в виде спецэффектов облаков дыма, производимых специальными машинами. Изображения, использовавшиеся в этих проекциях, размещались на стеклянной основе, ручным или печатным образом. Изобретение и развитие фотографии способствовало массовому производству пластинок с фотографическими изображениями, которые зачастую были раскрашенными. Демонстрации с использованием волшебного фонаря, появившиеся еще в XVII в. и вошедшие в повсеместный обиход в XIX в., предшествовали развитию кинематографа.

С. 164

...в «рай»... — Райком, т. е. районный комитет Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ), созданного на 1-м Всероссийском съезде союзов рабочей и крестьянской молодежи (Москва, 29 октября —

4 ноября 1918 г.). С июля 1924 г. Российский Ленинский коммунистический союз молодежи (РЛКСМ). В марте 1926 г. переименован во Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ). О. Ф. Берггольц усекает слово до первой составной «рай», подразумевая, что утвердившаяся новая власть и есть рай.

...к А<нне> И<вановне>... — Школьный учитель.

...«Прощай, я ухожу, довольно». — Возможно, аллюзия на романс «Довольно» («Прощай, я ухожу...»), музыка Б. А. Прозоровского, слова О. Л. Осенина.

С. 165

...читать «Овода»... — Роман «Овод» Э. Л. Войнич; также см.: Наст. изд. С. 651.

Помню «Жизнь Тарханова»... — Трилогия «Жизнь Тарханова» Е. Н. Чирикова; также см.: Наст. изд. С. 654.

«Не одна во поле дороженька пролегала»... — Старинная русская народная песня.

С. 166

И с газетой тоже волокитничает... — О. Ф. Берггольц активно участвовала в выпуске школьной стенгазеты, первый номер которой вышел 1 декабря 1924 г. Подробнее см.: *Прозорова Н. А.* Ольга Берггольц. Начало (по ранним дневникам). С. 62–66.

...прочитала «Глод» Семенова. — Роман «Глод» (1922) писателя Сергея Александровича Семенова (1893–1942).

...стало без бабушки. — О. М. Берггольц.

...Марков или Мицкевич влюблены... — Одноклассники О. Ф. Берггольц.

С. 167

Ленин. Задачи комсомола. — Речь идет об изучении доклада «Задачи союзов молодежи», с которым В. И. Ленин выступил 29 октября 1920 г. на 3-м съезде РКСМ.

...учение> Маркса... — Карл Маркс (1818–1883), основоположник марксизма, автор «Капитала» (1867). С 1925 г. в СССР марксизм-ленинизм подлежал обязательному изучению во всех советских образовательных учреждениях, начиная со старших классов средней школы.

С. 168

...страдаю на бухгалтерии. — В Единой трудовой школе претворялась идея политехнического образования; судя по этой записи, дополнительным

предметом, по которому специализировались учащиеся, был бухгалтерский учет.

С. 169

...будет КСМ... — Коммунистический союз молодежи (также К.С.М., РКСМ, РЛКСМ); подробнее см.: Наст. изд. С. 662–663.

Формула Мольвейде. — Карл Брандан Молвейде (Моллвейди; 1774–1825), немецкий математик, астроном, автор равноцилиндрической проекции.

С. 170

...где проспект Володарского... — Литейный проспект, в 1918–1944 гг. носил имя участника революционного движения В. Володарского (партийный псевдоним Моисея Марковича Гольдштейна; 1891–1918), в 1917–1918 гг. комиссара по делам печати, пропаганды и агитации Петроградского совета. Убит эсером.

...болеет дедушка... — Х. Ф. Берггольц.

С. 172

...Серафима напела... — Серафима Михайловна, тетья И. А. Ампелогова.

Как во даалече, далечее, вооо чиистоом поле... — Былинный и песенный зачин.

С. 173

...двоюродных маленьких сестренок! — Речь идет о сестрах Ивановых — Людке (Людмила Сергеевна, род. в 1919) и Танечке (Татьяна Сергеевна, 1921–1997), дочерях В. Т. Ивановой, сестры М. Т. Берггольц.

Но тебя я ~ буду жить!! — Романс «Мы сегодня расстались с тобою...»; слова и музыка Льва Яковлевича Дризо.

...«Когда мы, мертвецы, пробуждаемся». — «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» (1899), пьеса норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828–1906).

Очень интересно Коган... — Петр Семенович Коган (1872–1932), критик, историк литературы; автор монографического исследования «Очерки по истории западноевропейской литературы».

...почитать Зола, Гауптмана, Метерлинка и др. — Эмиль Золя (1840–1902), французский писатель; Герхард Гауптман (1862–1946), немецкий драматург; Морис Метерлинка (1862–1949), бельгийский драматург.

С. 174

...подставила Л. Е. ножку... — Речь идет об однокласснице О. Ф. Берггольц; возможно, это Лиля Егорова или Лиля Евстигнеева.

...А<реадий?>... — Предположительно, одноклассник О. Ф. Берггольц.

С. 174–175

Боря ≈ не видала... — Знакомый О. Ф. Берггольц по райкому РКСМ Невской заставы.

С. 175

Хожу в союзную школу. ≈ Попала в «Красную <газету>». — Предположительно, речь идет о школе юных рабкоров, которые, как правило, устраивались при редакциях газет. Вероятно, О. Ф. Берггольц имеет в виду школу при «Красной газете». «Красная газета», ежедневная газета, в разное время орган центрального, губернского, городского комитетов ВКП(б) и Петросовета (Ленсовета) (Ленинград, январь 1918 — февраль 1939 г.). В 1918–1919 и 1922–1936 гг издавались вечерние выпуски (в 1922–1923 и 1932–1936 гг. — «Вечерняя Красная газета»). В 1922 г. в «Красную газету» влита газета «Деревенская правда». В качестве приложений в разное время выходили журналы «Человек и природа», «Будь здоров», «Дом и хозяйство», «На досуге», «Литературная неделя», «Резец» и др. В 1920–1930-х гг при «Красной газете» действовало одноименное книжно-журнально-газетное издательство, в том числе выпускавшее журналы «Красная панорама», «Наука и техника», «Красный ворон», «Бегемот» и др. В марте 1939 г. «Красная газета» была объединена с газетой «Ленинградская правда». С момента основания газеты выходило литературное приложение «Зори» (впоследствии «Литературный еженедельник»).

...Ал<ександр> Ан<дреевич>... — Школьный учитель геометрии.

С. 176

...не поедем в «Глушино»!!! — В этой деревне в Псковской губернии семья Берггольц снимала дачу с 1924 г. Подробнее см.: «Так хочется мир обнять». О. Ф. Берггольц: Исследования публикации: К 100-летию со дня рождения. СПб., 2011. С. 23.

...работаю по Обломову. — Речь идет о романе «Обломов» (1859) И. А. Гончарова.

А Добролюбов... — Николай Александрович Добролюбов (1836–1861), критик, публицист; автор критической статьи «Что такое обломовщина» (1859), посвященной роману И. А. Гончарова.

...«**доброхимик**» говорил... — В 1924 г. было образовано Добровольное общество друзей химической обороны и химической промышленности — Доброхим СССР. Вероятно, речь идет о члене этого общества, который приходил в школу с лекцией.

С. 177

«**У меня есть ≈ видное губ**»... — Стихотворение (1913) Анны Андреевны Ахматовой (урожд. Горенко; 1889–1966); вошло в сборник «Четки».

...«**Разлуку**»... — Имеется в виду русская народная песня «Разлука ты, разлука...».

...«**Умер, бедняга**». — Песня на стихи «Умер, бедняга! В больнице военной...» поэта К. Р. (псевд. великого князя Константина Константиновича; 1858–1915), музыка Якова Федоровича Пригожего (1840–1920). О бытовании популярного текста см.: *Иванова Т. Г.* «Умер, бедняга! В больнице военной...»: историко-культурный комментарий к стихотворению К. Р. // *Русская литература*. 2009. № 2. С. 135–158.

Какие чудные звезды ≈ Ух!!!! — Ср. размышления О. Ф. Берггольц о дневных звездах: *Берггольц О. Ф.* Дневные звезды. Л., 1960. С. 98–99, 103–104. Также см.: *Прозорова Н. А.* Мечта о небе Ольги Берггольц (по архивным материалам) // *Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского*. Симферополь, 2013. Вып. 10. С. 128–138.

С. 178

...**поеду в «Резец»**... — «Резец», первоначально еженедельное приложение к «Красной газете»; затем рабочий литературно-художественный журнал (Ленинград, 1924–1939). Выходил с разной периодичностью — двухнедельный и еженедельный; с 1935 г. орган Ленинградского отделения Союза писателей СССР; публиковал непрофессиональных пролетарских авторов, впоследствии в журнале печатались известные писатели и критики. Особой популярностью пользовался раздел «Литературная студия “Резца”», в котором А. П. Крайский давал уроки литературной учебы начинающим авторам. Правопреемником журнала «Резец» был журнал «Ленинград» (1940–1946).

...**кока сказал**... — Х. Ф. Берггольц.

...**влюблена в С<ергея> Г<ригорьева>**. — Сергей Александрович Григорьев, школьный знакомый О. Ф. Берггольц.

С. 178–179

...на **«Багдадском Воре»**... — Немой черно-белый кинофильм «Багдадский вор» 1924 г., производство США. Режиссер — Р. Уолш; в главных ролях — Д. Фербенкс, Дж. Джонстон, Б. Херст и др. Снят по мотивам арабских сказок. В 1996 г. в США фильм был внесен в «Национальный реестр фильмов».

С. 179

...читала **Куприна**... — Александр Иванович Куприн (1870–1937), русский писатель. ...«**Суламифь**» ≈ «**Поединок**»... — «Суламифь» (1908), «Молох» (1896), «Яма» (1909–1915), «Поединок» (1905), повести А. И. Куприна.

В<аря> Н<екрасова>... — Одноклассница О. Ф. Берггольц.

«**Отгадай мне, ромашка, он любит иль нет?**» — Строчка из стихотворения О. Ф. Берггольц «Гаданье».

...«**Юный пролетарий**». — Литературно-художественный и публицистический журнал советской молодежи. Первый номер вышел в Петрограде 28 ноября 1917 г. Был печатным органом Социалистического союза рабочих молодежи. Первым редактором был В. П. Алексеев. Издавался книжно-журнальным издательством «Красной газеты».

С. 180

...в **храме Воскресенья**. — Храм Воскресения Христова («Спаса на крови»), построен в С.-Петербурге в 1883–1907 гг. (архитектор А. А. Парланд; архитектор-мандрит Игнатий (Малышев)) за счет казны и на частные пожертвования на месте смертельного ранения 1 марта 1881 г. императора Александра II. Девятиглавый храм выполнен в формах московского зодчества XVI–XVII вв., отличается сложным живописным силуэтом и богатым мозаичным убранством. В 1923 г. храм получил статус кафедрального собора. В 1930 г. он был закрыт, в 1934–1935 гг. в нем размещалась выставка, посвященная революционной партии «Народная воля», затем здание использовалось для хозяйственных нужд. В 1970 г. храм передан музею «Исаакиевский собор».

...в «**Резец**» — **Лаврухина там не было**. — Предположительно, речь идет о литературном редакторе журнала Дмитрии Исаевиче Лаврухине (настоящая фамилия Георгиевский; 1897–1939), авторе книги «По следам героя: записки рабкора» (Л., 1930).

...поеду в «**Смену**»... — Газета, ориентированная на рабоче-крестьянскую аудиторию (Ленинград, с 1919 г.); в 1923–1924 гг. орган Северо-Западно-

го бюро ЦК и Петроградского губкома РКСМ, с 1927 г — Северо-Западного областного бюро ЦК ВЛКСМ, с 1928 г — Ленинградского обкома и ГК ВЛКСМ. Предшественником «Смены» был журнал «Юный пролетарий». До 1924 г. издавалась нерегулярно, с 1925 г. — 6 раз в неделю. В литературном отделе газеты печатались М. Горький, К. А. Федин, В. В. Маяковский, Н. С. Тихонов, Ю. П. Герман, А. А. Прокофьев и др.

С. 181

...«С горести печали русые секутся»... — Строка из стихотворения «В золотое время...» (1837) поэта Алексея Васильевича Кольцова (1809–1842).

...в «Ленинских искрах». — «Ленинские искры», газета для детей и подростков; орган Северо-Западного бюро детских коммунистических групп и Ленинградского губкома РКСМ, затем орган Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ и Ленинградского совета пионерской организации (Ленинград, с августа 1924 по 1991 г.). 1-й номер вышел 31 августа 1924 г. В разное время газета выходила один или два раза в неделю. В газете печатались К. И. Чуковский, С. Я. Маршак, М. Горький, А. П. Гайдар, Б. С. Житков, В. В. Бианки, Л. Пантелеев, Л. А. Кассиль, и многие другие.

В «Резце» ни чорта не вышло. — Первая публикация О. Ф. Берггольц в журнале «Резец» состоялась в 1926 г. Были опубликованы стихи «Песня о тракторе» (1926. № 31. С. 3) и «В хлеву» (1926. № 44. С. 1).

С. 182

...в Севпечать. — Северо-Западное бюро по распространению произведений печати в Ленинграде. Организовано в сентябре 1918 г.; ликвидировано 31 мая 1927 г.

Кого-то нет ≈ того здесь нет. — Старинный русский романс, автор первой редакции поэт М. Л. Яковлев (1798–1868), музыка И. А. Рупина (1792–1850). К началу XX в. от этого романса остались только строки «Кого-то нет, кого-то жаль...»; остальной текст был заменен на более понятый современнику XX в.

С. 183

...что такое пионеры... — Зарождение детского коммунистического движения в СССР исторически связано с историей революционного движения. После победы Октябрьской революции 1917 г. в различных годах страны стали возникать детские объединения. В конце 1921 г.

ЦК РКСМ создал специальную комиссию по выработке программы и принципов деятельности новой детской организации, ее устава и организационных основ. 19 мая 1922 г. 2-я Всероссийская конференция комсомола приняла решение о повсеместном создании пионерских отрядов. Этот день стал отмечаться как день рождения Всесоюзной пионерской организации. В октябре 1922 г. 5-й Всероссийский съезд РКСМ постановил объединить все пионерские отряды, организованные в Москве, Петрограде, Туле, на Урале и др., в детскую коммунистическую организацию «Юные пионеры имени Спартака». 21 января 1924 г. решением ЦК РКСМ пионерской организации было присвоено имя В. И. Ленина. Подробнее см.: Эстафета пионерских поколений. М., 1972.

...снетками... — Рыба семейства корюшек; населяет озера Балтийского моря.

С. 184

Бабушка... — М. И. Грустилина.

Хочу написать в «Н<овый> Робинзон» заметку о лесе. — О «Новом Робинзоне» см.: Наст. изд. С. 652. О. Ф. Берггольц на указанную тему в журнале не публиковалась.

...во сне два раза Сережу. — С. А. Григорьев.

С. 185

Но где же Рабкрин? — Рабоче-крестьянская инспекция, одна из форм осуществления государственной власти. Организационно рабочий контроль состоял из заводских или фабричных комитетов и советов старост. В январе 1918 г. были образованы Центральная контрольная коллегия, учетно-контрольные коллегии и контрольные комиссии на местах. Центральная контрольная коллегия была в июле 1918 г. преобразована в Наркомат государственного контроля РСФСР 8-й съезд РКП(б) (март 1919 г.) принял постановление о реорганизации контроля. В феврале 1920 г. Наркомат государственного контроля был реорганизован в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), в задачи которой входили контроль за деятельностью всех органов государственного управления, органов управления хозяйством и за общественными организациями; борьба с бюрократизмом и волокитой; проведение летучих ревизий и обследований; проверка исполнения декретов и постановлений советского правительства; надзор за соблюдением законов в управлении. Декретом ВЦИК от 9 января 1922 г. на РКИ возлагались

обязанности по контролю за учетом и хранением государственного имущества, последующей проверке финансовых смет, планов материального снабжения, договоров и других денежных документов; по разработке предложений о сокращении и удешевлении государственного аппарата; по контролю за состоянием приема и рассмотрения жалоб и т. д.

С. 186

...Мишуковские <?> сопки... — Поселок Мишуково Кольского района Мурманской области находится у подножия горы (сопки) с одноименным названием. Гора отличается своей высотой — 348,8 м и тем, что с нее открывается замечательный вид на окрестности. Сопка примечательна, россыпью камней и наличием остатков окопов и блиндажей времен Великой Отечественной войны.

С. 186–187

...«Где нужен свет ≈ на Валдайских...» — Черновой набросок заметки, над которой работала О. Ф. Берггольц; статья опубликована не была.

С. 187

...журнал «Пионер»... — Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина для пионеров и школьников (Москва, с 1924 г.). В журнале в разное время печатались С. Я. Маршак, А. П. Гайдар, Л. А. Кассиль, Б. С. Житков, К. Г. Паустовский, Р. И. Фраерман, В. А. Каверин, А. Л. Барто, С. В. Михалков, Л. И. Лагин и многие др.

Прочитала Вербицкой «Моему читателю». — Анастасия Алексеевна Вербицкая (урожд. Зяблова; 1861–1928), писательница. Речь идет о книге «Моему читателю. Автобиографические очерки с портретом автора и семейными портретами: (Детство, годы учения)» (1911).

С. 188

«Облетели цветы, догорели огни, и в кадиле потух фимиам!» — Парафраз строк стихотворения «Умерла моя муза» (1885) поэта Семена Яковлевича Надсона (1862–1887).

С. 191

...скачу о Верке, Клавде, Поле... — В. Ильян, К. Балдина, П. Власова, школьные подруги О. Ф. Берггольц.

...почти суслон. — Суслон, несколько снопов, поставленных в поле для просушки стоймя, колосьями вверх и покрытых сверху снопами.

С. 192

...«Прожектор»... — «Прожектор», еженедельный иллюстрированный литературно-художественный и общественный журнал (Москва, февраль 1923—1935 г.). В состав редколлегии входили Н. И. Бухарин (1923—1931), А. К. Воронский (1923—1927), К. Я. Левин (1926—1929) и др. Выходил как приложение к газете «Правда». С 1932 г. выходил дважды в месяц, с 1933 г. — раз в месяц.

...«Безбожник». — «Безбожник», ежемесячный антирелигиозный сатирический журнал (Москва, март 1925 — июнь 1941 г.), орган Центрального и Московского областного советов Союза воинствующих безбожников СССР. В 1925, 1933—1941 гг. выходил ежемесячно, в 1926—1932 гг. — дважды в месяц. Ответственные редакторы журнала — Е. М. Ярославский (1925—1932), Ф. М. Путинцев (1933—1941). С журналом постоянно сотрудничали художники-карикатуристы Д. С. Моор, Н. Ф. Денисовский, М. М. Черемных и др. Одновременно выходила газета «Безбожник» (Москва, декабрь 1922 — январь 1935 г., март 1938 — июль 1941 г.). При газете действовало одноименное издательство, которое выпускало антирелигиозные книги и брошюры.

...тетя Тася! — А. Т. Грустилина.

С. 193

...№ «Ленинских» искр» ≈ моя заметка. — В библиографии О. Ф. Берггольц эта публикация не отражена, см.: Русские советские писатели. Поэты: библиографический указатель / Гбс. публ. библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; сост. И. В. Алексахина и др. М., 1979. Т. 3. Ч. 1.

С. 194

...«Бегемот»... — Еженедельный сатирический журнал, выходивший в Ленинграде с 1924 по 1928 г. как приложение к «Красной газете».

У тети Вали... — В. Т. Иванова.

Ленин как человек ≈ Задача Союз<а> Мол<одежи>... — Речь идет о книгах: *Лилина З. И. Ленин как человек. Л., 1924. 19 с.* (Сер. Ленинская

библиотека); *Она же*. Наш учитель Ленин: Книжка для детей. Л., 1924. 16 с.; *Крупская Н. К.* О Владимире Ильиче. М.; Л., 1925. 24 с.; *Карпинский В. А.* Пролетарский вождь крестьянства. Л., 1924; *Ленин В. И.* Задачи союзов молодежи. М., 1924. 40 с.

С. 195

...наши тетки лучше, чем Степановы. — Речь идет о Грустилиных, сестрах М. Т. Берггольц, и Степановых — родственниках со стороны О. М. Берггольц.

...Смерть Э<дмунда> А<дамовича> — О смерти Э. А. Сул-Грудзинского в дневнике О. Ф. Берггольц есть еще запись от 15 октября 1924 г.: «Умер Эдмунд Адамыч! Умер! Это, кажется так просто сказать: умер... Мне его очень жаль. Школа понесла невозвратимую утрату в его лице. Бедный Э<дмунд> А<дамович>! Как мне жаль его... Сегодня пойдем к нему на панихиду». В записи от 16 октября Берггольц пишет о том, как составляла речь на смерть учителя. А 18 октября она описала его похороны: «Вчера был такой “разноцветный день”. С 10 часов пошли хоронить Э<дмунда> А<дамовича>. Около его дома была густая толпа школьников, были посторонние зеваки и преподаватели. Ждали долго; наконец, появился чахоточный ксендз в сопровождении какого-то прыщавого тенора, гроб поставили на белые дроги, и дроги, как птицы, затрепетали, качнулись, и, колыхаясь, поплыли под гнусавое, заунывное пение баб...» (*Берггольц О. Ф.* Отроческие дневник 1924 г. / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. С. 679).

Мопр. — МОПР, Международная организация помощи борцам революции (МОПР), подробнее см.: Наст. изд. С. 659–660.

С. 196

...«Семейные вечера»... — Детский иллюстрированный журнал, выходивший в С.-Петербурге в 1864–1892 гг. Основан М. Ф. Ростовской и В. Н. Майковым. Выходил ежемесячно двумя книжками для старшего и для младшего возраста. Позже к разделу для детей младшего возраста прибавился раздел для самых маленьких детей. Детский раздел состоял преимущественно из рассказов, повестей и сказок; в отделе для юношества повести и рассказы чередовались со статьями научного содержания.

С. 200

...тетю Варю с Люсенькой... — Варвара Тимофеевна Грустилина (1888–1942), сестра М. Т. Берггольц, по образованию медицинская сестра. О ней О. Ф. Берггольц писала: «...баба Маша... заботливо обихаживала... тетю Варю — медицинскую сестру Александровской больницы, непрерывно...: при этом ворча на нее... Тетя Варя стала работать в госпитале сестрой милосердия в первые же месяцы войны с Вильгельмом, когда жениха ее взяли на войну, он был прапорщиком... Тети-Вариного жениха, прапорщика, убили на войне... Тетя Варя так и не вышла замуж и тихо, безропотно... увядала» (Берггольц О. Ф. Дневные звезды. М., 1960. С. 127). В. Т. Грустилина умерла в годы блокады по дороге в госпиталь.

...наша тетя Маня... — М. Н. Степанова.

...с [дя] Григорием> Григорьевичем>... — Григорий Григорьевич Степанов, муж М. Н. Степановой.

С. 201

...Павел путешествует... — П. Г. Степанов.

С. 202

...приедет дядя Шура... — А. Т. Грустилин.

...«Ключи счастья» Вербицкой. — Речь идет о книге А. А. Вербицкой «Ключи счастья. Современный роман» (1909–1913).

С. 203

Послала в «Ленинские» Искры» ≈ поместят... — Предположительно, речь идет о стихотворении О. Ф. Берггольц «Пионерам» («Это вы, пионеры, возьмете...»), опубликованном в газете «Ленинские искры» (1925. 27 сентября; подпись: Пионерка О. Берггольц).

К Амподисту надо идти. — Подробнее о нем см.: Наст. изд. С. 639.

Были в воскресенье в Наронове... — Деревня Нароново Крестецкого уезда Новгородской губернии (ныне Окуловского района Новгородской области). Там находилось знаменитое имение Матвейково ботаника Н. И. Железнова (подробнее см.: «Так хочется мир обнять»... С. 129).

...кричит фистулой... — Фистула, то же, что и фальцет; один из регистров певческого голоса, в котором головной резонатор используется изолированно от грудного.

С. 204

«Бездушная кокётка в желтых баретках». — Источник цитаты установить не удалось.

С. 205

Мне нравится ≈ мне НЕ нравится. — Речь идет о героях романа А. А. Вербицкой «Ключи счастья».

С. 207

...газеты «Полярная звезда». — Предположительно, речь идет о газете «Полярная правда» (Мурманск, 1920–1960). Газета «Полярная звезда», орган Диксонского РК КПСС, стала выходить с января 1936 г.

С. 208

Живем, как на бивуаке... — Бивак, бивуак (от фр. bivouac — лагерь), привал, расположение войск вне населенного пункта, стоянка.

Я записываюсь в завод им. Ленина... — Речь идет о Невском машиностроительном заводе им. В. И. Ленина («Невский завод»). Основан в 1857 г. англичанином Томсоном как металлургическое предприятие. В 1864 г. перешел в руки русских золотопромышленников П. Ф. Семянникова и В. А. Полетики. Предприятие получило название «Невский литейный и механический завод Семянникова и Полетики». В 1870 г. завод перешел к Русскому обществу паровозов и горных заводов, в 1890 г. куплен Московским товариществом Невского завода, в 1899 г. перешел во владение Товарищества Невского судостроительного и механического заводов. После Октябрьской революции, в январе 1918 г., завод был национализирован, первоначально занимался ремонтом судов. После принятия плана ГОЭЛРО главными направлениями его деятельности стали энергомашиностроение, а также производство оборудования для промышленности. Впоследствии специализировался в области создания центробежных компрессорных машин с приводными газовыми турбинами для химической, нефтяной, газовой, металлургической и других отраслей промышленности. Ныне закрытое акционерное общество, одно из ведущих в России предприятий энергетического машиностроения.

Читала Писарева о Пушкине... — Речь идет об исследовании «Пушкин и Белинский» (1865) критика Дмитрия Ивановича Писарева (1840–1868).

...«Поэт на лире вдохновенной...» — Стихотворение А. С. Пушкина «Поэт и толпа» («Поэт по лире вдохновенной...», 1828).

С. 209

Саломея... — Библейский образ, иудейская принцесса, дочь Иродиады, падчерица Ирода Антипы. Ее чувственные танцы так очаровали Ирода, что он пообещал ей дать все, что она пожелает. Она, по подсказке своей матери, потребовала у него голову пророка Иоанна Крестителя.

С. 210

...была на «Знаке Зорро». — Немой черно-белый кинофильм «Знак Зорро» 1920 г.; производство США. Режиссер — Ф. Нибло; в главной роли — Д. Фербенкс. Экранизация повести «Проклятие Капистрано» (1919) Дж. МакКалли.

Как хорош Дуглас Фербенкс!! — Дуглас Фербенкс (настоящие имя и фамилия Дуглас Элтон Томас Ульман; 1883–1939), популярный американский киноактер 1920-х гг. Дебютировала в кино в 1915 г. в фильме «Ягненок». Варьировал образ героя, исполненного энергии, оптимизма, удачливого, добродушного, великолепного спортсмена. Самые известные фильмы с его участием — «Знак Зорро» (1920), «Три мушкетера» (1921), «Робин Гуд» (1923), «Багдадский вор» (1924), «Черный пират» (1926). С 1917 г. выступал продюсером своих фильмов. Вместе с Д. У. Гриффитом, Ч. С. Чаплином и киноактрисой М. Пикфорд основал кинофирму «Юнайтед артистс» (1919). Подробнее о нем см.: *Вертовский Н.* Дуглас Фербэнкс. М., 1929.

Мери... — Мэри Пикфорд (настоящие имя и фамилия Глэдис Мэри Смит; 1892–1979), популярная американская киноактриса 1920-х гг., жена Д. Фербенкса (1920–1936). Дебютировала в кино в 1909 г. Лучшие роли М. Пикфорд созданы под руководством режиссера Д. У. Гриффита. Мировую известность получил сложившийся в ее исполнении образ молодой, наивной, добродетельной девушки-подростка, американской «золушки». В числе фильмов с ее участием — «Маленькая американка» (1918), «Тэсс из страны бурь» (1922), «Моя лучшая девушка» (1927), «Кокетка» (1929) и др. С 1933 г. перестала сниматься в кино.

С. 211

Когда будет идти «Робин Гуд»... — Немой черно-белый кинофильм «Робин Гуд» 1923 г.; производство США. Режиссер — А. Дуон; в главных ролях — Д. Фербенкс, Э. Беннет, У. Бирн, С. Грассе и др.

«Бедные люди»... — «Бедные люди» (1845), роман Федора Михайловича Достоевского (1821–1881).

«Рожденны<е> бурей»... — «Рожденные бурей» (1936), роман Константина Георгиевича Шильдерета (1886–1965).

«Война и мир»... — Упомянутый в дневнике роман Л. Н. Толстого «Война и мир» (1863–1869) Берггольц высоко ценила и в зрелые годы, называя его «бессмертным творением»; своеобразное объяснение в любви к героям толстовской эпопеи она оставила в очерке «...Про день Бородина» (1962). См. также запись Берггольц о Толстом от 16 сентября 1928 г. (Наст. изд. С. 588.)

Утро помещика. — Рассказ «Утро помещика» (1856) Л. Н. Толстого; далее упоминаются персонажи Нехлюдов, Иван Чурис, Юхванка Мудреный.

С. 212

И утес великан ≈ перескажет... — Строки из стихотворения «Утес Стеньки Разина» (1896) поэта Александра Александровича Навроцкого (1839–1914).

...А<нна> Е<фимовна>... — Школьный учитель О. Ф. Берггольц.

С. 213

Вчера на космографии... — Речь идет об уроке космографии, занимающейся сбором сведений о Земле, других планетах и звездных системах, а также составлением карт, каталогов и таблиц их основных данных.

...«не жалкого, не слабого, а того, кто ураганно смел!» «Того, кто будет грудь и плечи по-степному знойно целовать...» — Источник цитат установить не удалось.

С. 220

...пойду на Доротти Вернон. — Немой черно-белый кинофильм 1924 г. (оригинальное название — «Дороти Вернон из Хэддон-Холла»); производство США. Режиссеры — М. Нейллан, М. Пикфорд; в ролях — М. Пикфорд, А. Рэндолф, М. МакДермотт. Историческая драма, основанная на одноименном произведении американского писателя Ч. Мэйджора (1902).

С. 221

...у Бальмонта... — Речь идет о Константине Дмитриевиче Бальмонте (1867–1942), поэте. Вероятно, чтение «Утра помещика» вызвало у О. Ф. Берггольц ассоциацию со стихами Бальмонта, имеющими в своей номинации ту же лексику (см.: «Утро» [«На вершине горной коршун прокричал...»], «Быть утром», «Утро» [«Деточка, птичка моя...»]), и таким образом породило сравнительный анализ двух авторов.

...ф<абри>же **Ногина**. — Прядильно-ткацкая и ситценабивная фабрика имени В. П. Ногина Ленинградского государственного треста текстильной промышленности ВСНХ (называлась так с 1924 г.), ленинградское предприятие по производству хлопчатобумажной пряжи, суровья и т. п. Основана в 1837 г. и под названием «Алекса́ндро-Невская мануфактура К. Я. Паля» существовала до 1917 г. В июне 1918 г. национализирована. В 1919 г. фабрика была переименована в Невскую прядильно-ткацкую и ситценабивную фабрику «Паль К. Я.», в 1922 г. — в прядильно-ткацкую и ситценабивную фабрику «Пролетарий». В 1937–1943 гг. государственный Всесоюзный автономный прядильно-ткацкий комбинат им. В. П. Ногина Наркомата легкой (с 1938 г. — текстильной) промышленности СССР.

...развит<ия> ≈ **Пьера**. — Герой романа «Война и мир» Л. Н. Толстого.

С. 222

...встреча с **Каратаевым**... — Герой романа «Война и мир» Л. Н. Толстого.

С. 223

«**Крейцера соната**». — Повесть «Крейцера соната» (1887–1889) Л. Н. Толстого.

Гейне... — Генрих Гейне (1797–1856), немецкий поэт.

Музыка Глюка — Кристоф Виллибальд Глюк (1714–1787), австрийский композитор.

Адам Бид... — Роман «Адам Бид» (1859) английской писательницы Джордж Элиот (настоящие имя и фамилия Мэри Анн Эванс; 1819–1880).

«**Мельница на Флоссе**» — Роман «Мельница на Флоссе» (1860) Дж. Элиот.

Говард — Предположительно, речь идет о Говарде Филлипсе Лавкрафте (1890–1937), американском писателе.

Мюрже — **Богема** — Роман «Богема» (русский перевод: 1896) французского писателя Анри Мюрже (1822–1861).

Гете... — Иоганн Вольфганг Гете (1749–1832), немецкий поэт. «Die Wahlverwandtschaften» — название третьего романа И. В. Гете (в русском переводе: «Избирательное сродство»), опубликованного в 1809 г. Название восходит к научному термину, обозначающему в то время способность химических веществ сочетаться с определенными веществами или их соединениями, отдавая им предпочтение перед другими. Роман основан на метафоре человеческих страстей, рассмотренных с позиции законов химического сродства. Он представляет собой попытку выяснить, способны ли наука и законы химии поддержать или подорвать

основы института брака, а также других отношений в человеческом обществе.

Бebelь «Женщина и социализм» — Август Бебель (1840–1913), основатель и руководитель германской социал-демократии, автор публицистического исследования «Женщина и социализм» (в русском переводе: «Женщина в прошлом, настоящем и будущем», 1900).

«Город желтого дьявола» Горь<кий> — Очерк «Город желтого дьявола» из цикла «В Америке: Мои впечатления» (1906) М. Горького.

«Кенильворт» В. Скотт — Роман «Кенилворт» (1821; русский перевод: 1823) английского писателя Вальтера Скотта (1771–1832).

«Линия» Эдгара По — Эдгар Алан По (1809–1849), американский писатель, родоначальник детективной литературы.

С. 227

Анна Каренина — Роман Л. Н. Толстого (1873–1877; журнальная публикация 1875–1877; первое книжное издание 1878).

Шекспир. — Уильям Шекспир (1564–1616), английский драматург

С. 228

Поместят или нет мои стихи? — Стихи О. Ф. Берггольц в журнале «Юный пролетарий» периодически публиковались с 1926 г.

В «Ком<сомольской> деревне»... — Газета крестьянской молодежи Северо-Западной области (Ленинград, 1924–1926).

С. 229

Была в Литгруппе. — Речь идет о литературной группе «Смена». Литературная группа была создана при газете «Смена» в 1924 г.; занятия проходили сначала в редакции журнала «Юный пролетарий», затем — в Домпросвете на Мойке, и в Доме печати на Фонтанке. С конца 1925 г. состав группы обновился, ее членами стали в основном юнкоры, рабфаковцы, студенты. Первым руководителем группы был поэт, критик Виссарион Михайлович Саянов (1903–1959), затем его сменил критик Валерий Павлович Друзин (1903–1980). Однако О. Ф. Берггольц вспоминала, что первым руководителем группы был Илья Иванович Садофьев (1889–1965). Подробнее см.: Друзин В. Трехлетие «Смены» // Резец. 1927. № 48. С. 1; Берггольц О. Ф. Из неизданного варианта автобиографии // Берггольц О. Ф. Дневные звезды. Говорит Ленинград / Сост. М. Ф. Берггольц. М., 1990.

О. Ф. Берггольц писала об этой группе: «...в доме № 1 по Невскому, где под самой крышей, в помещении со скошенными потолками, занималась литературная группа “Смена”. Она возникла сначала как литературное объединение при комсомольской газете “Смена”, затем была литературной группой ЛАППа (Литературная ассоциация пролетарских писателей)». «В литгруппу “Смена”, — отмечала Берггольц, — приходила разная молодежь: ребята и девчата с предприятий, порой едва владеющие правописанием, но слагающие стихи; были журналисты, студенты, многие — комсомольцы, одетые с тогдашней естественно-аскетичной простотой — в юнштурмовках, в косоворотках, в толстовках, все очень молодые и все — прямолинейно беспощадные друг к другу, потому что были беззаветно, бесстрашно, я бы сказала — яростно влюблены в поэзию, и прежде всего, в советскую, в современную нам поэзию. Еще не отдавая себе отчета, какая она великая и необычная, мы были преданы ей словом, делом и помышлением» (Берггольц О. Продолжение жизни // Корнилов Б. Избранная лирика / [Предисл. О. Берггольц]. Л., 1978. С. 8, 12).

С. 230

Эх, кабы = цветы зацветали — Слова русской народной песни.

Да еще 1905 год — в комиссии. — Вероятно, речь идет об издании: *Ленин В. И.* 1905. Избранные статьи и речи. М., 1925.

...Великую английскую револ<юцию>... — Английская революция XVII в., известная также как Английская гражданская война, в Великобритании процесс перехода от абсолютной монархии к конституционной, при которой власть короля ограничена властью парламента, а также гарантированы гражданские свободы. Первая гражданская война началась 22 августа 1642 г., когда Карл I приказал поднять свое знамя над замком Ноттингем, а закончилась революция в 1645 г., когда О. Кромвель создал «Армию нового образца», одержавшую решающую победу в сражении при Нэйзби. Гражданская война завершилась полной победой парламента. Революция открыла путь к промышленному перевороту в Англии и капиталистическому развитию страны.

С. 231

...про Раскольникова написать... — Герой романа «Преступление и наказание» (1866) Ф. М. Достоевского.

...в «Работницу и крестьянку» — Двухнедельный женский журнал (1922–1941).

С. 232

Деду худо... — Х. Ф. Берггольц.

Как бабушка... — О. М. Берггольц.

«Да! Тварь ли я дрожащая или право имеющая?»... — Неточная цитата слов Раскольникова из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Правильно: «Тварь ли я дрожащая или право имею?»

Не Муссолини... — Бенито Амилькаре Андреа Муссолини (1883–1945), фашистский диктатор Италии в 1922–1943 гг. Подробнее см.: Белоусов Л. С. Муссолини: диктатура и демагогия. М., 1993.

«Если задаю себе вопрос — вошь ли я — значит, я уже вошь»... — Неточная цитата слов Раскольникова. Правильно: «...если задаю вопрос: вошь ли человек? — то, стало быть, уж не вошь человек для меня, а вошь для того, кому этого и в голову не заходит и кто прямо без вопросов идет...»

...вчера в Т.Ю.Зе... — Ленинградский Театр юных зрителей; подробнее о театре см.: Наст. изд. С. 638.

С. 233

Если «Оливер Твист»... — «Приключения Оливера Твиста» (1838), роман английского писателя Чарльза Диккенса (1812–1870).

...«Принц и нищий»? — Повесть «Принц и нищий» (1882) американского писателя Марка Твена (настоящие имя и фамилия Сэмюэл Ленгхорн Клеменс; 1835–1910).

...«раздольице чисто поле развернулось»... — О. Ф. Берггольц выделила и запомнила из прочитанных ею былин устойчивое словосочетание, которое, по мнению фольклористов, передает основное пространство в былинной картине мира.

...«впивайся, тоска ≈ ни быть!!...» — Слова заговора на тоску молодца по девушке. См.: Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, приговорья и притчи. Народный дневник. Праздники и обычаи. СПб., 1885.

С. 234

Жду Бермана. — Лазарь Васильевич (Вульфович) Берман (1894–1980), поэт; в эти годы работал в журналах «Ленинские искры» и «Новый Робинзон», впоследствии заведующий литературной частью журнала «Красный галстук». О. Ф. Берггольц принесла в «Ленинские искры» свой рассказ «Бабушка и внучка» (о чем пишет далее, см.: Наст. изд. С. 236). Рассказ не был напечатан.

...в «Спартаке»... — «Спартак», физкультурный журнал, выходивший в Ленинграде в 1924–1932 гг. В 1924 г. № 1 вышел в издательстве «Прибой» (сектор «Юный пролетарий»), а с 1926 г. — в издательском отделении Орготдела Ленгубисполкома, в 1929–1930 гг. — в издательстве «Красной газеты», а в 1931–1932 гг. — в Леноблиздате. С 1932 г. выходила газета «Спартак».

Сегодня год бабушке... — Т. е. год со дня смерти О. М. Берггольц.

...слезы М<арии> Н<иколаевны>... — Речь идет о М. Н. Степановой.

...«Мертвый в гробе ≈ живущий!»... — Правильно: «Спящий в гробе, мирно спи; / Жизнью пользуйся, живущий», строки из баллады «Торжество победителей» (1828) Василия Андреевича Жуковского (1783–1852).

С. 236

«Царь Голод!» — Пьеса «Царь Голод» (1908) Леонида Николаевича Андреева (1871–1919).

...выше А. Толстого... — Алексей Константинович Толстой (1817–1975), писатель, поэт, драматург. Его роман «Князь Серебряный» был в этот год прочитан О. Ф. Берггольц.

Ни Фет, ни Майков... — Афанасий Афанасьевич Фет (настоящая фамилия Шеншин; 1820–1892), Аполлон Николаевич Майков (1821–1897), поэты.

Буду читать «Сашка Жегулев»... — Роман Л. Н. Андреева (1911).

...его Анагэму... — Философская трагедия Л. Н. Андреева (1908).

...Иуду... — Повесть «Иуда Искариот и другие» (1907) Л. Н. Андреева.

...«Пан» Гамсуна... — Роман «Пан» (1894) норвежского писателя Кнута Гамсуна (настоящая фамилия Педерсен; 1859–1952).

С. 237

...«за окном сразу начиналась Россия»... — Неточная цитата из романа Л. Н. Андреева «Сашка Жегулев». Ср. «А в осенние темные ночи их ровный гул наполнял всю землю и давал чувство такой шири, словно стен не было совсем и от самой постели, в темноте, начиналась огромная Россия».

Ф. Ю. — престелный старикашка! — Учитель геометрии.

Лебезятников... — Персонаж романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского.

Летаргия. — Болезненное состояние, похожее на сон, характеризующееся неподвижностью, отсутствием реакций на внешнее раздражение и резким снижением интенсивности всех внешних признаков жизни.

С. 238

Мне хочется ласки... — См. коммент. к дневнику 1924 г. (Наст. изд. С. 659).

Кому повем печаль мою? — Строки духовного стиха «Плач Иосифа Прекрасного, егда продаша братия его во Египет». Подробнее см.: Калики пережогие. М., 1861.

Будет новый человек счастливый и гордый. — Слова Кириллова, героя романа «Бесы» (1871–1872) Ф. М. Достоевского.

«И все это — во мне, и все это мое», «и все это — Я». — Цит. роман Л. Н. Толстого «Война и мир», слова Пьера Безухова.

Голод и любовь! — Правильно: «Любовь и голод правят миром», заключительная строка стихотворения «Мировая мудрость» (1795) Иоганна Фридриха Шиллера (1759–1805).

...умер дедушка... — Х. Ф. Берггольц умер 23 декабря 1925 г. Предположительно, именно в это время О. Ф. Берггольц написала стихотворение, посвященное памяти деда, «Милый снег» (см.: *Берггольц О. Ф. Собрание сочинений*: в 3 т. Л., 1988. Т. 1. С. 54).

С. 239

...о<тец> Владимир... — Предположительно, настоятель церкви Смоленской иконы Божией Матери; биографические данные не разысканы.

...в Урицкой больнице... — Речь идет о больнице № 18 им. М. С. Урицкого (Фонтанка, д. 148). Первоначально здесь находился Императорский Повивальный институт (основан в 1797 г. по инициативе императрицы Марии Федоровны); в 1851 г. для него было построено специальное здание (архитектор К. И. Реймерс). После переезда в 1904 г. Повивального института на Васильевский остров в связи с постройкой для него нового комплекса по данному адресу разместились Община сестер милосердия Российского общества Красного Креста им. генерал-адъютанта М. П. Кауфмана. В 1918 г. община прекратила свою деятельность, а в ее зданиях была организована больница, которой было присвоено имя М. С. Урицкого (до 1994 г.). С 1996 г. в зданиях больницы располагается Городской гериатрический медико-социальный центр.

Баба-кока ругалась... — М. И. Грустилина.

...«Великое, вечное»... — Цит. роман «Война и мир» Л. Н. Толстого.

...готовит тетя Маня... — М. Н. Степанова.

С. 240

...ждет «Фауст». — Опера «Фауст» (1859) французского композитора Шарля Гуно (1818–1893).

...любила Сережу? — С. А. Григорьев.

...на «Евгения Онегина»... — Опера «Евгений Онегин» (1877–1878) Петра Ильича Чайковского (1840–1893).

С. 241

Читала Вересаева — о Достоевском. — Речь идет о первой части — «О Достоевском и Льве Толстом» (1910) — книги «Живая жизнь» (1915) писателя Викентия Викентьевича Вересаева (1867–1945).

Я не в силах ≈ вид тарантула... — Неточная цитата. Правильно: «Я не в силах подчиняться темной силе, принимающей вид тарантула». Реплика Ипполита, героя романа «Идиот» (1868) Ф. М. Достоевского.

С. 242

...«мне за “это” не будет ни любви, ни будущей жизни, ни признания за мной подвига»... — Неточная цитата из романа Ф. М. Достоевского «Подросток» (1874–1875). Правильно: «Что мне за дело о том, что будет через тысячу лет с этим вашим человечеством, если мне за это, по вашему кодексу, — ни любви, ни будущей жизни, ни признания за мной подвига?»

...«человек проклят». — Название главы «Человек проклят (О Достоевском)» в книге «Живая жизнь» Викентия Викентьевича Вересаева (настоящая фамилия Смидович; 1867–1945).

Гьлотурия. — Гьлотурии, морские кубышки, морские огурцы; класс беспозвоночных животных типа иглокожих. Их скелет сильно редуцирован; при сильном раздражении способны к самокалечению, однако утраченные органы быстро восстанавливаются.

«Страдание есть, виновных нет»... — Реплика Ивана Карамазова из романа «Братья Карамазовы» (1879–1880) Ф. М. Достоевского.

...Аверченко... — Аркадий Тимофеевич Аверченко (1881–1921), писатель.

...кинофильма «2 моряка». — Немой черно-белый кинофильм «Два капитана» 1924 г. (оригинальное название — «Пожарный патруль»), производство США. Режиссер — Х. Стромберг. Фильм шел в СССР в том же

году еще под двумя названиями: «Демон морей» и «Борьба». См. бюллетень Госфильмофонда «Кино и время» (1960. Вып. 1).

«Бесы». — Роман «Бесы» Ф. М. Достоевского.

«Подполье». — «Записки из подполья» (1864), повесть Ф. М. Достоевского.

«Подросток». — Роман «Подросток» Ф. М. Достоевского.

«Идиот» — Роман «Идиот» Ф. М. Достоевского.

«Братья Карамазовы» — Роман «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского.

«Униженные и оскорбленные» — Роман «Униженные и оскорбленные» (1861) Ф. М. Достоевского.

1926 год

Смелей, человек, и будь горд: не ты виноват (С. 247–263).

Публикуется впервые по автографу (2 тетради) (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 318).

Датируется с 4 января по 1 марта 1926 г.

О. Берггольц. Кому повем печаль мою? (С. 263–273).

Публикуется впервые по автографу 2 тетради (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 319).

Датируется с 7 по 24 марта 1926 г.

Дневник Берггольц. 25-го марта (С. 273–280).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 315).

Датируется с 25 марта по 10 апреля 1926 г.

Смелей, человек, и будь горд! (С. 281–288).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 319).

Датируется с 11 по 18 апреля 1926 г.

Дни-мальчишки, вас не отпущу я... (С. 288–301).

Публикуется впервые по автографу (2 тетради) (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 320).

Датируется с 21 апреля по 14 мая 1926 г.

Л. Берггольц. Эх, кабы на цветы да не морозы... (С. 301–348).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 321).

Датируется по содержанию с 16 мая по 23 августа 1926 г.

О. Берггольц. О, весенние зори и теплые майские ночи... (С. 348–380).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 322).

Датируется с 24 августа по 8 октября 1926 г.

Дневник. О<льга> Б<ерггольц>. 26–27 (С. 380–442).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 323).

Датируется с 9 октября 1926 по 2 апреля 1927 г.

С. 247

Смелей, человек, и будь горд: не ты виноват. — «Смелей, человек, и будь горд!

Не ты виноват!» — цитата из повести Ф. М. Достоевского «Кроткая» (1876).

Кому повем печаль мою? — Подробнее об этом см.: Наст. изд. С. 682.

Будет новый человек, счастливый и гордый. — Подробнее см. коммент. к дневнику 1925 г. (Наст. изд. С. 682).

Варя... — В. Некрасова, одноклассница О. Ф. Берггольц.

...на «Евгении Онегине». — См. коммент. к дневнику 1925 г. (Наст. изд. С. 683).

Как хорош Печковский... — Николай Константинович Печковский (1896–1966), певец, драматический тенор; с 1924 по 1941 г. ведущий солист Государственного академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова (с 1935 г.; до 1917 г. и в настоящее время — Мариинский театр). Печковский исполнял партию Ленского в опере «Евгений Онегин».

...я ходила за цветами, и к Г. И. — О ком идет речь, установить не удалось.

С. 248

...Бор<исеу> Влад<имировичу> Рубинштейну, № тел. 198–18. — Согласно сведениям телефонного справочника «Весь Ленинград на 1926 год», указанный О. Ф. Берггольц телефон принадлежал врачу-ортопеду Борису Владимировичу Рубинштейну (1896–1977), проживавшему по Международному проспекту, д. 61 (ныне — Московский проспект).

...из опер «Аида»... — Опера Джузеппе Верди (1813–1901).

...и «Севильский цирюльник»!! — Опера Джоакино Антонио Россини (1792–1868).

14<-й> съезд РКП меня волнует... — 14-й съезд ВКП(б) проходил в Москве 18–31 декабря 1925 г. На съезде был нанесен удар по так называемой «новой оп-

позиции» («ленинградской оппозиции»), которую возглавляли члены Политбюро ЦК ВКП(б) Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, а также Н. К. Крупская и Г. Я. Сокольников. На съезде Г. Е. Зиновьев выступил с докладом по отчетному докладу ЦК, в котором критиковал недемократические методы партийного руководства; квалифицировал тезис И. В. Сталина о возможности построения социализма в одной стране как проявление национальной ограниченности. Во время работы съезда взгляды «новой оппозиции» подверглись осуждению. После завершения работы съезда в Ленинград выехала группа членов ЦК для разъяснения решений съезда и разоблачений «антипартийной» деятельности «новой оппозиции». Однако организационные меры против членов «новой оппозиции» в то время не применялись, ее представители были избраны в ЦК ВКП(б), а Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев — в Политбюро. После съезда часть членов «новой оппозиции» отошла от нее, а другая объединилась с троцкистами.

...на стороне Зиновьева и ленинградцев... — Григорий Евсеевич Зиновьев (настоящие имя и фамилия Евсей-Гершен Аронович Радомышельский или Радомысльский; 1883–1936), государственный и партийный деятель, руководитель ленинградской партийной организации. В 1917–1926 гг. председатель Петросвета (Ленсовета), в 1918–1919 гг. — Совета комиссаров Союза коммун Северной области. Член ЦК ВКП(б) (1912–1927), Политбюро ЦК ВКП(б) (1921–1926), председатель Исполкома Коминтерна (1919–1926). В 1922 г. вместе с Л. Б. Каменевым поддержал И. В. Сталина, предложив его кандидатуру на пост генерального секретаря ЦК ВКП(б). Активный участник внутрипартийной борьбы за лидерство. Совместно с И. В. Сталиным и Л. Б. Каменевым пытался отстранить Л. Д. Троцкого от власти; ввел в политический оборот термин «троцкизм». В 1925 г. выступил с критикой курса И. В. Сталина, возглавил «новую оппозицию», опирающуюся на ленинградскую партийную организацию. На июльском пленуме ЦК 1926 г. был выведен из состава Политбюро, отстранен от руководства ленинградской партийной организацией, выслан из Ленинграда. Совместно с Л. Б. Каменевым и Л. Д. Троцким сформировал «объединенную левую оппозицию» (так называемый троцкистско-зиновьевский блок), потерпевшую поражение на 15-м съезде ВКП(б) в 1927 г. В декабре 1934 г. арестован по ложному обвинению в организации убийства С. М. Кирова, в январе 1935 г. осужден на 10 лет, после повторного суда в августе 1936 г. расстрелян. Подробнее см.: *Васецкий Н. А. Ликвидация. Сталин. Троцкий. Зиновьев: Фрагменты политических судебных. М., 1989.*

С. 249

...тетей Маней... — М. Н. Степанова.

Если в «Спартаке» напечатают... — См. коммент. к дневнику 1925 г. (Наст. изд. С. 681).

...на «Багдадского вора»... — Немой черно-белый кинофильм 1924 г.; подробнее см.: Наст. изд. С. 667.

...на Дугласа... — Речь идет об американском киноактере Д. Фербенксе; подробнее о нем см.: Наст. изд. С. 675.

С. 250

...в «Пикадилли»... — Кинотеатр «Пикадилли» (Невский проспект, д. 60), открыт в 1913 г. как один из самых фешенебельных в С.-Петербурге; в 1932 г. ему, как лучшему кинотеатру города, было присвоено имя «Аврора» в честь легендарного крейсера.

...на «3 мушкетера»... — Немой черно-белый кинофильм «Три мушкетера» 1921 г.; производство США. Режиссер — Ф. Нибло; в главных ролях — Д. Фербенкс, Л. Бари, Дж. Сиджмани, Т. Холдинг и др. Снят по мотивам одноименного произведения А. Дюма-отца.

Но Уальд... — Оскар Фингал О'Флаэрти Уилс Уайльд (1854–1900), английский писатель, критик.

...и Андреев... — Л. Н. Андреев.

Беру кусок ~ ибо я — поэт. — Неточная цитата из романа «Творимая легенда» (1907–1913) писателя Федора Кузьмича Сологуба (настоящая фамилия Тетерников; 1863–1927). Правильно: «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я — поэт».

Беспредельна и абсолютна лишь греза... — Цитата из романа «Портрет Дориана Грея» (1891) О. Уайльда.

С. 251

Там бубна звон ~ в кибитке!.. — Романс «Там бубна звон» («Все сметено могучим ураганом...»), слова О. Л. Осенина, музыка Ан. Ленцева. По другим сведениям, композитор С. Покрасс.

...завидую Мери! — Речь идет о М. Пикфорд.

Одно ~ в «Ленинских искрах». — Речь идет о стихотворении: Берггольц О. Газетчики («Точно блин — примятая шапчонка...») // Ленинские искры. 1926. 16 января.

С. 252

...в **«Работницу и крестьянку»**. — Женский журнал, выходивший в 1922–1941 гг. в Ленинграде.

Из жизни ~ трепет без конца! — Неточная цитата из стихотворения «Золото» (1899) Валерия Яковлевича Брюсова (1873–1924). Правильно: «Из жизни бедной и случайной / Я сделал трепет без конца...»

...на **«Кабинет восковых фигур»**... — Фильм ужасов. Немой черно-белый кинофильм «Кабинет восковых фигур» 1924 г.; производство Германии. Режиссеры — Л. Биринский, П. Лени, У. Дитерле; сценарист — Г. Гален; в главных ролях — Э. Яннингс, К. Фейдт, О. Белыева и др.

С. 253

...на **«Страсти» Баха**. — Иоганн Себастьян Бах (1685–1750), немецкий композитор, органист. Вершиной его вокально-драматической музыки являются «Страсти по Матфею» (Евангелие от Матфея, гл. 26–27; стихотворные тексты Ф. К. Хенричи и И. С. Баха).

...на **«Розите»**... — Немой черно-белый кинофильм «Розита» 1923 г.; режиссеры — Э. Любич, Р. Уолш; в главной роли — М. Пикфорд. Мелодрама, созданная по мотивам пьесы «Дон Сезар де Базар» Ф. Дюмануара и А. д'Эннери.

«Гадкий королевичко!» — Испанский король, персонаж кинофильма «Розита».

С. 254

...на **«Черевички»**... — Опера П. И. Чайковского (1885), либретто Я. П. Полонского по повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством».

...в **капеллу**. — Ленинградская государственная академическая капелла (с 26 января 1924 г.). Ныне Государственная академическая капелла С.-Петербурга. Концертная организация, включающая в себя старейший в России профессиональный хоровой коллектив (учрежден в 1746 г.), симфонический оркестр, концертный зал. До 1955 г. в состав капеллы входило также хоровое училище. Капелла занимает комплекс зданий, выходящий одной своей стороной на набережную р. Мойки, д. 20, а другой — на Большую Конюшенную улицу, д. 11. Современный вид зданию придал архитектор Л. Н. Бенуа в результате капитальной перестройки 1886–1889 гг.

...на **«Риголетто»**. — Опера «Риголетто» (1851) Дж. Верди (1813–1901) по драме В. Гюго «Король забавляется».

...**Броненосец Потемкин**... — Немой черно-белый кинофильм «Броненосец Потемкин» 1925 г.; производство киностудии «Мосфильм». Режиссер —

С. М. Эйзенштейн; в ролях — А. П. Антонов, В. Г. Барский, Г. В. Александров и др.

С. 255

...Камергер его велич<ества>... — Немой черно-белый кинофильм «Камергер его величества» 1924 г.; производство «Севзапкино». Режиссер — М. И. Доронин; сценарист — Л. Никулин; в главных ролях — М. И. Доронин, О. Д. Быстрицкая, Ел. Чайка, О. Н. Фрелих и др.

...Доротти Вернон... — Немой черно-белый кинофильм; подробнее см.: Наст. изд. С. 676.

...Коллежск<ий> регистр<атор>... — Немой черно-белый кинофильм «Коллежский регистратор» 1925 г.; производство «Межрабпом — Русь». Режиссеры — Ю. А. Желябужский, И. М. Москвин; сценарист — Ф. Оцеп, В. Туркин; в главных ролях — И. М. Москвин, В. Малиновская, Б. Тамарин. Снят по мотивам повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель».

...Тайна маяка... — Немой черно-белый кинофильм «Тайна маяка» 1925 г.; производство «Госкинопром Грузии». Режиссер — В. Г. Барский; в главных ролях — М. А. Тадевосян, А. А. Хорава, Я. Буринский и др.

...Наполеон Газ... — Немой черно-белый кинофильм «Наполеон-Газ», 1925 г.; производство «Севзапкино». Режиссер — С. А. Тимошенко; в главных ролях — Е. А. Боронихин, И. Н. Таланов, О. Спирина. Агитационный фантастический фильм.

С черного хода... — Немой черно-белый кинофильм «С черного хода» 1925 г.; производство США. Режиссеры — А. Грин, Дж. Пикфорд; в главных ролях — М. Пикфорд, Г. Астор, У. Лукас и др. Кинокомедия.

Медвежья свадьба... — Немой черно-белый кинофильм «Медвежья свадьба» 1925 г.; производство «Межрабпом — Русь». Снят по сценарию А. В. Луначарского (литературная основа — новелла П. Мериме «Локис»). Режиссеры — К. В. Эггерт, В. Р. Гардин; в главных ролях — К. В. Эггерт, В. С. Малиновская, Н. А. Розенель, Ю. А. Завадский и др.

Кубуч... — Комиссия по улучшению быта учащих (КУБУЧ) при Президиуме Ленинградского горсовета (1923–1937). При КУБУЧ было издательство.

Ромейко. — Биографические данные не разысканы.

С. 256

Эггерт... — Константин Владимирович Эггерт (1883–1955), актер, режиссер и сценарист.

Шемет. Шемет. — Герои кинофильма «Медвежья свадьба», братья Михаил и Казимир Шемет, которых играл К. В. Эггерт.

...на «Реквием» Моцарта. — «Реквием», траурная заупокойная месса, посвященная памяти усопших, последнее произведение австрийского композитора Вольфганга Амадея Моцарта (1756–1791), было закончено его учеником Ф. Зюсмайром.

С. 258

...Гор... — Геннадий (Гдалий) Самойлович Гор (1907–1981), писатель. Подробнее о нем см.: *Рахманов Л. Н.* Геннадий Гор времен «Смены» и позже // *Рахманов Л. Н.* Чет — нечет: Повести, рассказы, пьесы, воспоминания. Л., 1988. С. 550–567.

...пошло — про хлев... — Речь идет о стихотворении О. Ф. Берггольц «В хлеву» («В хлеву пахло прелым навозом...»), опубл.: Резец. 1926. № 44. С. 1.

Надо респонденто составлять... — Бухгалтерская (или контокоррентная) книга, предназначенная для записи частных лицевых счетов; термин бухгалтерии.

С. 259

...была на ВАППе. — Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей (ВАПП). Начало ассоциации было положено на 1-м Всероссийском съезде пролетарских писателей, состоявшемся 18–21 октября 1920 г.; в 1921 г. утверждена Наркоматом просвещения (подробнее см.: Кузница. 1920–1921. № 7) в качестве головной литературной организации, вплоть до 1928 г. являлась ведущей литературной организацией СССР. В руководство ВАПП входили Л. Л. Авербах, Ю. Н. Либединский, В. М. Киршон, А. А. Фадеев и др. ВАПП издавала журнал «На литературном посту», вела борьбу с группой «Перевал», приверженцами формальной школы, с конструктивизмом и с «попутчиками». В 1928 г., после создания Всесоюзного объединения ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП), ВАПП была переименована в РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей). Об истории РАПП см. в кн.: *Шешуков С. И.* Неистовые ревнители (из истории литературной борьбы 20-х годов). М., 1984.

Видела Либединского... — Юрий Николаевич Либединский (1898–1959), писатель. Один из руководителей РАПП. В эти годы написал повести «Неделя» (1922), «Комиссары» (1925), романы «Завтра» (1923), «Поворот» (1927). Был мужем Марии Федоровны Берггольц.

...Киршона... — Владимир Михайлович Киршон (1902–1938), драматург, один из руководителей РАПП. Подробнее о нем см.: *Корн Р. Э. Друзья мои...*: Воспоминания, очерки, зарисовки. М., 1986. С. 5–55.

В ВАППе раскол. — Речь идет об обсуждении итогов 5-й конференции Московской ассоциации пролетарских писателей (МАПП), на которой состоялись перевыборы правления МАПП. Конференция прошла под знаком борьбы с «ультралевыми» в лице Г. Лелевича, И. Вардина и С. А. Родова. Конференцией был дан наказ Пленуму ВАПП, который был намечен на 25 февраля, об исключении этих писателей из числа правления ассоциации. Состоявшаяся 26–27 февраля Чрезвычайная всесоюзная конференция ВАПП приняла резолюцию «Против левого ликвидаторства», которая осудила Родова, Лелевича и Вардина за переоценку сил буржуазной литературы, неверие в силы пролетарской литературы и ошибочное понимание роли ВАПП как своеобразной литературной партии. Подробнее см.: *Известия*. 1926. 4 марта.

...нов<ый> № «Нов<ого> мира». — «Новый мир», ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал, орган Союза писателей СССР (Москва, с января 1925 г.). В редколлегия входили А. В. Луначарский, Ю. М. Стеклов, И. И. Скворцов-Степанов. С 1926 по 1931 г. редактор журнала — В. П. Полонский.

...с Чумандриным... — Михаил Федорович Чумандрин (1905–1940), писатель; один из руководителей Ленинградской ассоциации пролетарских поэтов (ЛАПП). Подробнее о нем см.: *Штейн А. П.* «На той войне неизвестной...» // Штейн А. П. *Непридуманное*. М., 1985. С. 181–195.

Принять их в федерацию... — Федерация объединений советских писателей (ФОСП). О ленинградском отделении ФОСП подробнее см.: *Павловский А. И.* Федерация объединений советских писателей и ее Ленинградское отделение (1926–1932 гг.) // *Из истории литературных объединений Петрограда–Ленинграда 1910–1930-х годов: Материалы и исследования*. СПб., 2002. С. 362–374.

С. 260

...преподает А.Н. — Предположительно, новый школьный учитель по родному языку и литературе.

Дни-мальчишки ≈ расцеловал... — Цитируется стихотворение «Лошадь» (1925) Б. П. Корнилова.

...литгрупповца, Корнилова... — Борис Петрович Корнилов (1907–1938), поэт. Родился в г. Семенов Нижегородской губернии, в 1925 г. переехал в Ле-

нинград, в 1926 г. вступил в литературную группу «Смена», в которой его вскоре признали самым талантливым молодым поэтом. По воспоминаниям друга и тоже сменовца Г. С. Гора, Корнилов был «эмоциональным началом, романтической душой, стихией группы» (см.: Гор Г. Замедление времени // Звезда. 1968. № 4. С. 175). Печататься Корнилов начал с 1923 г. Его стихи были очень популярны среди поэтической молодежи Ленинграда. О. Ф. Берггольц писала о нем: «В литературной группе “Смена” в меня влюбился один молодой поэт Борис К. Он был некрасив, невысок ростом, малокультурен, но стихийно, органически талантлив» (см.: Берггольц О. Ф. Собрание сочинений: в 3 т. Л., 1990. Т. 3. С. 483; см. также: Берггольц О. Продолжение жизни // Корнилов Б. Стихотворения и поэмы / Сост. О. Берггольц, М. Бернович; [предисл. О. Берггольц; ред. И. Авраменко]. Л., 1957).

Корнилов стал мужем Берггольц в 1928 г. (в браке прожили два года). Ей была посвящена первая выпущенная книга Корнилова «Молодость» (Л., 1928). Вместе с Берггольц Корнилов учился на Высших государственных курсах искусствоведения при Институте истории искусств, но не окончил их. Основные его произведения вышли в первой половине 1930-х гг.: поэмы «Соль» (1931), «Тезисы романа» (1933), «Агент уголовного розыска» (1933), «Триполье» (1933), «Моя Африка» (1935), «Начало земли» (1936), «Самсон» (1936), песни («Песня о встречном», «Комсомольская-краснофлотская» и др.), стихотворные агитки стихи для детей («Как от меда у медведя зубы начали болеть»). Расстрелян в 1938 г.

С. 261

Поеду на концерт Голубовской. — Надежда Иосифовна Голубковская (1891–1975), российская пианистка, клавесинистка и музыкальный педагог.
...будет Шуман, Лист... — Роберт Шуман (1810–1856), немецкий композитор; Ференц Лист (1811–1886), венгерский композитор.

...на «Индийскую гробницу»... — Немой черно-белый кинофильм «Индийская гробница» 1921 г.; производство Германии. Режиссер — Дж. Мей; в ролях — Б. Гетцке, М. Мей, К. Фейдт и др.

С. 262

...«Красный галстук». — «Красный галстук», двухнедельный детский журнал; орган Северо-Западного бюро детской коммунистической организации юных пионеров Ленинградского губкома РКСМ (Ленинград, 1925–1926); редакторы: Л. О. Ханик (№ 1–2), Л. Криволапов (№ 3–4).

Именно на страницах этого журнала были «апробированы» основные элементы новой детской литературы. Это герой, возраст которого близок возрасту читателя, но с уже выработанным характером и идейными установками. Кроме произведений, написанных для детей взрослыми, «Красный галстук» активно публиковал и детское творчество: пьесы и стихи с четким идеологическим компонентом.

...получить за рассказ. — Речь идет о рассказе: *Берггольц О.* Заколдованная тропинка: Рассказ деткорки // *Красный галстук.* 1926. № 3. С. 19–21.

С. 263

Геннадий Гор 18 лет... — Г. С. Гор родился 19(?) января 1907 г. в г. Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ); на начало марта 1926 г. ему исполнилось 19 лет.

Хентов... — Павел Хентов, знакомый О. Ф. Берггольцу по литературной группе «Смена».

...«**Машу**», «**В хлеву**» и, может быть, «**Простыни**»... — Речь идет о стихотворениях О. Ф. Берггольца «В хлеву» («В хлеву пахло прелым навозом...»), стихотворения «Маша» и «Простыни» в настоящее время не разысканы.

Была в Русском музее... — Государственный Русский музей, крупнейший в России музей русского искусства. Учрежден в 1895 г. по указу императора Николая II как «Русский музей императора Александра III» с целью собирания коллекции произведений отечественного искусства. Открыт для посетителей в 1898 г. в Михайловском дворце (построен в 1819–1825 гг.; архитектор К. И. Росси). В состав музейного собрания входят коллекции русской и советской живописи, скульптуры, графики, декоративно-прикладного и народного искусства (мебель, фарфор, стекло, ткани, резьба, вышивка, кружево, лаки, изделия из металла и др.). В 1918 г. Русский музей был объявлен собственностью государства.

...«**Ночь на Днепре**»... — Картина «Ночь на Днепре» (1876) живописца Архипа Ивановича Куинджи (1841–1910).

...«**Корабельная роща**»... — Картина «Корабельная роща» (1898) художника Ивана Ивановича Шишкина (1832–1898).

...«**Баба в сарафане**»... — Рисунок художника Филиппа Андреевича Малявина (1869–1940).

...**Врубель!**.. — Михаил Александрович Врубель (1856–1910), живописец. Стихотворение О. Ф. Берггольца «Не может быть, чтоб жили мы напрасно!..» (1940) написано ею под впечатлением картины Врубеля «Поверженный демон» (1902).

С. 264

- ...«Серенаду Чайковского... — «Меланхолическая серенада» для скрипки с оркестром (1875) П. И. Чайковского.
- ...Стравинского — «Весна священная»... — Балет «Весна священная» (1913) композитора Игоря Федоровича Стравинского (1882–1971).
- ...на вопрос Антоновского... — Биографические данные не разысканы; знакомый О. Ф. Берггольц по литературной группе «Смена».

С. 265

- ...на Бетховена... — Людвиг ван Бетховен (1770–1827), немецкий композитор.

С. 266

- ...с Белицким. — Георгий Еремеевич Белицкий (1905–1938), публицист, драматург
- «Глупое сердце, о чем ты печалишься?» — Неточная цитата из стихотворения «Глупое сердце» (1895) В. Я. Брюсова. Ср.: «о чем же печалиться?»

С. 268

- ...«когда мы молодые, мы все думаем на женщин»... — Реплика Бени Крика, героя «Одесских рассказов» (1924) Исаака Эммануиловича Бабеля (1894–1941).
- ...«игра умыкания» и шествие старейшего-мудрейшего, выплясывание земли... — О. Ф. Берггольц пишет о танцевальных номерах из первой части балета И. Ф. Стравинского «Весна священная»: «Игра умыкания (девушка)», «Шествие Старейшего-мудрейшего», «Выплясывание земли».
- ...переписать «Трактор» и «Ходя»... — Речь идет о стихах О. Ф. Берггольц «Песня о тракторе» («Во деревне “Большие Ядрицы”...») (опубл.: Резец. 1926. № 31. С. 3), «Ходя» («Буро-желтый, как сухая глина...») (опубл.: Ленинские искры. 1926. 3 апреля).
- ...идем с мамой на «Парижскую Коммуну»... — Речь идет, вероятно, об инсценировке «Парижская коммуна», поставленной в Ленинграде Центральной студией Губполитпросвета (секцией самодеятельного театра).

С. 269

- Что же приманчивей ≈ полная сном? — Цитата из стихотворения «Сладко скользить по окраинам бездны...» (1890) В. Я. Брюсова.
- А я, как сон, давно предсказанный, ≈ Покрыла вдохновенно нас... — Цит. стихотворение «Я помню взор твой, смутно-длительный...» (1900) В. Я. Брюсова.

С. 270

Дни мальчишки ≈ одни слова... — Перефраз стихотворения «Лошадь» Б. П. Корнилова.

Заметка ≈ в «Лен<инских> искрах». — См.: Берггольц О. Вновь отстроенные дома на Палевском // Ленинские искры. 1926. 20 марта.

У меня будет «Саломея»... — Предположительно, О. Ф. Берггольц пишет об опере «Саломея» (1905) Рихарда Штрауса (1864–1949). Опера была поставлена в Ленинграде в 1924 г. в Государственном академическом театре оперы и балета.

...Станчинский... — Историк А. П. Станчинский, автор учебного пособия для школ 1-й и 2-й ступеней (Политграмота. М.; Л., 1925).

...свезу Берману — Л. В. Берман заведовал литературной частью журнала.

С. 271

...Кирхгофа... — Густав Роберт Кирхгоф (1824–1887), немецкий физик.

С. 272

Варя, как тебе кажется... — Варвара Некрасова, одноклассница О. Ф. Берггольц.

С. 273

...«Зеленые зори»... — Автограф стихотворения О. Ф. Берггольц в фондах РГАЛИ и РО ИРЛИ РАН не обнаружен.

С. 274

...потом Белицкому... — Г. Е. Белицкий, литературный редактор газеты.

...что Островский (там один)... — Предположительно, Арсений Георгиевич Островский (1897–1989), писатель, литературовед, член литературной группы «Смена».

...Аня — (кот<орая> у нас в Литгруппе)... — А. Пронина.

С. 275

«Ходя» идет ≈ «Ленинских Искр»... — См.: Берггольц О. Ходя («Буро-желтый как сухая глина...») // Ленинские искры. 1926. 3 апреля.

Снесу «Трактор» в «Резец»... — Речь идет о стихотворении О. Ф. Берггольц «Песня о тракторе» («Во деревне “Большие Ядрицы”...»). См.: Берггольц О. Песня о тракторе // Резец. 1926. № 31. С. 3.

...«В хлеву» в «Смене» поместят... — Речь идет о стихотворении «В хлеву» («В хлеву пахло прелым навозом...»); в газете «Смена» опубликовано не было.

...на «Соловья» — Стравинского... — Опера «Соловей» (1914) И. Ф. Стравинского.
...Юсуповский дворец. — Памятник архитектуры классицизма (Набережная р. Мойки, д. 94). Построен в начале XVIII в. В начале 1830-х гг. дворец приобрел князь Н. Б. Юсупов, и до 1917 г. он принадлежал представителям этого рода. В 1919 г. дворец был национализирован, в 1919–1925 гг. в нем располагался Музей дворянского быта. В 1925–1941 гг. во дворце располагался Дом работников просвещения (Дом учителя).

О. Ф. Берггольц вспоминала о занятиях в Юсуповском дворце: «...наша “Смена” перебралась в Домпросвет на Мойке — в бывший Юсуповский дворец, где комнаты хранили в девственной неприкосновенности графское, “буржуазное” убранство, к которому мы относились с глубоким классовым презрением» (Берггольц О. Продолжение жизни // Корнилов Б. Стихотворения и поэмы. С. 6).

С. 276

Сапуля — дурак... — Предположительно, речь идет о школьном учителе по истории.

С. 278

...а Зелинского... — Фаддей Францевич Зелинский (1859–1944), филолог, антиковед. Является автором более 800 опубликованных работ. О какой именно книге идет речь, установить не удалось.

...«В тупике»... — Роман «В тупике» (1922) В. В. Вересаева.

С. 279

...у тети Вали покупаем... — В. Т. Челнокова.

...Зина Александрова сказала... — Зинаида Николаевна Александрова (1907–1983), знакомая О. Ф. Берггольц по литературному объединению «Смена»; детская писательница.

...и Коссовым... — Анатолий Яковлевич Коссов (1908 — ранее 1988?), журналист; знакомый О. Ф. Берггольц по литературной группе «Смена».

С. 280

Дала на просмотр «Огородную». — Автограф стихотворения О. Ф. Берггольц в фондах РГАЛИ и РО ИРЛИ РАН не обнаружен.

1. Брюсов ≈ Достоевский... — Предположительно, все указанные номера, связанные с фамилиями писателей, являются школьным заданием для обязательного прочтения по курсу литературы.

- ...Чехов...** — Антон Павлович Чехов (1860–1904), писатель, прозаик, драматург
- ...Бунин...** — Иван Алексеевич Бунин (1870–1953), писатель.
- ...Блок...** — Александр Александрович Блок (1880–1921), поэт.
- ...Короленко...** — Владимир Галактионович Короленко (1853–1921), писатель.
- ...Некрасов...** — Николай Николаевич Некрасов (1821–1877), поэт, писатель, публицист.

С. 281

Пошло в «Смену», в Московский журнал... — «Смена», основан решением ЦК РКСМ как двухнедельный журнал рабочей молодежи, литературно-художественный и общественно-политический журнал, орган ЦК ВЛКСМ (Москва, с 1924 г.). В первый состав редакционной коллегии входили Л. Колесников (ответственный редактор), А. Горлов, С. Соколов, С. Федоров, Д. Ханин. Обложки первых номеров оформлены известным советским художником, основоположником конструктивизма Александром Родченко. В 20-е гг. именно в «Смене» появились первые рассказы Михаила Шолохова и Александра Грина, стихи Владимира Маяковского. Выходит и в настоящее время.

С. 282

- ...Дарлингом...** — Кличка собаки.
- ...в Дом печати?** — Дом печати (с 1938 г. — Дом журналиста); открыт в Ленинграде в 1926 г. в бывшем Юсуповском дворце по адресу: Набережная реки Мойки, д. 94, затем находился по адресу: Набережная реки Фонтанки, д. 21 (Шуваловский дворец). На первом этаже здания располагалась Ленинградская ассоциация пролетарских поэтов (ЛАПП).
- ...«Весна», «Апрель»...** — Автограф стихотворений О. Ф. Берггольц в фондах РГАЛИ и РО ИРЛИ РАН не обнаружен.
- «Белье»...** — Речь идет о стихотворении «Белье» («Комсомолки вешали белье...»); о публикации см.: Наст. изд. С. 699.

С. 283

- Дыр-бул-щур...** — В 1913 г. в книге «Помада» поэта-футуриста Алексея Елисеевича Крученых (1886–1968) была представлена фраза, ставшая хрестоматийной: «ДЫР БУЛ ЩЫЛ». В переводе Давида Давидовича Бурлюка (1882–1967): «Дырой будет уродное лицо счастливых олухов».
- Заумные стихи, заумь...** — Заумный язык, заумь, понятие, выдвинутое теоретиками русского футуризма в начале 1920-х гг. Термин был введен поэ-

том В. В. Хлебниковым, пытавшимся обнаружить общие законы прямой взаимозависимости звучания и смысла и, основываясь на них, создать новый поэтический язык, находящийся за пределами разума. Обычно под заумью понимают поэтические опыты русских футуристов (Хлебникова, А. Е. Крученых, В. В. Каменского и др.). Подробнее см.: Шкловский В. Б. О поэзии и заумном языке // Поэтика. Пг, 1919; Винокур Г. Футуристы — строители языка // ЛЕФ. 1923. № 1; Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998). М., 2000.

Заклятье смехом... — «Заклятие смехом» (1908–1909), стихотворение Велимира (Виктора Владимировича) Хлебникова (1885–1922).

Господа поэты ≈ Такие, как вы, Творцы... Мне наплевать ≈ В кабинете кабака... — Неточное цитирование стихотворения «Братья-писатели» (1917) Велимира Владимировича Маяковского (1893–1930). Ср.: «Лавочку открыть — лавочку открою».

...Есенин писал... — Сергей Александрович Есенин (1895–1925), поэт.

С. 284

...Юлька и Анька бегали... — Предположительно, Юлия Сеткова и Анна Пронина, знакомые О. Ф. Берггольц по литературному объединению «Смена». Ю. Сетковой посвящено стихотворение «Академик», опубл.: Смена. 1927. 13 ноября № 259. С. 3.

С. 285

Куплю иммортелей... — То же, что и бессмертник.

С. 286

...«чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей...» — Цит. роман в стихах «Евгений Онегин» (1831) А. С. Пушкина.

С. 287

...на вечер Фурманова... — Писатель и политический деятель Дмитрий Андреевич Фурманов умер 15 марта 1926 г. Предположительно, вечер должен был быть посвящен его памяти.

С. 288

Сегодня буду читать «Кешку»... — Автограф стихотворения О. Ф. Берггольц в фондах РГАЛИ и РО ИРЛИ РАН не обнаружен.

С. 289

Авраменко... — Илья Корнильевич Авраменко (1907–1973), поэт. Подробнее о нем см.: *Помозов Ю.* Второе дыхание // *Помозов Ю. Ф.* Знал, видел, разговаривал: Рассказы о писателях. Л., 1985. С. 142–153.

Пашковский... — Григорий Пашковский, знакомый О. Ф. Берггольц по литературной группе «Смена».

Замятин. — Евгений Иванович Замятин (1884–1937), писатель.

...в том дневнике прочитала, как целовались... — См. об этом: Наст. изд. С. 284.

С. 290

Лучше б было, лучше б было не ходить... — Цит. из украинской песни «Ехал казак за Дунай».

Аня говорила... — А. Пронина.

Шведов... — Яков Захарович Шведов (1906–1984), поэт, писатель.

...отослать в Москву Безыменскому... — Александр Ильич Безыменский (1898–1973), поэт. Многие стихи А. И. Безыменского были посвящены комсомолу. В 1920-е гг. А. И. Безыменский работал в выездных редакциях газет «Правда», «Комсомольская правда». Вероятно, именно поэтому Я. З. Шведов и хотел послать ему стихи О. Ф. Берггольц. Подробнее о нем см.: *Пресняков О.* Поэт из страны Комсомолия. М., 1964.

С. 290–291

Берман свои стихи ≈ «Милой Берггольц от автора». — Предположительно, речь идет о книге Л. В. Бермана «Новая Троя: Стихотворения» (Пг., 1921).

С. 291

...тетя Варя... — В. Т. Грустилина.

С. 292

В «Ю<ный?» п<ролетарий?» ≈ должны напечатать... — Речь идет о стихотворении «Белье», см.: *Берггольц О.* Белье («Комсомолки вешали белье...») // Юный пролетарий. 1926. № 10. С. 16.

С. 293

...навру, и Варе, и Вале... — Речь идет о Варваре Некрасовой и Валентине Балдиной.

...В. Соловьев... — Владимир Александрович Соловьев (1907–1978), писатель, поэт, драматург.

С. 294

Уймись, волнения страсти... ≈ Я стражду... — Неточная цитата из романа «Сомнение», слова Н. В. Кукольника, музыка М. И. Глинки.

Что за чудо, этот Жаров!.. «Азиаты»... — Александр Алексеевич Жаров (1904–1984), поэт, автор поэмы «Азиаты» (1925).

Полно, звезды, стыдливо скрываться ≈ Хорошо погулять с молодым! — Цит. стихотворение «Вечер» (1923) А. А. Жарова.

«Буду гладить голубые плечи ≈ гладил голубей!» — Цит. стихотворение «Комсомолка» («До четырех — за иголкой...», 1924) А. А. Жарова.

Смех в глазах, в горле смех ≈ без утех? — Цит. поэма «Азиаты» (1925) А. А. Жарова.

С. 295

«Радость моя, комсомолка, Сердце мое!» — Цит. поэма «Комсомолец» (1924; глава X) А. А. Жарова.

«Будут дни, синеволосым вечером ≈ В звонкую, крылатую любовь!..» — Неточная цитата из стихотворения «Комсомолка» А. А. Жарова.

«Неделя» Либединского... — Роман «Неделя» (1922) Ю. Н. Либединского.

С. 296

«До свиданья, друг ≈ в груди!..» — Цит. стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (1925) С. А. Есенина.

...на «Сказанье о граде Китеже»... — Опера «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии» (1904) Николая Андреевича Римского-Корсакова (1844–1908).

С. 299

...Торцова... — Биографические данные не разысканы. Член литературной группы «Смена».

...мой «Ходя» страшно нравится... — Подробнее об этом стихотворении см.: Наст. изд. С. 694.

Символ<исты>. — Литературное направление, основанное на ассоциативном мышлении, интуитивном восприятии и субъективном воспроизведении действительности. Образы, предлагаемые в произведении, создавались посредством авторских символов и строились на личном восприятии и эмоциональных ощущениях художника. Возникший в 1880-е гг как течение французской литературы (П. Верлен, А. Рембо, С. Малларме и др.), символизм нашел приверженцев во многих

странах Европы и в России. Идеи символизма обосновывались в философско-публицистических манифестах Н. М. Минского «При свете совести» (1890), Д. С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893). В 1894–1895 гг. вышли в свет три поэтических сборника «Русские символисты», представившие публике стихи В. Я. Брюсова и его окружения; появились в печати произведения Ф. К. Сологуба, З. Н. Гиппиус, К. Д. Бальмонта. Наивысший творческий взлет русскому символизму суждено было пережить в 1900-е гг., что справедливо связывают с вступлением в литературу новой плеяды поэтов: А. Белого, А. А. Блока, Вяч. И. Иванова, С. М. Соловьева, Эллиса, М. А. Волошина, Ю. Балтрушайтиса (более известных в русском литературоведении как поколение «младосимволистов»). См.: Пайман А. История русского символизма. М., 2000.

Акмеисты. — В противовес символизму акмеизм провозглашал возврат к материальному миру, предмету, точному значению слова. Акмеисты составили литературную группу «Цех поэтов» (Н. С. Гумилев, С. М. Городецкий, А. А. Ахматова, О. Э. Мандельштам, М. А. Кузмин и др.). См.: Кихней Л. Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. М., 2005.

Футуристы. — Авангардистское направление в искусстве 1910–1920-х гг. Основано на отрицании сложившихся традиций, разрушении традиционных жанровых и языковых форм, на интуитивном восприятии стремительного потока времени, сочетании документального материала и фантастики. Футуризм характеризуется самодовлеющим формотворчеством, созданием заумного языка. Будучи очень разноплановым явлением, представляет из себя различные группы и школы: кубофутуризм (Е. Г. Гуро, Е. Низен, Б. К. Лившиц, Д. Д. Бурлюк, Н. Д. Бурлюк и др.); Эгофутуризм (И. Северянин, И. В. Игнатъев, В. Гнедов, Г. В. Иванов, Грааль-Апрельский и др.), группа «Мезонин поэзии» (К. А. Большаков, С. М. Третьяков, Б. А. Лавренев и др.), группа «Центрифуга» (Бождар, Г. Н. Петников, Т. В. Чурилин и др.). См.: Харджиев Н. И. От Маяковского до Крученых: Избранные работы о русском футуризме. М., 2006.

Серационы. — «Серационовы братья», литературное содружество, организовано 1 февраля 1921 г. в Петрограде. Название заимствовано из сборника новелл немецкого романтика Э. Т. А. Гофмана «Серационовы братья», в которых фигурирует литературное содружество имени пустынноика Серациона. В содружество входили И. А. Груздев, М. М. Зоценко, Вс. В. Иванов, В. А. Каверин, Л. Н. Лунц, Н. Н. Ники-

тин, В. С. Познер, Е. Г. Полонская, М. Л. Слонимский, К. А. Федин и В. Б. Шкловский; многие из них учились в Студии при издательстве «Всемирная литература». К 1924 г. содружество распалось. Подробнее см.: Фрезинский Б. Судьбы Серапионов: (Портреты и сюжеты). СПб., 2003; Серапионовы братья: Философско-эстетические и культурно-исторические аспекты: К 90-летию образования литературной группы: Материалы международной научной конференции / Ред. и сост. Л. Ю. Коновалова, И. В. Ткачева. Саратов, 2011.

Гору дам ≈ под себя!.. — В литературном объединении «Смена» Г. С. Гора еще называли и «Бабелем»; в своей творческой манере он ориентировался на И. Э. Бабеля.

С. 300

...подлецы этот Г.С.П.С. — Губернский совет профессиональных союзов.

«Что такое друзья народа и как они борются с с<оциал>-д<емократами>». — Речь идет о работе В. И. Ленина «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов» (1894).

«Развитие капитализма в России». — Название труда В. И. Ленина, над которым он работал в 1896–1899 гг.

«Что делать». — Речь идет о работе В. И. Ленина «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» (1901–1902).

«Искра» — «Искра», первая общерусская политическая марксистская нелегальная газета, с августа 1903 г. центральный орган РСДРП. Издавалась нерегулярно с декабря 1900 по октябрь 1905 г. Всего вышло 112 номеров. В состав первой редакции вошли В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, А. Н. Потресов. Местопребыванием редакции первоначально был Мюнхен, затем последовательно Лондон, Женева и Вена. Газета печаталась за границей; отдельные номера перепечатывались в нелегальных типографиях в Российской империи (Кишнев, Баку, Нижний Новгород, Умань), а также на гектографе. Подробнее см.: Ленинская «Искра»: К семидесятилетию со дня выхода первого номера. М., 1970; Общественная мысль России XVIII — начала XX в.: Энциклопедия. М., 2005. С. 177–178.

Либединский — сын врача. ≈ «Крепнущие крылья». — Сведения о Либединском и Ляшко взяты О. Ф. Берггольц из книги «Писатели современники: Пособие для лабораторных занятий в школе и для самообразования» (М.; Л., 1925. С. 86, 56, 57–58).

С. 301

«Железная Тишина»... — См.: *Ляшко Н. Н. Железная тишина: Сборник рассказов*. М., 1919–1922.

...расск<аз> о канд<алах>... — См.: *Ляшко Н. Н. Рассказ о кандалах*. М., 1922.

...«Льдина на Солнце», «Голубиное дыхание», «Крепнущие крылья». — Эти три рассказа вошли в сборник: *Ляшко Н. Н. Крепнущие крылья и другие рассказы*. М., 1926.

Все познать ≈ мир пост!.. — Цит. стихотворение «Кобыльи корабли» (1919) С. А. Есенина.

Если есть, о чем горевать ≈ чему улыбаться. — Неточное цитирование стихотворения Есенина «Кобыльи корабли». Ср.: «Если можно о чем скорбеть, / Значит, можно чему улыбаться».

О, весенние зори ≈ юность моя!... — Неточная цитата из стихотворения «Все темней и кудрявей березовый лес зеленеет...» (1900) И. А. Бунина.

С. 301–302

Радость, радость, цветы и звени ≈ И подшефные борьбы и солнца... — Цит. стихотворение «Радость, радость...» А. А. Жарова, посвященное А. И. Безыменскому. Из сборника «Ледоход» (1923).

С. 302

«Ледоход»... — Упоминается книга стихов «Ледоход» А. А. Жарова, вышедшая в 1923 и 1925 гг.

Никого не впущу ≈ не открою дверь! — Цит. стихотворение «Хорошо под осеннюю свежесть...» (1918–1919) С. А. Есенина.

Вы солгали, туманные ночи в июне! — Цит. стихотворение «Туманные ночи» (1895) В. Я. Брюсова.

Вчера была на литгруппе «Ледоход»... — «Ледоход», литературное объединение, создано в 1926 г. при Ленинградском государственном университете. Название, видимо, отсылает к названию поэмы А. А. Жарова «Ледоход».

С. 303

...о Теплове... — Участник выпущенного «Сменой» сборника «Кадры» ([Л.,] 1928). В 1929 г. был исключен из группы «Смена» как «творческий балласт». См.: Протокол заседания комиссии по проверке состава ЛАПП от 13 апреля 1929 г. // Прозорова Н. А. Ольга Берггольц. Начало (по ранним дневникам). СПб., 2014. С. 230.

С. 304

Нету лета без июня... ≈ что за любовь!.. — Цит. казачья песня «Косякинские страдания».

...в «Юном пролетарии» опять ничего ≈ Чумандрин... — Публикацию произведений членов литературной группы «Смена» предваряла статья М. Ф. Чумандрина «Литгруппа сейчас» (см.: Юный пролетарий. 1926. № 8. С. 24–25); он же распределял тексты сменовцев по номерам.

...Борькина говенное «Окно в Европу»... — См.: Корнилов Б. Окно в Европу // Юный пролетарий. 1926. № 9. С. 8–9.

С. 305

...Файвеловича... — Правильно: Файвилович Григорий Абрамович, оргсекретарь Ленинградского отделения ассоциации пролетарских писателей. Здесь речь идет о его стихотворении «Дворник», см.: Файвилович Г. Дворник // Юный пролетарий. 1926. № 8. С. 27.

...Масленникова... — См.: Масленников А. Стрелочница // Юный пролетарий. 1926. № 8. С. 25; Он же. В трамвае // Там же.

...Пшеничный... — Член литературной группы «Смена»; биографические данные не разысканы.

...Авраменко... — И. К. Авраменко.

...Лихарев... — Борис Михайлович Лихарев (1906–1962), писатель, член литературной группы «Смена». С 1925 г. учился в Литературном институте им. В. Я. Брюсова, позднее на факультете языка и материальной культуры ЛГУ.

Как-то Анька? — А. Пронина.

...сейчас с Клавдей... — К. Балдина.

С. 307

...на кладбище в Невской лавре! — На территории Александрово-Невской лавры расположены Лазаревское, Тихвинское и Никольское кладбища. Подробнее см.: Кобак А. В., Приютко Ю. М. Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1993; Соколова Л. «Когда горит свеча...»: Никольское кладбище Александрово-Невской лавры. СПб., 2005.

«Известия» от 9 мая. — «Известия», еженедельная газета, учрежденная в марте 1917 г. Официальный печатный орган советской власти. Тематика газеты — освещение событий в России и за рубежом, аналитика и комментарии, обзор вопросов экономики, событий культурной и спортивной жизни.

С. 308

...Ну, о чем, о чем распелись... ≈ парусинной вышине?? — Цит. стихотворение «Вечер» А. А. Жарова.

С. 309

...против Исаакиевского собора... — Исаакиевский собор, памятник позднего русского классицизма; до октября 1917 г. главный храм С.-Петербурга. Заложен в честь царя Петра I и назван по имени святого Исаакия Далматского, день которого (30 мая старого стиля) совпал с датой рождения Петра I. В 1707 г. был освящен деревянный храм в честь преподобного Исаакия Далматского, стоявший примерно на месте «Медного всадника». В 1712–1722 гг. деревянная церковь была заменена каменной в стиле «петровского барокко». В 1768–1802 гг. на вновь созданной Исаакиевской площади был сооружен собор в стиле классицизма (архитекторы А. Ринальди, В. Ф. Бренна). Новый храм не гармонировал с застройкой центра города, и в 1809 г. был объявлен конкурс на проект нового собора. Современный Исаакиевский собор был построен в 1818–1858 г. (архитектор А. А. Монферран) и освящен как кафедральный. В 1928 г. Исаакиевский собор был закрыт, в 1930–1937 гг. в нем размещался Антирелигиозный музей. С 1937 г. собор стал музеем-памятником. В 1992 г. в храме начаты нерегулярные, а с 2002 г. — регулярные богослужения в левом приделе. Подробнее см.: Колотов М. Г. Исаакиевский собор. Л.; М., 1964.

С. 311

...против Адмиралтейства... — Главное Адмиралтейство, памятник русской архитектуры (архитекторы И. Коробов, А. Захаров). Основано как корабельная верфь в 1704 г. по проекту Петра I. Архитектурный ансамбль Адмиралтейства является центром композиции, к которому сходятся три центральные магистрали города — Невский проспект, Гороховая улица и Вознесенский проспект. В центре главного фасада воздвигнута башня с проездными воротами, окруженная сверху колоннадой ионического ордера и увенчанная куполом и шпилем. На шпиле находится позолоченный флюгер-«кораблик», изображение которого стало одним из символов С.-Петербурга. До 1917 г. в здании Главного Адмиралтейства располагались Морское министерство, Главный морской штаб и другие учреждения морского ведомства, а также Училище корабельной архитектуры (с 1925 г. Высшее военно-морское инженерное

училище им. Ф. Э. Дзержинского). До 1939 г. часть здания занимал Военно-морской музей.

С. 314

...**Тарховку**. — Тарховка, в описываемый период дачный поселок в Курортном районе Ленинграда, ныне — часть г. Сестрорецка.

...**озеро «Разлив»**. — Сестрорецкий разлив, озеро искусственного происхождения.

С. 315

...**Глодного или Приблудного принести**. — Речь идет о поэтах Михаиле Глодном (настоящие имя и фамилия Михаил Семенович Эпштейн; 1903–1949) и Иване Приблудном (настоящие имя и фамилия Яков Петрович Овчаренко; 1905–1937).

С. 316

...**купить — «Писатели-современники»**. — Речь идет о книге: Писатели современники. Пособие для лабораторных занятий в школе и для самообразования / Сост.: В. Голубков, Б. Данков, О. Лаврова, В. Молчанова, Л. Тударева, Е. Услаль-Чемоданова; под ред. В. Голубкова. М.; Л., 1925.

С. 317

...**по пустынному Летнему саду...** — Летний сад, парковый ансамбль, памятник садово-паркового искусства XVIII в. в центре С.-Петербурга. Был заложен по повелению Петра I 1704 г. и первоначально был регулярным. Создавался как летняя царская резиденция. Расположен между Марсовым полем и реками Фонтанкой, Невой, Мойкой.

...**или по тому саду, который против Инженерного замка...** — Михайловский сад, парк в С.-Петербурге. Находится в самом центре города. С южной стороны Михайловский сад примыкает к Михайловскому дворцу. С восточной стороны территория парка ограничена Садовой улицей, с северной — рекой Мойкой, а с западной — каналом Грибоедова. У северо-западной части Михайловского сада располагается храм Спаса на Крови. О. Ф. Берггольд никак не называет этот сад, потому что с 1922 г. Михайловский сад назывался в духе революционной риторики тех лет — Сад Международной организации помощи борцам революции.

Инженерный замок, до 1823 г. Михайловский замок; назван в честь архангела Михаила, памятник архитектуры классицизма. Построен в 1797–1801 гг.

(архитекторы В. И. Баженов, В. Ф. Бренна) по повелению императора Павла I в качестве резиденции императорской семьи на месте разобранного деревянного Летнего дворца императрицы Елизаветы Петровны. Квадратное в плане здание с внутренним двором было со всех сторон окружено каналами, которые были засыпаны в 1823 г. С 1820 г. здание дворца заняло Главное инженерное училище (отсюда второе название). В 1855 г. часть помещений Михайловского замка была передана Николаевской инженерной академии. До 1917 г. здесь также находилось Главное инженерное управление Военного министерства. В 1920–1930-х гг. во дворце размещались Военно-инженерная школа и Военно-инженерный исторический музей РККА, в 1925–1932 гг. — Военно-техническая академия. В 1994 г. Михайловский замок был передан Государственному Русскому музею.

...прошу Александровский сад... — Александровский сад (в 1920–1989 гг. — Сад трудящихся им. М. Горького, в 1989–1997 гг. — Адмиралтейский сад), пейзажный сад вдоль фасадов Главного Адмиралтейства.

Мы только знакомы... Как странно... — Строчки романа «Мы только знакомы» (1924), музыка Б. Прозоровского, слова Л. Пеньковского.

С. 318

...на «Волжские бунтари»... — Немой черно-белый кинофильм «Волжские бунтари» 1926 г.; производство «Ленинградкино» и «Чувашкино». Режиссер — П. П. Петров-Витов; в ролях — С. Галич, П. К. Кириллов, М. А. Добрава и др.

С. 322

Слышу ли голос твой... ≈ Тебе я кинулся!!... — Цит. стихотворение «Слышу ли голос твой...» (1838) М. Ю. Лермонтова, положенное на музыку многими русскими композиторами.

С. 323

«Горечь полыни — дней наших горечь»... — Цит. роман «Голый год» (М., 1923; То же. Изд. автора, 1924; То же. М., 1927) Б. Пильняка.

...«через несколько столетий ≈ как о днях величайшего прекраснейшего проявления человеческого духа»... — Неточное цитирование романа «Голый год» Б. Пильняка. Ср.: «Да, через сто, полтора-два столетия люди будут тосковать о теперешней России, как о днях прекраснейшего проявления человеческого духа».

С. 325

...а в Бабеля... — Речь идет о Г. С. Горе.

В «Красную Ниву» стащить?.. — «Красная нива», литературно-художественный еженедельный журнал (Москва, 1923–1931). В редколлегию входили А. В. Луначарский, Ю. М. Стеклов, Н. М. Касаткин и др. В этом журнале стихи О. Ф. Берггольц не печатались.

...«Ренессансу»... — Косметическое средство для выведения веснушек.

С. 326

Не жалею ~ яблонь дым... — Цит. стихотворение «Не жалею, не зову, не плачу...» (1921, опубл. 1922) С. А. Есенина.

...стихотворение «Терем»... — Стихотворение Б. П. Корнилова («У девушки маленькая рука...»). Впервые опубл.: Юный пролетарий. 1926. № 12. С. 21.

...на «Американку» поспорили. — Вид пари: поспорить на исполнение проигравшим желания выигравшего.

И любимая девушка ~ до рассвета... — Цит. стихотворение «Терем» Б. П. Корнилова.

С. 330

В У<ниверсите>т... — Речь идет о Ленинградском (С.-Петербургском) государственном университете. Ведет свою историю от Академического университета, реорганизованного позднее в Главный педагогический институт (первоначально Учительская семинария, затем Учительская гимназия, Педагогический институт), преобразованный в 1819 г. в С.-Петербургский университет. С 1918 г. 1-й Петроградский государственный университет. В 1918–1919 гг. в состав университета влились: Историко-филологический институт, бывшие Высшие женские (Бестужевские) курсы и бывший Университет при Психоневрологическом институте. В 1922 г. к университету был присоединен Археологический институт, в 1924 г. — Химико-фармацевтический институт, в 1925 г. — Географический институт. О. Ф. Берггольц получила диплом в декабре 1930 г.

...не попала из-за лет. — О. Ф. Берггольц писала в своей автобиографии: «После школы пришлось поступить в ГИИ (Государственный институт искусствознания), т. к. для университета была и слишком молода, — писала Берггольц, — да и “дочь служащего” — в то время это был невысокий “показатель”!» (Берггольц О. Ф. Собрание сочинений: в 3 т. Л., 1990. Т. 3. С. 482).

...в Институт Истории Искусств... — Государственный институт истории искусств. Создан в 1912 г. по инициативе графа В. П. Зубова по образцу Флорентийского института истории искусств для подготовки специалистов в области искусствоведения и библиотековедения; размещался в его дворце (построен в 1843–1847 гг., архитектор Г. А. Боссе; Исаакиевская площадь, д. 5). После октября 1917 г. В. П. Зубов передал свой дворец и институт в распоряжение Наркомпроса, превратившего его в учебно-научное учреждение. На Высших государственных курсах искусствоведения при ГИИИ преподавали Ю. Н. Тынянов, В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум, Б. В. Асафьев, Р. И. Грубер, В. Н. Всеволодский-Гернгросс и др. В 1929 г. ВГКИ было решено закрыть, а часть студентов, в их числе и О. Ф. Берггольц, была переведена в Ленинградский университет. Подробнее см.: Российский институт истории искусств в мемуарах / Под ред. И. В. Сэпман. СПб., 2003.

С. 332

...Ни т<ети> Вари... — В. Т. Грустилина.

Напишу статью о полете в «Юный пролетарий»... — См.: Берггольц О. 15 минут над Ленинградом // Юный пролетарий. 1926. № 14. С. 21.

Подморозило! Подморозило... — Предположительно, перефразирование строчек «Ты мне душу заморозил, / Ты мне сердце зазнобил...» из русской народной песни «А мы каталися на тройке...»

С. 333

...библиотеку «Прибой»... — Имеется в виду библиотека издательства «Прибой».

...Миша Лоскутов... — Михаил Петрович Лоскутов (1906–1941), очеркист, фельетонист. Печатался в «Юном пролетарии», газете «Смена», автор книг «Конец мещанского переулка» (1928), «Рассказы о дорогах» (1935) и др. В 1941 г. репрессирован и расстрелян.

С. 337

...Гдалин... — Правильно: Гдалий.

...едет тетя Тася, тетя Маня, дядя Георгий... — А. Т. Грустилина, М. Н. Степанова, Г. Степанов.

...в «Острове»... — Ближайшая к Заручевью д. Высокий остров.

С. 338

...насчет электричества, в связи с праздником — Ильиным днем... — Празднование пророка Илии отмечается 2 августа. Вероятно, О. Ф. Берггольц собиралась объяснять крестьянам природу молний, так как по преданиям в ночь на Ильин день сверкают молнии.

...к Смоленской... — Речь идет об иконе Божией Матери «Одигитрии» Смоленской, празднование которой отмечается 28 июля.

С. 340

...из Сухлова... — Сухлово, деревня Крестецкого района Новгородской губернии.

...Дубровка или Будки... — Деревни Новгородской губернии Крестецкого уезда.

С. 341

«Русь! ≈ таится между нами?» — Цит. поэма «Мертвые души» (т. 1, 1842) Н. В. Гоголя.

С. 342

Я сегодня ≈ желтеющий дол... — Цит. стихотворение «Закружилась листва золотая...» (1918) С. А. Есенина.

Молча ухает звездная звонница... — Цит. стихотворение «Хорошо под осеннюю свежесть...» С. А. Есенина.

И в душе ≈ стадо овец. — Цит. стихотворение «Закружилась листва золотая...» С. А. Есенина.

С. 343

О, туманные ночи в июне... — Правильно: «О туманные ночи в палящем июне!», цитата из стихотворения «Туманные ночи» В. Я. Брюсова.

Поступь легкая! ≈ быть покорным! — Цит. стихотворение «Заметался пожар голубой...» (1923) С. А. Есенина.

Смешная жизнь! Смешной разлад!... — Цит. стихотворение «Мне грустно на тебя смотреть...» (1923) С. А. Есенина (с пунктуацией О. Ф. Берггольц).

...Университетскую улицу... — Правильно: Университетская набережная (от Биржевой площади до набережной Лейтенанта Шмидта). Вероятно, имеется в виду Менделеевская линия (линия имени Профессора Менделеева), которая до 1923 г. называлась Университетской линией.

С. 344

Ты по-прежнему ≈ тронутое холодком? — Неточная цитата из стихотворения «Не жалею, не зову, не плачу...» С. А. Есенина. Правильно: «Ты теперь не так уж будешь биться, / Сердце, тронутое холодком...»

Карунов... — В. Карунов, предположительно, сосед по даче на хуторе Глушино.

С. 346

...от <Борьки Корнилова> получила письмо... — Два письма хранятся в РГАЛИ (Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 497). Одно письмо Б. П. Корнилова к О. Ф. Берггольц опубл., см.: Борис Корнилов: «Я буду жить до старости, до славы...». СПб., 2012. С. 354–356 (автограф находится в РО РНБ).

С. 348

О, весенние зори ≈ юность моя. — Неточная цитата из стихотворения «Все темней и кудрявей березовый лес зеленеет...» И. А. Бунина. Ср.: «...теплые майские ночи...»

С. 349

...Султан... — Кличка собаки.

С. 350

«...Когда в человеке ≈ людьми зверь...» /Куприн./ ≈ «и без слов, без мыслей, без сознания влекло в эту ночь ≈ призывая к себе самку... самца...» — Цитаты из повести «Яма» (1909–1915) А. И. Куприна.

Забыты нежные лобзанья ≈ Покрывши снежной пеленой... — Романс А. В. Ленина.

С. 351

...Оленинских вырубках... — Речь идет о вырубках в д. Оленино Новгородской губернии.

Тянутся по небу ≈ ласки весны... — Неточная цитата из стихотворения «Серепада» (1879) поэта Николая Максимовича Минского (настоящая фамилия Виленкин; 1855–1937).

Хорошо ≈ ветром стряхать. — Цит. стихотворение «Хорошо под осеннюю свежесть...» С. А. Есенина.

С. 354

М<ихаил> О<станин> сказал.. — Знакомый О. Ф. Берггольц по литературной группе «Смена».

С. 355

Прощай, ну что ж тебе сказать... ≈ **Посмотрится метелица!** — Цит. стихотворение «Прощай, ну что ж тебе сказать...» (1926) Людмилы Михайловны Поповой (1898–1972).

С. 357

Прощай, ну что ж тебе сказать ≈ О Ленъке Пантелееве... — Приводится то же стихотворение Л. Поповой, но цитируется неточно.

...его «Русь»... — Стихотворение «Русь» («Потонула деревня в ухабинах...», 1914) С. А. Есенина.

С. 358

...к 200-летию... — Описка. Имеется в виду: к двухлетию литературной группы «Смена». Ср. запись от 20 сентября 1926 г.: «На двухлетию будут Жаров, Безыменский, Либединский».

С. 359

Мне грустно ≈ тебя люблю... — Цит. стихотворение «Отчего» («Мне грустно, потому...», 1840) М. Ю. Лермонтова.

С. 361

Для меня это так ясно, «как простая гамма»... — Неточная цитата из драматической сцены «Моцарта и Сальери» из цикла «Маленькие трагедии» А. С. Пушкина. Ср.: «Для меня / Так это ясно, как простая гамма».

...Уткин... — Иосиф Павлович Уткин (1903–1944), поэт.

С. 362

«Ну, что же, прикажете плакать, Нет, нет и нет!» — Неточная цитата из стихотворения «Повесть о рыжем Мотэле, господине инспекторе, раввине Исае и комиссаре Блох» (1924–1925) И. П. Уткина.

Ничего!.. Я споткнулась о камень! Это к завтраму все заживет... — Неточная цитата (перефразирование) строчки из стихотворения С. А. Есенина «Все живое особой метой...» (1922). Ср.: «Я споткнулся...»

До свиданья ≈ в груди... — Цит. стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...» С. А. Есенина.

С. 363

На моем виске разбили голубей... ≈ Это как у Бабеля. — Неточная цитата из рассказа «История моей голубятни» (1925) из цикла «Одесские рассказы» И. Э. Бабеля. Ср.: «...калека Макаренко разбил голубей на моем виске».

С. 364

Значит, мне ≈ насыпая уши... — Неточная цитата из стихотворения «По осеннему кычет сова...» (1920) С. А. Есенина.

Геннадий Фиш... — Геннадий Семенович Фиш (1903–1971), писатель; в 1924 г. учился в Институте истории искусств, с 1925 г. на факультете общественных наук ЛГУ. Подробнее о нем см.: *Грибачев Н. М.* Свежий ветер с Ладogi // *Грибачев Н. М.* Собрание сочинений: в 6 т. М., 1986. Т. 5. С. 573–585.

...отрывок из «Комиссаров»... — Повесть «Комиссары» (1925) Ю. Н. Либединского.

С. 365

Этот день был таким новым ≈ как заря... — Цит. стихотворение И. П. Уткина «Повесть о рыжем Мотале, господине инспекторе, равнине Исае и комиссаре Блох».

С. 367

Тевелев мне нравится... — Матвей Григорьевич (Герцович) Тевелёв (1908–1962), литератор, сценарист; знакомый О. Ф. Берггольц по литературной группе «Смена».

С. 370

Я учусь ≈ в глазах беречь. — Цит. стихотворение «Хорошо под осеннюю свежесть» С. А. Есенина.

С. 380

Из жизни ≈ трепет без конца! — См. коммент. к дневнику 1926 г. (Наст. изд. С. 688).

С. 381

Где ты, где ≈ не желать? — Цит. стихотворение «Закружилась листва золотая...» С. А. Есенина.

Ну, и пусть ≈ придорожные кабаки! — Цит. стихотворение «Две России» (1920) Василия Дмитриевича Александровского (1897–1934).

Дурацкого званья поэта ≈ Ни славе грядущих коммун! — Цит. стихотворение «Дурацкое званье поэта» (1926) Николая Николаевича Асеева (1889–1963).

С. 385

В. Осипова... — Член литературной группы «Смена»; биографические данные не разысканы.

С. 387

«Мы люди слабые, беззащитные, кофий пили без всякого удовольствия»... — Аллюзия на рассказ «Беззащитное существо» (1887) А. П. Чехова.

С. 389

Я не скоро ≈ звенеть пурге... — Цит. стихотворение «Я покинул родимый дом...» (1918) С. А. Есенина.

Не ходить ≈ не искать следа... — Неточная цитата из стихотворения «Не бродить, не мять в кустах багряных...» (1916) С. А. Есенина.

С. 390

Зацелую допьяна, изомну, как цвет... — Цит. стихотворение «Выткался на озере алый свет зари...» (1910) С. А. Есенина.

С. 391

...домпросвет... — В домах просвещения проходили различные массовые мероприятия, действовали кружки, устраивались танцы и вечера.

...Шелкотреста... — Государственный трест шелковых фабрик Северо-Западного областного отделения.

...из «Пикадиллы»... — Кинотеатр, подробнее см.: Наст. изд. С. 687.

С. 392

...постучимся в «Звезду»... — «Звезда», ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал (Ленинград, с 1924 г.). Первый редактор — И. М. Майский, с 1925 г. в состав редколлегии входили Г. Е. Горбачев, И. И. Ионов, И. К. Наумов. В 1920–1940-х гг. в журнале публиковали свои произведения многие известные писатели и поэты, в том числе А. А. Ахматова, Ю. П. Герман, М. Горький, М. М. Зощенко, В. А. Каверин, В. Ф. Панова, А. Н. Толстой, Ю. Н. Тыня-

нов, К. А. Федин, О. Д. Форш и др. Первое стихотворение Берггольц, опубликованное в «Звезде», называлось «Пасека» (Звезда. 1929. № 10. С. 133).

...Ильичевскую фабрику. — Фабрика-школа механической обуви им. Ильичева (в дальнейшем «Пролетарская победа») в Ленинграде.

...пошли на «Перевал». — «Перевал» (Всесоюзное объединение рабоче-крестьянских писателей «Перевал») — советская литературная группа, существовавшая в 1923–1932 гг. и организованная видным литературным критиком и теоретиком марксистской эстетики А. К. Воронским при созданном им журнале «Красная новь». Группа оформилась в конце 1923 — начале 1924 г. и получила название по статье Воронского «На перевале» (опубликована в ноябре 1923 г.), в которой провозглашался переход от современной «убогой» литературы к грядущей коммунистической. Участники группы находились в оппозиции к базовым установкам «напостовства». О судьбах «перевальцев» см. подробнее: *Белая Г. А. Дон-Кихоты 20-х годов: «Перевал» и судьбы его идей.* М., 1989.

С. 393

Я вернусь ≈ белый сад... — Цит. стихотворение «Письмо матери» (1924) С. А. Есенина.

Невеселого счастья ≈ сердце поэта! — Цит. стихотворение «Ты такая ж простая, как все...» (1923) С. А. Есенина.

Коль нет цветов ≈ не надо... — Цит. стихотворение «Мне грустно на тебя смотреть...» (1923) С. А. Есенина.

С. 394

Сад колышет ≈ слова «милый»... — Неточное цитирование стихотворения «Синий май. Заревая теплынь...» (1925) С. А. Есенина. Ср.: «Сад полышет...» (от «полыхает»).

Пейте, пойте в юности ≈ ответет черемухой... — Цит. стихотворение «Песня» (1925) С. А. Есенина.

Я опять ≈ уж нет... — Цит. стихотворение «В этом мире я только прохожий...» (1925) С. А. Есенина.

Блажен ≈ глас свирели... — Цит. стихотворение «Письмо к сестре» (1925), в котором С. А. Есенин сделал примечание, что слова «Блажен, кто не допил до дна» принадлежат А. С. Пушкину.

С. 397

Была в Ассоциации. — Речь идет о Ленинградской ассоциации пролетарских поэтов (ЛАПП); в ее состав входили литературные группы «Алые вымпела», «Смена», «Резец», «Стройка», «Красная звезда» и др.

...в «Красную панораму» податься. — «Красная панорама», иллюстрированный литературный журнал (Ленинград, 1924–1930). Ответственный редактор — И. И. Скворцов-Степанов. Стихи О. Ф. Берггольц публиковались в журнале с 1928 г. Первое опубликованное стихотворение называлось «Мой путь» («Я так давно не верю в сосны...»). См.: Красная панорама. 1928. № 17. С. 6.

...типографии им. ени> В. Алексеева. — Имеется в виду Первая учебно-практическая школа-типография им. Васи Алексеева подотдела профобразования отдела народного образования исполкома Ленгубсовета (1918–1926).

С. 398

...превращусь в Колю Гладышева... — Персонаж повести «Яма» А. И. Куприна.

Мы девушку любим и нежим ≈ любимой ее называть... — Неточное цитирование стихотворения «Стихи о дружбе» (1926) И. П. Уткина. Ср.: «Вот девушку любим и нежим...»

С. 400

Умер дядя Георгий. — Г. Степанов.

У тети Вали с мужем... — В. Т. Иванова, С. Иванов.

Друзин взял... — В. П. Друзин, литературовед, критик, литератор. В эти годы редактор газеты «Смена».

Нравятся: Рысс; Хмельницкий... — Евгений Самойлович Рысс (1908–1973), писатель; Сергей Исаакович Хмельницкий (1907–1952), прозаик, детский писатель. Знакомые О. Ф. Берггольц по литературной группе «Смена».

...целовать Татьяну... — Предположительно, речь идет о юношеском увлечении Б. П. Корнилова одноклассницей Татьяной Александровной (Федоровной) Степениной (в замужестве Шишогинной; 1906–1986). Т. А. Степенина выросла в приемной семье, окончила семеновскую школу с педагогическим уклоном, дающую право работать учителем младших классов; жила в Нижнем Новгороде. Подробнее о ее отношениях с Б. П. Корниловым см.: Борис Корнилов: «Я буду жить до старости, до славы...». С. 343–353.

Все прекрасно... ≈ Что потеряно... — Романс «Все понятно...», авторы — В. Кручинин и О. Осенин.

Слушала вчера Дулькевич. — Нина Викторовна Дулькевич (урожд. Бабурина; 1891–1934), оперная и эстрадная певица, тембр меццо-сопрано.

С. 402

С Борозиной. — Алла Борозина, однокурсница О. Ф. Берггольц по ВГКИ при Институте истории искусств.

...с Е<лизаветой> Полонской... — Елизавета Григорьевна Полонская (урожд. Мовшенсон; 1890–1969), поэтесса; о ее дружбе с Л. В. Берманом см.: *Полонская Е. Г. Города и встречи: Книга воспоминаний.* М., 2008. С. 364–370.

С. 403

Гринберг узнал... — Иосиф Львович Гринберг (1906–1980), однокурсник О. Ф. Берггольц; критик, автор первой критической статьи о творчестве О. Ф. Берггольц, см.: *Гринберг И.* Свой путь. О стихах О. Берггольц // Юный пролетарий. 1933. № 18. С. 12–13.

...Мишке Мейеровичу было... — Предположительно, Михаил Афанасьевич Мейерович (псевдоним Анчаров М.), писатель.

...репродукции Мик<ел>анд<желло>, Леонардо да Винчи... — Микеланджело Буонарроти (1475–1564), итальянский скульптор, живописец; Леонардо да Винчи (1452–1519), итальянский живописец.

С. 404

...Мишка Глухов... — Член литературной группы «Смена», участник сменовского альманаха «Кадры» (Л., 1928).

...какая роскошь — стихи Гумилева! — Н. С. Гумилев (1886–1921), поэт, создатель школы акмеизма, прозаик, переводчик, литературный критик.

Далеко, далеко на озере Чад... — Цит. стихотворение «Жирав» (1908) Н. С. Гумилева.

С. 405

Когда мы сказали ≈ не плачет. — Цит. стихотворение «Мне снилось: мы умерли оба...» (1907) Н. С. Гумилева. Правильно: «Когда мы сказали: “Довольно”?»

С. 406

...на пленуме ЛАПП'а... — Предположительно, речь идет о пленарном заседании Ленинградской ассоциации пролетарских поэтов (ЛАПП), посвященном обсуждению вопросов пленума Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) (27 ноября 1926 г.).

...как Горький в «Первой любви»! — Рассказ «О первой любви» (1922) М. Горького.
...на «Конец Криворыльска». — О. Ф. Берггольц собиралась в театр на сатирическую комедию «Конец Криворыльска» Б. С. Ромашова.

С. 407

Проклятая, тесная клетка ≈ Так медленно можно вздохнуть. — Неточная цитата из поэмы «Лирическое отступление. Дневник в стихах» (1924) Н. Н. Асеева.

С. 409

И розы ≈ на легком снегу. — Цит. стихотворение «Пойми же, я спутал, спутал...» (1907) из цикла «Заклятие огнем и мраком» А. А. Блока.
Все в мире ≈ трепещущих рук... — Цит. стихотворение «О, что мне закатный румянец...» (1907) из цикла «Заклятие огнем и мраком» А. А. Блока.
Так как ≈ звание человека. — Цит. стихотворение «Когда Вы стоите на моем пути...» (1908) А. А. Блока.

1927 год

Была на свадьбе у Поли Власовой... (С. 413–442).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 323. Л. 35–71).

Датируется с 1 января по 2 апреля 1927 г.

Весна, весна красная... (С. 443–485).

Публикуется по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 324).

Датируется с 8 апреля по 23 июля 1927 г. Запись-вставка сделана в 1941 г.

Мне мало мира и хлеба в нем... (С. 486–536).

Публикуется по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 325).

Датируется с 23 июля по 16 ноября 1927 г.

С. 413

Зашла к каким-то художникам. Говорили комплименты. Читала им стихи. Хвалили. Понравилась им. Хорошие. — Об этом первом посеще-

нии О. Ф. Берггольц художников школы П. Н. Филонова, работавших в Шуваловском особняке, вспоминал Е. А. Кибрик: «Поздний вечер, мы пишем под потолком, глухо доносится музыка и вдруг раздаётся звонкий голосок: “А я хотела апельсины купить...” Смотрю вниз и вижу прелестную девочку, безбровую, с большими голубыми глазами, с золотой косой ниже пояса, круглым личиком, — она забежала к нам и остановилась, пораженная тем, что увидела. Мы на нее уставились.

- Как тебя зовут?
- Оля.
- А как фамилия?
- Берггольц.
- А сколько тебе лет?
- Шестнадцать.
- А чем ты занимаешься?
- Пишу стихи.
- Прочитай свои стихи.

И она без смущения читает “Астраханскую селедку”, а за ней и другое.

Ей любопытно, что мы делаем, и она лезет на стремянку к Борису Таскину, самому приветливому из нас. Мы начинаем дружить с Олей, и она часто к нам заходит» (Кибрик Е. А. Работа и мысли художника. М., 1984. С. 41).

...стихи у Светлова. — Михаил Аркадьевич Светлов (1903–1964), поэт. Подробнее о взаимоотношениях О. Ф. Берггольц и М. А. Светлова см.: Шевченко М. П. Побратимы (об О. Берггольц и М. Светлове) // Шевченко М. П. Избранное. М., 1990.

С. 414

...я бы многое написала о ~ интуитивно-аналитической школе... — Речь идет о теории аналитического искусства — художественном методе, разработанном и обоснованном П. Н. Филоновым в его теоретических трудах и собственном живописном творчестве. Выступив против академического и «пролетарского» искусства, Филонов утверждал, что, помимо формы и цвета, существует целый мир невидимых явлений, которые не видит «видящий глаз», но интуитивно постигает «знающий глаз». Такие явления представляются «формой изобретаемую», т. е. беспредметны. Отталкиваясь от кубизма как носителя рационалистического начала, Филонов противопоставлял ему принцип органического роста художественной формы и «сделанности» картин.

Согласно теории Филонова, художник «строит» свою картину, как природа «творит» из атомов и молекул более крупные образования. Филонов предлагал подражать не формам, которые создает природа, а методам, которыми она «действует». Он верил, что созданное по его методу искусство — это искусство будущего, и оно приведет к «Мировому Расцвету», поскольку такое искусство основано на гармоничном взаимодействии человека и природы, на научных принципах, обращенных к интеллекту зрителя.

Я читала Шершеневича. Вот как любят, как он пишет о ком-то... — Вадим Габриэлевич Шершеневич (1893–1942), поэт. В 1926 г. у него вышла новая книга «Итак итог» (М., 1926). Книга написана под впечатлением самоубийства Юлии Дижур (после ссоры с Шершеневичем), которую любил поэт. Возможно, О. Ф. Берггольц пишет о прочтении именно этой книги.

С художниками у меня завязалась хорошая дружба... — О. Ф. Берггольц познакомилась с творческим окружением художника П. Н. Филонова, когда литературное объединение «Смена» было вынуждено сменить свой адрес. Берггольц вспоминала о занятиях в бывшем Шуваловском дворце: «Потом “Смена” перебралась в Дом печати на Фонтанке, где формалистически настроенные молодые художники под руководством Филонова изукрасили зрительный зал такими картинами и скульптурами, что в зале было страшновато находиться...» (Берггольц О. Продолжение жизни // Б. Корнилов. Избранная лирика / [Предисл. О. Ф. Берггольц]. Л., 1978).

Филонов... — Павел Николаевич Филонов (1883–1941), живописец, график, один из основных представителей русского авангарда, автор теории аналитического искусства. Свое художественное кредо Филонов изложил в манифестах «Сделанные картины» (1914), «Декларация Мирового Расцвета» (1923) и в трактате «Идеология аналитического искусства и принцип сделанности» (1923). Иллюстрировал книги поэтов-футуристов, участвовал в оформлении спектакля «Владимир Маяковский» (1913). В 1925 г. организовал и возглавил художественное объединение Мастера аналитического искусства (МАИ) — коллектив своих учеников и последователей. В разное время коллективные занятия школы Филонова посещали более 70 художников (Т. Н. Глебова, Б. И. Гурвич, Е. А. Кибрик, В. А. Сулимо-Самуёлло, П. М. Кондратьев, А. И. Порет, А. Т. Сашин, М. П. Цыбасов, М. К. Макаров, Н. И. Евграфов, А. Е. Мордвинова, А. М. Ляндсберг, Л. Н. Тагрина, О. В. Покровский и др.). В 1927 г.

в Доме печати состоялась первая выставка МАИ, затем работы коллектива экспонировались на выставках «Современные ленинградские художественные группировки» (1928–1929), «Художники РСФСР за 15 лет» (1932–1933) и др. В начале 1930-х гг. в результате раскола часть художников вышла из коллектива. Последним выступлением школы Филонова была совместная работа по оформлению карело-финского эпоса «Калевала» (1933). Умер от голода в блокадном Ленинграде. См. о нем: *Правоверова Л. Л.* Павел Филонов: реальность и мифы. М., 2008.

Там есть один — Боря... — Борис Алексеевич Таскин, художник. О. Ф. Берггольц посвятила ему стихотворение «О полотнах»; опубл.: «Так хочется мир обнять». О. Ф. Берггольц: Исследования и публикации: К 100-летию со дня рождения. СПб., 2011. С. 233.

С. 415

...Федоров... — Арсений Дмитриевич Федоров (1894–1942?), художник, ученик П. Н. Филонова. Участвовал в оформлении Дома печати в 1927 г., его картина «Ссылнопоселенцы в Сибири» украшала фойе бывшего Шуваловского дворца. Умер в блокадном Ленинграде.

С. 416

Митя-кавказец... — Речь идет о художнике, ученике К. С. Петрова-Водкина, ученике П. Н. Филонова Дмитриии Павловиче Крапивном (1900; по другим данным, 1904–1940). Д. П. Крапивный родился в Тифлисе (ныне Тбилиси, Грузия).

Была у Чумандриных. — М. Ф. Чумандрин, Мария Александровна Чумандринна, его жена, переводчица, издательский работник.

...Левоневский... — Дмитрий Анатольевич Левоневский (1907–1988), поэт, критик. Окончил филологический факультет ЛГУ. С 1933 г. работал редактором в Ленрадиокомитете.

С. 417

...«Митину любовь» — Бунина. — Повесть «Митина любовь» (1925) И. А. Бунина. **Таскин зовет на Алтай...** — Под впечатлением от общения с художником было написано стихотворение «Алтай» («Не знаю, уклон или счастье...», 1926), которое О. Ф. Берггольц посвятила Б. А. Таскину.

...в клубе «Старой и молодой Гвардии»... — Речь идет о молодежном пролетарском клубе. В описываемое время располагался по адресу: На-

бережная р. Фонтанки, д. 44. Подробнее об истории клуба см.: Шубина Е. И. Клуб «Старой и молодой гвардии» // Фонтанка: Культурно-исторический альманах. 2007. № 2. С. 5–12.

Левовцы... — Участники литературно-художественного объединения ЛЕФ (Левый фронт искусств, 1922–1929; с 1929 г. — Революционный фронт искусства, РЕФ). В ЛЕФ входили В. В. Маяковский, Н. Н. Асеев, В. В. Каменский, С. И. Кирсанов, А. М. Родченко, В. Е. Татлин, А. Е. Крученых, О. М. Брик, С. М. Третьяков, Н. Ф. Чужак и др.; близки к объединению были С. М. Эйзенштейн, Д. Вертов, В. Б. Шкловский и др. Члены объединения считали себя преемниками идей кубофутуризма. Они ставили перед собой задачу создания действенного революционного искусства, которое призвано было стать подлинно «пролетарским». Главным они считали «жизнестроение» — формирование новой жизненной среды и «нового человека». В качестве программы-минимум левовцы предлагали «искусство — делание вещи» (иначе «производственное искусство»). Левовцы сформулировали теорию «социального заказа», противопоставляя его «идеалистическому» представлению о свободной воле художника. Они также выдвинули идею «революции формы», отрицая художественно-познавательные функции искусства и классические формы творчества. Формально ЛЕФ не имел устава и закрепленного членства. См. также: *Заламбани М.* Литература факта: от авангарда к социализму. СПб., 2006.

С. 418

И Еремин — еще больше. Сдала зачет. — Имеется в виду Игорь Петрович Еремин (1904–1963), филолог, исследователь древнерусской литературы; научную деятельность совмещал с преподавательской, читал в 1927–1931 гг. курс фольклора на ВГКИ при ГИИИ. См. также запись О. Ф. Берггольц от 7 июля 1928 г., в которой упоминается семинарий И. П. Еремина.

Третья годовщина памяти Ленина... ≈ в этот день! — В. И. Ленин умер 21 января 1924 г. После его смерти в СССР развернулась широкая агитационная кампания, утвердившая культ Ленина в общенациональном масштабе и постоянную пропаганду ленинизма. Ежегодно в день смерти Ленина, 21 января, по строго определенному сценарию проводились Ленинские вечера — в школах, на фабриках, а также в партийных, правительственных, армейских и профсоюзных учреждениях всех уровней. Содержание собраний памяти Ленина задавалось партийны-

ми вождями, собиравшимися на заседание в Большом театре перед огромным бюстом Ленина. 21 января номера «Правды», «Известий» и прочих газет под крупными заголовками, посвященными годовщине смерти вождя, помещали статьи и воспоминания о Ленине, иллюстрированные фотографиями или рисунками. 22 января в газетах публиковались отчеты о траурных собраниях, приводились речи членов Политбюро. Одним из наиболее часто повторяющихся ритуалов ленинского культа было торжественное обещание служить делу Ленина, произносимое юными пионерами при приеме в эту организацию. Подробнее об этом см.: *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. М., 1997.

С. 420

К Тверяку... — Алексей Артамонович Тверяк (настоящая фамилия Соловьев; 1900–1937), писатель, член литературной группы «Стройка».

Пришли Глухов и Малышев... — О Михаиле Глухове см. коммент. к дневнику 1926 г. (Наст. изд. С. 717). Л. Малышев — член литературной группы «Смена», исключенный из нее «как творческий балласт» во время «чистки» ЛАПП в 1929 г. См.: Протокол заседания комиссии по проверке состава ЛАПП от 13 апреля 1929 г. // *Прозорова Н. А.* Ольга Берггольц. Начало (по ранним дневникам). СПб., 2014. С. 230.

...заедем к его родным. — Родители Б. П. Корнилова — Корниловы Петр Тарасович (1884–1939) и Таисия Михайловна (урожд. Остроумова; 1884–1979), сельские учителя. Подробнее об этом см.: Борис Корнилов: «Я буду жить до старости, до славы...». С. 374.

С. 421

...написать о Дон Кихоте. — Предположительно, речь идет о замысле стихотворения О. Ф. Берггольц «Дон-Кихот» («Проходя по проспекту...»).

Ибсен — Пер Гюнт. — Упоминается драматическая поэма «Пер Гюнт» (1896) норвежского драматурга Г. Ибсена.

И розы ≈ на легком снегу... — Цит. стихотворение «Пойми же, я спутал, я спутал...» А. А. Блока.

Сама свою жизнь ≈ кого полюблю... — Неточное цитирование стихотворения А. А. Блока. «Есть лучше и хуже меня...» (1906). Правильно: «И сам свою жизнь сотворю, И сам свою жизнь погублю...».

С. 423

Будем в альманах выбирать. — Речь идет об альманахе «Кадры», в котором были изданы произведения членов литературной группы «Смена» как итог трехлетней работы. Сборник вышел в издательстве «Прибой» (Л., 1928). В альманахе было напечатано стихотворение Берггольц «Астраханская селедка». См.: Мессер Р. Альманах «Кадры» // Реф. 1927. № 48. С. 12.

С. 424

...в Библиотеке Молодежи. — Ленинградская Библиотека молодежи, первая в СССР, была открыта в 1925 г. в бывшем Шуваловском дворце как доступная для комсомольской и рабочей молодежи читальня.

...с Оськой в кино и к нему. — И. Л. Гринберг; подробнее о нем см.: Наст. изд. С. 717.

С. 425

Ах шарабан ≈ шарлатанка. — Песня «Шарабан», популярная песня из городского фольклора, ее пели в Гражданскую войну, вводили в виде цитат в свои стихи (например, «Песня о ветре» В. А. Луговского, 1926).

...об этом Юльке, Вальке, Але. — Ю. Сеткова, В. Юровская, А. Борозина, однокурсницы О. Ф. Берггольц.

С. 426

...переработать «Маклачан» Давыдова... — О чем идет речь, выяснить не удалось. **Во вторник были именины.** — Именины отца, Ф. Х. Берггольца.

С. 427

Читала письма Татьяны. — Речь идет о Т. А. Степениной, см.: Наст. изд. С. 716.

...это, по учению Достоевского, — самостоятельное хотение... — Рассуждение О. Ф. Берггольц о «самостоятельном хотении» восходят к прочитанной книге В. В. Вересаева о Ф. М. Достоевском. Не случайно в ее дневниковых записях часто повторяется фраза «Смелей, человек, и будь горд!», которую Вересаев рассматривает в контексте желания человека быть самим собой, проявить «самостоятельное хотение», «переступить черту».

...Астахова... — Астахова Анна Михайловна (1886–1971), филолог, фольклорист. Преподавала на ВГКИ при Государственном институте истории искусств в 1921–1931 гг.

С. 430

...поступлю на «электросилу»... — «Электросила», крупнейшее в России предприятие энергетического машиностроения. Основано в С.-Петербурге в 1898 г., входило в состав фирмы «Сименс унд Гальске», изготовляло силовое электрооборудование для промышленности, железнодорожного и городского транспорта. С 1912 г. принадлежало Русскому акционерному обществу «Сименс-Шуккерт». В 1918 г. национализировано. В 1922 г. переименовано в Петроградский государственный динамомашиностроительный завод «Электрофикатор». С 1924 г. электромашиностроительный завод «Электросила». С 1934 г. имени С. М. Кирова. С 1927 г. при предприятии выпускалась заводская многотиражка «Электросила», в которой с 1930 г. работала О. Ф. Берггольд.

С. 431

Я сейчас прочла случайно ≈ (в «Ниве»). — «Нива», иллюстрированный еженедельный литературный и политический журнал (С.-Петербург [Петроград], 1870–1917); наиболее популярный «тонкий» журнал для семейного чтения в дореволюционной России. В редакцию журнала входили В. П. Ключников, Ф. Н. Берг, Л. И. Стахеев и др. В «Ниве» регулярно печатались биографии знаменитых деятелей культуры, статьи по археологии, краеведению, естествознанию, географии, спорту, педагогике и т. п., а также репродукции с картин русских и иностранных художников, иллюстрации. В беллетристическом отделе помещались произведения практически всех известных писателей того времени. Журнал имел многочисленные приложения, в том числе «Ежемесячные литературные приложения» (дешевые издания произведений крупнейших русских писателей), «Сборник “Нивы”», «Парижские моды» и др.

Читала «Цемент»... — Роман «Цемент» (1922) Федора Васильевича Гладкова (1883–1958); опубликован в журнале «Красная новь» (1925. № 1–6); в начале 1926 г. вышел отдельной книгой в издательстве «Земля и фабрика» в составе собрания сочинений Гладкова.

С. 432

...притрусилась бабка... — М. И. Грустилина.

С. 435

...на «Сказание о невидимом граде Китеже»... — Опера Н. А. Римского-Корсакова, см.: Наст. изд. С. 700.

...**Ваня Приблудный!!** — Псевдоним поэта Я. П. Овчаренко, см. также: Наст. изд. С. 706.

С. 436

Жду с нетерпением «Ревизора». — Речь идет о постановке пьесы Н. В. Гоголя «Ревизор» в сценическом оформлении филоновцев, осуществленной в экспериментальном театре Дома печати 17 апреля 1927 г. Режиссером постановки выступил Игорь Герасимович Терентьев (1892–1937), поэт-футурист, теоретик искусства, один из основателей группы «41⁰» (совместно с А. Е. Крученых и И. М. Зданевичем). Для этой постановки филоновцы создали эскизы декораций и костюмов, а также картины-панно для зрительного зала.

С. 438

...и **«хомяк».** — Прозвище Д. А. Левоневского.

С. 440

...**Не умеют ≈ ни любить!..** — Цит. поэма «Демон» (1839) М. Ю. Лермонтова.

С. 441

[**Только и разница: вчера Невский Сегодня пр<оспект> 25 окт<ября>**] — С октября 1918 по 13 января 1944 г. Невский назывался проспектом 25 Октября.

С. 442

...**«В Лондоне Красин умер».** — Л. Б. Красин (1870–1926), участник социал-демократического движения в России, член ЦК РСДРП и ЦК ВКП(б), советский государственный и партийный деятель, участник советской делегации на переговорах в Брест-Литовске, которые завершились подписанием Брестского мира 1918 г. В 1918 г. был председателем Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии, одновременно являясь членом Президиума ВСНХ, членом Совета обороны. С ноября 1918 по июнь 1920 г. народный комиссар (нарком) торговли и промышленности. С марта 1919 по декабрь 1920 г. нарком путей сообщения. В мае 1920 г. в Лондоне вступил в переговоры с британским правительством. Активно способствовал признанию Советской России со стороны Великобритании и Франции. В 1922 г. участвовал в Генуэзской и Гаагской мирных конференциях. Последовательный сторонник вос-

становления и развития торговых отношений со странами Антанты, использовал для этого свои связи в деловых кругах Запада. В 1920–1923 гг. полпред и торгпред в Великобритании. Скончался в Лондоне. После смерти в 1926 г. был кремирован, урна с прахом помещена в некрополе у Кремлевской стены на Красной площади в Москве.

С. 443

Весна, весна красная! Приди, весна, с радостью... — Старинная русская народная песня.

Все в мире — кружащийся танец И встречи трепещущих рук... — Цит. стихотворение «Пойми же, я спутал, я спутал...» А. А. Блока.

О, весенние зори ≈ юность моя! — Неточная цитата из стихотворения «Все темней и кудрявей березовый лес зеленеет...» И. А. Бунина (см.: Наст. изд. С. 711).

О, весна без конца и без краю ≈ Все равно: принимаю тебя!.. — Цит. стихотворение «О, весна без конца и без краю...» (1907) А. А. Блока.

Сама свою жизнь ≈ кого поллюблю... — Неточная цитата из стихотворения А. А. Блока «Есть лучше и хуже меня...» (см.: Наст. изд. С. 723).

С. 444

Терн сильно цвел ≈ Б. Келлерман — Неточная цитата из романа «Братья Шелленберг» (1925) немецкого писателя Бернхарда Келлермана (1879–1951).

С. 445

Е<лена> П<авловна> была «безукоризненна»... — Е. П. Балдина, мать сестер Валентины и Клавдии.

...к Раменской. — Одноклассница О. Ф. Берггольц.

С. 448

...Берзин... — Юлий Соломонович Берзин (1904–1938), писатель.

С. 451

...на «Хованщину»... — Опера «Хованщина» (1872–1880) композитора Модеста Петровича Мусоргского (1839–1881).

С. 452

...Гаршину... — Всеволод Михайлович Гаршин (1855–1888), писатель.

С. 454

Но не песней ≈ ужиться вдвоем... — Цит. стихотворение Н. С. Тихонова «Полюбила меня не любовью...» (1920).

С. 455

Милый друг мой ≈ взялась эта боль? — Цит. поэма «Черный человек» (1923–1925) С. А. Есенина.

До свиданья, друг мой ≈ ты у меня в груди... — Цит. стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...» С. А. Есенина.

С. 457

Мил сушил-крушил... — Русская народная песня: «Ты трава ль моя, ты шелковая, / ты весной росла, летом выросла. / Под осень травка засыхать стала, / про мила дружка забывать стала. / Мил сушил-крушил, сердце высушил, / он и свел меня с ума-разума!» Об этом см.: *Коринфский А.* Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1901.

Уж как пал туман ≈ в ретиво-сердце... — Цит. широко известная песня, предположительно написанная П. С. Львовым во время Персидского похода Петра I.

Тетя Тася... — А. Т. Грустилина.

С. 459

...по кладбищу А<лександр>Н<евской> лавры... — Подробнее см.: Наст. изд. С. 704.

На могилу Достоевского... — Ф. М. Достоевский был погребен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры; на надгробии высечены евангельские слова (эпиграф к его роману «Братья Карамазовы»): «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода».

Около могилы Рубинштейна... — Антон Григорьевич Рубинштейн (1829–1894), пианист, композитор, дирижер, организатор первой в России С.-Петербургской консерватории (1858). А. Г. Рубинштейн был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, в 1930-х гг. перезахоронен в Некрополе мастеров искусств.

С. 460

...на «Любовь под вязами». — Спектакль «Любовь под вязами» по одноименной пьесе (1925) американского драматурга Юджина Глэдстоуна О'Ни-

ла (1888–1953). Вероятно, речь идет о спектакле в постановке Московского Камерного театра под руководством режиссера Александра Яковлевича Таирова (1885–1950). Камерный театр гастролировал в Ленинграде с этой постановкой с 3 по 29 мая 1927 г. (преьера спектакля состоялась в Москве 11 ноября 1926 г.). В Ленинграде спектакль «Любовь под вязами» был поставлен 4 февраля 1927 г. в Театре строителей режиссером Г. Ф. Энригоном, 14 февраля 1927 г. в Красном театре — П. К. Вейсбремом. **Троцкий прав...** — См.: *Троцкий Л. Д.* Литература и революция. М., 1923.

С. 461

...на «Фауста»... — Опера «Фауст» (1859) французского композитора Шарля Франсуа Гуно (1818–1893).

С. 463

...истмат... — Исторический материализм.

С. 464

Вчера читала ≈ «от символизма до октября». — Речь идет о книге: Литературные манифесты. От символизма до «Октября» / Сост.: Н. Л. Бродский, Н. П. Сидоров. М., 1924.

...продельывает Саянов. — Предположительно, речь идет о курсе лекций, который В. М. Саянов читал членам литературной группы «Смена»; его книга вышла позднее, см.: *Саянов В. М.* Современные литературные группировки. Л., 1928.

А уж имажинизм... — Имажинизм, литературное направление в русской поэзии XX в., представители которого заявляли, что цель творчества состоит в создании образа. Основное выразительное средство имажинистов — метафора, часто метафорические цепи, сопоставляющие различные элементы двух образов — прямого и переносного. На стиль и общее поведение имажинистов оказал влияние русский футуризм. Годом основания этого направления считается 1918-й, когда в Москве был основан «Орден имажинистов». Создателями «Ордена» были А. Б. Мариенгоф, бывший футурист В. Г. Шершеневич и входивший ранее в группу новокрестьянских поэтов С. А. Есенин. Фактически группа распалась в 1925 г. См. об имажинистах также: *Хуттунен Т.* Имажинист Мариенгоф: Денди. Монтаж. Циники. М., 2007.

...ничевоках, люминистах, фуйстах, биокосмистах... — Ничевоки, российская литературная группа, сложившаяся в Москве в начале 1920 г. и оконча-

тельно оформившаяся в августе 1920 г. при Союзе поэтов в Ростове-на-Дону. Группа просуществовала около двух лет, в 1920–1921 гг., и представляла собой российский отголосок известной европейской группировки дадаистов.

Люминисты, группа русских поэтов (В. Кисин, Т. Мачтет и др.) начала 1920-х гг. Среди основных эстетических принципов люминизма их «Декларация» называла «объективизацию индивидуальности (выхождение за пределы узкосубъективного психологизма)» и «монументальную лиричность (наша лирика это то, что вырубается на граните резцом по бронзе для передачи векам, мы пишем вне сегодняшнего дня)».

Фуисты составляли небольшую, слабо организованную группу литераторов, которая ставила перед собой задачу обогатить «исчерпанную стихию слова вчерашнего и слова завтрашнего» экзотическими образами и ритмами, сгущением физиологических мотивов («из живота стрелка по телу чертит», «баррикада ребер», «болото кипечника»). Начиная с 1921 г. фуистами себя называли Б. Перелешин, Н. Тихомиров, Б. Несмелов, Н. Лепок, А. Ракитников. Их произведения выходили в сборниках: «Четвертый год» (1921), «А» (1921), «Бельма Салара» (1922), «Мозговой ражжиж» (1922) и «Диалектика сегодня» (1923). В условиях сосуществования десятков поэтических групп фуисты сближались с экспрессионистами и ничевоками, вступали в полемику с символистами. См.: Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика / Сост., вступ. ст. В. Н. Терехиной; коммент. В. Н. Терехиной и А. Т. Никитаева. М., 2005; Диалектика сегодня. Поэмы. Фуисты. Николай Лепок, Борис Перелешин. М., 1923.

Биокосмисты (биокосмизм), направление в российской философии и литературе начала 1920-х гг., основными принципами и целями которого были максимальная свобода личности и ее творчества вплоть до свободы передвижения в космосе, распространения влияния деятельности человека на всю Вселенную, достижения физического бессмертия, способности создавать и пересоздавать Вселенную, управлять временем, воскрешать умерших людей и т. д. Основателями биокосмизма были А. Агиенко (выступал под псевдонимом А. Святогор) и А. Ярославский. Началом этого течения считается создание двух литературных групп молодых художников и поэтов в Москве в декабре 1920 г. в рамках Всероссийской секции анархо-универсалистов А. Гордина. К биокосмистам принадлежали поэты Э. Грозин, Н. Дегтярев, В. Анист, И. Линкст, О. Лор, О. Чекин, Б. Гейго-

Уран, художники В. Зикеев, П. Лидин. См.: Литературные манифесты. От символизма до «Октября» / Сост.: Н. Л. Бродский, Н. П. Сидоров. М., 1924; Литературные манифесты от символизма до наших дней / Сост. С. Джимбинов. М., 2000.

...статьи **Либединского — «темы...»**... — Речь идет о статье Ю. Н. Либединского «Темы, которые ждут своих авторов». См.: Литературные манифесты. От символизма до «Октября». С. 366–370.

...**«Мысль изреченная — есть ложь...»** — Цит. стихотворение «Silentium!» (1830) Федора Ивановича Тютчева (1803–1873).

...**«для кого все в мире очень просто ≈ не сможет быть художником...»** — Цит. лекция В. Я. Брюсова «Ключи тайн» (1904).

С. 465

«Сердце поэта — центр мира... ≈ — Гейне. — Неточная цитата из произведений Г. Гейне.

«У истинного художника социальный рецепт ≈ поставленная цель... «Для устойчивого влияния ≈ в твердыне законченного, многообъемлющего мирозерцания». — Цитаты из статей Р. Люксембург, выпущенных позднее в сборнике: *Люксембург Р. О литературе.* М., 1934. Источник, из которого цитирует О. Ф. Берггольц, установить не удалось.

Есть времена ≈ тернового венка... — Цит. стихотворение «Мать» (1868) Н.А. Некрасова.

С. 466

...иду к Юльке... — Ю. Сеткова.

К ночи влечет тебя юность твоя... — Цит. пьеса «Король на площади» (1906) А. А. Блока.

С. 467

...о Ключеве... — Николай Алексеевич Ключев (1887–1937), поэт.

«Через хату по канату»... — Строчка из частушки.

С. 474

Как-то Валька с Борисом? — Речь идет об отношениях друзей О. Ф. Берггольц — В. Балдиной и Б. М. Лихарева.

«Заклинаю вас ≈ она не возделает»... — Неточная цитата из книги «Песнь Песней Соломона».

Именем любовь назови! ≈ Тает на февральском снегу!.. — Цит. стихотворение «Облако свернулось клубком...» (1920) поэта Георгия Владимировича Иванова (1894–1958).

Не могу читать Мандельштама! — Осип Эмильевич Мандельштам (1891–1938), поэт.

С. 475

...в комиссии по проведению Дня кооперации и конституции. — Международный день кооперации стали отмечать в СССР с 1923 г. Кооперация была провозглашена «столбовой дорогой к социализму». Международный день кооперации проводился 4 июля одновременно с Днем Конституции СССР в соответствии с постановлением правительства от 19 сентября 1924 г. День принятия Основного закона (Конституции) Союза ССР праздновался на всей территории страны. Празднование начиналось с пения «Интернационала». На торжественных заседаниях и партийных собраниях заслушивались доклады о значении кооперации и Конституции СССР. Для молодежи проводились спортивные соревнования, бесплатные киносеансы для детей.

С. 476

...послать в «Ком<сомольскую> правду»... — Стихи О. Ф. Берггольц периодически публиковались в газете с 1928 г. См. первое из них: *Берггольц О. Строительный сезон // Комсомольская правда. 1928. 17 ноября.*

...«как 100 000 других в России». — Цит. стихотворение «Ты такая ж простая, как все...» (1923) С. А. Есенина.

С. 477

...бабушка пугала... — М. И. Грустилина.

С. 478

...«Страда» Некрасова... — Стихотворение «В полном разгаре страда деревенская...» (1848) Н. А. Некрасова.

С. 479

В Иванову ночь... — Народный праздник восточных славян, посвященный летнему солнцестоянию и наивысшему расцвету природы. Отмечался 24 июня (7 июля). По времени проведения совпадает с христианским праздником Рождества Иоанна Предтечи. В ночь на Ивана Купалу совершаются обряды, связанными с водой, огнем и травами. Считает-

ся обязательным к празднику искупаться до захода солнца. На севере в этот день русские купались чаще в банях, а на юге — в реках и озерах. Ближе к закату, на возвышенностях или у рек, разжигались костры и устраивались прыжки через костер.

...считает Бальзака и Жорж Занд... — Оноре де Бальзак (1799–1850), французский писатель. Жорж Санд (настоящие имя и фамилия Аврора Дюпен; в замужестве баронесса Дюдеван; 1804–1876), французская писательница.

С. 480

Напишу Юзьке... — Речь идет об И. Л. Гринберге.

С. 481

...«Историческими вестниками»... — «Исторический вестник», ежемесячный историко-литературный журнал (С.-Петербург, 1880–1917). Издавался А. С. Сувориным, затем Б. Б. Глинским. Редакторы — С. Н. Шубинский (1880–1913), Б. Б. Глинский (1913–1917). Всего вышло 147 томов журнала. «Исторический вестник» публиковал статьи по отечественной истории, истории русской литературы, географии и этнографии России, а также переводные романы, мемуары и дневники. Один из наиболее обширных отделов журнала составляли воспоминания.

С. 482

...Тихвинскую... — Имеется в виду праздник Иконы Тихвинской Божьей Матери, почитаемой в Русской православной церкви чудотворной. Написана, по преданию, евангелистом Лукой. Является важнейшей святыней Новгородской земли. Празднование иконе совершается 9 июля.

С. 483

...похожей на Грушеньку... — Речь идет о героине романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского.

...из героинь Поля Бурже... — Поль Шарль Жозеф Бурже (1852–1935), французский писатель.

С. 484

...ваше изумление, Борис Петрович... — Б. П. Корнилов.

С. 485

...«**вот и любви пришел какж...**» — Цит. стихотворение «Юбилейное» (1924) В. В. Маяковского. Ср.: «Вот и любви пришел какж, дорогой Владим Владимыч».

С. 486

«**Люби повергаться на землю ≈ не многим дается, а избранным...**» — Цитата из поучений старца Зосимы, героя романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского.

«**Если пшеничное зерно ≈ много плода...**» — Ср.: Ин. 12:24.

С. 487

...**про филоновцев забыла!**? — Подробнее об этом см.: Наст. изд. С. 720.

...**Сколько просьб у любимой всегда...** — Цит. стихотворение «Сколько просьб у любимой всегда...» (1913) А. А. Ахматовой.

С. 488

Разгром Китайской революции ≈ на нелегальном положении... — Речь идет о китайской революции 1925–1927 гг. 12 апреля 1927 г. главнокомандующий Чан Кай-ши и его сторонники совершили контрреволюционный переворот. 5-й съезд Коммунистической партии Китая, проходивший с 27 апреля по 11 мая 1927 г. в Ханькоу, принял решение о переходе на нелегальное положение.

С. 489

...**он сотрудник «Н<ового> мира»...** — Б. П. Корнилов стал публиковаться в журнале «Новый мир» с 1931 г.

С. 490

Не шей ты мне, матушка ≈ попусту в изъян... — Старинная русская народная песня.

...**в Смоленскую.** — Имеется ввиду праздник Иконы Смоленской Божьей Матери, почитаемой в Русской православной церкви. По преданию, написана евангелистом Лукой. Празднование иконе совершается 10 августа.

С. 491

...**писала Тольке...** — А. Я. Коссов.

С. 492

В Петербурге ≈ похоронили в нем... — Цит. стихотворение «В Петербурге мы сойдемся снова...» (1920) О. Э. Мандельштама.

С. 493

Я молю Тебя ≈ слова... — Неточное цитирование стихотворения «Не как люди, не еженедельно...» (1915) Бориса Леонидовича Пастернака (1890–1960). Правильно: «Я молил тебя: членораздельно / Повтори творящие слова».

С. 494

...во сне Рысса... — Е. С. Рысс; также см.: Наст. изд. С. 716.

От Юли письмо... — Ю. Сеткова, однокурсница О. Ф. Берггольц.

С. 496

...«соль земли». — Выражение из Евангелия, слова Иисуса своим ученикам: «Вы — соль земли» (Мф. 5:13). Употребляется в значении: наиболее активная творческая сила народа.

...из Столпнера и Юшкевича. — Речь идет об учебном пособии: *Столпнер Б. Г., Юшкевич П. С. Искусство и литература в марксистском освещении.* Л., 1927.

«Смотри весело» — аракчеевская команда в применении у лапповцев... — А. А. Аракчеев (1769–1834), государственный и военный деятель, военный министр в 1808–1810 гг. С его именем связан режим реакционного полицейского деспотизма и грубой военщины, термин «аракчеевщина» стал обозначением грубого произвола. В его правилах воспитания солдат было указание, что солдат должен всегда «смотреть весело», даже во время порки. Вероятно, О. Ф. Берггольц такой исторической аллюзией говорит о политике ЛАПП, о нападках на писателей и идеологической критике под лозунгом «партийности литературы».

С. 497

...плач на реках Вавилонских... — Цит. Библия (Ветхий Завет, Псалтирь): «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе» (Пс. 136:1).

...а с В. П.... — В. П. Голинская, соседка семьи Берггольц по даче в деревне Глушино.

С. 498

...**Духов день**... — Праздник Святой Троицы, называемый еще Пятидесятницей, посвящен сошествию Святого Духа на апостолов в пятидесятый день после воскресения Христова, т. е. в пятидесятый день после Пасхи.

С. 499

Прочла «Полудевы» Прево. — Роман «Полудевы» (1894) французского писателя Эжена Марсея Прево (1862–1941).

С. 500–501

То не ветер ≈ ласточка, пой... — Песня придумана сестрами Бергтольц как подражание и на мотив двух песен: русской народной песни «То не ветер ветку клонит...» и неаполитанской песни («Пой, ласточка, пой...» в обработке С. Садовского).

С. 501

...**старые романсы — «Не искушай»**... — Романс М. И. Глинки на стихи «Разуверение» («Не искушай меня без нужды...», 1821) Евгения Абрамовича Боратынского (1800–1844).

...**«Сияла ночь»**... — Романс Н. Ширяева на стихи «Сияла ночь. Луной был полон сад...» (1877) А. А. Фета.

С. 502

...**Шпильгагена**... — Фридрих Шпильгаген (1829–1911), немецкий писатель.

...**Мопассана**... — Ги де Мопассан (полное имя Анри Рене Альберт Ги де Мопассан; 1850–1893), французский писатель.

С. 503

...**Господи, я люблю тебя и верю радости твоей, без которой нельзя жить и быть**... — Цитата из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

С. 504

Шатов: «Я... я буду верить!» — Шатов, герой романа «Бесы» Ф. М. Достоевского. ...о «**повержении на землю**». — Это размышление соотносится с цитатой из Ф. М. Достоевского «Люби повергаться на землю...», которую О. Ф. Бергтольц приводит в дневнике, см.: Наст. изд. С. 486.

С. 506

Попадем ли на «максима»... — В разговорном обиходе тех лет «максим» — товаропассажирский поезд.

С. 509

...в «Преступлении» Сейфуллиной... — Предположительно, речь идет о повести «Правонарушители» Л. Н. Сейфуллиной.

40 000 курьеров взглянули из его рассказов... — Аллюзия на комедию «Ревизор» Н. В. Гоголя (производное от «тридцать пять тысяч одних курьеров»).

С. 510

За окном — «Кирпичики». — Популярная в 1920-е гг. песня на слова П. Д. Германа, музыка С. Бейлинзона в аранжировке В. Кручинина.

С. 511

...билеты на Мейерхольда... — Всеволод Эмильевич Мейерхольд (настоящие имя и фамилия Карл Казимир Теодор Майергольд; 1874–1940), актер, режиссер, педагог, руководитель московских Государственного театра им. Вс. Мейерхольда (ГостИМ) и Театра Революции. ГостИМ гастролировал в Ленинграде с 27 августа по 25 сентября 1927 г.

С. 512

Занимаюсь в Публичке. — Государственная (до 1917 г. — Императорская) публичная библиотека, старейшая общедоступная универсальная библиотека страны. Основана в 1795 г. в С.-Петербурге императрицей Екатериной II, открыта 2 января 1814 г. С 1917 г. Российская публичная библиотека, с 1925 г. Государственная публичная библиотека в Ленинграде, в 1932–1992 гг. носила имя М. Е. Салтыкова-Щедрина. С 1992 г. Российская национальная библиотека.

Нет имени тебе весна ≈ мой дальний... — Цит. стихотворение «Нет имени тебе, мой дальний...» (1906) А. А. Блока.

С. 536

...слушаем вечером Кольцова. — Михаил Ефимович Кольцов (настоящая фамилия Фридлянд; 1898–1940), писатель, журналист, общественный деятель. В 1938 г. был арестован по обвинению в «антисоветской и троцкистской деятельности», 2 февраля 1940 г. расстрелян.

1928–1929 ГОДЫ

Дневник О. Берггольц (С. 541–548).

Публикуется впервые по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 326).

Датируется с 6 апреля по 7 июня 1928 г.

Привявший мир, как светлый дар... (С. 549–619).

Публикуется по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888. Оп. 1. Ед. хр. 327).

Датируется с 7 июля по 24 ноября 1928 г.

Ирочка (С. 621).

Запись на отдельном листе. Публикуется по автографу (РГАЛИ. Ф. 2888, Оп. 1. Ед. хр. 328).

Датируется с 20 марта по 14 мая 1929 г.

Дневник за 1928–1930 гг хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в личном фонде О. Ф. Берггольц (Ф. 870).
Опубликован: «Я хочу жизни — много, много...»: дневник О. Ф. Берггольц 1928–1930 годов: к Столетию со дня рождения О. Ф. Берггольц / Публ. Н. А. Прозоровой // Русская литература. 2010. № 2. С. 135–177. Ре-публикован: Борис Корнилов: «Я буду жить до старости, до славы...». С. 271–342.

С. 542

...маленькая Беатриче... — Беатриче Портинари (1266–1290), флорентийка, муза, возлюбленная итальянского поэта Данте Алигьери (1265–1321). У О. Ф. Берггольц есть стихотворение «Беатриче» (1927).

С. 543

Ахматова говорит... — О. Ф. Берггольц познакомилась с А. А. Ахматовой в 1928 г.; посвятила ей стихотворения и написала ряд статей, посвященных ее творчеству. См.: Неизвестная статья Ольги Берггольц об Анне Ахматовой / Публ. Е. Ефимова // Знамя. 2001. № 10. С. 139–149.

...написал «Тройку», «Лошадь»... — Стихотворение Б. П. Корнилова «Тройка» («Жить по-старому Русь моя кончила...») впервые опубликовано: Звезда. 1926. № 3. С. 6. См.: Корнилов Б. Избранная лирика / [Предисл. О. Берггольц]. Л., 1978. С. 21–22 («Лошадь»), 23–24 («Тройка»).

С. 544

И в этом прозреньи ≈ не больно... — Цит. стихотворение «Измучен жизнью, коварством надежды...» (1864) А. А. Фета.

Твой только ≈ сон мимолетный... — Цитата из того же стихотворения А. А. Фета.

«Своих невольничьих тревог»... — Цит. стихотворение «Добро и зло» (1884) А. А. Фета.

С. 545

...в «Ю<ном> п<ролетарии>» обещали... — Имеется в виду № 13 журнала «Юный пролетарий», в котором были опубликованы стихи О. Ф. Берггольц «Ухарь-купец», «Прощанье», «Матери», «Озерный край» и дан ее портрет.

Читаю Свифта... — Джонатан Свифт (1667–1745), английский писатель, автор романа «Путешествия Гулливера» (1726).

...лучшие слова в лучшем порядке... — Аллюзия на афоризм С. Кольриджа «Поэзия — это лучшие слова в лучшем порядке».

С. 546

...и «Резце» нажать. — В журнале «Резец» в 1928 г. были опубликованы стихи О. Ф. Берггольц «Ледоколы» (№ 29), «О гончарах» (№ 38) и др.

В «Кр<асную?» деревню» отдам... — Ежедневный журнал, который выходил в 1922–1929 гг. В 1928 г. в этом издании стихи О. Ф. Берггольц не публиковались.

...в «Смену»... — В газете «Смена» в 1928 г. были опубликованы стихи О. Ф. Берггольц «Кузня» (26 августа), «Сапожник» (11 ноября).

Неужели помешает Говнатор?.. — Предположительно, ругательное прозвище. О ком идет речь, выяснить не удалось.

...Фимы... — Член литературной группы «Смена»; биографические данные не разысканы.

...Б<ориса> Соловьевых?.. — Борис Иванович Соловьев (1904–1976), поэт, писатель, критик. Знакомый О. Ф. Берггольц и В. П. Корнилова.

Читаю «Зависть» Олеша. — Речь идет о романе «Зависть» (1927) Юрия Карловича Олеша (1899–1960).

Доклад о Гумилеве был... — О каком докладе идет речь, выяснить не удалось.

...печатаю лекции Шимкевича. — Шимкевич Константин Антонович (1887–1953), историк литературы, заведующий Кабинетом современной литературы, преподаватель Государственного института истории искусств (см.: *Орнаментская Т. И.* Материалы А. А. Ахматовой в архиве К. А. Шимкевича // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 79).

С. 547

...говорит Белинский... — Вероятно, О. Ф. Берггольц имеет в виду многочисленные определения поэзии, данные известным литературным критиком Виссарионом Григорьевичем Белинским (1811–1848) в его статье «Стихотворения М. Ю. Лермонтова» (1841).

С. 548

II «сентиментальное» путешествие... — Аллюзия на роман Л. Стерна (1713–1768) «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768).

С. 549

Привявший мир, как светлый дар. — Неточное цитирование стихотворения «Звонкий дар» (1906) А. А. Блока. Правильно: «Принявший мир, как звонкий дар».

Я ждал полета и бытия ≈ во власть земли... — Цит. стихотворение «Днем» (1904) Зинаиды Николаевны Гиппиус (1869–1945).

Друзья, друзья! Быть может, скоро ≈ Туда могли перешагнуть! — Цит. стихотворение «Друзья, друзья! Быть может, скоро...» (1921) Владимира Фелициановича Ходасевича (1886–1939).

С. 550

...ему и учиться надо. — Б. П. Корнилов вместе с О. Ф. Берггольц учился на ВГКИ при ГИИИ, однако курса не окончил.

...семинарий Энгельгардту... — Борис Михайлович Энгельгардт (1887–1942) работал на словесном отделении ВГКИ при ГИИИ в 1920-е гг., вел семинар по методологии истории литературы, читал курс по истории русской критики.

С. 551

...роли Булгарина... — Фаддей (Тадеуш) Венедиктович Булгарин (1789–1859), писатель, критик, журналист, издатель; в 1825–1859 гг. совместно с Н. И. Гречем издавал газету «Северная пчела»; как литературный критик писал пасквильные статьи против А. С. Пушкина, вел борьбу с «натуральной школой» и критиками-демократами.

...и значения Гиппиус... — З. Н. Гиппиус (1869–1945), поэтесса, литературный критик, представитель символизма; подробнее о ней см.: Зинаида Гиппиус. Новые материалы. Исследования. М., 2002.

...«я слаб и предан грусти»... — Цит. из монолога Гамлета в трагедии «Трагическая история о Гамлете, принце датском» В. Шекспира.

- ...в «Красную новь»... — Первое стихотворение «Рука Москвы» О. Ф. Берггольц в журнале «Красная новь» появилось в 1932 г. (№ 7. С. 120).
- ...«Молод<ую> гвардию»... — Первые стихи О. Ф. Берггольц «Карусель», «О листьях» появились в журнале «Молодая гвардия» в 1934 г. (№ 3. С. 43).
- ...его письма к Татьяне и ее письма... — Т. А. Степенина; местонахождение этих писем неизвестно. Одно письмо Б. П. Корнилова к Т. А. Степениной опубликовано, см.: «Моя девчонка верная...»: Письмо Б. П. Корнилова к Т. Степениной / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 годы. СПб., 2011. С. 995–1004; републ.: Борис Корнилов: «Я буду жить до старости, до славы...». С. 343–353.

С. 552

Нельзя служить и богу и мамоне. — Ср.: Мф. 6:24.

С. 553

- ...«желание желаний», как у Вронского. — Герой романа «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. Ср.: «Он скоро почувствовал, что в душе его поднялись желания желаний, тоска».
- «Покровы» не сняты. — О. Ф. Берггольц размышляет об умении в искусстве отражать глубинное, божественное ядро человека, т. е. «снимать покровы», которое является, по Л. Н. Толстому, признаком подлинного мастерства.

С. 554

- ...лучше Гитовича... — Александр Ильич Гитович (1909–1966), поэт, переводчик; член литературной группы «Смена» с 1927 г.

С. 555

- ...как Михайлов у Толстого... — Художник Михайлов, герой романа «Анна Каренина» Л. Н. Толстого.

С. 557

- Неужели Молчанов надует? — Предположительно, речь идет об Александре Молчанове (настоящее имя Иван Александрович; 1905–1941), писателе, члене ЛАПП.
- ...с дядей Шурой пришли. — А. Т. Грустилин.

С. 558

- ...отец там задерживает. — П. Т. Корнилов; о нем см.: Наст. изд. С. 723.

Отрекся, как Петр от Христа. — Апостол Петр трижды отрекся от Иисуса Христа после взятия Христа под стражу перед его распятием. См. Евангелие от Марка (Мк. 22:24).

...превратится в Акакия Акакиевича. — Герой повести «Шинель» (1842) Н. В. Гоголя.

С. 559

...в Валю Балдину или Лиду Гвоздовскую... — Школьные подруги О. Ф. Берггольц.

Вдруг Мотя мерзким голосом запел... — Предположительно, приятель Б. П. Корнилова, сосед по квартире. Он упоминается Корниловым в письме к Т. Степениной: «“Я не тоскую, нет, не плачу — он не вернется больше пусть, я понапрасну слез не трачу...” — то Мотья поет. Мы с ним ходим к цыганам...» (цит. по: «Моя девчонка верная...»: Письмо Б. П. Корнилова к Т. Степениной / Публ. Н. А. Прозоровой // Борис Корнилов: «Я буду жить до старости, до славы...». С. 352).

...меня в «Смехаче» протащили... — См. заметку: Тараканы в тесте // Смехач. 1928. № 27. С. 11.

С. 560

«Я всегда был убежден ~ здравым смыслом»... — Неточная цитата из статьи Н. С. Гумилева «И. Анненский и др.». Ср.: «Для меня несомненно, что для хорошего сатирика необходимы известная тупость восприятий и ограниченность кругозора, то есть то, что в общезнании называется здравым смыслом».

С. 561

...бить себя в грудки и лепетать — низок, низок!.. — Неточная цитата из романа Ф. М. Достоевского «Идиот». Ср.: «Низок, низок! — забормотал Лебедев, начиная ударять себя в грудь и все ниже и ниже наклоняя голову».

С. 562

...к Чагину... — Петр Иванович Чагин (настоящая фамилия Болдовкин; 1898–1967), журналист, ответственный редактор «Красной газеты», партийный работник, директор Гослитиздата (1939–1946).

Не знаю, как выглядит «Раблэ». Издана хорошо. — Речь идет об изданном в 1928 г. романе М. Ф. Чумандрина «Фабрика Рабле».

...в «Красной газете»... — Подробнее см.: Наст. изд. С. 665.

Пусть Маршак... — Самуил Яковлевич Маршак (1887–1964), поэт, переводчик. В 1923–1925 гг. С. Я. Маршак руководил журналом «Новый Робинзон» (см.: Наст. изд. С. 652). С 1926 г. руководитель Ленинградской редакции Детгиза. В «Попытке автобиографии» О. Ф. Берггольц называла С. Я. Маршака наряду с К. И. Чуковским своим первым учителем. Подробнее см.: *Чуковская Л. К.* В лаборатории редактора. 2-е изд., испр. и доп. М., 1963. С. 219–334; *Берггольц О. Ф.* Собрание сочинений: в 3 т. Л., 1988. Т. 1. С. 39.

...переписать «Баранов». — Речь идет о стихотворении О. Ф. Берггольц «Как Ваня поссорился с баранами». Вышло отдельным изданием в 1929 г. при содействии П. И. Чагина в типографии «Красной газеты».

С. 564

...«драгоценный нарыв» (Л. Троцкий). — Имеется в виду выражение Л. Д. Троцкого: «драгоценный нарыв староинтеллигентского радикализма».

...тетя Полина... — Пелагея Тимофеевна Челнокова (урожд. Грустилина; 1903–1986), младшая сестра М. Т. Берггольц.

С. 566

...тетка Анастасия... — А. Т. Грустилина.

С. 567

...«Махно» опять пишит... — Речь идет о стихотворении О. Ф. Берггольц «Махно в Париже» («По моде стрижен и обрит...»); опубликовано в «Комсомольской правде» (1928. 1 декабря).

...читать «Степана Разина» ≈ Чапыгина... — Роман «Разин Степан» (1927) Алексея Павловича Чапыгина (1870–1937).

«Саламбо»... — Роман «Саламбо» (1862) французского писателя Гюстава Флобера (1821–1880).

С. 568

Читала роман ≈ княгини Бебутовой... — Ольга Михайловна (Георгиевна) Бебутова (1879–1952), писательница, с 1919 г. в эмиграции. Роман «Варвары XX века» написан в 1915 г.

«Помнишь ли»... — Предположительно, «Помнишь ли ночь...», старинный русский романс.

...поют старые затасканные «накинув плащи»? — Речь идет о романсе «Накинув плащ» неизвестного автора.

С. 569

В «Кр<асной> веч<ерней>» не напечатали... — Т. е. в «Красной газете» в вечернем выпуске.

...обещал же Эйдук... — Ян Юрьевич Эйдук (1897–1938), журналист, критик, аспирант Института русской литературы.

...о вечере у Берзина... — Ю. С. Берзин.

...«Кузнец» выйдет не плохо... — Предположительно, речь идет о стихотворении О. Ф. Берггольц «Кузня» («Дрожит, напрягаясь, конское тело...»), опубликованном в «Смене» (1928. 26 августа).

С. 570

...Балдина против... — Е. П. Балдина.

С. 571

...как я Вальку теперь... — В. Балдина, подруга О. Ф. Берггольц.

«Тигра»-то, действительно, сделана почти неплохо... — Стихотворение О. Ф. Берггольц «Тигра» опубл., см.: «Так хочется мир обнять»... С. 244–245.

...с Борькиной «Маникюршей». — Стихотворение Б. П. Корнилова «Маникюрша» опубл., см.: Смена. 1928. 26 августа.

С. 572

...чтоб книга была не хуже, а лучше Бориной. — Первый поэтический сборник О. Ф. Берггольц «Стихотворения» был издан в 1934 г в Ленинграде. Первый сборник Б. П. Корнилова «Молодость: Стихи» издан в 1928 г в Ленинграде (серия «Книжная полка Резца», № 3) и посвящен О. Ф. Берггольц.

...сидящие одесную и ошую... — В переводе с церковнославянского: одесную — справа, ошую — слева.

З. Штейнман... — Правильно: Штейнман Зелик Яковлевич (1907–1967), критик, литературовед.

С. 573

...в «Панорамке»... — Т. е. в журнале «Красная панорама».

С. 574

...не то, что дядя Сережа. — С. Иванов.

...насчет «Саши», «Эди»... — А. Ермолов, Э. Пальмон, знакомые О. Ф. Берггольц по даче в Глушино.

...подарила Татьяна... — Т. А. Степенина.

С. 575

...написать «**Табор в городе**»... — Речь идет о стихотворении «Цыгане в городе» («О, табор в городе! О, табор...»); см.: Берггольц О. Цыгане в городе // Красная панорама. 1929. № 33. С. 15.

Борька написал «**Барышника**»... Эпиграф взял из моего «**Кузнеца**»... — См.: Корнилов Б. Барышник // Нижегородская коммуна. 1928. 4 ноября; Звезда. 1928. № 10. С. 44–45.

...через **нарбутовскую пышность**. — Владимир Иванович Нарбут (1888–1938), поэт, прозаик, критик. В 1924–1927 гг. заместитель заведующего Отделом печати при ЦК ВКП(б), в 1927–1928 гг. один из руководителей ВАПП. В своем раннем творчестве примыкал к акмеизму. Подлинный, самостоятельный стиль и «нарбутовский» тематический репертуар сложился к моменту выхода его второй книги стихов «Алли-луйя» (1912). Тематические баллады В. И. Нарбута восходят к художественному миру малороссийского фольклора и этнографическому бытописанию в духе жанровых сценок.

...«**Старушек**» и «**Теремов**»... — См.: Корнилов Б. «Старуха заплачет... И снова встарь...» // Резец. 1927. № 29. С. 5; Он же. Терем // Кадры: Сборник литературной группы «Смена». Л., 1928. С. 37–39.

С. 580

«**Лен<инские> искры**»... — В 1928 г. в газете «Ленинские искры» были опубликованы стихи О. Ф. Берггольц «Над книгой Жюль Верна» (6 марта), «В дальнее плаванье» (9 июня), «Домой» (25 августа).

«**Смена**»... — См.: Берггольц О. Кузня («Дрожит, напрягаясь, конское тело...») // Смена. 1928. 26 августа.

Кр<асная> панор<ама>... — В 1928 г. в «Красной панораме» были опубликованы стихи О. Ф. Берггольц «Мой путь» (№ 17), «Вешний утренник прынул по грядкам...» (№ 23), «На набережной» (№ 34).

Сын Гумилева и Ахматовой! — Лев Николаевич Гумилев (1912–1992), историк.

Как хотела на Кабуки!.. — Один из видов традиционного театра Японии. Представляет собой синтез пения, музыки, танца и драмы. Исполнители кабуки используют сложный грим и костюмы с большой символической нагрузкой.

С. 582

...«**я и садовник, я же и цветок**»... — Цит. стихотворение «Дано мне тело — что мне делать с ним...» (1906) О. Э. Мандельштама.

С. 583

...«Волость»... — Имеется в виду стихотворение Б. П. Корнилова «В нашей волости...», опубл.: Смена. 1927. 16 января; Красная газета. 1927. 5 июня.

«Искатель приключений» — хорошее стихотворение... — Предположительно, речь идет о стихотворении Б. П. Корнилова «Корабли» («И воля и волны гуляют кругом...»), опубл.: Резец. 1927. № 47. С. 1.

Была в ЦДРП на МЮД'е... — Центральный дом работников просвещения. МЮД, Международный юношеский день, международный праздник прогрессивной молодежи, проводившийся в 1915–1945 гг. Установлен решением Бернской международной социалистической конференции молодежи 1915 г. в целях мобилизации молодежи на борьбу за мир, против империалистической войны. Впервые был проведен 3 октября 1915 г. в Швейцарии, Нидерландах, США, Италии, Румынии и ряде других стран. В 1916–1931 гг. отмечался в первое воскресенье сентября, а с 1932 г. по предложению некоторых секций Коммунистического интернационала молодежи — 1 сентября. В России был впервые проведен в сентябре 1917 г. МЮД отмечался массовыми демонстрациями и митингами молодежи; в СССР проводился как день интернациональной солидарности и трудовых успехов молодежи в социалистическом строительстве.

...**омерзительная пьеса «Луна слева»...** — Пьеса «Луна слева» (1928) драматурга Владимира Наумовича Биль-Белоцерковского (1885–1970).

С. 584

Рахманов прав... — Леонид Николаевич Рахманов (1908–1988), писатель, член РАПП. В конце 1920-х гг. Л. Н. Рахманов был студентом Ленинградского электротехнического института; в 1927 г. начал публиковаться. Подробнее о нем см.: *Слонимский М. Л.* Завтра. Проза. Воспоминания. Л., 1987. С. 544–546.

...**Борька заметил — под Эрлиха (!!!)** — Вольф Иосифович Эрлих (1902–1937), поэт. Долгое время у Б. П. Корнилова с Эрлихом сохранялись дружеские отношения. Среди небольшого эпистолярного наследия Корнилова имеются два его письма, адресованные Эрлиху, которые ныне опубликованы, см.: *Прозорова Н. А.* Материалы Б. П. Корнилова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 216–218.

...в «Резце» **выходит страница.** — В № 45 журнала «Резец» за 1928 г. были опубликованы портрет О. Ф. Берггольц (С. 9) и ее стихи «Сапожник» («Он зай-

дет в двory немые...»), «Кузня» («Дрожит, напрягаясь, конское тело...»), «Тянет предыюньскою травою...», «Улов» («От Валаама к городу...»). Стихотворение «О гончарах» было опубликовано в журнале за № 38 (С. 4).
...и тогда полезу в ЗИФ. — ЗИФ, государственно-акционерное издательство «Земля и фабрика» (1922–1930).

С. 587

...не хуже Чуркина... — Александр Дмитриевич Чуркин (1903–1971), поэт-песенник, в описываемое время работал в журнале «Резец».

...«О поэзии» — очень интересно... — Книга «О поэзии» (1928) О. Э. Мандельштама. **Ан<то>кольский тоже хорошо.** — Павел Григорьевич Антокольский (1896–1978), поэт.

Остроумно Каверин. — Вениамин Александрович Каверин (настоящая фамилия Зильбер; 1902–1989), писатель.

«Развитие общественной мысли» Плеханова... — Труд «История русской общественной мысли» (в 3 т.; 1915–1918) Георгия Валентиновича Плеханова (1856–1918).

С. 588

...празднование 100-летия Толстого... — Л. Н. Толстой родился в 1828 г.

С. 589

...надо П. Медведеву завтра позвонить. — Павел Николаевич Медведев (1892–1938), критик, литературовед; в 1920-х гг. преподавал в ЛГУ, работал также в Госиздате.

С. 590

...сблизиться с Фаней Левитиной... — Левитина Фаина Давыдовна (1904–?) работала также в «Ленинградской правде», исследователь творчества Л. Н. Толстого, в 1930-е гг. была заведующей бюро пропаганды Ленинградского отделения ССП СССР.

...не она — Вера Кетлинская. — Вера Казимировна Кетлинская (1906–1976), писательница.

...и Барилем можно... — О ком идет речь, выяснить не удалось.

С. 591

Дедущка и бабушка неумолимо... — Х. Ф. и О. М. Берггольц.

С. 592

...по Гостиному... — Большой Гостиный двор, памятник истории и архитектуры XVIII в., в прошлом — центральный оптовый Гостиный двор, с начала XX в. — универмаг (архитектор Ж. Б. Валлен-Деламот). Расположен в историческом центре С.-Петербурга, занимает квартал между Невским проспектом (д. 35), Садовой улицей, улицей Ломоносова и Перинной линией.

С. 594

...не хочу заболощины... — Речь идет о творческой манере поэта Николая Алексеевича Заболоцкого (1903–1958).

Надо для «Каторги» ≈ страницы «Мертвого дома». — Речь идет о произведении «Записки из Мертвого дома» (1861–1862) Ф. М. Достоевского. Стихотворение О. Ф. Берггольц «Каторга» было впервые опубликовано под заголовком «Читая Достоевского», см.: Дружба народов. 1979. № 4. С. 181.

А отец свободы дикой ≈ Покатилася рублем... — Цит. стихотворение «Уструг Разина» (1921) В. В. Хлебникова.

Уж вы тени, тени те, Уж куда вы тянете?.. — Предположительно, написано О. Ф. Берггольц под влиянием стихотворения «Вечер. Тени...» (1908) В. В. Хлебникова.

...у задрипанного Маркова... — Сергей Николаевич Марков (1906–1979), поэт.

Читаю Шкловского о 19–20 гг. — Речь идет о романе «Ход коня» (1923) Виктора Борисовича Шкловского (1893–1984).

С. 595

«Тяжелая лира» Ходасевича мне нравится... — Сборник «Тяжелая лира» (1922) В. Ф. Ходасевича. Из этого сборника и часто цитируемое О. Ф. Берггольц в дневнике стихотворение «Друзья, друзья! Быть может, скоро...»

Но звуки правдивее смысла ≈ меня лезвие... — Цит. стихотворение «Баллада» (1921) В. Ф. Ходасевича.

Друзья, друзья! ≈ туда перешагнуть!.. — Цит. с пропусками стихотворение «Друзья, друзья! Быть может, скоро...» В. Ф. Ходасевича.

С. 596

Простой душе ≈ тяжелый... — Цит. стихотворение «Психея! Бедная моя!» (1921) В. Ф. Ходасевича.

...«будить повсюду обожанье»... — Цит. стихотворение «Персидская миниатюра» (1919) Н. С. Гумилева.

...если не «Арзамас»... — «Арзамас» литературное общество, объединившее сторонников нового литературного направления в русской литературе; действовало в 1815–1818 гг. В его состав входили К. Н. Батюшков, Д. Н. Блудов, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, А. И. Тургенев и др.

...вилась и шла Владимирка... — Владимирский тракт (Владимирка), название дороги из Москвы на Владимир. С XVIII в. использовалась для отправки в Сибирь осужденных на каторгу.

С. 597

...на рецензию — «Искатели мозолей». — Рецензия О. Ф. Берггольц на книгу «Искатели мозолей: Повесть о делах и приключениях красноборских ребят» (Л., 1928) писателя Иннокентия Петровича Грязнова (1893–1976) была опубликована в «Смене» (1928. 21 октября).

С. 598

«Любовь Жанны Ней» — увлекательно... — Роман «Любовь Жанны Ней» (1924) писателя Ильи Григорьевича Эренбурга (1891–1967).

...«Вечерку»... — Т. е. вечерний выпуск «Красной газеты».

С. 599

...Кугелю не успею... — Иона Рафаилович Кугель (1873–1941), заведующий вечерним выпуском «Красной газеты».

...«Амундсен». — Стихотворение О. Ф. Берггольц написано в 1928 г. в связи с гибелью Р. Амундсена (1872–1928), норвежского полярного исследователя. В советской поэзии памяти Амундсена посвящено также стихотворение К. М. Симонова «Старик» (1939).

С. 600

...и Бакунина. — Михаил Александрович Бакунин (1814–1876), русский революционер, основатель и теоретик анархизма.

...«лысынами бессилья»... — Слова из стихотворения «Осень» (1837) Евгения Абрамовича Боратынского (1800–1844). Ср.: «Зима идет, и тощая земля / В широких лысынах бессилья».

...пела «Колыбельную» Лермонтова.. Буду я тоской томиться = Шелком разошью... — Неточные цитаты из «Казачьей колыбельной песни» (1840) М. Ю. Лермонтова.

С. 601

«Борька переделал «Предводителя стихов» в «Начало культуры». — Стихотворение Б. П. Корнилова «Начало культуры» («Вот послушай меня, отцовская...») опубл., см.: Нижегородская коммуна. 1928. 18 ноября.

С. 602

Покамест Ирунька не проснулась... — Ирина Борисовна Корнилова (1928–1936), дочь О. Ф. Берггольц и Б. П. Корнилова; родилась 13 октября 1928 г.

С. 603

...вспоминала Левина... — Константин Левин, герой романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

С. 604

...«Восстание ангелов»... — Роман «Восстание ангелов» (1914) французского писателя Анатоля Франса (настоящее имя Анатоль Франс Тибо; 1844–1924).

...«Современники». — Роман «Современники» (1926) Ольги Дмитриевны Форш (урожд. Комарова; 1873–1961).

...Поль Моран... — Поль Моран (1888–1976), французский дипломат, писатель, чьи произведения переводились на русский язык во второй половине 1920-х гг.

С. 605

...черкну Алтаузену... — Джек (Яков) Моисеевич Алтаузен (1907–1942), поэт.

...Ермилову... — Владимир Владимирович Ермилов (1904–1965), критик. Поддерживал партийную линию в литературе, был секретарем РАПП (1928–1932), редактором журналов «Молодая гвардия», «Красная новь»; автор работ о М. Горьком, Л. Н. Толстом, А. П. Чехове.

С. 606

...почитать Жироду... — Жан Жироду (1882–1944), французский писатель, чьи произведения активно переводились на русский язык во второй половине 1920-х гг.

С. 607

...читала «Отца Сергия»... — Повесть «Отец Сергий» (1890, опубл. 1911) Л. Н. Толстого.

С. 609

...существует ли «Смена»... — Литературная группа «Смена» прекратила свое существование в 1929 г. См. об этом: *Прозорова Н. А.* Ольга Берггольц. Начало (по ранним дневникам). СПб., 2014. С. 244–245.

С. 610

...за Лескова, Писемского... — Николай Семенович Лесков (1831–1895), писатель; Алексей Феофилактович Писемский (1821–1881), писатель.

...«Письма» Гоголя. — Эссе «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) Н. В. Гоголя.

...за «Одиссею»... — Эпическая поэма Гомера.

...«Белые ночи». — Повесть «Белые ночи» (1848) Ф. М. Достоевского.

С. 612

«Мы отдохнем, отдохнем»... — Заключительная реплика Сони из пьесы «Дядя Ваня» (1896) А. П. Чехова.

«Гравюра на дереве»... — В журнале «Звезда» в 1928 г (№ 8–10) публиковалась повесть Бориса Андреевича Лавренева (1891–1959) «Гравюра на дереве», о которой упоминает Берггольц.

Влюблена в Киплинга. — Джозеф Редьярд Киплинг (1865–1936), английский писатель, пользовался исключительной популярностью у литературной молодежи 1920-х гг.

...буду работать над «Турманом»... — Поэтический сборник «Турман» вышел отдельным изданием в 1930 г.; О. Ф. Берггольц включила в него 7 стихотворений, написанных в 1928–1929 гг.

Именной указатель

- А.А. *см.* Ахматова А.А.
 А.А. *см.* Александр Андреевич
 А.Е. *см.* Анна Ефимовна
 А.И. *см.* Александр Иванович
 А.Н., школьный учитель 260
 Авдотья, прислуга 79, 104, 116, 123, 152,
 164, 168, 178, 182–184, 195, 200, 201,
 208, 209, 241, 248, 249, 251, 252, 264,
 265, 282, 350
 А.П. *см.* Голинский А.П.
 Аверченко А.Т. 242
 Авраменко И.К. 289, 305, 382, 392
 Адриан 110
 Александр Андреевич, школьный
 учитель 44, 48, 83, 87, 175
 Александр Иванович, школьный
 учитель 36, 42, 47, 56, 72, 81, 97, 110, 114
 Александр Македонский 151
 Александр Петрович
см. Голинский А.П.
 Александрова З.Н. 266, 279, 292
 Александровский В.Д.
 «Две России» 381, 385, 386
 Алексеев, рабочий 155
 Алексеева, одноклассница 52
 Алтаузен Дж.М. 605
- Ампадист, Амподист *см.* Анемподист
 Ампелогов И.А. 33, 38, 42, 49, 50, 55–56,
 58–59, 61, 63, 67, 81, 83, 87, 97–98,
 102–103, 107, 110, 113, 127–128, 171–172,
 179, 194–195, 202, 210
 Андреев Л.Н. 236, 242, 250
 «Анатэма» 236
 «Иуда Искариот и другие» 236
 «Сашка Жегулев» 236
 «Царь Голод» 236
 Андрей, знакомый Балдиной В. 300,
 328, 356, 368
 Анемподист, знакомый по даче 74, 77,
 131–132, 203, 205
 Анна Ефимовна, школьный учитель
 45, 83, 171, 212
 Анна Ивановна, школьный учитель
 93, 94, 95, 105, 124, 136, 164
 Антокольский П.Г. 587
 Антоновский 264
 Анюта, подруга Берггольц М.Ф. 76, 78,
 132, 133, 187, 194, 212, 229, 231, 257, 270,
 275, 570, 578, 585
 Аракчеев А.А. 524
 Асеев Н.Н. 381
 «Дурацкое звание поэта» 381
 «Лирическое отступление.
 Дневник в стихах» 407

- Ахматова А.А. 177, 499, 543–544, 546, 548, 550, 561, 572, 575–576, 580, 585, 587, 600, 607, 612, 613
 «Сколько просьб у любимой всегда...» 487
 «У меня есть улыбка одна...» 177
- Бабель Э.И. 268, 299, 363
 «История моей голубятни» 363
 «Одесские рассказы» 268
- Бабушка см. Берггольц О.М.
- Байрон Дж. 124, 125, 223
- Бакунин М.А. 600, 615
- Балдин, отец 69
- Балдин С. 34, 44, 45, 46
- Балдина В. 45, 58, 92, 94, 104, 141–142, 194, 278, 284, 293, 300, 328, 330, 356, 360–361, 368, 425, 435, 449, 474, 487, 559, 571
- Балдина Е.П. 45, 92, 96, 125–126, 445, 449, 570
- Балдина К. 45, 104, 115, 130, 142, 153, 191, 194, 211, 250, 305
- Балдины, семья 34, 41, 44–45, 69, 444, 509, 571
- Бальзак О., де 479, 495, 496, 502
- Бальмонт К.Д. 221, 280
 «Осень» 76
- Бариль 590
- Бах И.С. 253
- Бабель А. 223
 «Женщина в прошлом, настоящем и будущем» 223
- Бебутова О.М. 568
 «Варвары XX века» 568
- Безыменский А.И. 290, 295, 359, 496
- Белинский В.Г. 547
- Белицкий Г.Е. 266, 274–275, 290, 325
- Бентовин Б.С.
 «Бабье царство: Комедия в 1-м действии» 82
- Берггольц Е.Х. 102
- Берггольц М.Т. 33, 35–40, 42–45, 48, 50–55, 57, 59–63, 66–73, 75, 77–79, 93, 94, 96–100, 103–105, 108, 109, 113, 116, 119–121, 123, 124, 126–128, 132–135, 137, 139, 140, 142, 143, 147, 148, 152–154, 163, 164, 166, 168, 173, 175, 178, 182–186, 188, 190, 192–196, 199–201, 203–206, 208–211, 220, 228–231, 235, 240, 241, 248–252, 254, 256, 260, 264, 265, 271, 273, 275, 277, 279, 282, 287, 291, 297, 298, 303, 305, 306, 308, 310, 315, 318–320, 324, 325, 329, 330, 332, 334, 336, 344, 350, 351, 353, 356, 363, 366, 368, 384, 400, 403, 404, 407, 408, 414, 415, 418, 422–424, 427, 432–436, 438, 439, 444, 447–450, 452, 457–459, 463, 464, 466–468, 471, 477, 479, 488, 490–495, 497, 498, 500, 502, 505, 510, 511, 515, 541, 547, 550, 551, 553, 554, 556–559, 564, 566, 567, 570, 574–577, 579, 582, 588, 591, 592, 594, 598, 601, 602, 604, 607, 609–611
- Берггольц М.Ф. 33, 35, 38, 42, 43, 45, 48, 50, 51, 53–55, 58, 64, 67, 69, 72, 73, 75, 77, 79, 92, 96, 98–99, 101, 103, 104, 109, 113, 116, 118, 120, 126, 128, 132, 133, 135–142, 144, 152, 153, 164, 168, 180, 184–186, 191, 192, 196, 197, 200, 204, 231, 269, 282, 303, 322, 325, 330, 341, 344, 368, 394, 418, 434, 459, 468, 471, 481, 500, 501, 504, 505, 566, 582, 586, 587, 611
- Берггольц О.М. 53, 57, 59, 62, 70, 80, 97, 104, 113, 116, 122, 124, 125, 126, 129, 130, 142, 147, 148, 152, 154, 155, 166, 173, 232, 234, 235, 591

- Берггольц Ф. Х. 33, 37–38, 40, 42–43, 54, 57, 61, 63, 67, 71, 72, 94, 96–100, 103–105, 118, 120, 122, 124–130, 133, 135–137, 140, 142, 147, 148, 153–154, 163, 166, 168, 175, 182, 188, 191, 193, 199–201, 204, 206, 209, 210, 228, 230, 232, 235, 239–241, 249–253, 264, 269, 273, 275, 282, 287, 299, 306, 308, 318, 324, 325, 331, 332, 351, 353, 365, 366, 368, 388, 389, 403, 404, 407, 408, 415, 424, 428, 451, 458, 459, 510, 547, 550, 553, 554, 570, 576, 579, 582, 585, 589, 591, 593, 602, 604, 611
- Берггольц Х. Ф. 55, 62, 92, 124, 125, 147, 148, 152, 154, 170, 178, 182, 201, 204, 206, 208–210, 232, 238–242, 247, 388, 591
- Бергман 183, 193
- Берзин Ю. С. 448, 569
- Берман Л. В. 234, 236, 270, 275, 288, 290, 318, 325, 328, 332, 353, 402, 543, 584, 587, 600, 612
- Бетховен Л. ван 265, 266, 270
- Билль-Белоцерковский В. Н.
«Луна слева» 583
- Блок А. А. 280, 409, 421, 443, 444, 499, 512
«Есть лучше и хуже меня...» 421, 443–444
«Звонкий дар» 549
«Когда Вы стоите на моем пути...» 409
«Король на площади» 466
«Нет имени тебе, мой дальний...» 512
«О, весна без конца и без края...» 443
«О, что мне закатный румянец...» 409
- «Пойми же, я спутал, спутал...» 409, 421, 443
- Бляхин П. А.
«Красные дьяволята» 118
- Боратынский Е. А.
«Осень» 600
- Боря, участник собрания в райкоме 164, 168–169, 174
- Борозина А. 402, 404, 422, 425
- Борька см. Корнилов Б. П.
- Брюсов В. Я. 280
«Глупое сердце» 266
«Золото» 252, 380
«Ключи тайн» 464
«Сладко скользить по окраинам бездны...» 269
«Туманные ночи» 302, 323, 343
«Я помню взор твой, смутно-длительный...» 269
- Булгарин Ф. В. 551
- Булыгов, одноклассник 146
- Бунин И. А. 280, 300, 301, 348, 417, 443
«Все темней и кудрявей березовый лес зеленеет...» 301, 304, 348, 443
«Митина любовь» 417
- Бурже П. 483, 502, 507
- Бух В. 430
- Бычкова В. 35, 36, 45–47, 52, 54, 73, 79, 81, 83, 93–95, 99, 100, 104, 108, 113, 115, 122, 124, 126, 127, 130, 153, 154, 171, 176, 179–181, 184, 191, 207, 227, 229, 235, 254, 281, 282, 306, 310, 335, 394
- В. В. 174
- В. В. Б., доктор 180
- В. Д. 417
- В. К. 174

- В. С.
«Прежде и теперь:
Агитпеса в 2-х актах» 82, 83
В. У. см. Устюхина В. А.
Валя см. Бычкова В.
Валя см. Герасимова В.
Валя см. Устюхина В. А.
Вассич-Лазарев Н.
«Товарищество “Неболет”:
Приключения молодого русского
воздухоплавателя» 44
Варя см. Некрасова В.
Вера см. Голинская В. П.
Вера см. Кетлинская В. К.
Вербицкая А. А. 187, 202
«Ключи счастья. Современный
роман» 202, 203, 205, 206
«Моему читателю.
Автобиографические очерки
с портретом автора и семейными
портретами: (Детство, годы
учения)» 187
Вересаев В. В. 241, 424
«В тупике» 278
«Живая жизнь» 241, 242
Виктор, родственник 207, 208, 256
Владимир Устинович, школьный
учитель 84
Владимир, священник 239
Власова П. 61, 145, 152, 154, 164, 166,
167, 169, 170, 172, 174, 178–180, 191,
193, 211, 213, 227, 249, 252, 254,
255, 304, 314, 336, 341, 413, 422,
433, 450
Войнич Э. Л.
«Овод» 123, 124, 165
Волкова О. 130, 147, 163, 165, 274
Вольфсон 211, 280, 283
Врубель М. А. 263
Г. см. Герасимова А.
Гамсун К. 236, 610
«Пан» 236
Гансмиidt И. Я. 126, 187, 191, 192, 196, 346,
347, 495
Гансмиidt Л. 154, 185, 187, 200, 223, 337–
338, 346, 471, 479, 481, 593, 597
Гансмиidt, семья 196, 197, 339
Гапон Г. А. 155
Гарик см. Степанов И. П.
Гаршин В. М. 452
Гаушман Г. 173
Гвоздовская Л. 242, 559
Гейне Г. 223, 465
Герасимова А. 34, 35, 37–39, 41, 44, 54, 61,
83, 98, 110, 122, 127, 141, 146, 176, 228,
242, 248, 258, 259
Гете И. 223
«Wahlverwandschaft» 223
Ги де Мопассан А. 502
Гиппиус З. Н. 551
Гитович А. И. 554, 584, 587, 589, 594, 598
«Чемпионы» 584
Глазачов С. А. 87
Гладков Ф. В.
«Цемент» 431
Глухов М. 404, 405, 420, 424
Глюк К. В. 223
Говард 223
Гоголь Н. В. 107, 341, 610
«Выбранные места из переписки
с друзьями» 610
«Мертвые души» 341
«Шинель» 558
Голинская В. П. 205, 480, 598
Голинские, семья 184, 478, 481, 494
Голинский А. П. 344, 346, 347, 478, 481, 494

- Голинский М. 183, 205
 Голинский П. П. 137, 183
 Голинский Фимка 501
 Голодный М. 315, 392
 Голубовская Н. И. 261
 Гьмер
 «Одиссея» 610
 Гончаров И. А. 106
 «Обломов» 176, 180
 «Обрыв» 106, 123
 «Обыкновенная история» 129
 Гор Г. С. 258, 259, 263–272, 274–282, 284,
 286–294, 297–300, 302, 303, 305–307,
 309–315, 318, 320, 323–329, 331–339,
 341, 343, 344, 346–349, 352–369,
 379–385, 387–393, 395, 397, 399,
 404–406, 416, 420, 421, 423, 448, 460,
 570
 Гораций 110
 Горбачева А. Т. 60–61, 128, 140
 Горчинский 315
 Горький М. 46, 223, 280, 405
 «Город желтого дьявола» 223
 «О первой любви» 405
 «Песнь о Соколе» 46
 Грекова К. 403
 Григорьев С. А. 157–159, 167, 178–182, 184,
 187, 188, 190, 191, 193, 194, 199–202,
 205–208, 240, 252, 279, 297, 333, 570
 Гринберг И. Л. 403, 424–425, 437, 480, 565
 Гриневская Л. 61, 68, 99, 108, 122, 135
 Гришечкина А. А. 452
 Грустилин А. Т. 100, 202, 205, 208, 557
 Грустилина А. Т. 127, 192, 204, 281, 337,
 344, 346, 347, 457, 495, 498, 500, 566,
 570, 585
 Грустилина В. Т. 200, 203, 206, 291, 332,
 336
 Грустилина М. И. 123, 184–185, 239, 432,
 477, 493, 500, 570
 Грустилины, семья Бергтольц М. Т. 39,
 59, 127, 128
 Грязнов И. П.
 «Искатели мозолей: Повесть
 о делах и приключениях
 красноборских ребят» 597–599
 Гужбовская Н. 52, 54
 Гумилев Л. Н. 580
 Гумилев Н. С. 404, 546, 560, 580
 «Жираф» 404
 «Мне снилось: мы умерли оба...»
 404, 405
 «Персидская миниатюра» 596, 607
 Гуря К., одноклассник 41
 Гута, Гутя 509, 510
 Гюго В. М. 153, 172
 «Постскриптум моей жизни» 135,
 136
 Д. Б. 190, 211, 228, 239, 252, 254, 256, 258,
 265, 269
 Д. В. см. Недачин Д. В.
 Данте А. 542
 Дзержинский Ф. Э. 442
 Диккенс Ч.
 «Оливер Твист» 233
 Димитрий Васильевич
 см. Недачин Д. В.
 Димка см. Недачин Д. В.
 Димочка см. Недачин Д. В.
 Добролюбов Н. А. 176
 Дорофеев 414
 Достоевский Ф. М. 227, 241–242, 280, 427,
 459, 486, 505, 600–601
 «Бедные люди» 211, 242
 «Белые ночи» 610

- «Бесы» 238, 241, 242, 247, 408, 504
 «Братья Карамазовы» 242, 483, 486, 496, 503, 504
 «Записки из Мертвого дома» 594, 600
 «Записки из подполья» 242
 «Идиот» 241–242, 247, 561, 604, 607
 «Кроткая» 241–242, 247, 281, 380, 381
 «Подросток» 242
 «Преступление и наказание» 232, 242
 «Униженные и оскорбленные» 242
- Дризо Л. Я.
 «Мы сегодня расстались с тобою...» 173
- Друзин В. П. 400, 423, 448, 487
 Дубасов Ф. В. 156
 Дулькевич Н. В. 400
 Дядя Володя см. Степанов В. Г.
 Дядя Георгий см. Степанов Г.
 Дядя Петя, сосед семьи
 Берггольц Ф. Х. 40–42
 Дядя Шура см. Грустилин А. Т.
 Дядя Сережа см. Иванов С.
 Дядя Толя 129
- Е. П. 205
 Е. П. см. Балдина Е. П.
 Е. П. см. Елена Павловна
 Евстигнеева О. 99, 100
 Егорова Л. 34, 36, 43–45, 58, 61, 63, 99, 113, 122, 127, 130
 Елена, знакомая Корнилова Б. П. 451, 454
 Елена Павловна, школьный учитель 35, 54
 Еремин И. П. 418, 550
 Ермаков В. В. 605
- Ермолов А. 476, 479–482, 484, 488–491, 494–508, 510, 525, 528, 531, 541, 546, 566, 574, 578, 579, 586, 592, 593, 597, 608, 610
 Есенин С. А. 283, 296, 301, 357, 383, 389, 424, 451, 499, 559
 «В этом мире я только прохожий...» 394
 «Все живое особой метой...» 362
 «Выткнулся на озере алый свет зари...» 390
 «До свиданья, друг мой, до свиданья...» 296, 312, 362, 455
 «Закружилась листва золотая...» 342, 381
 «Заметался пожар голубой...» 343
 «Кобыльи корабли» 301, 380
 «Мне грустно на тебя смотреть...» 343, 393
 «Не бродить, не мять в кустах багряных...» 389
 «Не жалею, не зову, не плачу...» 326, 343, 344, 389, 454
 «Песня» 394
 «Письмо к сестре» 394
 «Письмо матери» 393, 394, 559
 «По-осеннему кычет сова...» 364
 «Русь» 357
 «Синий май. Заревая теплынь...» 394
 «Ты такая ж простая, как все...» 393, 476
 «Хорошо под осеннюю свежесть...» 302, 342, 351, 370, 381
 «Черный человек» 455
 «Я покинул родимый дом...» 389
- Жаров А. А. 294–295, 302, 359, 361, 364
 «Азиаты» 294

- «Вечер» 294, 302, 308
 «Комсомолка» 294–295, 301, 305, 308
 «Ледоход» 302
 «Радость, радость...» 301–302
 Жироду Ж. 606
 Жуковский В. А.
 «Торжество победителей» 234
- Заборовский 170
 Замятин Е. И. 289
 Зексель Ю. 43, 44
 Зелинский Ф. Ф. 278
 Земковский 565
 Зиновьев Г. Е. 248
 Золя Э. 173, 300
 Зоннеры, семья 480
 Зоя 338
- И. А. см. Ампелогов И. А.
 И. Е. 139
 Ибсен Г. 223, 421
 «Когда мы, мертвые,
 пробуждаемся» 173
 «Пер Гюнт» 421
 Иван Александрович, школьный
 учитель 170–173, 175, 176, 178, 179, 227,
 235, 237, 315
 Иван Афанасьевич см. Ампелогов И. А.
 Иван Григорьевич, знакомый
 по даче 139
 Иван Иванович, школьный учитель
 34, 36, 46, 47, 52, 73, 102, 109, 127, 128,
 130, 144, 402
 Иван Яковлевич см. Гансмиidt И. Я.
 Иванов Г. В. 474, 512
 «Облако свернулось клубком...» 474, 512
 Иванов Д. И., художник, скульптор 36
 Иванов М. 81, 114
- Иванов С. 136, 137, 231, 400, 574
 Иванова В. Т. 104, 136, 137, 139, 140,
 194, 400
 Иванова Л. С. 173
 Иванова Т. С. 173
 Ивашка см. Ампелогов И. А.
 Игнатъева 352
 Игорь, знакомый по даче 133
 Ильян В. 174, 191
 Иосса Т., одноклассница 61, 63, 66
 Ирка см. Корнилова И. Б.
 Ирунька см. Корнилова И. Б.
- К. А. 180
 К. В. 201
 К. Р.
 «Умер, бедняга! В больнице
 военной...» 177
 Каверин В. А. 587, 604
 Кальнина, одноклассница 50
 Карунов В., знакомый по Глушино 344,
 349
 Кац Н. 611
 Кедо, докладчик 307
 Келлерман Б. 444
 «Братья Шелленберг» 444
 Кетлинская В. К. 590
 Киплинг Р. 612
 Кирхгоф Г. Р. 271
 Киршон В. М. 259
 Климин 488
 Ключев Н. А. 467, 476
 Ключевский В. О. 113
 Ковалевский М. М. 45, 113
 Коган П. С. 173
 Козлова Т. 35, 66, 68, 69, 70, 99, 109,
 140, 284
 Козловы, семья 101

- Кока с.м. Берггольц Х. Ф. 346, 353, 354, 356, 358–360, 362, 364, 366–368, 381–385, 387–393, 395, 403, 407, 414, 417, 424, 426, 434, 444, 462, 468, 491
- Коллонтай А. М. 148
- Колчак А. В. 86
- Кольцов А. В.
- «В золотое время...» 181
- Кольцов М. Е. 536
- Коля, сосед по даче 73, 76
- Конан Дойл А.
- «Приключения Шерлока Холмса» 106
- Корнилов Б. П. 260, 265, 268–270, 272, 276, 279, 284, 286–288, 290–293, 304–306, 308, 309, 321, 325, 326, 330–332, 334–336, 338, 343, 345, 346, 349, 355, 360, 363, 364, 367, 368, 385, 387–389, 392, 393, 395–407, 413–418, 420–426, 428–439, 444–454, 456–477, 479–492, 494–497, 499, 504, 507–511, 515, 535, 541–551, 553–571, 573–588, 590–593, 595–610
- «Барышник» 575
- «Волость» 583
- «Искатель приключений» 583
- «Лошадь» 260, 270, 272, 285, 423, 543
- «Маникюрша» 571, 572, 583
- «Начало культуры» 601
- «Окно в Европу» 304
- «Предводители полков» 600, 601
- «Старуха заплачет..И снова встарь...» 575
- «Терем» 326, 575
- «Тройка» 543
- Корнилов П. Т. 558, 569, 570
- Корнилова И. Б. 602–613, 621
- Корнилова Т. М. 574, 577–578
- Короленко В. Г. 280, 452
- Коссов А. Я. 279, 280, 292, 296, 302, 303, 305, 309, 313, 325, 330, 332, 335, 338, 346, 353, 354, 356, 358–360, 362, 364, 366–368, 381–385, 387–393, 395, 403, 407, 414, 417, 424, 426, 434, 444, 462, 468, 491
- Коцюбинский В. Т. 261–263
- Коцюбинский Ф. Т. 34, 37–38, 52, 56, 58, 128, 130, 140, 164, 170–171, 176–177, 191, 195, 241
- Карпинский В. А. 194
- Крапивный Д. П. 416
- Красин Л. Б. 442
- Крестная с.м. Грустилина М. И.
- Крестный с.м. Берггольц Х. Ф.
- Крупская Н. К. 194
- Кутель И. Р. 599
- Кудрявцев П. 340, 482, 484, 487–488, 495
- Кукушкин Н. 75
- Куприн А. И. 179, 280, 350
- «Молох» 179
- «Поединок» 179
- «Суламифь» 179
- «Яма» 179, 350, 398, 422
- Л. У. 201
- Лавренев Б. А.
- «Гравюра на дереве» 612
- Лавкрафт Г. Ф. 223
- Лаврухин Д. И. 180
- Лапшин И. В. 35, 40
- Левитина Ф. Д. 590, 591, 596, 597, 610
- Левоневский Д. А. 416, 429, 436, 438, 444, 448, 487, 589
- Ленин В. И. 85, 96–97, 127–128, 137, 153, 156, 167, 183, 194, 195, 208, 209, 212, 439, 588
- «Задачи союзов молодежи» 167
- «Развитие капитализма в России» 300

- «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» 300
 «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов» 300
- Леонардо да Винчи 403
- Лермонтов М.Ю. 43, 46, 49–50, 66, 600
 «Ветка Палестины» 61
 «Демон» 440
 «Кавказская колыхательная песня» 600
 «Маскарад» 61
 «Отчего» 359
 «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...») 46
 «Слышу ли голос твой...» 322, 325
 «Хаджи Абрек» 58
- Лесков Н.С. 610
- Либединский Ю.Н. 259, 295, 300, 359, 364, 464
 «Комиссары» 364
 «Неделя» 295, 300
- Лилина 38
- Лилина З.И. 124–125, 128, 148, 194
- Лист Ф. 261
- Лихарев Б.М. 305, 327, 416, 428, 430, 433, 435–439, 444, 445, 448, 453, 474, 487, 510, 511, 550, 571
 «Кино» 327
- Лоскутов М.П. 333
- Людовик XVI 120
- Ляшко Н.Н. 300
 «Глубинное дыхание» 301
 «Железная тишина» 301
 «Крепнущие крылья» 301
 «Льдина на Солнце» 301
- М.С., одноклассница 50, 58
- Малышев Л. 420
- Мама, мать см. Берггольц М.Т.
- Мандельштам Э.О. 474, 499, 587
 «В Петербурге мы сойдемся снова...» 492
 «Дано мне тело — что мне делать с ним...» 582
 «О поэзии» 587
- Мария Антуанетта 120, 121
- Марков, одноклассник 166, 169
- Марков С.Н. 594
- Маркс К. 167, 375, 439
- Марусенька С., учащаяся старших классов 38
- Маруся см. Чумандрина М.А.
- Маршак С.Я. 562, 594, 596–597, 612
- Масленников А. 305
- Мать см. Корнилова Т.М.
- Маяковский В.В. 283, 567
 «Юбилейное» 485
- Медведев П.Н. 589
- Мейерович М.А. 403
- Мейерхольд В.Э. 511
- Метерлинк М. 173, 223
- Микеланджело 403
- Минский Н.М.
 «Серенада» 351
- Митя-кавказец см. Крапивный Д.П.
- Мицкевич, одноклассник 146, 166, 169
- Мишин П. 75
- Мишины, соседи по даче в Оленино 75
- Мишка см. Либединский М.Ю.
- Мишка см. Чумандрин М.Ф.
- Модзалевский, одноклассник 83
- Молвейде К.Б. 169
- Молчанов А. 557
- Молчанов И.Е.
 «Было дело под Полтавой» 33

- Мольер Ж. Б. 107
 «Мнимый больной» 107
 Моран П. 604, 608
 Морозов, доктор 153
 Мотя 559
 Моцарт В. А. 256
 Мусенка, Мусенька см. Берггольц М. Ф.
 Муссолини Б. 232
 Муська см. Берггольц М. Ф.
 Мусюка см. Берггольц М. Ф.
 Мухин 307
 Мюрже А. 223
 «Богема» 223
 Мятлев И. П.
 «Как хороши, как свежи были
 розы...» 48
- Н. Ф. см. Нина Феодоровна
 Надсон С. Я.
 «Умерла моя муза» 188
 Наполеон 151, 222
 Недачин Д. В. 34–35, 42, 58, 61, 66, 76, 77,
 79–83, 87, 123, 171, 191, 235, 236
 Некрасов Н. А. 280, 478, 559
 «В полном разгаре страда
 деревенская..» 478
 «Мать» 465
 Некрасова В., одноклассница 176,
 179, 221, 237, 242, 248, 272–275, 281,
 282, 284, 293, 300, 306, 311, 323, 324,
 326, 327, 330–332, 334, 351, 356, 383,
 388
 Нерва 110
 Нерон 110
 Николай II 127, 155, 156
 Нин. Феод. см. Нина Феодоровна
 Нина Феодоровна, школьный учитель
 84, 87
- Нюра см. Герасимова А.
 Нюшка, дочь фельдшера 184
- О. П. см. Ольга Павловна
 Овидий 110
 Озеров А. 481–482, 494, 498, 499, 501, 503,
 505, 507
 Озеровы, семья 495
 Олеша Ю. К. 546
 «Зависть» 546
 Ольга Павловна, школьный учитель
 209, 258, 262, 316, 322
 Осипов 178
 Осипова В. 385
 Останин М. 354, 358, 392
 Островский А. Г. 274
 Островский А. Н. 66, 67
 «Свои люди — сочтемся» 66, 67
 Отец Александр 45
 Отец см. Берггольц Ф. Х.
 Отец см. Корнилов П. Т.
- Павлик, сосед семьи
 Берггольц Ф. Х. 40
 Павлюк см. Степанов П. Г.
 Пальмон Э. 344, 473, 479, 483, 484,
 487–491, 495, 499, 501–503, 574,
 593, 611
 Пантелеев Л. 357
 Папа см. Берггольц Ф. Х.
 Пастернак Б. Л. 499, 512
 «Не как люди, не еженедельно...»
 493, 512
 Пашковский Г. 289, 352, 381
 Петров А. 310
 Петров Б. 310, 312
 Петров, одноклассник 109
 Петровы, семья 310, 312

- Печковский Н.К. 247, 248, 260
 Пикфорд М. 210, 214, 229, 251, 253
 Пильняк Б.А.
 «Голый год» 323
 Писарев Д.И. 208, 227
 «Пушкин и Белинский» 208
 Писемский А.Ф. 610
 Плеханов Г.В. 587
 «Развитие общественной мысли»
 587
 По Э.А. 223
 «Линия» 223
 Полонская Е.Г. 402, 408, 427
 Попова Л.М.
 «Прощай, ну что ж тебе сказать...»
 355, 357, 455
 Портинару Б. 542
 Прево М. 499, 502
 «Полудевы» 499
 Приблудный И. 315, 435, 436, 437
 Пронина А. 274, 284, 286, 287, 290, 291,
 292, 298, 305, 309, 431
 Пруст П. 228
 Пугина А. 44, 50, 61, 93, 99, 110, 113, 122,
 146
 Пунька с.м. Пугина А.
 Пушкин А.С. 129, 209, 236, 352, 394, 595
 «Евгений Онегин» 286
 «Маленькие трагедии» 361
 «Поэт и толпа» 208
 Пшеничный 305
 Рабовенко, руководитель школьного
 театра 34
 Раменская Н., одноклассница 96, 124,
 176, 445
 Раскин 480
 Рассыпной, агроном 173
 Рахманов Л.Н. 584
 Ромейко, руководитель партшколы
 255–256, 258, 277, 278, 352
 Рубинштейн А.Г. 459
 Рубинштейн Б.В. 248
 Рыбкина, знакомая 200
 Рысс Е.С. 400, 402–403, 422–424, 494
 Рюрик, князь 74
 С.М. с.м. Серафима Михайловна
 Сазикова Е.А. 474, 475
 Сальвинчук 35
 Самсонова П. 310
 Санд Ж. 479
 Саша, соседка по даче 187
 Саянов В.М. 259, 367, 416, 417, 464,
 547, 589
 Светлов М.А. 413
 Свифт Дж. 545
 Сейфуллина Л.Н. 509
 «Правонарушители» 82, 509
 Семенов С.А. 166
 «Голод» 166
 Сенека 110
 Сеппар, одноклассник 37
 Серафима Михайловна, тетьа
 Ампелогова И.А. 59, 128, 172
 Сергей Александрович, курсист 95
 Сеткова Ю. 284, 383, 385, 391, 404, 413,
 425, 427, 466, 474, 494, 590
 Сима, подруга Берггольц М.Ф. 38
 Скаринко 572
 Скотт В. 223
 «Кенилворт» 223
 Смит О., одноклассница 79, 99
 Соколов 194
 Соловьев Б.И. 546
 Соловьев В.А. 293, 542, 546, 547

- Сологуб Ф. К.
 «Творимая легенда» 250
 Соф. Ил. см. Софья Ильинична
 Софья Ильинична 84, 87
 Станчинский В. А. 270, 280
 Степанов А. П. 114, 128, 143–144
 Степанов И. П. 46, 114, 128, 143–144
 Степанов В. Г. 38, 79, 125
 Степанов Георгий 101, 337, 400
 Степанов Григорий Григорьевич 200
 Степанов П. Г. 57, 78–79, 101, 140, 201
 Степанова З. 193, 197
 Степанова М. Н. 38, 58, 101, 127, 200–201,
 234, 239, 249, 254, 337
 Степанова Т. А. 46, 47, 48, 143
 Степановы, семья 127, 128, 143, 195, 201
 Степенина Т. А. 400, 415, 420, 427, 431,
 434, 447, 461, 474, 475, 483, 489–492,
 497, 509, 541, 542, 551, 559, 574, 578,
 585, 586
 Столпнер Б. Г. 496
 Стравинский И. Ф. 264, 275
 Сул-Грудзинский Э. А. 52, 55, 63, 81, 83,
 141, 195
- Т. А. см. Степанова Т. А.
 Т. Г., одноклассница 50
 Танюк см. Козлова Т.
 Таскин Б. А. 414, 416–418, 421, 422, 424,
 426–430, 434, 437
 Тася см. Грустилина А. Т.
 Тася см. Козлова Т.
 Твен М.
 «Принц и нищий» 233
 Тверяк А. А. 420, 572
 Тевелев М. Г. 367
 Теплов Н. 303, 311, 314–315, 334, 352, 357
 Тетя Валя см. Иванова В. Т.
- Тете Валя см. Челнокова В. Т.
 Тетя Варя см. Грустилина В. Т.
 Тетя Дуня, соседка по даче 73–76
 Тетя Лиза см. Берггольц Е. Х.
 Тетя Маня см. Степанова М. Н.
 Тетя Маша, соседка семьи
 Берггольц Ф. Х. 40
 Тетя Полина см. Горбачева А. Т.
 Титов В. 500, 507
 Титов Н. 500
 Титовы, семья 500, 501, 507
 Тихонов Н. С. 575
 «Полюбила меня не любовью...» 454
 Толстой А. К.
 «Князь Серебряный» 43
 Толстой А. Н. 236
 Толстой Л. Н. 140, 221, 222, 536, 554, 555,
 556, 572, 588
 «Анна Каренина» 227, 242, 251,
 551, 553, 555, 556, 603
 «Война и мир» 211, 220–222, 227,
 239
 «Детство» 52, 54
 «Крейцера соната» 223
 «Отец Сергей» 607
 «Отрочество» 52, 54
 «Три смерти» 222
 «Утро помещика» 211–212, 221
- Торский В.
 «Парижская коммуна: Поэма
 в стихах» 84
 Торцова 299, 311, 313, 315, 385, 391
 Троцкий Л. Д. 156, 460, 564
 Туманова А. 421
 Тургенев И. С. 131
 «Ася» 107
 «Бежин луг» 36
 «Записки охотника» 58, 131

- Тютчев Ф.И.
«Silentium» 464
- Уайльд О. 250
«Портрет Дориана Грея» 250
- Уварова А. 99
- Уваровы, знакомые
семья Берггольц 35
- Угланов В. 509
- Успенский Г.И. 280
- Устюхина В.А. 34, 35, 38, 41, 43, 50, 54,
58, 61, 83, 98, 104, 127, 141
- Уткин И.П. 361, 364, 511
«Повесть о рыжем Могале,
господине инспекторе, равнине
Исае и комиссаре Блох» 362, 365
«Стихи о дружбе» 398
- Ф. Т. см. Коцюбинский Ф.Т.
- Файвилович Г.А. 305
- Федоров А.Д. 415
- Феодосий Титович
см. Коцюбинский Ф.Т.
- Фербенкс Д. 210, 211, 213, 214, 220–222,
228, 229, 231, 234, 249–253, 256, 260,
267, 567
- Фет А.А. 236
«Добро и зло» 544
«Измучен жизнью, коварством
надежды...» 544, 561
- Фетисов 114
- Филонов П.Н. 414, 426
- Филька см. Анна Ефимовна
- Фима 546
- Фиш Г.С. 364, 369
- Флобер Г.
«Саламбо» 567
- Фомина, одноклассница 41
- Форш О.Д.
«Современники» 604
- Франс А.
«Восстание ангелов» 604
- Фрунзе М.В. 442
- Фурманов Д.А. 287
- Хевелев 287
- Хентов П. 263, 265, 273–274, 276, 279,
282, 305
- Хлебников В. 581, 594–595
«Заключение смехом» 283
«Уструг Разина» 594
- Хмельницкий С.И. 399, 425
- Ходасевич В.Ф. 549, 595
«Баллада» 595
«Друзья, друзья! Быть может,
скоро...» 549, 595, 606
«Психея! Бедная моя!» 596
«Тяжелая лира» 595
- Хомяк см. Левоневский Д.А.
- Христиановский, доктор 100
- Хрусталева-Носарь П.А. 156
- Царь см. Николай II
- Цензор Д.
«Ляля» 148, 238
- Чагин П.И. 562
- Чайковский П.И. 264
- Чапыгин А.П. 567
«Степан Разин» 567
- Чарская Л.А. 130
«Записки институтки» 104
- Челнокова В.Т. 279
- Челнокова П.Т. 564, 567
- Чехов А.П. 280
«Беззащитное существо» 387

- «Дядя Ваня» 612
Чириков Е. Н. 129
«Жизнь Тарханова» 129, 165
Чумандрин М. Ф. 259, 280, 304, 316,
353, 382, 416, 417, 434, 447–448,
457, 487, 511, 544, 550, 560–563,
572, 588
«Фабрика Рабле» 562
Чумандрин М. А. 417, 560–561
Чумандрины, семья 416, 560, 572
Чуркин А. Д. 587
- Шведов Я. З. 290–293
Шекспир У. 227, 356
«Трагическая история о Гамлете,
принце датском» 551
Шершеневич В. Г. 414
Шиллер И. Ф.
«Мировая мудрость» 238
Шильдкрет К. Г.
«Рожденные бурей» 211
Шимкевич К. А. 546–547, 551
Шкловский В. Б. 594
«Ход коня» 594
Шпильгаген Ф. 502
Штейман З. Я. 572
Шуман Р. 261
Шурик см. Степанов А. П.
- Щепкина-Куперник Т. Л. 148
- Э. А. см. Сул-Грудзинский Э. А.
Эггерт К. В. 256
Эдм. Адам. см. Сул-Грудзинский Э. А.
Эдмунд Адамович см.
Сул-Грудзинский Э. А.
Эйдук Я. Ю. 569
Элиот Дж.
- «Мельница на Флоссе» 223
Энгельгардт Б. М. 550
Эренбург И. Г.
«Любовь Жанны Ней» 598
Эрлих В. И. 584
- Юденич Н. Н. 86
Юзька см. Гринберг И. Л.
Юровская В. 425, 439
Юшкевич П. С. 496
- Яковлев М. Л.
«Кого-то нет, кого-то нет...» 182
Яновский см. Троцкий Л. Д.
Яскевич В., одноклассник 146, 256,
258, 265, 334

Содержание

<i>Т. М. Горяева.</i> К истории архива Ольги Берггольц	5
<i>Н. А. Стрижкова.</i> «Увидеть все живым, живым во плоти и противоречии...»: Дневники Ольги Берггольц, 1923–1929 гг.	16

Мой дневник

1923	31
1924	89
1925	161
1926	245
1927	411
1928–1929	539
Комментарии	623
1923	625
1924	644
1925	661
1926	684
1927	718
1928–1929	738
Именной указатель	752

Научное издание

**Берггольц
Ольга Федоровна**

**Мой дневник
Т. I
1923–1929**

Научную консультацию при составлении
комментариев оказывала *Н.А. Громова*

Куратор проекта *А.А. Евдокимова*
Редакторы *А.А. Комзолова, Н.С. Самбу*
Корректор *Н.С. Самбу*
Художественное оформление *М.А. Миллер*
Компьютерная верстка *М.А. Рогова*
Цветокоррекция *П.М. Ермаков*

ООО «Кучково поле»
119071, ул. Орджоникидзе, д. 10, оф. 420
Тел./факс: (495) 256 04 56
E-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 23.12.2016
Формат 165×210 мм. Гарнитура Trivia
Усл. печ. л. 56,16. Усл. печ. л. цв. вкл. 2,34
Тираж 2000 экз.
Заказ № 6097/17

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт»
170546, Тверская область, Промышленная зона Боролево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

